

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)

ISSN 2313-6871 (online)

Russian Migrations in Times of War and Peace

The Treatment of Peasants in the Pre-war USSR:
A Discussion

The Image of a Happy Childhood in the Soviet
Media

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 10 | 2022 | № 2

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620002, Россия, Екатеринбург,
ул. Мира, 19

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый науч-
ный журнал, сферой интересов которого
являются исследования в области культуры,
искусства, истории, лингвистики и лите-
ратуры России. Задача журнала – расши-
рить представления о российском гумани-
тарном дискурсе в пространстве мировой
науки. Приоритет отдается публикациям,
в которых исследуются новые исторические
и литературные источники, выполняются
требования академизма и научной объектив-
ности, историографической полноты и по-
лемической направленности. К публикации
принимаются статьи на русском, английском,
немецком и французском языках. Полнотек-
стовая версия журнала находится в свобод-
ном доступе на сайте журнала и размещается
на платформе Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) Российской универ-
сальной научной электронной библиотеки.
Полная информация о журнале и правила
оформления статей размещены на сайте:
<http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
Russia’s culture, art, history, literature and
linguistics. The journal aims to broaden the
idea of Russian studies within discourse in
the humanities to encompass an international
community of scholars. Priority is given
to articles that consider new historical
and literary sources, that observe rules of
academic writing and objectivity, and that
are characterized not only by their critical
approach but also their historiographic
completeness. The journal publishes articles
in Russian, English, German and French.
A fulltext version of the journal is available
free of charge on the journal’s website and
is published in the database of the Russian
Science Citation Index of the Russian Universal
Scientific Electronic Library. For more
information on the journal and about article
submission, please consult the journal’s
website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется
в *AHCI Web of Science, Scopus*.

The journal is indexed
in *AHCI Web of Science, Scopus*.

Адрес редакции: Уральский федеральный
университет им. первого Президента Рос-
сии Б. Н. Ельцина, Россия, 620000,
Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 260
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal
University named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin. Office 260, 51 Lenin Ave.,
620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr_editor@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Deputy Chief Editors* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS), Prof. **Tatiana Itskovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Executive Editor* – Prof. **Dmitry Timofeev** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); *Executive Secretary Associate* – Prof. **Alexey Antoshin** (Russia, Yekaterinburg, UrFU).
Translation Editors – Dr **Tatiana Kuznetsova** (section ed.; Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **James White** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Malcolm Spencer** (Russia, Yekaterinburg, UrFU)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Simon Dixon** (UK, University College of London); Prof. **Fulvio Franchi** (Argentina, State University of Buenos Aires); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Dmitry Katunin** (Russia, Tomsk State University); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Rina Lapidus** (Israel, Tel Aviv, Bar-Ilan University); Prof. **François-Xavier Nérard** (France, Pantheon-Sorbonne University); Dr **Vladislav Rjeoutsky** (Russia, German Historical Institute in Moscow); Prof. **Seo Sangbeom** (Republic of Korea, Busan University of Foreign Studies); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Angelina Vacheva** (Bulgaria, Sofia University "St Kliment Ohridski"); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington); Prof. **Paul Werth** (USA, Las Vegas, University of Nevada); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, St Petersburg Institute of History of RAS); Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Moscow, RGADA); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, HSE University); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A ; M University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History of RAS); Dr, Corresponding Member of RAS **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University)

Logo; cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); зам. главного редактора – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **Т. В. Ицкович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); выпускающий редактор – проф. **Д. В. Тимофеев** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); ответственный секретарь – проф. **А. В. Антошин** (Россия, Екатеринбург, УрФУ).

Редакторы перевода – доц. **Т. С. Кузнецова** (отв. ред.; Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **Дж. Уайт** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Спенсер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Вачева** (Болгария, Софийский университет Св. Климента Охридского); проф. **П. Верт** (США, Лас-Вегас, Университет Невады); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **С. Диксон** (Великобритания, Университетский колледж Лондона); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); к. ф. н. **Д. А. Кагунин** (Россия, Томский государственный университет); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **Р. Лапидус** (Израиль, Тель-Авив, Университет Бар-Илан); проф. **Ф.-К. Нерар** (Франция, Париж 1 Пантеон-Сорбонна); к. и. н. **В. С. Ржеуцкий** (Россия, Германский исторический институт в Москве); проф. **Со Санбом** (Республика Корея, Пусанский университет иностранных языков); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона); проф. **Ф. Франчи** (Аргентина, Университет Буэнос-Айреса)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербургский институт истории РАН); проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Москва, РГАДА); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории РАН); д. и. н., член-корр. РАН **И. В. Побережников** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

Логотип и дизайн обложки – **Константин Первухин**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Alexey Antoshin, Julia Zapariy, Larisa Soboleva. Hostages of Historical Conflicts and Utopian Projects 413

Alexey Antoshin, Julia Zapariy, Larisa Soboleva. Hostages of Historical Conflicts and Utopian Projects 413

Problema voluminis

Антропология бегства
и вынужденной миграции:
история и судьбы

The Anthropology of Escape
and Forced Migration:
History and Destinies

Artur Górák, Krzysztof Latawiec. The Evacuation of the Customs Administration from the Kingdom of Poland to Russia in 1914. . . 423

Artur Górák, Krzysztof Latawiec. The Evacuation of the Customs Administration from the Kingdom of Poland to Russia in 1914. . . 423

Sergey Smirnov. Русские эмигранты в Маньчжурии и японский новый порядок: крушение надежд 440

Sergey Smirnov. Russian Emigrants in Manchuria and the Japanese New Order: The Collapse of Hopes . . . 440

Mikhail Khodyakov. Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады 455

Mikhail Khodyakov. Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade 455

Alexey Antoshin, Julia Zapariy. Международная помощь беженцам в послевоенной Германии в оценках эмигрантов и перемещенных лиц из России и Советского Союза. 469

Alexey Antoshin, Julia Zapariy. International Refugee Aid in Postwar Germany as Evaluated by Emigrants and Displaced Persons from Russia and the Soviet Union 469

Marina Moseykina. Обустройство русских беженцев и перемещенных лиц в послевоенной Аргентине 485

Marina Moseykina. The Settlement of Russian Refugees and Displaced Persons in Postwar Argentina. 485

Sławomir Łukasiewicz. Intellectuals and the Cold War Exile – Framework of Analysis 501

Sławomir Łukasiewicz. Intellectuals and the Cold War Exile – Framework of Analysis 501

Benjamin Tromly. The Stalinist Political Culture of the Second Wave of the Russian Diaspora: A Case Study 515

Benjamin Tromly. The Stalinist Political Culture of the Second Wave of the Russian Diaspora: A Case Study 515

Тиражированное
советское детство

Soviet Childhood
Reproduced

Evgeniia Belskaia. Конструирование утопии о советском детстве в журнале *La Littérature internationale* 531

Evgeniia Belskaia. Constructing a Utopia about Soviet Childhood in *La Littérature internationale* 531

Anna Vyrupaeva. Спасительный трактор: пропаганда технического прогресса в советских изданиях для детей довоенного времени 545

Anna Vyrupaeva. The Rescue Tractor: The Propaganda of Technological Progress in Soviet Publications for Children before the Second World War. 545

Jakub Sadowski. Доброта и озорство: аксиология восприятия советской мультипликации. 558

Jakub Sadowski. Goodness and Mischief: On the Axiology of Perception of Soviet Animation 558

Витальность воображаемого
и «суровая действительность»

The Vitality of the Imaginary
and “Harsh Reality”

Taisia Paniotova, Maxim Romanenko. Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств 577

Taisia Paniotova, Maxim Romanenko. The Skill of Imagining the Future: The Utopian Dimension of Soviet Revolutionary Festivities 577

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Пушкарева, Александр Жидченко.
Сибирский эксперимент в истории
советского академического сообщества:
бытовой и гендерный аспекты 593

Ольга Турьшева. Гибель группы Дятлова
в литературной мифологии
и искусстве: от героизации –
к профанации трагедии 612

Дмитрий Христенко. Советская сельская
медицина довоенного периода
в оценке отечественных
и иностранных очевидцев 629

Сергей Затравкин, Елена Вишленкова.
О сельском здравоохранении в СССР,
или О качестве истории медицины . . 646

*Эльвира Сыманюк, Ирина Полякова,
Андрей Меньшиков.* Трансформация
семейных связей под влиянием
вспомогательных репродуктивных
технологий 657

*Евгений Анисимов, Татьяна Базарова,
Мария Проскурякова.* Указы Петра
Первого гвардии майору Андрею
Ивановичу Ушакову: новые
архивные данные 679

Temurmalik Kholmatov. I Am Suffocating and
Starving Without Interior Life:
Stepan Veselovskiy's Ethical Principles
While in Inner Emigration 697

Elena Bazhenova. Margarita N. Kozhina's
Way in Language Studies 709

Искандэр Магадеев. «Русский вопрос»
на конференции Антанты в Каннах . 723

Александр Вершинин. Несостоявшийся
союз: провал переговоров о советско-
французской военной конвенции
против немецкого реваншизма 739

Анна Меньшикова. Обыденные страхи
Страны Советов 757

Григорий Ханин. Советская экономика
в период надвигавшейся войны
и массового террора 766

Об авторах 781

Сокращения 790

CONTENTS

Natalya Pushkareva, Alexander Zhidchenko.
The Siberian Experiment in the History
of the Soviet Academic Community:
Everyday and Gender Aspects 593

Olga Turysheva. The Demise of the Dyatlov
Group in Literary Mythology and Art:
From Heroisation to Profanation of the
Tragedy 612

Dmitry Khristenko. Pre-War Soviet Rural
Medicine as Assessed by National
and Non-National
Observers 629

Sergei Zatravkin, Elena Vishlenkova. On Rural
Health in the USSR, Or On the Quality
of Medical History 646

*Elvira Symaniuk, Irina Polyakova,
Andrey Menshikov.* Transformation
of Family Ties as a Result
of Assisted Reproductive
Technologies 657

Origines

*Evgenii Anisimov, Tatiana Bazarova, Maria
Proskuryakova.* Decrees of Peter
the Great to Guards Major Andrei
Ivanovich Ushakov: New Archival
Data 679

Hereditas: nomina et scholae

Temurmalik Kholmatov. I Am Suffocating
and Starving Without Interior Life:
Stepan Veselovskiy's Ethical Principles
While in Inner Emigration 697

Elena Bazhenova. Margarita N. Kozhina's
Way in Language Studies 709

Disputatio

Iskander Magadeev. The Russian Question
at the Entente Conference in Cannes . 723

Aleksandr Vershinin. Failed Alliance:
The Failure of Negotiations on the
Soviet-French Military Convention
against German Revanchism 739

Controversiae et recensiones

Anna Menshchikova. The Everyday Fears
of the Country of the Soviets 757

Grigory Khanin. The Soviet Economy
at a Time of Impending War
and Mass Terror 766

On the Authors 781

Abbreviations 790

Hostages of Historical Conflicts and Utopian Projects

Utopia, the universe's light,
The poet-sage, rage in your prophecy, –
A day in radiance unseen,
Or an unprecedented night!

Nikolai Tikhonov. 1918

This issue of *Quaestio Rossica* offers important insights into themes that have often affected unexpected areas of life: the history of migration and the complex relationship between utopia and reality both during the Soviet period and in the present.

The *Problema voluminis* section covers refugees and forced migration in the history of Russia and other countries. Such a topic, in which political and historical events are closely intertwined with personal biographies, directs researchers to study the causes and key factors of this phenomenon, aiming to understand the psychological attitude and values of people who radically changed their lives, moving away from unfavourable circumstances and the socio-cultural environment in which they occurred. Our authors address the evacuation of the civilian population during the world wars of the twentieth century.

Artur Górak and *Krzysztof Latawiec* (Lublin, Poland) study the evacuation of customs offices from the Kingdom of Poland deep into the Russian provinces in the summer of 1914 as a premeditated process, proving that plans to move these structures to the east in case of war were evidently made as early as the end of the nineteenth century. *Mikhail Khodyakov* (St Petersburg, Russia) offers a look at the initial period of the Great Patriotic War and the Siege of Leningrad, showing the unpreparedness of the city authorities for the massive influx of refugees, which led to the death of a large number of people. The data in these articles convincingly demonstrate the close connection of the world wars with the emergence of new flows of international migration.

The evolution of the Russian diaspora in the Asia-Pacific region on the eve and during the Second World War, and the attempts of White émigrés to find their place within the Japanese Greater East Asia project, are reflected in the article by *Sergey Smirnov* (Yekaterinburg, Russia).

The author demonstrates that this project contained the threat of loss of national identity for Russian emigrants to Manchuria, so most had to abandon their initial integration strategies.

The Second World War had a particular impact on the formation of massive refugee movements in Europe, thus requiring an international response. *Alexey Antoshin* and *Julia Zapariy* (Yekaterinburg, Russia) analyze the perception of post-war Germany international refugee organizations among emigrants from Russia and the Soviet Union. This problem affected almost all continents after the Second World War. *Marina Moseykina* (Moscow, Russia), describing the role of Argentina in the reception of immigrants from Russia and the USSR, shows the changes in the country's migration policy towards these people under the influence of domestic policy and the international situation.

A number of authors focus on the axiological aspects of emigration. *Benjamin Tromley* (Tacoma, USA) analyzes the biography of V. V. Pozdnyakov, a Soviet officer who created the ideological justification for the fight against the Soviet Union in the Vlasov army; during the Cold War, he cooperated with the CIA. The article shows that as a flip side of his decisions, personal dissatisfaction pursued Pozdnyakov throughout his life. *Sławomir Łukasiewicz* (Lublin, Poland) analyzes émigré intellectuals from Central and Eastern Europe during the Cold War. The articles presented in this section show the ambiguity and multidimensional nature of forced migration, as well as its close connection with the specifics of the era in which a person has to make difficult life choices.

The issue's next topic offers a deliberation on the propaganda image of Soviet childhood. The magazine *La Littérature internationale*, published in Moscow in the early 1930s, created a utopian image of the ideal world of childhood in the Soviet Union, broadcasting it to Western countries, as *Evgeniia Belskaia's* (Moscow, Russia) article shows. Propaganda myths for children about amazing machinery, capable of protecting and changing the world around us, were created in the pre-war USSR, tuning children into an optimistic belief in the care of the all-mighty state and a better future. The rural tractor became a symbol of the movement to happiness, as *Anna Vyrupaeva* (Chelyabinsk, Russia) concludes in her article, based on an analysis of children's books.

Studies of childhood memories have led *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland) to argue for the indispensable role of Soviet animation in the formation of such memories. Feelings like mischief and especial kindness in relationships were vividly imprinted in the memory. Animation, as a genre of Soviet art, happily managed to avoid ideological directness, and so its best examples truly showed the "human face" of socialism to several generations.

Soviet propaganda is also discussed in connection with the dichotomy between an imagined "bright future" and "harsh reality" that broke and amended the initial belief in utopia. The development of this topic begins in the article by *Taisiya Paniotova* and *Maxim Romanenko* (Rostov-on-Don,

Russia) on the utopian semantics of Soviet revolutionary celebrations. Although this topic has been raised more than once, the authors manage to find their own approach – the manifestation of carnivalization as long-awaited freedom and a long-awaited new world. The study is based on an analysis of the utopian chronotope and the symbolic meanings of holidays. The article by *Olga Turysheva* (Yekaterinburg, Russia) on depictions of the tragic 1959 Dyatlov incident in literature and modern cinema unexpectedly comes into contact with the topic of Soviet heroism. The analysis of the artistic representations of the mysterious tragedy while most of the true evidence was concealed shows that this leads either to fantastic explanations of an ethnic or love-related origin or to a bigger conspiracy theory, and none of these explanations reveal the true tragedy of the young people who died in the northern Urals.

The journal's editorial board offers an unusual perspective on the history of rural medicine in the pre-war USSR. Various sources, and most importantly their academic study, have created a contradictory image of rural medicine for peasants during the forced collectivization of the 1930s. *Dmitrii Khristenko* (Yaroslavl, Russia) uses original sources, the memoirs of foreigners who visited Russia in the 1920s and 1930s. Comparing tsarist Russia and Soviet Russia, they argued in their writings about a fundamental difference in the situation of peasants, especially insisting on the emergence of medical services. To support his argument, the author draws on newspaper speeches and the reports of doctors' congresses. This opinion is opposed by *Sergey Zatravkin* and *Elena Vishlenkova* (Moscow, Russia); on the basis of statistics and other documents, the authors show the complexity of this problem, associated with the stratification of society and, accordingly, the stratification of medical care, which was directed by the state towards its own bureaucracy and large industrial centers and did not solve issues in the countryside. Together with propaganda texts, in their opinion, the publications of foreigners exaggerated the achievements of the Soviet regime, idealizing the position of provincial doctors and depreciating the need for medical care among the peasants.

Natalya Pushkareva and *Alexander Zhidchenko* (Moscow, Russia) address the history of another Soviet experiment: the creation of Akademgorodok, Russia's first scientific centre near Novosibirsk, in the late 1950s. Based on the memoirs of contemporaries, they recreate the features of everyday life and analyze female participation in science. In the context of the unprecedented scale of academic research, women received new options for applying their capabilities. The article also reveals the limitations that women encountered at the time, which often still remain in force in the academic world. *Elvira Symaniuk*, *Irina Polyakova*, and *Andrey Menshikov* (Yekaterinburg, Russia) discuss a new type of family relations caused by medical reproductive technologies. The development of opportunities to overcome infertility, in addition to unconditional positive effects, has had complex consequences for the family. These authors from Ural Federal

University try to understand the complexity of these consequences on the basis of interviews and various opinions.

We also encounter the science of the Soviet era and the fates of scientists in the *Hereditas: nomina et scholae* section. Here, the focus is on different generations, their different interests (history and linguistics), and their different geographical regions (Moscow and distant Perm). However, they were united by their love for science, which became the center of their lives, allowing them to preserve dignity and humanity in various conditions. Articles by *Temurmalik Kholmatov* (Moscow, Russia) about the historian Stepan Borisovich Veselovsky and by *Elena Bazhenova* (Perm, Russia) on Margarita Nikolaiyevna Kozhina, the founder of the Perm School of Stylistics, are a vivid confirmation of such devotion.

Soviet diplomacy, its successes, and miscalculations are presented in the *Disputatio* section. Diplomatic efforts aimed at introducing Russia into common European politics and the discussion of the “Russian question” at the Entente Conference (London and Cannes) of 1921–1922 are described by *Iskander Magadeev* (Moscow, Russia). The article by *Aleksandr Vershinin* (Moscow and Yekaterinburg, Russia) about the failure of Soviet-French negotiations on an anti-German convention continues to examine the history of interaction between Soviet and European diplomacy. Bearing in mind the further history of Europe, the author states that diplomatic misunderstandings come at great cost to humanity.

The *Controversiae et recensione*s section publishes articles reviewing recent books about the Soviet Union. *Anna Menshchikova* (Yekaterinburg, Russia) examines the book of anthropologists A. Arkhipova and A. Kirzyuk *Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR* (2020), noting its uniqueness in terms of using urban legends to understand Soviet everyday life. *Grigory Khanin's* article (Novosibirsk, Russia) analyzes with academic thoroughness the latest volume in a long-term work on the pre-war Soviet economy by British economists headed by R. Davis. Khanin not merely examines various aspects of the book, but also provides clarifying information that deepens academic understanding of crises in the Soviet economy.

Concluding the review of this issue, we cannot neglect the publication of new documents from the archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Related to the activities of A. I. Ushakov, the irreplaceable head of the early eighteenth-century Russian Secret Chancellery, these documents have been prepared for publication by *Evgenii Anisimov*, *Tatiana Bazarova*, and *Maria Proskuryakova* (St Petersburg, Russia). Zealous state service allowed Ushakov to remain at the head of the political elite for many years. The documents show the degree of trust in the authorities and the variety of Ushakov's activities from 1714 to 1721.

Alexey Antoshin, Julia Zapariy, Larisa Soboleva
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Утопия – светило мироздания,
Поэт-мудрец, безумствуй и пророчь, –
Иль новый день в невиданном сиянье,
Иль новая, невиданная ночь!

Николай Тихонов. 1918

В этом выпуске обсуждаются острые темы из истории миграции, сложного соотношения утопии и реальности в советском периоде и современности, затрагивающие подчас неожиданные сферы жизни.

Рубрика *Problema voluminis* открывается проблемой «Антропология бегства и вынужденной миграции: история и судьбы», ставшей актуальной в современном мире. Эта весьма болезненная тема сопровождает человечество на протяжении всей его истории, вызывая желание исследователей разобраться в причинах и ключевых факторах данного феномена, осмыслить психологические и ценностные установки людей, которые принимают решение радикально изменить свою жизнь, уйдя от неблагоприятных обстоятельств и той социокультурной среды, в которой они сформировались.

История XX в. дает богатейший материал для исследователей миграционных процессов. Авторы журнала неизбежно обращаются к проблемам эвакуации гражданского населения в условиях мировых войн XX в. Так, в статье *Артура Горака* и *Кишиштофа Латавеца* (Люблин, Польша) характеризуется эвакуация таможенных учреждений из Царства Польского вглубь России летом 1914 г. как заранее подготовленный процесс и доказывается, что планы по перемещению данных структур на восток в случае войны разрабатывались с конца XIX в. *Михаил Ходяков* (Санкт-Петербург, Россия) рассказывает о трагических страницах начального периода Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, показывая, что власти города оказались не готовы к массовому наплыву беженцев, что привело к гибели большого количества людей.

Материалы убедительно показывают тесную связь мировых войн XX в. с возникновением новых потоков международных миграций. Эволюция русской диаспоры в Азиатско-Тихоокеанском регионе накануне и в годы Второй мировой войны, попытки белой эмиграции найти свое место в рамках японского проекта Великой Восточной Азии отражены в статье *Сергея Смирнова* (Екатеринбург, Россия). Автор доказывает, что данный проект содержал для русской эмиграции в Маньчжурии угрозу потери национальной идентичности, поэтому большинство эмигрантов отказались от интеграционных стратегий.

Вторая мировая война оказала особое влияние на формирование массовых потоков беженцев в Европе, что потребовало международного ответа на данный вызов. *Алексей Антошин* и *Юлия Запарий* (Екатеринбург, Россия) анализируют восприятие эмигрантами из России и Советского Союза деятельности международных организаций

помощи беженцам в послевоенной Германии. Эта проблема затронула после Второй мировой войны практически все континенты. В статье *Марины Мосейкиной* (Москва, Россия), характеризующей роль Аргентины в приеме выходцев из России и СССР, показаны изменения миграционной политики страны в отношении этих людей под влиянием внутривосточной ситуации и международной обстановки.

Ряд авторов концентрируют свое внимание на аксиологических аспектах проблемы эмиграции. *Бенджамен Тромли* (Такома, США) анализирует жизненный путь В. В. Позднякова – советского офицера, которому выпало на долю идеологическое обоснование борьбы с Советским Союзом во власовской армии, а во время холодной войны – сотрудничество с ЦРУ. В статье показано, что личная неудовлетворенность как обратная сторона принятых решений преследовала его на всем жизненном пути. *Славомир Лукашевич* (Люблин, Польша) анализирует феномен интеллектуалов-эмигрантов из стран Центральной и Восточной Европы в годы холодной войны. Представленные в данной рубрике статьи показывают всю неоднозначность и многоаспектность такого феномена, как вынужденная миграция, его тесную связь со спецификой эпохи, в которую человеку приходится делать нелегкий жизненный выбор.

Следующая проблема посвящена советскому детству в его пропагандистской сути. Выпускавшийся в Москве журнал «Littérature internationale», как об этом повествует статья *Евгении Бельской* (Москва, Россия), во втором номере за 1934 г. подборкой материалов создавал утопический образ идеального мира детства в Советском Союзе, транслируя его в страны Запада. Пропагандистский миф об удивительной технике, способной защитить и изменить окружающий мир, создавался в довоенном СССР для детей, формируя в них оптимистическую веру в государственную заботу и лучшее будущее. Сельский трактор стал символом движения к счастью, на основе анализа детских изданий к такому заключению приходит *Анна Вырупаева* (Челябинск, Россия).

Исследования воспоминаний о детстве современников привели *Якуба Садовского* (Краков, Польша) к выводу о существенной роли советской мультипликации в формировании образа детства. Особенно ярко в памяти запечатлевались фильмы, в которых присутствовали мотивы озорства и особая доброта отношений. Этому виду советского искусства удалось счастливо избежать идеологической прямолинейности, его лучшие образцы по-настоящему стали произведениями с «человеческим лицом» для нескольких поколений.

Советская парадигма обсуждается в разных аспектах в связи с проблемой пропаганды светлого будущего и «суровой действительности», ломавшей и корректировавшей веру в утопию. Раскрытие темы начинается в статье *Таисии Паниотовой* и *Максима Романенко* (Ростов-на-Дону, Россия) об утопической семантике советских революционных празднеств. Хотя эта тема не раз поднималась в исследовательском ракурсе, авторам удастся найти свой поворот ее изучения – проявление карнавализации как долгожданной свободы и нового мира на основа-

нии анализа утопического хронотопа и символики в феномене праздника. Неожиданно соприкасается с темой осмысления советского героизма статья *Ольги Турышевой* (Екатеринбург, Россия), посвященная воплощению трагической гибели в 1959 г. туристов (группы Дятлова) в литературе и современном кино. Анализ художественных попыток показать трагедию в условиях сокрытия материалов приводит либо к фантастическим объяснениям этнического или любовно-интригующего толка, либо к конспирологической теории, отнюдь не раскрывающим подлинную трагедию погибших на Северном Урале молодых людей.

В неожиданном ракурсе редколлегии журнала удалось представить спор о судьбе сельской медицины в довоенном СССР. Различные источники, а главное, их научное осмысление создают разноречивый образ состояния сельской медицины и заботы о крестьянах в условиях насильственной коллективизации 1930-х гг. *Дмитрий Христенко* (Ярославль, Россия) привлекает неожиданные и оригинальные источники – воспоминания иностранцев, посетивших Россию в 1920–1930-х гг. Сопоставляя царскую Россию и советскую, они утверждали в своих сочинениях о наличии принципиальной разницы в положении крестьян, особенно настаивая на возникновении медицинского обслуживания, ранее не существовавшего. Для объективизации своего взгляда автором привлекаются тексты газетных выступлений и отчетов съездов врачей. Этому мнению противостоит статья *Сергея Затравкина* и *Елены Вишленковой* (Москва, Россия), в которой на основе статистики и документов иного рода показывается сложность проблемы, связанной с проявлявшейся стратификацией общества и, соответственно, медицинского обслуживания, направлявшегося государством на чиновничью бюрократию и крупные центры промышленности и не решавшей проблемы села. В совокупности с текстами пропагандистского характера, по их мнению, в выступлениях иностранцев происходило возвеличивание советского режима, сопровождавшееся явной идеализацией положения врачебного корпуса, и нивелирование крестьянских потребностей в медицине.

К истории советского эксперимента – созданию в конце 1950-х гг. первого в России научного центра под Новосибирском, получившего именование Академгородок – обращаются *Наталья Пушкарева* и *Александр Жидченко* (Москва, Россия). На основе воспоминаний современниц они воссоздают особенности бытовой жизни того времени и анализируют типы женского участия в науке. В контексте невиданного прежде размаха научного поиска женщины получили новые варианты реализации своих возможностей. В статье раскрываются и те ограничения, которые преследовали женщину и до сих пор сохраняют свою силу в научном мире. В работе *Эльвиры Сыманюк*, *Ирины Поляковой*, *Андрея Меньшикова* (Екатеринбург, Россия) публикуются размышления о новом типе семейных отношений, вызываемых медицинскими репродуктивными технологиями. Развитие возможностей преодоления бесплодия, помимо безусловно положительного эффекта, имеет сложные последствия для семьи

и потомства. В их переплетении на основании интервью и различных мнений разбираются авторы из Уральского университета.

С наукой советского времени и сложными судьбами ученых мы сталкиваемся в статьях из рубрики *Hereditas: nomina et scholae*. Перед нами разные поколения и разные сферы приложения сил – история и лингвистика, разные географические регионы – Москва и далекая Пермь. Но объединяет их любовь к науке, ставшей судьбой и всей жизнью, позволившая сохранить достоинство и человечность в различных условиях. Статьи *Темурмалика Холматова* (Москва, Россия) об академике, историке Степане Борисовиче Веселовском и *Елены Баженовой* (Пермь, Россия) об основателе Пермской стилистической школы Маргарите Николаевне Кожиной – яркое тому подтверждение.

Советская дипломатия, ее успехи и просчеты представлены статьями в рубрике *Disputatio*. Дипломатические усилия, направленные на вхождение в контекст европейской политики, и перипетии обсуждения «русского вопроса» на конференции Антанты (Лондон, Канны) 1921–1922 гг. рассматриваются *Искандером Магадеевым* (Москва, Россия) на основании архивных документов. Продолжением истории взаимодействия советской дипломатии и европейской стала статья *Александра Вершинина* (Москва, Екатеринбург) о провале советско-французских переговоров об антинемецкой конвенции. Памятуя о дальнейшей истории Европы, автор говорит о том, что уроки дипломатического непонимания дорого обходятся человечеству.

В рубрике *Controversiae et recensiones* публикуются статьи, в основе которых лежит обсуждение недавно вышедших книг о стране Советов. *Анна Меньщикова* (Екатеринбург, Россия) разбирает книгу антропологов А. Архиповой и А. Кирзюк «Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР» (2020), отмечая ее уникальность в плане материала (городские легенды) и новые повороты в осмыслении советской обыденности. В статье *Григория Ханина* (Новосибирск, Россия) с высокой научной тщательностью анализируется многолетняя работа по истории довоенной советской экономики английских экономистов, возглавляемых Р. Дэвисом. Г. Ханин не только рассматривает различные аспекты книги, но приводит дополнительные уточняющие сведения, углубляющие научные представления о кризисных явлениях советской экономики.

Завершая обзор номера, не забудем упомянуть публикацию *Евгением Анисимовым, Татьяной Базаровой, Марией Проскураковой* (Санкт-Петербург, Россия) новых документов из архива Санкт-Петербургского института истории РАН, связанных с деятельностью А. И. Ушакова – незаменимого главы Тайной канцелярии. Ревностное служение государству позволило ему оставаться во главе политической элиты на протяжении многих лет. Документы показывают степень доверия власти Ушакову и разнообразие его деятельности с 1714 по 1721 г.

Алексей Антошин, Юлия Запарий, Лариса Соболева
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Problema voluminis

THE ANTHROPOLOGY OF ESCAPE AND FORCED MIGRATION: HISTORY AND DESTINIES
SOVIET CHILDHOOD REPRODUCED
THE VITALITY OF THE IMAGINARY AND "HARSH REALITY"

Problema voluminis

АНТРОПОЛОГИЯ БЕГСТВА И ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ:
ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ТИРАЖИРОВАННОЕ СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО

ВИТАЛЬНОСТЬ ВООБРАЖАЕМОГО И «СУРОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ»

THE ANTHROPOLOGY OF ESCAPE AND FORCED MIGRATION: HISTORY AND DESTINIES

DOI 10.15826/qr.2022.2.679

УДК 94(4/5) + 327.51 + 339.543(470) + 339.543(438)

The Evacuation of the Customs Administration from the Kingdom of Poland to Russia in 1914* **

Artur Górak

Krzysztof Latawiec

Maria Curie-Skłodowska University,
Lublin, Poland

The customs administration in the Kingdom of Poland operated mainly in the borderlands. After the Triple Alliance was formed, it became obvious that both the German Empire and Austria-Hungary could be potential adversaries of Russia. The state administration in the Kingdom of Poland would be the most vulnerable to possible military conflicts. In the early 1890s, initial attempts were made to design evacuation protocols. The works continued until 1913 when they reached completion. In accordance with these guidelines, the customs administration was evacuated between July and August 1914. Customs offices and their personnel, along with their families, were transported further inland where they were supposed to await the positive outcome of the war, which, in contrast to expectations, never occurred. The way in which the evacuation of institutions managing the empire's western land border was planned and carried out raises several specific and more general questions. The authors focus on the approach to evacuation emphasizing its deliberate character, privileges of the hierarchy of officials, approach to archives, as well as the implementation itself and its effectiveness. Further on, the issue of planning the return of the Russian administration to these territories arose, which could be perceived as real belief in victory. The reconstruction of the subject of research is developed with reference to numerous archival sources from the archives of Poland,

---

* The present article was created as an outcome of the research project of the National Science Centre, Poland, no. 2015/19/B/HS3/01132, entitled Customs Administration in the Kingdom of Poland in the Years 1851–1914. Competences – Structures – People.

** *Citation:* Górak, A., Latawiec, K. (2022). The Evacuation of the Customs Administration from the Kingdom of Poland to Russia in 1914. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 423–439. DOI 10.15826/qr.2022.2.679.

Цитирование: Górak A., Latawiec K. The Evacuation of the Customs Administration from the Kingdom of Poland to Russia in 1914 // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 423–439. DOI 10.15826/qr.2022.2.679.

Ukraine, Latvia, Lithuania, and Russia, as well as printed sources: legislation, official departmental publications, and press articles. The work uses or refers to all the literature on the subject that deserves attention. As a result of the analysis of the planning, evacuation, and operation processes in Russia of the examined structures, it can be concluded that the plans were implemented quite accurately and effectively. The authors draw this conclusion after many years of research on the operation and evacuation of other Russian offices of the Kingdom of Poland. These evacuation customs offices operated in a limited number, waiting for the end of the war, but ironically, while escaping from an external enemy, they fell into the hands of an internal one as they served the Bolsheviks in creating their “instruments of power”.

Keywords: customs administration, Kingdom of Poland, evacuation, Russian Empire, office personnel

Российское таможенное управление в Царстве Польском действовало в основном в приграничных районах. В результате образования Тройственного союза стало очевидным, что и Германская империя, и Австро-Венгрия могут быть потенциальными противниками России. Государственная администрация в Царстве Польском более всех других подвергалась бы последствиям войны. В начале 1890-х гг. были предприняты первые попытки разработать протоколы эвакуации. Работы продолжались до 1913 г., когда достигли стадии завершения. На основании этих специальных указаний на рубеже июля и августа 1914 г. таможенные учреждения и их персонал вместе с семьями были перевезены вглубь страны, где они должны были ожидать положительного исхода войны, который, вопреки некоторым ожиданиям, так и не наступил. Планирование и проведение эвакуации учреждений, управлявших западной сухопутной границей империи, рождает ряд вопросов частной и более общей природы. Авторы акцентируют внимание на подходе к эвакуации, отмечая ее плановый характер, преимущества иерархии чиновников, отношение к архивам и успешность ее проведения. Позже возникает вопрос о планировании возвращения российской администрации на эти территории, что может быть воспринято как проявление веры в победу. Реконструкция предмета исследования произведена на широкой базе архивных и опубликованных источников. Работа освещает всю заслуживающую внимания литературу по предмету исследования. Авторы констатируют, что планы были достаточно четко и успешно реализованы. Такой вывод они делают на основании многолетних исследований деятельности и эвакуации других российских ведомств Царства Польского. Таможенные учреждения имели ограниченный штат, ожидая конца войны, но, бежав от внешнего врага, они попали в руки внутреннего – поспособствовали большевикам в их создании инструментов власти.

Ключевые слова: таможенное управление, Царство Польское, Российская империя, чиновники

The customs administration within the Kingdom of Poland, which constituted a part of the special Russian administration, has not attracted significant attention from researchers, neither from Poland, nor outside its borders. As a matter of fact, apart from the works of Konstantin Bokov [Бокoв, 2014; Бoкoв, 2012, p. 27–34], Krzysztof Latawiec and Artur Gorak [Górak; Гoрaк; Górak, Latawiec; Latawiec, Górak, Legieć, Bogdanow], it is futile to search for any other work relevant to this topic.

The western border of the Russian Empire was one of the most lucrative sources of profit for the Russian state. Moreover, the Russian customs administration's structure, as well as its activity, is full of interesting facts and items. Amongst the more distinctive are personnel policies within the territory of the Kingdom of Poland, the efficiency of the organisation and the influence of their employees on the forming of an office intelligence class in sparsely populated areas on the western edge of the Romanov territories. The termination and subsequent evacuation of these offices at the turn of July and August 1914, as well as their movement further inland of Russia's borders, were one of the most unique parts of their existence.

The Russian customs administration's structures on the territory of the Kingdom of Poland were founded in the first half of January 1851. Creating the system of the customs offices based on the framework for the Customs Service that had previously existed on the western border of the Empire for decades was executed via an ukase, an edict of the Russian Tsar, from 17 November 1850 [Ustawa, s. 6–7]. Naturally, this decree was nothing but a Customs Law for the Kingdom of Poland aimed at annexing that territory to the Russian Customs Administration network. It is worth highlighting that despite the appearance of a typical Russian administration, the Kingdom of Poland seemed to exhibit certain traces of independence, compared to other territories of the Empire. The Russian customs administration on the territory of the Kingdom of Poland operating from 13 January 1851 was divided into three administrative units: Kalisz, Wierzbolow and Zawichost. All the three were led by unit heads with their jurisdiction covering the customs offices represented by customs houses (*org. таможня*) of 1st, 2nd and 3rd class, customs sub-chambers (*org. таможенная застава*) and communication hubs within their respective territories [Ustawa; Górak, Latawiec, s. 92–95, 114–115, 143–145; Гoрaк, 2019, c. 116–123].

It should be highlighted that in the 1860s many significant structural changes occurred in the Russian Ministry of Finance. Instead of the previously mentioned Department of International Trade under the Ministry of Finance, on 7 November 1864 a new structure was created, called the Department of Duties and Tariffs under the Ministry of Finance (DDTMF) [Бyбнoв, c. 966–972]. All customs offices operating on the territory of the Kingdom of Poland were under direct or indirect command of the DDTMF head.

The most prominent customs administration reform in the Romanov Empire (including the Kingdom of Poland) occurred at the turn of 1912–1913. On 10 June 1912, Tsar Nicholas II signed an ukase sanctioning

a complete overhaul of the customs administration on the territories of the empire [Собрание узаконений, № 103, ст. 865, с. 1783–1786]. As a direct consequence, customs units were to be dissolved, their respective heads dismissed and, in their place, new inspectors were appointed with assigned districts. It had been decided that most of the already existing offices were to remain, including customs houses and customs sub-chambers. In regard to these two, the alterations were merely cosmetic. The lowest category of customs offices – the communication hubs – were replaced with a customs post. The Russian customs administration, in its new shape and form began its activity on 14 January 1913 [LVVA. Stock 545. List 2. Dos. 26b. Л. 244; ДАХО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1233. Л. 4; Личный состав Департамента таможенных сборов, с. 14–15, 17; Górak, Latawiec, с. 163].

How can we describe the customs administrative structures in the Kingdom of Poland on the eve of World War I? As previously stated, the scope of the General Governorate was divided between three district customs inspectors. Each of them had customs offices with one assigned category type out of four, customs houses of the 1st class, customs houses of the 2nd class, customs sub-chambers, and customs posts. The importance of each customs institution depended on their competence scope with regard to goods' tariffs as well as prearranged staffing levels¹.

It is worth highlighting the uniqueness of the personnel within these offices. It is important to distinguish three types of positions in the customs administration. The first group, referred to as Group 1 later in the text, consisted of the roles appointed directly by the director of the DDTMF with the consent of the finance minister. The second group was made of

¹ At the beginning of the summer of 1914, we can distinguish the following customs offices:

¹. The Vilnius Customs District (VCD) – Customs House (CH) Wierzbolow (*today's Virbalis*) 1st class 2nd category, CH Grajewo 1st cl. 2nd cat., CH Vincenta 2nd cl., CH Wladyslawow (*today's Kudirkos Naumiestis*) 2nd cl., CH Raczki 2nd cl., CH Filipow 2nd cl., Customs Sub-chamber (CSC) Bakalarzewo 2nd cl., CSC Bogusze, CSC Wysztyniec (*today's Vištytis*), CSC Dabrowa, CSC Kibarty (*today's Kybartai*), CSC Kirkily (*today's Kirkilai*), CSC Rakowek, CSC Romaniszki, CSC Tworki, CSC Upidamiszkki (*today's Tuniszki*), CSC Czarnowek, Customs Post (CP) Reszki and CP Peltzy.

². The Warsaw Customs District (WCD) – CH Aleksandrow 1st cl. 2nd cat., CH Szczypiorno 1st cl. 2nd cat., CH Sosnowiec 1st cl. 2nd cat., Herby 1st cl. 3rd cat., CH Mława 1st cl. 3rd cat. CH Wieruszow 1st cl. 4th cat., CH Niezawa 1st cl. 4 cat., CH Słupca 1st cl. 4 cat., CH Wilczyn 2nd cl., CH Gola 2nd cl., CH Dobrzyń 2nd cl., CH Zielon 2nd cl., CH Lubicz 2nd cl., CH Modrzejow 2nd cl., CH Osiek 2nd cl., CH Pyzdry 2nd cl., CH Piotrkow 2nd cl., CH Podleze 2nd cl., CH Praszka 2nd cl., CH Radziejow 2nd cl., CSC Boleslawiec, CSC Borzykow, CSC Gniazdow, CSC Gostynczyk, CSC Grodzisk, CSC Zakrzewo, CSC Karw, CSC Lezec, CSC Niezdara, CSC Podgrabow, CSC Skulsk, CSC Chorzele, CSC Czolnochow, CSC Czeladz, CSC Szczypiorno, CSC Janowo, CP Bobrowniki, CP Herby, CP Gnojno, CP Zychce, CP Czerwony Krzyz, CP Mława, CP Pęplowek, CP Polajewek, CP Służewo and finally CP Czołow.

³. South-Western Customs District (SWCD) – CH Granica 1st cl. 2nd cat., CH Baran 2nd cl., CH Dolhobyczow 2nd cl., CH Zawichost 2nd cl., CH Igolomia 2nd cl., CH Korczyn 2nd cl., CH Michałowice 2nd cl., CH Sandomierz 2nd cl., CH Tomaszow 2nd cl., CSC Krzeszow, CSC Lazeł Zaklikowski, CSC Niesulowice, CSC Opatowiec, CSC Podbelzec, CSC Podmajdan, CSC Rataje, CSC Sieroslawice i CSC Szyce. Moreover, the most prominent customs house on the Kingdom of Poland's territory was CH Warsaw 1st class, 2nd category, which was directly under the Director of the DDTMF [Личный состав Департамента таможенных сборов].

clerks, whose selection heavily depended on the customs district inspector (and before 14 January 1913 on the customs unit head) and the customs house director. Finally, the third group consisted of attendants, whose employment depended on the director of the customs house. Just before the breakout of World War I, we may have been only able to outline a rough guesstimate of staff members in the customs offices. However, based on the approved budget spend for DDTMF in 1914, and the distribution of lower ranking clerks, one can attempt an informed evaluation. The most credible number for office staff can be established for Group 1, defined earlier in this article. Based on the number of the office staff employed in the chancelleries of customs inspectors, customs houses, customs sub-chambers and customs posts, Group 1 in the Kingdom of Poland consisted of 497 office employees (VCD – 107, WCD – 247, SWCD – 71, CH Warsaw – 82). The number of chancellery clerks was at 540 (VCD – 116, WCD – 265, SWCD – 69, CH Warsaw – 76) while 828 people were employed at the lowest ranking position of attendant (VCD – 155, WCD – 439, SWCD – 111, CH Warsaw – 123) [LVVA. Stock 545. List 2. Dos. 27. P. 37 rev.side – 44; Личный состав Департамента таможенных сборов]. Thus, in total, 1865 staff members were employed in the customs administration structures.

The conflicting interests of superpowers on the European continent in the last two decades of the nineteenth century led to certain political and military alliances. Tsarist Russia, with its eternal political ambitions regarding control of the Black Sea straits and influence over the Balkan lands, found itself on a collision course with Austria-Hungary. The tensions arising due to these opposing interests in that part of Europe could have eventually developed into a military conflict. However, close collaboration of the Habsburg Monarchy with the German Empire could also lead to serious trouble for the Romanov Empire. Russia's western border (running through the Kingdom of Poland) was not strategically convenient. The Warsaw General Governorate was at risk of an abrupt occupation, in the event of a potential military conflict with the German Empire and Austria-Hungary and any concentrated attack on the region. Russian headquarters' staff members were aware of this predicament and their efforts were focused on the increase of military potential in this area. In consequence, this translated into increasing military forces and maintaining active fortifications on the territory [Dobroński].

On 1 April 1909, the Warsaw General-Governor issued a decree stating that the security of the state's finances was the main reason for moving further inland. Hence, the three customs units' heads (Vilnius CU, Warsaw CU and Radom CU), whose jurisdiction covered the territory of Warsaw General-Governate, were tasked with focusing on securing all fiscal assets, such as cash and bonds. Moreover, the Warsaw General-Governor allowed for transporting any valuables that would have enabled the enemy to make considerable gains of an either military or strategic character. Any remaining possessions were to be burned on the spot. In autumn 1909, various offices within the Kingdom of Poland employing civil servants were sent dedicated

evacuation questionnaires for themselves and their families. Heads of the Warsaw Military District demanded detailed information on the cargo (the departure railway station), the direction of evacuation (the chosen railway route: Vilnius–Peterburg, Siedlce–Polotsk–Bologoye, Baranovichi–Moscow, Luninets–Gomel, Sarny–Kiev, Kovel–Koziatyn–Kiev), the destination, number of adults, number of children, as well as the luggage weight (weighed in poods, one pood was equal to about 36 lbs). Similar documents were necessary to move state assets from their respective offices. The objective of the questionnaires was to create a foundation for a more detailed evacuation plan, as well as to assess the feasibility of the entire operation [РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1007. Л. 9–10; Latawiec, с. 43–44].

In parallel, similar attempts in this area were made by the Vilnius Military District, the structures of which were located in the Suwalki Governorate. This meant that, in the case of a military conflict breaking out, all civil servants were subordinate to this district's head. It is vital to keep in mind that on 24 December 1912, the deputy for the Vilnius Military District's head signed temporary guidelines for transporting state assets as well as staff members and their families in the event of a military conflict [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 5]. These procedures were to be upheld by, for example, customs offices in this governorate: CH Wierzbolow, CH Władysławow, CH Filipow, CSC Wysztyniec, CSC Raczki, CSC Reszki, CSC Bakalarzewo, CSC Kibarty, CSC Kirkily, CSC Rakowek, CSC Romaniszki, CSC Upidamiszki, and CP Reszki.

Both the General Headquarters Command and the Cabinet Ministers worked together on creating clear and accurate executive orders regarding preparations for military and civilian structures for military conflict. After months of consultations, a legal act named *Положение о подготовительном к войне периоде* was formed and accepted by Tsar Nicholas II on 2 March 1913 [РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1007. Л. 1–8 об.]. Due to its strategic importance, it was given a top confidentiality level and cannot be published in the Official Journal. The document was printed and handed over to chancelleries of central state administration institutions responsible for classified matters [ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3617. С. 31–33]. This regulation had key significance in terms of the guidelines to be passed on to state structures located in the borderlands on the eve of the military conflict. An appendix included a detailed plan to be implemented by each of the branches of the political apparatus. The local structures of the DDTMF, which are of interest to this article, were to act as follows:

<...>

12) Управляющие пограничными таможенными доставляют в штабы округов сведения об общем движении грузов через границу, в особенности продовольственных припасов и живого груза, и сообщают штабам округов имена лиц, подозреваемых в неблагонадежности и шпионстве. В случае экстренной необходимости передают их местной полиции для удаления из района. 13) Вывозятся из таможенных учреждений погра-

ничных районов денежные знаки и ценности в ближайшие казначейства внутреннего района с оставлением на местах лишь строго определенных сумм для удовлетворения мобилизационных и других потребностей. Таможенным учреждениям поручается принимать в уплату пошлин по возможности не наличные деньги, а квитанции Государственного банка. 14) Разрабатываются предположения о введении ограничительных мер по вывозу за границу лошадей, скота, хлеба и других припасов, необходимых для успешного ведения войны... [ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3617. С. 65; РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1007. Л. 5–5 об.].

The drafting of evacuation regulations for customs offices gained momentum in 1913. On 20 May 1913, the DDTMF composed a letter to its subordinate structures requesting an assessment of an estimated weight of moveable assets subject to transportation further inland within Russia. This input was essential to formulate the mobilisation of respective military districts. As per the guidance from the Interdepartmental Committee under the General Headquarters Command, it was crucial to keep in mind the fact that limited transportation options were available, while assessing the importance of state assets. After consulting the authorities of the DDTMF, the following were established as the key assets to be moved: a) financial means such as cash, credit bills and all types of bonds; b) unaudited documents and books; c) documents and cases imperative for the state treasury (mainly court and examining documents pertaining to cases infringing on state treasury interests, e. g. smuggling, proof of ownership, contracts, lease agreements, bookkeeping records); d) personnel data, excluding that which can be issued to employees; e) confidential correspondence with significance for the state (excluding any documentation concerning mobilisation matters, which was to be destroyed locally); f) seals used by customs [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 1–1 об.]. In the case of institutions of particular interest to this article, the primary responsibility for collecting essential information was shifted to the inspectors of the WCD, VCD and SWCD. Apart from noting the values for the weight of the overall assets, it was necessary to be able to match them with not only the military district, but also the governorate, as well as the region from which the customs office had its seat [Ibid.]. The objective and consequent result of this extensive project was collecting statistics outlining the scale of the potential operation. Information on customs staff members was retained for CH Wierzbolow. For this customs house alone, 87 employees with families, along with 34 unmarried employees, were to be transported further inland. In total, this would amount to 204 men and 87 women in possession of 200 poods (over 7200 lbs) worth of luggage. In case of necessity, 122 ad-hoc civilian horse carriages were to be sourced to support the move [Ibid. P. 3].

The assassination of Archduke Franz Ferdinand, heir to the Austro-Hungarian throne in Sarajevo, led to a breakdown of international relations in Europe. A fortnight after Vienna had issued the 30-day ultimatum to the Kingdom of Serbia did not bring the expected results. The determination

of Belgrade, emboldened by the promise made by the Russia's Romanovs, would lead to an outbreak of war in the Balkans. The customs administration of interest to this article, already prepared for such an eventuality and equipped with suitable means and guidelines, awaited the course of events.

On 28 July 1914, Austria-Hungary declared war on Serbia. On the very same day, the Austro-Hungarian armies entered Serbian territory. Even before invading Serbia, Russia embarked on decisive actions which can be considered as preparations for military manoeuvres against the Austro-Hungarians and Germans. For example, a protocol approved by the Tsar on 25 July 1914 pertaining to a special Council of Ministers' session from the day before which recommended mobilisation preparations in four military districts: Kiev, Odessa, Moscow, and Khazan, as well as the Baltic and Black Sea fleets. This also signified the application of regulations from 2 March 1913 [Особые журналы, с. 200]. The customs offices located in the Kingdom of Poland were telegraphed by the Minister of Finance, Peter Bark, and the DDTMF Director, Sergei Grinwald, on the night of 27 July 1914 requesting an immediate implementation of the aforementioned regulations [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 7–8, 23]. Regardless of the steps taken by Petersburg, the actions of the Warsaw General-Governor and the commander-in-chief of the Warsaw Military District, Yakov Zhilinsky, were quite perceptible. It was Zhilinsky who ordered the border control officers to ready the assets for transportation. The families of those officers were subject to the same requirements. Infantry patrols were replaced by mounted units [APL. Janowski Zarząd Powiatowy. Dos. 5. P. 1]. The exact same actions were taken by all customs offices in the borderlands within the Warsaw Military District.

One of the indications that the regulations from March 1913 had been put into action was the restriction of movement by customs offices. Hence, before noon, 28th July, a ban on issuing short-term tickets and passports was introduced that aimed at prohibiting Russian citizens from leaving the country [Kuryer Śląski, s. 3]. Despite such actions, roads and railways were still operating, although noticeably less frequently. Customs staff members were in a state of readiness. Measures were taken to execute a potential evacuation and, moreover, actions were accelerated due to rumours of the impending Austro-Hungarian invasion on Serbia. It is vital to mention that not all staff members were eligible for departure from the borderlands. The outbreak of the Balkan conflict coincided with a holiday period. Some employees, thus, benefitted from recreation or family leave away from the place of their employment [ДАОО. Ф. 201. Оп. 2. Д. 61. Л. 125].

On 29 July, the next day, the state finance administration structures located in the borderlands, including customs, began sending monetary means and bonds to Petersburg. The goods exchange on the borders came to a standstill from either road or railway routes. The institutions of interest to this article were prohibited from allowing horses and feed (such as hay, oats, or barley) to leave the country [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 14; Kuryer Śląski, s. 3; Gazeta Toruńska, 1914, № 173, s. 1]. Wherever an open

customs office was located on any of the communication routes, dedicated military units and Isolated Gendarmerie Corps officers were sent [APL. Janowski Zarząd Powiatowy. Dos. 5. P. 10–11; Czas, 1914, № 309, с. 3].

From the next day, all customs offices in the vicinity of the border worked in an unprecedented system. Staff members of those institutions along with their families were prepared for leaving their then place of employment despite the fact they were still performing their duties to a certain extent. Records and official documents were sorted and packed. One of the most peculiar circumstances concerned one of the more prominent customs offices in Kibarty – CH Wierzbolow. In the words of the Director of that institution, Vladimir Vysotski, in a telegram describing the events of 30 July to the Director of the DDTMF:

Таможня с семнадцатого бездействует, восемнадцатого рогатка закрыта. Германия русских пассажиров возвращает. В Россию отходит один поезд в сутки. Жители разбежались, съестные лавки и буфет закрыты. Чиновники удовлетворены содержанием пособиям. Губернатор (сувалкский. – А. G., К. L.) назначил вывоз документов двадцать первого июля. Распоряжения от командующего войсками нет. Положение критическое. Документы упакованы, сегодня грузу [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 10a].

Moreover, CH Wierzbolow, similarly to other customs houses (CH Aleksandrow, CH Mława, CH Sosnowiec, CH Herby, CH Grajewo, CH Szczypiorno and CH Granica) was quite well prepared. Through adjacent railway connections, they can swiftly transport both people and assets. The two dozen other offices had to make do with ad-hoc horse carriages for the delivery of customs staff members, their families and personal belongings, as well as state assets and records to the nearest railway station designated as a loading bay [APL. Janowski Zarząd Powiatowy. Dos. 5. P. 5–5 rev. side].

On 31 July 1914, the Warsaw Military District commander-in-chief declared the final evacuation of the customs offices in the borderlands. All further actions depended on his decision in that regard. This order was motivated by the initial concentration of military units taking the default positions for a potential attack on either German or Austro-Hungarian territories (which can also be used as defensive stance depending on the course of military actions). All customs offices' staff members were obliged to leave their place of employment after having secured the collection of state assets for transport. The last office employees, who according to the procedure were to be the last to leave, were the heads and supervisors as well as their closest associates [ГАРФ. Ф. 1459. Оп. 1. Д. 86; Ф. 1777. Оп. 1. Д. 94, 99]. The destination points for evacuees were places designated as temporary residences for the offices of interest to this article, at least during the point of drafting the procedures. During that time, the move of the customs offices from the borderlands was assumed not to be extensive, considering former military conflicts and assuming it would have led to a war no longer than a couple of months. The scope of customs

offices justified the decision to move them inland since re-establishing this civil service would only be possible after the international situation had calmed down. Furthermore, it is important to mention that the destination for the evacuees was not always consistent with the place indicated as a temporary residence for a staff member and their family.

During the design phase of the evacuation plans, it had been assumed that office staff members and their families would have been eligible for financial assistance for the time of travel. However, at the moment of the evacuation, the source of financing for these subsidies created some confusion. Directors of customs offices posted telegrams addressed to the director of the DDTMF requesting appropriate decisions on the issues arising from the move. In response, the DDTMF director sent the following telegram on 31 July:

Ввиду возбужденных таможенными вопросами сообщая к руководству нижеследующее... прекращение деятельности таможенных учреждений выезд чиновников и их семейств с выдачею последним пособий зависят от указания командующего войсками. <...> В случае получения указания могут быть выданы служащим суточные а их семействам пособия из кассовой наличности таможни а если таковой нет из местного казначейства... Размеры суточных и пособий нижеследующие... таможенным инспекторам и управляющим всеми таможенными учреждениями суточных три рубля и пособия семействам сто двадцать пять рублей прочие таможенные чиновники в штатных должностях от пятого до восьмого класса включительно суточных два рубля двадцать пять копеек и пособия семействам семьдесят пять рублей с девятого до четырнадцатого (класса. – А. Г., К. Л.) суточных рубль двадцать пять копеек пособия семействам пятьдесят рублей нижние чины и прочие служащие не исключая вольнонаемных суточных сорок пять копеек и пособия семействам двадцать пять рублей. Суточные выдаются рассчитывая в сутки... по железным дорогам триста верст и водою сто верст а по грунтовым дорогам пятьдесят верст. <...> ...Пособия выдавать по требовательным ведомостям с указанием, из какой кассы получены, а копии ведомостей представлять в департамент таможенных сборов и местную контрольную палату... <...> ...Вывоз государственного имущества учреждений и служащих с их багажом производится... железным дорогам вольным путем по предложениям для перевозки войск и воинских грузов а грунтовым на почтовых лошадях за прогоны и [на] обывательских подводах по правилам поставки для войск [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 31–33, 36].

As can be observed, the final go-ahead on the exact moment of departure for the Kingdom of Poland's customs office staff was dependent on the military district commander-in-chief. Unfortunately, no documents detailing the circumstances of transporting the office staff and their families from the borderlands in the Warsaw Military District to the pre-planned destination have survived.

On 31 July, when most of the Kingdom of Poland's custom offices were being evacuated, the circumstances were entirely different in the Suwalki Governorate, which as previously mentioned, was in the Vilnius Military District jurisdiction. On this day, the director of CH Wierzbolow sent the following telegram on the then circumstances in Kibarty:

Объявлена мобилизация... Досмотры прекратились... большую часть досмотрщиков [и] артельщиков призывают. Завтра отправляю документы [в] Москву, рабочих нет... нет возможности принимать заграничные товарные поезда. Поезд для семейств и служащих назначен завтра. Я... и часть чиновников уедем с последним поездом [Ibid. P. 25].

The tension was palpable since the concentration of Russian military units only fuelled local expectations of the war to come [Gazeta Toruńska, 1914, № 174, s. 2].

On 1 August 1914 at 7am, the German Empire declared war on the Russian Empire. The offices of interest to this article along with their staff subordinate to the Warsaw Military District commander-in-chief were meant to be on their way east. However, it is quite impossible to say why the staff of CH Lubicz remained in their posts on that day, and which had disastrous ramifications. On the day of the declaration of war by the Second Reich, the German army attacked the Russian controlled borderlands near the city of Torun. Both the towns of Aleksandrow Przygraniczny [Gazeta Toruńska, 1914, № 175, c. 1], as well as Lubicz, were seized on the first day of war, along with their customs offices. While CH Aleksandrow managed to successfully evacuate without any losses, the director of CH Lubicz, Peter Puchnarewicz, along with his associates (among others, Ivan Kociubko-Kociubukov, the Customs Warehouse Supervisor delegated from CH Dobrzyn) were captured [ДАОО. Ф. 201. Оп. 2. Д. 61. Л. 69–69 об.]². This was an isolated exception since, given the level of preparation for the evacuation, it should not have been the case. Sadly, the reason for their presence in Lubicz on 1 August 1914 is impossible to trace from the available evidence.

On the first day of the war, the evacuation from the borderlands within the Suwalki Governorate began with few of the lower ranking but secluded customs offices, without direct railway connection. However, in Kibarty, the staff members of CH Wierzbolow remained on duty. We can ascertain the activity during the final hours before the evacuation of this customs office from the report received by the DDTMF director. The CH Wierzbolow Director reported the following:

Ввиду объявления Германией войны России 19-го июля сего года действие вержболовской таможни было прекращено, причем казначей таможни надворный советник Мосино сдал мне всю наличность денег,

² The families of the captured office employees only gained the right to receive their salaries on their behalf in 1915 (based on the resolution of the Council of Ministers from 13 July, 1915 signed by the Tsar Nicholas II on 2 March the same year) [ДАХО. Ф. 378. Оп. 1. Д. 34. Л. 6].

хранившуюся в кассе таможни по 19-е июля в сумме 28279 р. 23 коп. и в ночь с 19 на 20-е июля помощн. бухгалтера губернский секретарь Леонович сдал мне под расписку в приходном журнале наличность денег вырученных... в сумме 177 руб. Всего получено мною денег для сдачи в казначейство 28456 р. 23 коп. Из сданных мне денег явилось крайняя необходимость произвести... расходы. 1. Выдано артельному старосте Колебову по счету за доставку... материалов потребных для отправки дел и книг вержболовской таможни в Киев 270 руб. 2. Помощн. секретаря Рыбасевичу выдано пособие согласно отношения Сувалкской казенной палаты 60 руб. <...> и 5. Выдано досмотрщику Суханову 75 руб. на путевые расходы по доставке вагона с грузом таможни в киевскую таможню. Всего израсходовано 583 руб. 65 коп. <...> Оставшиеся у меня на руках... 27872 руб. 58 коп. 24-го сего июля сдано мною в С. Петерб. казначейство... [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 41 rev. side -42 rev. side].

As per the available sources, CH Wierzbolow was evacuated between 2 and 3 August. Hours earlier (1 August) a consignment of ongoing and archival records for this customs house, escorted by the Suchan's customs attendant, was dispatched (in the same railcar) for Kiev, for temporary safekeeping in CH Kiev [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 42; Dos. 2. P. 50]. It is important to observe that a section of employees began to leave Kibarty from 31 July, since it brought no benefit keeping the full staffing for this office on site. This can be proven by the following announcement from the CH Wierzbolow director:

Сим объявляю гг. чиновникам таможни, что кто несвоевременно будет являться на службу по наряду и не находиться на месте, о тех будет немедленно по телеграфу сообщено Департаменту таможенных сборов с представлением об увольнении их от службы [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 44].

Was this announcement deliberate? It can be assumed that a similar approach was used by other directors of customs offices. Imposing the departure from the place of employment to the destinations indicated in the questionnaires due to the military invasion led to a dispersion of customs civil servants within the European part of Russia. The selection of a destination was based mostly on staff members' individual preferences. For example, it was necessary to declare if their choice was a place where they would stay with friends or family. Additionally, it was more likely to be within large urban areas with governorate status, and less likely a town of regional status.

As most staff members originated from further East in the Romanov empire, nearly all customs offices employees were to leave for central Russian governorates. Naturally, events at the turn August 1914 confirmed these assumptions. The extant sources indicate that staff members departed for, among others: Petersburg, Moscow, Riga, Kaluga, Yuryev (*today's Tartu*), Bela Cerkev, Priluk, Kamenskoje (*today's Kamianske*), and Yaroslavl. [ГАРФ. Ф. 1459. Оп. 1. Д. 86; Ф. 1777. Оп. 1. Д. 74, 83, 94, 99, 107; ДАОО.

Ф. 201. Оп. 2. Д. 61. Л. 299–299 об., 357]. However, there were some unusual exceptions. One example includes the peculiar case of the Director of CSC Podgrabow, Ignacy Kloczkovski. The head of this office had his roots in the Grodno Governorate and was a son of a priest of the Russian Orthodox Church. On the last day of July of 1914, I. Kloczkovski was transported to Bielsko in the Grodno Governorate. He remained in his hometown until at least the end of March 1915 [ДАОО. Ф. 201. Оп. 2. Д. 61. Л. 54].

It seemed obvious that any reconstruction of the customs offices in exile would take days or weeks. Moreover, the fact that they would not be entirely operating as usual was definitely taken into account. Staff members were given an appropriate amount of time for their families, as well as themselves, to reach their destinations safely.

The office staff and their families had received financial assistance to help them during the travel inland, as per the telegram of the DDTMF Director from 31 July [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 31–33, 36]. This fact alone allowed the administration structures to enjoy more convenient circumstances than the residents who were also affected by the military conflict and were forced to leave abruptly to save their lives and assets.

The only customs institutions which functioned without interruption in the Kingdom of Poland after the breakout of war were the WCD inspector and their chancellery, as well as CH Warsaw and the VCD inspector in Vilnius. On the opposite side of the spectrum was the chancellery of the SWCD. As the chancellery's seat was neighbouring the Austro-Hungarian border in Radyviliv, the inspector was transported to Berdiansk in the Taurida Governorate [ДАХО. Ф. 378. Оп. 1. Д. 34. Л. 3].

While coordinating the design phase of evacuation planning, the DDTMF along with the representative of the general administration and military districts' headquarters devised new locations for each of the customs offices in case of a potential military conflict. Considering the possibility of war against either Austria-Hungary or the German Empire, it was decided to place the offices in areas furthest from the borders with any of the aforementioned powers. Relatively large urban areas were chosen. These assumptions were executed, and the offices were relocated³. It is

³ Petersburg (Petrograd) – CH Aleksandrow, CH Radziejow, CH Herby, CH Sosnowiec, CH Wierzbolow, CH Wladyslawow, CH Raczki, CH Filipow, CSC Bakalarzewo, CSC Wysztyniec, CSC Kibarty, CSC Kirkily, CSC Rakowek, CSC Romaniszki, CSC Upidamiszki, CH Piotrkow, CP Czerwony Krzyz, CP Sluzewo; Moscow – CH Nieszawa, CH Mlawa, CH Dobrzyn, CH Lubicz, CH Osiek, CZ Zielun, CSC Chorzewek, CSC Karw, CSC Janowo, CP Peplowek, CP Mlawa and CP Gnojno; Taganrog – CH Szczypiorno, CH Granica, CH Modrzejow, CH Podleze, CSC Gniazdow, CSC Czeladz, CSC Niezdara, CP Herby, CP Bobrowniki and CP Zychcice; Odessa – CH Wieruszow, CH Wilczyn, CH Gola, CH Pyzdry, CH Praszka, CSC Gostynczyk, CSC Zakrzewo and CP Polajewek; Yaroslavl – CH Grajowo, CH Vincenta, CSC Bogusze, CSC Tworki, CSC Czarnowek, CSC Dabrowa, CP Pely and CP Reszki; Voronezh – CH Sandomierz, CH Zawichost, CH Baran, CH Igolomia, CH Korczyn, CH Michalowice, CSC Niesulowice, CSC Opatowiec, CSC Rataje, CSC Sieroslawice and CSC Szyce; Pskov – CH Slupca; Penza Governorate – CH Tomaszow, CH Dolhobyczow, CSC Krzeszow, CSC Lazek Zaklikowski, CSC Podbelzec and CSC Podmajdan; and finally Nizhny Novgorod oblast – CSC Grodzisk [ГАРФ. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 852; Д. 854; Справочник об эвакуированных; Список адресов, с. 104–110].

important to make note that in August 1915 the inspector of the WCD along with their chancellery were moved from the capital of the Warsaw General-Governorate to Odessa [Wiedeński Kuryer Polski, s. 4].

From the moment the evacuation of the customs offices began, their personnel structures dismantled. Some of the lower-ranking chancellery employees, casual wage stenographers and customs attendants, largely drawn from the class of peasant proprietors, became subject of the general mobilisation or enlisted voluntarily due to their reservist status [ГАРФ. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 59; Ф. 1459. Оп. 1. Д. 108. Л. 8; Ф. P-1041. Оп. 1. Д. 852; Д. 854. Л. 11–13 о6., 20; LVVA. Stock 4935. List 3. Dos. 28. P. 9; Dos. 31. P. 11; Dos. 57. P. 9]. It is important to highlight that chancellery employees were temporarily excused from military service in order to strengthen the office services in auxiliary units embedded on the front or directly involved in military operations. Similarly, a CH Aleksandrow employee, Basil Borozdin, began his duties in the Osowiec Fortress Commissariat Command on 31 July 1914. The Assistant Customs Warehouse Supervisor of CH Sosnowiec, Leonard Sojda, was appointed at a warrant officer rank in the 117th Yaroslavl Infantry team [ГАРФ. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 14. Л. 31 о6. –33; Ф. 1777. Оп. 1. Д. 112. Л. 3–4]⁴. Customs attendants conscripted on 31 July and 1 August were excused from their regular posts [ГАРФ. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 59; Ф. 1459. Оп. 1. Д. 12. Л. 41; Д. 28. Л. 44; Д. 203. Л. 13; Д. 291; Ф. 1777. Оп. 1. Д. 5].

However, among customs attendants there were a few who were not serving within inland Russia. After the evacuation on 31 July or 1 August, they did not report for duty on 14 November 1914. Therefore, they were discharged [ГАРФ. Ф. 1459. Оп. 1. Д. 14. Л. 4; Д. 15. Л. 10; Д. 16. Л. 15; Д. 17. Л. 6]⁵.

The evacuation of offices was equivalent to their suspension. As per the procedures, the assets to be transported from the Kingdom of Poland were (besides the office personnel) the letters and documentation pertaining to unsettled cases; documents concerning state treasury such as ongoing investigation files regarding breaches of customs law (smuggling, illegal crossing); proprietary documents (acquiring properties for customs departments, lease agreements for any properties used by the customs department); accounting files (account books, correspondence); employee personnel files; secret correspondence [LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1. P. 1–1 rev. side]. The analysis of the remaining records of the customs offices from the Kingdom of Poland which are kept in Russia's state archives (Moscow, Petersburg), in Lithuania (Vilnius), and in Ukraine (Odessa) seem to confirm the DDTMF guidelines were followed at the turn of August 1914, in terms of protecting the documentation for the then ongoing cases and activities [РГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1105; Ф. 133. Оп. 1. Д. 208; ГАРФ.

⁴ In July, 1915, B. Borozdin ended up in the chancellery of the Commissariat Command of the 5th Military Corps.

⁵ Such occurrences can be observed e. g. in the CH Herby.

Ф. 1263. Оп. 1. Д. 64; Ф. 1459. Оп. 1. Д. 241; Ф. 1777. Оп. 1. Д. 38; ДАОО. Ф. 222. Оп. 1. 4; LVIA, Stock 1051. List 1. Dos. 5].

The analysis of the extant sources seems to indicate that the DDTMF had adopted a well-thought-out strategy regarding the customs offices in the Kingdom of Poland and their evacuation. It was known that it would have been futile to retain full staffing in the temporary locations of the customs offices. The lower-ranking offices were to close temporarily. These decisions affected the customs houses of the 2nd class, customs sub-chambers, and customs posts. The documentation subject to evacuation was deposited in the archives of the WCD, VCD and SWCD [ГАРФ. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 852; Д. 854]. In stark contrast, the opposite approach was taken with regards to customs houses of the 1st cl. (four categories) as well as customs districts' inspectorates. Considering the competence scope of these offices, it was decided to uphold their service in a reduced capacity. These institutions, located unfavourably under the circumstances, had limited staffing. Retaining even the bare minimum of employees (the customs house director, deputy director and a handful of clerks) was indispensable for maintaining contact with the DDTMF and other state administration institutions.

The evacuation of the customs offices from the Kingdom of Poland was accomplished without issue. It offers an indication of the highest evacuation preparedness level of the guidelines in place and their subsequent execution. As a result, it proved the only special administration structure that was not severely affected by the evacuation. The main customs offices (chancelleries of the district customs inspectors, customs house of 1st cl.) quickly returned to service, naturally in a reduced capacity, within inland Russia. These aforementioned offices were in service until the close of 1918, when they were either transformed into customs offices under the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) or terminated. Additionally, from the beginning of August 1914, the transported customs office employees served as auxiliary support in the customs administration organisations located across the Russian Empire, which also did not suspend their regular activity throughout the war.

Список литературы

Боков К. И. Структура таможенных органов России во второй половине XIX – начале XX веков // История государства и права. 2012. № 22. С. 27–34.

Боков К. И. Становление и развитие таможенного дела и таможенного законодательства в России в XIX – начале XX века. М. : Проспект, 2014. 170 с.

Бубнов Р. С. Департамент таможенных сборов Министерства финансов в системе государственной власти (1864–1914) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. № 7 (52). С. 966–972.

ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 3617; Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1, 14, 59, 64; Ф. 1459. Оп. 1. Д. 7, 12, 14–17, 28, 108, 203, 241, 291; Ф. 1777. Оп. 1. Д. 1, 5, 38, 74, 83, 94, 99, 107, 112, 119; Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 852, 854.

Горак А. Государство и мобилизация общественных сил: борьба с чумой рогатого скота в Российской империи в XIX – начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 30–37. DOI 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-30-37.

- ДАОО. Ф. 201. Оп. 2. Д. 61; Ф. 222. Оп. 1. Д. 12.
 ДАХО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 1233; Ф. 378. Оп. 1. Д. 34.
 Личный состав Департамента таможенных сборов и учреждений таможенного ведомства : По сведениям до 9 января 1913 года. СПб. : [Б. и.], 1913. XII, 214 с.
 Особые журналы Совета министров Российской империи 1909–1917 гг. 1914 год. М. : РОССПЭН, 2006. 698 с.
 РГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1105; Ф. 133. Оп. 1. Д. 208; Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1007.
 Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1912. № 103. Ст. 865.
 Список адресов эвакуированных правительственных и общественных учреждений и должностных лиц. М. : [Б. и.], 1916. 118 с.
 Справочник об эвакуированных правительственных, общественных и частных учреждениях и заведениях и о должностных лицах. Пг. : [Б. и.], 1916. 137 с.
 APL. Janowski Zarząd Powiatowy. D. 5.
 Czas. 1914. № 309.
 Dobroński A. Dyslokacja wojsk rosyjskich w Królestwie Polskim przed I wojną światową // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. 1976. T. 20. S. 241–284.
 Gazeta Toruńska. 1914. № 173–175.
 Górak A. Забытая российская администрация – Правление российских таможенных и торговых дел в Варшаве 1818–1822 // *Res Historica*. 2021. № 51. С. 339–371. DOI 10.17951/rh.2021.51.339-371.
 Górak A., Latawiec K. Rosyjska administracja specjalna w Królestwie Polskim 1839–1918. Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2015. 212 s.
 Kuryer Śląski. 1914. № 171.
 Latawiec K. Ewakuacja organów administracji ogólnej wyższego i niższego szczebla guberni lubelskiej w sierpniu 1914 roku // *Radzyński Rocznik Humanistyczny*. 2002. T. 2. S. 43–55.
 Latawiec K., Górak A., Legieć J., Bogdanow S. Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. Słownik biograficzny. Tom 2. Ministerstwo Finansów. Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2016. 382 s.
 LVIA. Stock 1051. List 1. Dos. 1, 5.
 LVVA. Stock 545. List 2. Dos. 26b, 27; Stock 4935. List 3, Dos. 28, 31, 57.
 Ustawa celna dla Królestwa Polskiego. Warszawa : [S. n.], 1851. 643 s.
 Wiedeński Kuryer Polski. 1915. № 326.

References

- APL [State Archive in Lublin]. Janowski Zarząd Powiatowy. Dos. 5.
 Bokov, K. I. (2012). Struktura tamozhennykh organov Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [The Structure of the Customs Authorities of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Istoriya gosudarstva i prava*. No. 22, pp. 27–34.
 Bokov, K. I. (2014). *Stanovlenie i razvitie tamozhennogo dela i tamozhennogo zakonodatel'stva v Rossii v XIX – nachale XX veka* [Formation and Development of Customs and Customs Legislation in Russia in the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, Prospekt. 170 p.
 Bubnov, R. S. (2019). Departament tamozhennykh sborov Ministerstva finansov v sisteme gosudarstvennoi vlasti (1864–1914) [Department of Customs Duties of the Ministry of Finance in the System of State Power (1864–1914)]. In *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii*. No. 7 (52), pp. 966–972.
 Czas. (1914). No. 309.
 DAKhO [State Archive of Khmelnytskyi Region]. Stock 309. List 1. Dos. 1233; Stock 378. List 1. Dos. 34.
 DAOO [State Archive of Odessa Region]. Stock 201. List 2. Dos. 61; Stock 222. List 1. Dos. 12.
 Dobroński, A. (1976). Dyslokacja wojsk rosyjskich w Królestwie Polskim przed I wojną światową. In *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Vol. 20, pp. 241–284.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 110. List 4. Dos. 3617; Stock 1263. List 1. Dos. 1, 14, 59, 64; Stock 1459. List 1. Dos. 7, 12, 14–17, 28, 108, 203, 241, 291; Stock 1777. List 1. Dos. 1, 5, 38, 74, 83, 94, 99, 107, 112, 119; Stock R-1041. List 1. Dos. 852, 854.

Gazeta Toruńska. (1914). No. 173–175.

Górak, A. (2018). Gosudarstvo i mobilizatsiya obshchestvennykh sil: bor'ba s chumoi rogatogo skota v Rossiiskoi imperii v XIX – nachale XX v. [The State and the Mobilisation of Social Forces: The Fight against Rinderpest in the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 4 (61), pp. 30–37. DOI 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-30-37.

Górak, A. (2021). Zabytaya rossiiskaya administratsiya – Pravlenie rossiiskikh tamozhennykh i torgovykh del v Varshave 1818–1822 [Forgotten Russian Administration – Board of Russian Customs and Trade Affairs in Warsaw 1818–1822]. In *Res Historica*. No. 51, pp. 339–371. DOI 10.17951/rh.2021.51.339-371.

Górak, A., Latawiec, K. (2015). *Rosyjska administracja specjalna w Królestwie Polskim 1839–1918* [Russian Special Administration in the Kingdom of Poland 1839–1918]. Lublin, Wydawnictwo UMCS. 212 s.

Kuryer Śląski. (1914). No. 171.

Latawiec, K. (2002). Ewakuacja organów administracji ogólnej wyższego i niższego szczebla guberni lubelskiej w sierpniu 1914 roku. In *Radzyński Rocznik Humanistyczny*. Vol. 2, pp. 43–55.

Latawiec, K., Górak, A., Legieć, J., Bogdanow, S. (2016). *Naczelnicy organów rosyjskiej administracji specjalnej w Królestwie Polskim w latach 1839–1918. Słownik biograficzny. Vol. 2. Ministerstwo Finansów*. Lublin, Wydawnictwo UMCS. 382 s.

Lichnyi sostav Departamenta tamozhennykh sborov i uchrezhdenii tamozhennogo vedomstva. Po svedeniyam do 9 yanvarya 1913 goda [Personnel of the Department of Customs Duties and Institutions of the Customs Department. According to Information until January 9, 1913]. (1913). St Petersburg, S. n. XII, 214 p.

LVIA [Lithuanian State Historical Archive]. Stock 1051. List 1. Dos. 1, 5.

LVVA [Latvian State Historical Archive]. Stock 545. List 2. Dos. 26b, 27; Stock. 4935. List 3, Dos. 28, 31, 57.

Osobye zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii 1909–1917 gg. 1914 god [Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire 1909–1917. 1914]. (2006). Moscow, ROSSPEN. 698 p.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 128. List 1. Dos. 1105; Stock 133. List 1. Dos. 208; Stock 1282. List 1. Dos. 1007.

Sobranie zakonov i rasporyazhenii pravitel'stva [Collection of Laws and Orders of the Government]. (1912). No. 103. Art. 865.

Spisok adresov evakuirovannykh pravitel'stvennykh i obshchestvennykh uchrezhdenii i dolzhnostnykh lits [List of Addresses of Evacuated Government and Public Institutions and Officials]. (1916). Moscow, S. n. 118 p.

Spravochnik ob evakuirovannykh pravitel'stvennykh, obshchestvennykh i chastykh uchrezhdeniyakh i zavedeniyakh i o dolzhnostnykh litsakh [Directory of Evacuated Government, Public and Private Institutions and Institutions and Officials]. (1916). Petrograd, S. n. 137 p.

Ustawa celna dla Królestwa Polskiego. (1851). Warszawa, S. n. 643 p.

Wiedeński Kuryer Polski. (1915). No. 326.

The article was submitted on 22.02.2022

Русские эмигранты в Маньчжурии и японский новый порядок: крушение надежд*

Сергей Смирнов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Russian Emigrants in Manchuria and the Japanese New Order: The Collapse of Hopes

Sergey Smirnov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

In imperial studies, the inclusion of diasporic groups, fragments of vanished empires, into newly formed imperial spaces remain considerably underexplored. This article is devoted to the problem of the integration of the Russian emigrant colony into the multinational community of the quasi-sovereign state of Manchukuo (1932–1945), which was a product of Japanese pan-Asian imperial construction. The option of integrating emigrants with the status of a national-cultural autonomy into the society of early Manchukuo generally suited the emigrant community. This option of maximum integration corresponded with the special role of emigration as the heir of Russian colonisers of the Manchurian region and the bearer of the mission of preserving Russian culture in exile. Very quickly, the integration process ran into an insurmountable contradiction between the ideal model of organising Manchukuo on the principles of national-cultural federalism and the real imperial practice of governing the peoples ruled by Japan. Japanese pan-Asian nation-building, which after the late 1930s turned towards the creation of a single East Asian nation, began to threaten emigration with the loss of national identity. This threat, along with the forcible politicisation and mobilisation of the colony to solve Japan's imperial problems, intensified protective tendencies in the

---

* *Citation:* Smirnov, S. (2022). Russian Emigrants in Manchuria and the Japanese *New Order: The Collapse of Hopes*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 440–454. DOI 10.15826/qr.2022.2.680.

Цитирование: Smirnov S. Russian Emigrants in Manchuria and the Japanese *New Order: The Collapse of Hopes* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 440–454. DOI 10.15826/qr.2022.2.680 / Смирнов С. Русские эмигранты в Маньчжурии и японский новый порядок: крушение надежд // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 440–454. DOI 10.15826/qr.2022.2.680.

emigrant environment and contributed to some emigrants refusing integration strategies. Almost the only successful example of the inclusion of emigrants into Manchukuo society was the so-called frontier integration of the Russian Cossack population of Sanhe Qu (so-called Three-River Region) bordering the USSR. Another important factor that stimulated the refusal of emigrants to integrate was the growth of pro-Soviet patriotism during the Great Patriotic War. The article is based on materials from periodicals and other print media of Russian emigrants in China, documents from emigrant organisations and Japanese special services, and emigrant ego-documents.

Keywords: Russian emigration, pan-Asianism, imperial consciousness, integration, Manchukuo, Japan

Малоизученными в имперских исследованиях (Imperial Studies) остаются процессы включения диаспоральных групп, осколков исчезнувших империй, во вновь образуемое имперское пространство. Статья посвящена проблеме интеграции русской эмигрантской колонии в многонациональное сообщество квазисуверенного государства Маньчжоу-го (1932–1945), являвшегося продуктом паназиатского имперского конструирования Японии. Исследование основано на материалах периодических и других печатных изданий русской эмиграции в Китае, документах эмигрантских организаций и японских спецслужб, эмигрантских эго-документах. Предложенный на раннем этапе существования Маньчжоу-го вариант включения эмигрантов в сообщество народов нового государства в статусе национально-культурной автономии в целом устраивал эмигрантскую общину и соответствовал особой роли эмиграции как наследницы русских колонизаторов маньчжурского края и носительницы миссии сохранения русской культуры в изгнании. Процесс интеграции столкнулся с непреодолимым противоречием между идеальной моделью организации Маньчжоу-го на принципах национально-культурного федерализма и реальной имперской практикой управления Японией подопечными народами. Паназиатское нациестроительство Японии, с конца 1930-х гг. повернувшееся к созданию единой японизированной восточноазиатской нации, стало угрожать эмигрантской колонии, и без того полупринудительно политизированной и мобилизованной для решения японских имперских задач, утратой национальной идентичности. Это активизировало охранительные тенденции в эмигрантской среде и способствовало отказу значительной части эмигрантов от интеграционных стратегий. Едва ли не единственным успешным примером включения эмигрантов в общество Маньчжоу-го явилась фронтальная интеграция русского казачьего населения приграничного с СССР Трехречья. Другим важным фактором, стимулировавшим отказ эмигрантов от интеграции, был рост просоветского патриотизма в эмигрантской среде в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: русская эмиграция, паназиатизм, имперское сознание, интеграция, Маньчжоу-го, Япония

Создание в марте 1932 г. на северо-востоке Китая под эгидой Японии «независимого» государства Маньчжоу-го положило начало реализации японского паназиатского проекта – объединения народов Восточной Азии с целью освобождения от империалистического гнета и достижения высокого уровня общественного прогресса. Японский «новый порядок» стал серьезным вызовом для русской эмиграции, сформировавшейся в Китае после российской революции 1917 г. и Гражданской войны и насчитывавшей в начале 1930-х гг. свыше 100 тыс. чел. По сути, эмиграции, идейной наследнице русского (западного) империализма, был предложен проект интеграции в строящуюся федерацию восточноазиатских наций, требовавший существенной трансформации сознания эмигрантов.

Изучение «ответа» эмигрантского сообщества, чье сознание во многом оставалось имперским, на паназиатский (империалистический) вызов Японии представляется наиболее плодотворным в контексте так называемых имперских исследований (Imperial Studies), активно применяемых при анализе имперских практик Российской и Японской империй [Ремнев; Схиммелпеннинк ван дер Ойе; Duara; DuBois; Hotta]. Источниками нашего исследования послужили материалы периодической печати и различных печатных изданий эмиграции, документы эмигрантских организаций и японских спецслужб, эмигрантские эго-документы.

Деятельность России на северо-востоке Китая на рубеже XIX–XX вв. стала пиком в развитии русского империализма. Строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и освоение маньчжурского края преследовали не только экономические и политические цели, но и реализовывали цивилизаторскую миссию Российской империи как носительницы идеи прогресса и передовой западной культуры [Ремнев; Схиммелпеннинк ван дер Ойе; Chiasson]. Сформированная рядом двусторонних российско-китайских соглашений зона площадью свыше 1300 км² вдоль прохождения КВЖД – полоса отчуждения – имела многие признаки колониального владения [Друзьяка].

Падение Российской империи, крах белого движения и «антиимпериалистическая» позиция пришедших к власти в России большевиков предоставили китайским властям благоприятную возможность для демонтажа российских империалистических институтов в Маньчжурии. Демонтаж осуществлялся администрацией так называемых трех восточных провинций во главе с маршалом Чжан Цзолинем, лидером мукденской милитаристской группировки, и являлся частичным и компромиссным [Chiasson]. Во-первых, маньчжурские власти были вынуждены учитывать мнение держав-концессионеров, и без того обеспеченных создавшимся прецедентом, демонстрируя способности «цивилизованно» управлять иностранцами и сохранить высококвалифицированные кадры из числа русских, которые были необходимы для экономического развития края и усиления армии. Во-вторых, установление совместного советско-китайского управления КВЖД (1924)

лишало администрацию Особого района трех восточных провинций (ОРВП), которая являлась переходной формой управления на территории бывшей полосы отчуждения, полной самостоятельности. Фактический поворот советской России к колониальной практике в Маньчжурии, что противоречило советской интернациональной риторике, обеспечил сохранение в крае мощного российского присутствия, этносоциальной базой которого являлось русскоязычное население, и привел к обвинению большевиков со стороны части китайской интеллигенции в политике «красного империализма».

В процессе реформирования в ОРВП была сформирована гибридная система правового регулирования, русские служащие были представлены в системе охраны правопорядка и армии. В сферах образования, культуры и религии эмигрантская колония сохранила высокий уровень автономии. Русские (советские и китайские подданные) по-прежнему занимали доминирующее положение в структурах железной дороги, играли важную роль в промышленно-аграрной и торговой сферах Маньчжурии [Белоглазов].

Мероприятия маньчжурской администрации в ОРВП стали первым серьезным вызовом для бывших российских «империалистов», но не имели реального потенциала для интеграции русских эмигрантов в местное общество. Русские, ранее пользовавшиеся особыми правами, как и все иностранцы в Китае, были причислены к разряду «иностранцев», подчиненных китайским законам, и часто позиционировались в качестве «гостей», к которым китайское государство в период бедствий, постигших их страну, проявило сострадание и участие, что указывало на временный характер их пребывания на китайской территории. Из-за нежелания китайской администрации и давления на китайцев советской стороны эмигранты не получили права учредить официальное представительство, которое бы отстаивало их интересы перед китайскими властями. Достаточно простая процедура принятия китайского гражданства в ОРВП, не требовавшая натурализации, рассматривалась русскими как вынужденная мера и не являлась интеграционной стратегией [Наземцева, с 139].

Другими факторами, препятствовавшими интеграции русских в китайское общество, являлись его культурно-религиозная чуждость и традиционная закрытость, опасения эмигрантов в отношении политического заигрывания маньчжурской администрации с большевиками и ее неспособность в случае войны, как показал советско-китайский вооруженный конфликт на КВЖД 1929 г., отразить советскую агрессию.

Но главное – сознание членов эмигрантского сообщества, а также значительной части местных советских, оставалось во многом имперским, что усугублялось мотивом особой миссии – сохранения национальной культуры в изгнании для дальнейшего ее возвращения на родину. Китай воспринимался русскими как страна отсталая, слаборазвитая, что выражалось в политической нестабильности,

отсутствии современной системы управления и правовых норм, зачаточном состоянии современного производства и инфраструктуры, низком уровне жизни значительной части коренного населения и «нецивилизованности» нравов [Смирнов, 2012]. Наоборот, влияние на Китай России как части передового западного мира по-прежнему позиционировалось в характеристиках «прогресса» и «развития» [Иванов, с. XV; Исторический обзор, т. 1, с. 1, 2].

Появление на территории Маньчжурии «независимого» государства Маньчжоу-го (с 1934 г. – Маньчжурская империя) явилось результатом перехода Японии к новой стратегии развития, имевшей паназиатскую природу. В раннеимперский период (конец XIX – начало XX в.) Япония в целом следовала западной модели империализма, выделяя себя среди азиатских соседей не только национальной исключительностью («дух Ямато»), но и приверженностью западным идеям прогресса и цивилизации. Именно в этих характеристиках позиционировала свою деятельность в Маньчжурии полугосударственная компания «Мантэцу», управлявшая Южно-Маньчжурской железной дорогой. После Первой мировой войны, положительные результаты которой для Японии были почти сведены к нулю Вашингтонской конференцией (1922), японский империализм приобрел антиимпериалистический характер [Hotta, p. 108, 112]. Развернулась пропаганда объединения имеющих общие этнокультурные и духовные основания восточноазиатских народов, способного привести к выдворению как западного, так и советского империализма из Восточной Азии.

Согласно основополагающим документам Маньчжоу-го, новое государство строилось на фундаменте паназиатского по духу объединения пяти равноправных наций – маньчжуров, китайцев (хань), монголов, японцев и корейцев, руководствовавшихся конфуцианским принципом *ван дао* [Сборник законов, с. 5]. В терминах современного нациестроительства государственное объединение пяти наций должно было осуществляться на базе принципа национально-культурного федерализма. Для осуществления идеи мирного сотрудничества народов Маньчжоу-го (*gozoku kyowa*) в деле строительства нового государства было создано общество «Киовакай» (*кит.* «Сехэуи» – «Общество согласия»), единственная общегосударственная идеологическая, культурная и политическая организация, охраняющая дух основания государства.

Значительная часть русских эмигрантов первоначально позитивно отнеслась к созданию нового государства. С ним связывали реализацию надежд, так и не осуществленных при китайской администрации: наделение эмигрантов правами национального меньшинства согласно статуту Лиги Наций, упорядочение налоговых обязательств наряду с другим населением Маньчжурии, право участия в правительстве и муниципалитете, учреждение центрального русского представительства, свободное поселение на землю [Наземцева, с. 216]. В эмигрантской прессе высказывались предположения о вхождении русских

в качестве шестой нации в состав содружества наций Маньчжоу-го, изгнании с железной дороги большевиков [НПА. Pin (I. S.) clipping collection, 1931–1932]. Япония позиционировалась как «культурное» государство, в отличие от Китая, союзник России и белого движения в Первой мировой и Гражданской войнах, единственная держава, готовая открыто противостоять коммунизму, со стороны которой эмигрантские антибольшевики могли получить поддержку [Голос России, 1932, № 11, с. 6; Грядущая Россия, 1934, № 14, с. 2].

Однако вскоре прояпонский пыл в эмигрантской массе существенно охладел. ОРВП сохранил свой особый статус, изменилось только название – Особый район Северной Маньчжурии (существовал до 1936 г.), и были существенно сокращены полномочия главноначальствующего. В Токио не хотели жесткой конфронтации с СССР и всемерно подчеркивали дружественные отношения между Маньчжоу-го и Советским Союзом. Поэтому эмигранты не получили ни особого статуса, ни представительства. Включение русских в федерацию народов Маньчжоу-го в качестве еще одной нации противоречило доктрине паназиатизма, поскольку не имело под собой ни этнокультурных, ни религиозных оснований [DuBois, p. 69].

Японцы видели решение правовых проблем в переходе эмигрантов в подданство нового государства. С такой инициативой выступило в 1932 г. созданное в Мукдене и претендовавшее на статус общеэмигрантского Русское общество в Маньчжурии и Монголии, в состав руководства которого входили связанные с японцами лица. Однако этот демарш был воспринят политическими кругами эмиграции как национальное предательство, и общество, не получив поддержки эмигрантской массы, вскоре распалось [Мелихов, с. 266–269]. В итоге за эмигрантами сохранился правовой статус иностранцев, постоянно проживающих на маньчжурской территории и подчиненных законам Маньчжоу-го, а также имеющим одинаковые со всеми другими категориями населения привилегии и защиту прав со стороны государства [Сборник законов, с. 5].

Снижению уровня эмигрантских надежд способствовал и хозяйственный кризис в Маньчжурии, усугублявшийся вооруженным японо-китайским противостоянием, особенно на востоке ОРВП, а также усилившаяся экономическая экспансия Японии. Внутренняя обстановка в колонии (прежде всего в Харбине) накалилась, чему особенно способствовал вопрос объединения эмиграции, актуализируемый как эмигрантскими, так и японскими политическими кругами.

Наибольшие «дивиденды» от создания Маньчжоу-го получили антисоветские политические круги эмиграции, занявшие ведущее положение в колонии, особенно те организации, которые видели в Японии единственного союзника в борьбе против большевистского режима. Главной прояпонской силой эмиграции в Маньчжоу-го стал сформированный в 1932–1933 гг. альянс Русской фашистской партии, Дальневосточного союза казаков и части легитимистов, сто-

ронников великого князя Кирилла Владимировича. Именно под их руководством и при непосредственном участии японских спецслужб осуществлялся процесс консолидации эмиграции, завершившийся в середине 1930-х гг. после ухода из Маньчжурии Советского Союза. Другие политические организации эмиграции, имевшие руководящие центры в Европе и проявившие недостаточную лояльность в отношении Японии, были ликвидированы, а их активные члены выдворены за пределы Маньчжоу-го.

Консолидация эмиграции рассматривалась японскими властями как обязательное условие для максимально полного использования потенциала эмигрантской колонии в строительстве нового государства, что хорошо показывает доклад начальника Японской военной миссии (ЯВМ) в Харбине полковника Комацубара Мититаро о важности политики покровительства белым русским в Маньчжоу-го (1933) [Русская военная эмиграция, с. 391–394]. Пример русских эмигрантов должен был демонстрировать позитивные изменения в отношении властей нового государства ко всем иностранцам, права которых якобы попирались староманьчжурской администрацией, и способствовать формированию привлекательного образа Маньчжоу-го в среде русской эмиграции всего мира и общественности западных стран. Кадровый потенциал и опыт эмигрантской колонии в экономическом и культурном развитии Северной Маньчжурии должны были найти применение в экономической модернизации и повышении качества государственной обороны Маньчжоу-го. Наконец, эмиграцию предполагалось использовать в качестве инструмента давления на Советский Союз [Там же], чей уход из Маньчжурии, помимо реализации пропагандистских целей – избавления от «красного» империализма, открывал Японии широкие возможности для экономического освоения края и укрепления ее национальной безопасности.

Из трех направлений работы по использованию потенциала русской эмиграции меньше всего реализовалось первое. Маньчжоу-го не было признано международным сообществом, а часть эмигрантов, являвшихся членами запрещенных японцами организаций или «обиженных» новой властью, развернула ожесточенную критику Маньчжурской империи в эмигрантских центрах Северного и Восточного Китая [ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 565. Л. 28. Д. 46234. Л. 1, 4; Лешко; Статьи М. Колосовой]. Между тем японцы не отказались использовать пример русской эмиграции в Маньчжоу-го в качестве пропаганды мирного сотрудничества западного и восточных народов.

Казалось бы, с середины 1930-х гг. перед эмигрантами открылись благоприятные условия для интеграции в общество Маньчжоу-го на принципах национально-культурного федерализма. Эмиграция в лице созданного в декабре 1934 г. в Харбине Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) получила собственный официальный орган, представлявший ее интересы перед властями империи. Руководящую роль в бюро заняли члены

фашистско-легитимистско-семеновского альянса, видевшие будущее эмиграции, в том числе в деле свержения советского режима в России, в тесном сотрудничестве с Японией и Маньчжоу-го. Во второй половине 1930-х гг. эмигрантские представительские структуры охватили сеть районных бюро, их отделений и представительств все территории Маньчжоу-го, где проживали русские эмигранты [Аурилене, Потапова, с. 39, 42]. При Главном бюро в Харбине был создан Совет национальностей (1942), тем самым был реализован принцип федеративного устройства самого многонационального эмигрантского сообщества, что подкреплялось выдвинутой атаманом Семеновым, объявленным японцами вождем эмиграции, идеей россизма как идеологической основой будущего российского государственного объединения народо-племенных автономий с равными для всех правами [Атаман Семенов, с. 208]. На западной линии Северо-Маньчжурской железной дороги (бывшей КВЖД) и в Трехречье (приграничной с СССР территории в бассейне правых притоков Аргуни – рек Ган, Дербул и Хаул), где концентрировалась основная масса эмигрантов-казаков, были учреждены традиционные структуры казачьего самоуправления – поселковые и станичные управления.

В национальных сферах (культура, образование, религия) эмиграция сохранила значительную автономию [Аурилене, Потапова, с. 61–74]. Даже образовательная реформа 1937 г., которая обычно рассматривается в контексте политики японизации [Белоглазова], не уничтожила русскую школу, а лишь привела к ее унификации и более высокой степени включенности в общегосударственную образовательную систему. Православная церковь, освобожденная от советского давления, существенно расширила рамки своей работы – появились религиозное образование, просветительские и издательские структуры. Эмигранты имели официальный перечень собственных национальных праздников и памятных дат, которые отмечались наряду с общеимперскими.

Своеобразной «вывеской» русской культурно-национальной автономии в Маньчжоу-го стали русские казачьи районы на северо-западе Маньчжурии. Восстановление казачьих самоуправленческих структур, сопровождавшееся возвращением казакам прежних воинских чинов, способствовало развитию движения за возрождение казачьего быта, направляемого структурами Захинганского БРЭМ [ГАХК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 17а; Зарубежный казак, 1940, сент.], и укреплению казачьего самосознания. Казачьи праздники с их неизменной лихой джигитовкой стали неотъемлемой частью не только русской, но и общегосударственной культурной жизни. Все это в немалой степени обеспечивалось экономическим подъемом. В отличие от сфер промышленности и инфраструктуры быстро модернизирующегося Маньчжоу-го, где лидирующее положение занимали японцы, именно в развитии сельского хозяйства русские добились наиболее значительных успехов, что привело к росту бла-

госостояния и положительной динамике прироста сельского населения [ГАХК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 14].

Японцы активно изучали русский опыт аграрного производства, а также быт и традиции казаков [Дальний Восток СССР, с. 640, 641]. Кроме того, японские власти пытались использовать российский опыт охраны пограничных территорий казаками. В районах расселения казаков были организованы волонтерско-ополченческие подразделения, объединенные в 1941 г. в Захинганский казачий корпус. Однако вооружить и перевести на регулярную основу эти структуры японцы не решились [Смирнов, 2019, с. 550–553].

В области общегосударственного строительства в Маньчжоу-го перед эмигрантами стояли две основные задачи, сформулированные японскими кураторами и эмигрантским политическим авангардом, – установление духовной связи и тесного сотрудничества между эмиграцией, охранительницей русской национальной культуры, и восточноазиатскими народами и борьба против Коминтерна [Великая Маньчжурская Империя, с. 300; Движение молодежи, с. 10].

В рамках решения первой задачи в эмигрантской среде была развернута широкая популяризация сведений об истории, обычаях, быте, религиозных верованиях восточноазиатских народов, среди которых особое место отводилось японцам. Главную роль в деле популяризации знаний о дружественных народах играла эмигрантская пресса – журналы «Луч Азии», «Восточное обозрение», газеты «Харбинское время», «Голос эмигрантов» и др. Посредством прессы эмигрантская администрация вовлекала русскую общественность в общегосударственную пропагандистскую активность, в частности, в конкурсы политических лозунгов и сочинений паназиятского и антикоминтерновского характера.

«Востоковедческая» активность эмиграции, достигшая своего пика на рубеже 1930–1940-х гг., в своем содержании имела ориенталистскую природу – презентацию идеализированного (но позитивного) образа Востока. Знакомство эмигрантов с культурой и историей восточноазиатских народов должно было способствовать духовному взаимодействию и превращению русских, согласно конфуцианской риторике, в членов одной большой государственной семьи [Движение молодежи, с. 42]. В развитии духовного взаимодействия между народами Маньчжоу-го важная роль отводилась изучению японского языка. Знание языка определялось как «ключ к личному благополучию и основа дружбы народов» [Харбинское время, 1939, 21 янв.].

Борьба против Коминтерна, которая в паназиятской риторике Японии приобрела особое место с началом японо-китайской войны (1937–1945) в связи с военно-технической поддержкой Советским Союзом Китайской Республики, считалась естественной задачей эмиграции, вытекавшей из ее политического характера [Движение молодежи, с. 10]. Народы Маньчжурской империи в силу «отчетливого выражения антикоммунистического элемента в духовных и иде-

ологических основах государства» позиционировались эмиграцией в качестве «идейных соратников в общей борьбе» [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36509. Л. 94]. Разгром мирового коммунизма был напрямую связан с возвращением эмигрантов на родину. Вместе с тем ни о какой самостоятельной роли эмиграции в этой борьбе речи не шло, все определялось интересами и целями Японии.

Несмотря на существенные перемены в жизни русской колонии, интеграционные стратегии, как показывают эмигрантские источники, не стали доминирующими в эмигрантской среде, особенно в Харбине. Эмигрантское бюро в первое время работы подверглось ожесточенной критике политических противников как организация прояпонская, созданная с целью превратить эмиграцию в «попкорное стадо», а его сотрудники изображались в самых черных красках [MRC. Русская эмиграция на Дальнем Востоке. Vox 1(Инф. № 1 от 25 сент. 1935 г.). Vox 3 (Ф. Дитерихс – Миллер)]. Только угрозами репрессий удалось заставить часть эмигрантов регистрироваться в структурах бюро. Многих пугала развернутая администрацией БРЭМ насильственная политизация эмиграции, возможность превратиться в «пушечное мясо» в противостоянии Японии и СССР. Наконец, антиинтеграционные установки эмиграции подпитывало и ее имперское сознание, в той или иной мере сохранявшееся в 1930-е гг.

Ударом по русскому имперскому сознанию стала окончательная потеря для России после продажи СССР своей доли правительству Маньчжоу-го КВЖД (1935), олицетворения русского лидерства в экономическом и культурном прогрессе маньчжурского края. Единственным покровителем и учителем восточноазиатских народов, гарантом безопасности и процветания Маньчжоу-го всей мощью СМИ (в том числе и эмигрантской печатью) теперь превозносилась Япония. На фоне парадных реляций о качественных переменах в жизни Харбина и быстром экономическом и культурном развитии русского Трехречья [Луч Азии, 1941, № 9; Рубеж, 1941, № 40] контрастно выглядят дневниковые записи и зарубежные публикации эмигрантов, рисующие запустение и упадок Харбина, постепенное угасание его русского духа [ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 10, 11; Лидин, с. 311–321]. Угасающий русский Харбин превратился в бренд японской туристической индустрии, визуализируясь прежде всего в двух образах – православных храмах и русских женщинах.

Контраст между позиционируемыми в эмигрантских кругах представлениями о Японии как союзнике и стране со схожей государственной идеей (признание Божественного источника верховной власти) и настойчивым воспитанием пиетета у «братских» народов Маньчжоу-го перед Божественной японской нацией, а также полупринудительное привлечение к деятельности японских спецслужб способствовали оживлению в русском сознании образа японцев как бывших врагов и азиатов, олицетворяющих «желтую опасность» для мира цивилизации [ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Д. 11. Л. 36].

Дальнейшее развитие интеграционной политики в отношении русских эмигрантов со стороны властей Маньчжоу-го в конце 1930-х гг. лишь усилило антиинтеграционные установки в эмигрантской колонии. В это время в официальной пропагандистской риторике Маньчжоу-го русские все чаще стали упоминаться как один из пяти народов империи, тогда как японцы заняли особое место покровителя и духовного стержня формирующегося восточноазиатского единства. Показательно, что с этого времени на пропагандистских плакатах и открытках в составе пяти представителей наций Маньчжоу-го неизменно присутствует европеец.

В структурах «Киаокай» появился русский отдел, русские делегаты с 1940 г. стали участвовать в работе всеманьчжурских съездов Общества согласия. Были созданы русские отделения молодежных структур «Киаокай», курсы для подготовки руководителей эмигрантской молодежи. Эмигранты, жители городов, были зачислены в состав тонари-гуми (соседских общин) по месту проживания. В государственных вузах Маньчжурской империи стали выделяться квоты для эмигрантской молодежи, а русские вузы практически исчезли. Русских включили в состав армии Маньчжоу-го, в 1940 г. для них, как и для других народов империи, была введена обязательная воинская повинность.

Эти изменения происходили на фоне трансформации японского проекта паназиатского единства, обусловленной японо-китайской войной, от идеи национально-культурной федерации к единой восточноазиатской нации, основывающейся на «духе Ямато» и японской культуре [Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-го, гл. 3]. В годы Великой Восточноазиатской войны (1941–1945) политика японизации в Маньчжоу-го еще больше усилилась, ее объектом стала и эмигрантская колония, что способствовало активизации охранительных тенденций в эмигрантской среде и росту патриотических настроений, и без того стимулировавшихся Великой Отечественной войной советского народа.

Таким образом, невозможность интеграции русской эмигрантской колонии в многонациональное общество Маньчжоу-го, помимо социокультурной «пропасти» между русским и восточноазиатскими социумами, была обусловлена целым комплексом причин: противоречиями в реализации паназиатского проекта Маньчжоу-го, вызванными прежде всего конфликтом между идеей японской исключительности и принципом равенства наций; нестабильностью военно-политической ситуации в Китае, особенно обостренной японо-китайской войной с ее мощным всплеском антияпонского патриотизма, что сводило к нулю все успехи экономического «чуда» Маньчжоу-го; сохранением в эмигрантском сознании имперских элементов, подпитывавшихся полуколониальной обстановкой Китая и отчасти «империалистическим» присутствием в Маньчжурии Советского Союза. Идея особой миссии России на Востоке стала для русских эмигрантов в Китае частью общеэмигрантской миссии сохранения русской культуры в изгнании.

Сознание эмигрантской колонии очень болезненно реагировало на действия японцев, направленные против российских национальных интересов на Дальнем Востоке, и на экспансионистскую пропаганду в духе «великая Япония до Урала».

Вместе с тем период существования Маньчжоу-го дает и позитивный пример интеграции эмигрантов, демонстрируемый русским казачьим населением северо-западной Маньчжурии. Такой вариант можно обозначить как фронтирную интеграцию, отличительными признаками которой являлись высокий уровень этнической гомогенности эмигрантских поселков, относительная управленческая и хозяйственная автономия, гибкость культурно-бытовых норм, обусловленная опытом проживания в зоне порубежья, а также сохранение ситуации фронтирности в реалиях Трехречья.

Список литературы

Атаман Семенов. О себе : Воспоминания, мысли и выводы. [Б. м.] : [Б. и.], 1938. 240 с.

Аурилене Е. Е., Потапова И. В. Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство». Хабаровск : [Б. и.], 2004. 128 с.

Белоглазов Г. П. Аграрный строй Маньчжурии и русский фактор в становлении и модернизации аграрно-промышленной сферы региона в первой трети XX в. // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 79–84. DOI 10.30853/mns200505.

Белоглазова С. Б. Русские школы в контексте образовательной реформы 1937 г. в Маньчжоу-Ди-Го // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 212–222.

Великая Маньчжурская Империя : К десятилетнему юбилею. Харбин : Гос. организация Кио-ва-кай и Гл. бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжурской империи, 1942. 417 с.

ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36509.

ГАРФ. Ф. Р-6599. Оп. 1. Д. 2, 10, 11.

ГАХК. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 14, 17а; Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 565, 46234.

Голос России. 1932. № 11.

Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-го : ист. очерки / науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Отгиск, 2016. 254 с.

Грядущая Россия. 1934. № 14.

Дальний Восток СССР: 1941–1945 гг. / под общ. ред. Н. Н. Крадина. Владивосток : Дальнаука, 2020. 944 с.

Движение молодежи Кио-ва : в 2 кн. [Б. м.] : [Б. и.], 1943. Кн. 1. 119 с.

Друзья А. В. Квантунская область и полоса отчуждения КВЖД: «русские колонии» или «арендованные территории»? // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 94–105.

Зарубежный казак. 1940. Сент.

Иванов В. Н. Мы : Основы русской государственности. Харбин : Бамбуковая роща, 1926. XVI, 370 с.

Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 гг. / по поручению правления о-ва и под ред. специальной комиссии сост. агент. правления о-ва Е. Х. Нилус. Харбин : Тип. Кит. Вост. жел. дор. и т-ва «Озо», 1923. [Т. 1.] 690 с.

Лешко О. Русские в Маньчжугу. Шанхай : [Б. и.], 1937. 132 с.

Лидин Н. Русская эмиграция на Дальнем Востоке // Русские записки. 1937. № 1. С. 311–321.

Луч Азии. 1941. № 9.

Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М. : Рус. путь, 2007. 320 с.

Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб. : Алетей, 2016. 446 с.

Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. 548 с.

Рубеж. 1941. № 40.

Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века : Документы и материалы : [в 10 т.]. Т. 8. Противостояние. 1927–1941 гг. / сост. В. А. Авдеев, Ю. А. Алексеев и др. М. : [Б. и.], 2016. 976 с.

Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке / сост. М. Огуси. Вып. 1. Харбин : [Б. и.], 1935. 1258 с.

Смирнов С. В. «Китайщина»: Китай глазами русских эмигрантов (1920–30-е гг.) // Общество и государство в Китае. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2012. Т. 42, ч. 2. С. 276–284.

Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.). М. : ЛитРес : Самиздат, 2019. 712 с.

Статьи М. Колосовой в газетах // Вспомнить, нельзя забыть : Стихи Марианны Колосовой / сост. В. А. Суманосов. Барнаул : Алтай. дом печати, 2011. С. 596–628.

Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Идеологии империи в России имперского периода // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2. С. 211–227.

Харбинское время. 1939. 21 янв.

Chiasson B. R. Administering the Colonizer: Manchurian's Russian under Chinese Rule, 1918–1929. Vancouver ; Toronto : UBC Press, 2010. 285 p.

Duara P. The New Imperialism and the Post-Colonial Developmental State: Manchukuo in Comparative Perspective // *The Asia-Pacific J*. 2006. Vol. 4, № 1. P. 1–17.

DuBois T. D. Local Religion and the Imperial Imaginary: The Development of Japanese Ethnography in Occupied Manchuria // *Am. Historical Rev*. 2006. Vol. 111, № 1. P. 52–74.

ИИА. Иин (I. S.) clipping collection, 1931–1932.

Hotta E. Pan-Asianism and Japan's War 1931–1945. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2007. 304 p.

MRC. Русская эмиграция на Дальнем Востоке. Вох 1 (Информация № 1 от 25 сент. 1935 г.). Вох 3 (Ф. Дитерихс – Миллер).

References

Ataman Semenov. (1938). *O sebe. Vospominaniya, mysli i vyvody* [About Me. Memories, Thoughts, and Conclusions]. S. l., S. n. 240 p.

Aurilene, E. E., Potapova, I. V. (2004). *Russkie v Man'chzhou-Di-Go: "Emigrantskoe pravitel'stvo"* [Russians in Manchukuo: "The Emigrant Government"]. Khabarovsk, S. n. 128 p.

Avdeev, V. A., Alekseev, Yu. A. (Eds.). (2016). *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-kh godov XX veka: Dokumenty i materialy. T. 8. Protivostoyanie. 1927–1941 gg.* [Russian Military Emigration in the 1920s–40s: Documents and Materials. Vol. 8. Confrontation. 1927–1941]. Moscow, S. n. 976 p.

Bazarov, B. V. (Ed.). (2016). *Gosudarstvennaya i kvazigosudarstvennaya priroda Man'chzhou-Go: istoricheskoe ocherki* [The State and Quasi-State Nature of Manchukuo: Historical Essays]. Irkutsk, Ottisk. 254 p.

Beloglazov, G. P. (2020). Agrarnyi stroi Man'chzhurii i russkii factor v stanovlenii i modernizatsii agrarno-promyshlennoi sfery regiona v pervoi treti XX v. [The Agrarian System of Manchuria and the Russian Factor in the Formation and Modernisation of the Agrarian and Industrial Sphere of the Region in the First Third of the 20th Century]. In *Manuskript*. Vol. 13. Iss. 11, pp. 79–84. DOI 10.30853/mns200505.

Beloglazova, S. B. (2015). Russkie shkoly v kontekste obrazovatel'noi reformy 1937 g. v Man'chzhou-Di-Go [Russian Schools in the Context of the Educational Reform of 1937 in Manchu-Di-Go]. In *Rossiia i ATR*. No. 4, pp. 212–222.

Chiasson, B. R. (2010). *Administering the Colonizer: Manchurian's Russian under Chinese Rule, 1918–1929*. Vancouver, Toronto, UBC Press. 285 p.

Druzyaka, A. V. (2021). Kvantunskaya oblast' i polosa otchuzhdeniya KVZhD: "russskie kolonii" ili "arendovannyye territorii"? [The Kwantung Region and the CER Exclusion Zone: "Russian Colonies" or "Leased Territories"?]. In *Rossiya i ATR*. No. 3, pp. 94–105.

Duara, P. (2006). The New Imperialism and the Post-Colonial Developmental State: Manchukuo in Comparative Perspective. In *The Asia-Pacific J.* Vol. 4. No. 1, pp. 1–17.

DuBois, T. D. (2006). Local Religion and the Imperial Imaginary: The Development of Japanese Ethnography in Occupied Manchuria. In *Am. Historical Rev.* Vol. 111. No. 1, pp. 52–74.

Dvizhenie molodezhi Kio-va v 2 kn. [Kyo-wa Youth Movement. 2 Books]. (1943). S. I., S. n. Book 1. 119 p.

GAAOSO [State Archive of Administrative Bodies of Sverdlovsk Region]. Stock R-1. List 2. Dos. 36509.

GAKhK [The State Archive of Khabarovsk Krai]. Stock R-829. List 1. Dos. 14, 17a; Stock R-830. List 3. Dos. 565, 46234.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-6599. List 1. Dos. 2, 10, 11. *Golos Rossii* [Golos Rossii]. (1932). No. 11.

Gryadushchaya Rossia [Gryadushchaya Rossia]. (1934). No. 14.

HIA. Ilin (I. S.) clipping collection, 1931–1932.

Hotta E. (2007). *Pan-Asianism and Japan's War 1931–1945*. N. Y., Palgrave Macmillan. 304 p.

Ivanov, V. N. (1926). *My. Osnovy russkoi gosudarstvennosti* [Us. The Foundations of Russian Statehood]. Harbin, Bambukovaya roshcha. XVI, 370 p.

Kharbinskoe vremya [Kharbinskoe Vremya]. (1939). January 21.

Kradin, N. N. (Ed.). (2020). *Dal'nii Vostok SSSR: 1941–1945 gg.* [The Far East of the USSR: 1941–1945]. Vladivostok, Dal'nauka. 944 p.

Leshko, O. (1937). *Russkie v Man'chzhugo* [Russians in Manchukuo]. Shanghai. S. n. 132 p.

Lidin, N. (1937). Russkaya emigratsiya na Dal'nem Vostoke [Russian Emigration in the Far East]. In *Russkie zapiski*. No. 1, pp. 311–321.

Luch Azii [Luch Azii]. (1941). No. 9.

Melikhov, G. V. (2007). *Rossiiskaya emigratsiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh na Dal'nem Vostoke (1925–1932)* [Russian Emigration in International Relations in the Far East (1925–1932)]. Moscow, Russkii put'. 320 p.

MRC. Russkaya emigratsiya na Dal'nem Vostoke [Russian Emigration in the Far East]. Box 1 (Information No. 1, 25 Sept. 1935); Box 3 (F. Diterikhs – Miller).

Nazemtseva, E. N. (2016). *Na diplomaticheskom urovne: roblem pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitaiskikh otnosheniyakh (1920–1940-e gg.)* [At the Diplomatic Level: Problems of the Legal Status of Russian Emigrants in China in Soviet-Chinese Relations (1920–1940s)]. St Petersburg, Aleteiya. 446 p.

Nilus, E. Kh. (Ed.). (1923). *Istoricheskii obzor Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi. 1896–1923 gg.* [Historical Overview of the Chinese Eastern Railway. 1896–1923]. Harbin, Tipografiya Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi I Tovarishchestva "Ozo". Vol. 1. 690 p.

Ogusi, M. (Ed.). (1935). *Sbornik zakonov i rasporyazhenii Man'zhu-Di-Go na russkom yazyke* [Collection of Laws and Orders of Manchu-Di-Go in Russian]. Iss. 1. Harbin. S. n. 1258 p.

Remnev, A. V. (2004). *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov* [The Russia of the Far East. Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 548 p.

Rubezh [Rubezh]. (1941). No. 40.

Schimmelpenninck van der Oye, D. (2001). Ideologii imperii v Rossii imperskogo perioda [Ideologies of Empire in Russia during the Imperial Period]. In *Ab Imperio*. No 1–2, pp. 211–227.

Smirnov, S. V. (2012). "Kitaichshina": Kitai glazami russkikh emigrantov (1920–1930-e gg.) ["Chinoiserie": China through the Eyes of Russian Emigrants (1920–30s)].

In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN. Vol. 42. Part 2, pp. 276–284.

Smirnov, S. V. (2019). *Dal'nevostochnyi tupik: russkaya voennaya emigratsiya v Kitae (1920 – konets 1940-kh gg.)* [Far Eastern Dead End: Russian Military Emigration in China (1920 – Late 1940s)]. Moscow, LitRes, Samizdat. 712 p.

Stat'i M. Kolosovoi v gazetakh [Articles by M. Kolosova in Newspapers]. (2011). In Sumanosov, V. A. (Ed.). *Vspomnit', nel'zya zabyt'. Stikhi Marianny Kolosovoi*. Barnaul, Altaiskii dom pečati, pp. 596–628.

Velikaya Man'chzhurskaya Imperiya. K desyatiletnemu yubileyu [The Great Manchurian Empire. For the 10th Anniversary]. (1942). Harbin, Gosudarstvennaya organizatsiya Kio-va-kai i Glavnoe byuro po delam rossiiskikh emigrantov v Man'chzhurskoi imperii. 417 p.
Zarubezhnyi kazak [Zarubezhnyi Kazak]. 1940. Sept.

The article was submitted on 07.02.2022

Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады*

Михаил Ходяков

¹Санкт-Петербургский государственный университет;

²Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade**

Mikhail Khodyakov

¹St Petersburg State University;

²St Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This article investigates refugees in Leningrad during the initial stage of the Great Patriotic War (June – December 1941). A significant number of scholarly papers consider the evacuation process of Leningrad residents in 1941–1942, but research on is inexistent. At the end of June 1941, an unregulated flow of people poured into Leningrad; this required not only their speedy evacuation inland, but also brought to the fore the problem of the temporary resettlement of tens of thousands of rural and urban residents. The city was not fully prepared to solve this issue. Considering the state of Leningrad housing stock on the eve of the war, the author emphasises that the city authorities relied on the regulatory framework, which meant that residential buildings had to be used not only by state, cooperative, and public organisations, but also by departmental structures. The appearance of refugees in large cities required appropriate decisions on the level of the highest authorities. The archival

---

* Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 22–28–00617 «“Запретный город”: жилищная политика в Ленинграде в 1940-е годы».

** *Citation*: Khodyakov, M. (2022). Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 455–468. DOI 10.15826/qr.2022.2.681.

Цитирование: Khodyakov M. Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 455–468. DOI 10.15826/qr.2022.2.681 / Ходяков М. Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 455–468. DOI 10.15826/qr.2022.2.681.

materials indicate that leaders on various levels adopted a set of resolutions aimed at preventing the concentration of refugees in Leningrad. Governmental structures dealing with this problem, in addition to prohibitive measures that made it difficult for refugees to enter the city, made several organisational decisions meant to provide the necessary documents, food, and housing. To accommodate people, schools were turned into dormitories. Refugees got the opportunity to obtain temporary residence permits and ration cards, without which existence in the besieged city was impossible. At the same time, the evacuation of refugees from Leningrad region and the occupied bordering territories was actively carried out. An analysis of the documents demonstrates that, despite the measures taken, it was not possible to solve the refugee problems. Neither their evacuation, nor placement in dormitories, nor moving in with relatives or occupying vacated apartments could prevent the mass death of people who were not provided with material supplies.

Keywords: Great Patriotic War, blockade of Leningrad, refugees, housing policy

Исследуется проблема беженцев в Ленинграде на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь – декабрь 1941 г.) Отмечается, что при наличии значительного количества научных трудов, посвященных вопросам эвакуации жителей Ленинграда в 1941–1942 гг., исследовательских работ, освещающих проблему беженцев, пока не создано. Нерегулируемый поток людей хлынул в Ленинград в конце июня 1941 г., что потребовало не только их скорейшей эвакуации вглубь страны, но и вызвало к жизни проблему временного расселения десятков тысяч сельских и городских жителей. В полной мере к решению этой задачи город оказался не готов. Рассматривая состояние жилого фонда Ленинграда накануне войны, автор подчеркивает, что городские власти опирались на действовавшую нормативную базу, которая предусматривала использование жилых помещений не только государственными, кооперативными и общественными организациями, но и ведомственными структурами. Появление беженцев в крупных городах страны потребовало принятия соответствующих решений на уровне высших органов власти и управления. Вводимые в научный оборот материалы из архивов свидетельствуют о принятии руководителями различных уровней комплекса постановлений, направленных на недопущение концентрации беженцев в Ленинграде. Государственные структуры, занимающиеся этой проблемой, помимо запретительных мер, затруднявших въезд беженцев в город, разработали ряд организационных решений, направленных на обеспечение их необходимыми документами, питанием и жильем. Для размещения людей использовались помещения школ, превращенных в общежития. Создавались возможности получения временной прописки и продовольственных карточек, без которых существование в осажденном городе было невозможным. В то же время активно проводилась эвакуация беженцев, прибывших из Ленинградской области и приграничных оккупированных территорий. Анализ комплекса документов показал, что, несмотря

на принятые меры, решить проблему беженцев не удалось. Ни их эвакуация, ни размещение в общежитиях, ни подселение к родственникам или занятие ими освободившихся квартир не могли предотвратить массовой гибели людей, которые оказались не обеспечены в материальном и бытовом отношении.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, беженцы, жилищная политика

Жилищная проблема на протяжении всех лет советской власти оставалась одной из самых насущных и болезненных. Сегодня акцент нередко делается на том, что власть сознательно ограничивала все формы появления жилища и его распределение, кроме государственного строительства и государственного же распределения [Меерович].

Война наложила специфический отпечаток на принципы использования жилого пространства. Исследователи, обращаясь к изучению феномена эвакуации жителей Ленинграда, рабочих, учащихся, сотрудников учебных и научных учреждений, обращали внимание, что ленинградцы в итоге оказались разбросаны по всей стране, переезжая в Челябинск, Омск, Новосибирск, Башкирию, Татарстан и т. д. [Ковальчук; Побратимы; Сулейманова].

Зарубежные авторы, анализирувавшие направленность социально-экономической политики ленинградского руководства военного времени, преимущественно уделяли внимание тому, как в чрезвычайных условиях сражалось и работало население города, как решались проблемы продовольственного снабжения, каковы были практики выживания [Ганценмюллер; Hass; Hass, Lomagin; Jones; Reid]. Вопрос о том, как были обеспечены жилой площадью десятки тысяч беженцев, поток которых хлынул в Ленинград в конце июня 1941 г., в полной мере своего отражения в трудах отечественных и зарубежных историков не получил.

На официальном уровне представители власти предпочитали говорить об эвакуации, подчеркивая тем самым планомерный и организованный характер переселения больших масс людей, хотя категория «беженец» присутствует и в официальных документах начального этапа войны. В постановлении СНК «О порядке эвакуации в военное время» от 5 июля 1941 г., утвержденном Политбюро ЦК ВКП(б), говорилось о недопущении проникновения в Москву «эвакуируемых и беженцев». Беженцев предписывалось снимать с поездов и направлять в пункты эвакуируемых [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 424. Л. 78]. В постановлении ГКО «Об организации Управления по эвакуации населения при Совете по эвакуации», принятом 26 сентября 1941 г., определялись задачи новой структуры, действовавшей до конца января 1942 г. [Там же. Д. 423. Л. 22]. Через своих уполномоченных создававшееся управление должно было заниматься организацией эвакуации населения «из прифронтовой

полосы» через «местные органы советской власти» [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 19. Л. 68–69]. Тем самым подчеркивался стихийный характер беженства в противовес организуемой государственными структурами эвакуации граждан.

Представляют интерес административные практики военной поры, реализовывавшиеся усилиями региональных руководителей [Хлевнюк]. Одним из приоритетных направлений деятельности партийного и советского руководства являлось городское хозяйство. Его состоянию в блокированном Ленинграде, оценке организационных и правовых аспектов деятельности нижнего исполнительного звена этой системы посвящен ряд исследований [Иванов В. А., Иванов Д. В., с. 97–112]. Использование документов высших органов власти и управления, отложившихся в РГАНИ и РГАСПИ, материалов исполкома Ленгорсовета, Ленинградской городской эвакуационной комиссии, хранящихся в ЦГА СПб, решений и распоряжений Ленгорсовета позволяет составить более четкое представление о путях и методах решения жилищной проблемы в Ленинграде, население которого к началу 1941 г. по официальным данным Центрального статистического управления СССР составляло 3155 тыс. чел. [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1010. Л. 111].

Жилищное хозяйство Ленинграда накануне войны

Большого количества свободной жилой площади в городе не было никогда [Ваксер, с. 6]. В своих действиях, касавшихся распределения жилья и содержания домов, городские чиновники руководствовались союзной и республиканской нормативными базами. 24 апреля 1941 г. исполком Ленгорсовета принял решение «О ликвидации задолженности по квартирной и арендной плате». Содержание документа свидетельствовало о неблагоприятном положении дел в вопросе аренды жилых помещений государственными, кооперативными и общественными организациями, учреждениями и предприятиями. В результате было запланировано «на ближайшем заседании исполкома» заслушать вопрос об эксплуатации ведомственного жилья [Бюллетень, 1941, № 21–22, с. 5]. Кроме того, на заседании исполкома Ленгорсовета 24 апреля были утверждены документы, призванные сыграть важную роль в сохранении жилого фонда Ленинграда в целом [Там же, с. 5–10].

К весне 1941 г., по данным начальника жилищного управления исполкома Ленгорсовета М. А. Ханутина, на руках у населения было от 50 до 60 тыс. карточек-разрешений на право пользования дополнительной жилплощадью. Планировалось провести срочную общую перерегистрацию этих документов, в ходе которой предполагалось выявить «резервную жилую площадь, используемую без особой необходимости владельцами карточек из-за неправильно предоставленной им льготной оплаты, и в значительной мере увеличить поступления от квартирной платы» [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 238. Л. 123].

В начале июня 1941 г. в Главном управлении жилищного хозяйства Наркомата коммунального хозяйства РСФСР был разработан проект постановления СНК СССР о мероприятиях по улучшению управления и эксплуатации жилого фонда в РСФСР. В документе отмечалось, что после издания постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и об улучшении жилищного хозяйства в городах» и передачи управления жилым фондом в непосредственное ведение местных советов, государственных учреждений и промышленных предприятий управление домами значительно улучшилось. Вместе с тем оперативное руководство работой жилищных органов оставляло желать лучшего. Отсутствовал контроль за работой управляющего домом, который не отвечал за правильное ведение домового хозяйства, своевременный ремонт и надлежащее качество этого ремонта. Съемщики нередко содержали квартиры и места общего пользования в неудовлетворительном состоянии, в отдельных случаях разрушали жилой фонд и не несли за это ответственности [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 238. Л. 3–5]. Постановлением предполагалось подчинить жилищные управления соответствующим исполкомам на правах их отделов.

Беженцы в Ленинграде и их эвакуация

Стремительное наступление немецко-фашистских войск на северо-западном направлении привело к росту числа беженцев, хлынувших в Ленинград. С целью ограничения их количества 28 июня 1941 г. в ленинградских газетах был опубликован приказ по гарнизону о порядке въезда в город [Ленинградская правда, 1941, 28 июня]. Через день, 29 июня, последовало разъяснение коменданта гарнизона о категориях населения и обстоятельствах, которые позволяли въезжать в город. Без справки, выданной предприятием, учреждением или организацией, подтверждающей факт работы человека в Ленинграде, без паспорта с отметкой о прописке, а для колхозников – без удостоверения, выданного правлением колхоза, и паспорта въезд в город запрещался [Там же, 29 июня].

Для регулирования процесса приема прибывающих решением СНК СССР и исполкома Ленгорсовета от 30 июня был образован городской эвакуопункт [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]. Его функции заключались в учете и обеспечении беженцев необходимыми документами и продовольствием. Важнейшей составляющей работы городского эвакуопункта стало обеспечение беженцев жилищами. Для приема прибывающих в Ленинград граждан и их дальнейшей эвакуации из города были организованы эвакуопункты на Московском, Финляндском, Балтийском, Витебском вокзалах, в Ленинградском порту, на станциях Московская сортировочная и Кушелевка. Для размещения и временного проживания эвакуированных в прилегающих к вокзалам школах были созданы общежития. Директорам школ, педагогическому и административному персоналу учебных заведений, начальникам обще-

житий вменялись в обязанность организация приема и оказание помощи беженцам. В школы-общежития должны были завозиться кровати и постельные принадлежности, там должны были создаваться детские комнаты [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 2]. Действительность, однако, далеко не всегда соответствовала официальным установкам.

4 июля 1941 г. на заседании комиссии по вопросам обороны Ленинграда обсуждался вопрос «О порядке эвакуации из сельских районов области». П. С. Попкову и Н. В. Соловьеву поручалось «за вечер 4 июля» уточнить свои предложения и «внести их в комиссию». В районах, непосредственно прилегавших к Северо-Западному фронту, порядок эвакуации населения должен был согласовываться с военным советом фронта [Ленинград в осаде, с. 32].

Вопросы эвакуации лиц, прибывавших в Ленинград из прифронтовой полосы, и позже являлись предметом рассмотрения партийного, советского и военного руководства. 1 сентября 1941 г. был принят соответствующий проект постановления бюро ленинградских областного (ЛОК) и городского (ЛГК) комитетов ВКП(б). Он предусматривал осуществление эвакуации населения вглубь страны через Шлиссельбург. Предполагалось, что Всеволожский райисполком и Шлиссельбургский горсовет обеспечат прием и временное размещение эвакуированных, «выделив для этой цели необходимые помещения» [Блокада в решениях, с. 79–80]. 3 сентября постановление об отправке беженцев «с их имуществом, лошадьми и повозками из г. Ленинграда до ст. Шлиссельбург» принял Военный совет Ленинградского фронта [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 62. Л. 128–130]¹. В этом документе полностью повторялись все пункты проекта постановления ЛГК и ЛОК от 1 сентября. Однако спустя всего несколько дней железнодорожное сообщение Ленинграда со страной было прервано и эти постановления в полной мере не могли быть реализованы.

По официальным данным, содержащимся в отчете начальника городского эвакуационного пункта исполкома Ленгорсовета А. А. Барского, подготовленном в июле 1942 г., до конца августа 1941 г. из Ленинграда через городской эвакуационный пункт в различные регионы страны было эвакуировано 147,5 тыс. беженцев, прибывших из Ленинградской области, Карело-Финской, Эстонской, Латвийской ССР и других оккупированных территорий [Карасев, с. 199; Соболев, с. 70; ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 3]. Дополнительно к этому еще 9,5 тыс. чел., сопровождавших скот и имущество, были отправлены из города «пешим способом» [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 3].

Весной 1942 г. А. А. Жданов, докладывая И. В. Сталину о выполнении решения центрального руководства по эвакуации из Ленинграда 500 тыс. чел., назвал цифру 554186 вывезенных из города за период

---

¹ Автор признателен кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику К. А. Болдовскому (Санкт-Петербургский институт истории РАН) за указание на соответствующее постановление Военного совета Ленинградского фронта.

с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2]. При этом он, не употребляя слово «беженцы», упомянул лишь о чуть более чем 35 тыс. тех, кто к этой категории относился: о 8 135 чел. «населения с эвакуопунктов», то есть ранее эвакуированных в Ленинград из районов области, и о 27 274 «колхозниках с Карельского перешейка» [Там же. Л. 2, 3а]. Заместитель председателя Совета по эвакуации при СНК СССР, а затем уполномоченный ГКО в Ленинграде А. Н. Косыгин, направляя председателю ГКО сведения об эвакуированных из города за период с 22 января по 11 апреля 1942 г. и также избегая упоминания о беженцах, приводил данные о 539 400 чел. И. В. Сталин оценил проведенную работу и сделал на документе помету: «Хорошо. Нужно его наградить» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 430. Л. 98].

В связи с нахождением в Ленинграде большого количества эвакуированного населения перед городским эвакуопунктом встала задача организации стандартных общежитий для длительного проживания в них беженцев. Решением исполкома Ленгорсовета от 2 сентября 1941 г. под общежития для беженцев к существовавшим семи было отведено еще 35 школ в различных районах города. Вместе с ранее образованными количество общежитий для этой категории населения достигло 42. К лету 1942 г. через них прошли 64,7 тыс. чел. [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 4]. Часть беженцев была трудоустроена и направлена на торфо- и лесозаготовки, на ГЭС и переселена в общежития предприятий и организаций [Ленинград в осаде, с. 590].

30 июля 1941 г. согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня «О военном положении» и на основании указания военных властей исполком Ленгорсовета принял решение «Об ответственности граждан и должностных лиц за нарушение правил прописки в Ленинграде, Кронштадте, Колпино, Петергофе и Пушкине» [Бюллетень, 1941, № 30, с. 1]. В соответствии с принятым решением управдомы, коменданты и домовладельцы были обязаны «строго следить за лицами, вновь прибывшими для проживания в дом, требуя от них немедленной личной явки в отделение милиции для разрешения вопроса о прописке». За нарушение установленного порядка виновные (включая ответственных съемщиков жилплощади) несли строгую ответственность. Отсутствие паспорта или прописки у поселившегося в доме предусматривало административную ответственность в виде штрафа до 3 тыс. руб. или лишения свободы сроком до шести месяцев. Оформление прописки лиц, получивших разрешение милиции на проживание, должно было производиться в течение 24 часов [Там же].

Наплыв беженцев в город подтолкнул исполком Ленгорсовета к принятию 11 сентября 1941 г. разрешения прибывшим из прифронтовой полосы на проживание и прописку на частных квартирах у родственников и знакомых. Начальнику управления милиции Е. С. Грушко предлагалось дать соответствующие указания начальникам городских отделений милиции. По сведениям городского эва-

копункта, таким образом в городе были размещены 32,7 тыс. чел. [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 6]. Лица, имевшие временную прописку, могли рассчитывать на получение продовольственных карточек, которые после этого выдавались им «на общих основаниях» [Бюллетень, 1941. № 36, с. 2]. Кроме проживавших на эвакуопунктах и на частных квартирах Ленинграда, еще 20,7 тыс. чел. эвакуированных поселились во Всеволожском и Парголовском районах [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 8]. По милицейским данным, которые серьезно отличались от отчетных сведений городского эвакуопункта, к началу декабря 1941 г. в Парголовском и Всеволожском районах было размещено 52 319 беженцев [Ленинград в осаде, с. 589]. Всего, согласно материалам городского статистического управления, с июля по октябрь 1941 г. в Ленинград прибыли 116 256 чел. [Там же, с. 350].

Постановлением военного совета Ленинградского фронта от 13 сентября дальнейший допуск в Ленинград лиц, эвакуированных из прифронтовой полосы, запрещался. Предусматривалось рассредоточение беженцев по колхозам, совхозам, школам, клубам, общежитиям и по частным квартирам в порядке уплотнения. Областным властям предписывалось создавать сборные пункты на шоссежных дорогах и железнодорожных станциях около Ленинграда, не допуская население из прифронтовых районов в город [Там же, с. 273–274].

Замкнувшееся кольцо блокады и бои на ближних подступах к городу привели к тому, что 16 сентября Военный совет Ленинградского фронта принял постановление, в соответствии с которым исполкомы были обязаны эвакуировать больницы, родильные дома, детские сады, а также женщин с детьми из южных пригородных районов в северные районы Ленинграда. Переселение осуществлялось «в обязательном порядке» и должно было быть осуществлено в двухдневный срок. Население, проживавшее в пригородных районах, переселялось в Парголовский и Всеволожский районы, а граждане, проживавшие в Кировском, Московском и Володарском районах, в количестве 51 тыс. чел. направлялись в Василеостровский, Петроградский, Свердловский, Приморский, Выборгский и Красногвардейский районы. В ходе «внутренней эвакуации» этой категории переселяемых предлагались комнаты, освободившиеся в связи с выездом части жителей из Ленинграда. Их также подселяли «в порядке уплотнения» в квартиры ленинградцев, проживавших не только в домах, находившихся в ведении райсоветов, но и в ведомственном жилом фонде [Там же, с. 56]. Контроль за переселением и в этот раз возлагался на Е. С. Грушко. Прибегая к «уплотнению», руководство города, вероятно, исходило также из того, что к тому времени несколько десятков тысяч ленинградцев пользовались «дополнительной жилплощадью» сверх установленной нормы.

Перебравшаяся из Пушкина (Царского Села) в Ленинград художница А. П. Остроумова-Лебедева во второй половине сентября стала свидетелем передвижения по Невскому проспекту значительных масс беженцев, зафиксировав увиденное в дневнике:

По мостовой без конца тянулись вереницы деревенских повозок со всевозможным людским скарбом. Среди узлов, вещей и домашней утвари выглядывали в повозках маленькие дети, стояли корзины с кудахтающими курами и утками. Сзади шли привязанные коровы, овцы, козы. Это беженцы из окрестностей Ленинграда, Луги, Вырицы, Павловска, г. Пушкина, Кингисеппа и т. д. вливались в наш окруженный город [Остроумова-Лебедева, с. 257].

Эвакуация коснулась и ряда промышленных предприятий. 18 сентября ЛГК принял решение «Об эвакуации Ижорского завода», располагавшегося в Колпино, в непосредственной близости от которого проходила линия фронта. Вывозу подлежало не только оборудование, но и «людской состав». Исполкому Ленгорсовета было предложено «обеспечить временное размещение эвакуируемых работников Ижорского завода с семьями в г. Ленинграде» [Блокада в решениях, с. 295]. Часть эвакуированных поселили в одном из студенческих общежитий ЛГУ на 5-й линии Васильевского острова в доме № 66 [Ленинградский университет, с. 89; Помним, с. 139–140].

Предвидя процесс уплотнения и опасаясь его, начальник ленинградского административно-хозяйственного управления АН СССР 19 сентября направил одному из заместителей председателя исполкома Ленгорсовета Б. М. Мотылеву письмо, в котором содержалась «настоятельная просьба» дать указание райсоветам и Ленжилуправлению «не занимать квартиры академиков и членов-корреспондентов АН СССР переселяемыми из других районов города». Просьба мотивировалась тем, что указанные категории ученых имеют «очень ценные рукописи и большие библиотеки, которые могут быть подвергнуты расхищению», и тем, что большинство академиков являются людьми преклонного возраста, ведущими работу «большой частью в своих квартирах» [ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 244. Л. 38].

26 сентября ГКО принял решение воспретить прописку беженцев и эвакуированных из прифронтовой полосы, прибывающих неорганизованным порядком в областные центры местностей, в которых было объявлено военное положение, а также в целый ряд городов страны. В паспортах в графе «Особые отметки» должна была делаться запись, ограничивающая проживание в указанных постановлением местностях [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10. Л. 95]. Люди попали в тяжелую ситуацию, которую зафиксировал современник тех событий:

Ленинград был окружен кольцом из крестьянских телег. Их не пускали в Ленинград. Крестьяне стояли таборами со скотом, плачущими детьми, начинавшими мерзнуть в холодные ночи. Первое время к ним ездили за молоком и мясом: скот резали. К концу 1941 г. все эти крестьянские

обозы вымерзли. Вымерзли и те беженцы, которых рассовали по школам и другим общественным зданиям... Наконец, в первую очередь вымирали и те, которые подвергались «внутренней эвакуации» из южных районов города: они тоже были без вещей, без запасов [Лихачев, с. 321].

Необходимость предоставления жилья тем, кто были вынуждены покинуть свои дома, привела к тому, что 27 сентября исполком Ленгорсовета принял решение «О порядке вселения и оплаты жилой площади гражданами, временно переселяемыми из некоторых районов гор. Ленинграда» [Бюллетень, 1941, № 37, с. 1]. В связи с «временной эвакуацией населения» исполкомы районных советов должны были выдавать переселяемым временные ордера. Переселение производилось в свободные помещения учреждений и учебных заведений, пригодные для жилья, в свободные жилые помещения – «забронированные, занимавшиеся лицами, временно эвакуированными из г. Ленинграда, находящимися в рядах Красной армии и т. д.», а также в порядке уплотнения граждан, в том числе и при наличии у съемщика права на дополнительную жилплощадь. Домоуправления должны были заключать с лицами, вселенными на свободную площадь, временный договор имущественного найма без указания сроков его действия. Одним из условий такого договора было то, что вселяемый был обязан освободить жилую площадь в 7-дневный срок со дня получения предложения и переехать на прежнее место жительства [Там же]. Мебель и другое имущество, находившееся в свободных жилых помещениях, предоставляемых «временно вселенным» лицам, сдавались управляющим домом под расписку на ответственное хранение вселяемым.

В специальном сообщении управления НКВД Ленинградской области от 28 ноября 1941 г., посвященном жилищным и бытовым вопросам эвакуированного населения, были отражены неудовлетворительные условия проживания 64 552 беженцев в ряде районов области. Большинство общежитий эвакуопунктов, где они размещались, не отапливались, в них отсутствовали вода и постельные принадлежности, в ряде случаев эвакуированным не выдавались продовольственные карточки, что обрекало их на смерть [Ленинград в осаде, с. 274–275].

Отчет о деятельности городского эвакуопункта за 1941 – первую половину 1942 г. обходит стороной вопрос о смертности среди тех, кто был вынужден проживать в общежитиях. Однако фраза из официального документа о существовавших там «совершенно ненормальных бытовых условиях» [ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 10. Л. 9] не оставляет сомнений в том, что заболеваемость и смертность в эвакуопунктах в ходе первой блокадной зимы были чрезвычайно высокими. Переселенцы погибали и в ходе налетов вражеской авиации. В результате бомбежки 26 ноября 1941 г. был разрушен флигель студенческого общежития на Васильевском острове, где размещались эвакуированные из Колпино рабочие Ижорского завода и их семьи. Общее число погибших тогда составило около 100 чел. [Соболев, Ходяков, с. 19].

Участь тех, кто все же были эвакуированы из города зимой 1941–1942 гг., часто была предсказуемой. Исследователи проблемы, ссылаясь на свидетельства «начальника посадки» эвакопункта Борисова Грива, упомянули о судьбе беженцев из эшелона, который 3 декабря 1941 г. прибыл на железнодорожную станцию вблизи Ладожского озера и насчитывал 2 тыс. чел., оказавшихся в Ленинграде в начальный период войны. Люди были настолько ослаблены и истощены, что идти пешком через озеро для того, чтобы преодолеть расстояние свыше 60 км, не могли. Местные жители Борисовой Гривы были не готовы к приему и размещению столь значительного количества эвакуируемых, нередко отказывая им в крове. К середине декабря половина беженцев этого эшелона умерла [Пянкевич, Чистиков, с. 62].

* * *

К началу апреля 1942 г., по данным начальника городского эвакопункта А. А. Барского, сообщенным секретарю ЛГК ВКП(б) и председателю городской эвакуационной комиссии А. П. Смирнову, в результате проведенной эвакуации населения количество общежитий для беженцев в Ленинграде сократилось до четырех. Остальные помещения были освобождены и переданы основным владельцам – школам. В действовавших общежитиях продолжали оставаться 844 чел.: 459 взрослых и 385 детей. Причем к категории «возможных к эвакуации» к тому моменту были отнесены только 320 чел. Остальные оказались либо совершенно ослаблены и подлежали госпитализации в районные стационары, либо не могли эвакуироваться из-за болезни членов семьи [ЦГА СПб. Ф. 303. Оп. 1. Д. 19. Л. 28]. Еще некоторое время городским властям понадобилось для того, чтобы решить вопросы, связанные с функционированием двух эвакопунктов, отнесенных к категории дежурных. 30 июня 1942 г. на основании решения Ленгорисполкома городской эвакопункт «в связи с окончанием поставленных перед ним задач» был окончательно ликвидирован [Там же. Л. 1].

Несмотря на усилия, которые были предприняты руководством Ленинграда в решении проблемы эвакуации беженцев, судьба большинства из них оказалась трагичной. Условия пребывания тысяч людей в общежитиях эвакопунктов, трудности регистрации в городе, злоупотребления при выдаче продовольственных карточек и в процессе обеспечения беженцев продовольствием, сложности их транспортировки на «большую землю», ранняя и суровая зима приводили к высокой смертности. На это накладывалась слабая организация в вопросах закрепления и распределения городского жилого фонда, который, находясь в ведении местных советов, в годы войны неоднократно переходил из рук в руки без соответствующего юридического оформления и материально-технического сопровождения [Иванов В. А., Иванов Д. В., с. 107]. Часть домов в Ленинграде на про-

тяжении всей блокады так и оставались бесхозными, находясь в «безответственном владении». Подселение к родственникам в большинстве случаев не означало для беженцев улучшения их материальных и бытовых условий.

Список литературы

Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть 1: Июнь 1941 г. – март 1942 г. / отв. сост. К. А. Болдовский. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. 863 с.

Бюллетень Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1941. № 21–22, 30, 36, 37.

Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб. : Остров, 2005. 436 с.

Ганценмюллер Й. Осажденный Ленинград. Город в стратегических расчетах агрессоров и защитников. 1941–1944. М. : Центрполиграф, 2019. 511 с.

Иванов В. А., Иванов Д. В. ЖКХ блокадного Ленинграда (организационные и правовые аспекты функционирования низовых структур в 1941–1943 гг.) // Война и блокада : сб. памяти В. М. Ковальчука / отв. ред. А. Н. Чистиков. СПб. : Нестор-История, 2016. С. 97–112.

Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 315 с.

Ковальчук В. М. Эвакуация населения Ленинграда летом 1941 г. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 15–24.

Ленинград в осаде : сб. док. о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб. : Лики России, 1995. 640 с.

Ленинградская правда. 1941. 28 июня, 29 июня.

Ленинградский университет в Великой Отечественной : очерки / отв. ред. Ю. Д. Марголис. Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. 325 с.

Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб. : Logos, 1995. 519 с.

Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М. : РОССПЭН, 2008. 303 с.

Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки : в 3 т. М. : Центрполиграф, 2003. Т. 3. 463 с.

Побратимы : Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается : сб. ст. / отв. ред. Ю. З. Кантор. М. : РОССПЭН, 2019. 951 с.

Помним. Колпинская Книга Памяти / предс. ред. колл. О. А. Черезов. СПб. : Агат, 1995. 430 с.

Пянкевич В. Л., Чистиков А. Н. Пешком по озеру: эвакуация населения из Ленинграда в конце ноября – начале декабря 1941 г. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 1. С. 56–69. DOI 10.21638/11701/spbu24.2019.103.

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 423, 424, 426, 430.

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 10; Оп. 2. Д. 19.

РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1010.

Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде : [в 3 кн.]. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2013. Кн. 1. Июнь 1941 – май 1942. 696 с.

Соболев Г. Л., Ходяков М. В. Потери Ленинградского университета в годы Великой Отечественной войны // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Сер.: История. 2010. Вып. 2. С. 14–23.

Сулейманова Р. Н. Жизнь в эвакуации : Ленинградские жители в Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 39–52. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.103.

Хлевнюк О. В. Административные практики в советском тылу: между централизацией и автономией // Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / отв. сост. Б. Физелер, Р. Д. Марквик. М. : Полит. энцикл., 2019. С. 257–275.

ЦГА СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 5, 10, 19; Ф. 7384. Оп. 17. Д. 238, 244; Оп. 36. Д. 62.

Jones M. Leningrad. State of Siege. N. Y. : Basic Books, 2008. 322 p.

Hass J. K. Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2021. 411 p.

Hass J. K., Lomagin N. A. Making Peace with War: Adaptation and the Soviet Political Economy in the Blockade of Leningrad // *Modern History of Russia*. 2020. Vol. 10, № 1. P. 53–69. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.104.

Reid A. Leningrad. The Epic Siege of World War II, 1941–1944. N. Y. : Walker and Co., 2011. 492 p.

References

Boldovskiy, K. A. (Ed.). (2019). *Blokada v resheniyakh rukovodyashchikh partiinykh organov Leningrada. 1941–1944 gg. Postanovleniya byuro leningradskikh gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanii. Ch. 1. Iyun' 1941 g. – mart 1942 g.* [The Blockade in the Decisions of the Leading Party Bodies of Leningrad. 1941–1944. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and Regional Committee of the CPSU and Transcripts of Meetings. Part 1. June 1941 – March 1942]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 863 p.

Bulleten' Leningradskogo gorodskogo Soveta deputatov trudyashchihsya [Bulletin of the Leningrad City Council of Working People's Deputies]. (1941). No. 21–22, 30, 36, 37.

Cherezov, O. A. (Ed.). (1995). *Pomnim. Kolpinskaya Kniga Pamyati* [Remember. The Kolpino Book of Memory]. St Petersburg, Agat. 430 p.

Dzeniskevich, A. R. (Ed.). (1995). *Leningrad v osade. Sbornik dokumentov o geroicheskoi oborone Leningrada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1944* [Leningrad under Siege. A Collection of Documents on the Heroic Defense of Leningrad during the Great Patriotic War of 1941–1944]. St Petersburg, Liki Rossii. 640 p.

Genzenmüller, J. (2019). *Osazhdennyi Leningrad. Gorod v strategicheskikh raschetakh agressorov i zashchitnikov. 1941–1944* [Besieged Leningrad. The City in the Strategic Calculations of Aggressors and Defenders. 1941–1944]. Moscow, Tsentrpoligraf. 511 p.

Hass, J. K. (2021). *Wartime Suffering and Survival. The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. N. Y., Oxford Univ. Press. 411 p.

Hass, J. K., Lomagin, N. A. (2020). Making Peace with War: Adaptation and the Soviet Political Economy in the Blockade of Leningrad. In *Modern History of Russia*. Vol. 10. No. 1, pp. 53–69. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.104.

Ivanov, V. A., Ivanov, D. V. (2016). ZhKKh blokadnogo Leningrada (organizatsionnye i pravovye aspekty funktsionirovaniya nizovykh struktur v 1941–1943 gg.) [The Housing and Communal Services of Besieged Leningrad (Organisational and Legal Aspects of the Functioning of Grassroots Structures in 1941–1943)]. In Chistikov, A. N. (Ed.). *Voina i blokada. Sbornik pamyati V. M. Koval'chuka*. St Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 97–112.

Jones, M. (2008). *Leningrad. State of Siege*. N. Y., Basic Books. 322 p.

Kantor, Yu. Z. (Ed.). (2019). *Pobratimy: regionam, prinyavshim zhitelei blokadnogo Leningrada, posvyashchaetsya. Sbornik statei* [Brothers: Dedicated to the Regions that Received the Inhabitants of Besieged Leningrad. Digest of Articles]. Moscow, ROSSPEN. 951 p.

Karasev, A. V. (1959). *Leningradtsy v gody blokady. 1941–1943* [Leningraders during the Blockade. 1941–1943]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 315 p.

Khlevnyuk, O. V. (2019). Administrativnye praktiki v sovetskom tylu: mezhdutseentralizatsiei i avtonomiei [Administrative Practices in the Soviet Rear: Between Centralisation and Autonomy]. In Fizeler, B., Markvik, R. D. (Eds.). *Sovetskii tyl 1941–1945: povsednevnyaya zhizn' v gody voiny*. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, pp. 257–275.

Koval'chuk, V. M. (2000). Evakuatsiya naseleniya Leningrada letom 1941 g. [Evacuation of the Population of Leningrad in the Summer of 1941]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 3, pp. 15–24.

- Leningradskaya pravda* [*Leningradskaya Pravda*]. (1941). June 28, 29.
- Likhachev, D. S. (1995). *Vospominaniya* [Memoirs]. St Petersburg, Logos. 519 p.
- Margolis, Yu. D. (Ed.). (1990). *Leningradskii universitet v Velikoi Otechestvennoi. Ocherki* [Leningrad University in the Great Patriotic War. Essays]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 325 p.
- Meerovich, M. G. (2008). *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment by Housing: Housing Policy in the USSR as a Means of Managing People (1917–1937)]. Moscow, ROSSPEN. 303 p.
- Ostroumova-Lebedeva, A. P. (2003). *Avtobiograficheskie zapiski v 3 t.* [Autobiographical Notes. 3 Vols.]. Moscow, Tsentrpoligraf. Vol. 3. 463 p.
- Piankevich, V. L., Chistikov, A. N. (2019). Peshkom po ozeru: evakuatsiya naseleniya iz Leningrada v kontse noyabrya – nachale dekabrya 1941 g. [Walking over the Lake: The Evacuation of the Population from Leningrad in Late November and Early December 1941]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 9. No. 1, pp. 56–69. DOI 10.21638/11701/spbu24.2019.103.
- Reid, A. (2011). *Leningrad. The Epic Siege of World War II, 1941–1944*. N. Y., Walker and Co. 492 p.
- RGAE [Russian State Archive of Economics]. Stock 1562. List 329. Dos. 1010.
- RGANJ [Russian State Archive of Contemporary History]. Stock 3. List 50. Dos. 423, 424, 426, 430.
- RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 644. List 1. Dos. 10; List 2. Dos. 19.
- Sobolev, G. L., Khodyakov, M. V. (2010). Poteri Leningradskogo universiteta v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [The Losses of Leningrad University during the Great Patriotic War]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 2, pp. 14–23.
- Sobolev, G. L. (2013). *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade v 3 kn.* [Leningrad in the Fight for Survival in the Blockade. 3 Books]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Book 1. Iyun' 1941 – mai 1942. 696 p.
- Suleimanova, R. N. (2020). Zhizn' v evakuatsii. Leningradskie zhiteli v Bashkirii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Life in Evacuation: Leningraders in Evacuation in Bashkiria during the Great Patriotic War]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. Vol. 10. No. 1, pp. 39–52. DOI 10.21638/11701/spbu24.2020.103.
- TsGA SPb [Central State Archive of St Petersburg]. Stock 330. List 1. Dos. 5, 10, 19; Stock 7384. List 17. Dos. 238, 244; List 36. Dos. 62.
- Vakser, A. Z. (2005). *Leningrad poslevoennyi. 1945–1982 gody* [Postwar Leningrad. 1945–1982]. St Petersburg, Ostrov. 436 p.

The article was submitted on 31.01.2022

**Международная помощь беженцам в послевоенной
Германии в оценках эмигрантов и перемещенных лиц
из России и Советского Союза***

Алексей Антошин

Юлия Запарий

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**International Refugee Aid in Postwar Germany
as Evaluated by Emigrants and Displaced Persons
from Russia and the Soviet Union**

Alexey Antoshin

Julia Zapariy

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article is devoted to international assistance to refugees who stayed in German camps in the second half of the 1940s. The authors of the article focus on ego-documents coming from Soviet “displaced persons” and emigrants from Russia. The novelty of this study lies in the fact that the authors carry out a comparative analysis of the information found in these historical sources and the official documents of the UN structures involved in helping refugees, which has not been done previously. The authors refer to materials from the archives of the Hoover Institution for War, Revolution, and Peace (Stanford, USA), the Bakhmetev Archive of Russian and East European Culture of Columbia University (New York, USA), the Manuscript Department of the Library of

---

* *Citation:* Antoshin, A., Zapariy, Ju. (2022). International Refugee Aid in Postwar Germany as Evaluated by Emigrants and Displaced Persons from Russia and the Soviet Union. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 469–484. DOI 10.15826/qr.2022.2.682.

Цитирование: Antoshin A., Zapariy Ju. International Refugee Aid in Postwar Germany as Evaluated by Emigrants and Displaced Persons from Russia and the Soviet Union // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 469–484. DOI 10.15826/qr.2022.2.682 / Антошин А., Запарий Ю. Международная помощь беженцам в послевоенной Германии в оценках эмигрантов и перемещенных лиц из России и Советского Союза // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 469–484. DOI 10.15826/qr.2022.2.682.

Congress (Washington), the Department of Manuscripts of the Russian State Library (Moscow, Russia), and the UN archive. Also, they rely on the conceptual developments of specialists in the field of ego-document analysis as a historical source. As a result, it is proved that many statements in the memoirs of Soviet “displaced persons” and emigrants are emotional in nature and not supported by information found in other sources. The analysis demonstrates that international organisations created to help refugees after the Second World War faced objective difficulties. The activities of these structures were peculiar in that they developed on the territory of Germany, which was divided into occupation zones. The authors identify the main parameters of the activities of international organisations to help refugees and show the sources and scale of funding provided for the camp system in Germany in the second half of the 1940s. Considerable attention is paid to the evolution of the system of international assistance to refugees associated with the transition from the UNRRA to the IRO. The authors prove that in the first postwar years, there was a search for ways to provide assistance to refugees and “displaced persons” and the development of international mechanisms in this area, which would be improved in the subsequent period.

Keywords: United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA), International Refugee Organization (IRO), refugees, displaced persons, emigration from the USSR

Статья посвящена проблеме международной помощи беженцам, находившимся во второй половине 1940-х гг. в лагерях в Германии. В основе исследования – эго-документы, исходившие от советских перемещенных лиц и российских эмигрантов. Впервые проведен компаративный анализ информации, содержащейся в данных источниках, и материалов официальных документов структур ООН, которые занимались помощью беженцам. В работе использованы материалы из архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметевского архива русской и восточноевропейской культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Рукописного отдела Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), Отдела рукописей РГБ (Москва, Россия), а также архива ООН. В результате исследования доказано, что многие заявления, которые содержатся в мемуарах советских перемещенных лиц и эмигрантов, носят эмоциональный характер и не подтверждаются информацией, содержащейся в других источниках. Как свидетельствует проведенный анализ, международные организации, созданные для помощи беженцам после Второй мировой войны, сталкивались в своей деятельности с объективными трудностями. Особую специфику активности данных структур придавало то, что она развивалась на территории Германии, которая была разделена на зоны оккупации. Выявлены основные параметры деятельности международных организаций помощи беженцам, показаны источники и масштабы финансирования системы лагерей, которые существовали в Германии во второй половине 1940-х гг. Значительное внимание уделено эволюции системы международной помощи, связанной с переходом от ЮНРРА к ИРО. Дока-

зано, что в первые послевоенные годы происходил поиск путей оказания помощи беженцам и перемещенным лицам, а также выработки международных механизмов в этой сфере, которые будут совершенствоваться в последующий период.

Ключевые слова: Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРПА), Международная организация по делам беженцев (ИРО), беженцы, перемещенные лица, эмиграция из СССР

Вторая мировая война обострила вопрос о статусе и судьбе беженцев и перемещенных лиц. Международное регулирование вопроса беженцев стало частью послевоенного миропорядка и режима прав человека, предметом открытых и секретных договоренностей между странами-победительницами. Формировался сложный многоступенчатый механизм регулирования проблем, составными частями которых, помимо государств и ООН, выступали эмигрантские сообщества и организации. Они являлись и реципиентами помощи, и одними из участников процесса формирования международно-правового режима и политической борьбы.

Каково было отношение российского эмигрантского сообщества и перемещенных лиц (*displaced persons*, «ди-пи») из СССР к формировавшейся системе и деятельности международных организаций, помогавших беженцам и перемещенным лицам?

Ответы кроются в многочисленных эго-документах – письмах и мемуарах выходцев из России и Советского Союза, оказавшихся за пределами своей родины и попавших в лагеря для перемещенных лиц. Некоторые из этих исторических источников опубликованы, другие хранятся в различных архивах – Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, США), Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк, США), Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), Отделе рукописей РГБ (Москва, Россия). Существенный массив документов, отражающих процесс становления системы оказания помощи беженцам и перемещенным лицам, содержится в архиве ООН (United Nations Archives and Records Management, UNA).

Безусловно, при оценке высказываний русских «ди-пи» необходимо учитывать специфику такого источника, как эго-документ, связанную с особенностями индивидуального восприятия исторической реальности, психологических и ценностных установок авторов. Стоит брать во внимание и политические взгляды тех, кому удалось оставить воспоминания о пребывании в лагерях: многие из этих людей являлись убежденными антикоммунистами.

Вопрос о деятельности международных организаций по формированию системы лагерей (наряду с проблемой идейно-политических установок находившихся там перемещенных лиц) находится в центре внимания многих исследователей [Cohen; Fitzpatrick; Gottfried; Hilton;

Holian; Marrus; Persian; Wyman]. Опорой на разнообразные исторические источники (в том числе на материалы зарубежных архивов) отличается исследование проживающей в Германии Е. Кулен, специально посвященное положению русских «ди-пи» в лагерях в Баварии [Кулен].

Вопрос об отношении находившихся в лагерях русских «ди-пи» к деятельности международных организаций помощи важен, поскольку позволяет приблизиться к пониманию проблемы эффективности тех структур, которые были созданы странами-союзниками по антигитлеровской коалиции, а затем и ООН в данной сфере.

Основные аспекты деятельности ЮНРРА в мемуарах беженцев

В 1943 г. союзники учредили Администрацию помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА)¹. Задача организации заключалась в планировании и реализации мер помощи жертвам войны в любых районах, которые находились под контролем какой-то из стран Объединенных Наций, «через обеспечение едой, топливом, одеждой, жилищем и другими базовыми вещами» [United Nations Relief, p. 7]. Данная международная структура функционировала по всему миру, но на Европейском континенте были сосредоточены ее основные ресурсы и усилия². Одними из важнейших направлений деятельности ЮНРРА стали создание и администрирование лагерей для беженцев и перемещенных лиц. Основная масса ресурсов и средств выделялась ЮНРРА на помощь перемещенным лицам в Германии и Австрии³. К концу 1945 г. организация управляла 263 сборными центрами и несла ответственность за 3/5 всех перемещенных лиц в Германии [Nevins, p. 273]. В лагерях ЮНРРА перемещенные лица могли рассчитывать на получение регулярного питания, медицинской помощи, содействие в оформлении документов для возвращения на родину. Известный деятель НТС К. В. Болдырев вспоминал, что «поначалу люди шли в лагерь неохотно, но... крайне обострившийся после окончания грабежей вопрос питания» вынуждал их соглашаться на размещение в них [Болдырев, с. 113]. Люди в лагерях группировались в основном по национальному принципу.

Помещения для будущих лагерей выбирались самые разные. Лагерь Гангхоферзидлунг (в районе Регенсбурга), по воспоминаниям А. А. Аристовой, где находилась ее семья, ранее был поселком имени Геринга, построенным для рабочих завода «Мессершмитт». Новое название данному населенному пункту дала именно UNRRA, когда

¹ United Nations Relief and Rehabilitation Administration (UNRRA).

² Всего в Европе было расположено 32 региональных и 40 специальных управлений ЮНРРА, 9 сборных центров и 10 добровольческих агентств.

³ В 1945 г. расходы на операции помощи «ди-пи» в Австрии и Германии составляли 20,5 млн долл., на все остальные территории – 5,2 млн долл. [UNA. S-1193-0000-0001. P. 25].

было принято решение о создании в этом месте лагеря для перемещенных лиц. Проживавшие ранее там немцы были выселены из поселка, и вместо них поселились «ди-пи». «Поселок считался лучшим лагерем в Германии. Здесь были отдельные дома, а не бараки, и у людей было больше чувства собственности. Они сами себе готовили пищу и имели свои участки земли» [Аристова, с. 55]. Каждая семья жила в отдельной комнате, а кухня в доме была общая.

В целом у А. А. Аристовой остались неплохие впечатления от условий жизни в лагере и от работы чиновников UNRRA, которая «кормила» проживавших в Гангхоферзидлунге «ди-пи». Правда, она отмечает: «Выдавали пайки американских солдат... Счастье было, когда пайки были целые, но чаще всего они были уже вскрыты, и из них были вытащены шоколад и сигареты». А. А. Аристова вспоминает, что в американских пайках были мясные консервы и масло. Кроме них, «ди-пи» иногда получали и британские пайки, где было много леденцов [Там же, с. 58].

Лагеря, где находился бывший военнопленный Красной армии Л. Артемьев, зачастую представляли собой бывшие немецкие казармы [Артемьев, с. 110]. Как и многие находившиеся в лагерях люди, Л. Артемьев крайне слабо представлял себе правовой статус UNRRA и ее связь с ООН, поэтому в своих воспоминаниях он именуется «благотворительной организацией» [Там же, с. 111]. По словам Л. Артемьева, UNRRA предоставляла значительную автономию обитателям лагерей, оставляя за собой лишь покровительство над ними [Там же].

Особенно широкую известность приобрел лагерь Менхегоф. Его история многократно освещалась в различных мемуарах, оставленных бывшими «ди-пи» и русскими эмигрантами [Байдалаков; Болдырев; Болдырева-Семлер; Рар; Романов и др.]. Как показано в исторических источниках, фактически само создание этого лагеря было результатом деятельности членов эмигрантской организации «Национально-трудовой союз» (НТС): убежденные антикоммунисты, они стремились избежать выдачи в СССР. К лету 1945 г. большая группа членов НТС (около 500 чел.) находилась в лагере Нидерзаксверфен в Тюрингии. В июне 1945 г. стало известно, что эта территория должна отойти в советскую зону оккупации [Пушкарев, с. 28]. Известный деятель НТС К. В. Болдырев вывез этих людей в район Касселя, находившегося в американской зоне оккупации. По словам его дочери Е. К. Болдыревой-Семлер, к солидаристам присоединились многие другие обитатели лагерей в Тюрингии, поэтому всего было вывезено около 4 тыс. чел. [Болдырева-Семлер, с. 69]. Однако, как полагает Г. А. Рар, эта цифра – 3,5–4 тыс. чел. – отражает все население менхегофских лагерей в период их расцвета [Рар, с. 194].

В 15 км от Касселя К. В. Болдырев и его товарищи нашли брошенный лагерь иностранных рабочих: «За 24 часа вымыли полы и окна, засыпали дорожки песком, натыкали деревьев, срубленных в соседнем лесу, привели в порядок уборные» [Байдалаков, с. 58]. Находив-

шаяся в Касселе американская комендатура лишь санкционировала открытие лагеря в Менхегофе. Е. Романов вспоминал:

Приехал генерал, посмотрел: «Что ж, владейте этим лагерем». Они зафиксировали этот лагерь как «унрровский»... Позже получили мы и «унрровскую» администрацию – приехали и поселились рядом французы, конфисковали помещение в ближайшей деревне [Романов, с. 93].

Постепенно созданная при содействии ЮНРРА «империя НТС» разрослась: кроме основного, возникли еще два лагеря недалеко от Менхегофа – в Ротвестене и Фюрстенвальде. «Так у нас возникло свое маленькое государство», – отмечал Е. Романов [Там же, с. 95]. Руководителем всех менхегофских лагерей стал К. В. Болдырев, который смог установить хорошие отношения с представителями американской комендатуры. Именно взаимодействие с представителями армии США было для руководителей лагеря в Менхегофе наиболее важным. Как вспоминает, например, Г. А. Рар, американцы снабдили жителей лагеря одеждой: «ди-пи» получили «с какого-то трофейного немецкого склада невероятное количество мужских рубашек коричневого (партийного) цвета» [Рар, с. 191].

В мемуарах деятелей НТС показано, что ЮНРРА предоставляла весьма широкое самоуправление проживавшим в лагере «ди-пи»: они сами занимались благоустройством территории, строительством церкви, открытием гимназии и сети профессиональных курсов, организацией системы медицинского обслуживания, созданием культурно-просветительских учреждений (театра, симфонического оркестра, издательства). Фактически, по словам Е. Романова, связь руководства лагеря с ЮНРРА состояла в том, что международная организация поставляла лагерю продукты, сигареты и т. д. [Романов, с. 93].

Сами деятели НТС неоднократно подчеркивали специфику лагерей в районе Менхегофа. Л. А. Рар и В. А. Оболенский заявляли:

В то время, когда почти все перемещенные лица предавались «отдыху» после немецкого плена, когда американцы заваливали их едой, не требуя никакой работы, эти лагеря стали трудовыми, т. е. обслуживали себя и работали вовне: в большом госпитале в самом Касселе, на американском аэродроме, организовали большую авторемонтную мастерскую и т. д. [Рар, Оболенский, с. 166].

Действительно, руководство лагеря в Менхегофе договорилось о том, чтобы находившиеся здесь «ди-пи» могли зарабатывать себе на жизнь. «Правда, платили не американцы, а немцы в счет репараций, – замечал Е. Романов. – И это, я думаю, в то время был единственный такой феномен – рабочий лагерь “ди-пи”» [Романов, с. 94].

ЮНРРА работала в сложных условиях по всему миру. Во внутренних документах организации можно найти свидетельства о труд-

ностях во взаимодействии с русскими перемещенными лицами. Так, в докладе команды по регистрации «ди-пи» в Гейдельбергском лагере сообщалось о языковых трудностях, нехватке переводчиков и врачей, которые могли бы на русском языке проводить медицинское освидетельствование [UNA. s-1940-0001-0014-00001. P. 19]. Автор документа сетовал на «чрезвычайно затянувшийся процесс регистрации», а также отмечал «плохую информированность и даже подозрительное отношение» «ди-пи» к необходимости заполнения регистрационных карт. Подобная реакция отчасти объяснялась страхом перед возможностью перемещения беженцев в советскую зону.

Вопрос о репатриации беженцев и перемещенных лиц являлся для ЮНРРА одним из сложнейших. СССР постоянно обвинял организацию в том, что она препятствовала возвращению «ди-пи» и создавала сложности для советских репатриационных комиссий. В феврале 1946 г. советские представители затребовали поименные списки всех лиц, зарегистрированных ЮНРРА в американской зоне контроля. СССР оказывал серьезное политическое давление на руководство ЮНРРА и по линии Союзного контрольного комитета, и в рамках обсуждения вопроса на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Несмотря на критику и обвинения в укрывательстве коллаборационистов и «квислингов», организация придерживалась принципа, что любое перемещенное лицо, не имеющее политического конфликта со своим государством, должно стремиться к возвращению на родину [The Story of U. N. R. R. A., p. 16]. Уже упоминавшийся Л. Артемьев отмечал, что, «выполняя требования СССР, УНРА вынуждена была проводить проверки-скрининг для выявления подсоветских граждан» [Артемьев, с. 111]. Не избежал этой участи и лагерь в Менхегофе. Эффективность деятельности советских комиссий в значительной степени зависела от линии поведения связанных с лагерной администрацией американских и британских офицеров. Последние должны были оказывать содействие представителям СССР, но нередко были приверженцами антикоммунистических взглядов и поэтому всячески препятствовали выдаче тех «ди-пи», которые не желали возвращаться в Советский Союз. Для находившихся в лагере в Менхегофе членов НТС таковым стал американец капитан Стюарт, который не только заранее предупредил руководство лагеря о приезде советской комиссии, но и всегда присутствовал при беседах ее членов с перемещенными лицами, мешая задавать последним «неудобные» вопросы. Он же добился того, что срок пребывания комиссии в Менхегофском лагере оказался очень недолгим [Романов, с. 95–96].

История данного лагеря все же закончилась конфликтом его руководства с представителями ЮНРРА. «Дело в том, что французы воровали, – вспоминал Е. Романов. – Они раз в неделю уезжали на джипе в Париж и нагружали полный джип кофе и сигарет, которые они должны были раздавать в лагере». У самого Е. Романова такое поведение представителей UNRRA не вызывало особого отторжения,

он считал это меньшим злом: «Они, в общем-то, неплохие были... Ну пусть бы себе и дальше воровали... Жить с ними было можно» [Романов, с. 98]. Но руководитель менхегофских лагерей К. В. Болдырев начал протестовать против такого поведения чиновников международной организации, и тогда американцы провели «чистку» лагерей, выселив из них осенью 1946 г. большую группу лидеров НТС. Последние были расселены по городам Германии как беженцы. «Минус заключался в том, что мы снимались с «унрровского» содержания и попадали на немецкие голодные карточки», – указывал Е. Романов [Там же, с. 99]. Как заявляли деятели НТС, позднее выяснилось: последний начальник лагерей являлся членом Компартии США [Рар, Оболенский, с. 166].

Весьма сложным является вопрос об отношении чиновников ЮНРРА к политической деятельности в лагерях. Среди лидеров «ди-пи» было немало убежденных антикоммунистов, в прошлом сотрудничавших с немцами. Часть деятелей «старой» эмиграции предпочитали не обращать на это внимание, однако были и те, кто воспринимали такие факты резко негативно. Таким был, например, Д. И. Чижевский – выдающийся философ, славист, гуманитарий-энциклопедист. Один из основателей (вместе с Р. О. Якобсоном и Н. С. Трубецким) Пражского лингвистического кружка, он пережил эпоху Третьего рейха в качестве «внепланового лектора» русского языка в университетах Галле и Йены, живя под постоянной угрозой заключения в концлагерь. Летом 1945 г., накануне занятия Галле Советской армией, Д. И. Чижевский покинул город, перебравшись в западногерманский Марбург.

Однако не пожелавший жить в советской зоне оккупации Германии Д. И. Чижевский всегда сохранял внутреннюю свободу и критичность мышления. Не случайно во время его работы в Марбурге во второй половине 1940-х гг. за ним бдительно следили американские спецслужбы, а министр культуры земли Гессен считал его «коммунистом» [см.: Чижевский, с. 8]. В отличие от большинства лидеров старой эмиграции, он весьма критически высказался о «ди-пи», назвав их в личном письме «сотрудниками Гитлера, которые... сейчас отсиживаются в лагерях УНРРА» [Д. И. Чижевский – Б. И. Николаевскому]. По мнению Д. И. Чижевского, ЮНРРА помогала тем, кто сотрудничал с нацистами, избежать заслуженного наказания.

Данная международная организация давала возможность обитателям лагерей «ди-пи» выпускать разнообразную литературу, среди которой было немало антисоветских изданий. Как вспоминал старый член НТС Р. В. Полчанинов, до конца октября 1946 г. вся литература, выходившая в лагерях, печаталась с грифом *Approved by UNRRA Team*. С ноября 1946 г., отмечал он, «американцы потребовали прекратить всю иностранную книгоиздательскую деятельность», а с мая 1947 г. начали давать разрешения печатать не только книги, выходившие в лагерях, но и те, что выпускали издатели, проживавшие на частных квартирах

[Полчанинов, с. 399]. Так, после войны возобновил свою деятельность известный еще до революции 1917 г. ростовский книгоиздатель Н. Е. Парамонов, который жил на частной квартире в Байройте, но получил разрешение на выпуск литературы от ЮНРРА, поскольку в этой организации крупный пост занимал его сын [Там же, с. 388]. Впрочем, отдельные издатели выпускали книги и без разрешения со стороны ЮНРРА.

Люди с разнообразными культурными потребностями (а таких среди «ди-пи» было не так уж мало) с жадностью набрасывались почти на любую русскоязычную литературу. Так, оказавшийся в лагере в районе Анконы (Италия) эмигрант, бывший офицер уланского Одесского полка В. А. Черненко писал в 1947 г. в личном письме: «Одним из главных лишений в нашей теперешней жизни нужно считать отсутствие книги или даже газеты» [В. А. Черненко – Б. Л. Бразолу]. Поэтому, как вспоминал Р. В. Полчанинов, литература в лагерях пользовалась спросом: «У обитателей Ди-Пи лагерей, у которых была потребность к чтению, оказалось много свободного времени, так как Ди-Пи не должны были работать и были на полном иждивении УНРРА». Издававшийся НТС в Менхегофе знаменитый впоследствии «Посев» имел «прекрасно налаженную сеть своих представительств» в отдельных лагерях «ди-пи» [Полчанинов, с. 385], чему контролировавшая их ЮНРРА не препятствовала.

При участии ЮНРРА значительная часть перемещенных лиц (более 5 млн чел.) в Германии была репатриирована в первые полгода после окончания войны в Европе, затем темпы возвращения на родину значительно сократились. В июне 1947 г., когда ЮНРРА передавала дела подготовительной комиссии Международной организации беженцев, в лагерях Германии оставалось более 0,5 млн чел.

Деятельность ИРО в восприятии русских «ди-пи»

Масштабы проблемы возвращения и реабилитации беженцев и перемещенных лиц были велики и требовали последовательной и хорошо организованной работы. Деятельность ЮНРРА носила в целом чрезвычайный характер и не могла обеспечить, по мнению многих политиков и активистов, систематической работы в этом направлении. В феврале 1946 г. по предложению Великобритании Генеральная Ассамблея ООН инициировала создание специального агентства. На сессии Генассамблеи 15 декабря 1946 г. делегаты приняли устав Международной организации по делам беженцев (ИРО) [Документ ООН A/RES/62(I)]. В ее основные функции входили репатриация, регистрация и классификация беженцев и перемещенных лиц, попечение о них, оказание им помощи, в том числе политической и правовой, перевозка и окончательное возвращение к обычным условиям и переселение в страны, могущие и готовые их принять (ст. 2 Устава ИРО [Там же]). Именно ИРО должна была решить весь комплекс международно-правовых, организационных и политических вопросов, связанных с репатриацией беженцев.

Различие между ЮНРРА и ИРО признавали сами «ди-пи» сотрудники. Уже упоминавшийся деятель НТС Е. Романов отмечал, что ИРО была «как бы юридической инстанцией, которая ведала перемещенными лицами», а ЮНРРА «занималась конкретной помощью: поить, кормить и т. д.» [Романов, с. 93]. Один из центров ИРО располагался в Киссингене (район Касселя), его сотрудниками стали многие русские «ди-пи» со знанием иностранных языков [Рар, с. 194].

Безусловно, к 1947–1948 гг., когда разворачивалась деятельность ИРО, психологическое состояние многих перемещенных лиц было весьма тяжелым. Многие из них сменили нацистские концлагеря на созданные под эгидой ЮНРРА, а затем и ИРО, и в течение нескольких лет не имели четкого представления относительно своего будущего. Настроения многих выразил З. Макаренко, писавший в 1947 г. известному поэту Д. Д. Бурлюку:

Есть развязные разговоры о том, что скоро будут беженцев отправлять, ну и пусть, поскорее, лишь бы не к лешему на рога... Знаете, Д. Д., как нам надоели эти скитания по лагерям с 1943 г.? [З. Макаренко – Д. Д. Бурлюку].

Именно это психологическое состояние перемещенных лиц являлось одной из основных причин их недовольства деятельностью ИРО, которое нередко проявлялось в их личной переписке. Например, поэт Ю. П. Трубецкой писал в 1950 г., что находится в больнице с вывихом коленного сустава, в то время как подошел срок его отъезда в США. Эта ситуация вызывала у него беспокойство: «ИРО ставит вопрос таким образом, что, если не можете ехать, когда назначено – лишаетесь права ехать вообще! Мое положение – белого раба». Это заставило его воскликнуть: «Зависеть от такой мерзкой организации и не принадлежать себе!» [Ю. П. Трубецкой – Г. В. Иванову]. Думается, чиновники ИРО далеко не всегда заслуживали за свою работу таких эпитетов. В соответствии с принятыми в организации стандартами паек подопечных в Германии в мае 1947 г. составлял 1 900 ккал в сутки, а к концу 1948 г. – 2 230 ккал [Holborn, p. 229–230]. В ряде случаев сотрудники организации подходили к вопросу снабжения «ди-пи» продуктами питания неформально. Г. А. Рар вспоминал, что жил в 1946 г. в Гамбурге на частной квартире, однако получал продукты от ИРО через один из лагерей, находившихся в этом районе [Рар, с. 201]. Он же остроумно заметил, что «покупательная способность перемещенных лиц в Германии увеличивалась за счет получаемых от ИРО папирос и настоящего бобового кофе» [Там же, с. 208].

Сами «ди-пи» отмечали: в условиях послевоенной Европы находившиеся под контролем ИРО лагеря были отнюдь не самым плохим местом для проживания. Организация не только обеспечивала питанием, выдавала одежду, но и спонсировала программы по обучению неграмотных и профессиональной переподготовке. Наряду с лагеря-

ми ИРО существовали и локальные лагеря для беженцев, в которых условия жизни были значительно хуже. О том, как осуществлялось перемещение людей из одних лагерей в другие, рассказывается в мемуарах И. Богута, бывшего младшего лейтенанта Красной армии, попавшего в плен к немцам. Он находился в лагере ИРО в американской зоне оккупации Германии, когда в 1947 г. руководство лагеря стало агитировать находившихся там людей переехать в Бельгию, где требовались рабочие на угольные шахты. Он вспоминал:

Но желающих среди ДиПи не находилось: никто из них не хотел оставаться в Европе, где уже назревал конфликт между Западом и СССР. Видя нежелание ДиПи ехать в Бельгию, американцы придумали «гениальный» выход. Они организовали просеивание мужского населения лагерей ДиПи. После просеивания без всяких объяснений 30 тыс. мужчин были переведены из лагерей ДиПи в немецкие беженские лагеря, в которых люди голодали, так как ИРО не оказывало им помощи. Попал и я в число этих несчастных ДиПи [Богут, с. 108].

Таким образом, продовольственное снабжение лагерей, которое осуществлялось ИРО, в действительности было весьма привлекательным фактором для «ди-пи».

Стремившиеся к консолидации русских «ди-пи» эмигрантские политические организации (например, НТС) постепенно стали концентрировать их в специальных лагерях. Занимавшийся этим Г. А. Рар так обосновал подобные действия:

Если наша задача до того времени заключалась в том, чтобы надежнее спрятать русских беженцев в польских или иных лагерях, то теперь, когда опасность насильственной репатриации минула, когда уже готовилось расселение перемещенных лиц по белу свету, надо было добиваться сосредоточения русских в русских же лагерях, чтобы предстоящее переселение русских беженцев не стало распылением их [Рар, с. 202].

Именно так по инициативе базировавшегося в Гамбурге Комитета бесподданных в британской зоне оккупации возникли три русских лагеря, «куда мог устроиться любой русский из других лагерей или “с воли”, если имел основания для признания его перемещенным лицом» [Там же]. Это были лагеря Функтурм, Фишбек и Колорадо, признанные ИРО. Уже упоминавшийся Л. Артемьев, находившийся в лагере Фишбек под Гамбургом, отмечал, что реальная власть там принадлежала деятелям Комитета бесподданных и членам НТС. Они смогли договориться с представителями ИРО и сформировали правление лагеря [Артемьев, с. 111]. Иными словами, как и ранее ЮНРРА, ИРО давала серьезную автономию находившимся в лагерях «ди-пи», не препятствовала деятельности среди них антикоммунистических организаций. Организация реализовывала свои программы с такими

структурами, как Толстовский фонд, Объединенный литовский фонд Америки, Объединенный украинско-американский комитет помощи. В американской зоне оккупации в состав сотрудников организации были включены деятели Центрального представительства российской эмиграции и ряда других организаций.

В конце 1940-х гг. население лагерей ИРО стало пополняться за счет «новейших» эмигрантов – перебежчиков, бывших солдат и офицеров советских воинских частей, расквартированных в Германии. Листовки НТС убеждали советских солдат и офицеров, что их последним шансом являлся побег на Запад, поскольку в противном случае многих впоследствии ждет арест советскими сотрудниками госбезопасности. В результате некоторые офицеры решали покинуть свои части, а затем довольно быстро сталкивались с серьезными проблемами, тем более, что международные организации постепенно стали ограничивать помощь беглецам из-за «железного занавеса». В эмигрантских и западных СМИ об этом почти не писалось, однако в личной переписке подобная информация появлялась. Лидер созданной «ди-пи» Демократической организации британской зоны оккупации Германии А. В. Яцевич отмечал в декабре 1949 г. в личном письме:

С 31 августа 1949 г. ИРО ни одного беглеца не принимают на свою опеку. Ходят люди как неприкаянные, ни угла, ни работы, ни куска хлеба. В британскую зону резко уменьшился приток беглецов. Тот, кто попадает, вынужден воровать, как-то выкручиваться. Положение хуже нельзя представить. По радио «Голос Америки» говорят одно, человек верит, а, попадая сюда, ругает и радио, и такое пренебрежение к человеку и его судьбе [А. В. Яцевич. – Лиге борьбы за народную свободу].

К началу 1950-х гг. система управления лагерями «ди-пи» в Германии начала меняться: они были выведены из юрисдикции международных организаций, предпринимались усилия по интеграции их населения в западногерманскую экономику. Как заметил эмигрант М. А. Миллер (который был критически настроен в отношении ЮНРРА и ИРО), это изменение положительно сказалось на ситуации в лагерях: «после хаоса, беспорядков и массовых злоупотреблений ИРО порядок немедленно наступил» [М. Миллер – Н. Вакару]. По словам М. А. Миллера, к началу 1950-х гг. в Северо-Западной Германии почти не оставалось лагерей, которые до сих пор находились под международным контролем. Всего за период с июля 1947 по декабрь 1951 г. ИРО зарегистрировала и оказала помощь 973 тыс. беженцев и перемещенных лиц в Германии, из них репатриировались на родину 46, 9 тыс. чел. [Holborn, p. 200]. Основная масса беженцев – более 73 % – благодаря помощи организации переселилась в новые места проживания, в основном в США, страны Западной Европы, Латинской Америки, Канаду и Австралию.

* * *

Воспоминания представителей русского эмигрантского сообщества и других «ди-пи» содержат ценные персонифицированные свидетельства, характеризующие международные усилия в сфере послевоенного восстановления Европы. Созданные для реализации масштабной помощи беженцам организации действовали зачастую неэффективно, когда речь шла о политических противоречиях. И ЮНРРА, и Международная организация беженцев концентрировались на технических вопросах предоставления помощи. Противоречия между СССР и США, зависимость от американского персонала и ресурсов стали «частью политической реальности» этих организаций [Reinisch, p. 156]. Признавая политические сложности взаимодействия с Советским Союзом по поводу судеб «ди-пи», ЮНРРА и ИРО стремились либо держать удар, либо лавировать. Наиболее последовательно международные организации отстаивали принцип свободы самоопределения, хотя самих «ди-пи» зачастую больше интересовали вопросы организации быта и обеспечения продовольствием.

Структуры ЮНРРА и ИРО создавались изначально как временные – для действий в условиях чрезвычайной ситуации. Совместные усилия международного сообщества смогли снять напряженность и обеспечить потребности значительного числа беженцев. В 1951 г. начало свою работу Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Принятая в июле 1951 г. Конвенция о статусе беженцев свела воедино основные элементы определений понятия «беженец» из ранее принятых документов, этот термин обрел юридически более взвешенный характер [Aleshkovski, Botcharova, Grebenyuk, p. 127]. Именно на этом фундаменте развивалась деятельность международных организаций помощи беженцам во второй половине XX в.

Список литературы

- Аристова А. А.* Беженский лагерь Гангхоферзидлунг // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции : очерки и воспоминания. М. : Рус. путь, 2006. С. 54–60.
- Артемов Л.* Мои горькие «университеты» // История русских в Австралии : в 4 т. Сидней : Австралиада : Рус. летопись, 2004. Т. 1. С. 109–111.
- Байдалаков В. М.* «Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена...» : Воспоминания председателя НТС. 1930–1960 гг. М. : Авуар Консалтинг, 2002. 124 с.
- Богут И.* Память сердца // История русских в Австралии : в 4 т. Сидней : Австралиада : Рус. летопись, 2004. Т. 1. С. 107–109.
- Болдырев К. В.* Менхегоф – лагерь перемещенных лиц (Западная Германия) // Вопр. истории. 1998. № 7. С. 110–141.
- Болдырева-Семлер Е. К.* Дань отцу – Константину Болдыреву // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции : очерки и воспоминания. М. : Рус. путь, 2006. С. 66–71.
- Документ ООН A/RES/62(I) // Constitution of the International Refugee Organization, and Agreement on Interim Measures to be Taken in Respect of Refugees and Displaced Persons / General Assembly Official Records. Resolutions Adopted by the General Assembly during Its Resumed 1st Session. Vol. 2. 23 October – 15 December 1946. L., Flushing Meadow, N. Y. : [S. n.], 1947. P. 84–98.

Кулен Е. Судьба русских «перемещенных лиц» в американской зоне оккупации в Баварии // Новый журнал. 2019. Кн. 295. С. 288–343.

З. Макаренко – Д. Д. Бурлюку. 1947 // ОР РГБ. Ф. 713. Карт. 1. Ед. хр. 19. Л. 1.

М. Миллер – Н. Вакару. 23.06.1950 // BAR. Nikolai P. Vakar coll. Box 3. Folder “Arranged correspondence of N. Vakar”.

Полчанинов Р. В. Русский книжный «бум» в Германии в 1945–1948 гг. // Нансеновские чтения 2009. СПб. : Рус. эмиграция, 2010. С. 383–401.

Пушкарёв Б. С. НТС в истории российского Сопротивления // От Зарубежья до Москвы : Народно-Трудовой Союз (НТС) в воспоминаниях и документах. 1924–2014. М. : Посев, 2014. С. 5–60.

Рар Г. А. «...И будет наше поколение давать истории отчет» : воспоминания. М. : Рус. путь, 2011. 728 с.

Рар Л. А., Оболенский В. А. Ранние годы : Очерк истории Национально-трудового союза (1924–1948). М. : Посев, 2003. 192 с.

Романов Е. В борьбе за Россию : Воспоминания руководителя НТС. М. : Голос, 1999. 320 с.

Ю. П. Трубецкой – Г. В. Иванову. 1950 // ОР РГБ. Ф. 372. Карт. 13. Ед. хр. 29. Л. 1.

В. А. Черненко – Б. Л. Бразолу. 06.08.1947 // Library of Congress. Manuscript Division (LoC. MD). The papers of Boris Brasol. Box 9. Folder “Non-English. 1947”.

Чижевский Д. И. Избранное : в 3 т. М. : Рус. путь, 2007. Т. 1. Материалы к биографии (1894–1977). 848 с.

Д. И. Чижевский – Б. И. Николаевскому. 12.05.1947 // НИА. Boris I. Nicolaevsky coll. Ser. 248. Box 476. Folder 24.

А. В. Яцевич – Лиге борьбы за народную свободу. Получено Лигой 17.12.1949 // BAR. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder “Subject files: Liga borby za narodnuu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K”.

Aleshkovski I., Botcharova Z, Grebenyuk A. The Evolution of the International Protection of Refugees Between the World Wars // Social Evolution and History. 2021. Vol. 20, № 2. P. 109–132.

Cohen G. In War’s Wake: Europe’s Displaced Persons in the Postwar Order. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2011. 237 p.

Fitzpatrick Sh. Mischka’s War. A European Odyssey of the 1940s. [Melbourne] : Melbourne Univ. Publ., 2017. 313 p.

Gottfried T. Displaced Persons: The Liberation and Abuse of Holocaust Survivors. Brookfield, CT : Twenty-First Century Books, 2001. 127 p.

Hilton L. Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952 : PhD Diss. Ohio State Univ., 2001. 220 p.

Holborn L. The International Refugee Organization: A Specialized Agency of the United Nations: Its History and Work, 1946–1952, L. ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 1956. 805 p.

Holian A. Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2011. 367 p.

Marrus M. The Unwanted: European Refugees From the 1st World War Through the Cold War. [Temple] : Temple Univ. Press, 2002. 432 p.

Nevins A. Herbert H. Lehman and His Era. N. Y. : Scribner’s Sons, 1963. 456 p.

Persian J. Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians. Sydney : New South Publ., 2017. 250 p.

Reinisch J. Old Wine in New Bottles? UNRRA and the Mid-Century World of Refugees // Refugees in Europe, 1919–1959: A Forty Years’ Crisis? / ed. by J. Reinisch, M. Frank. L. : Bloomsbury, 2017. P. 156–258.

The Story of U. N. R. R. A. Washington, DC : UNRRA, Office of Public Information, 1948. 48 p.

UNA. S-1940-0001-0014-00001. European Regional Office (ERO) – Registry Files, Confidential Memos, 1946.

UNA S-1940-0001-0019-00001. Action in the United Nations Organization on Displaced Persons and Refugees, 1946.

UNA. S-1193-0000-0002. Program of UNRRA Supplies – Presented by the Director-General to the Central Committee, 1946.

UNA. S-1193-0000-0001. Program of Operations – Presented by the Director-General to the Third Session of the Council, 1945.

United Nations Relief and Rehabilitation Administration. 50 facts about UNRRA. N. Y. : Division of Publ. Information, United Nations Relief and Rehabilitation Administration, 1946. 34 p.

Wyman M. DP: Europe's Displaced Persons, 1945–1951. Ithaca ; N. Y. : Cornell Univ. Press, 1998. 272 p.

References

A. V. Yatsevich. – Lige bor'by za narodnuyu svobodu [A. V. Yazevich to the League for the Struggle for People's Freedom]. (1949). In *BAR*. Vladimir M. Zenzinov Papers. Box 38. Folder "Subject files: Liga borby za narodnuiu svobodu (1951–1952). Correspondence. I–K". Received 17 December.

Aleshkovski, I., Botcharova, Z., Grebenyuk, A. (2021). The Evolution of the International Protection of Refugees Between the World Wars. In *Social Evolution and History*. Vol. 20. No. 2, pp. 109–132.

Aristova, A. A. (2006). Bezhenskii lager' Ganghofersiedlung [Ganghofersiedlung Refugee Camp]. In *Sud'by pokoleniya 1920–1930-kh gg. v emigratsii. Ocherki i vospominaniya*. Moscow, Russkii put', pp. 54–60.

Artemiev, L. (2004). Moi gor'kie "universitety" [My Bitter "Universities"]. In *Istoriya russkikh v Avstralii v 4 t.* Sydney, Avstraliada – Russkaya letopis'. Vol. 1, pp. 109–111.

Baidalakov, V. M. (2002). "Da vozvelichitsya Rossiya... Da gibnut nashi imena...". *Vospominaniya predsedatelya NTS. 1930–1960 gg.* ["May Russia Rise... Let Our Names Perish..."] Memoirs of the Chairman of the NTS]. Moscow, Avuar Consulting. 124 p.

Bogut, I. (2004). Pamyat' serdtsa [Memory of the Heart]. In *Istoriya russkikh v Avstralii v 4 t.* Sydney, Avstraliada – Russkaya letopis'. Vol. 1, pp. 107–109.

Boldyrev, K. V. (1998). Menhegof – lager' peremeshchennykh lits (Zapadnaya Germaniya) [Menhegof – Displaced Persons Camp, West Germany]. In *Voprosy istorii*. No. 7, pp. 110–141.

Boldyreva-Semler, E. K. (2006). Dan ottsu – Konstantinu Boldyrevu [Tribute to Father – Konstantin Boldyrev]. In *Sud'by pokoleniya 1920–1930-kh gg. v emigratsii. Ocherki i vospominaniya*. Moscow, Russkii put', pp. 66–71.

Chizhevsky, D. I. (2007). *Izbrannoe v 3 t.* [Selected Works. 3 Vols.]. Moscow, Russkii put. Vol. 1. Materialy k biografii (1894–1977). 848 p.

Cohen, G. (2011). *In War's Wake: Europe's Displaced Persons in the Postwar Order*. N. Y., Oxford Univ. Press. 237 p.

D. I. Chizhevskii – B. I. Nikolaevskomu [D. I. Chizhevsky to B. I. Nikolaevsky]. (1947). In *HIA*. Boris I. Nicolaevsky coll. Ser. 248. Box 476. Folder 24. 12 May.

Dokument OON A/RES/62(I) [UN Document A/RES/62(I)]. (1947). In *Constitution of the International Refugee Organization, and Agreement on Interim Measures to be Taken in Respect of Refugees and Displaced Persons / General Assembly Official Records. Resolutions Adopted by the General Assembly during Its Resumed 1st Session*. Vol. 2. 23 October – 15 December 1946. L. and Flushing Meadow, N. Y., S. n., pp. 84–98.

Fitzpatrick, Sh. (2017). *Mischka's War. A European Odyssey of the 1940s*. [Melbourne], Melbourne Univ. Publ. 313 p.

Gottfried, T. (2001). *Displaced Persons: The Liberation and Abuse of Holocaust Survivors*. Brookfield, CT, Twenty-First Century Books. 127 p.

Hilton, L. (2001). *Prisoners of Peace: Rebuilding Community, Identity and Nationality in Displaced Persons Camps in Germany, 1945–1952*. PhD Diss. Ohio State Univ. 220 p.

Holborn, L. (1956). *The International Refugee Organization: A Specialized Agency*

of the United Nations: Its History and Work, 1946–1952. L., N. Y., Oxford Univ. Press. 805 p.

Holian, A. (2011). *Between National Socialism and Soviet Communism: Displaced Persons in Postwar Germany*. Ann Arbor, Univ. of Michigan Press. 367 p.

Kulen, E. (2019). Sud'ba russkikh peremeshchennykh lits v amerikanskoj zone okkupatsii v Bavarii [The Fate of Russian Displaced Persons in the American Zone of Occupation in Bavaria]. In *Novyi zhurnal*. Book 295, pp. 288–343.

M. Miller – N. Vakar [M. Miller to N. Vakar]. (1950). In *BAR*. Nikolai P. Vakar coll. Box 3. Folder “Arranged correspondence of N. Vakar”. 23 June.

Marrus, M. (2002). *The Unwanted: European Refugees From the 1st World War Through the Cold War*. [Temple], Temple Univ. Press. 432 p.

Nevins, A. (1963). *Herbert H. Lehman and His Era*. N.Y., Scribner's Sons. 456 p.

Persian, J. (2017). *Beautiful Balts. From Displaced Persons to New Australians*. Sydney, New South Publ. 250 p.

Polchaninov, R. V. (2010). Russkii knizhnyi “bum” v Germanii v 1945–1948 gg. [The Russian Book Boom in Germany 1945–1948]. In *Nansenovskie chteniya 2009*. St Petersburg, Russkaya emigratsiya, pp. 383–401.

Pushkarev, B. S. (2014). NTS v istorii rossiiskogo Soprotivleniya [The NTS in the History of the Russian Resistance]. In *Ot Zarubezh'ya do Moskvy. Narodno-Trudovoi Soyuz (NTS) v vospominaniyakh i dokumentakh. 1924–2014*. Moscow, Posev, pp. 5–60.

Rahr, G. A. (2011). “...I budet nashe pokolen'e davat' istorii otchet” [“...And Our Generation Will Give an Account to History...”]. Moscow, Russkii put'. 728 p.

Rahr, L. A., Obolensky, V. A. (2003). *Rannie gody. Ocherk istorii Natsional'no-trudovogo soyuza (1924–1948)* [Early Years. Essay on the History of the National Labour Union (1924–1948)]. Moscow, Posev. 192 p.

Reinisch, J. (2017). Old Wine in New Bottles? UNRRA and the Mid-Century World of Refugees. In Reinisch, J., Frank, M. (Eds.). *Refugees in Europe, 1919–1959: A Forty Years' Crisis?* L., Bloomsbury, pp. 156–258.

Romanov, E. (1999). *V bor'be za Rossiyu. Vospominaniya rukovoditelya NTS* [In the Fight for Russia. Memoirs of the Head of the NTS]. Moscow, Golos. 320 p.

The Story of U.N.R.R.A. (1948). Washington, DC, UNRRA, Office of Public Information. 48 p.

UNA. (1945). S-1193-0000-0001. Program of Operations – Presented by the Director-General to the Third Session of the Council.

UNA. (1946). S-1193-0000-0002. Program of UNRRA Supplies – Presented by the Director-General to the Central Committee.

UNA. (1946). S-1940-0001-0014-00001. European Regional Office (ERO) – Registry Files, Confidential Memos.

UNA. (1946). S-1940-0001-0019-00001. Action in the United Nations Organization on Displaced Persons and Refugees.

United Nations Relief and Rehabilitation Administration. 50 Facts about UNRRA. (1946). N.Y., Division of Publ. Information, United Nations Relief and Rehabilitation Administration, 34 p.

V. A. Chernenko – B. L. Brazolyu [V. A. Chernenko to B. L. Brasol]. (1947). In *Library of Congress*. Manuscript Division (LoC. MD). The papers of Boris Brasol. Box 9. Folder “Non-English. 1947”. 6 August.

Wyman, M. (1998). *DP: Europe's Displaced Persons, 1945–1951*. Ithaca, N. Y., Cornell Univ. Press. 272 p.

Yu. P. Trubetskoi – G. V. Ivanovu [Yu. P. Trubetskoy to G. V. Ivanov]. (1950). In *OR RGB*. Stock 372. Box 13. No. 29. L. 1.

Z. Makarenko – D. D. Burlyuku [Z. Makarenko to D. D. Burliuk]. (1947). In *OR RGB*. Stock 713. Box 1. No. 19. L. 1.

Обустройство русских беженцев и перемещенных лиц в послевоенной Аргентине*

Марина Мосейкина

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

The Settlement of Russian Refugees and Displaced Persons in Postwar Argentina

Marina Moseykina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia

This article considers Argentina's participation in solving the problem of Russian refugees and displaced persons, which became international as a result of the Second World War. The author describes the place of Latin American countries in improving the system of international law and spreading the practice of applying the institution of territorial asylum in the region, starting from the formation of national statehood and mass immigration of to the continent. In relation to the postwar period, the author focuses on the role of such institutional structures as the UNRRA, the UN, the IRO, the Intergovernmental Committee for the Resettlement of Emigrants from Europe, and the participation of Latin American countries in them, including Argentina. Traditionally, the main recipient state on the Latin American continent was Argentina, which sought to solve its own economic and social problems by recruiting an appropriate contingent of migrants for the country's developing economy. The author reveals the attitude of President Juan Domingo Perón of Argentina to the migration issue and the problem of Russian refugees; it is demonstrated how the country's migration policy towards immigrants from Russia and the USSR changed depending on domestic politics and the international situation. To reveal the peculiarities of the situation with Russian refugees, the author refers to materials from the WUA

---

* *Citation:* Moseykina, M. (2022). The Settlement of Russian Refugees and Displaced Persons in Postwar Argentina. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 485–500. DOI 10.15826/qr.2022.2.683.

Цитирование: Мосейкина М. Обустройство русских беженцев и перемещенных лиц в послевоенной Аргентине // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 485–500. DOI 10.15826/qr.2022.2.683 / Мосейкина М. Обустройство русских беженцев и перемещенных лиц в послевоенной Аргентине // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 485–500. DOI 10.15826/qr.2022.2.683.

of the Russian Federation, the State Archives of the Russian Federation, and the archives of Harvard University demonstrating the reaction of the USSR to the position of Argentina in relation to Soviet displaced persons. Also, the article describes the participation of religious structures (resettlement committees of ROCOR, the Vatican, and the Jesuit Order) and emigrant charitable organisations (with the Tolstoy Foundation standing out) in their fate. The author shows that most of the permits received for the departure of Russian refugees to Argentina were not used due to a lack of funding for the move, inappropriate physical data of the resettled, and due to the fact that, starting in 1949, the government of Perón limited and then stopped admission into the country of displaced persons of Soviet origin.

Keywords: World War II, Argentina, refugee, displaced persons, Russian emigration, repatriation, legal status

Рассматривается участие Аргентины в решении проблемы русских беженцев и перемещенных лиц, которая превратилась в международную в результате Второй мировой войны. Показано место латиноамериканских стран в совершенствовании системы международного права и распространении практики применения в регионе института территориального убежища начиная с периода становления национальной государственности и массовой иммиграции населения на континент. Акцентируется внимание на роли институциональных структур – ЮНПРА, ООН, ИРО, Межправительственного комитета по переселению эмигрантов из Европы – и на участии в них латиноамериканских стран. Традиционно основным государством-реципиентом на Латиноамериканском континенте являлась Аргентина, которая решала задачу по набору соответствующего контингента мигрантов для развивающейся экономики страны в целях решения собственных экономических и политических задач. Раскрывается отношение к миграционному вопросу и проблеме русских беженцев президента Аргентины Хуана Доминго Перона, показано, как менялась миграционная политика страны в отношении выходцев из России и СССР в зависимости от внутренней политики и международной обстановки. Специфика ситуации с русскими беженцами раскрывается на материалах из АВП РФ, ГА РФ, архива Гарвардского университета. Отмечается участие в судьбе советских перемещенных лиц религиозных структур (переселенческих комитетов РПЦЗ, Ватикана, ордена иезуитов), эмигрантских благотворительных организаций, среди которых выделяется Толстовский фонд. Выявлено, что большая часть полученных разрешений на выезд русских беженцев в Аргентину не была использована из-за недостатка финансирования переезда, неподходящих физических данных переселявшихся, а также изменения политики правительства президента Хуана Доминго Перона, которое с 1949 г. ограничило, а затем прекратило допуск в страну перемещенных лиц советского происхождения.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Аргентина, беженцы, перемещенные лица, русская эмиграция, репатриация, правовой статус

Миграционные кризисы, вызванные войнами Нового и новейшего времени, потребовали выработки соответствующих норм и механизмов по расселению и правовой защите беженцев. В межвоенный период под эгидой Лиги Наций предпринимались усилия по урегулированию на международном уровне правового статуса беженцев и закреплению критериев приобретения этого статуса, сопряженных «с происхождением, принадлежностью изгнанника к конкретному государству или определенной национальности (русские, армяне, немцы, австрийцы и др.), а также с принципом “отсутствия защиты” беженцев страной происхождения» [Алешковский, Бочарова]. После Второй мировой войны наработанные за предшествующий период положения по урегулированию международного правового статуса беженцев оказались чрезвычайно востребованы, но в связи с новыми условиями, сложившимися в мире, и с учетом изменившегося состава вынужденных мигрантов данные положения были значительно расширены и конкретизированы в документах, касающихся статуса послевоенных беженцев (конвенция 1951 г., протокол 1967 г. и др.). Важным аспектом стало международное сотрудничество стран в рамках новых универсальных организаций не только в вопросах обеспечения защиты прав беженцев, но и в отношении поддержки принимающих их государств.

История беженцев и перемещенных лиц (*англ.* displaced person – DP) из СССР в контексте второй волны эмиграции стала объектом исследования лишь в новейшей историографии в связи с изучением истории репатриации в СССР советских граждан и разыскиваемых преступников, сотрудничавших с нацистами [Толстой; Земсков; Полян; Арзамаскин]. Актуализировались вопросы правового положения беженцев, не пожелавших вернуться в страны исхода, включая СССР, деятельности международных институтов и общественных организаций по выработке их правового статуса, роли различных стран в регулировании миграционных потоков в работах как отечественных [Алешковский, Бочарова; Ульянкина и др.], так и зарубежных ученых [Proudfoot; Europe on the move и др.].

Особое место занимает практика применения в странах континента института территориального убежища. Обращение к убежищу как средству защиты еще в период становления национальной государственности в Латинской Америке тесно переплеталось с проблемами региональной массовой эмиграции населения. В дальнейшем территориальное право убежища, «закрепленное во внутригосударственном законодательстве и международных соглашениях» (Договор Монтевидео о политическом убежище 1939 г., Каракасские конвенции о дипломатическом и территориальном убежище 1954 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и др.), стало «универсальным правовым принципом, гарантирующим защиту человеческой жизни», на который опирались в своей миграционной политике власти многих латиноамериканских государств [Проблемы Латинской Америки, с. 177].

История послевоенного беженства тесно связана с возникновением и деятельностью лагерей перемещенных лиц в Европе и Азии, откуда и происходило их расселение за океан. В связи с изучением послевоенной волны эмиграции требуют дальнейшего исследования роль периферийных центров (стран Южной Америки, Австралии и Канады) в решении беженской проблемы и применявшиеся в разных странах адаптационные практики для эмигрантов.

Изучение проблемы базируется на теоретических основах, заложенных в классических и современных теориях миграции народов [Ravenstein; Lee; Рыбаковский; Ионцев], среди которых теория политической коммуникации, концепция притягивающих и отталкивающих (Push/Pull) факторов, влияющих на мировые миграционные процессы, и инструментальные политические практики разрешения проблем беженства [Мчедлова]. В частности, в работе «Проблемы Латинской Америки и международное право» отмечается «значительный вклад в совершенствование системы международного права» стран Латинской Америки, которые «стали первопроходцами в области кодификации права международных договоров», «солидно обогатив правотворческий... потенциал сообществ государств» [Проблемы Латинской Америки, с. 5].

Регулирование послевоенной миграции международными институтами

Решение беженского вопроса и формирование юридического статуса беженцев осуществлялись поэтапно еще в рамках Лиги Наций. В 1921 г. была учреждена должность Верховного комиссара по делам русских беженцев, которую занял Ф. Нансен, а после его смерти в 1931 г. был открыт Международный офис по делам беженцев имени Ф. Нансена. В июле 1938 г. в г. Эвиане (Франция) был создан Межправительственный комитет по беженцам (далее – Межправительственный комитет) во главе с Верховным уполномоченным Лиги Наций по беженцам.

На заключительном этапе Второй мировой войны беженская проблема вновь приобрела статус международной. В 1943 г. была создана Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA), призванная оказывать содействие населению освобожденных от фашистской оккупации и японского милитаризма стран. Она же отвечала за работу с беженцами в Европе и на Дальнем Востоке и в соответствии с договоренностями с союзным командованием курировала возникшие в Германии лагеря для перемещенных лиц, в которых в тот период находилось свыше 850 тыс. чел.

В деятельности ЮНРРА участвовал и СССР, хотя отношение советской делегации к самому факту эмиграции с самого начала было крайне отрицательным. Представители СССР в этой ситуации высказывали опасения по поводу ухода от правосудия военных преступников и будущей тяжелой участи переселенцев. В подготовленном проек-

те «Соображений делегации СССР» от 23 апреля 1946 г. предлагалось в случае выбора в пользу эмиграции расселять людей в странах с наиболее высоким уровнем жизни. К их числу были отнесены государства Южной Америки и Австралия, заявившие о готовности принять у себя беженцев [Мосейкина, с. 212–213]. И все же ЮНРПА не рассматривала эмиграцию в качестве приоритетного варианта решения проблемы.

Новый этап в ее разрешении начинается с создания Организации Объединенных Наций, в рамках которой Экономический и социальный комитет занимался вопросами финансирования перевозки мигрантов за океан в соответствии с утвержденными в странах квотами. Однако масштабы и неотложность задач потребовали создания дополнительных институциональных структур. В рамках ООН появились Специальный комитет по беженцам и перемещенным лицам и его подкомитеты (по определению терминов «беженец» и «перемещенное лицо»; по установлению фактов и сбору информации; по выработке проекта устава будущей международной организации по делам беженцев и перемещенных лиц). Членами комитетов и подкомитетов в тот период были многие латиноамериканские страны, заявившие о своем намерении «предложить эффективное сотрудничество для разрешения вопроса о беженцах и... помочь достичь... гуманных результатов... а именно – облегчить страдания всех тех несчастных людей, которые предпочитают искать новую родину как средство избежания трудностей, с которыми их столкнула война» [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 396. Л. 394].

В 1947 г. вместо ЮНРПА появляется новая структура – Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц (The International Refugee Organization – IRO), занимавшаяся организацией переселения из Европы «ди-пи» и устройством их в третьих странах. Устав ИРО ратифицировали только 14 из 18 стран – членов ООН, включая Аргентину. Советский Союз отказался от членства в этой организации и не признал ее юридически, поскольку для него был неприемлемым тот факт, что в западных зонах при поддержке ИРО развернули свою деятельность вербовочные миссии из США, Канады, стран Латинской Америки. Из этого делался однозначный вывод, что ИРО действовала в англо-американских интересах и решала задачу поставки в разные страны дешевой рабочей силы.

В вопросе о правовом статусе беженцев ИРО настаивала на признании их бесподданными на основании ст. 14 Всеобщей декларации прав человека (от 1948 г.). В уставе самой организации содержались определения категорий «беженец» и «перемещенное лицо». Отмечалось, что те лица, которые не были признаны как перемещенные, относились к категории беженцев и также подлежали расселению при обеспечении всеми необходимыми документами для выезда. В свою очередь, «перемещенные лица, которых нельзя было репатриировать, или которые окончательно, свободно и после ознакомления с данными о положении на родине или месте, где они прежде проживали,

выразили свое нежелание вернуться в эти страны, переходили в ведение международной организации и подчинялись всем правилам, установленным для беженцев» [Котова, 2016, с. 47–48].

В 1946 г. Межправительственным комитетом для беженцев был разработан «специальный интернациональный документ» для перемещенных лиц, который называли «последователем Нансен-паспорта»¹. Таким образом, нансеновский паспорт был предтечей проездного документа беженца, ратифицированного Конвенцией ООН о статусе беженцев 1951 г. Новый документ гарантировал беженцам право возвращения в страну, которая выдала паспорт. Почти 500 тыс. беженцев Первой мировой войны, находившихся в тот период в Европе и Азии, получали право поменять нансеновский паспорт на новый документ, который, как отмечалось, хотя и не имел силы без визы, но давал беженцам «ощущение “принадлежности”» [Там же, с. 49].

Новый юридический документ признали 26 стран, включая Аргентину. Страны-реципиенты получали право депортировать перемещенное лицо в случае, если оно попадало в категорию «нежелательных», что вполне устраивало власти этих государств и делало их готовыми принять беженцев в статусе новых иммигрантов.

Русские беженцы и перемещенные лица в европейских лагерях «ди-пи»

В Европе скопилось большое количество перемещенных лиц, местом расселения которых стали лагеря «ди-пи», открытые по инициативе ЮНРРА. В Германии в американской зоне насчитывалось 416 таких лагерей, в британской зоне – 272, во французской зоне – 45, в Австрии и Италии – 21 и 8 соответственно [Котова, 2017, с. 62]².

Среди русских перемещенных лиц в лагерях Австрии, Германии, Северной Италии, Бельгии были оstarбайтеры из числа гражданско-го населения СССР, жители Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, советские военнопленные, часть из которых сотрудничали с нацистами, семьи беженцев и пособники немцев, отступившие вместе с ними с советской территории. В сложившихся условиях и на фоне продолжавшейся кампании по репатриации в СССР наиболее предпочтительным для этой категории граждан становился вариант с эмиграцией, для чего ИРО заключала договоры со странами-реципиентами. После заключения такого договора президент Аргентины Хуан Доминго Перон направил в Европу специальную ко-

---

¹ 3–5 июля 1922 г. в Женеве на конференции представителей правительств был принят текст сертификата для беженца (апатрида), получивший позже название нансеновского паспорта (Nansen passports). К концу 1930-х гг. документ приняли более 50 государств.

² Т. И. Ульянкина со ссылкой на данные М. Проудфутта приводит иные статистические сведения, отмечая, в частности, что в британской зоне (на декабрь 1946 г.) было зарегистрировано больше всего лагерей (443), тогда как во французской зоне – 78, в Австрии – 38, в Италии – 19 лагерей [см.: Ульянкина, с. 238].

миссию по отбору мигрантов в лагерях ИРО. Комиссия отдавала предпочтение здоровым мужчинам до 45 лет и женщинам до 35. Следует также отметить, что принимались и семейные пары, в составе которых были люди активного и пассивного возраста, и это было весьма актуально прежде всего для старой эмиграции, покидавшей Европу.

По воспоминаниям И. Н. Андрушкевича (который вместе с семьей проделал длинный путь из транзитного лагеря в Мюнхене до французской столицы, а оттуда через Италию в Аргентину), в Париже группами по 50 чел. людей отвозили в посольство Аргентины, где им выдавались «паспорта швейцарского Красного Креста, в которых была вписана аргентинская виза на постоянное жительство».

Вместо разных национальностей, до этого фигурировавших во временных документах участников нашей группы («украинец из Польши», «румын из Бессарабии» и т. д.), в получаемых новых паспортах мы все значились «без гражданства», буквально «без государства», *staatenlos*... Я объяснял, что президент Аргентины генерал Перон подписал декрет о принятии в Аргентину 10 тыс. русских эмигрантов, т. е. русских бесподанных, а не каких-то украинцев из Польши или Румынии [Андрушкевич].

Люди практически ничего не знали о континенте, экономической жизни латиноамериканских стран и климате. Но при этом, ожидая, в частности, выезда в Аргентину, по свидетельству М. А. Кублицкой, они «пытались выучиться какому-нибудь ремеслу, полезному, как они надеялись, в незнакомой заокеанской стране». В лагере Парша (г. Зальцбург) были открыты курсы птицеводства и производства молочных продуктов, которые люди охотно посещали, узнав, что в Аргентине активно развивается сельскохозяйственный сектор экономики. В лагере на ротаторе было организовано издание русско-испанских словарей и учебников испанского языка [Кублицкая, с. 206]. Находившийся в тот период в Мюнхене бывший советский военнопленный А. А. Кушинников, знавший иностранные языки, подготовил брошюру под названием «Аргентина» в качестве пособия для отправлявшихся в эту страну соотечественников (куда и сам впоследствии переехал). Одновременно он занимался составлением списков на выезд, по которым был сформирован первый транспорт из Мюнхена в Буэнос-Айрес – пароход «Рена» [Там же, с. 207].

Прием русских беженцев в Аргентине

К окончанию Второй мировой войны Аргентина имела богатый опыт реализации миграционной политики и расселения в своей стране мигрантов из России. Готовность генерала Перона принять у себя новую волну русских переселенцев была обусловлена рядом причин. Свою роль сыграло то, что в предшествующий период (1926–1946 гг.) в Аргентине наблюдалось сокращение миграционных потоков, что привело к спаду экономики и одновременно обусловило спрос на ра-

бочую силу. Очевидным было желание президента Перона пополнить новыми идеологически устойчивыми элементами проживавшую здесь лояльную режиму белую эмиграцию, что было актуально в контексте начавшейся холодной войны и развернувшегося противостояния между США и СССР.

В числе участников, содействовавших процессу переселения беженцев и перемещенных лиц в Аргентину, были различные религиозные и эмигрантские организации, и прежде всего Русская православная церковь за рубежом (РПЦЗ) и ее Архиерейский Синод, который инициировал создание переселенческих комитетов в разных странах, где велась запись желающих. В Буэнос-Айресе официальным представителем по делам переселения Архиерейский Синод назначил протоиерея о. Константина Изразцова, который развернул свою деятельность на базе созданного при храме Святой Троицы переселенческого комитета, куда и приходили письма из Европы. М. А. Кублицкая, ссылаясь на публикацию в эмигрантском журнале «Сеятель» за 1953 г., приводит данные о том, что о. Константин направил открытое обращение к королю Великобритании Георгу VI и президенту США Г. Трумэну с требованием остановить насильственную репатриацию в Европе [Кублицкая, с. 209]. Одновременно 25 июня 1946 г. он получил аудиенцию у президента страны Хуана Доминго Перона, в ходе которой заручился поддержкой главы государства в виде обещания выделить до 25 тыс. разрешений на въезд в страну русских беженцев.

Подготовленный о. Константином список для оформления виз из 14 тыс. чел. был направлен в адрес аргентинского правительства, которое первоначально выдало лишь 4 тыс. виз (это был так называемый «список о. Изразцова»). В дальнейшем оформление виз по данному списку было приостановлено. В качестве одной из причин называлось возникшее противостояние между о. Константином и прибывшими в Аргентину вместе с перемещенными лицами о. Георгием Романовым (РПЦЗ) и о. Филиппом де Режишем (восточнокатолическая церковь), усмотревших в «списках о. Константина» людей левых взглядов. Это не могло не насторожить аргентинские власти, которые так опасались коммунистической угрозы из Европы. Ответом на сложившуюся ситуацию стали приостановка массовой выдачи виз и дальнейшее сокращение числа прибывавших в страну дипийцев.

Наряду со «списком о. Изразцова» еще один аргентинский список для ИРО был представлен приехавшим в страну в 1947 г. из Швейцарии о. Георгием Романовым, который основал в Буэнос-Айресе общество «Православный русский очаг» и занимался получением виз для русских соотечественников. По некоторым данным, в течение первых полутора лет им было получено 16 тыс. виз для проживавших в Европе и Китае русских беженцев, хотя приехало, конечно, в несколько раз меньше, потому что ИРО не рассматривало Аргентину как приоритетное направление для переселения и не выделяло достаточно средств на оплату транспортных расходов. Большие затраты на пере-

возку людей мешали заокеанским странам активно включиться в решение проблемы перемещенных лиц. Кроме того, существовало немало бюрократических препятствий со стороны ИРО. Были случаи, когда сами перемещенные лица или эмигрантские сообщества по своим каналам получали разрешения на переселение в Аргентину, но выехать не могли месяцами.

В свою очередь, аргентинские власти, опасавшиеся проникновения на континент коммунистов и ориентировавшиеся в этом вопросе на США, в 1949 г. и вовсе ввели запрет на выдачу в Европе виз лицам славянского происхождения, и особенно русским, но при этом охотно принимали у себя белоэмигрантов и оказывали содействие тем, кто скрывался от репатриации в СССР. Среди них были военные преступники, коллаборанты, выдачи которых добивался Советский Союз. В их числе оказался генерал Б. А. Смысловский (командующий 1-й Русской национальной армией, сражавшейся на стороне Германии), который в сентябре 1947 г., находясь в Лихтенштейне, получил аргентинскую визу вместе со своим бывшим командиром, а по прибытии на место добился аудиенции у президента Аргентины и стал впоследствии его «советником по антипартизанским операциям и борьбе с терроризмом». «Перон нас держит под своим крылом», – не раз говорил своим людям Б. А. Смысловский [Нечаев, с. 133–135].

Для СССР в сложившихся условиях было чрезвычайно важным наладить деятельность по выявлению в Аргентине коллаборационистов, а также по проведению разъяснительной работы среди всех перемещенных советских граждан, а в случае необходимости – по их репатриации. В условиях отсутствия советско-аргентинских дипломатических отношений Управление уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации не могло иметь здесь своего представителя. Но после восстановления двусторонних отношений в 1946 г. подобные функции были возложены сначала на советского посла М. Г. Сергеева, а затем – на поверенного в делах СССР в Аргентине И. Д. Бударина.

В служебной записке от 8 января 1948 г. на имя заместителя министра иностранных дел Союза ССР А. Я. Вышинского заместитель уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации генерал-лейтенант К. Д. Голубев излагал просьбу «послу СССР в Аргентине учесть всех отправленных советских граждан из Италии и западных зон Германии и Австрии и потребовать их передачи нам» [АВП РФ. Ф. 070. Оп. 16. П. 106. Д. 16. Л. 2].

Советский посол, а затем поверенный в делах СССР в Аргентине были обязаны с каждой дипломатической почтой направлять в консульское управление и в отдел латиноамериканских стран МИД СССР «отчет о проделанной работе по репатриации советских граждан и информацию о количестве перемещенных лиц, их возрастном составе, национальности, районах нахождения, отраслях хозяйства, где они работают, их материальном и правовом положении, о настро-

ениях, о возможности проведения агитационно-разъяснительной работы среди них» [АВП РФ. Ф. 070. Оп. 16. П. 106. Д. 12. Л. 96].

Особого успеха эта деятельность не имела даже после того, как советское посольство направило в адрес МИД Аргентины ноту от 23 января 1950 г., в которой со ссылкой на резолюцию Генеральной ассамблеи ООН от 12 февраля 1946 г. по вопросу о беженцах и перемещенных лицах указывалось, что «для проведения работы по репатриации на Родину находящихся в Аргентине советских перемещенных граждан» оно «нуждается в подробном списке этих граждан». Спустя полгода советская сторона вновь напоминала о своей ноте и просила аргентинское министерство «принять необходимые меры для скорейшего предоставления посольству упомянутого списка» [АВП РФ. Ф. 070. Оп. 18. П. 112. Д. 12. Л. 74–75].

Конечно, запрашиваемый список не был предоставлен, а собственных средств у дипработников было недостаточно. В мае 1950 г. отмечалось, что «за период около года в Аргентине было учтено 88 чел. советских перемещенных граждан, из которых 22 чел. дали согласие на репатриацию, а на 16 чел. из них было получено разрешение на выезд из страны». За тот же период были репатриированы всего лишь шесть человек. Все это вынуждало руководство Управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации СССР констатировать, что «такой результат работы по репатриации советских граждан из Аргентины нельзя признать удовлетворительным» [Там же. Л. 28]. Хотя желающих покинуть Аргентину и переехать в СССР после окончания Второй мировой войны, и особенно после смерти Сталина, оказалось немало прежде всего среди многочисленной славянской трудовой эмиграции в этой стране, представителей армянской диаспоры и просоветски настроенных выходцев из стран Прибалтики.

Заметную активность в вопросах защиты советских перемещенных лиц, скрывавшихся от репатриации, и их переселения в третьи страны проявляли католическая церковь и служба миграции при святом престоле, к которым за помощью непосредственно обращались руководители ЮНРРА, а затем ИРО. В ответ папа римский выступил против насильственной репатриации и инициировал создание национальных комитетов помощи беженцам. В 1947 г. состоялся визит представителей Ватикана в Аргентину с целью заручиться поддержкой местных католиков в деле размещения в их стране перемещенных лиц [Мосейкина, с. 224].

Один из интервьюеров Гарвардского проекта³, работавший до 1948 г. шофером при советской миссии в Римини и Риме, вспоминал: «Ватикан... спасал людей, чтобы они не попали к нам в руки. Им предостав-

---

³ Гарвардский проект (Harvard Refugee Interview Project, а затем Harvard Project on the Soviet Social System) – это проект, реализованный при финансировании ВВС США Центром русских исследований Гарвардского университета (создан в 1948 г.), в основе которого были интервью бывших советских граждан.

ляли еду, билеты, а также организовывали их переправку в Аргентину» [Гарвардский проект, с. 253]. Пропаганда различных христианских конфессий и конкретная помощь дипийцам с их стороны имели свой эффект в виде немногочисленного перехода русских в католичество.

Часть лагерей для перемещенных лиц в Европе взяла под свою опеку конгрегация Восточной церкви. В Рим ответственным за работу был назначен иезуит о. Филипп де Режи, директор русского интерната Святого Георгия в Париже. Он объезжал лагерь, оказывал помощь советским военнопленным и просто русским «ди-пи», спасая их от репатриации и оказывая содействие в переезде в Аргентину. Это позволяет говорить еще об одном списке на переселение – «списке о. Филиппа де Режи». По различным данным, тысячи русских были отправлены им на кораблях в эту южноамериканскую страну, куда в 1947 г. в качестве духовника с очередной группой направился и он сам с целью создания в стране русской епархии византийского обряда (чему должны были помочь сопровождавшие о. Филиппа русские духовные лица – митрополит Н. Автономов, священники А. Кулик, В. Рошко, иезуит Г. Коваленко и др.). В ходе морского путешествия в Южную Америку ими проводилась работа по конвертированию перемещенных лиц в католичество в надежде, что после стольких лет господства коммунистической идеологии бывшие советские граждане, воспитанные на принципах атеизма и никак не связанные с православием, с легкостью войдут в лоно католической церкви. Но эти надежды не оправдались, и большинство прибывших в Аргентину конвертитов перешло под юрисдикцию местных приходов РПЦЗ [Очерк истории католического апостолата]. Уже на месте священники во главе с о. Филиппом оказывали содействие в адаптации вновь прибывшим русским эмигрантам и одновременно занимались вызовами в Аргентину тех, кто еще находились в европейских лагерях «ди-пи».

Важную роль в судьбе русских беженцев и перемещенных лиц сыграли многочисленные эмигрантские организации и отдельные эмигранты, проживавшие в Северной Америке и в Европе. Особое место в этом ряду занимал Толстовский фонд, созданный в США в 1939 г. дочерью писателя Л. Н. Толстого Александрой Толстой при участии Б. А. Бахметьева. Роль Толстовского фонда, имевшего 18 отделений по всему миру, заключалась как в разрешении послевоенной беженской проблемы, так и в реализации задач социально-экономической адаптации эмигрантов второй волны.

После войны фонд осуществлял сотрудничество с ООН, Международным Красным Крестом, Всемирной организацией церковей, которые инициировали переселенческие процессы русских «ди-пи» и эмигрантов первой волны в Южную Америку, частично оплачивая визы и переезд. В тот период Толстовский фонд наряду с такими эмигрантскими организациями, как НТС, Союз борьбы за освобождение народов (СБОНР) и др., активно помогал коллаборантам и некоторым преступникам избежать насильственной репатриации, оказы-

вая содействие в их переселении за океан в страны как Северной, так и Южной Америки. В частности, в конце 1946 г. Толстовским фондом были подготовлены списки на 10,6 тыс. чел., которые группами отправлялись в Южную Америку и Канаду. Личное участие в судьбе перемещенных лиц принимала А. Л. Толстая, которая занималась поиском средств для оплаты виз переселявшимся в Аргентину русским (свыше 200 чел.) [Полян, с. 321].

Отец К. Изразцов, находясь в Аргентине, также рассчитывал получить от А. Л. Толстой не менее 50 тыс. долларов для строительства здесь временного жилища для прибывавших «ди-пи». Нет документального подтверждения, что эти деньги были предоставлены, но известно, что впоследствии на средства фонда в стране был открыт старческий дом для русских эмигрантов, и всю гуманитарную работу в дальнейшем координировал собственный офис Толстовского фонда в Аргентине во главе с его председателем Г. Л. Лукиным. Толстовский фонд совместно с Верховной комиссией ООН по делам беженцев оказывал поддержку аргентинскому офису, делая ежегодные выплаты беженцам, студентам, престарелым (в 1983 г. 20 % средств фонда тратилось на реализацию подобных программ в странах Латинской Америки) [HUA. 4817. Box 160. Folder 3. Tolstoy Foundation. INC. Reports on activities in Europe in 1983: Austria, Germany, Greece, Italy and Latin America. New York. March 26, 1984].

После обращения иерархов РПЦЗ к зарубежным правительствам, в том числе к президенту Аргентины, принять русских беженцев из Китая, находившихся на филиппинском острове Тубабао, в Южную Америку перебрались еще более сотни беженцев. Свою помощь в переселении людей оказал в тот период архиепископ Иоанн (Максимович) Шанхайский [Моравский, с. 91].

Говоря об общей численности прибывших в Аргентину беженцев и перемещенных лиц, М. А. Кублицкая суммирует «список о. Константина» (4 тыс.), «список о. Георгия» (7 тыс.) и то вероятное количество виз, которые были получены по спискам о. Филиппа де Режиа и г-на Мясоедова в Италии, а также виз, полученных в индивидуальном порядке, и делает вывод о вероятной численности второй волны эмиграции в Аргентине в 13–15 тыс. чел. [Кублицкая, с. 215]. На наш взгляд, это слишком завышенная цифра. В трудах отечественных и эмигрантских исследователей со ссылкой на различные источники называется цифра в 7–8 тыс. чел., воспользовавшихся к 1951 г. визами, предоставленными аргентинским правительством. И это был самый высокий численный показатель среди латиноамериканских стран (для сравнения: Бразилия – 3,7 тыс., Венесуэла – 2,8 тыс., Парагвай – 860 чел. [Земсков, с. 21–22; Поремский, с. 138]).

После 1951 г., когда задача по решению беженской проблемы перешла к Межправительственному комитету по переселению эмигрантов из Европы, в Аргентину, по данным советской стороны, было переправлено более 27 тыс. переселенцев разных национальностей.

Однако, как известно, с конца 1952 г. Аргентина приостановила массовый допуск перемещенных лиц, за исключением итальянцев и испанцев. Лишь после 1955 г., когда Межправительственный комитет по переселению эмигрантов из Европы принял очередную программу переселения за океан еще 143 тыс. чел., Аргентина пересмотрела свое предыдущее решение в пользу дальнейшей колонизации новых земель и разрешила въезд в страну мигрантов, пожелавших заниматься сельским хозяйством. По новой разверстке на Аргентину приходилось до 30 тыс. мигрантов, и это вновь была самая большая цифра из показателей, приходившихся на Латинскую Америку.

Исходя из анализа деятельности Межправительственного комитета по переселению эмигрантов из Европы, ЮНППА, ИРО, ООН и др., в период с 1940-х и до конца 1950-х гг. можно говорить о выработке инструментов регулирования миграционных потоков и решения проблемы послевоенных беженцев, а также о появлении политических практик, включавших ресурсы международных организаций, миграционных структур стран-реципиентов, возможности религиозных институтов и эмигрантских сообществ. Страны Латинской Америки, и Аргентина в частности, были включены в процесс создания системы международного сотрудничества по вопросам миграции и решения проблемы правового статуса беженцев, в том числе путем участия в разработке международных универсальных соглашений по размещению в своих странах новой волны переселенцев из Европы и СССР. Аргентина сыграла важную роль в обустройстве русских беженцев Второй мировой войны и создании условий для их последующей адаптации.

На период правления Хуана Доминго Перона (1947–1955) приходится последняя волна миграции из Европы в Аргентину, связанная с государственной политикой по привлечению квалифицированных рабочих из европейских стран с предпочтением мигрантам из Южной Европы, и прежде всего испанцам и итальянцам, близким аргентинцам по культурно-языковому признаку. Часть послевоенного миграционного потока составила волна русских и советских беженцев и перемещенных лиц. Всего за период с 1947–1955 гг. Аргентина приняла более 800 тыс. мигрантов, но в дальнейшем доминирующими для этой страны стали региональная и субрегиональная миграции.

Возникшие и адаптированные в условиях холодной войны формы и инструменты международного сотрудничества в сфере миграционного регулирования и защиты прав беженцев остаются определяющими и для современного этапа так называемого глобального управления (global governance) миграционными процессами, в который по-прежнему включены страны Латинской Америки и Россия.

Список литературы

- АВП РФ. Ф. 070. Оп. 18. П. 112. Д. 12.
- Алешковский И. А., Бочарова З. С.* «Перемещенные и неуместные»: феномен беженства и развитие международного режима защиты беженцев в XIX – начале XXI века // История : электрон. науч.-образоват. журн. 2019. Т. 10, № 11. С. 90–121.
- Андрушкевич И. Н.* Вся жизнь в эмиграции : (Свидетельские показания и воспоминания через призму восьми десятилетий) : мемуары : [в 7 ч.]. Буэнос-Айрес : [Б. и.], 2015. Ч. 5. Во вторичной послевоенной эмиграции // Игорь Николаевич Андрушкевич : [интернет-блог]. URL: http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com/p/blog-page_19.html (дата обращения: 15.08.2021).
- Арзамаскин Ю. Н.* Заложники Второй мировой войны: репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М. : Фокус, 2001. 144 с.
- Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / сост., общ. ред. и вступ. ст. О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой. М. : Полит. энцикл., 2019. 493 с.
- ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 396.
- Земсков В. Н.* «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР, 1947–1955 // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001 гг. : сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле, О. В. Будницкого. М. : ИРИ РАН, 2007. С. 63–91.
- Ионцев В. А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Диалог – МГУ, 1999. 370 с.
- Котова Т. А.* Проблема урегулирования правового статуса беженцев и перемещенных лиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2016. № 2. С. 45–54.
- Котова Т. А.* Повседневная жизнь в европейских лагерях для перемещенных лиц в 1945–1952 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2017. 183 с.
- Кублицкая М. А.* Русская жизнь в Аргентине. Пенза : Ваза, 2018. 320 с.
- Моравский Н. В.* Остров Тубабао. 1949–1951 : Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. М. : Рус. путь, 2000. 113 с.
- Мосейкина М. Н.* «Рассеяны, но не расторгнуть»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М. : РУДН, 2011. 388 с.
- Мчедлова М. М.* Миграция и трансформация мирового порядка: потребность в новой политической рефлексии // Философия политики и права: ежег. науч. работ. Вып. 10. Миростроительство в XXI веке: порядок или хаос? М. : Издатель Воробьев, 2019. С. 128–138.
- Нечаев С. Ю.* Русские в Латинской Америке. М. : Вече, 2010. 320 с.
- Очерк истории католического апостолата в русском зарубежье в 1917–1991 гг. // Вселенство : [сайт]. URL: http://vselenstvo.narod.ru/library/rus_apostolate_17_91.htm#chart3d (дата обращения: 05.02.2021).
- Полян П. М.* Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М. : РОССПЭН, 2002. 896 с.
- Поремский В. Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции. М. : Посев, 1998. 286 с.
- Проблемы Латинской Америки и международное право / отв. ред. В. П. Шатров. М. : ИЛА РАН, 1995. Кн. 1. 379 с.
- Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения (вопросы теории). М. : ИСПИ РАН, 2003. 238 с.
- Толстой Н. Д.* Жертвы Ялты / пер. Е. С. Гессен. М. : Рус. путь, 1996. 542 с.
- Ульянкина Т. И.* Иммиграционная политика США в первой половине XX века и ее влияние на правовое положение российских беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб. : Сударыня, 2006. С. 229–248.
- Europe on the Move. Refugees in the Era of the Great War. Manchester : Manchester Univ. Press, 2017. 335 p.
- Lee E. S.* A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, № 1. P. 47–57.

Proudfoot M. J. European Refugees, 1939–1952 : A Study in Forced Population Movement. L. : Northwestern Univ. Press, 1957. 542 p.

Ravenstein E. G. The Laws of Migration // J. of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, № 2. P. 167–235.

References

Aleshkovskii, I. A., Bocharova, Z. S. (2019). “Peremeshchennye i neumestnye”: fenomen bezhenstva i razvitiye mezhdunarodnogo rezhima zashchity bezhentsev v XIX – nachale XXI veka [“Displaced and Inappropriate”: The Phenomenon of Refugees and the Development of the International Regulations for the Protection of Refugees in the 19th – Early 21st Centuries]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal*. Vol. 10. No. 11, pp. 90–121.

Andrushkevich, I. N. (2015). Vsyazhizn’ v emigratsii. (Svidetel’skie pokazaniya i vospominaniya cherez prizmu vos’mi desyatiletii). Memuary v 7 ch. [All My Life in Exile. (Testimony and Memories through the Prism of Eight Decades). Memoirs. 7 Parts]. Buenos Aires, S. n. Part 5. Vo vtorichnoi poslevoyennoi emigratsii. In *Igor’ Nikolaevich Andrushkevich* [internet-blog]. URL: http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com/p/blog-page_19.html (mode of access: 15.08.2021).

Arzamaskin, Yu. N. (2001). *Zalozhniki Vtoroi mirovoi voiny: repatriatsiya sovetskikh grazhdan v 1944–1953 gg.* [Hostages of the Second World War: Repatriation of Soviet Citizens in 1944–1953]. Moscow, Fokus. 144 p.

AVP RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Stock 070. List 18. File 112. Dos. 12.

Budnitskii, O. V., Novikova, L. G. (Eds.). (2019). *Garvardskii proekt: rassekrechennyye svidetel’stva o Velikoi Otechestvennoi voine* [Harvard Project: Declassified Evidence of the Great Patriotic War]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 493 p.

Europe on the Move. Refugees in the Era of the Great War. (2017). Manchester, Manchester Univ. Press. 335 p.

GARF [State Archives of the Russian Federation]. Stock 9526. List 1. Dos. 396.

Iontsev, V. A. (1999). *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International Population Migration: Theory and History of Study]. Moscow, Dialog – Moskovskii gosudarstvennyi universitet. 370 p.

Kotova, T. A. (2016). Problema uregulirovaniya pravovogo statusa bezhentsev i peremeshchennykh lits [The Problem of Settling the Legal Status of Refugees and Displaced Persons]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. No. 2, pp. 45–54.

Kotova, T. A. (2017). *Povsednevnyaya zhizn’ v yevropeiskikh lageryakh dlya peremeshchennykh lits v 1945–1952 gg.* [Daily Life in European Camps for Displaced Persons in 1945–1952]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 183 p.

Kublitskaya, M. A. (2018). *Russkaya zhizn’ v Argentine* [Russian Life in Argentina]. Penza, Vaza. 320 p.

Lee, E. S. (1966). A Theory of Migration. In *Demography*. Vol. 3. No. 1, pp. 47–57.

Mchedlova, M. M. (2019). Migratsiya i transformatsiya mirovogo poryadka: potrebnost’ v novoi politicheskoi refleksii [Migration and Transformation of the World Order: The Need for a New Political Reflection]. In *Filosofiya politiki i prava. Ezhegodnik nauchnykh rabot*. Iss. 10. Miroustroystvo v XXI veke: poryadok ili kaos? Moscow, Izdatel’ Vorob’ev, pp. 128–138.

Moravskii, N. V. (2000). *Ostrov Tubabao. 1949–1951. Poslednee pristanishche rossiiskoi dal’nevostochnoi emigratsii* [Tubabao Island. 1949–1951. The Last Refuge of the Russian Far Eastern Emigration]. Moscow, Russkii put’. 113 p.

Moseykina, M. N. (2011). “Rasseyany, no ne rastorgnuty”: russkaya emigratsiya v stranakh Latinskoj Ameriki v 1920–1960 gg. [“Scattered, But Not Dissolved”: Russian Emigration in Latin America in 1920–1960]. Moscow, Rossiiskii universitet družby narodov. 388 p.

Nechaev, S. Yu. (2010). *Russkie v Latinskoj Amerike* [Russians in Latin America]. Moscow, Veche. 320 p.

Ocherk istorii katolicheskogo apostolata v rusском zarubezh'ye v 1917–1991 gg. [Essay on the History of the Catholic Apostolate in the Russian Diaspora in 1917–1991]. (N. d.). In *Vselenstvo* [website]. URL: vselenstvo.narod.ru/library/rus_apostolate_17_91.htm#chapt3d (accessed: 05.02.2021).

Polyan, P. M. (2002). *Zherty dvukh diktatur. Zhizn', trud, unizheniya i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbaiterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of Two Dictatorships. The Life, Work, Humiliation, and Death of Soviet Prisoners of War and Ostarbeiters in a Foreign Land and at Home]. Moscow, ROSSPEN. 896 p.

Poremskii, V. D. (1998). *Strategiya antibol'shevistskoj emigratsii* [The Strategy of Anti-Bolshevik Emigration]. Moscow, Posev. 286 p.

Proudford, M. J. (1957). *European Refugees, 1939–1952. A Study in Forced Population Movement*. L., Northwestern Univ. Press. 542 p.

Ravenstein, E. G. (1885). The Laws of Migration. In *J. of the Statistical Society of London*. Vol. 48. No. 2, pp. 167–235.

Rybakovskii, L. L. (2003). *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Population Migration (Theoretical Questions)]. Moscow, Institut sotsial'no-politicheskikh issledovaniy RAN. 238 p.

Shatrov, V. P. (Ed.). (1995). *Problemy Latinskoj Ameriki i mezhdunarodnoe pravo* [Issues of Latin America and International Law]. Moscow, Institut Latinskoj Ameriki RAN. Book 1. 379 p.

Tolstoy, N. D. (1996). *Zherty Yalty* [Victims of Yalta] / transl. by E. S. Gessen. Moscow, Russkii put'. 542 p.

Ul'yankina, T. I. (2006). Immigratsionnaya politika SShA v pervoi polovine XX veka i ee vliyanie na pravovoe polozhenie rossiiskikh bezhentsev [US Immigration Policy in the First Half of the 20th Century and Its Impact on the Legal Status of Russian Refugees]. In *Pravovoe polozhenie rossiiskoi emigratsii v 1920–1930-e gody*. St Petersburg, Sudarynya, pp. 229–248.

Zemskov, V. N. (2007). “Vtoraya emigratsiya” i otnoshenie k nei rukovodstva SSSR, 1947–1955 [“The Second Emigration” and the Attitude of the Leadership of the USSR, 1947–1955]. In Polyakov, Yu. A., Tarle, G. Ya., Budnitskiy, O. V. (Eds.). *Istoriya rossiiskogo zarubezh'ya. Emigratsiya iz SSSR – Rossii. 1941–2001 gg. Sbornik statei*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 63–91.

The article was submitted on 08.11.2021

Intellectuals and the Cold War Exile – Framework of Analysis* **

Sławomir Łukasiewicz

Catholic University of Lublin,
Lublin, Poland

This article is devoted to the problem of political emigration in the Cold War period. This problem has been studied by a large group of intellectuals-thinkers, writers, and academics. The author of the article focuses on the individual strategies of sentiments among Central and Eastern European intellectuals. Their decisions were as much the result of an impulse and reaction to circumstances as the rational premise that the outside world was a place where they would be safer with their family and friends, and where they would not have to succumb to political pressure in their work and research. The author relies on conceptual developments among specialists in the field of the analysis of behavioral patterns of intellectuals. Particular attention is paid to the example of Adam Ulam, whose personality combined the specific features of emigrants from Russia and Eastern Europe. Much attention is paid to the theoretical and methodological aspects of the problem of intellectuals in Central and Eastern Europe. The author analyzes the approaches of researchers to the problem of the formation of the Polish intelligentsia. As a result of the study, it has been shown that, during the Cold War, intellectuals were mobilized on both sides of the Iron Curtain. Some of them played an important role, such as in US Cold War strategies, especially within the so-called Cultural Cold War. Conclusions drawn from such study are of a more universal nature and allow one to pose a question about the specificity of the intellectual émigré as an important element of global intellectual history.

Keywords: intellectuals, Cold War, exile, Central Europe, East Europe, Polish émigrés

Статья посвящена проблеме политической эмиграции периода холодной войны. Эту проблему изучала большая группа интеллектуалов – мыслителей, писателей и ученых. Автор акцентирует внимание на индивидуаль-

---

* This article is also a part of a current project devoted to Polish specialists in the field of research on the Soviet Union during the Cold War years (National Science Centre, Poland, 2021/41/B/HS3/01944). At this point, I would also like to thank the Polish-American Fulbright Commission, which awarded me funds for this research as part of the Fulbright Senior Award 2019/2020, and my colleagues from the Davis Center for Russian and Eurasian Studies, in which I conducted this research, especially Prof. Mark Kramer and Donna Cardarelli.

** *Citation:* Łukasiewicz, S. (2022). Intellectuals and the Cold War Exile – Framework of Analysis. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 501–514. DOI 10.15826/qr.2022.2.684.

Цитирование: Łukasiewicz S. Intellectuals and the Cold War Exile – Framework of Analysis // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 501–514. DOI 10.15826/qr.2022.2.684.

ных стратегиях настроений интеллектуалов Центрального Востока. Их решения были в большей степени результатом импульса и реакции на обстоятельства, чем рациональной предпосылки, что внешний мир – это место, где они будут в большей безопасности со своей семьей и друзьями и где им не придется поддаваться политическому давлению в своей работе. Автор опирается на концептуальные разработки специалистов в области анализа моделей поведения интеллектуалов. Особое внимание уделено феномену Адама Улама, в личности которого соединились специфические черты эмигрантов из России и Восточной Европы. Подробно рассмотрены теоретико-методологические аспекты проблемы интеллектуалов Центральной и Восточной Европы. Проанализированы подходы исследователей к проблеме формирования польской интеллигенции. Доказано, что в годы холодной войны интеллектуалы были мобилизованы по обе стороны «железного занавеса». Некоторые из них сыграли важную роль, например, в стратегиях США времен холодной войны, особенно в рамках так называемой культурной холодной войны. Выводы такого исследования носят более универсальный характер и позволяют поставить вопрос о специфике интеллектуальной эмиграции как важного элемента мировой интеллектуальной истории.

Ключевые слова: интеллектуалы, холодная война, изгнание, Центральная Европа, Восточная Европа, польские эмигранты

Intellectual émigrés are not an easy subject of study. For example, their number in the entire mass of emigrants depends primarily on how we define this group. In the Polish, Central European and Russian tradition, the category of the so-called *intelligentsia*, with its traditions, history and social role is deeply ingrained. From this perspective, the history of intellectuals is nothing more than the history of the intelligentsia, i. e. the intellectual elite. They can be seen in the research conducted over a century ago by Tomasz Masaryk, recalled by David Kettler [Kettler, p. 204], and in Poland by Ryszarda Czepulis-Rastenis, Maciej Janowski, or Jerzy Jedlicki [Inteligencja polska pod zaborami; Janowski; Jedlicki, 2014]. Jedlicki even defines when exactly one can speak of intellectuals: “A scientist or an artist becomes an intellectual when, transgressing the boundaries of his specialty, he tries to acquire an influence on the minds and the conscience of his fellow-citizens, their moral views, cultural inclinations, social attitudes and political choices. That is, he becomes an intellectual when he endeavors, with his own freely voiced opinion – and not with the opinion of an expert who was asked for advice – to influence public life. In a word, the intellectual is a wise man or a fool who, as Sartre says, meddles *in other people’s affairs*” [Jedlicki, 1994, p. 102]. He sees intellectuals as a social elite, endowed with a unique gift of understanding and knowing the world, which – under certain conditions – may influence the views and behavior of others. In this approach, intellectuals are a group narrower than the intelligentsia itself. Meanwhile, in the European tradition, the term *intellectual* describes

exactly what in Poland and the surrounding region is called *intelligentsia*. In order to avoid misunderstandings and to stay closer to the meaning ranges commonly used in the English language, in this text I will use the terms *intellectuals* and *intelligentsia* interchangeably without getting caught up in the distinction proposed by Jedlicki.

Following the line of argument presented by Ryszarda Czepulis-Rastenis, and Jerzy Szacki, who repeated and developed her theses, from the nineteenth century Polish *intelligentsia* can be divided into two groups: *intelligentsia – socio-professional layer* and *intelligentsia – elite*. The difference between them was that the first group was identified by education and profession. Before the war, to be identified as a member of this group, it was sufficient to have graduated from secondary school or be an academic lecturer, teacher, engineer or doctor by profession. A special feature of the second group was its role “in shaping national consciousness and culture”. With time, this division ceased to correspond to reality and, according to Jerzy Szacki, “a Polish intellectual was more of a carrier of culture than of a performer of a specific profession” [Szacki, p. 366–367]. The fact that the numbers of the Polish *intelligentsia* increased before the Second World War was significant for its history, while the experience of occupation and exile became its characteristic feature. It was noticed by, among others, Krystyna Kersten, who from the perspective of the history of the Polish People’s Republic wrote about the Polish intellectual’s search for a place in the world, “in which he or she was born and grew up, from which he or she was uprooted by earthquakes caused by two totalitarian systems, alternately fighting, cooperating and finally who were engaged in a deadly battle. The Polish intellectual was literally uprooted, just like the intellectuals of Lviv and Vilnius, who were thrown by a wave of displacement to the West, as was the case with many scholars, writers, and journalists, who in a dramatic dilemma whether to return to the subordinate country ruled by communists or to remain in exile for an indefinite period, chose the exile. But also Polish intellectuals were uprooted from the cultural space, torn from the spiritual tissue in which they were immersed and which defined the framework of their existence” [Kersten, p. 100–101].

The émigré sociologist, Aleksander Gella, the author of a text devoted to the fate of the Polish *intelligentsia* in exile, claimed that this specific group, educated in the nineteenth century, was characterized by two factors: “education and acceptance of a specific system of values” [Gella, p. 157]. It translated into specific intellectual and moral obligations, such as honesty in thinking. The French thinker, Raymond Aron, expressed it in a similar way when writing after the war about intellectuals who betrayed their vocation. At the same time, he drew attention to the multitude of possible definitions of both the *intelligentsia* and an intellectual [Aron, p. 203–210], whom he understood himself as “the man of ideas and the man of science” [Ibid., p. 210], who was able “to transform opinions or interests into theories” within, for example, a political party [Ibid., p. 209]. The great historians of the twentieth century, such as Paul Johnson and

Tony Judt, also wrote about their culture-forming role and the responsibility of intellectuals in modern history [Intellectuals].

Intellectuals in exile as a methodological challenge

In the above approaches, apart from Aleksander Gella's proposal, little space is given to the question of the émigré experience of intellectuals or the role they played outside their home countries. Meanwhile, the study of migration sheds a lot of light on the history of the mind in general. Let us start with the fact that emigration of an intellectual means not only the migration of an individual, but also of an important set of ideas, beliefs and images. An intellectual "takes away" his or her mind, and with it a certain potential for thought and action. Some things related to this potential will not happen in his or her country anymore. But will they happen in exile? The decision of an intellectual has specific consequences for him or her individually, but also has a broader dimension and context. An intellectual can easily be accused of escaping the battlefields and, thus, by leaving his or her fellowmen, loses the moral right to instruct them. But is that true? The example of the Paris-based *Kultura* proves that it is not necessarily the case. The intellectual in exile still has an important role to play in relation to his or her home country. Under "normal" conditions, where the home country and the host country are neither at war nor in conflict, we can speak of the brain drain phenomenon, where the scientific and intellectual elite is *sucked out* by the host country, increasing its intellectual potential. An intellectual who decides to take part in such a process makes a conscious and voluntary decision, so the weakening of their ties with the home country is somehow a natural result of the decision to emigrate. It is different when the decision to emigrate is forced by circumstances and an intellectual leaves in spite of themselves. In this case, the emigrant does not intentionally say goodbye to the home country. This is one of the perspectives important for understanding the role of an intellectual in exile. During the Cold War, intellectuals were usually forced to travel, and what they did or wrote was often dictated by their memory and thinking about their home country that was the first injection of intellectual capital for them. It was there where they were influenced by their family, they received a basic upbringing and education, undertook the first readings that shaped their personality, imagination, and knowledge about the world. When they left, all this formative experience travelled with them. That is why, when talking about the migration of intellectuals, one must also talk about the migration of their minds, ideas-thoughts, imaginations, concepts – as well as the value systems, behavior patterns or institutional models embedded in them.

How to describe this movement of minds and ideas? An exemplary paradigm of such research is proposed by David Kettler: the starting point of exile, exile as event, locus of exile, project of exile, mission, and the end of exile. At the same time, he adds that his proposal is "a paradigm for the comparative study of political exile" [Kettler, p. 204]. However, such migration studies allow one to put ideas into context, show geography,

scale, interactions with systems, but do not deal with the ideas themselves. The intellectual history paradigm comes in handy, as it allows us to focus on the idea itself, its authors and context, although it does not deal with migrations as such. Nevertheless, within such paradigm, the wandering of ideas is considered, which is perfectly illustrated by two quotations from those classics of intellectual history, recalled by Edward Baring [Baring]. Artur Lovejoy, the father of contemporary history of ideas, recognized ideas to be “the most migratory things in the world” [Lovejoy, p. 4]. The migration of the idea, he postulated, does not only correspond with the scope of our research, but also with the direction in which intellectual history is heading today, which we can learn by reading the works by David Armitage on the international turn in intellectual history [Armitage, p. 1]. Although, in such a general approach, the essence of migration phenomena is lost and in the case of the history of ideas they belong to the context.

Meanwhile, combining the perspective of idea migration with the perspective of the migration of its creator is essential in our study. It allows us to juxtapose the circulation of ideas with the movement of their migrating *carriers*. Can ideas, like these migrant-*carriers*, be susceptible to pull and push factors? In other words, can certain ideas be pushed out of home countries, or attracted by target countries, cultures or intellectual communities operating in these states? What role do politics and political motivation play in this? Research on Cold War migrations shows that the structures created by political emigrants are of a trans-territorial nature. In various countries of settlement, there are similar forms of political activity or organizations, which only differ in terms of the regulations of the countries of settlement.

Cold War: An Idea Snapshot at the Beginning of a Journey

All of these considerations are necessary for understanding how intellectuals migrate *with* their ideas. As they settle down, they change what remains constant in them in relation to the beginning of the journey and their destination. In such a journey of an idea together with its creator or carrier, the starting point must be determined. Many of the intellectual journeys of the Cold War began much earlier, i. e. during the Second World War. Of course, not all intellectuals fled occupied countries. Some stayed, but their fate was often tragic, and particularly cruel, when the planned extermination of the intelligentsia occurred. The goal in these instances was to deprive the conquered nation of an elite. This was the purpose of the AB-Aktion conducted at the beginning of the war in the areas occupied by the German state, or the murder of Polish officers in Katyń, Kharkiv, and Mednoje by the Soviet state. Although these operations were not publicized during the war, and detailed knowledge of them was not available, it was obvious to intellectuals that under the rule of both the German NSDAP and the Soviet AUCP(b) their normal activity would not be possible. The atrocities that befell society as a whole were an additional argument for escaping as quickly as possible. If we add the ethnic factor to this – such

actions were aimed at specific nations: Jews, Poles, etc. – it becomes clear that many of them avoided death by escaping.

Scientific and intellectual life in the occupied countries of Central and Eastern Europe was destroyed. Institutions dealing with science, culture and education were closed, and even if they did operate, the number of professionals who could work within them decreased drastically. The operation of an underground education and presses was limited only to rudimentary forms. The emigration of intellectuals was not only aimed at saving lives, but also meant migration of certain institutional patterns, the education system, and world views – the migration that was to preserve these patterns. It is typical that, for example, in the new wave of Polish emigrants who reached the USA during the war, its intellectual character was visible, and is comparable with earlier waves [Jaroszyńska-Kirchmann]. Under the new conditions, intellectuals performed military and diplomatic service, as well as engaged in political activities. They made attempts to rebuild educational and scientific associations abroad. From the point of view of the home country, any potential resources available before the war were weakened and split in half. But even this substitute of intellectual life was designed to preserve a potential one in exile, which could be returned to Poland after the end of war.

For such potential to be *conserved*, it was necessary to cooperate with the countries of settlement and adapt to new conditions and new rules of the game. This willingness to adapt related to both legal and formal issues, such as setting up a scientific association, which was different in Great Britain, France, and the USA, as well as interactions with the existing scientific institutions and the wider intellectual environment in these countries. Interactions with intellectuals from other European countries who emigrated were equally important. From this point of view, two places were particularly significant – London and New York, where the largest groups of these intellectuals found their way. Their primary concern was the post-war condition of science, research practice and intellectual reflection, but also what shape post-war Europe and the world would take. The key question: What role should intellectuals play in order to prevent similar tragedies in the future? Such projects of reconstruction are among the most important intellectual achievements of this period; they were the foundation for the reconstruction of the collective security system and gave rise to the processes of European integration.

However, for many emigrant intellectuals, their goals could still not be realized after the war. The countries of Central and Eastern Europe found themselves under Soviet influence, and, thus, many of the emigrants decided not to return to their home countries, as they understood that they would expose themselves and their relatives to repression, and their intellectual freedom would be threatened. For them, the military mission was over, but a new *émigré* mission had begun [Jaroszyńska-Kirchmann]. Only a few intellectuals decided to return to their homelands, assuming that even under Soviet domination it was possible to rebuild the country.

The scale of this phenomena was different in a number of key cases, including the Baltic countries, which were forcibly incorporated into the Soviet Union, and Poland, where only a part of the political elite returned, only to discover that there was no place for them in the new system. These two examples can be further contrasted with Czechoslovakia, where in the first post-war years almost the entire émigré elite returned to the country to hand over power to the communist government in 1948. These political changes generated new waves of emigrants, including intellectuals, which came in response to the next major political crises witnessed in 1956, 1968 or 1980. Independent intellectuals felt constantly threatened and saw their escape to the West as a natural choice and a justified gesture of opposition.

The effect of these new waves of emigration included reconstructing the map of intellectual migration. In addition to the aforementioned centers of London and New York, the list of important places for intellectual discussions included Paris and Munich, but also prominent university towns in Europe and North America where emigrants sought employment. Australia was quite a distant place where emigrant intellectuals also found their way, although the potential accumulated there applied only to individuals such as Jerzy Zubrzycki, rather than entire intellectual émigré communities.

In the bipolar world that emerged after the Second World War, since the potential of émigré intellectuals could not be used in communist states, it was quickly recognized as an important weapon during the Cold War. Primarily, the development of this potential was undertaken by an institution financed by the USA: the Free Europe Committee (FEC). Emigrants had a chance to survive in exile and to participate in activities they believed to be right. Thus, they became an important element of *weaponry* used during the Cultural Cold War [Stonor Saunders]. On both sides of the Iron Curtain there was a battle for minds, with intellectuals as the main weapon. In 1948, the World Congress of Intellectuals in Defense of Peace was held in Wrocław, and in response, the Western countries called the Congress for Cultural Freedom in Berlin two years later. Important journals were created, financed by the FEC such “Encounter”, “Der Monat”, “Preuves”, “Soviet Survey”, “Kultura” and Radio Free Europe was launched. After 1956, the methods changed – the publishing of émigré books and their shipment to countries behind the Iron Curtain were financed and powerful academic exchange programs were launched, in which, among others, the Ford and Rockefeller foundations, private individuals and church structures were engaged. The history of Cold War intellectual exchange seen from this perspective is a topic worth studying in itself.

Case study – Adam Ulam, Harvard, Russian and Polish émigrés

The above framework can be used, for example, to support research into the emigration of intellectual biographies. I would like to propose Adam Ulam as an example. Ulam was born in 1922 and left Poland at the age of 17. An attempt to portray his mind at the time he and his brother made the decision to leave might look like the following: He came from an assimilated

Jewish family. This factor was significant in the pre-war Polish state, where scholars of the caliber of Stanisław Ulam, an outstanding mathematician, developed their careers outside Poland mainly because their colleagues were shaken by incidents directed against the Jews [Urbanek]. While, in pre-war Poland, Ulam's Jewish heritage was stigmatized, during the war, and especially under German occupation, it could result in a death sentence. Thus, leaving the country on the eve of the fighting probably saved his life, as evidenced by the fate of his family, almost all of them perishing, including his father and sister [Ulam, 2002, p. 93]. Characteristically, however, Adam Ulam, although aware of his Jewish origin, manifested his attachment to his Polish roots and culture. His studies at Brown University laid severe stress on him as he was separated from his family – especially his father who stayed in Poland – while he also struggled financially. Ulam completed a full cycle of higher education at the American university and today it would be challenging to make a distinction between its effects from what was still the result of his early education in Poland. Nevertheless, it is telling that one of his first published texts concerns Andrzej Frycz Modrzewski, “the most notable political author of the sixteenth-century Poland” – it was undoubtedly Modrzewski's *Polish* contribution to American scholarship that was important to Ulam [Ulam, 1946, p. 93].

Graduating from Brown University in 1947 with his doctoral degree, Ulam then took up employment at Harvard University, which consolidated his position as a great scholar and expert on the Soviet Union. Did his education in Poland influence his research interests, as well as the way he conducted it? It appears that this early period of study was decisive in Ulam's intellectual development, though it is also worth posing the question of whether it was more specifically pre-war conversations with his family and friends that sparked his interest in Russia? Undoubtedly, the direction of interest was also influenced by the demand articulated by the American academy and the US government. Even during the war, and immediately thereafter, the first professors from Central and Eastern Europe found employment at American universities, such as New York's Fordham University, the New School for Social Research, and New York University. The Cold War period generated an even greater demand for specialists from this part of the world, and there are many examples of university emigrants' careers. One of the most interesting cases is Harvard University, where Waclaw Lednicki lectured during the Second World War and in the first five years thereafter several other eminent names appeared, such as Adam Ulam, Richard Pipes, Marian Kamil Dziewanowski, Zbigniew Brzeziński and Wiktor Weintraub. Richard Pipes was awarded his doctoral degree from Harvard University in 1950 and, over time, became one of the most recognizable historians of the Soviet Union. From 1968 to 1973, he headed the Harvard Russian Research Center, and in the early 1980s, he even became President Ronald Reagan's security adviser. Marian Kamil Dziewanowski, received his Harvard doctorate just a year after Pipes and would go to author, among others, books on the history of the Communist Party of Poland, as well as the textbook *History of Soviet Russia*. Dziewanowski

later lecturer at Boston College, Boston University, and then the University of Wisconsin, Milwaukee. Finally, in 1953, Zbigniew Brzeziński received his PhD, again from Harvard, and in 1960 he took up employment at Columbia University. In the late 1970s, he became a security advisor to President Jimmy Carter. All of these scholars not only had the opportunity to work at the Russian Research Center, but also received education from prominent scholars like Merle Fainsod and the Russian émigré, Michael Karpovich. Only Weintraub found his way to Harvard University already as a recognized professor of the history of Slavic literature.

As experts in the region who knew foreign languages and understood Russia, they were exceptionally valuable at the onset of the Cold War. It is worth emphasizing the shift in dominance of Soviet studies by emigrants from Central and Eastern Europe, where emigrants from Russia also played an important role. Michael Karpovich was key in developing Russian Studies at Harvard University and establishing the Russian Research Center [Filipowicz]. His contemporaries acknowledged that he was largely shaped by the experience of emigration. Marian Kamil Dziewanowski appreciated Karpovich's kindness towards Poles. He believed that his strength lay not so much in scientific publications as in his enormous erudition, endearing personality and organizational skills [Dziewanowski, p. 229–233]. It was Russian studies he was developing, from research conducted before and during the Second World War, that laid a solid foundation for the expansion of Soviet studies in the late 1940s. What is more, Karpovich did not only teach at Harvard University – he supervised many American experts on Russia and Soviet Russia who, after studying at Harvard, worked in other academic centers in the USA. The extensive list of former students includes Philip Mosely, Marc Raeff, Nicolas Riasanovsky, Donald Treadgold and Martin Malia [Filipowicz, p. 217–218]. Following the advice of Waław Lednicki – a professor of literature at Harvard University between 1940–1944, and then later based at the University of California at Berkeley – Karpovich invited Wiktor Weintraub to Harvard in 1950 [Weintraub, p. 30–31].

What could Karpovich's students learn from him? In his texts, he explored various aspects of the history of Russia, but – as Martin Malia mentions – “Karpovich had two main themes which nurtured and motivated all of his writings and teaching: Russia as part of European civilization and revolution” [Zeide, p. 249]. He was convinced that over time Russia would not only come closer to the West, but would be equally civilized. He was concerned with the viability of myths in politics, and their other use in democratic states like the USA and totalitarian states like the Soviet Union. Adam Ulam also attended Karpovich's classes. Although he did not mention him in his memoirs, in an earlier book about the crisis of the American academy, he wrote very clearly how much he owed to people like Karpovich. Criticizing the extremes that tainted American *kremlinology*, he wrote: “we were saved from such extravagances and stultifying stereotypes very largely through the presence in the academic world then of a veritable handful of distinguished scholars in the field of Russian history. They had been teaching and writing

for some time, of course, but it is now in this educational emergency that they exerted crucial and beneficial influence. <...> One of the handful was Professor Michael Karpovich of Harvard. Those who studied directly under him would undoubtedly credit with much more than just saving Russian studies from the faults of false exoticism and excessive utilitarianism. His very personality exemplified and emanated some of the best characteristics of the pre-revolutionary Russian intelligentsia, a deep impression of civilized humanity and intellectual liveliness, a strong liberal bias yet free of that dogmatism which made so many Russian intellectuals of that period go astray (in a manner reminiscent, alas, of so many of our own). His favored field was that of nineteenth-century Russian intellectual history... It required great erudition and firm intellectual balance to guide both the future specialist and the general student safely through a subject so full of pitfalls of false enthusiasm and facile generalization, to see its organic connection with, at the same time as significant differences from, the general current of Western culture. Again, one feels that the value of this unhurried, unsensational approach transcended its benefits to the future writer of a doctoral dissertation, or a non-specialist's enhanced pleasure in reading a Russian novel. One learned to understand a great nation and its tragic history in a way that no recital of political facts and economic statistics could furnish by itself. And quite beyond and apart from Russia, one learned *to understand*, which is what education is all about" [Ulam, 1972, p. 34–36]. From this excellent characterization, it is clear how much Ulam owes not only to Karpovich himself, but also to his classes. Ulam was convinced that they had been equally fruitful for a whole generation of specialists in Russian studies. And to a large extent it was also a clear plan of Karpovich himself as a Russian émigré – to provide Western students with a proper understanding of Russia and its history. His is an interesting example that perfectly illustrates the two-phase flow of knowledge forced by emigration – first from post-revolutionary Russia, and then from Poland during the war. Karpovich was an element of this first phase, as Zeide noted: "The transfer of knowledge and attitude constituted an important part of what I referred to as a crusade. Karpovich taught in the atmosphere of intensified confrontation between the West and the Soviet Union, and the latter was very much present in his lectures, whatever evidence to the contrary some insist on" [Zeide, p. 256]. It is also a great example of what, behind the sociology of ideas, we would describe as the *production* of ideas, and Ulam would be largely the product of this *production process*.

Ulam was part of a larger phenomenon and he was well aware of the intellectual masters that had shaped him. The education he received at prestigious American universities was invariably essential to his future career. His older fellow emigrants, such as Wiktor Sukiennicki, did not have this advantage and could not wish for a similar career path. In half a century of active work as a Sovietologist, Ulam published 20 books on the subject and became an important expert, invited by academic, military and government institutions to explain the intricacies of the Soviet mentality, thinking and politics.

In 1973–1976 and 1980–1992, he was the director of the Russian Research Center, observing the strength of human rights defenders, Gorbachev's rise to power, perestroika, and the collapse of the Soviet Union – the subject of his research. He was also a lecturer at Harvard University for many years and became mentor to his students as much as Karpovich was to him.

Geographically, Ulam's intellectual journey seems to be not too complicated. After completing his education in pre-war Lviv, he lived in Boston for the rest of his life, or rather in Cambridge, Massachusetts, with a stopover in Providence. It was not an extensive, multi-stage journey, but its intellectual significance cannot be overestimated. Both pre-war Lviv as an intellectual center and post-war Boston were unique clusters of outstanding minds. Another map is a map of networks that Ulam had already been creating in the USA. What elements of these networks relate to pre-war Lviv, pre-war Poland, or its substitutes that ended up in exile? Did they serve as an important point of reference to his intellectual development already in the US, or were they just a faint memory? These questions arise in the article about Frycz Modrzewski – where did this topic come from and why was it not developed in later years? These questions also concern the review and citation network that illustrate Ulam's growing position in the American academic and expert world. Each of his books attracted a lot of attention, none went unnoticed – just enumerating them would take a large part of this article. Finally, the peer and mentoring networks formed by Ulam seem important, especially when linking him to other Sovietologists and then his students. What was the role of émigré intellectuals in this puzzle? This is an exemplary list of questions that require research and are a proposal to apply the previous theoretical framework in this case. Studies in this context will help us to better understand what factors influenced his choice of research interests from Frycz Modrzewski, through British socialism and on to various aspects of the Soviet world.

But an equally important question relates to the significance of the émigré experience in his intellectual biography. Was Ulam part of the second phase of the émigré knowledge transfer between Russia and Europe and the USA or did he belong to the first phase just like Karpovich? Karpovich at the time of his emigration was already an adult and intellectual, unlike Ulam, who came to the USA as a teenage boy. Probably, the USA shaped his thinking about an academic career to a greater extent than pre-war Poland. But did it shape his thinking about Russia? Was he more beholden to family talks, the climate of the Cold War during which his brother built a hydrogen bomb, or a full-blown student of Karpovich? Did he see – like Karpovich – an important role for himself as an émigré in convincing American students of his vision of Russia, which was also shaped by the experience of emigration? It seems that each of these factors shaped Ulam to some extent, and it would be difficult to grasp the which element was more significant.

It would be even more interesting to compare the biography of Marian Kamil Dziewanowski with that of Karpovich's – when the former emigrated, he was 26, whereas when he started his studies at Harvard University, he was 34.

Dziewanowski, like Karpovich, was already a grown man, but he had to study for a few more years to be able to think about a university career which, in fact, he only started when he was already forty. For Dziewanowski, emigration was undoubtedly a much more important factor in his work than for Ulam. Even his selection of topics, including Adam Jerzy Czartoryski, the history of the Communist Party of Poland, and the federal policy of Józef Piłsudski, would bring American readers closer to Polish matters, and remained so dear to the author. His story of Soviet Russia was written along the way and had the character of a more popular work of non-fiction based on academic synthesis; it drew from Soviet studies rather than constituted an essential part of them. But Dziewanowski, like Ulam, was one of Karpovich's students. Did the latter manage to convince both of them that the history of Russia was not unique and resembled the histories of other European countries? Was he attempting to uproot from Western thinking the belief in Russian uniqueness part of his "tireless fight against any kind of maximalism, nationalism, eschatological theories, and, particularly, messianism" – and was it sufficiently convincing? [Zeide, p. 256–261].

* * *

By examining and comparing those experts on Russia, the Soviet Union and twentieth-century communism who took up employment at Harvard University in the post-war period, it is clearly visible how their émigré experience intertwined with the ideas they devoted themselves to and the world in which they lived, and how they all influenced each other. On the surface, the story that emerges resembles many other biographical stories. However, the combination of intellectual history, the sociology of ideas and the study of migration allows us to look at biographies from a slightly different angle and to bring out hitherto invisible shades.

It must also be said that the given example is only a modest attempt to approach a much wider topic – the image of the potential and intellectual production of emigrant intellectuals during the Cold War. We know that though the total number is unclear, a large group of intellectuals found themselves in the West during and after the Second World War. In this bipolar world, intellectuals were mobilized on both sides of the Iron Curtain. Some of them played an important role, such as in US Cold War strategies, especially within the so-called Cultural Cold War. The exile created room for transnational projects, cooperation, and emergence of such concepts as the federation of East Central Europe, the future enlargement of the European integration process, and reconciliation between former enemies, such as ULB concept, Polish-Russian and Polish-German relations. Intellectuals were in contact with their counterparts in communist countries, which in the long run affected the communist system in the form of discussions of Marxism between Schaff, Jordan, and Kołakowski, and in the distribution of their works.

Still, the geography of their intellectual developments and encounters remains to be told. Minds traveling with their ideas and intellectual

frameworks, put into the specific context of the Cold War, produced an expert knowledge conditioned by the demands and circumstances of their times. Merging intellectual history with sociology of ideas and literary criticism would generate a new view of it all. The particular example of Sovietology, born at Harvard University with émigrés like Michael Karpovich and Adam Ulam, shows how important their native experience and proficiency in Eastern European languages were for building the expertise for which Harvard was famous during the whole Cold War. Intellectual biographies with their professional and personal networks are still to be reconstructed and restored as an important element of Cold War exile history combined with transatlantic intellectual exchange.

Список литературы

- Armitage D.* The International Turn in Intellectual History // *Intelligere*. 2015. Vol. 1, № 1. P. 1–15. DOI 10.11606/issn.2447–9020.intelligere.2015.108480.
- Aron R.* The Opium of the Intellectuals. Garden City ; N. Y. : Doubleday, 1957. 335 p.
- Baring E.* Ideas on the Move: Context in Transnational Intellectual History // *J. of the History of Ideas*. 2016. Vol. 77, № 4. P. 567–587. DOI 10.1353/jhi.2016.0031.
- Dziewanowski M. K.* Jedno życie to za mało. Kartki z pamiętnika niepoprawnego optymisty. Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 1994. 350 p.
- Filipowicz M.* Emigranci i Jankesi: o amerykańskich historykach Rosji. Lublin : Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 2007. 360 p.
- Gella A.* Inteligencja Polska. Warszawa : AKME, 2016. 420 p.
- Intellectuals* / ed. by P. Johnson. N. Y. : Harper & Row, 1990. 385 p.
- Inteligencja polska pod zaborami : studia* / ed. by R. Czepulis-Rastenis. Warszawa : PWN, 1978. 322 p.
- Jaroszyńska-Kirchmann A. D.* The Exile Mission: The Polish Political Diaspora and Polish Americans, 1939–1956. 1st ed. Athens ; Ohio : Ohio Univ. Press, 2004. 368 p.
- Janowski M.* Birth of the Intelligentsia (1750–1831). Frankfurt a/M : Peter Lang, 2014. Vol. 7. A History of the Polish Intelligentsia. Part 1. 274 p.
- Jedlicki J.* A Foreword // *Janowski M.* Birth of the Intelligentsia (1750–1831). Frankfurt a/M : Peter Lang, 2014. Vol. 7. A History of the Polish Intelligentsia. Part 1. P. 7–25.
- Jedlicki J.* What's the Use of Intellectuals? // *Polish Sociological Rev.* 1994. № 106. P. 100–110.
- Kersten K.* Powojenne wybory intelektualistów // *Między wyzwoleniem a zniewoleniem, Polska, 1944–1956*. L. : Aneks, 1993. P. 100–120.
- Kettler D.* A Paradigm for the Study of Political Exile: The Case of Intellectuals // *Scholars in Exile and Dictatorships of the 20th Century*. Conference Proceedings. Prague : Centre for the History of Sciences and Humanities of the Inst. for Contemporary History of the ASCR, 2017. P. 194–204.
- Lovejoy A. O.* Reflections on the History of Ideas // *J. of the History of Ideas*. 1940. Vol. 1, № 1. P. 2–10. DOI 10.2307/2707007.
- Szacki J.* Gdzież Są Ci Nasi Inteligenci? // *Dylematy Historiografii Idei Oraz Inne Szkice i Studia*. Warszawa : PWN, 1991. P. 356–369.
- Stonor Saunders F.* The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters. N. Y. : N. Press, 1999. 427 p.
- Ulam A.* Andreas Fricius Modreuius – A Polish Political Theorist of the Sixteenth Century // *The Am. Political Science Rev.* 1946. Vol. 40, № 3. P. 485–494. DOI 10.2307/1949322.
- Ulam A. B.* The Fall of the American University. N. Y. : Library Press, 1972. 219 p.
- Ulam A. B.* Understanding the Cold War: A Historian's Personal Reflections. N. Brunswick ; N. Y. ; L. : Transaction Publ., 2002. 432 p.

- Urbanek M. *Genialni: Lwowska Szkoła Matematyczna*. Warszawa : Iskry, 2014. 284 p.
- Weintraub W. *O współczesnych i o sobie: wspomnienia, sylwetki, szkice literackie*. Iss. 1. Kraków : Znak, 1994. 350 p.
- Zeide A. *Creating 'a Space of Freedom': Mikhail Mikhailovich Karpovich and Russian Historiography in America*// *Ab Imperio*. 2007. № 1. P. 232–243. DOI 10.1353/imp.2007.0000.

References

- Armitage, D. (2015). The International Turn in Intellectual History. In *Intelligere*. Vol. 1. No. 1, pp. 1–15. DOI 10.11606/issn.2447–9020.intelligere.2015.108480.
- Aron, R. (1957). *The Opium of the Intellectuals*. Garden City, N. Y., Doubleday. 335 p.
- Baring, E. (2016). Ideas on the Move: Context in Transnational Intellectual History. In *J. of the History of Ideas*. Vol. 77. No. 4, pp. 567–587. DOI 10.1353/jhi.2016.0031.
- Dziewanowski, M. K. (1994). *Jedno życie to za mało. Kartki z pamiętnika niepoprawnego optymisty*. Toruń, Wydawnictwo Adam Marszałek. 350 p.
- Filipowicz, M. (2007). *Emigranci i Jankesi: o amerykańskich historykach Rosji*. Lublin, Wydawnictwo Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. 360 p.
- Gella, A. (2016). *Inteligencja Polska*. Warszawa, AKME. 420 p.
- Johnson, P. (Ed.). (1990). *Intellectuals*. N. Y., Harper & Row. 385 p.
- Czepulis-Rastenis, R. (Ed.). (1978). *Inteligencja polska pod zaborami: studia*. Warszawa, PWN, 1978. 322 p.
- Jaroszyńska-Kirchmann, A. D. (2004). *The Exile Mission: The Polish Political Diaspora and Polish Americans, 1939–1956*. 1st Ed. Athens, Ohio, Ohio Univ. Press. 368 p.
- Janowski, M. (2014). *Birth of the Intelligentsia (1750–1831)*. Frankfurt a/M, Peter Lang. Vol. 7. A History of the Polish Intelligentsia. Part 1. 274 p.
- Jedlicki, J. (2014). A Foreword. In Janowski, M. *Birth of the Intelligentsia (1750–1831)*. Frankfurt a/M, Peter Lang. Vol. 7. A History of the Polish Intelligentsia. Part 1, pp. 7–25.
- Jedlicki, J. (1994). What's the Use of Intellectuals? In *Polish Sociological Rev*. No. 106, pp. 100–110.
- Kersten, K. (1993). Powojenne wybory intelektualistów. In *Między wyzwoleniem a zniewoleniem, Polska, 1944–1956*. L., Aneks, pp. 100–120.
- Kettler, D. (2017). A Paradigm for the Study of Political Exile: The Case of Intellectuals. In *Scholars in Exile and Dictatorships of the 20th Century. Conference Proceedings*. Prague, Centre for the History of Sciences and Humanities of the Inst. for Contemporary History of the ASCR, pp. 194–204.
- Lovejoy, A. O. (1940). Reflections on the History of Ideas. In *J. of the History of Ideas*. Vol. 1. No. 1, pp. 2–10. DOI 10.2307/2707007.
- Szacki, J. (1991). Gdzież Są Ci Nasi Inteligenci? In *Dylematy Historiografii Idei Oraz Inne Szkice i Studia*. Warszawa, PWN, pp. 356–369.
- Stonor Saunders, F. (1999). *The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters*. N. Y., N. Press. 427 p.
- Ulam, A. (1946). Andreas Fricius Modrevius – A Polish Political Theorist of the Sixteenth Century. In *The Am. Political Science Rev*. Vol. 40. No. 3, pp. 485–494. DOI 10.2307/1949322.
- Ulam, A. B. (1972). *The Fall of the American University*. N. Y., Library Press, 1972. 219 p.
- Ulam, A. B. (2002). *Understanding the Cold War: A Historian's Personal Reflections*. N. Brunswick, N. Y., L., Transaction Publ. 432 p.
- Urbanek, M. (2014). *Genialni: Lwowska Szkoła Matematyczna*. Warszawa, Iskry. 284 p.
- Weintraub, W. (1994). *O współczesnych i o sobie: wspomnienia, sylwetki, szkice literackie*. Iss. 1. Kraków, Znak. 350 p.
- Zeide, A. (2007). *Creating 'a Space of Freedom': Mikhail Mikhailovich Karpovich and Russian Historiography in America*. In *Ab Imperio*. No. 1, pp. 232–243. DOI 10.1353/imp.2007.0000.

The Stalinist Political Culture of the Second Wave of the Russian Diaspora: A Case Study*

Benjamin Tromly

University of Puget Sound,
Tacoma, Washington, USA

This article examines the career of Vladimir Vasilevich Pozdnyakov during the Second World War and the early Cold War. A lieutenant colonel in the Red Army who was arrested during the Great Terror, Pozdnyakov was captured on the Eastern front in October 1941. He collaborated with the Germans, first serving as the head of camp police in 1942, then becoming a propagandist in the system of POW camps, and finally serving as a high-ranking officer in the short-lived Russian army under General A. A. Vlasov. He escaped repatriation to the USSR after the war and worked as an intelligence agent in the Gehlen Organization and the CIA while also taking part in anti-communist groups in West Germany. Pozdnyakov also acted as an amateur historian of the Vlasov movement. Pozdnyakov's career provides a window on the actions of one individual across the upheavals of war, occupation, and Cold War. Pozdnyakov's actions were shaped by the political culture of the Stalinist 1930s. Like other members of the Soviet party-state and military elite, Pozdnyakov was opportunistic, suspicious, and dogmatic – all qualities that were crucial for advancement and mere survival in the Stalinist 1930s. The political culture of the 1930s helps to explain his activities during a time of unprecedented chaos and violence: his willingness to collaborate diligently with the Nazis and then with Germany's Western conquerors, his constant battles within circles of collaborators and the Russian diaspora, and his hagiographic writing of the history of the Vlasov movement while in postwar exile. Pozdnyakov's example suggests a new approach to the study of the political culture of the second wave of Russian emigration. Due to the historical context of the formation of the second wave – captivity on the Eastern Front, life and sometimes collaboration during the Nazi occupation and flight from repatriation – its members had no other source of public identity other than the continuing devotion to Vlasov's semi-fictional Russian liberation army.

Keywords: Vlasov, Russian Liberation Army, collaboration, Second World War, Russian emigration, espionage

---

* *Citation:* Tromly, B. (2022). The Stalinist Political Culture of the Second Wave of the Russian Diaspora: A Case Study. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 515–530. DOI 10.15826/qr.2022.2.685.

Цитирование: Tromly B. The Stalinist Political Culture of the Second Wave of the Russian Diaspora: A Case Study // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 515–530. DOI 10.15826/qr.2022.2.685.

Статья посвящена жизни и деятельности Владимира Васильевича Позднякова в годы Второй мировой войны и начала холодной войны. Подполковник Красной армии, арестованный во время Большого террора, Поздняков попал в плен на Восточном фронте в октябре 1941 г. Он сотрудничал с немцами: сначала занимал пост начальника лагерной полиции в 1942 г., потом стал пропагандистом системы лагерей для военнопленных и, наконец, служил высокопоставленным офицером под командованием генерала А. А. Власова. После войны он избежал репатриации в СССР и работал агентом разведки в организации «Гелена» и ЦРУ, а также принимал участие в антикоммунистических организациях в Западной Германии. Поздняков также был активным историком власовского движения в послевоенные годы. Его карьера дает возможность проследить действия одного человека в период войны, оккупации и холодной войны. На основе источников можно утверждать, что Поздняков был человеком амбициозным, подозрительным и догматичным – все качества, которые отражали его прошлое в элитах сталинской системы 1930-х гг. Сосредоточив внимание на политической культуре 1930-х гг., можно осмыслить действия Позднякова в данный период: его готовность к коллаборации с нацистами, а затем и с западными завоевателями Германии, его постоянные склоки в кругах коллаборационистов и послевоенной русской диаспоры, а также его усилия обелить историю власовского движения в послевоенные годы. Пример Позднякова предлагает новый подход к изучению политической культуры второй волны русской эмиграции. Из-за исторического контекста формирования второй волны – пленение на Восточном фронте, жизнь и иногда коллаборация при нацистской оккупации, бегство от репатриации – у ее членов не было другого источника общественной идентичности, кроме демонстрации преданности полувывымышленной Русской освободительной армии Власова.

Ключевые слова: Вторая мировая война, русская эмиграция, Русская освободительная армия, генерал Власов, коллаборация, шпионаж

In 1950, Vladimir Vasil'evich Pozdniakov sat down in a room in Munich to be interviewed for the Harvard Project on the Soviet Social System (HPSSS), a massive oral history project conducted by Harvard University researchers and funded, in part, by the US Air Force. The forty-eight-year-old made a strong impression on his interviewer: he had good manners and was well-spoken, perhaps a result of his upbringing in a family of pre-revolutionary elites. Pozdniakov told of his hatred of the Soviet order and his experience of being arrested and tortured during the Great Terror of the 1930s. He also recounted the remarkable events he had experienced in the previous decade. After being released by the NKVD in 1939, he was sent to the front in 1941 and captured by the Germans on the battlefield. He survived the prisoner of war in camps where Red Army men were deliberately starved in their thousands and collaborated with the Germans as a Russian-language propagandist. He then became a close associate of

the turncoat Soviet general A. A. Vlasov, who sought to create a Russian Liberation Army (ROA) under Nazi auspices. Pozdniakov's postwar years were just as tumultuous. After war's end, he escaped mandatory repatriation of Soviet nationals to the USSR that was enforced by the US and British military governments in West Germany. Living under a false identity, he became active in anti-communist politics and espionage.

Pozdniakov's extraordinary life experiences involved serving different political regimes during a period of historical upheaval. However, his political views across the period seem to have been basically consistent. Pozdniakov was unreservedly hostile to communism. And yet his ideological perspective bore the strong imprint of his Soviet background. Consider his uncompromising answers to a standard HPSSS question: what would he maintain or change in a new Russia should Soviet power fall? On the one hand, Pozdniakov thought that Soviet social and welfare institutions should be maintained in a post-Soviet Russia. On the other hand, he declared that a future Russia would have to have a political police: "As long as the world is in disorder, as long as there are spies and as long as there is sabotage, there must be a political police." He also envisioned a purge of former communist party members to examine their loyalty to the new system [HPSSS. Schedule A. Vol. 22. Case 433. P. 34–38]. While attacking Soviet rule, then, Pozdniakov continued to support many aspects of it.

This article examines the paradox of Pozdniakov's Soviet style of anti-Soviet politics by examining his experiences during the war and after (ending with his immigration to the United States in 1956)¹. Pozdniakov's biography is of interest due to his position on the front lines of Russia's major conflicts of the period. Indeed, Pozdniakov's career fits into several major topics in twentieth-century Russian history: the purge of the officer corps in the 1930s, Operation Barbarossa and combat on the Eastern front, Russian wartime collaboration [cf.: Мартынов]; and the postwar Russian diaspora, especially the so-called "second wave" of Soviet citizens who did not return to their homeland after the war [Tromly, 2019, p. 32–40]². Studying a single life in these different frames allows one to search for continuities and discontinuities across the different political worlds of Stalinism, Nazi occupation and the Cold War.

What emerges is a striking trend. Pozdniakov's actions across the 1940s and into the 1950s underscore the formative influence of his past as a member of the Soviet elite (specifically, the officer corps of the 1930s). Pozdniakov was opportunistic, suspicious, and dogmatic – all qualities that were crucial for advancement and even mere survival in the Soviet elite in the 1930s. Stalinist political culture shaped Pozdniakov's actions outside

---

¹ I benefit from a previous effort to write Pozdniakov's biography, albeit one from a very different perspective [Александров, 2011].

² Russians who left Soviet territory during the war are often grouped together as the "second wave" of emigrants, a moniker that distinguishes them from the first wave of "White" émigrés who fled the revolution and the postwar third wave that exited the USSR from the 1960s until its collapse.

of the Soviet Union: his collaboration with the Germans, his postwar political activities, his career in espionage, and his roles in articulating the history of the Vlasov Movement. And while the Pozdniakov example cannot be extrapolated mechanically to other people with similar life trajectories, the tenacity with which Stalin-era habits and ideas shaped his behavior suggests new directions for understanding the second wave of the Russian diaspora and its experiences of collaboration and exile³.

From Stalin's Elite to Hitler's New Europe

Pozdniakov was born in 1904 in St. Petersburg to a merchant family. His entry point to the tumultuous conflicts of Russia's twentieth century began at a ripe age. At fifteen years of age, he ran away from home to join the Red Army during the Civil War (adding two years to his age in his papers to meet the minimum age for recruitment) [Александров, 2011, c. 153]. A few years later, Pozdniakov took up study in military courses in the area of chemical warfare – a promising choice of profession given the role chemical agents had played in WWI. Pozdniakov rose through the ranks as a teacher in a series of military educational institutions, attaining a position of considerable privilege for the time; he earned a high salary and lived in an apartment with his “own kitchen and bathroom” [HPSSS. Schedule A. Vol. 22. Case 433. P. 4–5]. In short, Pozdniakov was a socially mobile and well-connected member of Stalin's elite.

Then everything came crashing down, as often happened for members of the Soviet elite under Stalin. In 1937, Pozdniakov was arrested on falsified charges of counter-revolutionary activities, perhaps coming under suspicion due to his class origins and the fact that he was related to Russians living abroad [Александров, 2011, c. 158]. In his Harvard interview, Pozdniakov described the torture to which he was subjected to by the NKVD: being forced to stand against a wall for six days straight, starvation, and beatings [HPSSS. Schedule A. Vol. 22. Case 433. P. 15]. Although he was released in 1939 during a partial undoing of the terror and was returned to his previous position, Pozdniakov was surely physically and mentally shattered by the experience.

The ideological impact of arrest on Pozdniakov is harder to establish. In his postwar interview, Pozdniakov claimed that he had been critical of the collectivization of agriculture in the early 1930s and then came to reject the communist system *in toto* after his arrest, but other sources do not exist that verify his claims [Ibid. P. 45]. Moreover, Pozdniakov fought loyally in 1941 rather than defecting to the German army; his officer training as well as what he called a “confusion” of the concepts “Russia” and “Soviet Union” prevented him from taking such a step [Александров, 2011, c. 161]. Pozdniakov entered the war, one might posit, with both a personal grievance against and a basic sense of loyalty toward the Soviet state.

---

³ This approach has been attempted in a limited way in: [Александров, 2015, c. 538–556].

As was the case for many second-wave exiles, controversy surrounded Pozdniakov's wartime activities after he was captured by the Germans in the Kyiv pocket in August or September 1941. After passing through a few transit POW camps – and experiencing the forced marches of the prisoners – he survived the winter of 1941–1942 in Officer Camp no. 57 in the Wehrmacht's Königsberg Military Region [Александров, 2011, с. 161]. According to both Soviet authorities and some fellow postwar displaced persons, Pozdniakov held a position dealing with internal security in the camp – this during a time in which POWs were deliberately starved to death by German authorities [Chuikov; Нерянин]. Hearsay in Vlasovite circles later in the war had it that Pozdniakov had tortured POWs who had got into trouble with the camp administration, pouring cold water over them in the winter [Власов: история предательства, т. 2, кн. 2, с. 63]. His fellow POW M. M. Samygin confirmed that Pozdniakov held a position of power in the camps. In a postwar letter to B. I. Nikolaevskii, Samygin recalled that Pozdniakov played a major role in the creation of an anti-partisan detachment in the POW camp. More striking still, he claimed that Pozdniakov had been in a position to decide which of the starving POWs would survive or perish [Петров, 2013]. In fact, Pozdniakov himself admitted as much by mentioning in a letter that he saved Samygin's life twice in this period [Поздняков, 15 ноября 1948 г.; Поздняков, 24 ноября 1948 г.].⁴

Pozdniakov's position of power in the camps set the pattern for his further collaborationist activities in Nazi-occupied Europe. When Pozdniakov, Samygin and P. O. Voronov wrote a report to the camp administration expressing willingness to take part in the fight against Soviet power, Pozdniakov was sent to Stalag III D Berlin-Schlieffenufer, a camp for Soviet POWs who posed interest to intelligence agencies [Александров, 2011, с. 160]. Pozdniakov soon rose in the ranks of the Russian propagandists working for the Nazis in the POW camps, being posted first to a camp in Wuhlheide and then appointed head Russian propagandist at Stalag I-B Hohenstein. From there he entered the circle of former Red Army officers surrounding A. A. Vlasov. Although Vlasov was little more than an instrument for German propaganda on the Eastern front at that time, Pozdniakov took up a leadership position in the one institution under the general's control: the so-called Dabendorf propaganda school for the Russian Liberation Army (technically the "Special Department for Eastern Propaganda")⁵. When Vlasov received permission from Himmler's SS to form the Committee for the Liberation of the Peoples of Russia in late 1944, Pozdniakov was appointed head of the Command Division at its Headquarters, which gave him considerable powers to recruit, attest and promote soldiers and officers in Vlasov's forces.

---

⁴ I thank Igor Petrov for making this section of the Pozdniakov collection in the Bundesarchiv available to me.

⁵ Pozdniakov was Russian camp commander at Stalag-3-A in Lückenwalde, the largest POW camp in the Berlin-Brandenburg region, where he selected POWs for admission to the Dabendorf courses [HPSSS. Schedule B. Vol. 11. Case 433. P. 5].

Pozdniakov's responsible positions reflected the remarkable degree of trust he had earned among German military and security officials. In 1945, a group of Pozdniakov's fellow officers alleged that he was a "direct henchman (*stavlennik*) of the Germans," who was "tied to their intelligence and counter-intelligence organizations through the SD and Gestapo" [Нерянин, с. 27]. While the details of Pozdniakov's intelligence work is lacking – and Pozdniakov always denied spying for the Germans⁶ – it seems almost certain that he was active in this sphere, perhaps working as an agent of the *Abwehr*⁷. Moreover, it is plausible to suggest that Pozdniakov's activities in Nazi intelligence were instrumental for his appointment in the Vlasov enterprise. Significantly, Pozdniakov's trusted position under the Nazis drew the ire of many of his fellow Vlasovites. Under interrogation by the Soviet secret police, Vlasovite A. A. Rtishchev commented that Pozdniakov "often praised the German command, saying that the Red Army will be defeated" [Власов: история предательства, т. 2, кн. 2, с. 18]. Pozdniakov himself admitted that some interned POWs at Lückenwalde mistrusted him for being too close to the German leadership, a fact he attributed to his German officer uniform [Поздняков, 1973, с. 35]. Pozdniakov was willing to serve the Germans just as he had served Stalin, probably driven by his ambition as well as a desire for revenge against the Soviets who had tormented him during the Terror.

Another enduring characteristic of Pozdniakov's political persona became apparent during the war: his suspiciousness and willingness to denounce his political opponents. For instance, Pozdniakov accused A. I. Tavantsev in KONR of having worked for the Gestapo, an allegation that led to the latter's arrest [Власов: история предательства, т. 2, кн. 1, с. 245]. Even if Pozdniakov's allegations had been accurate, a deep suspicion of others in his immediate milieu would become a constant in Pozdniakov's career. While much remains unclear about Pozdniakov's wartime record, then, a picture emerges of an ambitious man who was willing to follow any orders and to destroy others in order to get ahead – a set of habits that characterized the Stalinist elite.

From Wanted Man to Cold Warrior

The advance of the Red Army into Central Europe in 1945 placed the Vlasovites and other Soviet collaborators in grave danger. The Vlasov forces in Bohemia turned to the Western allies, with Pozdniakov and another officer delegated to the US forces to negotiate surrender in early May [Власов: история предательства, т. 2, кн. 1, с. 288]. After surrender, Pozdniakov and other Vlasovites found themselves interned in a camp in

---

⁶ Pozdniakov blamed the 1945 accusations against him on the machinations of his rival, A. F. Chikalov, whom he accused of being a Soviet agent [Гофман, с. 36]. See below on Chikalov.

⁷ [Власов: история предательства, т. 2, кн. 1, с. 209]. After the war, Pozdniakov wrote a detailed study of Nazi intelligence on the Eastern front for the US Army Historical Research Institute [Pozdniakov].

Landau, Bavaria. He fled the camp a few months later out of fear that he would be extradited to the USSR and then lived underground for a time in West Germany. Quite literally, he hid to save his life, as he was tried in absentia for counter-revolutionary crimes by the Military Tribunal of the Group of Soviet Occupation Forces in Germany in October 1945. Two years later, he was registered with the Frankfurt police under the fictitious identity of Vladimir Anderson, a supposed Russian émigré and former resident of interwar Latvia [Александров, 2011, с. 177–178].

Even while living as a stateless fugitive, Pozdniakov found his feet in the chaotic world of postwar Germany. In particular, he marshalled his wartime émigré and German contacts to eke out a living. First, he turned his hand to espionage, taking advantage of a situation in which the Western powers were eager to derive reliable information on their recent ally-turned-adversary. In 1946–1947, he worked as an intelligence agent for the Gehlen organization, a spy service initially funded by the US Army that consisted of the holdovers from Hitler's intelligence organization on the Eastern Front, *Fremde Heere Ost* (Foreign Armies East). Pozdniakov was soon dismissed from the Gehlen organization due to “over-evaluation of information and excessive expenditures” [Pyle, p. 2]. In all fairness, Pozdniakov's espionage record was hardly an exception for postwar exiles in West Germany, where destitute displaced persons sought to peddle often fraudulent information for material gain [Tromly, 2019, p. 54–57].

Pozdniakov also entered the political life of the postwar Russian diaspora. Soon after forced repatriation of the Soviet DPs ground to a halt amidst the tensions between the wartime allies, survivors of the Vlasov forces in Germany set about reorganizing their movement in anticipation of a new anti-Soviet crusade. Pozdniakov was a controversial player in the nascent postwar Vlasov movement from its inception. Appearing at a 13 March 1948 meeting of anti-Soviet organizations in Munich – to which he, tellingly, was not invited – Pozdniakov aggressively supported an opposition faction and “started several attacks” against K. G. Kromiadi, the head of Vlasov's chancellery who was now aspiring to leadership of the Vlasovites [Pyle, p. 3]. Pozdniakov was consistently involved in political intrigue. At a meeting just a week later, Pozdniakov submitted a memorandum declaring that “Political Advisors of the United States Military Government had initiated negotiations with him” as a representative of the Russian anti-communist forces. No such talks seem to have occurred, however. Likely, Pozdniakov was simply bluffing or had deluded himself about the degree of influence he had in American circles [Memorandum, p. 3].

Pozdniakov's aggressive political tactics were a product of his hunger for power, which he had already demonstrated under German occupation. According to an émigré informant for the American Counter Intelligence Corps, Pozdniakov was “a very ambitious person” who attempted to “get control” of the postwar Vlasov Movement [Pyle]. Pozdniakov joined the main Vlasovite organization of the postwar period, the Union for the Struggle for the Liberation of the Peoples of Russia (*Soiuz Bor'by za Osvobozhdenie*

Rossii, or SBONR). Moreover, he helped to create a SBONR-allied military organization, the Union of Warriors of the Liberation Movement (*Soiuz Voinov Osvoboditel'nogo Dvizheniia*) in 1948, a project aimed at cementing the influence of the Vlasovites among veterans in exile. Yet persistent conflict with fellow exiles was the leitmotif of Pozdniakov's involvement in émigré politics. In 1952, he was expelled from SBONR on the justification that he had a "difficult character" and was impossible to work with [Материалы, с. 42]⁸. Pozdniakov's military mindset made him adept at giving and following orders, as his record in serving both the Germans and the US showed. However, his self-confidence, chronic mistrust, and harsh tactics proved divisive and even destructive in the émigré political milieu.

Pozdniakov's political toxicity, as well as his Soviet-style political habits, were especially clear in his holding of grudges. An example of Pozdniakov's scheming against political rivals was his longstanding political conflict with A. F. Chikalov-Almazov, the head of a counterintelligence unit under Vlasov. In March 1945, Chikalov complained to his superior in KONR that Pozdniakov, as head of cadres in KONR, was hampering counterintelligence work [Власов: история предательства, т. 2, кн. 1, с. 336]. A few years later, Pozdniakov and Chikalov found themselves in the US occupation zone of Germany working for the Gehlen organization. According to one exile, the two émigrés used their intelligence assets against each other, with Pozdniakov fearing that Chikalov wished to "liquidate" him [Newton]. Later that year, Chikalov was arrested by US counterintelligence on suspicion that he was seeking to penetrate US intelligence networks for the Soviets but was later released for lack of evidence. Curiously, Chikalov then ended up in the USSR, where he was tried for treason and executed [Петров, 2016]. While there is no direct evidence of Pozdniakov's role in the arrest of his rival by the Americans, one can posit a pattern – so reminiscent of Stalinism – of grudges and fears of "liquidation" leading to mutual denunciation.

Pozdniakov's possible role in discrediting Chikalov was part of a broader phenomenon of feuds and denunciation that plagued émigré politics. Nevertheless, it is worthwhile to speculate about the specific origins of Pozdniakov's behavior. In psychological terms, it is tempting to connect Pozdniakov's mentality of threat and conspiracy to his traumatic experiences of Stalinist terror, combat, and the POW camps. Whether such recourse to psychology is valid or not, Pozdniakov's hyper-suspicion was clearly characteristic of Stalinist political culture. Asked at his Harvard interview to comment on one former member of the Vlasov army, Pozdniakov offered a striking indictment: "he has the peculiar eyes of a Chekist" [HPSSS. Schedule B. Vol. 11. Case 433. P. 2a]. Indeed, Pozdniakov showed a generalized suspicion of others, what one of the Harvard interviewers called his inclination to "run people down" [Ibid. Case 147. P. 2].

---

⁸ For Pozdniakov's own story of his supposedly voluntary exit from SBONR, see: [Поздников, 1956].

In addition to his personal adversaries, Pozdniakov tended to see entire political ideologies through the prism of threat and treachery. He accused the émigré group National Labor Alliance (*Narodno-trudovoi soiuz* or NTS) of betraying the Vlasovites in 1945 by convincing the latter not to flee the US and British POW camps (an unproven theory), and he questioned whether some Russian monarchists were secretly in cahoots with Soviet spies (again, relying on conjecture) [Поздняков, 18 мая 1949 г.; Поздняков, 12 января 1950 г.]. In these judgments, Pozdniakov perceived politics as a field for hidden threats, much in the way that Stalinist culture dictated. And as his constant struggle against the NTS suggests, he actively sought to neutralize these dangers.

Although he would remain engaged in émigré polemics, Pozdniakov withdrew from the poisonous world of Russian anti-communist politics to try his hand at intelligence again. This was a shrewd move for the ambitious Pozdniakov. The postwar Vlasov movement remained weak, as the stigma of collaboration hampered its political possibilities, especially in the United States. In contrast, intelligence offered the possibility of a profitable career and eventual immigration to the United States, the country to which many DPs hoped to migrate. Opportunities for espionage increased by the end of the 1940s, when panicked American military and intelligence officials sought out members of Vlasov's forces as sources of intelligence and as operatives against the new Soviet opponent. As at previous points in his career, Pozdniakov managed to pursue self-interest through navigating systems of power.

Despite his short stint in the Gehlen Organization – and the fact that, apparently, he was vocally critical of the United States after the war – Pozdniakov soon entered the world of US intelligence [Postwar members]. In 1949, Pozdniakov was recruited by the CIA to take part in a project to recruit displaced persons for spy missions to the USSR – true, an enterprise that ended in failure when the Vlasovites proved unable to procure suitable candidates⁹. Pozdniakov had more success as an analyst than as an intelligence operative. In 1949, he was employed by “Detachment R,” the US Army Russian institute in Bavaria where former Soviet citizens lectured to US officers about Soviet realities [Hoffman]. In 1952, he authored a major study on wartime German counter-intelligence for the US Army Historical Research Institute [Pozdniakov]. To be sure, Pozdniakov's ego outstripped objective reality on occasion, such as when he sent an elaborate proposal to the US intelligence establishment on how to fight the Cold War (it went unanswered) [Поздняков, 11 апреля 1950 г.]. Nevertheless, Pozdniakov's career in intelligence benefitted from what one fellow Vlasovite called his “masterful” ability to “enter the confidence” of those he served – surely, a skill he had developed when he was climbing a dangerous career ladder under Stalinism and then demonstrated in his relations with the Nazis during the war [Нерянин, с. 27].

---

⁹ Confirmation of Pozdniakov's involvement in this operation – documentation of which is still classified – comes from Pozdniakov's son Nicholas [Efimenko]. A CIA case officer involved in this project states that the Vlasovites did not have a solid organization and failed to recruit agents [Coffin, p. 94–100].

From Political Activist to Vlasovite Historian

Even while fighting émigré political battles and spying, Pozdniakov turned to an activity that absorbed much of his energies: documenting and writing the history of the Vlasov movement. In the years after the war and until his death in 1973, Pozdniakov took up a mission to gather and publish the recollections of his fellow participants in the wartime Vlasov saga. He approached this task with near-fanaticism, believing that the creation of a sympathetic image of the Vlasovites' wartime actions would serve the movement in the long run. In pressing his fellow Vlasovites to contribute their recollections of wartime events, he stressed that it was "the duty of all of us, workers of the Russian Liberation Movement, to write about our past affairs and those comrades and leaders who perished" [Поздняков, 6 ноября 1951 г.]. Perhaps more than anyone else in the Vlasov ranks, Pozdniakov helped to shape a historical narrative for the postwar Vlasov movement, one that would influence public opinion not just in the Russian diaspora but also in the countries of the Cold War West.

Especially important for Pozdniakov's historical work was his connection to B. I. Nikolaevskii, the Menshevik and amateur archivist and historian. In the postwar years, Nikolaevskii established ties to a wide range of second-wave exiles. Drawing on his contacts among the Vlasovites, Nikolaevskii wrote a series of controversial articles which depicted Vlasovism as a democratic movement that had arisen from moods of "defeatism" in the Red Army during the early stages of the war. In generating these ideas, Nikolaevskii drew on insider information about the Vlasov episode garnered from his correspondence with Pozdniakov. Indeed, through his exchanges with Nikolaevskii, Pozdniakov helped to solidify a new pro-democratic discourse on Vlasov that would help bring the surviving members of the general's forces into the orbit of American power [Tromly, 2019, p. 72–94].

Pozdniakov's work of Vlasovite history was a propagandistic endeavor. Rather than depicting the unvarnished past, he attempted to embellish, distort, and otherwise shape it to fit a predetermined image: that of a virtuous national movement that was largely independent of German influence and wholly disconnected from the crimes committed by the Axis side on the Eastern front. The no-doubt conscious work to shape the past comes through in Pozdniakov's published writing on the Vlasov movement, where he made several claims that were to varying degrees misleading: that Vlasov and his companions were in a constant struggle with their German overseers, especially their erstwhile patrons in the SS; that the wide masses of Vlasov's followers were driven by high-minded national goals and remained confident in their cause throughout the war; and that all anti-Semitic references in Vlasovite publications were forced on them by the Germans [cf.: Волгин]. Nikolaevskii was happy to receive first-hand evidence to confirm his stance on the Vlasovites, but also understood the limitations of the information provided by Pozdniakov. At one point in their correspondence, Nikolaevskii objected to Pozdniakov's tendency to edit the documents he was sending to him, commenting that he "needed

to know the negative sides of the movement” as well as the positive [Николаевский]. Pozdniakov’s careful control of information about the Vlasov Movement draws obvious parallels to the Stalinist propaganda state.

If Pozdniakov was writing a deeply politicized and rigid narrative of the Vlasov movement – perhaps a Vlasovite equivalent of Stalin’s “Short Course” on the Soviet Communist Party – he also struggled to silence its potential detractors. One discordant voice was that of his old dependent from the POW camps, M. M. Samygin, who wrote an explosive book on the ROA that flatly contradicted many parts of the Vlasov narrative being pushed by Pozdniakov and others. Most scandalously, Samygin took to task the deceased leader of the movement, whom he portrayed as being a “marionette” of the Germans, a power-hungry operator, and a lecher who took up with prostitutes sent from Army headquarters [Петров, Мартынов, с. 70–76]. Pozdniakov and others prevented Samygin’s book from being published until 1970 – and when it eventually was, the section on Vlasov was excised [Там же, с. 33–34]. Pozdniakov also sought to discredit Samygin through personal attacks, alleging that he had published anti-Semitic articles during the war (which was true), that he was tried for fraud after the war (an exaggeration), and even that he might be connected to Soviet intelligence (a totally unsubstantiated claim) [Поздняков, 12 января 1950 г.; Summary of Information]. While it is impossible to know if Pozdniakov actually believed these accusations, one can conclude that he saw denunciation as an appropriate tool to protect his narrative on the Vlasov movement.

A further challenge to Pozdniakov’s narrative on Vlasov emerged among the Russian diaspora in the United States. After Nikolaevskii published his articles hailing the Vlasov movement, several of his companions in Menshevik circles pushed back, accusing the Vlasovites of having been either blind tools of the Nazi powers or perhaps even sympathetic to Nazi ideology [Антошин]. Pozdniakov met the challenge to the Vlasov narrative with his characteristic fury and paranoia. For instance, when Menshevik B. L. Dvinov published a book highly critical of the Vlasovites, Pozdniakov responded in a letter to Nikolaevskii with a full gamut of basically tendentious accusations redolent of Stalinist rhetorical strategies: guilt by association (Dvinov had levelled the same charges against Vlasov as Russian monarchists had), the deployment of populist anger (“honest émigrés of all kinds” rejected Dvinov’s account), and insinuation about hidden forces at work (who financed Dvinov’s book, anyhow?) [Поздняков, 11 октября 1950 г.]. Although Nikolaevskii himself was angry over Dvinov’s book, he gradually soured on Pozdniakov, whom he accused – along with other SBONR members – of having no “tolerance” for opposing views and a fanatical hatred of Marxists [Поздняков, 4 февраля 1950 г.].

Despite pushback from the Mensheviks, Pozdniakov and other Vlasovites had considerable success in upholding the reputation of Vlasov in the Russian diaspora. To some extent, his historical revisionism also influenced public opinion in the wider Cold War West. In the immediate postwar years, Pozdniakov was frustrated by his failure to publish for a non-

Russian audience. He complained in 1949 that he had been writing in vain, as “Europeans want to read crime novels more than they want to know the truth about the USSR” [Поздняков, 27 июня 1949 г.]. However, the US intelligence and military establishment took interest in the Vlasovites, seeing in their wartime anti-Soviet propaganda a prototype for how to carry out psychological warfare against the USSR, especially in the event of a “hot war” [Tromly, 2019, p. 102–105]. Moreover, Pozdniakov’s efforts to shape the history of the Vlasov movement were consequential in the longer term. He left his considerable archive on the ROA to the Federal Archives in West Germany. The Pozdniakov collection would be a major source base for future historians of the Vlasov movement, including those who would offer a basically sympathetic view of the collaborationist enterprise. In particular, Joachim Hoffman, the controversial right-wing scientific director of the German Armed Forces Military History Research Office, drew heavily on Pozdniakov’s files in writing his sympathetic history of the Vlasov movement [Гофман]¹⁰.

* * *

This paper has argued that Pozdniakov’s political practices derived, in part, from his Stalinist background. The opportunism, suspiciousness and dogmatism Pozdniakov inherited from the Stalinist elite help to explain his actions during a time of unprecedented chaos and violence: his diligent service for the Nazis and then Germany’s Western conquerors, his constant battles within circles of collaborators and the Russian diaspora, and his hagiographic writing of the history of the Vlasov movement while in postwar exile.

The case of Pozdniakov also suggests a wider approach to understanding the second wave of the Russian diaspora. V. V. Pozdniakov was an exceptional individual in the Russian diaspora, a figure whose tendencies toward conflict and defamation were well-known among exiles in the postwar period. Nevertheless, his political instincts and practices were not unique, especially for the second wave exiles. Like him, many of the political activists of the postwar diaspora were opportunists, desperate people (usually men) willing to take risks in desperate times, especially by serving foreign powers. Like Pozdniakov, many of them were suspicious of each other and willing to resort to denunciation to remove competitors and threats. And while Pozdniakov clashed with his fellow Vlasovites on many questions, they were virtually united in the belief that their wartime actions had constituted a noble effort to create a better Russia – or, at least, this was the script they stuck to and defended [Tromly, 2019, p. 16, 101]. In short, Pozdniakov’s differences from his fellow postwar Vlasov activists were a matter of degree rather than kind.

Insofar as Pozdniakov was a somewhat representative figure, we can suggest that his story sheds light on the Vlasovites and on the “second wave”

---

¹⁰ For a wider critique of the scholarship on Vlasov, see: [Tromly, 2021].

more broadly. In particular, the Pozdniakov case helps to explain why the public identity and collective memory of the second wave has been closely bound up with the Vlasov cause [В поисках истины]. To be sure, not all second-wave exiles were associated with Vlasov's movement – many were POWs who did not collaborate or forced laborers brought to Germany – and some supported different political causes. Nevertheless, a distinctive trait of the second wave was its near-total attachment to a single political movement, and the cult-like status of its deceased leader. Indeed, the close association of the second wave with a core political allegiance distinguished it from other cohorts of Russians abroad, for whom ideological and political divides were the norm.

Pozdniakov's career in politics, espionage and amateur history offers some clues as to the second wave's attachment to Vlasovism. The second wave left the USSR mostly involuntarily, displaced as a result of the unprecedented death and destruction brought by the Nazi invasion of the Soviet Union. In contrast to the other waves of émigrés, the second wavers were forced to survive in conditions of extreme danger: capture and occupation, incarceration or slave labor in German-dominated Europe, and the DP camps after the war. Facing these circumstances, the second wave exiles had few opportunities to develop political or social identities, at least beyond rival totalitarianisms [Tromly, 2021, p. 295–297]. And as Pozdniakov's case suggests, many second-wave exiles had to take extremely difficult choices in order to survive, such as collaboration, spying and hiding one's identity. Given all of this, it should hardly surprise that the second-wavers fell back on Stalinist political culture by adopting a dogmatic and cult-like attachment to Vlasov. For a generation of Russian émigrés shaped by war, genocide and collaboration, the only source of collective identity remained a mythologized recounting of an army fighting to liberate Russia.

Список литературы

Александров К. М. Жизнь и судьба полковника Владимира Васильевича Позднякова, архивиста и собирателя второй волны русской эмиграции // Люди и судьбы русского зарубежья : сб. ст. Вып. 3 / отв. ред. А. Б. Ефимов, Е. М. Миронова. М. : ИВИ РАН : ПСТГУ, 2011. С. 153–187.

Александров К. М. Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований комитета освобождения народов России 1943–1946 гг. : дис. ... докт. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2015. 1145 с.

Антошин А. В. Меншевики в эмиграции после Второй мировой войны // Отечественная история. 2007. № 1. С. 102–115.

В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции : сб. ст. и док. / отв. ред. А. В. Попов. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т : Ист.-архив. ин-т, 1997. 376 с.

Власов: история предательства : в 2 т., в 3 кн. / отв. ред. А. Н. Артизов. М. : РОССПЭН, 2015.

Волгин В. [Поздняков В. В.] Русскому чужой кафтан не по плечу // Борьба. 1949. № 11–12. С. 23–25.

Гофман И. Власов против Сталина: трагедия русской освободительной армии. М. : АСТ : Астрель, 2006. 544 с.

Мартынов А. В. По обе стороны правды. Власовское движение и отечественная коллаборация. М. : Вече, 2014. 382 с.

Материалы второго съезда Союза борьбы за освобождение народов России (Штернберг, Германия, 3–5 мая 1952 г.). Мюнхен : Изд-во СБОНР, 1952. 108 с.

Нерянин А. Г. Выписка из дневника полковника Нерянина. 1945 // ВА-МА. MSG 149–156.

Николаевский Б. И. Письмо Позднякову В. В., 7 мая 1949 г. // NILA. Boris I. Nicolaevsky Papers. Box 497. Folder 3.

Петров И. Быть услышанным и правильно понятым: письмо М. Самыгина в редакцию «Нового журнала». Мюнхен, 21 июня 1949 г. // LiveJournal : [сайт]. 2013. 1 дек. URL: <https://labas.livejournal.com/1048974.html> (дата обращения: 06.11.2020).

Петров И. Таинственное исчезновение майора Чикалова // LiveJournal : [сайт]. 2016. 14 июля. URL: <https://labas.livejournal.com/1152407.html> (дата обращения: 30.06.2020).

Петров И., Мартынов А. В. Неприглядная картина кулиса власовского движения: Михаил Самыгин и его книга // История отечественной коллаборации : материалы и исслед. / отв. ред. А. В. Мартынов. М. : Старая Басманная, 2017. С. 25–122.

Поздняков В. В. Письма Борису Николаевскому от 15 ноября 1948 г., 24 ноября 1948 г., 18 мая 1949 г., 27 июня 1949 г., 12 января 1950 г., 4 февраля 1950 г., 11 октября 1950 г. // NILA. Boris I. Nicolaevsky Papers. Box 497. Folder 3.

Поздняков В. В. Некоторые вопросы проблемы борьбы с большевизмом. 11 апреля 1950 г. // Georgetown University Archives and Special Collections. Robert F. Kelley Papers. Box 5. Folder 6.

Поздняков В. В. Письмо Михаилу Степановичу, 6 ноября 1951 г. // ВА-МА. MSG 149–29.

Поздняков В. В. Открытое письмо членам СБОНР и российской эмиграции. Январь 1956 г. // ВА-МА. MSG 149–56.

Поздняков В. В. Подготовительные курсы РОА // Рождение РОА: пропагандисты Вульхайде, Люкенвальде, Дабендорфа, Риги / отв. ред. В. В. Поздняков. Сиракузы : Сеятель, 1973. С. 34–42.

Chuiikov V. I. List of War Criminals and Persons Who Collaborated with the Enemy in the US Zone of Occupation in Germany. 13 May 1949 // Georgetown University Archives and Special Collections. Robert F. Kelley Papers. Box 5. Folder 6.

Coffin W. S. Once to Every Man: A Memoir. N. Y. : Atheneum, 1977. 344 p.

Efimenco E. Electronic Correspondence. 2 May 2021 // Personal Archive of Author.

HPSSS. Schedule A. Vol. 22. Case 433. Schedule B. Vol. 1. Case 147. Schedule B. Vol. 11. Case 433.

Memorandum for the Office in Charge, Talvia, Erick J., 5 Apr. 1947 // NARA. RG 319. Entry 134A. XE182853. 270/84/20/02. Box 23. Vol. 1. Folder 1.

Newton H. C. Letter to Colonel C. F. Fritzsche, Asst. Deputy Director of Intelligence, Hqs, European Command, 23 Apr. 1947 // NARA. RG 263. Entry ZZ-18. 230/86/23/06. Box 88. Gerhard von Mende. Vol. 1.

Postwar members of the Vlassov Army, 9 March 1948 // NARA. RG 319. Entry 134A. 22348387. 270/84/20/02. Box 68. Vlassow Group.

[*Pozdniakov V. V.*] Draft: German Counterintelligence Activities in Occupied Russia (1941–1944). MS no. P-122. Office of the Chief of Military History, Department of the Army, 1952 // Ike Skelton Combined Arms Research Library Digital Library : [website]. URL: <https://cgsc.contentdm.oclc.org/digital/collection/p4013coll8/id/4595> (accessed: 20.11.2020).

Pyle R. M. Memorandum for the Officer in Charge, 9 March 1948 // NARA. RG 319. Entry 134A. XE182853. 270/84/20/02. Box 23. Vol. 1. Folder 1.

Summary of Information, Su: Samygin Michael M., 6 Jan. 1961 // NARA. RG 319. Entry 134B. XE251370. Box 662 (Michail Samygin).

Tromly B. Cold War Exiles and the CIA: Plotting to Free Russia. Oxford ; N. Y. : Oxford Univ. Press, 2019. 352 p.

Tromly B. Beyond Betrayal: Recent Russian Scholarship on Vlasov and Russian Collaboration // The Russian Rev. 2021. Vol. 80. № 2. P. 294–301. DOI 10.1111/russ.12312.

References

- Aleksandrov, K. M. (2011). Zhizn' i sud'ba polkovnika Vladimira Vasil'evicha Pozdniakova, arkhivista i sobiratel'ia vtoroi volny russkoi emigratsii [The Life and Fate of Colonel Vladimir Vasil'evich Pozdniakov]. In Efimov, A. B., Mironova, E. M. (Eds.). *Lyudi i sud'by Russkogo Zarubezh'ia. Sbornik statei*. Iss. 3. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, pp. 153–187.
- Aleksandrov, K. M. (2015). *Generalitet i ofiterskie kadry vooruzhennykh formirovani komiteta osvobodzheniia narodov Rossii 1943–1946 gg.* [Generals and Officers of the Armed Formations of the Committee for the Liberation of the Peoples of Russia 1943–1946]. Diss. ... dokt. ist. nauk, St Petersburg, S. n. 1145 p.
- Antoshin, A. V. (2007). Men'sheviki v emigratsii posle Vtoroi mirovoi voiny [The Mensheviks in Emigration after the Second World War]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 1, pp. 102–115.
- Artizov, A. N. (Ed.). (2015). *Vlasov: istoriya predatel'stva v 2 t., v 3 kn.* [Vlasov: A History of Betrayal. 2 Vols. 3 Books]. Moscow, ROSSPEN.
- Chuikov, V. I. (1949). List of War Criminals and Persons Who Collaborated with the Enemy in the US Zone of Occupation in Germany. 13 May. In *Georgetown University Archives and Special Collections*. Robert F. Kelley Papers. Box 5. Folder 6.
- Coffin, W. S. (1977). *Once to Every Man: A Memoir*. N. Y., Atheneum. 344 pp.
- Efimenko, E. (2021). Electronic Correspondence. 2 May. In *Personal Archive of Author*.
- Goffman, I. (2006). *Vlasov protiv Stalina: tragediya russkoi osvoboditel'noi armii* [Vlasov against Stalin: The Tragedy of the Russian Liberation Army]. Moscow, AST, Astrel'. 544 p.
- HPSSS. Schedule A. Vol. 22. Case 433. Schedule B. Vol. 1. Case 147. Schedule B. Vol. 11. Case 433.
- Martynov, A. V. (2014). *Po obe storony pravdy. Vlasovskoe dvizhenie i otechestvennaya kollaboratsiya* [On Both Sides of the Truth. The Vlasov Movement and Domestic Collaboration]. Moscow, Veche. 382 p.
- Materialy vtorogo s'ezda Soyuzha bor'by za osvobodzhenie narodov Rossii (Sternberg, Germaniya, 3–5 maya 1952 g.)* [Materials of the Second Congress of the Union for the Struggle for the Liberation of the Peoples of Russia (Sternberg, Germany, 3–5 May 1952)]. (1952). Munich, Izdatel'stvo Soyuzha bor'by za osvobodzhenie narodov Rossii. 108 p.
- Memorandum for the Office in Charge, Talvia, Erick J., 5 Apr. 1947. (1947). In *NARA*. RG 319. Entry 134A. XE182853. 270/84/20/02. Box 23. Vol. 1. Folder 1.
- Neryanin, A. G. (1945). Vypiska iz dnevnika polkovnika Nerianina [Excerpt from the Diary of Colonel Nerianin]. In *BA-MA*. MSG 149-56.
- Newton, H. C. (1947). Letter to Colonel C. F. Fritzsche, Asst. Deputy Director of Intelligence, Hqs, European Command, 23 Apr. In *NARA*. RG 263. Entry ZZ-18. 230/86/23/06. Box 88. Gerhard von Mende. Vol. 1.
- Nikolaevskii, B. I. (1949). Pis'mo Pozdnyakovu V. V., 7 maya 1949 g. [Letter to Pozdniakov, V. V.]. In *HILA*. Boris I. Nicolaevsky Papers. Box 497. Folder 3.
- Petrov, I. (2016). Tainstvennoe izcheznovenie maiora Chikalova [The Mysterious Disappearance of Major Chikalov]. In *LiveJournal* [website]. July 14. URL: <https://labas.livejournal.com/1152407.html> (accessed: 30.06.2020).
- Petrov, I. (2020). Byt' uslyshannym i pravil'no ponyatym: pis'mo M. Samygina v redaktsiyu "Novogo zhurnala" [To be Heard and Correctly Understood: Letter of M. Samygin to the Editorial Board of *Novyi Zhurnal*]. In *LiveJournal* [website]. Dec. 1. URL: <https://labas.livejournal.com/1048974.html> (accessed: 06.11.2020).
- Petrov, I., Martynov, A. V. (2017). Nepriyadnaya kartina kulisa Vlasovskogo dvizheniya: Mikhail Samygin i ego kniga [An Unpleasant View behind the Curtains of the Vlasov Movement: Mikhail Samygin and His Book]. In Martynov, A. V. (Ed.). *Istoriya otechestvennoi kollaboratsii. Materialy i issledovaniya*. Moscow, Staraya Basmanaya, pp. 25–122.
- Popov, A. V. (Ed.). (1997). *V poiskakh istiny. Puti i sud'by vtoroi emigratsii. Sbornik statei i dokumentov* [In Search of the Truth. The Paths and Fates of the Second Emigration.

A Collection of Articles and Documents]. Moscow, Rossiiskii gos. gumanitarnyi universitet, Istoriko-arkhivnyi institut. 376 p.

Postwar Members of the Vlassov Army, 9 March 1948. (1948). In *NARA*. RG 319. Entry 134A. 22348387. 270/84/20/02. Box 68. Vlassow Group.

Pozdniakov, V. V. (1948–1950). Pis'ma Borisu Nikolaevskomu ot 15 noyabrya 1948a g., 24 noyabrya 1948 g., 18 maya 1949 g., 27 iyunya 1949 g., 12 yanvarya 1950 g., 4 fevralya 1950 g., 11 oktyabrya 1950 g. [Letters to Boris Nikolaevskii: 15 November 1948, 24 November 1948, 18 May 1949, 27 June 1949, 12 January 1950, 4 February 1950, 11 October 1950]. In *HILA*. Boris I. Nicolaevsky Papers. Box 497. Folder 3.

Pozdniakov, V. V. (1950d). Nekotorye voprosy problem bor'by s bol'shevizmom. 11 aprelya [Some Questions of the Problem of the Struggle against Bolshevism. April 11]. In *Georgetown University Archives and Special Collections*. Robert F. Kelley Papers. Box 5. Folder 6.

Pozdniakov, V. V. (1951). Pis'mo Mikhailu Stepanovichu, 6 noyabrya [Letter to Mikhail Stepanovich. 6 November]. In *BA-MA*. MSG 149-29.

[Pozdniakov, V. V.] (1952). Draft: German Counterintelligence Activities in Occupied Russia (1941–1944). MS no. P-122. Office of the Chief of Military History, Department of the Army, 1952. In *Ike Skelton Combined Arms Research Library Digital Library* [website]. URL: <https://cgsc.contentdm.oclc.org/digital/collection/p4013coll8/id/4595> (accessed: 20.11.2020).

Pozdniakov, V. V. (1956). Otkrytoe pis'mo chlenam SBONR i rossiiskoi emigratsii [Open Letter to Members of SBONR and the Russian Emigration]. In *BA-MA*. MSG 149–56.

Pozdniakov, V. V. (1973). Podgotovitel'nye kursy ROA [Training Courses of the ROA]. In Pozdniakov, V. V. (Ed.). *Rozhdenie ROA: propagandisty Vul'khaide, Liukenval'de, Dabendorfa, Rigi*. Syracuse, Seiatel', pp. 34–42.

Pyle, R. M. (1948). Memorandum for the Officer in Charge, 9 March. In *NARA*. RG 319. Entry 134A. XE182853. 270/84/20/02. Box 23. Vol. 1. Folder 1.

Summary of Information, Su: Samygin Michael M., 6 Jan. 1961. In *NARA*. RG 319. Entry 134B. XE251370. Box 662 (Michail Samygin).

Tromly, B. (2019). *Cold War Exiles and the CIA: Plotting to Free Russia*. Oxford, N. Y., Oxford Univ. Press. 352 p.

Tromly, B. (2021). Beyond Betrayal: Recent Russian Scholarship on Vlasov and Russian Collaboration. In *The Russian Rev.* Vol. 80. No. 2, pp. 294–301. DOI 10.1111/russ.12312.

Volgin, V. [Pozdniakov, V. V.] (1949). Russkomu chuzhoi kaftan ne po plechu [A Foreign Shirt Doesn't Fit a Russian]. In *Bor'ba*. No. 11–12, pp. 23–25.

The article was submitted on 13.05.2021

SOVIET CHILDHOOD REPRODUCED

DOI 10.15826/qr.2022.2.686

УДК 070.19 + 32.019.5:050 + 316.346.32–053.2

Конструирование утопии о советском детстве в журнале *La Littérature internationale**

Евгения Бельская

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Constructing a Utopia about Soviet Childhood in *La Littérature internationale* **

Evgeniia Belskaia

HSE University,
Moscow, Russia

This article expands existing studies of the institutional history of the *La Littérature internationale* magazine, the press organ of the International Organisation of Revolutionary Writers. The author analyses the second French issue from 1934 in comparison with similar English and German issue. The issue's structure and themes are not typical of the literary-critical Marxist magazine, as it brings together literary and journalistic texts on children. Collections of this kind appeared in the magazine in all languages except Russian. This article aims to determine the place of the issue with the “children’s” selection in terms of the journal’s general concept. For the first time, *La Littérature internationale* is studied through the prism of a complex diachronic and synchronous comparative analysis of versions in different languages. The texts of the second French issue from 1934 is studied in detail because it contains the most material on children compared to other versions with “children” compilations. The analysis of the French texts shows some key themes, metaphors, and images used in the representation

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Перевод в России: междисциплинарные исследования и инструменты анализа» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2021 г.

** Citation: Belskaia, E. (2022). Constructing a Utopia about Soviet Childhood in *La Littérature internationale*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 531–544. DOI 10.15826/qr.2022.2.686.

Цитирование: Belskaia E. Constructing a Utopia about Soviet Childhood in *La Littérature internationale* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 531–544. DOI 10.15826/qr.2022.2.686 / Бельская Е. Конструирование утопии о советском детстве в журнале *La Littérature Internationale* // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 531–544. DOI 10.15826/qr.2022.2.686.

of Soviet childhood. The issue of *La Littérature internationale* is placed in the context of Soviet journalism of the 1930s in adult (*Pravda*) and children's (*Pionerskaya Pravda*) periodicals. The research demonstrates that the set of agitational essays and interviews, positioned in the magazine as socio-cultural material about real Soviet childhood, is close to fiction written in the socialist utopia genre due to its genre and narrative features. By publishing this compilation in *La Littérature internationale*, the editors made the French version another showcase of Soviet propaganda for the Western French-speaking reader, where the main export product was the image of Soviet childhood. This research provides empirical support and development of some concepts worked out in the framework of Soviet studies on strategies for forming images of the USSR abroad and narratives about Soviet childhood.

Keywords: *La Littérature internationale*, Soviet periodicals, Soviet childhood, USSR's image abroad

Статья дополняет существующие исследования институциональной истории журнала *La Littérature internationale*, печатного органа международной организации революционных писателей. Исследуется второй номер французской версии за 1934 г. с учетом соответствующих номеров английской и немецкой версий. Особенность анализируемого номера состоит в нетипичных для литературно-критического марксистского журнала структуре и тематике: в нем была опубликована подборка художественных и публицистических текстов о детях. Подборки такого рода появились в версиях журнала на всех языках, кроме русского. Цель работы – определить место выпуска с «детской» подборкой в общей концепции журнала. Впервые «Интернациональная литература» рассматривается в оптике комплексного диахронного и синхронного компаративного анализа версий на разных языках. Детально исследуются тексты второго номера французской версии (*La Littérature internationale*), содержащего наибольший объем материала о детях из всех трех версий. Проведенный анализ французских текстов позволяет выделить ключевые темы, метафоры и образы, используемые при репрезентации советского детства. Исследуемый номер *La Littérature internationale* помещается в контекст советской публицистики 1930-х гг. во взрослой («Правда») и детской («Пионерская правда») периодике. Исследование показывает, что набор агитационных эссе, очерков и интервью, позиционируемый в журнале как социокультурный материал о действительном советском детстве, в силу жанровых и нарративных особенностей оказывается близок к художественной литературе в жанре соцреалистической утопии. Публикуя такую подборку в *La Littérature internationale*, редакция делает французскую версию журнала очередной витриной советской пропаганды для западного франкоязычного читателя, где главным экспортным продуктом оказывается образ советского детства. Результаты исследования позволяют эмпирически подкрепить и развить концепции, выработанные в рамках советологических исследований, посвященных стратегиям формирования образа СССР за рубежом.

Ключевые слова: *La Littérature internationale*, советская периодика, советское детство, образ СССР за рубежом, пропаганда

«Пионер и школьник сегодня – хозяева своего детства», – типичный тезис для советский периодики начала 1930-х гг. В той или иной формулировке он использовался и в «Правде», и в специальных детских изданиях. Однако эта цитата взята из французской версии многоязычного литературно-критического журнала для взрослых писателей и читателей-коммунистов и в оригинале выглядит так: « Le pionnier et l'écolier d'aujourd'hui sont les maîtres de leur propre enfance » [Volkova, p. 105].

Речь идет о французской версии многоязычного журнального проекта «Интернациональная литература» («Литература мировой революции» – до 1932 г. в иноязычных версиях и до 1933 – в русской версии), организованного после Второй харьковской международной конференции революционных писателей в Москве (1930) при Международном объединении революционных писателей (МОРП). Институциональная история этого проекта была частично освещена в работах К. Кларк [Кларк], Н. Сафиуллиной и Р. Платонова [Safiullina, Platonov], а также Е. Е. Земсковой и Е. С. Островской [Ostrovskaya, Zemskova]. Журнал выходил с 1931 по 1945 г. на пяти языках: русском, английском, немецком, французском и испанском (с 1942 г.). В нем публиковались произведения писателей из разных стран, а также в виде тематических подборок иногда выходил материал, отражавший актуальную для СССР повестку не только в сфере искусства, но и в сфере политики и экономики (например, в 1933 г. во французской и немецких версиях были опубликованы подборки, посвященные окончанию строительства Беломорканала).

Во втором номере журнала за 1934 г. во всех версиях (за исключением русской) была напечатана подборка художественных и публицистических текстов о детях. История советского детства подробно исследуется в советологии последних лет через обращение как к литературе для детей [Hellman], так и к истории культуры [Dobrenko; Kelly, 2007] и языка [Сидоренко]. «Детская» подборка в «Интернациональной литературе» – особый случай эксплуатации образа советского детства, предназначенного для иностранных читателей многоязычного советского журнала. Рассмотрение французской версии показывает, как эта подборка текстов превращает литературно-критический журнал в журнал преимущественно литературный с преобладанием соцреалистической утопии.

12 из 23 текстов второго номера *La Littérature internationale* посвящены историям о детях и теме детства. Три из них принадлежат европейским и американским авторам-коммунистам, девять других, как мы полагаем, взяты из советской печати¹:

- G. Dreyfus-Gueguen – *Tu seras un Ouvrier* («Ты будешь рабочим»)
- S. Tretiakov – *Gardiens de récoltes* («Дозорные урожая»)
- A. Harry – *Un récit de Noël* («Рождественская повесть»)
- R. Wittenberg – *Le Clou* («Гвоздь»)

---

¹ Это касается публицистических текстов из «Правды», «Пионерской правды» и «Известий» (1933–1934).

- J. Conroy – *Enfance dans une mine* («Детство в руднике»)
La liste des héros («Список героев»)
 V. Finn – *A propos de la «Bouza»* («По поводу ‘бузы’»)
 S. Roudine – *Que deviendrai-je?* («Кем я стану?»)
 T. Tess – *Les talents* («Таланты»)
 E. Volkova – *Les enfants dans leur théâtre* («Дети в своем театре»)
 E. Mindline – *Origine des sentiments. Conversations et Commentaires* («Истоки чувств. Беседы и комментарии»)
 V. Smirnova – *Sans craintes* («Без страхов»)

Расположение текстов соответствует стандартной рубрикации журнала: сначала пять художественных произведений, затем со «Списка героев» [La liste des héros] следуют публицистические. Тематика критического раздела «Интернациональной литературы» обычно следует за литературным разделом этого или предыдущего номера². Могут также печататься биографии и автобиографии публикуемых авторов и иной материал, который имеет общее отношение к литературе и литературоведению (статьи В. И. Ленина или о Ленине) [Lounatcharski].

В блоке художественных текстов интересующего нас номера помещены рассказы о детях из США и Франции, а также из нацистской Германии и СССР. В блок вошли отрывок из романа Ж. Дрейфус-Геган «Ты будешь рабочим» (*Tu seras un Ouvrier*) о мальчике-сироте Жане, который в 12 лет отправляется работать на кораблестроительный завод [Dreyfus-Gueguen]; автобиографический рассказ Дж. Конроя «Детство в руднике» (*Enfance dans une mine*), где глазами маленького Джека показана жизнь шахтеров [Conroy]; антифашистский рассказ Р. Виттенберга «Гвоздь» (*Le Clou*) о девочке Хильде Вагнер, которая отказывается вешать портрет Гитлера в классе, за что ее отца отправляют в концентрационный лагерь [Wittenberg, 1934a]; очерк С. Третьякова и повесть А. Гарри о сиротах в СССР и их непростой социализации [Tretiakov, 1934b; Harry]. Литературный блок в этом номере отличает преобладание детской тематики, в остальном он типичен для журнала, поскольку составлен из текстов авторов-коммунистов из разных стран и, таким образом, интернационален. Большая часть текстов второй части журнала представлена не критическим, а публицистическим материалом на тему детства. Эта подборка взята целиком из советского материала, что «Интернациональной литературе» обычно не было свойственно.

Во второй части журнала приводятся шесть публицистических и документальных текстов, эссе и один очерк. В них показана идеологически актуальная картина мира советского детства и очерчен основной круг тем, связанных с проблемами здоровья, власти и особого (коммунистического) склада характера. Большинство текстов построены на противопоставлении советского детства дореволюционному. В этой бинарной

² В четвертом выпуске интересующей нас *La Littérature internationale* за 1935 г. публикуются отрывки из романа «Испытание» (*Die Prüfung*) Вилли Бределя [Bredel], а в рубрике «Критика и теория» (*Critique et Théorie*) – статья Андора Габора о романе [Gabor].

оппозиции видно отражение формировавшейся в первые десятилетия после революции литературной традиции описания детства. По определению М. Балиной, эта традиция подразумевает воспроизведение модели «антидетства», или «тяжелого детства» до революции в сравнении с «лучшим детством» в СССР [Балина]. В эссе «По поводу “бузы”» (*A propos de la «Bouza»*) В. Финн³ сравнивает дореволюционные гимназии с их муштрой и жесткой дисциплиной с советскими школами, в которых дети чувствуют себя свободно [Finn]. В «Талантах» (*Les talents*) Т. Тесс сравнивает музыкальное образование до и после революции: до революции родители отправляли детей в музыкальную школу из-за собственной нереализованной жажды успеха и славы, тогда как советских детей к музыке толкают их собственная «растущая творческая сила» и «тяга к культуре» [Tess]. Среди вопросов, обязательных для официального нарратива о детях в СССР, в рассматриваемых текстах выделяется тема здоровья и патологий. Эта дихотомия оказывается применима к сравнению чего бы то ни было до и после революции. Например, в «Талантах» показана «нервная и нездоровая» атмосфера дореволюционных музыкальных школ, где все пагубно влияло на детей: «*Romantiques, névrosés égoïstes, maladifs, rêveurs distraits, ils entraient dans le monde ne sachant que faire en face de la vie réelle*»⁴ [Ibid., p. 102]. В «здоровой» атмосфере советских музыкальных школ дети стремятся изучать музыкальную гармонию, не теряя связи с окружающей их советской реальностью.

Категории здоровья и патологий становятся метафорой социально одобряемого и девиантного поведения детей в СССР. В. Финн говорит о здоровом и патологическом поведении детей в советской школе: «...on reconnaît vite les fauteurs de désordre et on les classe. On envoie ceux d'entre eux qui montrent des symptômes pathologiques dans les institutions spéciales. D'autres, sains, mais gâtés par leur mauvaise éducation à la maison, sont en fin de compte corrigés par la collectivité même de l'école»⁵ [Ibid., p. 90]. Автор не уточняет, какого рода эти «патологические симптомы», за которые дети, очевидно, попадают в исправительные трудовые колонии. Финн приводит обобщенный пример ситуации в школе, где один ученик ведет себя «нездоровым» образом: мешает вести урок и пререкается с учителем. Мальчика отправляют в другой класс, где он претерпевает насмешки, осуждение приобретает общешкольные масштабы, мальчику объявляют бойкот и высмеивают его в стенгазете [Finn, p. 89]. В результате хулиган становится не только хорошим учеником и полноценным членом

---

³ Вероятно, в журнале допущена опечатка (или намеренное искажение фамилии), и речь идет о писателе Викторе Григорьевиче Финке (1888–1973). – Е. Б.

⁴ «Романтики, эгоистичные невротики, болезненные рассеянные мечтатели, они вступали в мир, не зная, что делать перед лицом реальной жизни».

⁵ «...Нарушителей порядка быстро выявляют и распределяют. Тех из них, кто проявляют патологические симптомы, отправляют в специальные учреждения. Другие, здоровые, но испорченные плохим домашним воспитанием, в конце концов исправляются самим школьным коллективом».

коллектива, но и суровым блюстителем порядка в классе [Finn, p. 90]. Это, вероятно, и есть, по Финну, качества «здорового» советского школьника, а безделье и саботаж – симптомы патологии.

Другая важная тема приведенных в номере статей о детях в СССР – тема власти. С приходом СССР дети обретают определенную власть над предусмотренными для них институциями. Советский детский театр, согласно Е. Волковой, создается и существует для детей, недаром уже в заглавии статьи сделан акцент на его принадлежности: *Les enfants dans leur théâtre* («Дети в своем театре», курсив мой. – Е. Б.). В «своем» театре дети активно комментируют происходящее на сцене, участвуют в отборе пьес и критикуют актерскую игру: они делают замечание одному из актеров, который, играя преступников / врагов народа, по их мнению, не очень правдоподобно раскаивается («Voilà, nous le lui avons dit. C'est bien notre droit s'il gâte la pièce»⁶ [Volkova, p. 106]). Порицаемый актер не занимает позицию «взрослого»: ему нечего ответить. Учитывая не лишенный иронии тон автора статьи, можно утверждать, что эта закулисная ситуация будто наделяет советских детей почти исключительным авторитетом, во всяком случае в рамках института советского детского театра. Подобную показательную инициативность в советских детях описывает Финн: у учительницы начальных классов есть любимчики, дети требуют от нее избавиться от такой системы предпочтений и остаться, исправив свои недостатки⁷. Этот эпизод касается центральной для эссе Финна и других текстов о детях в СССР темы нормативного и ненормативного поведения, отсылая к масштабной советской «индустрии» перевоспитания взрослых.

Экскурс в мир советского детства не обходится без программной статьи о детях-героях, которая открывает публицистический блок о детях. В «Списке героев» (*La liste des héros*) приводятся примеры доблестных поступков детей, какими в 1933–1934 гг. были полны «Известия», «Правда» (см. например: [Левитан]) и «Пионерская правда» (см. например: [Шварцман; Коля Юрьев; Мы каждый колос бережем!; Будем охранять...; Бинкин]). Дети из «Списка...» охраняют колхозную собственность, ловят тех, кто хочет ее украсть или растратить. «Список...» венчает некролог Павлику Морозову. Его образ возникает и в других статьях этой части номера, что вполне предсказуемо, поскольку материал собирался, вероятно, в течение 1933 г., когда в советской прессе активно обсуждались смерть и подвиг Павлика и вышла его первая официальная биография [Соломеин]⁸. И хотя,

⁶ «Вот, мы ему это сказали. Это вполне наше право, если он портит пьесу».

⁷ «Non, Maria Nikolaevna, non, ce n'est pas ce qu'il faut faire: Vous ne devez pas partir, mais vous devez laisser vos mauvaises habitudes. Vous êtes un bon professeur et vous devez travailler avec nous. Il faut seulement corriger vos défauts» [Finn, p. 90].

⁸ С осени 1932 г. в «Пионерской правде» обсуждались смерть Коли Мяготина, поиск и наказание его убийц [Смирнов], сообщения о расследовании дела сопровождались агитационным материалом о классовых врагах (см., например: [Вот он классовый враг!]).

по мнению Омри Ронена, «павликоморозовщина», или культивирование доносительства средствами литературы и прессы, не является «характерной чертой советской агитационной словесности»⁹, в случае детской литературы и публицистики 1933 г. эта черта вполне актуальна¹⁰ и находит отражение в общей картине советского детства в этом номере *La Littérature internationale*.

Два текста из нехудожественного раздела относятся к теме особой героики детей в СССР. В статье «Кем я стану?» (*Que deviendrais-je?*) показан мир взрослых шестнадцатилетних комсомольцев [Roudine]. В очерке «Происхождение чувств. Беседы и комментарии» (*Origine des sentiments. Conversations et Commentaires*) Э. М. Миндлин¹¹ наблюдает особенности поведения и мышления советских детей [Mindline]. Полный текст очерка был опубликован в 1937 г. журнально-газетным объединением в серии «Библиотека “Огонек”» под названием «Говорят дети» [Миндлин], где «Происхождение чувств» – один из 12 рассказов. На нескольких примерах автор показывает особый склад характера «будущих граждан бесклассового общества» («*les futurs citoyens de la société sans classes*» [Там же, р. 116]). Миндлин приводит спор школьников¹²: ребята называют одного мальчика (и заочно его семью) богачами, потому что в их доме стоит лишний «шкап» [Там же, с. 3]. Рассказчик решает вмешаться, показать относительность социальных ценностей и вспоминает, как он в детстве (до революции) мечтал прослыть богачом. В другом примере показан конфликт мальчиков и девочек на фоне общей игры¹³, вызванный, согласно Миндлину, «биологическим законом» (*loi biologique* [Mindline, р. 116]), который заставляет мальчиков до определенного возраста стесняться женского общества. Советские дети преодолевают и это препятствие, апеллируя к тому, чему были научены: «Это только в прежние времена женщинам ничего нельзя было. У них не было свободы. <...> Теперь не прежние времена, чтобы прогонять девочек» [Миндлин, с. 20]. В итоге происходит «культурное чудо», и девочек принимают в игру.

Перед читателем французской версии «Интернациональной литературы» оказывается в основном распространенный в советской аги-

---

⁹ «Когда “павликоморозовщину” определяют как едва ли не самую характерную черту советской агитационной детской словесности, этот вывод основывается на тиражах нескольких брошюр. В основном же, взятая широко, тема отказа от родителей, борьбы с ними и родительской классовой мести была заметна в серьезной, иногда высокохудожественной литературе для взрослых, ведя свое начало от “Петербурга” Андрея Белого» [Ронен, с. 975].

¹⁰ В 1933 г. выходит первая официальная биография Павлика Морозова [Соломеин]. К. Келли и Ю. Дружников своих исследованиях, посвященных истории убийства, показывают, что в 1930-е гг. процесс конструирования мифа о пионере-герое был частью большой пропагандистской работы, направленной на усвоение легенды в культуре [Kelly, 2005; Дружников].

¹¹ Речь идет о писателе Эмилии Львовиче Миндлине (1900–1981).

¹² Рассказ «Происхождение чувств» (1937) [Миндлин, с. 3–6].

¹³ Рассказ «В большом Запорожье» (1937) [Миндлин, с. 16–22].

тационной литературе материал, показывающий достижения СССР в педагогике, которые преподносятся как результат чудесного влияния революции, изменившей общество до неузнаваемости. Ни один текст «публицистического» блока статьей не является: «Истоки чувств» Миндлина – это очерк, «Кем я стану?» – интервью, «Список героев» – особый советский панегирик, письменный аналог аллеи героев и доски почета. Остальные тексты относятся к жанру агитационного эссе, главной чертой которого является социальная метонимия. Герои таких эссе не личности, интересные своей уникальной вымышленной или реальной биографией, а представители класса или социальной группы: школьники, пионеры, советские учителя, красноармейцы, колхозники, рабочие. Яркой чертой агитационных эссе становится почти сказочный зачин «жил да был»: « Dans une des écoles du rayon d'Octobre arrive un nouveau maître, disons, de littérature »¹⁴ [Finn, p. 88]; « Voici par exemple maîtresse Marie Nicolaewna »¹⁵ [Ibid., p. 90]. Помимо таких умозрительных примеров, слова «пионер» и «школьник» используются и в более простых метонимических конструкциях, отсылающих ко всем пионерам и школьникам СССР: « Le pionnier et l'écolier d'aujourd'hui sont les maîtres de leur propre enfance »¹⁶ [Volkova, p. 105]; « Dès la première année de son existence notre enfant fait partie d'une collectivité »¹⁷ [Smirnova, p. 121]. С тематической точки зрения, агитационные эссе этого номера во многом повторяют идеологические установки, предназначавшиеся для самих пионеров, например, лозунги десятилетия пионерской организации (1932) [ЦК ВЛКСМ]. Агитационные эссе и лозунги относятся к разным жанрам, которые похожим образом используют этот метонимический прием, закрепляющий за отдельными классами и группами свои функции и роли, что вполне отражает раннесоветский принцип приоритета класса над личностью¹⁸.

В данном выпуске дважды нарушается обычная для журнала структура. Вместо критических и биографических статей в пару к художественному блоку о детях выставляется набор публицистических текстов, которые лишь тематически связаны с литературными текстами. Эти агитационные эссе, интервью и очерк описывают условную советскую реальность в преимущественно положительном тоне, переходящем в превосходный. Вместе эти черты делают агитационное эссе неким нарративом из достигнутой утопии. Получается два околосредовых блока: блок художественной литературы и блок публицистики с доминирующим жанром идеологически нагруженного утопического эссе. При этом второй блок оказывается

¹⁴ «В одну из школ Октябрьского района приходит новый учитель, допустим, учитель истории».

¹⁵ «Вот, к примеру, учительница Мария Николаевна».

¹⁶ «Пионер и школьник сегодня – хозяева своего детства».

¹⁷ «С первого года своего существования наш ребенок – часть коллектива».

¹⁸ См. о принципе «классовой диктатуры» у Л. Альтюссера в статье «Марксизм и гуманизм» [Альтюссер, с. 314].

очередной витриной советских достижений, если перефразировать слова М. Дэвида-Фокса, в данном случае в сфере образования и, более того, в создании особой социальной среды, в которой растут дети коммунистического склада характера [Дэвид-Фокс].

Не вполне понятно появление подборок о детях во «взрослом» литературном журнале. Возможно, причиной могло быть распоряжение Наркомпроса, причина которого крылась в возросшем интересе советской власти к молодому поколению, которое почетно поместили рядом со старшими в лозунгах к XVI годовщине Октября [Лозунги к XVI годовщине]. Кроме того, появление такой подборки в журнале, для детей не предназначенном, когда взрослым читателям приводятся в пример советские дети-герои, было очередным ходом в процессе инфантилизации литературы и читателя в СССР. Уместно привести слова о соцреализме Е. А. Добренко: «Идеал соцреализма – взрослый ребенок; его стратегия – консервация детства. <...> Коммунизм – это всегда детство. Детство – это всегда коммунизм» [Добренко, с. 35–36].

«Детской» подборке 1934 г. было выделено значительно больше места в журнале, нежели, например, подборке 1933 г., посвященной Беломорканалу (12 из 23 – в 1934 г., 4 из 19 – в 1933 г.). Это свидетельствует о разработанности темы советского детства в агитационной литературе с 1920-х гг. (см., например: [Арборе-Ралли; Бехтерев; Василевский; Лилина]) по сравнению с относительно новым явлением больших советских строек и связанной с ними идеологией «перековки» заключенных-рабочих (сомнительная тема для витрины достижений). Тема советского детства как метонимия идеальной жизни в СССР в начале 1930-х гг. представляла универсальный материал для формирования положительного образа СССР за рубежом.

Причина, по которой литературный журнал становится площадкой для пропаганды советского детства, кроется в изначальном замысле «Интернациональной литературы». Еще на этапе «Литературы мировой революции», какой она была задумана на харьковской конференции (1930), печатный орган МОРПа должен был давать материал параллельно на нескольких языках [Литература мировой революции, с. 52] (подробнее см.: [Ostrovskaya, Zemskova, 2016; Ostrovskaya, Zemskova, 2019]). Этот амбициозный литературно-издательский проект был реализован только в начале издания «Литературы мировой революции». Затем каждая последующая версия «Интернациональной литературы» становилась более обособленной, лишь изредка один материал переводился на разные языки. В 1933–1934 гг. можно было ожидать, что широко обсуждавшийся Первый съезд советских писателей станет той объединяющей темой, которая позволит «Интернациональной литературе» вновь печатать параллельные выпуски и тем самым возродить литературно-издательскую концепцию журнала, однако этого не произошло. Из всех тем советской печати, к которым обращалась «Интернациональная литература», только детская оказалась уникальной, объединила три иностранных версии журнала

и позволила хотя бы в одном выпуске воплотить издательскую утопию, не оставляя в стороне и витринную составляющую.

Часть текстов темы детства встречается во всех трех версиях¹⁹. В отличие от французской версии, в английской и немецкой сохранена рубрикация. В английской версии классической для журнала рубрики «Статьи и критика» (*Articles and criticism*) предшествует социокультурный раздел «Советская жизнь» (*Soviet life*), который представляет жизнь советских детей, поскольку три из пяти текстов в нем посвящены детям, в том числе известные нам по французской версии статьи Рудина и Миндлина. В немецкой версии «детские» тексты помещены в части художественной литературы [Garrig; Kassil], также выделяется социокультурный блок «Молодежь и культура» (*Jugend und Kultur*), который, в отличие от английской и французской версий, заполнен не переводным советским материалом, а статьями немецких авторов с акцентом на немецкую культуру (см., например: [Beyes; Bernfeld]), всего в выпуске пять таких статей. По сравнению с английской и немецкой версиями, в *La Littérature internationale* этот неозаглавленный социокультурный раздел представлен наибольшим количеством советских переводных текстов, а их содержательная и жанровая специфика делает французскую версию наиболее идеологизированной из всех версий «Иностранной литературы».

Большинство «детских» текстов во всех трех версиях заимствуют преимущественно советский материал, что приближает «Интернациональную литературу» 1934 г. к экспортному изданию «Советская литература», которым она станет с 1946 г. Таким образом, номера с «детской» подборкой в рамках истории журнала оказываются идеальным воплощением концепции «Интернациональной литературы» и переходным звеном между «Литературой мировой революции» и «Советской литературой».

Список литературы

Альтюссер Л. Марксизм и гуманизм // За Маркса / предисл. Э. Балибара ; пер. с фр. А. В. Денежкина. М. : Праксис, 2006. С. 311–342.

Арборе-Ралли Е. Мать и дитя в Советской России. М. : Гос. изд-во, 1920. 32 с.

Балина М. Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России // Детские чтения : [сайт]. 2012. Т. 1, № 1. С. 43–66. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/4> (дата обращения: 20.04.2020).

Бехтерев В. М. Внушение и воспитание. Пг. : Время, 1923. 40 с.

Бинкин. Ни одного колоска не оставить в поле // Пионерская правда. 1933. № 97. С. 3.

Будем охранять колхозные амбары // Пионерская правда. 1934. № 36. С. 1.

Василевский Л. М. Детская преступность и детский суд. Тверь : Октябрь, 1923. 207 с.

Вот он классовый враг! // Пионерская правда. 1933. № 11. С. 3.

Добренко Е. А. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб. : Гуманитар. аг-во : Академ. проект, 2000. С. 35–36.

¹⁹ Четыре из шести текстов о детях совпадают с текстами из французской версии, причем как художественные, так и документальные [Wittenberg, 1934b; Tretyakov; Roudin; Mindlin]). Рассказ редактора русской версии С. Третьякова «Дозорные урожая» печатается во французской и в английской версиях [Tretyakov, 1934a; Tretyakov, 1934b].

Дружников Ю. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. М. : Моск. рабочий, 1995. 267 с.

Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / пер. с англ. В. Макарова. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 561 с.

Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / пер. с англ. О. Гавриковой и А. Фоменко. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 511 с.

Коля Юрьев // Пионерская правда. 1933. № 88. С. 3.

Левитан И. В дозорах – пионеры // Известия. 1934. № 163. С. 3.

Лиллина З. Социально-трудовое воспитание. Пб. : Гос. изд-во, 1921. 180 с.

Литература мировой революции. 1931. № 1.

Лозунги к XVI годовщине Октября (ЦК ВКП(б)) // Правда. 1933. № 302. С. 1.

Миндлин Э. Л. Говорят дети. М. : Изд., тип. и цинк. журн.-газ. объединения, 1937. 48 с.

Мы каждый колос бережем! // Пионерская правда. 1933. № 98. С. 3.

Ронен О. Детская литература и социалистический реализм // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб. : Гуманитар. аг-во : Академ. проект, 2000. С. 969–979.

Сидоренко А. В. Язык советского детства. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 163 с.

Смирнов. Убийцы Коли Мяготина приговорены к расстрелу // Пионерская правда. 1933. № 2. С. 1.

Соломеин П. Д. В кулацком гнезде. М. ; Свердловск : ОГИЗ, 1933. 79 с.

ЦК ВЛКСМ, лозунги к 10-летию пионерской организации СССР // Правда. 1932. № 141. С. 3.

Шварцман Я. Дозорные урожая // Пионерская правда. 1933. № 88. С. 3.

Bernfeld A. Neue Sowjetjugendbücher in deutscher Sprache // Internationale Literatur. 1934. № 2. P. 132–136.

Beyes F. Die Deutsche Schule in Moskau // Internationale Literatur. 1934. № 2. P. 116–121.

Bredel W. L'épreuve (fragments) // La Littérature internationale. 1935. № 5. P. 33–45.

Conroy J. Enfance dans une mine // La Littérature internationale. 1934. № 2. P. 72–81.

Dobrenko E. “The Entire Real World of Children”: The School Tale and “Our Happy Childhood” // The Slavic and East Europ. J. 2005. Vol. 49, № 2. P. 225–248. DOI 10.2307/20058261.

Dreyfus-Gueguen G. Tu seras un Ouvrier // La Littérature internationale. 1934. № 2. P. 3–18.

Finn V. A propos de la “Bouza” // La Littérature internationale. 1934. № 2. P. 86–90.

Gabor A. Willy Bredel: “L'épreuve” // La Littérature internationale. 1935. № 5. P. 90–94.

Garri A. Ein Weihnachtsmärchen // Internationale Literatur. 1934. № 2. P. 67–77.

Harry A. Un récit de Noël // La Littérature internationale. 1934. № 2. P. 42–52.

Hellman B. Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010). Leiden : Brill, 2013. 588 p.

Kassil L. Schwambranien // Internationale Literatur. 1934. № 2. P. 28–52.

Kelly C. Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. L. : Granta Books, 2005. 352 p.

Kelly C. Children's World. Growing up in Russia, 1890–1991. N. Haven ; Londres : Yale Univ. Press, 2007. 714 p.

La liste des héros // La Littérature internationale. 1934. № 2. P. 82–85.

Lounatcharski A. Lénine et l'étude de la littérature // La Littérature internationale. 1935. № 1. P. 64–74.

Mindlin E. Origin of Feelings // International Literatur. 1934. № 2. P. 82–88.

Mindline E. Origines des sentiments. Conversations et Commentaires // La Littérature internationale. 1934. № 2. P. 110–118.

Ostrovskaya E., Zemskova E. Between the Battlefield and the Marketplace: “International Literature” Journal in Britain // *Russian J. of Communication*. 2016. Vol. 8, № 3. P. 217–229. DOI 10.1080/19409419.2016.1213614.

Ostrovskaya E., Zemskova E. From International Literature to World Literature: English Translators in 1930s Moscow // *Translation and Interpreting Studies*. 2019. Vol. 14, № 3. P. 351–371. DOI 10.1075/tis.18025.ost.

Roudine S. Que deviendrais-je? // *La Littérature Internationale*. 1934. № 2. P. 91–100.

Safullina N., Platonov R. Literary Translation and Soviet Cultural Politics in the 1930s: The Role of the Journal “International’naja literatura” // *Russian Literature*. 2012. Vol. 72, № 2. P. 239–269. DOI 10.1016/j.ruslit.2012.08.005.

Smirnova V. Sans craintes // *La Littérature internationale*. 1934. № 2. P. 119–123.

Tess T. Les talents // *La Littérature internationale*. 1934. № 2. P. 101–103.

Tretjakov S. Gardiens de récoltes // *La Littérature internationale*. 1934a. № 2. P. 19–32.

Tretjakov S. Guards of the Harvest // *International Literatur*. 1934b. № 2. P. 42–52.

Volkova E. Les enfants dans leur théâtre // *La Littérature internationale*. 1934. № 2. P. 104–109.

Wittenberg R. Le clou // *La Littérature internationale*. 1934a. № 2. P. 67–71.

Wittenberg R. Portrait of the Leader // *International Literatur*. 1934b. № 2. P. 36–40.

References

Althusser, L. (2006). Marksizm i gumanizm [Marxism and Humanism] / transl. by A. V. Denezhkin. In Althusser, L. (Ed.). *Za Marksa*. Moscow, Praxis, pp. 311–342.

Arbore-Ralli, E. (1920). *Mat’ i ditya v Sovetskoj Rossii* [Mother and Child in Soviet Russia]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo. 32 p.

Balina, M. (2012). Literaturnaya reprezentatsiya detstva v sovetskoj i postsovetskoj Rossii [Literary Representation of Childhood in Soviet and Post-Soviet Russia]. In *Detskie chteniya* [website]. Vol. 1. No. 1, pp. 43–66. URL: <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/view/4> (accessed: 20.04.2020).

Bekhterev, V. M. (1923). *Vnushenie i vospitanie* [Indoctrination and Education]. Petrograd, Vremya. 40 p.

Bernfeld, A. (1934). Neue Sowjetjugendbücher in deutscher Sprache. In *Internationale Literatur*. No. 2, pp. 132–136.

Beyes, F. (1934). Die Deutsche Schule in Moskau. In *Internationale Literatur*. No. 2, pp. 116–121.

Binkin. (1933). Ni odnogo koloska ne ostavit’ v pole [Leave No Spike in the Field]. In *Pionerskaya pravda*. No. 97, p. 3.

Bredel, W. (1935). L’épreuve (fragments). In *La Littérature Internationale*. No. 5, pp. 33–45.

Budem okhranyat’ kolkhoznye ambary [We’ll Guard the Kolkhoz Barns]. (1934). In *Pionerskaya pravda*. No. 36. p. 1.

Clark, K. (2018). *Moskva, chetvertyi Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evolyutsiya sovetskoi kul’tury (1931–1941)* [Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941] / transl. by O. Gavrikova and A. Fomenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 511 p.

Conroy, J. (1934). Enfance dans une mine. In *La Littérature Internationale*. No. 2, pp. 72–81.

David-Fox, M. (2015). *Vitriny velikogo eksperimenta: kul’turnaya diplomatiya Sovetskogo Soyuza i ego zapadnye gosti, 1921–1941 gody* [Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941] / transl. by V. Makarov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 561 p.

Dobrenko, E. (2005) “The Entire Real World of Children”: The School Tale and “Our Happy Childhood”. In *The Slavic and East Europ. J.* Vol. 49. No. 2, pp. 225–248. DOI 10.2307/20058261.

Dobrenko, E. A. (2000). Sotsrealizm i mir detstva [Social Realism and the World of Childhood]. In Günther, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon*. St Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo, Akademicheskii proekt, pp. 35–36.

- Dreyfus-Gueguen, G. (1934). Tu seras un Ouvrier. In *La Littérature internationale*. No 2, pp. 3–18.
- Druzhnikov, Yu. (1995). *Donoschik 001, ili Voznesenie Pavlika Morozova* [Informer 001, or the Rise of Pavlik Morozov]. Moscow, Moskovskii rabochii. 267 p.
- Finn, V. (1934). A propos de la “Bouza”. In *La Littérature internationale*. No. 2, pp. 86–90.
- Gabor, A. (1935). Willy Bredel: “L’épreuve”. In *La Littérature internationale*. No. 5, pp. 90–94.
- Garri, A. (1934). Ein Weihnachtsmärchen. In *Internationale Literatur*. No. 2, pp. 67–77.
- Harry, A. (1934). Un récit de Noël. In *La Littérature internationale*. No. 2, pp. 42–52.
- Hellman, B. (2013). *Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010)*. Leiden, Brill. 588 p.
- Kassil, L. (1934). Schwambranien. In *Internationale Literatur*. No. 2, pp. 28–52.
- Kelly, C. (2005). *Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero*. L., Granta Books. 352 p.
- Kelly, C. (2007). *Children’s World. Growing up in Russia, 1890–1991*. New Haven, Londres, Yale Univ. Press. 714 p.
- Kolya Yur’ev [Kolya Yur’ev]. (1933). In *Pionerskaya pravda*. No. 88, p. 3.
- La liste des héros. (1934). In *La Littérature internationale*. No. 2, pp. 82–85.
- Levitan, I. (1934). V dozorakh – pionery [On Patrol – the Pioneers]. In *Izvestiya*. No. 163, p. 3.
- Lilina, Z. (1921). *Sotsial’no-trudovoe vospitanie* [Social and Labour Education]. Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel’stvo. 180 p.
- Literatura mirovoi revolyutsii* [The Literature of World Revolution]. (1931). No. 1.
- Lounatcharski, A. (1935) Lénine et l’étude de la littérature. In *La Littérature internationale*. No. 1, pp. 64–74.
- Lozungi k XVI godovshchine Oktyabrya (TsK VKP(b)) [Slogans for the 16th Anniversary of October (TsK VKP(b))]. (1933). In *Pravda*. No. 302, p. 1.
- Mindlin, E. (1934). Origin of Feelings. In *International Literatur*. No. 2, pp. 82–88.
- Mindlin, E. L. (1937). *Govoryat deti* [Children Speak]. Moscow, Izdatel’stvo Zhurnal’no-gazetnogo ob’edineniya. 48 p.
- Mindline, E. (1934). Origines des sentiments. Conversations et Commentaires. In *La Littérature internationale*. No. 2, pp. 110–118.
- My kazhdyi kolos berezhem! [We Save Every Spike!]. (1933). In *Pionerskaya pravda*. No. 98, p. 3.
- Ostrovskaya, E., Zemskova, E. (2016). Between the Battlefield and the Marketplace: “International Literature” Journal in Britain. In *Russian J. of Communication*. Vol. 8. No. 3, pp. 217–229. DOI 10.1080/19409419.2016.1213614.
- Ostrovskaya, E., Zemskova, E. (2019). From International Literature to World Literature: English Translators in 1930s Moscow. In *Translation and Interpreting Studies*. Vol. 14. No. 3, pp. 351–371. DOI 10.1075/tis.18025.ost.
- Ronen, O. (2000). Detskaya literatura i sotsialisticheskii realizm [Children’s Literature and Socialist Realism]. In Günther, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon*. St Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo, Akademicheskii proekt, pp. 969–979.
- Roudine, S. (1934). Que deviendrai-je? In *La Littérature internationale*. No. 2, pp. 91–100.
- Safiullina, N., Platonov, R. (2012). Literary Translation and Soviet Cultural Politics in the 1930s: The Role of the Journal “Internacional’naja literatura”. In *Russian Literature*. Vol. 72. No. 2, pp. 239–269. DOI 10.1016/j.ruslit.2012.08.005.
- Shwartzman, Ya. (1933). Dozornye urozhaya [Guards of the Harvest]. In *Pionerskaya pravda*. No. 88, p. 3.
- Sidorenko, A. V. (2016). *Yazyk sovetskogo detstva* [The Language of the Soviet Childhood]. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 163 p.
- Smirnov (1933). Ubiitsy Koli Myagotina prigovoreny k rasstrelu [The Murderers of Kolya Myagotin Sentenced to Death]. In *Pionerskaya pravda*. No. 2, p. 1.
- Smirnova, V. (1934). Sans craintes. In *La Littérature internationale*. No. 2, pp. 119–123.

Solomein, P. D. (1933). *V kulatskom gnezde* [In the Kulak Nest]. Moscow, Sverdlovsk, Ob"edinennoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 79 p.

Tess, T. (1934). Les talents. In *La Littérature internationale*. No. 2, pp. 101–103.

Tretiakov, S. (1934a). Gardiens de récoltes. In *La Littérature internationale*. No. 2, pp. 19–32.

Tretyakov, S. (1934b). Guards of the Harvest. In *International Literatur*. No. 2, pp. 42–52.

TsK VLKSM, Lozungi k 10-letiyu pionerskoi organizatsii SSSR [Komsomol Central Committee, Slogans for the 10th Anniversary of the Pioneer Organisation of the USSR]. (1932). In *Pravda*. No. 141, p. 3.

Vasilevskii, L. M. (1923). *Detskaya prestupnost' i detskii sud* [Juvenile Delinquency and Juvenile Justice]. Tver', Oktyabr'. 207 p.

Volkova, E. (1934). Les enfants dans leur théâtre. In *La Littérature internationale*. No. 2, pp. 104–109.

Vot on klassovyi vrug! [There He is, the Class Enemy!]. (1933). In *Pionerskaya pravda*. No. 11, p. 3.

Wittenberg, R. (1934). Le clou. In *La Littérature internationale*. No. 2, pp. 67–71.

Wittenberg, R. (1934). Portrait of the Leader. In *International Literatur*. No. 2, pp. 36–40.

The article was submitted on 09.07.2020

Спасительный трактор: пропаганда технического прогресса в советских изданиях для детей довоенного времени*

Анна Вырупаева

Международный институт дизайна и сервиса,
Челябинск, Россия

The Rescue Tractor: The Propaganda of Technological Progress in Soviet Publications for Children before the Second World War

Anna Vyrupeva

International Institute of Design and Service,
Chelyabinsk, Russia

Childhood in the USSR is a topic of considerable interest for both Russian and non-Russian researchers: it is driven by a constant demand for Soviet children's literature, the use of related images in modern advertising, and Russians' nostalgia for their childhood. Contemporary researchers mostly focus on the methods the Soviet government used to construct images of a happy childhood. In the Soviet Union, where the cult of childhood appeared early enough, Soviet propaganda formed the idea of the so-called "paradisiacal places" of Soviet childhood: pioneer camps, recreation parks, etc. The article's author considers the first five-year plan in the USSR as being the main event of the turn of the 1930s that was explained and promoted to children by Soviet propaganda. The study specifically focuses on the propaganda of industrial development, and not on the topics of the friendship of peoples, class struggle, and the miserable life of workers and their children in other countries. Another feature of the article is the chosen time frame, which makes it possible to take a "screenshot" of the transitional stage of the existence of the Soviet state and the sharp turn in the early 1930s from ideas of internationalism to postulates of "all-Soviet national superiority". Referring to the popularisation of the achievements of the first five-year plan, the study traces the ideological transition

---

* Citation: Vyrupeva, A. (2022). The Rescue Tractor: The Propaganda of Technological Progress in Soviet Publications for Children before the Second World War. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 545–557. DOI 10.15826/qr.2022.2.687.

Цитирование: Вырупаева А. The Rescue Tractor: The Propaganda of Technological Progress in Soviet Publications for Children before the Second World War // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 545–557. DOI 10.15826/qr.2022.2.687 / Вырупаева А. Спасительный трактор: пропаганда технического прогресса в советских изданиях для детей довоенного времени // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 545–557. DOI 10.15826/qr.2022.2.687.

to national patriotic propaganda. The author refers to popular children's magazines (*Murzilka*, *Yozh*, and *Chizh*) and books, some of which were created by avant-garde artists. The author considers the combination of text and image in children's periodicals. Promoting industrial development, they presented the young reader with a whole arsenal of machines, putting forward a recognised "king" among them. There were a lot of applicants for wearing the "crown", including military vehicles, which were extremely popular in the USSR. However, the Soviet country had a more terrible enemy than imperialists and counterrevolutionaries: malnutrition and hunger. It was this fact that made the tractor the main character of technical agitation at the turn of the 1930s in the USSR.

Keywords: USSR, childhood, propaganda, fiction, *Murzilka*, hunger, industrialisation in the Soviet Union, first five-year plan

История советского детства вызывает значительный интерес у зарубежных и отечественных исследователей, который характеризуется сохраняющимся высоким спросом на детскую советскую литературу, использованием детских образов в современной рекламе и ностальгией россиян по своему детству в СССР. Важными для исследователей оказываются механизмы, с помощью которых советская власть конструировала образы счастливого детства. В Советском Союзе, где с самого начала сложился своеобразный культ счастливого ребенка, в содержание пропаганды входило конструирование образов «райских мест» советского детства – пионерских лагерей, парков отдыха и т. д. Автор обращается к проблеме агитации в детских изданиях с целью выяснить, что именно советская пропаганда рассказывала детям про главное событие рубежа 1920–1930-х гг. – первую пятилетку. Это заставляет концентрироваться на «технической» агитации, оставляя за границей внимания темы дружбы народов, борьбы классов и «жалкого» существования трудящихся и их детей в других странах. Хронология – начало 1930-х гг. – позволяет сделать «стоп-кадр» на переходном этапе существования Советского государства, которое сделало резкий поворот от идей интернационализма к постулатам «общесоветского национального превосходства». Исследование на примере популяризации достижений первой пятилетки дает возможность проследить, как осуществлялся идейный переход к национально-патриотической пропаганде. В качестве источников выступают популярные детские журналы («Мурзилка», «Ёж», «Чиж») и книги, часть из которых была создана художниками-авангардистами. Автор концентрируется на соединении текста и изображения в детских изданиях. Пропагандируя технический взлет, они представляли юному читателю целый арсенал машин, выдвигая среди них признанного «короля». Как может показаться с ретроспективной точки зрения, претендентов на ношение «короны» было немало, включая сверхпопулярную в СССР военную технику. Однако, как оказалось, у страны Советов были враги страшнее, чем империалисты и контрреволюционеры, а именно – недоедание и голод. Именно данный факт и определил главного героя технической агитации на рубеже 1920–1930-х гг. в СССР – трактор.

Ключевые слова: СССР, детство, пропаганда, художественная литература, «Мурзилка», индустриализация, первая пятилетка

В 1927 г. на немецкие киноэкраны вышел широко известный ныне фильм Фрица Ланга «Метрополис». Картина рассказывала про город будущего, который делился на две части: верхний рай, где обитали «хозяева жизни», и подземный промышленный ад, где жили и трудились рабочие. Основу пейзажа подземного мира Метрополиса составляли гигантские машины, бесчисленные трубы и валящий клубами дым. За два года до этого в советской России появилась детская книга о новой Волховской электростанции, в которой изображение доменных печей Ленинграда оказалось очень похожим на «главную» машину Метрополиса [Войнов]. В обоих случаях – и в книге, и в фильме – в машинах просматривались зооморфные черты: плечи, голова и пасть (ил. 1 на цв. вклейке). Но если в немецком фильме машина являлась олицетворением ужаса и в какой-то момент превращалась в Молоха, пожирающего людей, то в советской книге она выступала как нечто хорошее и дружественное человеку (ил. 2 на цв. вклейке). И это не случайно: на рубеже 1920–1930-х гг. в СССР приступили к индустриализации – массовому строительству промышленных предприятий, которые должны были производить технику – главный источник народного процветания и благополучия с точки зрения новой власти. Вот как эту мысль популярно объясняли детям: «выстроят фабрики и будут делать бумагу для тетрадок» [Махнаева, с. 30].

Согласно первому пятилетнему плану (1928–1932), в Советском Союзе следовало построить более 1,5 тыс. предприятий. «Великая стройка» должна была превратить аграрную Россию в индустриальную страну за десять с лишним лет, или за три пятилетних плана. Как заявил в 1931 г. Сталин: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [Сталин]. Символом этой стремительной «пробежки» в советской пропаганде стала машина.

Реклама технического прогресса превратилась в такую же неотъемлемую часть сталинской модернизации, как само промышленное строительство и производство: с плакатов, газетных страниц и киноэкранов советский человек видел автомобили, аэропланы, комбайны. Детям от пяти до десяти лет про «великую стройку» рассказывали различные детские периодические издания и книги.

Детская художественная литература рубежа 1920–1930-х гг. пестрила «машинной» темой, которая носила не только развлекательный, но и серьезный просветительский характер. Младшему поколению презентовали технологию различных производств – от нефти до продовольствия. Например, в книге «Хлебозавод № 3» описывалось приготовление хлеба в современных условиях: техника просеивает муку, замешивает тесто и печет булки. На иллюстрациях параллельно изображались бегущие ленты, хлебные карусели и большие печи. «Старая» профессия пекаря, как констатировалось в книге, больше не нужна, так как «не пекаря, а машины делают румяные кирпичики хлеба» [Дейнеко, Трошин, с. 3]. Кроме того, детская литература обстоятельно рассказывала о различных технических новинках, прежде всего транспортных –

о самолетах, ледоколах, мотоциклах и пр. Все это производилось теперь в Советском Союзе, а если еще чего-то не было, например, дирижабля, который в одном из повествований прилетел в Москву из Германии, то непременно – что не подлежало сомнению – будет «точно такое же, а, может быть, и лучше» [Саконская, с. 11].

Советские машины должны были вызывать гордость, поэтому рассказы о них сопровождались повествованиями про спасительные операции, рекорды и иные достижения. В книге «Крылья Советов» рассказывалось про европейское турне первого советского пассажирского лайнера, который следовал по маршруту Москва – Берлин – Париж – Лондон – Москва и должен был продемонстрировать успехи советского авиастроения. Как говорилось в книге: «Пусть посмотрят там, какие самолеты умеют строить в СССР» [Стучинская, с. 8]. Воздушное судно описывалось как «большое», «сильное», «быстрое». В Берлине советский самолет встретили овациями. Такая же реакция, согласно свидетельству автора, была и в Лондоне. Вывод гласил: «теперь англичане, немцы, французы знают, какие в СССР есть большие, сильные самолеты». И далее следовало несколько неожиданное заключение: «воевать со Страной Советов будет нелегко!» [Там же, с. 16]. Оказывается, «в случае надобности» воздушное судно могло применяться для военных целей как транспортное средство. Рассматривался и вариант установки на летательный аппарат бомбардировочного оборудования. Позднее – в середине 1930-х гг. – самолеты и пилоты станут главными символами технического прогресса в СССР, включая легендарную эпопею по спасению челюскинцев (1934) и знаменитый перелет через Северный полюс (1937).

Однако юным читателям Советского Союза рассказывали не только про широко известную технику, но и про ее совершенно необычные экземпляры. В 1931 г. вышла книга, которая поведала про такое советское изобретение, как аэросани. Как писал один из авторов, «аэросани похожи на самолет, только без крыльев. На самолете мотор устанавливается спереди, а на аэросанях он сзади» [Кармен, с. 8]. В книге не только рассказывалось про устройство необычной машины, но и был представлен целый репортаж о пробеге колонны аэросаней от Ленинграда до Москвы. От города на Неве до столицы аэросани пронеслись, продемонстрировав выдающуюся скорость: «100 км в час, в два раза быстрее скорого поезда, в десять раз быстрее трамвая, 1,5 км в одну минуту» [Там же, с. 22]. Для чего же, собственно, потребовался этот технический гибрид? Ответ дал командир пробега: для коммуникации с «далекими северными окраинами нашей страны» [Там же, с. 25]. В скором времени, как отмечалось в репортаже, новые машины запустят в серийное производство, и они победным ходом пойдут «по любой дороге, в любой мороз, днем и ночью» [Там же, с. 26].

Но все ли было так благополучно в стране начавшегося технического прогресса? Оказывается, во время пробега аэросаней закончился бензин, и на помощь его участникам пришли крестьяне. «Мохна-

тые лошадки» взяли на буксир технику и доставили ее в соседнюю деревню. «Позор! Хорошо, что ночь, и никто нас не видит», – сокрушался один из участников пробега. Но мудрые крестьяне его утешали: «Не горюй, приятель. Всякое бывает» [Кармен, с. 18]. Помимо демонстрации народного единства и взаимопомощи, здесь невольно проскальзывала мысль о том, что счастливая плакатная жизнь в Советском Союзе мало походила на прозаическую реальность, в которой техника была редкостью и диковинкой.

Так, в знаменитом документальном фильме «Стальной путь» (1929), воспевшем строительство Туркестано-Сибирской железной магистрали, основная масса работ осуществлялась с помощью ручных тачек, лопат и верблюдов. На стройке железнодорожного гиганта присутствовала и техника, однако ее было крайне мало. Любопытно, что на строительстве объектов первой пятилетки в Челябинске также активно применялись верблюды. Животных пригоняли в уральский город из Казахстана для перевозки строительных материалов. Факты использования живой силы на всех стройках первой пятилетки были широко известны в стране, но фактически не приводились в советской пропаганде.

Еще одним примером необычной машины, про которую рассказывали детям, была «лодка-вездеходка», или глссер. Необычность этой лодки состояла в том, что она имела не круглое, а плоское дно с выступом, что давало ей возможность передвигаться на мелководье там, где застревали моторные лодки. Вода, упираясь в плоское дно со ступенькой, выталкивала глссер наверх, и он скорее не плавал, а скользил по водной поверхности. Автор книги «Лодка-вездеходка» Лев Кассиль с пафосом писал: «среди машин глссер – маленький речной революционер» [Кассиль, с. 32]. Почему? Придуманная во Франции лодка с успехом могла быть использована в России, где много маленьких рек и речушек: «они узки и мелки. Пароходу по ним не пройти. Летом они почти совсем пересыхают, зарастают тиной, камышами» [Там же, с. 14]. А ведь «вдоль них стоят деревни, села, колхозы, совхозы, лесные промыслы». Как туда доставить почту, приехать пожарным или медикам? Глссер этому поможет: пройдет по любой воде «быстрее скорого поезда», поэтому «нам надо готовить свои советские глссеры» [Там же, с. 19] (ил. 3 на цв. вклейке).

Еще один герой советской технической пропаганды – военная техника, которая всегда была в почете у советских агитаторов. Как точно подметила Шейла Фицпатрик в книге «Повседневный сталинизм», сталинская Россия жила в рамках нескольких мифов, один из них – «Если завтра война» [Фицпатрик, с. 18]. Предпосылки для такого мироощущения, по мнению американского историка, были. Во-первых, военные: факт проигрыша Россией последних войн – Русско-японской и Первой мировой. Во-вторых, идеологические: считалось, что Советский Союз находится во враждебном капиталистическом окружении, которое никогда не смирится с существованием первого и единственного в мире социалистического государства [Там же].

Или, как разъяснялось в детских изданиях простым языком, «капиталисты хотят напасть на нас» [Савельев, с. 18].

Страх перед новым вооруженным конфликтом провоцировал соответствующую риторику в детских произведениях, где тема войны присутствовала, как правило, в двух вариантах: «наши враги»¹ и Красная армия. В последнем случае младшему поколению подробно рассказывали про советское вооружение – броневики, корабли, подводные лодки, самолеты, артиллерию. В детских садах воспитанники часто рисовали, лепили из глины или вырезали из дерева танки и пушки (ил. 4 на цв. вклейке).

Однако во времена первой пятилетки не пушки и танки оказались главной машиной Страны Советов. В эти годы боевая техника уступила первенство другой машине, которая по упоминанию во всевозможных изданиях выбилась в безоговорочные лидеры, – трактору. Именно он стал настоящим героем первой пятилетки среди всей техники СССР.

Россия испокон веков была аграрной страной, 80 % населения которой на начало индустриализации проживало в деревнях и существовало за счет сельского хозяйства. До революции 1917 г. страна занимала второе место в мире по экспорту зерна. Хлебная ориентация России отразилась в 1926 г. в одной из детских книг про Коминтерн, где автор, рассказывая про разные страны, сделал акцент на их национальной кухне. Французский мальчик Жак в этой книге уплетал пирожное, английский Том – бифштекс, а русский, «наш Гаврюшка», ел хлеб. Когда дети из этих стран объединились в Коминтерн, и у них возник вопрос, «Где бы раздобыть к обеду хлеба?», то со словами «Ешьте, братцы, русский хлеб!» булкой поделился «наш Гаврюшка» [Агнивцев, с. 12]. Таким образом, в советской агитации периода первой пятилетки трактор выходил на первый план в связи с тем, что именно с ним связывалось повышение урожайности в аграрной России, которое, в свою очередь, должно было решить целый ряд важнейших задач.

Как известно, финансирование сталинской модернизации происходило за счет массового вывоза зерна за границу. По словам российского историка И. Орлова, «валюту приносил экспорт хлеба и леса. Экспорт хлеба потянул за собой коллективизацию, а экспорт леса – лагеря» [Орлов, с. 9]. Таким образом, рекламируя трактор, власть пропагандировала колхозы, а вместе с ними идею использования сельхозмашин² с целью повышения урожайности, увеличения экспорта зерна, роста валюты и, как следствие, строительства новых заводов.

---

¹ В методическом издании для учителей «Пятилетка в массовой школе» (1930) советским педагогам давались рекомендации о том, как просвещать детей младших классов. Среди них был сбор материала по теме «Друзья и враги пятилетки», где должны были фигурировать предприятия, организации и отдельные лица, «настойчиво» и «удачно» выполняющие план, а также заводы и граждане, «срывающие» показатели. Кроме того, в каждой школе следовало организовать уголок на тему «Наши друзья и враги пятилетки». См.: [Казанский, Клименко, с. 9].

² Как утверждалось в те годы на всевозможных уровнях, единоличному крестьянину покупка техники не под силу, в отличие от большого коллективного хозяйства.

Широкое применение сельхозтехники должно было решить и проблему недоедания. Вопрос не являлся праздным для советского руководства, так как именно голод начала 1920-х гг. в результате политики «военного коммунизма» в деревне дискредитировал Советы и идею коммунизма как таковую. Наибольший удар этот голод нанес малолетнему населению: по некоторым данным, от недоедания за 1921–1922 гг. в стране погибло 97–98 % детей в возрасте до трех лет [Смирнова, с. 153]³. После такой катастрофы советской власти необходимо было реабилитировать себя. Роль восстановителя репутации на рубеже 1920–1930-х гг. досталась трактору.

Трактор символизировал не только спасение от возможного голода, но и отсутствие каких-либо проблем с пропитанием вообще. Несмотря на то, что в 1928–1931 гг. в стране не было масштабного голодания, люди продолжали плохо питаться и недоедать. В апреле 1929 г. в СССР были введены карточки на хлеб, а концу года – на все остальные продукты. Тема нехватки продовольствия часто фигурировала в детских рассказах и стихах того времени, воспитывая бережное отношение к продуктам. Журнал для детей младшего возраста «Мурзилка» регулярно обращался к продовольственной теме и летом 1929 г. опубликовал рассказ «Хлебный человечек», герой которого детсадовец Вова вылепил фигурку из хлеба. «Для лепки есть глина. А хлеб на это тратить нельзя, – укоряли нерадивого мальчишку взрослые. – Вот даром кусок пропал» [Федэ, с. 2].

В детских рассказах про животных тема недоедания носила еще более открытый характер. В повествовании о жизни зверей в зимнем лесу юным читателям рассказывали преимущественно про преследующий их голод. Если мимо пролетела ворона, единственная ее характеристика – «голодная» [Шведер, с. 24]; птички летают вокруг и говорят следующее: «Ах, голодно! Ах, холодно! Что бы поесть?» [Демин, с. 20]. Волчья песня звучит так:

Я – серый волк,
Зубами щелк...
Худой как пень,
Не ел весь день.
В снегу – весь лес —
Весь корм исчез!
Едва иду,
Ищу еду
И вою: «У-у-у»

[Клокова, с. 4].

³ Т. М. Смирнова приводит в своей книге «Дети Страны Советов» данные, озвученные ответственным секретарем деткомиссии ВЦИК весной 1922 г. Цитата секретаря звучит следующим образом: «Достаточно сказать, что детское население до 3-х лет почти все вымерло, его осталось до 2–3 %».

Авторам произведений и их маленьким читателям в это время тема пустого желудка была важнее, ближе и понятнее, чем другие характеристики зимней жизни животных в лесу. Однако, как бы ни завуалировали тему нехватки продовольствия, иногда образ недоедающего ребенка явственно прорывался наружу. В письме журналу «Мурзилка» зимой 1929 г. Зоя Калинина рассказывает, что сейчас она находится в санатории, а привезли ее из детского дома, где она живет. Далее девочка пишет: «Я живу хорошо, у нас пища хорошая» [Калинина, с. 30]. Для Зои единственной и главной мерой хорошей жизни оказывается еда⁴.

Полуголодная жизнь определяла все существование страны в это время. Возможно, поэтому в воспоминаниях людей, детство которых пришлось на сталинские годы, самыми любимыми праздниками были полузапрещенные, но хлебосольные Рождество и Пасха. Как признавалась позднее одна женщина, в детстве она любила Пасху, потому что в этот день стол ломился от яств.

Спасти или, точнее, накормить большую аграрную и при этом полуголодную страну в ответах пропагандистов мог только трактор. Детская литература приводила простое объяснение: «Трактор может все» – он «тянет за собой машины» и различные устройства, а потому «он пашет, сеет, косит, возит» [Савельев, с. 16]. С ним легче не только вспахать землю и засеять поле, но и собрать урожай, преодолеть традиционное бездорожье, расчистить новые территории: «трактор пни, коренья выворотит, все поле перевернет» [Житков, с. 10]. Этот силач работает за 30 лошадей [Савельев, с. 16], оттого один может вспахать за два дня 400 гектаров. Для сравнения: при вспашке 400 гектаров по старинке, согласно утверждению журнала «Ёж», потребовалось бы 26 лошадей и «не менее трех месяцев» [Неусихин, с. 6].

На страницах детских изданий трактор изображался в виде мощной преобразующей силы. Сельскохозяйственный агрегат обычно помещался в колонну, с одной стороны которой была заросшая земля, а с другой – аккуратно вспаханное поле. В «Колхозной весне» юные читатели наблюдали, как «девушка в синем платье, трактористка Петрова Катя» управляла машиной в подобной колонне [Александрова] (ил. 5 на цв. вклейке). Кстати, в этом произведении все девочки хотели стать трактористками. Ведь это выглядело престижно: сидишь на машине, крутишь руль, носишь кожаные перчатки. Иконография «трактор – поле – молодежь» стала традиционной. При этом наличие трак-

---

⁴ В санаториях действительно кормили лучше, чем в детских домах, где питание часто состояло из хлеба и картошки, хотя в нормативах прописывались еще мясо, крупы и сахар, а в некоторых регионах – овощи, молоко и яйца. Небольшие улучшения рациона в детских домах наметились в начале 1930-х гг., когда были увеличены ежедневные нормы хлеба и молока. Только во второй половине этого десятилетия в рацион данных учреждений были введены такие продукты, как творог, сыр и сметана, а сладости детям официально разрешили только в 1938 г., когда в обязательный паек впервые включили печенье и конфеты монпансье. Но все это «официальное изобилие» будет впереди, а пока на рубеже 1920–1930-х гг. страна как в постановлениях, так и в жизни испытывала острую нехватку продовольствия. См. о питании в детских домах: [Смирнова].

тора – как в тексте, так и на картинке – было ценно не само по себе, а как обещание грядущего изобилия. Поэтому трактор и великие поля оказались неразлучной парой изобразительного ряда этого времени.

Наряду с традиционным лозунгом соцреализма «светлое будущее не за горами», советская пропаганда использовала «правило взаимного обмена», суть которого сводилась к манипуляции: *тот, кто взял, будет чувствовать себя обязанным тому, кто дал*⁵. Сталинская индустриализация, помещенная в рамки данного правила, превращалась в своеобразный дар (или кредит?) большевистской власти народу. Такое щедрое кредитование требовало ответной реакции – всесторонней помощи государству со стороны граждан вне зависимости от их желания. Отсюда – принудительные «добровольные займы», обязательное участие в субботниках, сверхурочная работа и т. п. От маленьких жителей страны ожидали аналогичного поведения.

Как утверждали детские журналы, самым лучшим поступком в «тракторную эру» было участие в сборе денег на строительство тракторной колонны. В почте «Мурзилки» от имени ребят и редакции регулярно шли призывы к юным читателям делать займы на строительство тракторов, собирать утиль для этих целей или что-то продавать. Например, как это сделали сестры Тася и Мими Савенковы, которые «переслали» на трактор 1 р. 50 коп.: «Эти деньги мы получили за цветы и травы, собранные в поле для аптеки» [Савенковы, с. 31]. В журнале говорилось: «все дети должны помогать нашему правительству скорее закончить пятилетку» [Там же, с. 32].

Однако проводить техническую агитацию было непросто: сама тема при отсутствии интересного сюжета оказывалась довольно скучной, и кроме того, существовали определенные идеологические правила – авторы должны были ориентироваться на появившиеся в 1924 г. «Требования к изданию детской литературы», согласно которым в текстах требовалось выдерживать курс на реализм, коллективизм, «борющиеся пролетариат и крестьянство» [Заявление Главлита]. Иными словами, никакого волшебства и никаких сказочных героев. О сложности восприятия, а фактически о «скучности» тем, связанных с индустриализацией, с их цифрами и сложными терминами говорили советские педагоги. Одна из педагогов в методическом издании для учителей «Пятилетка в массовой школе» (1930) отмечала, что цифры Госплана были настолько астрономическими, что оперировать ими в работе с младшеклассниками было невозможно [Шимбирева, с. 14]. Поэтому ставка делалась на «сенсорно-моторные дисциплины»: при пропаганде первой пятилетки в младших классах преимущественно рисовали, лепили и вырезали из бумаги. Это, кстати, предлагали делать и читателям «Мурзилки» и «Ежа», где нередко публиковались детали заводов, гидроэлектростанций и машин, которые необходимо было вырезать и склеивать (ил. 6 на цв. вклейке).

---

⁵ См. подробно о данном правиле: [Чалдини].

Или, например, детям предлагали сначала нарисовать старую деревню, а затем зачеркнуть все старое – от лошадей до избышек («все долой, все зачеркнем») и рядом нарисовать новое: широкие вспаханные поля, тракторы, «большие и светлые дома» [Ильин, 1930b, с. 8–14].

В рамках заданной концепции было сложно создать по-настоящему увлекательный детский текст. Поэтому установки нарушались, и рассказчики прибегали к традиционным приемам сказки, где строящиеся заводы превращались в «крепости» [Ильин, 1929, с. 21], подъемные краны – в «чудовищ» [Ильин, 1930a, с. 15], а турбины – в «великанов» с «железными шлемами» [Ильин, 1929, с. 19]. Трактор же становился настоящим супергероем, которому под силу было все вплоть до победы над вековой крестьянской неустроенностью.

Мир творчества детей в эти годы был наполнен тракторами, которые в детских садах лепили из глины, вырезали из дерева, рисовали на бумаге. В одной из книг про детский сад говорилось, что «у нас много рисунков», но в издании был напечатан только один, и изображен на нем был трактор. Подпись гласила: «Леня нарисовал березовый лес и поле. В лесу пасется стадо, а в поле пашет трактор» [Ульрих, с. 12].

Рисунков с изображением стального пахаря было достаточно много в почтовом разделе «Мурзилки», именовавшемся «Выставка картин». Здесь публиковались детские работы, присланные со всего Союза. Иные картины вызывают восхищение: железный пахарь нарисован со знанием дела – подножка, радиаторная решетка, выхлопная труба. И, как правило, тут же стоит подпись: «Трактор» или «Сельскохозяйственные машины». Видимо, в этом весь секрет популярности тракторной темы в детском искусстве. Юные художники исполняли ее на заказ, когда взрослые просили их нарисовать технику, ибо на рисунках с подписью «Деревня» или «Сенокос» никакие тракторы не фигурируют, вместо них – телеги и лошади. Пропагандистская мечта о машинной России на рубеже 1920–1930-х гг. оставалась пока только на бумаге, как только дело касалось реальной жизни, она рассыпалась, словно карточный домик. И юные художники не лукавили: когда их просили изобразить трактор – они исполняли просьбу, но когда речь шла о сельской местности, они рисовали то, что видели, – деревенских кобылок, запряженных в повозки.

Трактор пребывал на пьедестале недолго, только на старте сталинской модернизации. Данный старт в лице первой пятилетки, пропагандировавшей сельскохозяйственную технику, завершился сельскохозяйственной катастрофой – падением урожайности⁶ и новым голодом, в современной Украине получившим название голодомора. В последующие две пятилетки «машинный» курс советской пропаганды изменился: в середине 1930-х гг. на первое место вышла авиация, а к концу десятилетия – вся боевая техника.

---

⁶ Падение урожайности в эти годы сопровождалось ростом экспорта зерна за границу. Западные историки называют эту ситуацию в СССР «голодным экспортом».

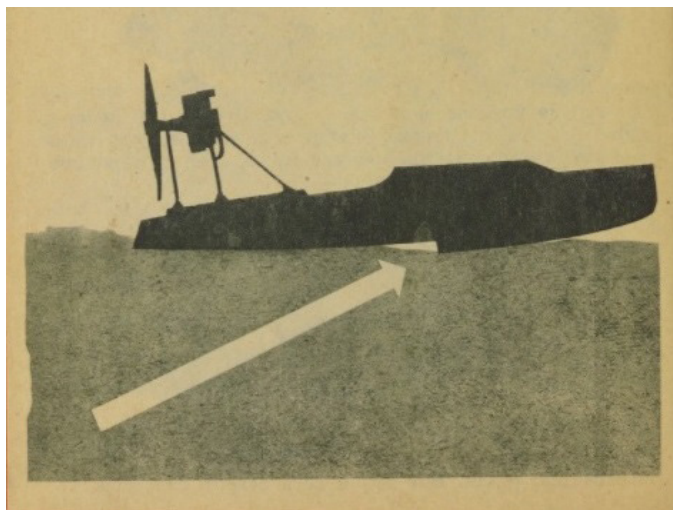
Иллюстрации к статье:
 Анна Вырупаева. Спасительный трактор: пропаганда технического прогресса в советских изданиях для детей довоенного времени
 Illustration for the article:
 Anna Vyrupaeva. The Rescue Tractor: The Propaganda of Technological Progress in Soviet Publications for Children during before the Second World War

1. Иллюстрация из книги В. Войнова «80 000 лошадей» (1925)
 Illustration from *80 000 Horses* (1925) by V. Voinov

2. Кадр из фильма Ф. Ланга «Метрополис» (1927)
 Still from *Metropolis* (1927) by F. Lang

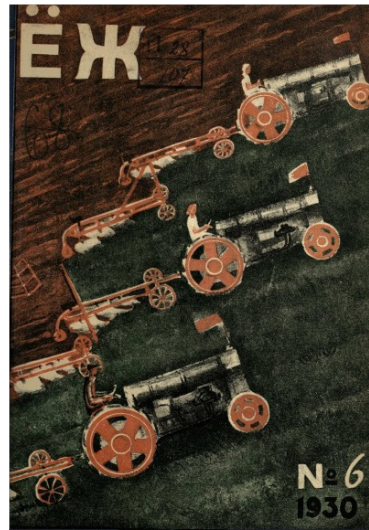
3. Глиссер. Из книги Л. Кассиля «Лодка-вездеходка» (1933)
 Speedboat. From *The Boat that Goes Everywhere* (1933) by L. Kassil

4. Иллюстрации к книге С. Маршака «Мы военные» (1938)
Illustrations for *We are the Military* (1938) by S. Marshak

5. Обложка книги Э. Александровой
«Колхозная весна» (1932)
Cover of *Kolkhoz Spring* (1932)
by E. Aleksandrova

6. Обложка журнала «Ёж» (1930)
Cover of the *Ezh* magazine (1930)

Однозначно ответить на вопрос, смогла ли сталинская пропаганда убедить «начинающих бойцов коммунизма» в своей новой созидательной силе, сложно, особенно если учесть, что подавляющая часть советских детей читала редко. Большинство юных советских граждан на тот момент были носителями деревенской культуры, для которой чтение не было занятием первой необходимости.

Список литературы

- Агнивцев Н.* О шестерых вот этих. М. : Книга, 1926. 14 с.
- Александрова Э.* Колхозная весна. М. : Молодая гвардия, 1932. 14 с.
- Войнов В.* 80 000 лошадей. Л. : ГИЗ, 1925. 12 с.
- Дейнеко О., Трошин Н.* Хлебозавод № 3. М. : Молодая гвардия, 1931. 14 с.
- Демин Ф.* Старый друг // Мурзилка. 1929. № 12. С. 20–21.
- Житков Б.* Чудаки. М. ; Л. : ОГИЗ, 1931. 16 с.
- Заявление Главлита по поводу встречающихся противоречий в оценке детской литературы со стороны комиссии по книге при Главсоцвосе и деткомиссии при ГУСе, в частности в отношении сказок «Курочка Ряба» и «Белочка» : постановление президиума Коллегии Народного комиссариата просвещения, 22 февраля 1927 г. // Открытый текст : электрон. периодич. изд. : [сайт]. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/laws/narkompros/6-ijunja-1922-5-ijunja-1931-narkompros/1927-22-fevralja-postanovlenie-prezidiuma-kolleгии-nkp-zajavlenie-glavlita-po-povodu-vstrechaju-shhihsja-protivorechij-v-ocenke-detskoj-literatury-so-storony-komissii-po-knige-pri-glavsocvose-i-detkom> (дата обращения: 15.07.2021).
- Ильин М.* Цифры-картинки // Ёж. 1929. № 10. С. 18–23.
- Ильин М.* По огненным следам // Ёж. 1930а. № 1. С. 12–17.
- Ильин М.* Новый помощник // Ёж. 1930б. № 8. С. 8–14.
- Казанский А., Клименко П.* Пятилетка в массовой методической работе // Пятилетка в массовой школе в связи с методом проектов / под ред. П. К. Шимбирева. М. : Работник просвещения, 1930. С. 4–11.
- Калинина З.* Письма из санатория. Мурзилкина почта // Мурзилка. 1929. № 12. С. 30.
- Кармен Р.* Аэросани. М. : Молодая гвардия, 1931. 32 с.
- Кассиль Л.* Лодка-вездеходка. М. : ОГИЗ, 1933. 32 с.
- Клюкова М.* Волчья песня // Мурзилка. 1929. № 12. С. 4.
- Махнаева Ю.* Про заём. Мурзилкина почта // Мурзилка. 1929. № 12. С. 30.
- Неусихин Д.* Тракторы в «стране Советов» // Ёж. 1930. № 8. С. 5–7.
- Орлов И.* Сталинская модернизация: интервью с доктором исторических наук И. Б. Орловым // Историк. 2019. № 10. С. 6–16.
- Савельев Л.* Что мы строим? Тетрадь с картинками. М. : ГИЗ, 1930. 20 с.
- Саконская Н.* Песнь о дирижабле. М. : Молодая гвардия, 1931. 15 с.
- Смирнова Т. М.* Дети страны Советов : От государственной политики к реалиям повседневной жизни. М. ; СПб. : Ин-т рос. истории РАН : Центр гуманитар. инициатив, 2015. 384 с.
- Сталин И. В.* О задачах хозяйственников : речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 года // Исторические материалы : [сайт]. URL: <https://istmat.org/node/20360> (дата обращения: 20.06.2021).
- Стучинская И.* Крылья Советов. М. ; Л. : ГИЗ, 1930. 16 с.
- Ульрих Е.* Детский сад в березовой роще. М. : Молодая гвардия, 1931. 20 с.
- Федэ А.* Хлебный человечек // Мурзилка. 1929. № 6. С. 1–3.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Пантина. М. : РОССПЭН, 2008. 336 с.
- Чалдини Р.* Психология влияния / пер. с англ. Е. Бугаева, Е. Волкова, О. Пузырева. СПб. : Питер, 2018. 480 с.

Шведер Е. Зимний наряд // Мурзилка. 1929. № 12. С. 24–25.

Шимбирева Е. Как мы работаем над пятилеткой // Пятилетка в массовой школе в связи с методом проектов / под ред. П. К. Шимбирева. М. : Работник просвещения, 1930. С. 12–24.

References

- Agnivtsev, N. (1926). *O shesterykh vot etikh* [About These Six Here]. Moscow, Kniga. 14 p.
- Aleksandrova, E. (1932). *Kolkhoznyaya vesna* [Kolkhoz Spring]. Moscow, Molodaya gvardiya. 14 p.
- Chaldini, R. (2018). *Psikhologiya vliyaniya* [The Psychology of Influence] / transl. by E. Bugaeva, E. Volkov, O. Puzyreva. St Petersburg, Piter. 480 p.
- Deineko, O., Troshin, N. (1931). *Khlebozavod № 3* [Bread Factory No. 3]. Moscow, Molodaya gvardiya. 14 p.
- Demin, F. (1929). Staryi drug [Old Friend]. In *Murzilka*. No. 12, pp. 20–21.
- Fede, A. (1929). Khlebnyi chelovechek [Bread Man]. In *Murzilka*. No. 6, pp. 1–3.
- Fitzpatrick, Sh. (2008). *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya sovetskoï Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s] / transl. by L. Pantin. Moscow, ROSSPEN. 336 p.
- Il'in M. (1930b). Novyi pomoshchnik [New Assistant]. In *Ezh*. No. 8, pp. 8–14.
- Il'in, M. (1929). Tsifry-kartinki [Numbers-Pictures]. In *Ezh*. No. 10, pp. 18–23.
- Il'in, M. (1930a). Po ognennym sledam [Following the Fire Trails]. In *Ezh*. No. 1, pp. 12–17.
- Kalinina, Z. (1929). Pis'ma iz sanatoriya. Murzilkina pochta [Letters from the Sanatorium. *Murzilka* Mail]. In *Murzilka*. No. 12, p. 30.
- Karmen, R. (1931). *Aerosani* [Aero-Sleigh]. Moscow, Molodaya gvardiya. 32 p.
- Kassil', L. (1933). *Lodka-vezdekhodka* [The Boat that Goes Everywhere]. Moscow, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv. 32 p.
- Kazanskii, A., Klimenko, P. (1930). Pyatiletka v massovoi metodicheskoi rabote [The Five-Year Plan in Mass Methodical Work]. In Shimbirev, P. K. (Ed.). *Pyatiletka v massovoi shkole v svyazi s metodom projektov*. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, pp. 4–11.
- Klokov, M. (1929). Volch'ya pesnya [Wolf Song]. In *Murzilka*. No. 12, p. 4.
- Makhnaeva, Yu. (1929). Pro zaem. Murzilkina pochta. [About the Loan. *Murzilka* Mail]. In *Murzilka*. No. 12, p. 30.
- Neusikhin, D. (1930). Traktory v "strane Sovetov" [Tractors in "the Land of the Soviets"]. In *Ezh*. No. 8, pp. 5–7.
- Orlov, I. (2019). *Stalinskaya modernizatsiya. Interv'y u doktorom istoricheskikh nauk I. B. Orlovym* [Stalinist Modernisation. Interview with Dr. Hab. I. B. Orlov (History)]. In *Istoriik*. No. 10, pp. 6–16.
- Sakonskaya, N. (1931). *Pesn' o dirizhable* [The Song of the Dirigible]. Moscow, Molodaya gvardiya. 15 p.
- Savel'ev, L. (1930). *Chto my stroim? Tetrad' s kartinkami* [What Are We Building? A Workbook with Pictures]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 20 p.
- Shimbireva, E. (1930). Kak my rabotaem nad pyatiletkoi [How We Are Working on the Five-Year Plan]. In Shimbirev, P. K. (Ed.). *Pyatiletka v massovoi shkole v svyazi s metodom projektov*. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, pp. 12–24.
- Smirnova, T. M. (2015). *Deti strany Sovetov. Ot gosudarstvennoi politiki k realiyam povsednevnoi zhizni* [Children of the Land of the Soviets. From State Policy to the Realities of Everyday Life]. Moscow, St Petersburg, Institut rossiiskoi istorii RAN, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 384 p.
- Stalin, I. V. (1931). O zadachakh khozyaistvennikov: rech' na Pervoi Vsesoyuznoi konferentsii rabotnikov sotsialisticheskoi promyshlennosti, 4 fevralya 1931 goda [Speech at the First All-Union Conference of Workers of Socialist Industry, 4 February 1931]. In *Istoriicheskie materialy* [website]. URL: <https://istmat.org/node/20360> (accessed: 20.06.2021).

Stuchinskaya, I. (1930). *Kryl'ya Sovetov* [Wings of the Soviets]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 16 p.

Sweder, E. (1929). Zimnii naryad [Winter Dress]. In *Murzilka*. No. 12, pp. 24–25.

Ulrich, E. (1931). *Detskii sad v berezovoi roshche* [The Kindergarten in the Birch Grove]. Moscow, Molodaya gvardiya. 20 p.

Voinov, V. (1925). *80 000 loshadei* [80,000 Horses]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 12 p.

Zayavlenie Glavlita po povodu vstrechayushchikhsya protivorechii v otsenke detskoj literatury so storony komissii po knige pri Glavsotsvose i detkomissii pri GUSE, v chastnosti v otnoshenii skazok “Kurochka Ryaba” i “Belochka”. Postanovlenie prezidiuma Kollegii Narodnogo komissariata prosveshcheniya, 22 fevralya 1927 g. [Statement of the Glavlit Concerning the Contradictions Encountered in the Evaluation of Children's Literature by the Book Commission at Glavsotsvos and the Children's Commission at GUS, with Particular Regard to the *Ryaba the Hen* and *Little Squirrel* Fairy Tales. Resolution of the Presidium of the Board of the People's Commissariat for Education, 22 February 1927]. (1927). In *Otkrytyi tekst. Elektronnoe periodicheskoe izdanie* [website]. URL: <http://opentextnn.ru/censorship/russia-after-1917/laws/narkompros/6-ijunja-1922-5-ijunja-1931-narkompros/1927-22-fevralja-postanovlenie-prezidiuma-kollegii-nkp-zajavlenie-glavlita-po-povodu-vstrechajushhihsja-protivorechij-v-ocenke-detskoj-literatury-so-storony-komissii-po-knige-pri-glavsocvose-i-detkom> (accessed: 15.07.2021).

Zhitkov, B. (1931). *Chudaki* [Eccentrics]. Moscow, Leningrad, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv. 16 p.

The article was submitted on 17.11.2020

**Доброта и озорство:
аксиология восприятия советской мультипликации***

Якуб Садовский

Ягеллонский университет,
Краков, Польша

**Goodness and Mischief:
On the Axiology of Perception of Soviet Animation**

Jakub Sadowski

Jagiellonian University,
Krakow, Poland

This article examines the basic categories that serve to verbalise memories of Soviet animation in the biographical experience of the generation born in the 1960s-1970s. The participants' childhood and personal development coincide with the functioning of the aesthetic model of Soviet animation established by the end of the 1960s and slowly evolving until the mid-1980s. To collect qualitative data, the author conducted field research using a focused in-depth interview method. Among the main figures describing Soviet animation, the respondents most frequently mention the concepts of 'goodness' (*Rus. dobrota*) and 'mischief' (*Rus. ozorstvo*). The interviewees mention the word 'goodness' in the line of associations with the word 'cartoon' while the word 'mischief' emerges as a category of description of cartoon characters. The 'goodness' in the memories shared by the respondents is understood not in the behavioural but in the axiological sense of the word. The word 'dobryi' is used more often in the meaning of 'doing good' than 'kind'. 'Mischief', instead of being antithetical to the notion of 'goodness', is a specific addition to it, being a concept realised through different linguistic means. With all the ritualisation of the forms of authoritative discourse represented in cartoon subjects, the concepts of 'goodness' and 'mischief' are evidence of a particular semiosis. Within it, notions of authority and norms do not become symbols of values in themselves, but only participate in the construction of signs referring to positively perceived values.

Keywords: animation, cartoons, memory, axiology, USSR

---

* *Citation:* Sadowski, Ja. (2022). Goodness and Mischief: On the Axiology of Perception of Soviet Animation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 558–576. DOI 10.15826/qr.2022.2.688.

Цитирование: Sadowski Ja. Goodness and Mischief: On the Axiology of Perception of Soviet Animation // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 558–576. DOI 10.15826/qr.2022.2.688 / Садовский Я. Доброта и озорство: аксиология восприятия советской мультипликации // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 558–576. DOI 10.15826/qr.2022.2.688.

Исследуются основные категории, служащие вербализации воспоминаний о советском анимационном кино в биографическом опыте поколения, родившегося в 1960–1970-е гг. Время детства и личностного становления участников исследования совпало с функционированием эстетической модели советской мультипликации, установившейся к концу 1960-х и медленно эволюционировавшей до середины 1980-х гг. Для сбора качественных данных были проведены полевые исследования, в ходе которых использовался метод углубленного интервью. Установлено, что среди основных фигур описания советского мультфильма в памяти респондентов выступают прежде всего понятия «доброта» и «озорство». «Доброта» всплывает уже на уровне ассоциативного ряда со словом «мультик», «озорство» же возникает как категория описания мультипликационных героев. «Доброе» в разделяемом респондентами универсуме памяти понимается не в поведенческих, а в аксиологических значениях, присущих этому прилагательному. Слово «добрый» употребляется чаще в значении «творящий добро», чем «приветливый». «Озорство», в свою очередь, представляет собой концепт, реализуемый разными языковыми средствами и выступающий не противоположностью понятия «доброта», а его специфическим дополнением. При всей ритуализации форм авторитетного дискурса, имевшей свои репрезентации в мультипликационных сюжетах, понятия «доброта» и «озорство» являются свидетельствами специфического семиозиса. В его рамках понятия авторитета и нормы сами по себе не становятся обозначениями ценностей, а лишь участвуют в формировании аксиологических представлений.

Ключевые слова: мультипликация, анимация, память, аксиология, СССР

«Неправильно ты, дядя Федор, бутерброд ешь. Ты его колбасой кверху держишь, а надо колбасой на язык класть – так вкуснее получится...» («Трое из Простоквашино») – эту классическую реплику кота Матроскина можно прочитывать как проявление абстрактного юмора, а также юмора, основанного и на столкновении художественного образа и социального контекста. Сидя у телевизора, родители и дети 1980-х смеялись над одной и той же фразой по несколько разным причинам. Детское восприятие констатировало ситуативный юмор происходящего (кот предлагает есть бутерброд «навыворот», то есть с ярким нарушением известной нормы), зрелый же зритель мог улыбаться образу мечты о наслаждении дефицитным товаром.

Сегодня нет возможности точно воспроизвести модель восприятия мультипликационных сюжетов детьми в СССР, и уж тем более восстановить модель детского сознания. По объективным причинам нет доступа к такому сознанию, которое сформировалось бы как детское при Советском Союзе и в состоянии, не тронутом «взрослыми» переосмыслениями, поддавалось бы анализу на правах артефакта¹.

¹ Даже если в телевизионных архивах сохранились детские письма советского периода по поводу увиденных мультфильмов (направленные, например, в редакцию детских передач), они представляют собой примеры не сознания как такового, а его одноразовой проекции.

Индивидуальным и коллективно-дискурсивным переосмыслением отдельных сюжетов (в реалиях трех последних десятилетий советской истории транслировавшихся прежде всего по телевидению) способствовали и их относительно небольшое число (за советскую историю популярнейший мультфильм «Ну, погоди!» дождался всего 16 выпусков), и связанная с этим их повторяемость. К тому же советская мультипликационная классика никогда не переставала транслироваться в более позднюю эпоху, наоборот – стала общедоступной и независимой от телевизионного сигнала в реальном времени. Кроме того, многие сегодняшние реципиенты воспринимают известные им сюжеты с позиции родителей или дедов, а значит, «просвещенных» зрителей. По этим причинам сегодняшнее восприятие анимационных сюжетов и образы, активируемые в памяти в результате различных отсылок к миру советской анимации, неизбежно далеки от детских схем их восприятия времен «советского детства».

Методы исследований памяти (*memory studies*) делают возможным доступ к опосредованному отрефлексированному сегодняшнему восприятию наблюдаемого, увиденного и пережитого в детстве или подростковом возрасте в ту эпоху. И дают понять, насколько существенны социальные контексты восприятия мультипликационного сюжета. Так, углубленное интервью² позволяет услышать о коте Матроскине, что он «на поколение повлиял, на многих повлиял, потому что то, что он говорит, его текст – это стало крылатыми выражениями. [Например:] “Мои документы – это уши, лапы, хвост”»³ (интервью с Е. К.). Респондент, чье детство пришлось на ранние 1980-е, говорит:

Мне кажется, что даже до того, как мне его показали, в семье какие-то фразы звучали типа «колбасой на язык бутерброд». Во всяком случае, они были у всех, были всегда, и не потому, что я маленькая была, а [потому] что все любили смотреть (интервью с В. М.).

Заметим, что эти высказывания свидетельствуют о наличии заметного пласта дискурсивных практик, завязанных не только на знании простоквашинского универсума, но и на прагматическом соотношении участником дискурса элементов этого универсума с элементами социальной реальности. Достаточно вспомнить сцену, в которой Матроскин выкрикивает почтальону Печкину чуть искаженную памятью респондента фразу: «Усы, лапы, хвост – вот мои документы!» («Каникулы в Простоквашино»). Почтальон отказывается выдать Матроскину посылку в связи с отсутствием у кота паспорта гражданина СССР, хотя и не сомневается в личности адресата.

² Описание исследования см. ниже.

³ Ср. реплику Матроскина: «Усы, лапы, хвост – вот мои документы» («Каникулы в Простоквашино»).

Для юмористического восприятия ситуации нужно наличие в сознании социальных практик, в рамках которых формальное удостоверение личности имеет большой вес. В реалиях социумов, где такие практики сведены к минимуму, ситуация смотрелась бы менее смешной или же просто оставалась бы непонятной.

Такие фразы, как «колбасой на язык бутерброд класть» или «мои документы – уши, лапы, хвост», пусть и не являющиеся точными цитатами из реплик Матроскина, запечатлены в памяти зрителей советского телевидения как иллюстрации соотношения художественного и социального миров, как художественные комментарии к социальному миру, наконец, как воспоминание о содержании дискурсивных практик в семье или в кругу друзей. А значит, являются носителями воспоминаний как о самом «Простоквашино», так и о реальности, в которой происходило восприятие трилогии по сюжетам Успенского («Трое из Простоквашино», «Каникулы в Простоквашино», «Зима в Простоквашино»). Они являются носителями смыслов, хранящимися в резервуаре памяти, с помощью которых выстраиваются образы, относящиеся, в свою очередь, к опыту индивидуального участия в социальном мире. Таким способом простоквашинские фразы приобретают статус, обозначаемый П. Бергером и Т. Лукманом как лингвистическая объективация повседневной жизни. «Повседневная жизнь, – пишут ученые, – это жизнь, которую я разделяю с другими посредством языка». И заключают: «понимание языка существенно для понимания реальности повседневной жизни» [Бергер, Лукман, с. 65]. «Исследование памяти, – пишет, в свою очередь, В. Хлебда, – возможно постольку, поскольку оно является исследованием языка, применяемого для объективации этой памяти, и эффективно в такой степени, в какой мы учитываем тот факт, что вербализация может с собой нести (и неизбежно несет) сокращения, конвенционализацию, стереотипизацию и другие деформации исходного содержания»⁴ [Chlebda, s. 115]. Воспоминания о мультфильмах советского времени, хоть и искаженные сегодня десятилетиями переосмыслений, все-таки активизируют и выводят на поверхность те образцы языковой деятельности и дискурсивных практик, которые находятся в резервуаре памяти респондентов. Конечно же, воспоминания – это не только крылатые фразы. Это и запечатленные в памяти образы, их социальный и биографический контекст, а также языковые средства, служащие их вербализации и свидетельствующие о способах их осмысления.

Мы поставили перед собой задачу исследовать ключевые единицы понятийного аппарата, служащего вербализации воспоминаний о советском анимационном кино в биографическом опыте тех участников сегодняшней русской культуры, личностное становление которых происходило в реалиях постоянного присутствия советских мультфильмов в эфире советского же телевидения. По времени эти реалии

---

⁴ Здесь и далее перевод автора статьи.

совпали с периодом эстетической модели советской мультипликации, установившейся к концу 1960-х гг. и медленно эволюционировавшей до середины 1980-х. Интересующая нас группа участников русской культуры частично совпадает с «последним советским поколением» в трактовке А. Юрчака, то есть с поколением тех, кто вырос в период «перформативного сдвига» советской культуры. Под перформативным сдвигом понимается дискурсивный феномен позднего социализма: в «авторитетном дискурсе» его «перформативная составляющая... в большинстве контекстов становилась все важнее, а констатирующая составляющая, напротив, постепенно уменьшалась или становилась неопределенной» [Юрчак, с. 73]. Именно в таких категориях ученый описывает скачок ритуализации языка и общественных практик в СССР брежневского (в основном) времени, отображающийся не только в идеологическом и властном дискурсе, но и «в визуальных образах... в структуре ритуалов... в формальных структурах повседневной жизни» [Там же, с. 74]. «Благодаря повсеместному участию большинства советских людей в воспроизводстве ритуализованных актов и высказываний авторитетного дискурса, – пишет ученый, – выработывалось ощущение того, что система монолитна, неизменна, вечна» [Там же, с. 79]. Для автора процитированных слов этот тезис служит объяснением собранного им самим материала, фиксирующего восприятие (вплоть до середины 1980-х гг.) советской системы живущими в ее рамках людьми как статичной, застывшей, вечной. Нам же он важен постольку, поскольку в интересующий нас период статус ритуализированного акта носил и вечерний просмотр детьми (и взрослыми с детьми) мультфильмов (на языке детей – «мультиков») согласно графику, установленному сеткой вещания советского телевидения. А значит, свойственное миропониманию ребенка убеждение о заданности и вечности окружающих его общественных институтов совпадает и по времени, и – в определенной степени – по содержанию с «взрослым» мироощущением, характерным для культурной модели брежневской (условно говоря) эпохи.

Для сбора качественных данных в 2019–2020 гг. были проведены полевые исследования методом углубленного интервью с 29 респондентами – представителями русской культуры, смотревшими с детского возраста мультфильмы на советском телевидении. Среди них оказалось 16 женщин и 13 мужчин, рожденных между 1960 и 1984 гг., живущих ныне как в России (25 респондентов), так и в странах бывшего СССР (2) и дальнего зарубежья (2). Жители других стран, чем Россия, были включены в исследование для уточнения обусловленности содержания воспоминаний участием в современных культурных практиках.

* * *

Обратимся к деталям художественного мира цикла мультипликационных фильмов о Простоквашино. Знакомься с Матроскиным,

дядя Федор сразу же делится с ним бутербродом – тем самым, которому подобает попадать в рот «колбасой вниз». Кот жалуется на ремонт чердака, где обитает, и его собеседник тут же предлагает ему переезд в его квартиру. Мама дяди Федора категорически против животного (папа, который за, слышит классическое «или он, или я»), что, собственно, и провоцирует побег героев в Простоквашино. Объясняясь родителям в прощальном письме, дядя Федор заверяет их в своей любви. Мама, конечно же, осознавая силу любви сына к животным, в конце концов меняет мнение по поводу их присутствия. С этого момента в любой из частей трилогии зрителю преподносятся сцены нежности мамы по отношению как к сыну, так и к его лохматым друзьям (ил. 1 на цв. вклейке). Такие элементы художественного мира однозначно описываются с помощью категории «доброта», которая и становится фигурой восприятия всей советской детской анимации вообще чуть ли не у всех наших собеседников.

«Доброта» в рассказах наших респондентов всплывает уже на уровне ассоциативного ряда со словом «мультик». «Добрые советские мультики. Я на них выросла, я их вспоминаю», – отзывается одна из собеседниц на вопрос о таких ассоциациях и тут же признается, что все ценимые ею «добрые советские мультики» она сознательно показывала своему ребенку (интервью с Е. Л.). Другой участник исследования заявляет:

Что мне сейчас, с моим возрастом, нравится в советских фильмах и не нравится в мультфильмах свежих – я, если вижу советский, даже если не смотрел, я знаю – я могу его спокойно ставить ребенку, там не будет никаких плохих выражений, сленговых выражений, и никто никого не будет мучить, убивать, никакого негатива. То есть советский фильм нес позитив и что-то хорошее и доброе (интервью с С. А.).

У собеседников, воспитывающих детей, мультик советского времени вызывает ассоциацию именно с процессом воспитания, а также с содержанием, которое ему способствует. В этом контексте разговор о советском мультфильме зачастую уходит в русло рассуждений о нравственности. «Все эти заповеди в основном, – говорит один из респондентов, – то есть “не убей”, “не укради” и “будь нормальным”, наверное, действовали на советских детей через мультики – добрые, безо всякой борьбы» (интервью с А. Д.).

В восприятии всех наших респондентов доброта является отличительной чертой именно советского мультика – в этом плане зачастую ему противопоставляется американская и японская анимационная кинопродукция. Правда, вразрез с тезисом о советском мультфильме как о носителе исключительно добрых сюжетов, «без никакого негатива», происходит осознание факта, что сюжетная линия сегодняшней иконы анимации – «Ну, погоди!» – основана на постоянном противостоянии (скорее архетипическом или прямо-таки генетическом,

чем вызванном нечаянным гашением Зайцем волчьей папиросы в первой серии). Многие собеседники проецируют на всю сюжетную линию те эпизоды, когда противостояние между героями притихает, заменяясь сотрудничеством. Наш собеседник говорит:

Было показано, что если совсем край, если совсем тупиковая ситуация, то уже не будут думать, кто кого съест, кто от кого убежит, а они вдвоем будут выживать. Это схема Крайнего Севера (интервью с А. Д.).

Другой респондент сообщает:

Почему-то от выпуска к выпуску Волк и Заяц воспринимались скорее как друзья – когда Заяц мог помочь Волку в каких-то ситуациях, когда Волк попадал в безвыходную ситуацию. Да и Волк, по большому счету, помогал Зайцу (интервью с Ю. Д.).

Это высказывание позволяет сформулировать предположение, что эпизоды сотрудничества между антагонистами влияли на детское восприятие статуса их отношений (ил. 2 на цв. вклейке).

Согласно восприятию респондентов, кроме доброты, советскому мультику характерны замедленность, вальяжность разворачивающихся сюжетов, в то время как западному или японскому анимационному кинематографу присущ «экшн». В этом плане «Ну, погоди!» кажется исключением из правил, хотя далеко не все готовы назвать его нетипичным представителем своего класса – таким, как в комментарии одной собеседницы:

Наверное, из всех мультиков, которые считаются хитами советской мультипликации, он самый непохожий – все-таки был сделан по кальке, просто нужен был «наш ответ Чемберлену». И он совсем другой, он не похож на другие мультики. Ну, наверное, поэтому он был таким популярным (интервью с Ю. Ц.).

Представление об особости истории про Волка и Зайца на фоне всей другой советской анимации находит имманентное подтверждение в ряде интервью, где основная сюжетная линия сериала Вячеслава Котеночкина предстает как «догонялка» – респонденты констатируют простой, схематичный, легко угадываемый сюжет. Один из них говорит:

В этом смысле «Винни-Пух» или «Простоквашино» были интереснее. Там, если не досмотрел до конца, не было понятно, чем это кончится. А в «Ну, погоди!», с..., все понятно, как и в любой серии «Том и Джерри». Все выживут (интервью с И. Р.)⁵.

---

⁵ Из цитат мы не убираем средств языковой экспрессии, являющихся интегральным элементом пересказа восприятия респондентами объекта воспоминаний.

«Том и Джерри» – как раз оригинал той самой «кальки», которая упоминалась предыдущим собеседником. Вторичность советского мультипликационного сериала по отношению к американскому подчеркивается в ряде интервью, а в ряде случаев «Том и Джерри» оказывается фигурой описания «Ну, погоди!». Отметим сразу, что это, безусловно, фигура отрефлексированного восприятия – абсолютное большинство респондентов заявляют, что их знакомство с феноменом западного мультфильма произошло не раньше, чем в конце 1980-х, когда американская продукция появилась на экранах телевизоров⁶.

В противостоянии Зайца и Волка респондентами всегда прочитывается аксиологический конфликт. Но довольно редко он определяется как конфликт добра и зла – большинство наших собеседников сходятся на том, что полюсами дихотомии здесь выступают «правильность» и «неправильность». В отрефлексированном восприятии центрального конфликта всякий раз отображается осознание того, что среди зрителей как Заяц, так и Волк имели своих сторонников и «болельщиков». Отображается и память о том, «за кого» был каждый из наших рассказчиков, а также то, что другие могли быть и «за этого другого». Собеседница вспоминает:

Все любят Волка. Сколько ни читала, для меня было удивительно, что все любят Волка, все ему сочувствуют. А я была такая вот отличница, я любила Зайца. Надо же быть хорошим (интервью с Н. Б.).

В то же время «правильность» Зайца многими отмечалась как менее привлекательная в сравнении с «неправильностью» его антагониста.

Наверное, Волк мне больше нравился, чем Заяц. Наверное, потому, почему и Хрюша [из «Спокойной ночи, малыши!】. Заяц, с..., правильный. Неинтересно, скучно (интервью с И. Р.).

Аксиологическое противостояние героев имеет и эстетический аспект: когда один из них предстает реципиенту как одетый подобающе официальным стандартам советского общества, второй явно нарушает официальный дресс-код:

Он крутой, у него такие брюки клеш, папироса там, все такое... [а] Заяц такой пионер в шортиках. <...> Правильность – это, я думаю, синоним слова «пионер». Он такой Мальчиш-Кибальчиш немножко (интервью с Е. К.).

И здесь, и в других интервью «пионерскость» явно выступает при этом как фигура «детской правильности». Мальчиш-Кибальчиш же

---

⁶ Для некоторых, однако, момент знакомства с западной анимацией связан с воспоминаниями о закрытых кинопоказах. В части случаев как фигуры памяти тут же всплывают билеты, полученные «по блату».

если возникает в ходе рассказа, то как фигура «детской правильности», доведенная (и в тексте Гайдара [Гайдар], и в мультфильме по нему) до предела, до «какого-то пафоса» (интервью с Ю. Д.).

Однако не так уж и многие фильмы из репертуара советской детской мультипликации запомнились нашим собеседникам своим пафосом. В скорее камерной, чем пафосной анимационной эстетике, установившейся к концу 1960-х, «правильность» была всегда легко опознаваемой и соотносимой с социальными шаблонами нормативного поведения, «неправильность», однако, редко приобретала облик абсолютного зла⁷. Она, напротив, приобретала черты, привлекающие внимание реципиента, становясь своеобразной «доброй неправильностью». «Доброй» – ибо сулящей перевоспитание:

Что всегда еще привлекало в этих персонажах, [так это] то, что они неправильные, не до конца правильные. Ведь Мальчиш-Кибальчиш – он правильный. А эти – они такие озорники, они могут плохо себя вести, они могут... озорничать, нехорошо поступать. Потом они, конечно, исправляются, извиняются, но это всегда сериал с продолжением. Почему, допустим, в «Спокойной ночи, малыши» любимый персонаж был Хрюша? Потому что Хрюша всегда озорничал. И почти каждый выпуск вот этой передачи, «Спокойной ночи, малыши», заключался в том, что Хрюша делал что-нибудь неправомерное, что-нибудь противозаконное, дальше ему остальные зверята и ведущая объясняли, что это нехорошо, а Хрюша говорил, что железно он никогда так делать не будет, но это шло из выпуска в выпуск. Помню, что даже появился какой-то такой анекдот, как у Хрюши нашли наркотики. Он сказал, что больше не будет (интервью с Ю. Д.).

Образы нарушения социальных норм могли быть привлекательными с эстетической точки зрения, приковывающими внимание в сюжетном плане, или просто сопровождаться нарративной перспективой, обеспечивающей «неправильному» герою сопереживание реципиента. И все же в рассказах не всплывают воспоминания о желании следовать примеру Волка из «Ну, погоди!» или других героев, совершающих поступки, подлежащие осуждению. «Мы смотрели с удовольствием мультики, – говорит респондентка, представив список своих любимых анимационных “хулиганов”, – но повторяют

---

⁷ Настолько редко, что представителям официальных эстетических и поведенческих канонов можно было иногда предпочитать не только амбивалентных и поддающихся перевоспитанию героев мультиков, но и традиционно отрицательных персонажей сказок. Ср., например, фрагмент высказывания, последовавшего за вопросом о старухе Шапокляк: «У меня была подружка Баба-яга в детстве, которая реально писала мне письма, я получал их в почтовых ящиках, вытаскивал и читал. И у меня все негативные герои были... были моими героями. Волк, змей Горыныч, Баба-яга. Я был на их стороне – на темной стороне. Ну, а эти – они такие вот пионеры... [Правильные герои мне] не нравились. Все это ассоциировалось с советским строем, что все ходят строем, что в школе вот эти линейки, пионерские галстуки, звездочки. А тут – вроде какое-то нарушение порядка. <...> То есть какое-то хулиганство» (интервью с О. В.).

шалости в голову не приходило» (интервью с И. З.). Эта перспектива находит подтверждение в большинстве интервью – как тех наших рассказчиков, которые отвергали отрицательных персонажей, так и тех, кто ими увлекался.

Советская анимация создала немало «хулиганов», которые либо перевоспитываются, либо подают надежды на перевоспитание. Так, моменты просветления (особенно в рамках условной «схемы Дальнего Севера») бывают у Волка, так или иначе наказуемого за глумление над Зайцем. Старуха Шапокляк в состоянии не только передать Чебурашке письменную декларацию «Я больше не буду» (мультфильм «Крокодил Гена»), но и всерьез объединиться с ним и с Геной в борьбе против браконьеров («Шапокляк»). Особо отметим случай, когда герой озорничает, шалит, явно игнорируя общепринятые нормы поведения, и при этом в фильме не возникает фигура ни перевоспитания, ни наказания, ни покаяния, ни просветления. Это случай Карлсона из мультипликационной дилогии Бориса Степанцева.

Статус этого героя как озорника не подлежит сомнению. Неправомерность его действий налицо: это и подстрекательство к нарушению родительских запретов, и поведение, нарушающее нормы пусть и не названные, но воспринимаемые как очевидные. Нарративная перспектива построена, однако, таким образом, что действия героя воспринимаются через призму психологических состояний Малыша. В этом ракурсе Карлсон – сказочный ответ детскому одиночеству. Свидетельством рецепции этого ответа является концепт «Доброта», вписывающийся в воспоминания о мультфильме:

Да, действительно, этот странный персонаж... который улетел, но обещал, что скоро вернется, – он очень позитивный, и он брал со стороны старшего поколения вот такую кумуляцию доброты, странности, «а давай немножко пошалим» – потому что в советском обществе пошалить было очень странно, а вот он шалил (интервью с А. Д.).

Если Волк может привлекать как озорник, хотя сами его хулиганские проступки восхищения не вызывают, то с Карлсоном дело обстоит иначе. На вопрос, не смущало ли реципиентов озорство Карлсона, можно услышать ответ: «Наоборот, вдохновляло» (интервью с Е. К.). По свидетельству одной из собеседниц, образ нарушения запретов – и, например, безнаказанного поедания варенья целыми банками (ил. 3 на цв. вклейке) – в детском восприятии активировал представление об осуществлении желаний, по определению неосуществимых в реальном мире:

Я в детстве очень любила поесть. И была толстенькая. И мне говорили: «Ирочка, хватит кушать. Будешь толстая – над тобой будут смеяться». Мне было, наверное, лет семь, лет восемь. Я, отходя ко сну, представляла себе добрый мир, где мне можно будет есть столько, сколько хочется, и никто не будет надо мной смеяться (интервью с И. З.).

Если сопоставить восхищение респондентки шалостями Карлсона с ее же заверением «мы смотрели с удовольствием мультики, но повторять шалости в голову не приходило», налицо будет карнавальный эффект: временное контролируемое нарушение правил ведет к их упрочению, укрепляя их легитимность, представляя собой, по словам У. Эко, авторизованную трансгрессию [Есо, р. 6]. Так происходит благодаря особому «мультиашному» статусу происходящего, предполагающему элементарное осознание условности сюжета и его отделения от «реальной» «объективной» социальной жизни⁸. В контексте карнавальной функции Карлсона-персонажа отметим еще, что свидетельствует о ней и процитированное чуть ранее замечание респондента А. Д. о том, что «в советском обществе пошалить было очень странно, а вот он шалил» – с тем лишь различием по отношению к словам И. З., что в них воспроизводится содержание детского восприятия, в то время как у А. Д. формулируется восприятие, от-рефлексированное и осмысленное «по-взрослому».

В разговоре с И. З. функционально аналогичной образом пристрастия Карлсона к варенью предстает сцена визита к Кролику в фильме «Винни-Пух идет в гости», в которой обжорство Пуха лишает хозяйина всех запасов меда и сгущенки. Эту сцену собеседница признает классической, тут же воспроизводя реплики Кролика, подражая его голосу и интонации. Далее, вспоминая свое детское восхищение, комментирует ее следующими словами:

Я была очень воспитанным ребенком, чрезвычайно воспитанным. В гостях с раннего детства меня вообще ставили в пример, как я культурно себя веду и ем вилочкой и ножичком. Но в подсознании, я думаю, озорство в любом ребенке сидело. Но это не имело влияния на поведение в жизни (интервью с И. З.).

Об этой же сцене другая собеседница говорит: «Это как раз из серии, когда вызывает смятение, когда хорошие начинают себя вести как-то не по заданному сценарию». И тут же относит главного героя к персонажам-озорникам: «Вот пример того, что герой-то неоднозначный, но вызывает очень сильную симпатию, как и Карлсон» (интервью с Н. Б.). И если А. Д. описывал Карлсона, прибегая одновременно к понятиям «доброта» и «шалость», то Н. Б. в своем высказывании о Винни-Пухе фактически повторяет эти характеристики, трансформируя их стилистически и называя героя «добрым расп...дзем» (интервью с Н. Б.). В случае со сценой с Винни-Пухом, Пятачком и Кроликом «карнавальная» трактовка вполне может уступить другой, представленной хотя бы в следующих словах:

---

⁸ Такому восприятию способствует мультипликационная техника, уходящая от реализма к символу, преподносящая реципиенту метазнаки – знаки знаков, «изображения изображений» [Лотман, с. 142].

Мне и тогда казалось, что Кролик – он же мог отказаться. Винни-Пух говорит: «А у вас еще что-нибудь осталось?»⁹ А Кролик всегда может сказать: «Нет, у меня ничего не осталось». Но он говорит: «Вот, пожалуйста, еще мед» (интервью с Е. С.).

Из этой цитаты проглядывает другая стратегия осмысления художественной ситуации – стратегия социального приспособления, причем не в пользу «правильности», так как она подразумевает сознание относительности некоторых норм (в данном случае нормы «врать плохо»). Хоть Винни-Пух и наказан за обжорство застреванием в дверях хозяина, сам хозяин явно не в выигрыше от своих действий. Хозяин же легко опознается как крайний представитель «детской правильности», отнюдь не привлекательной. Обратим внимание на сопоставление нашей собеседницей персонажей Кролика и Пятачка:

Пятачок – он весь из себя такой правильный, такой весь из себя альтруист, такой весь для других. Помогает, все старается, все через ж., но неважно – старается. Кролик был правильнее Пятачка. Уже был ненастоящий какой-то. Пятачок – добрый правильный пионер, зайчик из «Ну, погоди!». Но он как-то поживее, Кролик совсем нарисованный (интервью с Н. Б.).

Оказывается, что чем ближе персонаж к эталону «правильности», тем в меньшей степени он привлекателен. В воспоминаниях респондентов об их же восприятии мультипликационных образов моменты нарушения нормы зачастую оказываются интереснее, чем олицетворение самой нормы (ил. 4 на цв. вклейке). Речь идет, однако, об образах нарушения нормы, запечатленных в поздней советской мультипликационной эстетике. Среди респондентов не нашлось никого, кого привлекало бы хоть в какой-то мере поведение Мальчиша-Плохиша из «Сказки о Мальчише-Кибальчише», но мультфильм Александры Снежко-Блоцкой 1958 г. хоть и экспериментален в визуальном плане, в плане сюжетном принадлежит еще эстетике социалистического реализма. Иначе с «Мойдодыром» Ивана Иванова-Вано. Некто из наших респондентов, уничижительно отзываясь о нем как о представителе «старых мультфильмов», отмечает, что «там тоже какие-то такие дети правильные, и такими оперными голосами они поют» (интервью с Е. С.). Но даже те, кто не отвергают столь решительно эту «правильность», подчеркивают скорее свое согласие с нормой, чем положительное отношение к героям. «Я точно знала, что я не грязнуля, и я точно такой не буду. Что я чистюля, что я буду соблюдать все правила гигиены, и это не про меня точно», – вспоминает наша собеседница, не упоминая при этом детали ни мультипликационного сюжета, ни его литературного первоисточника (интервью с Е. Л.).

---

⁹ Ср. реплику Винни-Пуха: «А разве еще что-нибудь есть?» («Винни-Пух идет в гости»).

Эстетика, свойственная советской детской анимации конца 1960-х, 1970-х и 1980-х, с ее стратегией транслировать норму в зеркале ее нарушения, оказалась в случае участников нашего исследования привлекательной, сама же стратегия – вполне эффективной. Таким образом транслировались в основном нормы, которые можно назвать базовыми, универсальными, общими для символических универсумов культур, функционировавших в Советском Союзе. Кроме трансляции базовых социальных установок, художественные стратегии мультфильмов побуждали к эмпатии, вовсе при этом не ставя акцент на чем-либо или каком-либо абсолютном авторитете¹⁰. Ни один из наших респондентов не припоминает в сюжетах детской анимации данного периода какие-либо политизированные моменты или эпизоды, которые можно отнести к официальной идеологической сфере¹¹. «Советские мультики были очаровательны тем, что в них не было идеологии. Вот везде она была, а в мультиках ее не было. Был воспитательный момент, несомненно, но без прямого назидания», – вспоминает респондентка И. З.; очень похожая мысль звучит и в высказываниях других участников исследования.

В советской анимации сюжет непонятных родителям детских эмоций и желаний, ощущаемого детьми одиночества или отчуждения всякий раз приводил к положительной развязке – свою позицию меняли родители. Так происходило в диалогии о Малыше и Карлсоне, в мультфильмах из цикла о Простоквашино, в классической «Варежке» Романа Качанова. Во всех этих произведениях хоть и не оспаривается авторитет родителей как «законодателей семейной жизни», все же именно они идут на уступки, учась сочувствовать ребенку. Детская перспектива становится определяющей в построении нарративной перспективы фильма, родительские же действия в восприятии наших собеседников описываются как шаблонные. Один из респондентов говорит:

В этом замечательном мультике поведение родителей – это как бы шаблон поведения советских родителей, запрограммированных людей, которые пытаются объяснить своему сыну, как нужно правильно жить (интервью с А. Д.).

Из собранного по этому поводу материала мы приведем еще более яркое аналитическое высказывание:

---

¹⁰ «В анимации этого периода, – отмечает Т. О. Лефман, – ценность личности с ее глубинными переживаниями выходит на передний план повествования, ценность коллективного нивелируется, ребенок представлен ценностью саморефлексии и неколлективных дружеских отношений» [Лефман, с. 141].

¹¹ В разговоре ни с одним респондентом не всплывают воспоминания о мультфильмах, транслирующих официальную политическую мифологию – таких как хотя бы «Аврора» Романа Качанова. Интересно, что даже в воспоминаниях о более ранней «Сказке о Мальчише-Кибальчише» всплывает лишь эстетический аспект произведения.

Они так себя должны вести. Если бы они вели себя по-другому, вне шаблонных действий, я бы, скорее всего, тогда обратила на это внимание. А так – вот этот момент: взрослые запрещают, следят за порядком, за безопасностью, контролируют поведение... ну там чтобы вещи были убраны, уроки сделаны... То есть я их скорее воспринимала не как личности, а как функцию (интервью с Н. Б.).

В этой «функциональности» образа родителей, служащего конвенциональным строительным материалом в конструировании сюжетов детской мультипликации, можно увидеть и свидетельство присутствия того самого перформативного сдвига, в котором А. Юрчак видит основную черту культурной модели, свойственной позднему СССР. Если функцией образа родителей в мультфильме той эпохи является трансляция понятия авторитета и нормы, то пространство мультфильма становится в категориях Юрчака детским сегментом авторитетного дискурса. В своей теории ученый обращает внимание, с одной стороны, на конвенциональность и ритуальность фигур авторитетного дискурса в интересующий нас период, с другой – на обилие новых смыслов, в построении которых эти фигуры участвуют лишь косвенно [Юрчак, с. 71], скорее позволяя участникам дискурса использовать себя в их коммуникативных целях. Доказательством такого семиозиса является хотя бы нижеследующее прочтение диалогии о Карлсоне и Малыше:

В этом замечательном мультике поведение родителей – это как бы шаблон поведения *советских* родителей. <...> Младшее поколение не всегда принимает те шаблоны и мироощущения старшего поколения, как нужно правильно жить. И вот Карлсон, несмотря на свою взрослость... ломал этот шаблон, который поколение советских родителей навязывало младшему поколению. Он показывал, что, как ни странно, можно жить по-другому. Можно жить играючи, можно жить, хулиганя, но при этом оставаться нормальным человеком (интервью с А. Д.).

Беседы с респондентами позволили зафиксировать суждение, что «в любом советском мультфильме есть обучающий момент, но и момент воспитывающий» (интервью с Ю. А.), и услышать иное мнение, что «в наиболее любимых мультиках дидактические моменты были сведены к минимуму» (интервью с Ю. Д.), или же что «это делалось очень легко и непринужденно. И перебора точно в том не было» (интервью с Ю. Ц.). Создавать впечатление противоречивых эти высказывания могут только на первый взгляд. С явно дидактическими сюжетами легко ассоциируется данная нашим респондентом каноническая ежедневная форма подачи мультфильмов:

Рецепты «как жить» транслировались, конечно, не в мультиках, а в сюжетах, которые [их] обрамляли. В «Спокойной ночи, малыши!» – там да, там всегда была какая-то дидактическая история, и понятно было, что как раз тут надо почерпнуть какой-то практический урок (интервью с А. К.).

Природу самой популярной детской передачи в СССР, ее содержание и свои ощущения по их поводу наши собеседники воспроизводят сегодня в разной стилистической и эмоциональной окраске: «Это воспринималось как неизбежная дидактическая часть вечера. То есть ты что-то должен понять, услышать, повоспитываться», – говорит одна респондентка (интервью с Л. П.). Другой участник исследования отмечает:

Хрюша, Степашка и этот вот Филя остались в памяти как добрые детские друзья, которые тебе покажут сейчас какой-то мультик и что-то тебе расскажут, какой-то легкий прикол такой. <...> Без нравоучения, без советскости. Они не призывали ни к пионерии, ни к комсомолии. <...> Ну, допустим, сегодня мы расскажем, почему плохо врать, Хрюша там наврал, что он что-то не такое сделал (интервью с О. В.).

В процитированном высказывании существительное «нравоучение» выступает в значении, далеко не тождественном литературному – ибо «легкий прикол», то бишь детская притча о том, что врать плохо, и представлял бы собой нравоучение в словарном толковании. Тут, однако, «нравоучение» и «советскость» не дополняют друг друга, а скорее всего, повторяют, выступают синонимами наравне с фразой «призывать к пионерии, к комсомолии». Следовательно, отзыв респондента вполне вписывается в ряд суждений об отсутствии прямого назидания в советских детских сюжетах, служа заодно вербализации воспоминаний о тех пространствах, где заметное прямое назидание как раз ощущалось.

В этом контексте следует уделить внимание и тому, что «Хрюша, Степашка и этот вот Филя» в высказывании нашего респондента характеризуются с помощью атрибута «доброта». Персонажи, служащие трансляции именно воспитательных сюжетов, становятся «добрыми и друзьями» нашего рассказчика. Осознанию нашими респондентами того, что в этой детской передаче воспитательный акцент был куда заметнее, чем в анимационных сюжетах, зачастую сопутствовали оценки, что «это было как-то все очень по-доброму» (интервью с Ю. А.). Доброта героев и ведущих «Спокойной ночи, малыши!», выходя на первый план восприятия, заметно сглаживает память о необходимости усваивать воспитательные уроки. Следует, однако, учитывать и то, что на восприятие респондентами кукольных зверят влияет факт, который у О. В. вербализован сразу в том же предложении, в котором и появляются «добрые друзья»: это такие «добрые детские друзья, которые тебе покажут сейчас какой-то мультик». В ином месте наш собеседник называет передачу «преддверием мультика» (интервью

с О. В.). У многих же других участников исследования название «Спокойной ночи, малыши!» возникает как один из первых элементов ассоциативного ряда со словом «мультик». По их словам, в любимой передаче раздражало, когда мультик сокращался (интервью с В. М.), и ужасно разочаровывало, когда его вообще не оказывалось и когда всю передачу заполнял «холостой» сюжет с Хрюшей, Степашкой и тетей Валею (интервью с Ю. Д.). Можно предположить, что своей добротой и неназидательностью вечерняя детская передача благодарна мультикам, которые обрамляла. Обосновано также предположение, что «доброй» и «неназидательной» собеседники помнят эту передачу отчасти благодаря Хрюше, который столь привлекательно озорничал.

* * *

«Доброта» – это безоговорочно основная фигура описания советского мультфильма в дискурсе памяти респондентов. Она проявляется как в виде абстрактного понятия, так и в ряде фраз типа «добрый советский мультик», «добрые детские друзья», «все очень по-доброму» и даже «добрый расп...дьяй». Служа описанию всплывающих в памяти образов и сюжетов, она и осмысляет их, придавая им однозначно позитивный аксиологический маркер. «Доброе» в разделяемом нашими респондентами универсуме памяти об анимационном кино понимается скорее не в поведенческих, а в аксиологических значениях, присущих этому прилагательному. Слово «добрый» употребляется чаще в значении «творящий добро», чем «приветливый». Герой добр всего лишь в сюжетно-поведенческом плане, он все равно предстает как носитель доброты-ценности – хотя бы в силу положительной роли, сыгранной им в формировании ментального образа мира реципиентов советских мультфильмов.

Об «озорстве» следует говорить как о концепте, реализуемом разными языковыми средствами, необязательно относящемся к одному лексическому корню. «Озорство» проявляется – ясное дело – в «озорнике» и «озорничании», но и в слове «шалость», а также во фразе «нарушение порядка». Оно выступает при этом вовсе не как антипод понятия «доброта». Эти понятия не дихотомичны – в восприятии многих наших собеседников они взаимосвязаны. Респондентами вспоминаются сюжеты, в которых путь к доброте ведет через шалость, такие, где доброта познается в образе озорства. Следует принять во внимание значение слова «озорство», фиксируемое словарями и определяемое как неодобрительное и сводящееся к нарушению норм поведения. Повторим тезис, изложенный по ходу нашего анализа: образ нарушения нормы видится вполне эффективным и эстетически привлекательным носителем представления о самой норме.

«Доброта» и «озорство» – понятия, которые в дискурсе памяти о детстве, пришедшемся на последние десятилетия советской истории, выступают свидетельством отмечаемого А. Юрчаком перформатив-

ного сдвига. При всей ритуализации форм авторитетного дискурса, имевшей свои репрезентации как в мультипликационных сюжетах, так и в передаче «Спокойной ночи, малыши!», эти базовые понятия являются свидетельствами специфического семиозиса. В его рамках понятия авторитета и нормы не выступают ценностями самими по себе, а лишь участвуют в формировании аксиологических представлений.

Список мультипликационных фильмов

- «Варежка» / реж. Р. Качанов, сцен. Ж. Витензон. СССР: «Союзмультфильм», 1967. 10'18".
- «Винни Пух идет в гости» / реж. Ф. Хитрук, сцен. Б. Заходер, Ф. Хитрук. СССР: «Союзмультфильм», 1971. 10'03".
- «Зима в Простоквашино» / реж. В. Попов В., сцен. Э. Успенский. СССР: «Союзмультфильм», 1984. 15'48".
- «Каникулы в Простоквашино» / реж. В. Попов В., сцен. Э. Успенский. СССР: «Союзмультфильм», 1980. 18'58".
- «Карлсон вернулся» / реж. Б. Степанцев, сцен. Б. Ларин. СССР: «Союзмультфильм», 1970. 20'18".
- «Крокодил Гена» / реж. Р. Качанов, сцен. Э. Успенский, Р. Качанов. СССР: «Союзмультфильм», 1969. 19'24".
- «Мальш и Карлсон» / реж. Б. Степанцев Б., сцен. Б. Ларин. СССР: «Союзмультфильм», 1968. 19'36".
- «Ну, погоди!» / реж. В. Котеночкин, сцен. Ф. Камов, А. Курляндский, А. Хайт. Вып. 1–16. СССР: «Союзмультфильм», 1969–1986.
- «Сказка о Мальчише-Кибальчише» / реж. А. Снежко-Блоцкая, сцен. Л. Соломянская. СССР: «Союзмультфильм», 1958. 21'18".
- «Том и Джерри» / реж. У. Ханна, Дж. Барбера и др., сцен. У. Ханна, Дж. Барбера и др. Вып. 1–163. США: «Metro-Goldwyn-Mayer» и др., 1940–2005.
- «Трое из Простоквашино» / реж. В. Попов В., сцен. Э. Успенский. СССР: «Союзмультфильм», 1978. 18'48".
- «Шапокляк» / реж. Р. Качанов, сцен. Э. Успенский, Р. Качанов. СССР: «Союзмультфильм», 1974. 19'48".

Список детских телепередач

«Спокойной ночи, малыши!». СССР: Гос. комитет СМ СССР по радиовещанию и телевидению (позднее – Комитет по радиовещанию и телевидению при СМ СМ СССР, Гос. комитет СМ СССР по телевидению и радиовещанию, Гос. комитет СССР по телевидению и радиовещанию), Главная редакция передач для детей (позднее – Главная редакция программ для детей), 1964–1991.

«В гостях у сказки». СССР: Гос. комитет СМ СССР по телевидению и радиовещанию (позднее – Гос. комитет СССР по телевидению и радиовещанию), Главная редакция кинопрограмм, 1976–1989.

Список интервью

Интервью с А. Д. (57 лет, житель Москвы), Москва, 19 ноября 2019 г., длительность 53 мин., аудиозапись в архиве автора.

Интервью с А. К. (35 лет, жительница Москвы), Москва, 2 апреля 2019 г., длительность 35 мин., аудиозапись в архиве автора.

Интервью с В. М. (43 года, жительница Москвы), Москва, 3 апреля 2019 г., длительность 25 мин., аудиозапись в архиве автора.

Интервью с Е. К. (38 лет, жительница Кракова), проведенное в режиме онлайн 18 января 2020 г., длительность 42 мин., видеозапись в архиве автора.

Иллюстрации к статье:
Якуб Садовский. Доброта и озорство: аксиология восприятия советской мультипликации

Illustration for the article:
Jakub Sadowski. Goodness and Mischief: On the Axiology of Perception of Soviet Animation

1. Фрагмент кадра из мультфильма «Каникулы в Простоквашино» (1980)
Fragment of a still from the cartoon *School Holidays in Prostokvashino* (1980)

2. Фрагмент кадра из седьмого выпуска «Ну, погоди!» (1973)
Fragment of a still from the seventh episode of *Well, Just You Wait!* (1973)

3. Фрагмент кадра из мультфильма «Малыш и Карлсон» (1968)
Fragment of a still from the cartoon *Junior and Karlson* (1968)

4. Фрагмент кадра из мультфильма «Винни Пух идет в гости» (1971)
Fragment of a still from the cartoon *Winnie the Pooh Pays a Visit* (1971)

Интервью с Е. Л. (44 года, жительница Красноярска), проведенное в режиме онлайн 1 февраля 2020 г., длительность 58 мин., видеозапись в архиве автора.

Интервью с Е. С. (45 лет, жительница Москвы), проведенное в режиме онлайн 9 февраля 2020 г., длительность 30 мин., видеозапись в архиве автора.

Интервью с И. З. (58 лет, жительница Варшавы), проведенное в режиме онлайн 12 января 2020 г., длительность 37 мин., видеозапись в архиве автора.

Интервью с И. Р. (44 года, житель Москвы), Москва, 2 апреля 2019 г., длительность 24 мин., аудиозапись в архиве автора.

Интервью с Л. П., (53 года, жительница Екатеринбург), Станиславиц (Польша), 21 октября 2019 г., длительность 44 мин., аудиозапись в архиве автора.

Интервью с Н. Б. (42 года, жительница Новосибирска), проведенное в режиме онлайн 22 мая 2019 г., длительность 24 мин., видеозапись в архиве автора.

Интервью с О. В. (49 лет, житель Москвы), проведенное в режиме онлайн 17 января 2020 г., длительность 48 мин., видеозапись в архиве автора.

Интервью с С. А. (46 лет, житель Одессы), Одесса, 12 октября 2019 г., длительность 30 мин., аудиозапись в архиве автора.

Интервью с Ю. А. (45 лет, жительница Одессы), Одесса, 12 октября 2019 г., длительность 20 мин., аудиозапись в архиве автора.

Интервью с Ю. Д. (51 год, житель Москвы), Москва, 2 апреля 2019 г., длительность 32 мин., аудиозапись в архиве автора.

Интервью с Ю. Ц. (43 года, жительница Москвы), Москва, 23 ноября 2019 г., длительность 26 мин., аудиозапись в архиве автора.

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.

Гайдар А. Сказка о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове. М. : Дет. лит., 1967. 24 с.

Лефман Т. О. Образ детства как объект конструирования в отечественной анимации // Вестн. культуры и искусств. 2019. № 1 (57). С. 137–143.

Лотман Ю. М. О языке мультипликационных фильмов // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып. 463. Семиотика культуры. 1978. С. 141–144. (Труды по знаковым системам. X).

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось : Последнее советское поколение. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 664 с.

Chlebda W. Pamięć ujęzykowiona // Tradycja dla współczesności. T. 6. Pamięć jako kategoria rzeczywistości kulturowej / red. J. Adamowski, M. Wójcicka. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2012. S. 109–119.

Eco U. The Fames of Comic “Freedom” // Carnival! / ed. by U. Eco, V. V. Ivanov, M. Rector. Berlin ; N. Y. ; Amsterdam : Mouton Publ., 1984. P. 1–9.

References

Berger, P., Luckmann, Th. (1995). *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow, Medium. 323 p.

Chlebda, W. (2012). Pamięć ujęzykowiona. In Adamowski, J., Wójcicka, M. (Eds.). *Tradycja dla współczesności. T. 6. Pamięć jako kategoria rzeczywistości kulturowej*. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 109–119.

Eco, U. (1984). The Frames of Comic “Freedom”. In Eco, U., Ivanov, V. V., Rector, M. (Eds.). *Carnival!* Berlin, N. Y., Amsterdam, Mouton Publ., pp. 1–9.

Gaidar, A. (1967). *Skazka o Voennoi Taine, o Mal'chishe-Kibal'chishe i ego tverdom slope* [A Tale about a War Secret, about the Boy Nipper-Pipper and His Word of Honour]. Moscow, Detskaya literatura. 24 p.

Lefman, T. O. (2019). *Obraz detstva kak ob"ekt konstruirovaniya v otechestvennoi animatsii* [The Image of Childhood as an Object of Construction in Soviet and Russian Animation]. In *Vestnik kul'tury i iskusstv*. No. 1 (57), pp. 137–143.

Lotman, Yu. M. (1978). *O yazyke mul'tiplikatsionnykh fil'mov* [The Language of Animated Cartoons]. In *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. Iss. 463. *Semiotika kul'tury*, pp. 141–144. (Trudy po znakovym sistemam. X).

Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow, *Novoe literaturnoe oboznenie*. 664 p.

The article was submitted on 07.05.2020

THE VITALITY OF THE IMAGINARY AND “HARSH REALITY”

DOI 10.15826/qr.2022.2.689

УДК 394.2:930.85 + 1:304.9 + 94(470)"1917"

Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств*

Тaisia Паниотова

Максим Романенко

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

The Skill of Imagining the Future: The Utopian Dimension of Soviet Revolutionary Festivities**

Taisia Paniotova

Maxim Romanenko

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

This paper considers revolutionary festivities as one of the main manifestations of the Soviet culture of the 1917–1920s. Festivals varied in types and forms (mainly mass performances) and came to make part of the space of utopias in the first post-revolutionary decade. In this context, utopia is regarded as a cultural form of the sensual and rational comprehension of social reality. It produces ideas about happiness and harmony in response to the eternal human need both to foresee the future and to model it. According to recent findings in utopian studies (Ernst Bloch, Frederic Jameson, etc.), a utopia is articulated not in the form of literary texts containing the ideal blueprints of a new social order, but in the form of various intentions that contain the ability and skill to wish for the best, create alternative projects of the future, and criticise what hinders its

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 19–311–90062 и № 20–011–00581.

** *Citation:* Paniotova, T., Romanenko, M. (2022). The Skill of Imagining the Future: The Utopian Dimension of Soviet Revolutionary Festivities. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 577–592. DOI 10.15826/qr.2022.2.689.

Цитирование: Paniotova T., Romanenko M. The Skill of Imagining the Future: The Utopian Dimension of Soviet Revolutionary Festivities // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 577–592. DOI 10.15826/qr.2022.2.689 / Паниотова Т., Романенко М. Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 577–592. DOI 10.15826/qr.2022.2.689.

achievement. Revolutionary festivities are interpreted as a set of value-based cultural practices – iconic actions and artifacts associated with memorable events, outstanding personalities, and special ceremonials. The use of the method of imaginary reconstitution of society (IROS) by Ruth Levitas and the model of a revolutionary festival constructed by Mona Ozouf as a theoretical tool make it possible to reconstruct the utopian dimension of Soviet revolutionary festivities. The festival chronotope is analysed through the prism of three modes of utopia as a method: archaeological, ontological, and architectural. There are interacting strategies or techniques – defamiliarisation, criticism, creating an alternative, and experiencing it – that work on the coherent image of a positive future. The research optics constructed in this way make it possible to reveal why, in the absence of holistic pictures of the future, revolutionary festivities nevertheless involved participants in forming a new political, social, and cultural order, as well as legitimising the revolution. The article refers to the description of the festivities in the publications of contemporaries of that epoch, i. e., authors (A. Piotrovsky) and critics (O. Tsekhnovitser, N. Shubsky et al.).

Keywords: Soviet revolutionary festivities, utopia, future, past, revolution, Ruth Levitas, Mona Ozouf

Рассмотрены революционные празднества – одно из основных проявлений советской культуры 1917–1920-х гг. Праздники во всем многообразии их видов и форм (преимущественно это были массовые постановки и инсценировки) оказались включены в пространство сотворения утопии первого послереволюционного десятилетия. В данном контексте под утопией понимается культурная форма чувственно-рационального освоения социальной реальности, продуцирующая представления о счастье и гармонии в ответ на извечную потребность человека не только в предвидении будущего, но и в его моделировании. Согласно последним исследованиям в области utopian studies, утопия артикулируется не только в виде литературных текстов, содержащих идеальные образы нового социального порядка, но и в виде различных интенций – возможности и навыка желать лучшего, создавать альтернативные проекты будущего, подвергать критике то, что мешает его достижению. Революционные празднества трактуются как совокупность ценностно наполненных культурных практик – знаковых акций и артефактов, связанных с памятливыми событиями, выдающимися личностями и особым церемониалом. Применение в качестве теоретического инструментария метода воображаемой реконструкции общества Р. Левитаса и модели революционного праздника М. Озуф позволило реконструировать утопическое измерение революционных празднеств. Праздничный хронотоп анализируется сквозь призму трех модусов метода воображаемой реконструкции общества (утопии-метода): археологического, онтологического и архитектурного. В качестве взаимодействующих стратегий-приемов, работающих на общий образ воображаемого будущего, выступают остранение, критика, создание альтернативы и ее переживание. Выстроенная таким образом исследовательская оптика позволила ответить на вопрос, почему революционные празднества при отсутствии

целостных картин будущего все же приобщали участников к становлению нового политического, социального и культурного порядка и легитимизировали революцию. Источниками описания конкретных постановок послужили публикации современников той эпохи – авторов и критиков (А. Пиотровского, О. Цехновицера, Н. Шубского и др.).

Ключевые слова: советские революционные празднества, утопия, будущее, прошлое, революция, Р. Левитас, М. Озуф

В *utopian studies* в последние несколько десятилетий произошел поворот от рассмотрения литературных утопий к изучению утопических импульсов как присущей человеку универсальной интенции [см.: Jameson], мечты о лучшем будущем, воплощающейся в искусстве, архитектуре, культурных практиках, перформативных актах, политических движениях и т. п. Среди них – революционный праздник со свойственным ему утопическим измерением. По мнению М. М. Бахтина, «празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении. Именно эти моменты – в конкретных формах определенных праздников – и создавали специфическую праздничность праздника» [Бахтин, с. 14]. Мотивы смены и обновления органично присущи и утопической мысли, подъем которой приходится на периоды глобальных исторических сдвигов и социокультурных кризисов. Глубинная связь между утопией и праздником наиболее ярко проявилась после Октябрьской революции 1917 г. – одного из наиболее кризисных и судьбоносных моментов в истории России. Как утверждала К. Кларк, «двадцатые можно назвать самым утопическим десятилетием всей советской истории. Утопическое воодушевление переживали тогда не только большевики и другие энтузиасты революции, но и многие неревolutionные интеллектуалы» [Clark, p. 175]¹. Реализацией этой потребности становятся революционные празднества, выполнявшие различные функции – коммуникативную, идеологическую, воспитательную, рекреативную, художественно-эстетическую и др. Цель статьи – реконструкция утопического измерения революционных празднеств 1917–1920-х гг., и в первую очередь роли, которую они играли в легитимизации советской цивилизации и формировании позитивного образа ее будущего.

Выделение утопического измерения революционных праздников основывается на понимании утопии как универсальной культурной

---

¹ В стихотворении Н. Тихонова «Перекресток утопий» (1918) в этом контексте прославлялся энтузиазм «первых апостолов дерзання», которые строят мир «по новому масштабу в крови, в пыли, под пушки и набат», одновременно поэт предрекал варианты осуществления утопии: «день в невиданном сиянье» или «новая, невиданная ночь!» [Тихонов, с. 315].

формы чувственно-рационального освоения социальной реальности в образах-концепциях, синтезирующих представления о счастье и гармонии и отвечающих человеческой потребности в предвидении и моделировании альтернативных вариантов исторического развития [Паниотова]. Данное определение относится только к позитивной утопии и не распространяется на ее деривации (антиутопия, дистопия и т. п.). Универсальность утопии предполагает возможность ее воплощения как в литературных текстах, так и в различных культурных практиках, политических акциях, видах и жанрах искусства и т. п. При этом нельзя не согласиться с Ф. Полаком, уточнявшим, что, хотя эстетическая составляющая и присуща утопии, «было бы неправильно относить ее к сфере искусства: эстетика не является перво-степенной мотивацией утопии, это скорее способ выражения ее идей» [Polak, p. 173]. Другой современный автор говорил о присущей утопии «патологической аберрации рациональности», которая проявляется в потребности человека порвать с настоящим и *изобрести* возможное будущее, соответствующее его стремлениям [Blanco Martínez, p. 49].

В соответствии с марксистской установкой образ будущего не может быть «пустым гаданием» на манер утопистов «насчет того, чего знать нельзя» [Ленин, 1969, с. 85], он должен формироваться из конкретных социально-экономических условий. Парадоксально, однако, что именно утопия, этот разительный, по Канту, «пример несбыточного совершенства» [Кант, с. 351], задавая некую целевую проекцию, движет историю в направлении реально возможного позитивного будущего [см.: Блох, 1991]. Как это противоречие проявилось в новых праздниках? Ведь экспликация образов будущего в виде законченных картин идеального общества встречалась в них чрезвычайно редко. Можно ли тогда предположить, что образы будущего присутствовали в революционных праздниках латентно, как *утопическое* стремление *почувствовать* будущее, приблизить или даже *пережить его* в игровой форме?

Согласно предложенному Р. Левитас методу «воображаемой реконструкции общества» (Imaginary Reconstitution of Society – IROS), утопия способна сыграть роль «критического инструмента, позволяющего расширить границы нынешних властных дискурсов» [Levitas, 2013, p. XI]. Аналитический потенциал утопии выражается не только в стремлении к «лучшему образу бытия или жизни» и холистическом мышлении о возможном будущем, но и в одновременной адаптации мышления к «принципам и практикам этого будущего» [Ibid.], с тем чтобы «вернуть нас от мировоззренческих и эстетических взглядов в социальную и структурную сферу» [Ibid., p. XIII]. Пафос изменения в этом случае направлен от индивида к масштабным преобразованиям институтов и систем.

В основе воображаемой реконструкции общества лежит идея Э. Блоха об онтологически присущем человеку стремлении к *лучшему миру* [Блох, 1991], реализацию которого Левитас [Levitas, 2013, p. 153–220] видит в слаженной работе трех модусов утопии – археологиче-

ского, онтологического и архитектурного, представляющих разные аспекты одного и того же метода.

Археологический модус ответственен за критический подход к действительности: подвергая наличный опыт острашению (очуждению), утопический взгляд как бы обнаруживает в нем фрагменты хорошего общества, названные Джеймисоном утопическими импульсами. Онтологический модус имеет дело с социальной инфраструктурой общества и носителем альтернативного образа, а потому подразумевает категорию субъекта. По мнению Левитаса, появление субъекта оправдано, во-первых, тем, что любые спекуляции о хорошем обществе или совершенном будущем должны хотя бы имплицитно исходить из нашего собственного опыта, а, во-вторых, утопии-методу требуется переживание, достижение определенного уровня аффекта, который в итоге «признается ответственным за стремление реализовать утопию» [Каспэ, с. 86–87]. Задача архитектурного модуса состоит в создании метафорического пространства, где происходит сборка этих фрагментов в альтернативный холистический образ будущего, который, в свою очередь, становится доступным для переживания и оценивания [Levitas, 2011, p. 56].

Другим методологическим ориентиром для исследования утопического измерения праздника является модель революционного праздника, сконструированная М. Озуф на примере Великой французской революции. В ней выделены базовые структурные элементы революционного праздника: пространственные и темпоральные представления, образы преодоления и перехода.

Эта концепция исходит из нескольких предпосылок. Во-первых, убеждение, что празднества – не просто развлечение, это рефлексия на революцию и осознание «начала новой эры». Во-вторых, понимание того, что, в отличие от разрушительного характера самой революции, празднества полны творческого созидательного пафоса. Главное в них – воссоздание внутренней структуры нового порядка и подведение революции к некоторому логическому завершению. Так появляется место для утопии, происходит «встреча мечты с революцией», ведь последняя «воспринимает утопические каноны как руководство к действию и прозревает в них очертания иного мира» [Озуф, с. 20]. Утопические черты революционного праздника помогали преодолевать историческую ограниченность момента, предопределяли новое понимание времени и пространства.

«Открывать новое и небывалое»

Под революционными празднествами будет пониматься совокупность культурных практик, видов и форм праздничных церемоний, атрибутов, ритуалов, связанных с выдающимися личностями, знаковыми событиями, ценностями, «иногда с ценностью высшего порядка, которая является святыней (*sacrum*) для празднующей группы» [Жигульский]. Праздники «могли быть реализованы в различных

формах – митинга, демонстрации, игры, театрального действия, инсценировки» [Шалаева], а потому представляли собой особый вид социокультурной деятельности.

Особенностью утопического содержания постреволюционных культурных праздничных практик было подчеркнутое остранение или очуждение не существующего, а *старого эксплуататорского строя* для того, чтобы, представив непривычным образом свойственный той эпохе ход жизни, дать ему критическую оценку и признать неудовлетворительным.

Критический пафос революционных празднеств состоял в деконструкции и ниспровержении легитимности, социальной и политической обоснованности дореволюционной системы. Такой творческий сдвиг позволял не просто взглянуть на социально-историческую ситуацию извне, но и придать ее критике достаточную степень убедительности.

Этот значимый для авангардной культуры прием обнаруживает конвенциональность не только языковых и литературных форм, но и социального устройства, в том числе представлений об истории, времени, личности, сексуальности и др. Применение различных техник, таких как прерывание традиционной повествовательной структуры и свободное обращение с ней, акцент на взаимодействии в пространстве в ущерб линейности повествования, использование монтажа и одновременности неодновременного, дефрагментация, обращение к собственной рефлексивности и т. д., вырывает человека из привычных представлений о мире. Дальнейшее развитие, уже в сочетании с утопическим воображением, порождает осознание необходимости и даже неизбежности перемен, вплоть до самых радикальных.

Остранение также важно как поворот для борьбы с так называемым «плохим» утопизмом. Этот тезис сформулировал М. Гардинер, применивший утопическую оптику для интерпретации концепции карнавальности Бахтина [Gardiner]. Автор обращается к идее Джеймсона о том, что утопия в принципе может находиться и на службе господствующей идеологии, проецируя таким образом «ложное» коллективное единство посредством своего трансцендентного статуса. Разработка праздничных сценариев и их постановка находились в ведении органов агитации и пропаганды и связанных с ними культурно-просветительских организаций, которые первоначально входили в армейские структуры (например, Театрально-драматургическая мастерская Красной армии), а позже перешли под управление Политпросвета при Наркомпросе (например, Центральная агитационная студия Политпросвета). Практически сразу сформировался круг экспертов-профессионалов (А. Пиотровский, М. Аппетин, С. Радлов, А. Кугель и др.), создававших сценарии праздников, которые распространялись для постановок в разных городах страны.

Порожденное революцией ощущение большого разрыва предопределило новый характер восприятия времени, символической репрезентации которого в массовых празднествах и мистериях отво-

дилась значительная роль: в инсценировке «Историческое развитие Спартака», происходившей в 1925 г. в Ленинграде и демонстрировавшей развитие спорта, присутствовала задрапированная красным «аллегорическая фигура “Времени”», вызывающая ассоциации с актуальной революционной эпохой [Лежоева, с. 185].

При разработке сценария важно было учитывать, что пропаганда ведется среди малограмотного и часто неграмотного населения, а потому представлять историю и теорию классовой борьбы нужно было на языке, понятном широким массам. Для максимальной наглядности, а также ради достижения мифологического эффекта вневременности и приобщения к прошедшим событиям как к актуальной реальности нередко пренебрегали цельностью, правдоподобностью и последовательностью отдельных исторических эпизодов. В результате складывался новый дискретный образ времени, который соответствовал цели объединять и объяснять события, включенные в разные повествовательные структуры.

Примеры подобных анахронизмов можно найти в целом ряде празднеств и мистерий. Так, в постановке «Свержение самодержавия» (Петроград, март 1919 г.) наблюдается «совершенно условное понимание сценического времени (переброски от 1905 к 1917 г. и дальше без занавеса и антракта)» [Пиотровский, 1926, с. 60]. Участниками массового зрелища «Меч мира» (Петроград, февраль 1920 г.), описывающего события заключения Брестского мира и создание Красной гвардии, были «три волхва, цари Симон, Асур и Мельхиседек», пришедшие «приветствовать Владыку Мира, рожденного под Красною Звездой» [Пиотровский, 2019, с. 785]. В одной из антирелигиозных постановок в Ленинграде (май 1929 г.) трагический накал – момент судилища и сожжения ученого инквизицией – разрешается, как бы абсурдно это ни выглядело, появлением пионеров и пожарных, разогнавших фанатичных изуверов [Цехновицер, 1931, с. 30].

Такой подход демонстрирует одну из характерных особенностей утопического сознания как формы чувственно-рационального освоения социальной реальности – свободную трансформацию временного континуума, отношение ко времени как к пластическому материалу: «С одной стороны, оно может обладать способностью к переживанию будущего, еще не существующего как настоящее, или даже прошлого, с другой – может воспринимать прошлое, уже не существующее как будущее или настоящее» [Кирвель, с. 50].

Анализируя хронологическую модель празднеств, С. Ю. Малышева с опорой на замечания К. Кларк и Дж. фон Гельдерна приходит к выводу о смешанном характере этой модели, сочетающей линейно-прогрессистское и цикличное понимание сюжетов и событий прошлого. Идея классовой борьбы, торжествующей в мире и достигшей кульминации в Октябрьской революции, в конкретных исторических сюжетах сводилась к простой стандартной схеме – страдание, борьба, поражение – «пока этот замкнутый круг, набор схожих циклов, не был

разорван событиями октября 1917 г. в России. Здесь цикличность нарушалась, и идея прогресса торжествовала» [Малышева, с. 687]. Тем самым подчеркивалась не только грандиозность произошедшего события (и в национальном, и во вселенском масштабе), но и его историческое значение, указывающее на чаяния угнетенных как в близком, так и в далеком прошлом.

Развивая эти идеи в русле концепции Э. Блоха, можно сказать, что в празднике, понимаемом как «конкретная утопия», «направляемый ею прогресс актуально оживляется и опосредуется не только через верность революционному прошлому, но и другим традиционным обязательством, памятью», а настоящее «является тем Фронтом, который может разрешить в одном и переработанное прошлое, и запланированное будущее» [Блох, 1997, с. 178–179].

Не менее важным для утопического измерения революционных празднеств было выстраивание отношений с пространством, и в этом виделся большой дидактический потенциал. Происходила деконструкция нейтрального восприятия пространства, а также его дальнейшая фрагментация и наделение отдельных частей специфическими функциями.

Деконструкция и перекодировка пространства были направлены на его присвоение. Решались две задачи: либо создать новое пространство, либо же переделать имеющееся, «разметить его границы и выбросить все лишнее, расставить в нем нужные атрибуты, проложить к нему пути» [Озуф, с. 176]. Наиболее ярким примером реализации этих задач стал «План монументальной пропаганды», идею которого Ленин, по утверждению Луначарского, непосредственно позаимствовал у Кампанеллы [Луначарский, с. 198]. Это была своеобразная школа или музей под открытым небом. На стенах Города Солнца были изображены представители флоры и фауны, научные достижения и рукотворные изобретения, а также их создатели, исторические деятели наряду с мифологическими и религиозными персонажами [Кампанелла, с. 41–42].

Подписанный Лениным окончательный список лиц, которым надлежало соорудить памятники, включал 66 имен, среди них 31 место принадлежало революционерам и общественным деятелям, 20 – писателям и поэтам, 3 – философам и ученым, 7 – художникам, 3 – композиторам, и 2 – актерам². По мнению С. Семенцова и В. Сперанской, эта программа способствовала «созданию уникальной художественной концепции формирования на улицах и площадях города летописи вершин культуры и духа» [Семенцов, Сперанская, с. 40], иначе говоря – переоформлению пространственной среды в соответствии с революционными идеалами. Массовые собрания и праздничные постановки часто сопровождали открытие памятников и монументов, будучи тематически к ним приуроченными. Этими практиками, по словам Плаггенборга, новая власть стремилась «замаскировать от-

² Декрет СНК РСФСР от 12.04.1918 «О памятниках Республики».

сутствие своей собственной истории с помощью сконструированной преемственности. Только постулат преемственности идей обеспечивал им [большевикам] возможность ее великолепного исторического завершения» [Плаггенборг, с. 276–277].

Повсюду шло отвоевывание пространства у прошлого. Важно было не просто разрушить «места памяти» предшествующих эпох, но и развеять окружавший их символизм, перекодировать их смыслы в соответствии с новым видением реальности. Эту задачу в том числе выполняли и празднества, вовлекая «места памяти» в действия. Например, в инсценировке к десятилетию революции здание Петропавловской крепости превращалось в одного из участников постановки и обнаруживало «свое лицо гигантской тюрьмы. На стенах ее вспыхивают транспаранты – огромные окна с тюремными решетками» [Цехновицер, 1931, с. 22]. Аналогичным образом обходились с монументами прошлого. В те же октябрьские дни памятник Александру III был помещен «в громадную клетку, сбоку которой воздвигнута конструкция с маховым колесом – символ страны Советов на стройке» [Там же, с. 119].

Революционный праздник способствовал присвоению пространства и через установление собственных символических маркеров. Содержательную подборку праздничных сюжетов приводит С. Ю. Малышева, показывая, как «производился “перенос” ауры сакрализованного пространства Петрограда на местные объекты» [Малышева, с. 693]. Но в первую очередь, разумеется, демонстрировались пространственные амбиции революции, призванной охватить своим пламенем весь земной шар. Этому пафосу отвечала постановка празднеств и инсценировок на больших территориях. Уже в первые послереволюционные годы размах празднеств достиг необычайных масштабов: значительно возросло количество участников и зрителей, действие переносилось на открытые пространства – улицы, площади, воду и воздух. В первомайской постановке «Мистерия освобожденного труда» (май 1920 г.) принимали участие до 2 тыс. чел., а в постановке «К мировой коммуне» у Фондовой биржи (июль 1920 г.) – уже до 6 тыс. чел. В ноябре 1920 г. на всем пространстве площади Урицкого³, включая Зимний дворец, Александровскую колонну и арку Главного штаба, было осуществлено грандиозное зрелище «Взятие Зимнего дворца» [Цехновицер, 1931, с. 17–18]. Количество участников в нем составило по разным оценкам от 6 до 10 тыс., при этом присутствовало от 45 до 100 тыс. зрителей [Малышева, с. 691]. «Масштабомания» празднеств и постановок не только символизировала идею мировой революции, но и позволяла утопии говорить о свободе на языке пространственных метафор. Открытость пространства революционного праздника выражала преодоление границ, непрерывную и безграничную устремленность к трансформации мира.

³ Дворцовая площадь в Санкт-Петербурге с 1918 до 1944 г. называлась площадью Урицкого. – Т. П., М. Р.

«Всего важнее накопить побольше обломков...»

Устремление в новый мир должно было исходить из некоторой начальной или рубежной точки, отделяющей мир будущего от старого мира или даже порывающей с ним. Гранью, порогом между «прошлым» и «настоящим», между «добром» и «злом», «правильным» и «неправильным» была Октябрьская революция. Как писал Н. М. Польщиков, «время “порога” между старыми и новыми эонами возлагает на человека миссию: пересоздать без губительных потерь и ошибок и ориентировать на грядущее бесконечно расширяющийся универсум. Радость творения, торжество рождения нового облика мира и возвращения первоначал, счастье свершившегося подвига выражены праздником» [Польщиков, с. 313].

Идея первоначала с символикой преодоления и обновления заняла центральное место в концепциях революционных празднеств, ведь в ней «проявляются обе стороны эсхатологических ожиданий: неизбежная гибель мира и его новое рождение в преображенном виде» [Горин]. Она соответствовала общему пафосу культуры постреволюционного десятилетия.

В контексте утопии-метода ситуация преодоления – это переход от критики прошлого к созданию альтернативы. В празднествах, где отсутствовало детальное изображение нового мира [см.: Stites, p. 97; Мазаев, с. 329–330; Малышева, с. 688], устремления к грядущему обыгрывались через мотивы разрушения. «Разрушительные» сюжеты часто складывались из сцен судилищ и наказаний прошлого или образов его носителей. Особой популярностью в ранних постановках пользовались обряды «сожжения старого строя», когда в кучи сбрасывались, а затем торжественно сжигались под звуки «Интернационала» и общего ликования короны, гербы, портреты и другие атрибуты, по мнению толпы, символизировавшие старый режим. Подобные «казни» устраивали и для набитых соломой чучел генерала, помещика, купца и т. д.⁴ Переходные мотивы обыгрывались не только посредством символического уничтожения. Идеи обновления миропорядка воплощались через художественное оформление празднеств и игры с пространством. Масштабные футуристические декорации, изготовленные Н. И. Алтманом, Д. П. Штеренбергом, И. А. Пуни, В. В. Лебедевым к празднествам 1918–1919 гг., не просто украшали место действия. Они, закрывая собою «святыни», дворцы и памятники, разрушая их привычный облик новыми формами, выполняли, по словам Я. Тугендхольда, «революционную миссию» – подрывали «старые рабские чувства» [Тугендхольд, с. 18] и расширяли тем самым пространство воображения.

Способом реализации мотивов преодоления были сцены столкновения и борьбы. Топографически это решалось с помощью противостояния двух пространств. Так, действие инсценировки, посвящен-

⁴ В событиях явно спроецированы образы архаической мифологии, представленные в эсхатологических мифах, см.: [Мелетинский, с. 222–225].

ной второй годовщине Февральской революции в Петрограде (март 1919 г.), разворачивалось на двух противоположных площадках – «самодержавной» (с Зимним дворцом и полицейским участком) и «революционной» (с заводом, фронтовым комитетом и революционным штабом). Они соединялись третьей площадкой – проходом, на котором и происходили столкновения [Цехновицер, 1927, с. 41]. В дальнейших празднествах и постановках третий элемент пространства как «мост между двумя мирами – арена их столкновений» встречается все чаще [Шубский, с. 4]. Двумя площадками («красной» и «белой») были представлены столкновения в мистерии «Взятие Зимнего дворца» в 1920 г., в постановке «О Коммуне» в 1921 г. (революционный Париж и белый Версаль), в инсценировках 1927 г. на Семеновском плацу («зона красных войск» и «зона белых войск») и на площади Урицкого («капиталистическая площадка» и «площадка СССР»). Все названные постановки происходили в Петрограде. В подобной «топографической» организации пространства А. Пиотровский видел успех празднеств 1920 г. [Пиотровский, 1926, с. 64].

Сюжеты столкновений, преобразующих мир после революционного апокалипсиса, акцентировали внимание на разрушительном начале революции и не раскрывали в полной мере ее позитивного значения. Мироощущение, создаваемое празднествами, как писал А. И. Мазаев, «есть мироощущение по преимуществу только сдвига» [Мазаев, с. 330], ему неведомы конструктивные и созидательные установки. Потому и финалом постановок и инсценировок служила, как правило, сама революция, апофеоз которой достигался массовым эмоциональным порывом, песнями, хороводами, маршами и т. д. Но, как справедливо отметил Дж. фон Гельдерн на примере «Мистерии-буфф» Маяковского, важное значение имел утопический элемент празднеств, предвещавший освобождение и гармонию будущего после апокалиптического краха старого мира. «Земля обетованная», несмотря на то что ее образ либо был мозаичен, либо вообще отсутствовал, представляла собой «конечную сумму апокалиптического уравнения» [Von Geldern, p. 68].

Мистерии и постановки не претендовали на создание готового образа идеального мира будущего, они как бы показывали путь к нему, развивая *эмоциональную вовлеченность* – своеобразный аффект, ответственный «за стремление реализовать утопию». Осуществление такого стремления можно проследить и на примере субботников (маевок), которые трактовались как «великий почин» [Ленин, 1970] и как «величайшая эпопея» [Маяковский, с. 272]. Новаторство этой формы праздничной культуры, появившейся после революции, состояло в том, что в ней отсутствовало традиционное противопоставление праздника трудовым будням. Незначительный экономический эффект от субботников перевешивала их символическая составляющая. Наиболее частыми сюжетами на праздниках-субботниках были закладка памятников, облагораживание территорий и т. д. Так, в мае 1920 г. прошли массовые

субботники: в Москве с участием Ленина были заложены памятники «Освобожденный труд» [Ленин, 1974b] и Карлу Марксу [Ленин, 1974a], в Петрограде была демонтирована ограда вокруг Зимнего дворца и был разбит сад на Марсовом поле [Пиотровский, 1926, с. 74]. Добровольный труд на благо общества не только приобщал к идеологии нового общества, но и давал ощущение соучастия в создании нового мира.

Уместно вспомнить слова М. М. Бахтина: «Чтобы какие-либо события обрели статус праздника, к ним должно присоединиться что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира *средств* и необходимых условий, а из мира *высших целей* человеческого существования, то есть из мира идеалов. Без этого нет и не может быть никакой праздничности» [Бахтин, с. 13–14].

* * *

Рассмотрение революционных празднеств в рамках утопической парадигмы позволяет сделать следующие выводы.

В постреволюционный период праздник занял одно из главных мест в советской культуре, превращая простых людей в участников судьбоносных событий, рыцарей революции, а рождавшийся в праздниках эмоциональный накал способствовал ощущению единения власти и народа. В конечном счете революционные празднества выполнили свою миссию легитимации революции, гармонизации хаоса, выстраивания собственной истории и укрепления нового социального строя. Через остранение дореволюционного бытия, историзацию того, что казалось вечным и неизменным, и проявляющийся тем самым подрывной эффект критики формировался навык воображать будущее.

Основными вехами в развитии рассматриваемого навыка стали археологическая операция по остранению реальности и экскавации из нее идеалов революционной борьбы, архитектурная перекодировка пространства, создающая возможность институализации революционных идеалов, и онтологический опыт приобщения участников празднеств к практикам нового мира через эмоциональную вовлеченность и сопереживание.

Новое понимание времени и пространства, а также объясняющие метафоры социально-политических трансформаций с их образами преодоления стали теми локусами, где возникала утопия как имманентный атрибут праздника. Элементы утопической мечты латентно присутствовали и высвечивались в символах и практиках массовых шествий и постановок, вовлекая их участников в «конкретную утопию», несмотря на то, что в самих сюжетах массовых акций практически отсутствовала детально проработанная и манящая своей идеальностью картина будущего.

К концу 1920-х гг. в советской праздничной культуре происходят значительные трансформации, касающиеся как организационной, так и содержательной ее сторон [см.: Кустова; Горин; Малышева,

с. 710]. Что особенно важно – постепенно угасает утопический пафос. Но принес ли какие-то плоды воплощенный в революционном празднике симбиоз праздничности и утопии? Подобно своему прообразу – празднику Французской революции, он знаменовал «начало времен» (М. Озуф), а также, вырабатывая сопричастность идеям нового мира, утверждал его начала в настоящем.

Список литературы

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худ. лит., 1990. 543 с.

Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1991. С. 49–78.

Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. 400 с.

Горин Д. Г. От карнавала к литургии: мотивы атеистической космогонии в главном советском празднике // Неприкосновенный запас : [сайт]. 2015. № 3 (101). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11510/ (дата обращения: 20.08.2020).

Жигульский К. Праздник и культура. Праздники старые и новые : Размышления социолога. М. : Прогресс, 1985. 336 с.

Кампанелла Т. Город Солнца. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. 228 с.

Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

Каспэ И. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М. : Новое лит. обозрение, 2018. 432 с.

Кирвель Ч. С. Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции. Минск : Университетское, 1989. 190 с.

Кустова Э. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас : [сайт]. 2015. № 3 (101). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/101_nz_3_2015/article/11509/ (дата обращения: 20.08.2020).

Лежеева О. М. Восьмая годовщина в клубах // Массовые празднества : Сборник комитета социологического изучения искусств. Л. : Academia, 1926. С. 182–189.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 33. С. 1–120.

Ленин В. И. Великий почин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 39. С. 1–29.

Ленин В. И. Речь при закладке памятника К. Марксу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1974а. Т. 41. С. 105.

Ленин В. И. Речь на митинге, посвященном закладке памятника освобожденному труду // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит., 1974б. Т. 41. С. 106.

Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М. : Сов. Россия, 1968. 376 с.

Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление: опыт историко-теоретического исследования. М. : Наука, 1978. 392 с.

Малышева С. Ю. Мифологизация прошлого. Советские революционные празднества 1917–1920-х годов // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2008. С. 682–710.

Маяковский В. В. Хорошо! Октябрьская поэма // Маяковский В. В. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Гослитиздат, 1955–1961. Т. 8. С. 233–328.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Вост. лит., 2000. 407 с.

Озуф М. Революционный праздник: 1789–1799. М. : Языки славян. культуры, 2003. 352 с.

Паниотова Т. С. Утопия в пространстве диалога культур. Ростов н/Д : РГУ, 2004. 305 с.

Пиотровский А. И. Хроника ленинградских празднеств 1919–22 г. // Массовые празднества : сборник комитета социологического изучения искусств. Л. : Academia, 1926. С. 53–84.

Пиотровский А. И. Меч мира // Пиотровский А. И. Театральное наследие – исследование, театральная критика, драматургия : в 2 т. СПб. : Балтийские сезоны, 2019. Т. 2. С. 761–789.

Плаггенборг Ш. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб. : Журн. «Нева», 2000. 416 с.

Польщиков Н. М. Амбивалентность празднеств (онтологические и поэтологические аспекты) // Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. М. : ИМЛИ РАН, 2002. С. 313–330.

Семенцов С. В., Сперанская В. С. Ленинский план монументальной пропаганды и традиции императорской столичной культуры // Вестн. гражданских инженеров. 2018. № 2 (67). С. 37–47.

Тихонов Н. Перекресток утопий // Серебряный век : Петербургская поэзия конца XIX – начала XX в. Л. : Лениздат, 1991. С. 315–316.

Тугендхольд Я. А. Искусство октябрьской эпохи. Л. : Academia, 1930. 199 с.

Цехновицер О. В. Демонстрация и карнавал: к десятой годовщине Октябрьской революции. М. : Долой неграмотность, 1927. 136 с.

Цехновицер О. В. Празднества революции. Л. : ОГИЗ : Прибой, 1931. 208 с.

Шалаева Н. В. Советский государственный праздник как механизм формирования репрезентативного образа власти и социокультурной коммуникации (1917–1920-е гг.) // Власть. 2013. Т. 21. № 1. С. 132–136.

Шубский Н. На площади Урицкого // Вестн. театра. 1920. № 75. С. 4–5.

Blanco Martínez R. La ciudad ausente. Utopía y utopismo en el pensamiento occidental. Madrid : ACAL S. A., 1999. 245 p.

Clark K. The City versus the Countryside in Soviet Peasant Literature of the Twenties: A Duel of Utopias // Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution / ed. by A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1985. P. 175–189.

Gardiner M. Bakhtin's Carnival: Utopia as Critique // Utopian Studies. 1992. Vol. 3. № 2. P. 21–49.

Geldern von J. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley : Univ. of California Press, 1993. 316 p.

Jameson F. Utopia as Method, or the Uses of the Future // Utopia/Dystopia: Conditions of Historical Possibility / ed. by M. D. Gordin, H. Tilley, G. Prakash. Princeton ; Oxford : Princeton Univ. Press, 2010. P. 21–44.

Levitas R. The Imaginary Reconstitution of Society: Utopia as Method // Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming / ed. by T. Moylan, R. Baccolini. Oxford : Peter Lang, 2011. P. 47–68.

Levitas R. Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society. L. : Palgrave Macmillan, 2013. XVIII, 288 p.

Polak F. The Image of the Future. Amsterdam : Elsevier, 1973. 319 p.

Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1991. 307 p.

References

Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais' Works and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 543 p.

Blanco Martínez, R. (1999). *La ciudad ausente. Utopía y utopismo en el pensamiento occidental*. Madrid, ACAL S. A. 245 p.

Bloch, E. (1991). Printsip nadezhdy [The Principle of Hope]. In Chalikova, V. A. (Ed.). *Utopiya i utopicheskoe myshlenie. Antologiya zarubezhnoi literatury*. Moscow, Progress, pp. 49–78.

Bloch, E. (1997). *Tyubingenskoe vvedenie v filosofiyu* [The Tübingen Introduction in Philosophy]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 400 p.

Campanella, T. (1954). *Gorod Solntsa* [The City of the Sun]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 228 p.

Clark, K. (1985). The City versus the Countryside in Soviet Peasant Literature of the Twenties: A Duel of Utopias. In Gleason, A., Kenez, P., Stites, R. (Eds.). *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington, Indiana Univ. Press, pp. 175–189.

Gardiner, M. (1992). Bakhtin's Carnival: Utopia as Critique. In *Utopian Studies*. Vol. 3. No. 2, pp. 21–49.

Geldern von, J. (1993). *Bolshevik Festivals, 1917–1920*. Berkeley, Univ. of California Press. 316 p.

Gorin, D. G. (2015). Ot karnavala k liturgii: motivy ateisticheskoi kosmogonii v glavnom sovetskom prazdnike [From Carnival to Liturgy: Motifs of Atheistic Cosmogony in the Main Soviet Holiday]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 3 (101). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/101_nz_3_2015/article/11510/ (accessed: 20.08.2020).

Jameson, F. (2010). Utopia as Method, or the Uses of the Future. In Gordin, M. D., Tilley, H., and Prakash, G. (Eds.). *Utopia/Dystopia: Conditions of Historical Possibility*. Princeton, Oxford, Princeton Univ. Press, pp. 21–44.

Kant, I. (1964). *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. In Kant, I. *Sochineniya v 6 t.* Moscow, Mysl'. Vol. 3. 799 p.

Kaspe, I. (2018). *V soyuze s utopiei. Smyslovye rubezhi pozdnesovetskoj kul'tury* [In Alliance with Utopia. The Semantic Boundaries of Late Soviet Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 432 p.

Kirvel', Ch. S. (1989). *Utopicheskoe soznanie: sushchnost', sotsial'no-politicheskie funktsii* [Utopian Consciousness: The Essence, Social and Political Functions]. Minsk, Universitetskoe. 190 p.

Kustova, E. (2015). Sovetskii prazdnik 1920-kh godov v poiskakh mass i zrelishch [The Soviet Holiday of the 1920s in Search of Masses and Spectacles]. In *Neprikosnovennyi zapas*. No. 3 (101). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/101_nz_3_2015/article/11509/ (accessed: 20.08.2020).

Lenin, V. I. (1969). *Gosudarstvo i revoliutsiya* [State and Revolution]. In Lenin, V. I. *Sochineniya v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 33, pp. 1–120.

Lenin, V. I. (1970). *Velikii pochin* [The Great Initiative]. In Lenin, V. I. *Sochineniya v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 39, pp. 1–29.

Lenin, V. I. (1974a). *Rech' pri zakladke pamyatnika K. Marksu* [Speech at the Stone-Laying Ceremony for a Monument to Karl Marx]. In Lenin, V. I. *Sochineniya v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 41, p. 105.

Lenin, V. I. (1974b). *Rech' na mitinge, posvyashchenom zakladke pamyatnika osvobodennomu trudu* [Speech at a Meeting Dedicated to the Laying of the Foundation Stone of a Monument to Liberated Labour]. In Lenin, V. I. *Sochineniya v 55 t.* Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 41, p. 106.

Levitas, R. (2011). The Imaginary Reconstitution of Society: Utopia as Method. In Moylan, T., and Baccolini, R. (Eds.). *Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming*. Oxford, Peter Lang, pp. 47–68.

Levitas, R. (2013). *Utopia as Method: The Imaginary Reconstitution of Society*. L., Palgrave Macmillan. XVIII, 288 p.

Lezhoeva, O. M. (1926). Vos'maya godovshchina v klubakh [The Eighth Anniversary in Clubs]. In *Massovye prazdnestva. Sbornik komiteta sotsiologicheskogo izucheniya iskusstv*. Leningrad, Academia, pp. 182–189.

Lunacharskii, A. V. (1968). *Vospominaniya i vpechatleniya* [Memoirs and Impressions]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 376 p.

Malysheva, S. Yu. (2008). Mifologizatsiya proshlogo. Sovetskie revolyutsionnye prazdnestva 1917–1920-kh godov [Myths of the Past: Soviet Revolutionary Feasts of 1917–1920s]. In Repina, L. P. (Ed.). *Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii*. Moscow, Krug", pp. 682–710.

Mayakovsky, V. V. (1958). Khorosho! Oktyabr'skaya poema [Good! The October Poem]. In Mayakovsky, V. V. *Polnoe sobranie sochinenii v 13 t.* Moscow, Goslitizdat. Vol. 8, pp. 233–328.

Mazaev, A. I. (1978). *Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoe yavlenie: opyt istoriko-teoreticheskogo issledovaniya* [Holiday as a Social and Artistic Phenomenon: Experience of Historical and Theoretical Research]. Moscow, Nauka. 392 p.

Meletinsky, E. M. (2000). *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, Vostochnaya literature. 407 p.

Ozouf, M. (2003). *Revolutsionnyi prazdnik: 1789–1799* [Revolutionary Festival: 1789–1799]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury. 352 p.

Paniotova, T. S. (2004). *Utopiya v prostranstve dialoga kul'tur* [Utopia in the Space of a Dialogue of Cultures]. Rostov-on-Don, Rostovskij gosudarstvennyi universitet. 305 p.

Piotrovskii, A. I. (1926). Khronika leningradskikh prazdnestv 1919–22 g. [Chronicle of the Leningrad Festivals of 1919–22]. In *Massovyje prazdnestva. Sbornik komiteta sotsiologicheskogo izucheniya iskusstv.* Leningrad, Academia, pp. 53–84.

Piotrovskii, A. I. (2019). Mech mira [Sword of the Peace]. In Piotrovskii, A. I. *Teatral'noe nasledie – issledovaniya, teatral'naya kritika, dramaturgiya v 2 t.* St Petersburg, Baltiiskie sezony. Vol. 2, pp. 761–789.

Plaggenborg, St. (2000). *Revolutsiya i kul'tura: kul'turnye orientiry v period mezhdu Oktyabr'skoi revolyutsiei i epokhoi stalinizma* [Revolution and Culture: Cultural Marks in the Period between the October Revolution and the Stalinist Era]. St Petersburg, Zhurnal “Neva”. 416 p.

Polak, F. (1973). *The Image of the Future.* Amsterdam, Elsevier. 319 p.

Pol'shchikov, N. M. (2002). Ambivalentnost' prazdnestv (ontologicheskie i poetologicheskie aspekty) [Ambivalence of Celebrations (Ontological and Poetological Aspects)]. In *Iberica Americans. Prazdnik v iberoamerikanskoj kul'ture.* Moscow, Institut mirovoj literatury RAN, pp. 313–330.

Sementsov, S. V., Speranskaya, V. S. (2018). Leninskij plan monumental'noi propagandy i traditsii imperatorskoj stolichnoj kul'tury [Lenin's Plan of Monumental Propaganda and the Traditions of Imperial Capital City Culture]. In *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov.* No. 2 (67), pp. 37–47.

Shalaeva, N. V. (2012). Sovetskij gosudarstvennyi prazdnik kak mekhanizm formirovaniya reprezentativnogo obraza vlasti i sotsiokul'turnoi kommunikatsii (1917–1920-e gg.) [The Soviet State Holiday as a Mechanism for the Formation of a Representative Image of Power and Socio-Cultural Communication (1917–1920s)]. In *Vlast'.* Vol. 21. No. 1, pp. 132–136.

Shubskii, N. (1920). Na ploshchadi Uritskogo [On the Uritskii Square]. In *Vestnik teatra.* No. 75, pp. 4–5.

Stites, R. (1991). *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution.* N. Y., Oxford, Oxford Univ. Press. 307 p.

Tikhonov, N. (1991). Perekrestok utopii [The Crossroads of Utopias]. In *Serebryanyi vek. Peterburgskaya poeziya kontsa XIX – nachala XX v.* Leningrad, Lenizdat, pp. 315–316.

Tsekhnovitser, O. V. (1927). *Demonstratsiya i karnaval: k desyatoi godovshchine Oktyabr'skoi revolyutsii* [Demonstration and Carnival: For the 10th Anniversary of the October Revolution]. Moscow, Doloi negramotnost'. 136 p.

Tsekhnovitser, O. V. (1931). *Prazdnestva revolyutsii* [Festivities of Revolution]. Leningrad, OGIZ, Priboi. 208 p.

Tugendkhol'd, Ya. A. (1930). *Iskusstvo oktyabr'skoi epokhi* [Art of the October Era]. Leningrad, Academia. 199 p.

Zhigul'sky, K. (1985). *Prazdnik i kul'tura: Prazdniki starye i novye. Razmyshleniya sotsiologa* [Holiday and Culture: The Old and New Holidays. A Sociologist's Reflections]. Moscow, Progress. 336 p.

**Сибирский эксперимент
в истории советского академического сообщества:
бытовой и гендерный аспекты***

Наталья Пушкарева

Александр Жидченко

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва, Россия

**The Siberian Experiment in the History
of the Soviet Academic Community:
Everyday and Gender Aspects**

Natalya Pushkareva

Alexander Zhidchenko

Institute of Ethnology and Anthropology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

This article studies a unique page in the history of Soviet academic life, the attempt to create especially favourable living conditions for scientific work in the Novosibirsk Akademgorodok (literally, Academic Town) as reflected in the memory of its first settlers in the 1950s-1960s. The details of their everyday life, such as living in panel barracks, family self-organisation for supplying and providing food, caring for and educating children, and organising cultural life receive new meanings within the framework of “everyday life studies” and gender anthropology. Having processed memories, personal correspondence kept in the Open Archive of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

---

* Поддержано грантом РНФ 22–28–01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма».

** *Citation*: Pushkareva, N., Zhidchenko, A. (2022). The Siberian Experiment in the History of the Soviet Academic Community: Everyday and Gender Aspects. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 593–611. DOI 10.15826/qr.2022.2.690.

Цитирование: Pushkareva N., Zhidchenko A. The Siberian Experiment in the History of the Soviet Academic Community: Everyday and Gender Aspects // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 593–611. DOI 10.15826/qr.2022.2.690 / Пушкарева Н., Жидченко А. Сибирский эксперимент в истории советского академического сообщества: бытовой и гендерный аспекты // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 593–611. DOI 10.15826/qr.2022.2.690.

video materials, and press data, the authors try to prove that the creators of Akademgorodok did their best to avoid formal restrictions imposed on women's professional self-realisation. Also, the authors seek to answer whether a scientific career was an end in itself for women, to what extent it was possible to go through the "glass ceiling" (which was stronger at higher levels of the career ladder and much easier to break at the beginning), and how desirable the prospect of professional growth was for women in an exceptional domestic environment. On the basis of oral and written testimonies left by the women scientists who lived and worked in the Akademgorodok, the article recreates the picture of changes in everyday life, their impact on scientific work or the formal presence of women in the Novosibirsk academic community, and on leisure and recreation for their families. It also analyses the social infrastructure and the colour of cultural life that contributed to (and sometimes opposed) women's professional growth. The multiple differences in the living conditions of women scientists in the early history of Akademgorodok appear to have caused differences in the life and professional strategies of those from those in the capital: their desire to save their marriages, play the role of housewives, and, in the families of famous and high-status scientists, to perform representative functions. The authors believe that the above patterns impeded the development of women's scientific careers for reasons no other than a special spirit of collectivism and quasi-family mutual support in an atmosphere where there was no need to think about personal academic ambitions. Most of the scientists' wives and the scientists themselves worked without setting ambitious goals of conquering the academic Olympus, nor they did admit to dreams of moving to the capitals or research centres abroad. Having lived all their lives in the Akademgorodok, they turned out to be the main keepers of the historical memory of the everyday changes in the scientific city, the creation of which could not be repeated either in Troitsk near Moscow or much later in Skolkovo.

Keywords: gender, anthropology of everyday life, everyday life, Akademgorodok, academic community, social memory

Рассмотрена уникальная страница в истории советской академической жизни – создание особо благоприятных для научной работы бытовых условий в новосибирском Академгородке, какой она запечатлелась памятью первых его поселенцев 1950–1960-х гг. Детали их обыденности – проживание в щитовых бараках, семейная самоорганизация для снабжения и обеспечения едой, уход за детьми и их воспитание, организация культурной жизни – получают в рамках «повседневноведения» и гендерной антропологии новые смыслы. Обработав воспоминания, личную переписку в Открытом архиве Сибирского отделения РАН, видеоматериалы и данные прессы, авторы показывают, что создатели Академгородка всеми силами старались избежать формальных ограничений в профессиональной самореализации женщин. Но была ли для них научная карьера самоцелью, насколько было возможно преодоление «стеклянного потолка», насколько важна была перспектива профессионального роста в обстановке исключительной бы-

товой устроенности? На основании устных и письменных свидетельств, оставленных женщинами-учеными, жившими и трудившимися в городке, в статье воссоздана картина перемен в быту, определено их влияние на процесс научной работы, содержание досуга и отдыха их семей, проанализированы социальная инфраструктура и тот колорит культурной жизни, который способствовал (а иногда противостоял) профессиональному росту женщин. Множественные отличия условий быта женщин-ученых в начальной истории Академгородка предстали причинами иных, нежели в столице, жизненных и профессиональных стратегий – их стремления сохранять брак, исполнять роль хозяек, а в семьях известных и статусных деятелей науки – поддерживать представительские функции. Авторы полагают, что перечисленные паттерны оказались факторами сдерживания роста научной карьеры для женщин в не меньшей мере, чем особый дух коллективизма и квазисемейной взаимоподдержки, когда не надо было задумываться о личных научных амбициях. Большинство жен ученых и сами научные сотрудницы трудились, не ставя амбициозных задач ранней защиты докторских диссертаций и покорения академического олимпа, не признавались в мечтах о переезде в столицы или в научные центры за рубежом. Прожив всю жизнь в Академгородке, они оказались основными хранительницами исторической памяти о переменах в бытовой жизни наукограда, ранней истории его повседневности, повторить опыт создания которой ни в подмосковном Троицке, ни много позже в Сколково уже не удалось.

Ключевые слова: гендер, антропология повседневности, быт, Академгородок, академическое сообщество, социальная память

Соревнование СССР и США в борьбе за технологическое превосходство поставило вопрос о том, что для исполнителей научного прорыва необходимо создать особые бытовые условия. Если в США центром создания особого анклава стали Кремниевая долина в Южной Калифорнии и расположенный там Стендфордский университет, то в СССР таким местом неожиданно для многих стала Сибирь.

Осенью 1957 г. Бюро ЦК КПСС специальным постановлением поддержало инициативу академика М. А. Лаврентьева о создании на берегу Обского моря в 30 км от Новосибирска наукограда – Академгородка. В нем вели исследования более чем по 500 научным темам 11 академиков, 40 членов-корреспондентов Академии наук, полторы сотни докторов наук и более полутора тысяч кандидатов [Гордиенко]. Но в имеющихся публикациях «женский голос» практически не слышим, в недавнем издании авторы проанализировали этапы создания научных школ и пересказали несколько женских научных биографий, но почти не коснулись истории женской научной и вненаучной повседневности [Запорожченко, Шелегина]. Прояснить женский вклад в создание особой атмосферы городка можно, обратившись к письмам, интервью, воспоминаниям женщин, ставших первыми его на-

сельницами. В эго-документах подробно представлено пространство предметного мира и переживаний, связанных с обыденными практиками академического сообщества. Данные местной и центральной печати, визуальные источники, художественные произведения – все это делает картину жизни, запечатленную женской социальной памятью, достаточно полной и объемной.

В жизнеспособность идеи переселения ученых из Москвы, Ленинграда, Казани, Киева в неосвоенную сибирскую тайгу не верили поначалу даже в ЦК КПСС. Рассказывали, что иные из приглашенных к переезду отказывались, ссылаясь на жен: «Я-то согласен, но моя жена – ни в какую!» Примечателен сохраненный молвой ответ академика-геолога А. А. Трофимука на такие сомнения: «В Сибири много прекрасных женщин, они смогут вам заменить неговорчивую супругу!» [Трофимук, с. 14–15].

Из прибывших в конце 1950-х гг. по объявленному призыву более 60 % составили мужчины, 14,5 % – «прибывшие по семейным обстоятельствам» пары, 18 % – одинокая молодежь» [МУ Горархив. Ф. 33. Д. 16. Л. 3], привлеченная «духом авантюризма и холодком неизвестности» [Ермиков, с. 21]. Строящийся поселок сразу стал локусом смешения социальных страт, совместного проживания молодых научных работников и рабочих-комсомольцев «Сибкакадемстроя» [Дерибас, с. 11]. Все селились в палатках, первые зимы провели в щитовых домиках; «мужественно терпели» во имя будущего: планировалось построить 100 коттеджей и 250 четырехквартирных домов малой этажности [Качан]. Самих ученых поначалу было немного; слишком труден был быт, особенно зимой: «Снегу было так много, что иногда поутру невозможно было открыть входные двери. Их открывали, и мужчины, а иногда и женщины разгребали снег на дорожках, ведущих к дровам, к куче угля, к столовой, к производственным помещениям» [Марчук, с. 14].

На новое место потянулись аспирантки, одинокие самостоятельные научные сотрудницы с учеными степенями, члены семей научных работников. Отказывались уезжать имевшие в столицах взрослых детей и внуков, которых, по российской традиции, не хотелось оставлять [Кочина, 2000, с. 216; Кочина, 1974, с. 164]. Для женщин больше, чем для мужчин, имел значение фактор родственного примера. Экономист Т. И. Заславская уехала из Москвы в Сибирь в 1963 г. и писала оттуда сестре, лингвисту М. И. Черемисиной, такие восторженные письма, что и та согласилась перебраться и потом навсегда осталась в Сибири [Шестакова].

Лесную низину, в которой стояли финский домик М. А. Лаврентьева, часть коттеджей и помещение, служившее столовой, а вечером – кафе, предназначавшееся позже в том числе для приема именитых гостей городка и получившее название Дома ученых², поселенцы

---

² Лишь когда построили большой Дом ученых в 1967 г., старый стал называться малым Домом ученых.

назвали Золотой долиной. Это место для первопоселенцев Академгородка стало знаковым, поскольку именно здесь зародилась неординарная научная и творческая атмосфера будущего города ученых. Восторженно описывала это в 1959 г. аспирантка МИСИ Н. А. Притвиц (будущий ученый секретарь СО РАН): «...Столицы опустели ныне... / Покинув берега Невы и академии Москвы, / Цвет общества живет в долине. / В прославленной долине той, / Что называют Золотой» [Притвиц, 2017].

Жизнь городка аккумулировала черты будущего наукограда – корпоративность, творческую атмосферу, перенесение научного мышления в бытовой и жизненный обиход, некую замкнутость сообщества. 1,5 тыс. гектаров сибирского леса создали пространство новой научной повседневности, ощущаемое как «оазис свободы, место, где можно творчески трудиться, общаться с единомышленниками» [Иванова].

Отсутствие магазинов в городке, сложные бытовые условия преодолелись женским энтузиазмом: «закупали все необходимое коллективно», в баню «воду ведрами таскали из Зырянки и печи топили собственноручно заготовленными дровами» [Ибрагимова, Притвиц, с. 344; Титов, с. 39]. По дворам в начале 1960-х на всем протяжении Морского проспекта возили вкусный белый хлеб в «тележках» и молоко во флягах. Колоритная тетя Валя кричала пронзительным громким голосом: «За молоком! Кому молока?» Она же разливала свежее молоко по бидонам. Где-то в 1963 г. хлеб и фляги перекечевали в магазины в начале (дом 1) и в конце Морского (дом 54), туда же, где кафе «Улыбка», в которое сбегались аспиранты, студенты и вообще всякий люд. В 1964 г. за хлебом там выстраивались огромные «хрущевские» очереди – авантюра с кукурузой привела к нехватке пшеничной муки. Мылись в душевых, о них женщины вспоминали с теплотой: там «была замечательная акустика, и мы с подругой, любительницы романсов, использовали это... Наши голоса звучали, отражаясь от кафельных стен, и у нас появились поклонницы, которые, собираясь уходить, но завидев нас, снова раздевались и шли с нами» [Г. М.].

Большой сложностью для женского быта в Сибири оказалось отсутствие роддома, ясель и детсадов [Вильток]. «Семейные сотрудники институтов не понимали, что им делать. Как работать, как жить. У подавляющего большинства не было бабушек, и детей не на кого было оставить». Первый детский сад устроили по инициативе В. Е. Лаврентьевой – «бабы Веры», она покупала туда на полученную ее мужем-академиком госпремию одеяла и простыни [Качан; Баба Вера]. Сад существовал в одном из барачных корпусов, «поскольку жены тоже хотели работать, а не сидеть дома» [Лаврентьев].

Пока в городке не открылись кафе, женщины кормили по воскресеньям обедами холостых коллег своих мужей [Вишневский]. Они же наладили систему снабжения через стол заказов и выдачу талонов всем, включая студентов в общежитиях, определили очередность права на покупку натурального молока и т. п. [Г. М.; Жаркова].

Такого рода трудности «сибирские академины» (как их называли позже) считали терпимыми, поскольку воспринимали городок как «остров свободы», ощущали отделенность от столичной и партийной бюрократии: «мы жили на свободе; свобода творчества и свобода жизни – это взаимосвязано... можно было говорить и писать то, что не допускалось в других местах» [Притвиц, 2017].

Прибывшие были молоды, и жизнь их была неотделима от музыки и движения, на которые оставались силы и время даже после рабочего дня. «Кроме джаз-оркестра, по воспоминаниям замдиректора ДК “Академия” Марии Григорьевны Бакакиной, на площадке часто в обеденное и послерабочее время можно было увидеть танцующие пары – строители Академгородка приносили на площадку патефон, ставили пластинки и приглашали девушек танцевать – отказов не было» [Анисимова].

Большую часть времени жительницы городка работали, многие из них сами были научными сотрудницами или выполняли близкую к научной сфере работу в административном аппарате НИИ [Волдарская, Разина; Заславская, 2012]; хоть и «не все сумели найти на новом месте подходящее занятие, одни сделались только женами, матерями и помощницами мужей, другие работали в редакции журналов» [Кочина, 1974, с. 164–165]. В 1963 г. в Академгородке открылся Новосибирский государственный университет, где также многие жены ученых нашли работу. Уборку квартир после рабочего дня все жительницы сибирского наукограда делали сами, в отличие от московских товарок (жен столичных именитых ученых), часто пытавшихся переложить этот труд на домработниц. Значимую часть пространства их женского быта занимали культурные артефакты прошлого, настоящего и будущего. Так, щитовой домик академика П. Я. Кочиной был «обставлен причудливой смесью из чешского гарнитура “Аллон” и ящиков из-под яиц, апельсинов и химреактивов, в которых приехал багаж» [Притвиц, 2002]. Подобный интерьер был и у Лаврентьевых: гостиную, спальню, рабочий кабинет дополняла «утепленная веранда – добавка к избушке со множеством комнатных растений, которые хозяйка явно предпочитала гарнитурам и “стенкам”» [Ибрагимова, Притвиц, с. 344]. В этих домиках супруги ученых и сами научные работницы готовили и отмечали вместе праздники, встречались на воскресных обедах [Вишневский]: «семейные и холостые, хорошие или плохие, мы все бываем часто в нем, и все мы любим этот дом, где скучных церемоний светских, по счастью, и в помине нет». Стульев на всех не хватало, молодежь рассаживалась «на полу, на шкуре, что лежит в углу», и «пела песни, иногда тут же сочиняемые» [Кочина, 2000, с. 212–216]. Общей формой проведения досуга был тогда и совместный просмотр телепрограмм: «в 1959 или 1960 году супруги П. П. и Н. И. Белинские купили телевизор «Темп-3», по нему шла только одна программа. Смотреть фильмы к Белинским собиралась вся городковская молодежь, будущие доктора и академики» [Дерябина, Назаренко].

Особый дух свободы, который был типичен для Академгородка, поддерживался обсуждением на этих встречах информации «разноязычных радиостанций “свободного мира“»; те из жен, кто, как и В. Е. Лаврентьева, владели иностранными языками, «воспринимали информацию взволнованно, критично, насмешливо», кратко пересказывали услышанное [Ибрагимова, Притвиц, с. 344].

Трудно представить иной город в СССР даже времен оттепели, в котором бы на Первомайском шествии впереди демонстрантов «были не флаги и транспаранты, а молодые мамы с колясками, в которых ехали первые новорожденные Академгородка» [Рыцарева]. Это пространство коллективного «мы» было столь значимо для женщин, оказавшихся в Сибири со своими учениками и единомышленниками (таких, как математик П. Я. Кочина или экономист Т. И. Заславская), что могло оказаться значимее комфорта. Оно «объединило всех в сообщество, в котором пироги и кофе стали общими, как постоянная взаимовыручка – неотъемлемой частью быта», впрочем, как и бытовая вражда, сплетни и кухонные споры, что неизбежно при постоянном замкнутом общении [Г. М.; Л. С.].

Жившие научной коммуной не жаловались на отсутствие приватности. В сфере повседневности этих женщин объединенность была желаемой, а не навязанной, ведь мемуаристки рассказывали о днях молодости, и позитивное запомнилось лучше, чем травмировавшее. В праздники, по их словам, двери не запирали, ходили с поздравлениями, местом общения была лужайка: «однажды Наташа Притвиц позвала встречать Новый год на природе. Расчистили в лесу местечко, повесили гирлянды, провели свет... незабываемо!» [Дерябина]. Очевидицы вспоминали, что после приезда в 1959 г. в наукоград Н. С. Хрущева, распорядившегося о строительстве двухэтажных коттеджей для академиков, те остались в старом домике; журналистка З. Ибрагимова отметила, что «излишество площадей, нарочитая комфортность тяготили первую леди, лишенную нуворитетской тяги к роскоши, к вызывающей демонстрации благополучия» [Ибрагимова, Притвиц, с. 344]. Позже среди женщин оказалось немало тех, кому переезд в Сибирь сулил просторные квартиры рядом с прекрасно снабжавшимися магазинами и возможность сменить «низкое небо и застойную атмосферу» на «город-новостройку, где можно быстро получить квартиру и устроить жизнь по душе», и это поманило многих [Зверева].

Т. И. Заславская, в 1963 г. – молодой кандидат наук с двумя дочками, переехала в Академгородок по известным причинам: «безденежье, теснота, ограниченность времени для работы». Но, поскольку в Сибири тогда действовала негласная установка на ускоренное продвижение в действительные члены и академики АН СССР [Кочина, 2000, с. 212–216], в 1965 г. она уже защитила докторскую, создав новый курс экономической социологии, а в 1968 г. стала членом-корреспондентом АН СССР [Аганбегян, с. 13–14].

Контраст неустроенного быта и возможностей, которые были недоступны советским людям, но желанны [Gestwa], явила поездка в 1961 г. во Францию делегации ученых Академгородка [Век Лаврентьева, с. 140–141]. На том, чтобы в делегации были аспирантки, настояла В. Е. Лаврентьева («насколько это важно для молодежи, особенно нашей, живущей в такой глуши») [Ибрагимова, Притвиц, с. 344; Лаврентьев, с. 143]. Обыденность вспоминаящих о тех временах З. М. Ибрагимовой и Н. А. Притвиц стала конструироваться под влиянием впечатлений от другой, благоустроенной страны, тем более, что с 1961 г. в городке начался второй этап освоения пространства — жизнь в новых капитальных домах [Из истории, с. 34]. Часто заселение шло путем создания коммуналок в трехкомнатных квартирах (в них заселяли по две семьи, каждой – по комнате плюс общие столовая и кухня), но впоследствии их быстро расселяли: «Пройдешь по квартире – простор, есть, чем дышать», – писала Т. И. Заславская сестре [Вильток; Коллекции, 1963, 29 дек.]. «Скромные бытовые условия казались раем, ведь страна тогда стонала от бараков и коммуналок» [Зверева].

Под новые «малогабаритки» поставлялась соразмерная мебель; когда средств на ее покупку не хватало, почти нормой была беспроцентная помощь деньгами молодым семьям их коллег – профессоров и академиков [Петров]. Первыми получали новое жилье семейные, но и холостяки «знали: ждать ордера придется недолго» [Вишневский, с. 30]. Новые дома ставились рядом с НИИ, образуя зеленые дворы с площадками для сушки белья, отдыха и игр, с открытыми автостоянками. Множество навесов, беседок, скамеек позволяло создать особую среду общения, в каждом микрорайоне имелись свой Дом быта (в котором были магазины, парикмахерская, почта, сберкасса, прачечная), школа, детсад, клуб [Нагорянский, с. 33]. И все было «не провинциальное и не московское, а свое, особенное!» [Коллекции, 1963, 12 марта].

Интерес к обыденности в женской памяти иллюстрируют воспоминания о «механизации» детских кроваток. Так, В. Минин «приспособил к кроватке своих близнецов моторчик, и дети физика укачивались с помощью электроэнергии» [Притвиц, 2002]. В то время, как в Москве и Ленинграде в большинстве квартир стояли газовые плиты, жительницы городка, побывав во Франции, настояли на электрических [Николаев, с. 39].

Реконструкцию типовой квартиры ученых, проживавших здесь в 1960-е гг., можно увидеть в открытом в 2014 г. «Интегральном музее-квартире новосибирского Академгородка». Письменный стол, кресло, швейная и пишущая машинки – неотъемлемые атрибуты жительниц сибирского наукограда. На фотографиях – бесчисленные сувениры, привезенные из редких в те годы командировок за рубеж. Рядом – кино- и диапроекторы, телефонные и фотоаппараты, фены, утюжок для брюк с раздвоенным нагревательным элементом «Стрелка», лыжи, подшивки журнала «Работница»... В этот музей отдали свои платья, блузки, шляпки те, кто создавали этот мир более полувека назад, про-

демонстрировав, во что они одевались для официальных мероприятий. Тут же коричневые платья школьниц 1960-х, белые и черные фартуки к ним, коллекции книг с автографами А. Галича, Н. Эйдельмана, Л. Копелева, Б. Окуджавы – всех, кто посетили городок благодаря неутомимой энергии в том числе женщин-организаторов из клуба «Интеграл» и других энтузиастов [История музея].

Просмотр старых фото убеждает: переехавшие в середине 1960-х гг. в отдельные квартиры сохраняли тягу к прежним посиделкам. Шаг от коллективизма к приватности делать захотелось не всем; повседневность каждой семьи была поначалу у всех на виду, но она трансформировалась постепенно в пространство обычных поселений, сохранявших привычные шестидесятникам дружеские связи. Прозрачность коммуникативной среды делала каждого жителя видимым на «сцене жизни»; одних это тяготило, ведь каждое действие вольно или невольно оценивалось; другие воспринимали это позитивно, и старым практикам не мог помешать даже экспонентный рост числа приехавших; старожилы передавали новичкам привычку существовать открыто: «Едва ли не все “городковцы” дружили семьями, на дверях квартир можно было увидеть записки: “Просьба не звонить – спит ребенок. Ключ под ковриком”»; «Все двери были открыты, нигде не нужно было стучаться» [Вишневецкий; Дерябина, Назаренко].

Свою роль играло то, что прибывавшие не искали места работы, а уже оказывались прикрепленными к НИИ, где старшие брали младших под опеку [Ибрагимова, Притвиц, с. 119]. Девушек в технических науках становилось все больше; даже не строившие научной карьеры, они оказывались вовлеченными в культурную жизнь городка [Ямпольская; Балакина]. Единицы были подобны П. Я. Кочинной и Т. И. Заславской; последняя признавалась сестре: «о, вечное наше пристанище – работа, она одна укрывает и от мужа, и от любовника!» [Коллекции, 1964, 22 окт.]. И если безусловные профессиональные амбиции среди женщин проявляли редкие научные работницы, все свободное время отдававшие науке, то «обычные люди ходили по гостям» или часто принимали друзей у себя. Пение лирических песен под гитару стало тогда и в столицах, и в Сибири маркером перемен, как стремление самовыразиться в домашних стенгазетах вроде «Смеханики» – знаком нового образа повседневной жизни [Рыцарева].

Особенностью повседневности сибирских научных работников (и не только академиков) были практики приема в обычных квартирах именитых политиков и деятелей культуры. Например, А. А. и Е. И. Дерibas гостеприимно предлагали ночлег всем прибывшим и старались сделать свой дом «витриной социализма», как шутили хозяева. «Ким с Якушевой, Городницкий и другие известные барды», «Герасимов, Береговой и Нейл Армстронг» – кого только не видели эти стены, вспоминала дочь ученых А. А. Дерibas, оказавшаяся в 1958 г. первым ребенком, родившимся в Академгородке [Дерibas].

Готовность к тому, чтобы принять гостей, накрыть стол, а потом прибраться квартиру после посиделок была нормой; как бы ни утомлял такой стиль жизни, он был привычным. Желанием оправдать затраченное тогда время и усилия объясняются в воспоминаниях «списки» бывавших у разных хозяек знаменитостей. У математика И. Н. Векуа часто пела солистка новосибирской оперы Л. В. Мясникова, у кибернетика А. А. Ляпунова – ранее отбывавшая в Сибири ссылку пианистка В. А. Лотар-Шевченко, по приглашению жены создателя линейного программирования Л. В. Канторовича выступал А. И. Райкин, а гостем математика П. Я. Кочиной был поэт А. А. Вознесенский. Домашние вечеринки не исключали участия женщин-ученых и просто жен в приемах официальных делегаций; в 1959 г. сюда приезжал Р. Никсон, в 1967 г. – Шарль де Голль, в 1968 г. – И. Б. Тито. Теплота и дружелюбность семейных застолий, успешность сибирских академик как хозяек (которые и сами были значимыми личностями) так или иначе работали на позитивный имидж советской науки [Визит французов в Академгородок].

Занятые целый день в институтах, жены ученых и научные сотрудницы, живя близко от работы, имели время, чтобы расти профессионально и духовно, иные могли иметь и имели водительские права (хотя ни у кого из гуманитариев своей машины в 1960-е не было, а директорам полагались служебные). Тем не менее, журналисты заметили женщин за рулем («голубоватый «Москвич-407» слушается руки своей хозяйки беспрекословно») [Нагорянский, с. 34–35]. Ближние и дальние путешествия на машине были там, однако, мало, кому нужны; дети росли неотделимо от родителей-ученых: «ребятишкам было раздолье – летом они искали приключений среди отцовских приборов, а зимой катались с горок и устраивали лыжные экспедиции» [Первый].

Легко решался и вопрос о присмотре за детьми: «один институт выделял 3-комнатную квартиру, другой нанимал няnek, закупал холодильник, строил манеж» [Петров]. «Средний возраст жителей был близок к юности, модной была поговорка “ходить по колено в детях”» [Анисимова], «общегития кишмя кишели детворой, а коридоры и холлы были заставлены детскими колясками» [Г. М.]. Впоследствии одну из улиц городка так и назвали – Детский проезд; рядом там были и детсад, и школа. В 1960-е гг. женщины городка самоорганизовались в группы, нанимавшие одну няню для нескольких детей, а иногда сами по очереди играли и гуляли с ними (15 садов по 150 мест были переполнены) [Ибрагимова, Притвиц]. Безопасность детей была абсолютной; приехавшие из Саратова супруги сотрудники Института геологии и геофизики И. А. Олли и Р. С. Родин спокойно отпускали свою 5-летнюю дочь Алену одну в детский сад: он был недалеко от дома, где они жили [Олли, Романова]. «Идея научной элитарности как основы построения нового общества работала на судьбы двух, иногда трех поколений, но потом бесповоротно себя изжила» [Л. С.], – дети бывших строителей обучались вместе с детьми ученых, получавших

образование в «элитных» школах. Кстати, женщинам-ученым с детьми-школьниками справляться было нелегко; Т. И. Заславская жаловалась в письмах на то, что заниматься детьми не успевает, в дневниках у них двойки, а «поимка рабыни» (домработницы) невозможна: в Москве – по причине экономии, в Сибири – по причине отсутствия такой практики [Коллекции, 1961, 16 окт.].

Быстрое, удобное для большинства принятие решений, корпоративность и сходство образа жизни и бюджетов времени женщин Академгородка очевидно облегчали быт: «тебя всегда выручат в любое время дня и ночи, “не откладывая на ум”, кто, кому и сколько должен», – все жили рядом, деньги занимали друг у друга... С благодарностью вспоминались прекрасное снабжение и разумное размещение магазинов: «По дороге в долину – два магазина; не могу привыкнуть к виду витрин с манекенами в окружении леса». Снабжение в городке было неизмеримо лучше, чем в Новосибирске, где, «как и по всей нашей стране повального дефицита, полки магазинов пустовали» [Г. М.].

После показанного в 1966 г. фильма английской BBC «Сибирь: великий эксперимент», снимавшей супермаркет в Академгородке, в котором покупались иностранные консервы, вишневый компот и шоколадный пудинг, стало ясно, что о городке слагают особую историю повседневности [Сибирь: великий эксперимент; Веблен]. Превращение городка в «витрину социализма» было частью проекта идеального быта ученых, и быт реальный отличался от быта жителей множества советских городов по крайней мере до середины 1970-х гг. В дефиците были разве что модные вещи («Ученый мир попер, как на буфет, из-за подштанников подрались доктора», – запомнила одна из жительниц строчку веселой песни из институтского капустника) [Павлова, с. 175].

Почти до начала 1980-х гг. академины сохраняли дух свободы научного поиска, общения и культурной жизни начала 1960-х. Они по сей день вспоминают о вечерних встречах в клубах («после боя курантов бежали туда, не было билетов, все бросали вещи у входа, собирались в спортзале и продолжали веселье»), о знаменитых кафе «Под интегралом» и появившемся после публикации в 1965 г. повести Б. и А. Стругацких «НИИ Куда», о танцевальных залах (прообразах дискотек). Ученые дамы осваивали все виды творчества: сочиняли стихи, песни, увлекались фотографией, коллекционированием, флористикой и практической психологией, создав клуб «Научите меня жить» [Зверева]. При этом они успевали писать кандидатские (реже – докторские) диссертации, работали в литературном клубе «Гренада», клубе авторской песни, увлекались киноведением при киноклубе «Сигма», проводили досуг в танцклубе «Терпсихора» и в ансамбле дома культуры «Академия» [Заславская, 2007; Дерябина, Назаренко; Виттих, с. 167]. Перечисленные названия – говорящие; они выразительно характеризуют образовательный и культурный уровень их создательниц. Жившие в то время в наукограде полны воспоминаниями о насыщенности досуга, помнят подробности скандала с портретами певца Э. Пресли,

которые собирались нести на демонстрации учредители джаз-клуба, первые выборы «Мисс интеграл и ее производных» («в стране тогда еще не было конкурсов девушек, и поэтому те выборы казались чем-то необычным») [Качан]. В памяти респонденток – слова песен иностранных звезд, чьи записи в СССР были труднодоступны, а там их пластинки покупались. Сотрудница Института прикладной физики Н. Малых вспомнила, как «праздновали чей-то юбилей на квартире», и ей досталась роль поздравителя от марсиан-пришельцев: «На голову натянули противогаз, в рот я додумалась взять свисток», кто-то взялся «переводить такую речь» [Воспоминания].

Роль средоточия разнообразной внеаучной деятельности СО АН играл и Дом ученых, открытый в 1967 г. Научные сотрудницы нескольких НИИ превратили его сцену в желанное место выступлений – «от закрытых кинопоказов до коллективных приемов столичных театров» [Маттрос]. Здесь в 1970-е отвергали сталинизм и предлагали вернуться к истокам Великого Октября, по вечерам танцевали твист, пели песни А. Галича [Миндолин, с. 170], устраивали неформальные встречи.

Местом коллективного досуга были «прекрасная зеленая зона, рядом Обское море», пограничье с «красивейшим ботаническим садом». Занимались спортом, ходили по грибы и по ягоды («столько было рыжиков там, белых грибов и брусники») [Время свободомыслия; Олли, Романова], а для сторонниц более цивилизованного отдыха – рядом с очередным институтом, «во внутреннем дворике под ярким зонтиком, около бассейна с фонтаном» можно быть забыть «о резко континентальном климате Новосибирска» [Нагорянский, с. 34].

Зимой молодые сотрудники институтов прокладывали лыжню далеко вглубь леса, а вдоль дороги катались целыми семьями [Дерябина, Назаренко], женщины катались наравне с мужчинами: «После лыж заявлялись к кому-нибудь на квартиру, начинали лепить пельмени, чистить картошку и обязательно пели» [Олли]. Популярными были коньки, санки и даже купание в проруби (если верить пропагандистскому фильму для ВВС) [Сибирь].

Жизнь наполняла ощущением перспективы, учила умению работать в команде, ставить цели и достигать их, являла примеры достижимости финансового благополучия в случае успеха. Семьи профессоров привыкали к просторным квартирам четырехэтажных домов в центральной зоне (две квартиры на этаже). Это и отдаленно не напоминало московские «хрущевки». Семьи член-корроров и академиков могли рассчитывать на двухэтажные коттеджи в «Золотой долине». Личные автомобили, поездки за рубеж на конференции и конгрессы (в статусе жен участников), прием именитых гостей, «докторский» стол заказов с еженедельным отовариванием, относительно высокий размер зарплаты – многое предоставлялось жителям «академического олимпа», и это расслоение отличало их повседневность от быта рядовых научных работников, живших рядом. Но принадлежность к научному содружеству не позволяла

достигнувшим высот кичиться благами, в их воспоминаниях эти нравственные нормы оцутимы.

Как и во всей советской науке, число женщин, выдвинувшихся на ключевые для научных направлений посты, было ничтожно мало. «В городке было несколько пренебрежительное отношение к гуманитариям (что за наука без эксперимента), где традиционно женщины чувствуют себя уверенней, денег и мест выделялось меньше» [Л. С.], многие из женщин и не задумывались о том, что их кто-то или что-то ущемляет, поскольку на первое место ставили не карьеру, а научный поиск. Как и в столицах, бесчисленные «Эли и Вали» мыли пробирки, занимались расчетами, работали операторами ЭВМ, засиживались, когда им предоставлялось машинное время, до двух часов ночи [Притвиц], можно даже говорить о «маргинализации (статусной) тех слоев обслуживающего персонала, где это ценилось, но чей голос был не слышен» [Л. С.].

Отличные бытовые условия, живая общественная жизнь Академгородка незаметно ставили живущих в нем женщин перед нелегким выбором – спокойная жизнь в браке с успешным мужем-ученым или усилия по выстраиванию собственной карьеры. Впрямую о самопожертвовании во имя карьеры мужа никем не говорилось ни ранее, ни даже сейчас. Но сами рассказы о научной повседневности городка убеждают: если женщины были ниже мужей по статусу, то налаженный семейный быт и интересный досуг диктовали желательность стабильного брака. Они же и оказывались тормозом в женской карьере (не получать ученую степень или звание раньше мужа, не работать денно и ночью во имя научного открытия, не скандалить дома на тему равенства). Все домашние обязанности были, как и в большинстве семей тогда, женскими, а руководящие должности, известность и признание получили почти исключительно мужчины, для которых жены были просто поддержкой и опорой. Отдельные заметные примеры женских научных карьер в Академгородке имеются: П. Я. Кочина стала академиком еще в Москве – и избрание ее в академики было обусловлено непременным переездом в Сибирь; Т. И. Заславская была избрана член-корром в 1968 г., создала в Академгородке свою научную школу, а спустя пять лет покинула его... Но две судьбы женщин-академиков лишь подтвердили правило. Общая статистика СО АН СССР обнаруживает крайне малое число женщин, ставших член-коррами вообще, «при мужьях-академиках в частности» [Сибирские]. Это тренд последних двух десятилетий XXI в.; возможно, мужья создали возможности научного «лифта», помогая женам реализовать научные амбиции. Обратный пример семейной жизни – когда жена сделала карьеру быстрее мужа – один: Т. И. Заславская была уже доктором, потом членом-корреспондентом при муже – кандидате экономических наук; случаев, чтобы муж стал домохозяином при амбициозной супруге, ни в воспоминаниях о 1960-х гг., ни в научной статистике нет. Оглядываясь назад, некоторые из первопоселенок высказывают

убеждение, что «городок стал испытательным полигоном поздних браков и жизни вне брака», поясняя: «Мужчины не стремились жениться, а женщины – выйти замуж. Детей в семьях становилось минимально, и появился частый вариант неполных семей» [Л. С.].

* * *

Стараясь понять бытовую сторону жизни Академгородка как уникального феномена в истории науки, мы ограничились периодом оттепели и несколькими годами после. Во время стагнации «вольница с дискуссиями, выставками и концертами», свободной жизнью науки, как многие считали, закончилась. Правда до 1984 г. случались и студенческие карнавалы, и вольные, в том числе политически, капустники в университете, изредка бывали студенческие маевки с участием зарубежных гостей (в 1978 г. в таковой участвовала дочь чилийского коммуниста Л. Корвалана).

Анализируя бытовую повседневность Академгородка 1950–1960-х гг., запечатленную зорким женским взглядом, мы убедились: это была не просто страница истории академического сообщества, но особая «форма жизни» [Schlögel, S. 17]. Особый мир научного анклава был задуман как мир возможностей для совмещения научной работы и жизни семейной. Корпоративность, дружба, взаимопомощь интеллектуальной элиты формировали особый тип бытовой культуры; речь жителей городка отличалась правильностью и московско-питерскими интонациями; они сразу узнавались в толпе своей некоторой инаковостью. Ограничения, с которыми сталкивались женщины, имели подоплекой не гендерную дискриминацию, а большую традиционность семейных ролей. К тому же инициаторы наукограда приглашали в Сибирь кадры, готовые годами формировать этот научный центр, воспитывая ученых из сибиряков. По неписаным правилам городка предполагалось, что верность ему «оплачена» просторным бесплатным жильем, особым снабжением, разнообразием культурной жизни, свободой идей в научной корпорации. Потому там родилась и не свойственная столичной науке модель женского бытия в научном коллективе: в ней не придавалось значения тому, сама ли женщина известный ученый или только супруга одного, равные или разные с мужем у нее статусы в науке, какова скорость движения по карьерной лестнице. Воспоминания и визуальные материалы 1950–1960-х гг., проанализированные нами, доказали, что в этой «долине свободы» и междисциплинарного общения и женщины, и мужчины имели равные права вложить силы в создание городка, а далее на равных заниматься и наукой, и домом, осуществлять представительские функции на приемах. Однако возможности у каждого пола были все же разные, и вся городская и научная администрация, начальники и те, кто распределяли бюджеты, на 90 % были мужчинами.

Для абсолютного большинства женщин-ученых приоритетом оставалась возможность участвовать в бытовых обсуждениях, и – обговаривая одновременно успехи науки – заниматься воспитанием детей, обустройством быта, чувствуя себя частью научной среды, считая науку скорее профессией, нежели главной целью своей жизни. В этой же среде и с таким же настроением воспитывались и дети в семьях городковцев. Собственный прорыв на научном поприще (быстрее мужа получить степень, звание) мог поставить под угрозу стабильную семейную жизнь, так как мог потребовать долгосрочной командировки в другой город или страну, ожидание от мужа выполнения женской домашней работы или наличия средств для найма домашней помощницы. Однозначно в воспоминаниях представительниц научного сообщества Академгородка это не проговаривалось, но подобное ощущение прочитывается сквозь строки переживаний, отраженных в эго-документах многих женщин.

Важнее гендерного в уникальной «сибирской истории» советского академического сообщества был аспект бытовой – попытка построить не столько град науки с преодоленным гендерным неравенством, а «светлое будущее» в отдельно взятом небольшом анклав. Среди инициаторов проекта стойким было мнение о том, что новые институты и новые направления в науке должны осуществляться новым поколением, не зашоренным старыми идейными ограничителями. Ставка делалась на молодежь, потому в этом ограниченном локусе допускался другой (не сравнимый со столичным) уровень либерализма в высказываниях, создавалась особая художественная атмосфера, кипела культурная жизнь. Дом ученых стал, по воспоминаниям, тем пространством единения, где и участвовали в конференциях, и проводили свободное время, где было не принято говорить о тряпках, мебели или телевизоре, зато можно было – о западном фильме, книгах, сохранении природы, воспитании и научном поиске, где так или иначе, пусть до начала 1970-х гг., сохранялась вера в возможность через науку перестроить всю жизнь в отечестве. Все эти маркеры периода оттепели были настолько же системообразующими при конструировании бытового субстрата жизни «городковцев», насколько соответствовали своему времени, времени социального оптимизма и светлых ожиданий лучшего. Именно в преходящем характере этого явления, временной ограниченности периода стоит искать причины уникальности сибирского феномена и невозможности повторить его опыт позднее.

Список литературы

Аганбегян А. Г. Татьяна Заславская – Ученый с большой буквы // ЭКО. 2014. № 5. С. 5–14.

Анисимова А. Улицы в лицах : Семейный альбом улицы Терешковой и Детского проезда // Академия новостей : [сайт]. 2006. 27 июня. URL: <https://academ.info/news/4663> (дата обращения: 15.08.2021).

Баба Вера // Академгородок.info : [сайт]. 2004. 24 мая. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=14> (дата обращения: 15.08.2021).

Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 368 с.

Век Лаврентьева. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. 453 с.

Визит французов в Академгородок // Новосибирский городской фотожурнал : [сайт]. URL: https://vk.com/video-10392020_171038433 (дата обращения: 15.08.2020).

Вильток Я. Первый малыш Академгородка // Наш городок : [сайт]. 2010. 02 дек. URL: <http://academgorodok.info/index.php?ct=12&view=city> (дата обращения: 15.08.2010).

Вишневский Е. Городок в лучах заката // Неизвестная Сибирь. 2002. № 14. С. 28–30.

Володарская Е. А., Разина Т. В. Образ женщины-ученого в изобразительном искусстве СССР как отражение гендерного неравенства в науке // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8, № 1. С. 125–127.

Воспоминания Нины Малых // Проза.ру : [сайт]. 2017. 03 марта. URL: <https://www.proza.ru/2017/03/03/560> (дата обращения: 14.05.2021).

Время свободомыслия // Живой журнал : [сайт]. 2015. 17 июня. URL: <https://orionplus.livejournal.com/31697.html> (дата обращения: 14.05.2021).

Г. М. Общача у оврага // Академгородок-инфо : [сайт]. 2010. 10 дек. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=16> (дата обращения: 14.05.2021).

Гордиенко А. А. Новосибирский Академгородок – реликт «утраченного мира». Новосибирск : Ин-т философии и права, 2015. 355 с.

Дерибас А. А. Первый ребенок // Наука из первых рук : [сайт]. 2017. 19 мая. URL: <https://scfh.ru/lecture/pervyyu-/> (дата обращения: 14.05.2021).

Дерябина А., Назаренко Ю. Пили шампанское и кричали «ура!» // Советская Сибирь : [сайт]. 2019. 26 дек. URL: <http://www.sovsibir.ru/news/170050> (дата обращения: 15.08.2020).

Ермиков В. Д. Начинал как строитель... // И забыть по-прежнему нельзя... : сб. воспоминаний старожилов Академгородка. Новосибирск : [Б. и.], 2007. С. 20–21.

Жаркова Н. Шумы родного городка // Академгородок.info : [сайт]. 2008. 13 сент. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=10> (дата обращения: 15.08.2020).

Запороженко Г. М., Шелегина О. Н. «Сибирские академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю СО РАН // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). С. 237–250. DOI 10.31518/2618-9100-2019-3-19.

Заславская Т. И. Избранные произведения : в 3 т. М. : Экономика, 2007. Т. 3. 756 с.

Заславская Т. И. «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие – это наука» // Докторов Б. Современная российская социология : в 9 т. М. : ЦСПиМ, 2012. Т. 2. С. 16–49.

Зверева Р. П. С памятью от раскаленной планеты // Открытый архив СО РАН : [сайт]. Фонд устной истории и воспоминаний. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu_kray_634993802507080078_6482&eid=Oh_0001_0314 (дата обращения: 15.08.2021).

Ибрагимова З. М., Притвиц Н. А. «Треугольник Лаврентьева». М. : Сов. Россия, 1989. 335 с.

Иванова А. Четыре концептуальных взгляда на новосибирский Академгородок // Наука в Сибири : [сайт]. 2012. № 2. URL: <http://www.sbras.info/printed/archive> (дата обращения: 15.08.2021).

Из истории Новосибирского научного центра / отв. ред. Г. С. Мигиренко. Новосибирск : [Б. и.], 1962. 207 с.

История музея // Интегральный музей-квартира Новосибирского Академгородка : [сайт]. URL: <https://www.integralmuseum.ru/istoriya-muzeya> (дата обращения: 15.08.2021).

Качан М. Как начинался Академгородок // Тайга-инфо : [сайт]. 2018. 9 дек. URL: <https://tauga.info/144009> (дата обращения: 15.08.2021).

Коллекции фонда Т. И. Заславской и М. И. Черемисиной // Открытый архив СО РАН : [сайт]. Фонд устной истории и воспоминаний. Семейная переписка.

URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635766969644249164_-31004 (дата обращения: 15.08.2021).

Кочина П. Я. Воспоминания. М. : Наука, 1974. 299 с.

Кочина П. Я. Я благодарна ему за Сибирь... // Век Лаврентьева. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. С. 210–231.

Лаврентьев М. А. Люди первого набора // Век Лаврентьева. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. С. 131–136.

Л. С. (1948 г. р., Алтайский край). Воспоминания // Архив авторов. Запись от 15 авг. 2021 г.

Марчук О. Н. Сибирский феномен. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997. 236 с.

МУ Горархив – Муниципальное управление «Новосибирский горархив». Ф. 33. Д. 16.

Нагорянский Ю. Академгородок, его дома и магистрали // Юный техник. 1963. № 6. С. 32–35.

Олли И. А., Романова Н. Д. От первого лица // Годы молодые : док. фильм // Интегральный музей-квартира повседневности Академгородка : [сайт]. 2016. 05 февр. URL: <https://www.integralmuseum.ru/blank-qr49f> (дата обращения: 15.08.2021).

Петров А. К. Академ 1960-х: «отцы» и «дети» // Наука из первых рук : [сайт]. 2017. № 4. С. 15–16. URL: <https://scfh.ru/papers/akadem-1960-kh-ottsy-i-deti/> (дата обращения: 15.08.2021).

Притвиц Н. Дальневосточный ученый // Наука в Сибири. 2002. № 26–27. 5 июля. С. 8.

Притвиц Н. А. Столицы опустели ныне... // Наука из первых рук : [сайт]. 2017. 04 мая. URL: <https://scfh.ru/papers/stolitsy-opusteli-nyne/> (дата обращения: 16.08.2021).

Рыцарева С. Веселая летопись Академгородка // Академгородок-инфо : [сайт]. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=15> (дата обращения: 16.08.2021).

Сибирь: великий эксперимент : док. фильм. ВВС, 1966 // Интегральный музей-квартира повседневности Академгородка : [сайт]. Архив. 2020. URL: <https://www.integralmuseum.ru/arhiv> (дата обращения: 16.08.2021).

Трофимук А. А. Главный геолог. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2002. 330 с.

Шестакова В. «Делали все на коленках»: жизнь ученых-диссидентов в новосибирском Академгородке // Тайга-инфо : [сайт]. 2019. 10 окт. URL: <https://tauga.info/149350> (дата обращения: 16.08.2021).

Gestwa K. Der Sovjetmensch // Osteuropa. 2018. Jg. 68. H. 1–2. S. 55–82.

Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt. München : Beck Verlag, 2017. 912 S.

References

Aganbegyan, A. G. (2014). Tat'yana Zaslavskaya – Uchenyi s bol'shoi bukvoy [Tatyana Zaslavskaya – A Prominent Scientist]. In *EKO*. No. 5, pp. 5–14.

Anisimova, A. (2006). Ulitsy v litsakh [The Faces of Streets]. In *Akademiya novostei* [website]. June 27. URL: <https://academ.info/news/4589> (accessed: 15.08.2021).

Baba Vera (2004). In *Akademgorodok.info* [website]. May 24. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=14> (accessed: 15.08.2021).

Deribas, A. A. (2017). Pervyi rebenok [First Child]. In *Nauka iz pervykh ruk* [website]. May 19. URL: <https://scfh.ru/lecture/pervyy-/> (accessed: 14.05.2021).

Deryabina, A., Nazarenko, Yu. (2019). Pili shampanskoe i krichali „ura!“ [We Drank Champagne and Shouted “Hurrah!”]. In *Sovetskaya Sibir* ' [website]. Dec. 26. URL: <http://www.sovsibir.ru/news/170050> (accessed: 15.08.2021).

Ermikov, V. D. (2007). Nachinal kak stroitel'... [I Started as a Builder...]. In *I zabyt' po-prezhnemu nel'zya... Sbornik vospominanii starozhilov Akademgorodka*. Novosibirsk, S. n., pp. 20–21.

G. M. (2010). Obshchaga u ovrage [A Hostel in the Ravine]. In *Akademgorodok-info* [website]. Dec. 10. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=16> (accessed: 14.05.2021).

- Gestwa, K. (2018). Der Sovjetmensch. In *Osteuropa*. Jg. 68, H. 1–2, pp. 55–82.
- Gordienko, A. A. (2015). *Novosibirskii Akademgorodok – relikht „utrachennogo mira“* [Novosibirsk Akademgorodok – a Relict of a “Lost World”]. Novosibirsk, Institut filosofii i prava. 355 p.
- Ibragimova, Z. M., Pritvits, N. A. (1989). “*Treugol'nik Lavrent'eva*” [Lavrentiev's Triangle]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. 335 p.
- Istoriya muzeya [History of the Museum]. (2012). In *Integral'nyi muzei-kvartira Novosibirskogo Akademgorodka* [website]. URL: <https://www.integralmuseum.ru/istoriya-muzeya> (accessed: 15.08.2021).
- Ivanova, A. (2012). Chetyre kontseptual'nykh vzglyada na novosibirskii Akademgorodok [Four Conceptual Views on the Novosibirsk Akademgorodok]. In *Nauka v Sibiri* [website]. No. 2. URL: <http://www.sbras.info/printed/archive> (accessed: 15.08.2021).
- Kachan, M. (2018). Kak nachinalsya Akademgorodok [How the Akademgorodok Started]. In *Taiga-info* [website]. Dec. 9. URL: <https://taiga.info/144009> (accessed: 15.08.2021).
- Kochina, P. Ya. (1974). *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Nauka. 299 p.
- Kochina, P. Ya. (2000). Ya blagodarna emu za Sibir'... [I am Grateful to Him for Siberia...]. In *Vek Lavrent'eva*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 210–231.
- Kolleksii fonda T. I. Zaslavskoi i M. I. Cheremisinoi [Collections of the T. I. Zaslavskaya and M. I. Cheremisina Foundation]. (N. d.). In *Otkryti arkhiv SO RAN* [website]. Fond ustnoi istorii i vospominanii. Semeinaya perepiska. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635766969644249164_31004 (accessed: 15.08.2021).
- L. S. (1948 g. r., Altaiskii krai). *Vospominaniya* [L. S. (b. 1948, Altai Region). Memories]. (2021). In *Arkhiv avtorov*. August 15.
- Lavrentiev, M. A. (2000). Lyudi pervogo nabora [The People of the First Enrolment]. In *Vek Lavrent'eva*. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN, pp. 131–136.
- Marchuk, O. N. (1997). *Sibirskii fenomen* [Siberian Phenomenon] Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 236 p.
- Migirenko, G. S. (Ed.). (1962). *Iz istorii Novosibirskogo nauchnogo tsentra* [From the History of the Novosibirsk Scientific Centre]. Novosibirsk, S. n. 207 p.
- MU Gorarkhiv – Munitsipal'noe upravlenie “Novosibirskii gorarkhiv”* [“Novosibirsk City Archive” Municipal Institution]. Stock 33. Dos. 16.
- Nagoryanskii, Yu. (1963). Akademgorodok, ego doma i magistrali [Akademgorodok, Its Buildings and Highways]. In *Yunyi tekhnika*. No. 6, pp. 32–35.
- Olli, I. A., Romanova, N. D. (2016). Ot pervogo litsa [From the First Person]. In *Gody molodye. Dokumental'nyi fil'm* [Younger Years. A Documentary]. In *Integral'nyi muzei-kvartira povsednevnosti Akademgorodka* [website]. Febr. 5. URL: <https://www.integralmuseum.ru/blank-qy49f> (accessed: 15.08.2021).
- Petrov, A. K. (2017). Akadem 1960-kh: “ottsy” i “deti” [The Academia of the 1960s: “Fathers” and “Sons”]. In *Nauka iz pervykh ruk*. No. 4, pp. 15–16. URL: <https://scfh.ru/papers/akadem-1960-kh-ottsy-i-deti/> (accessed: 15.08.2021).
- Pritvits, N. (2002) Dal'nevostochnyi uchenyi [The Far Eastern Scientist]. In *Nauka v Sibiri*. No. 26–27. July 5, p. 8.
- Pritvits, N. A. (2017). Stolitsy opusteli nyne... [The Capitals Are Now Deserted...]. In *Nauka iz pervykh ruk* [website]. May 4. URL: <https://scfh.ru/papers/stolitsy-opusteli-nyne/> (accessed: 16.08.2021).
- Rytsareva, S. (2020). Veselaya letopis' Akademgorodka [A Cheerful Chronicle of Akademgorodok]. In *Akademgorodok-info* [website]. URL: <http://academgorodok.info/index.php?view=city&ct=15> (accessed: 16.08.2021).
- Schlögel, K. (2017). *Das sowjetische Jahrhundert. Archäologie einer untergegangenen Welt*. München, Beck Verlag. 912 S.
- Shestakova, V. (2019). “Delali vse na kolenkakh”: zhizn' uchenykh-dissidentok v novosibirskom Akademgorodke [“They Sketched on the Back of an Envelope”: The Life of Dissident Scientists in the Novosibirsk Akademgorodok]. In *Taiga-info* [website]. Oct. 10. URL: <https://taiga.info/149350> (accessed: 16.08.2021).

Sibir': velikii eksperiment. Documental'nyi fil'm. BBC, 1966 [Siberia: The Great Experiment. Documentary. BBC, 1966]. (2020). In *Integral'nyi muzei-kvartira povsednevnosti Akademgorodka* [website]. URL: <https://www.integralmuseum.ru/arhiv> (accessed: 16.08.2021).

Trofimuk, A. A. (2002). *Glavnyi geolog* [Chief Geologist]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 330 p.

Veblen, T. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa* [Leisure Class Theory]. Moscow, Progress. 368 p.

Vek Lavrent'eva [The Age of Lavrentiev]. (2000). Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 453 p.

Vil'tok, Ya. (2010). Pervyi malysh Akademgorodka [The First Baby of Akademgorodok]. In *Nash gorodok* [website]. Dec. 2. URL: <http://academgorodok.info/index.php?ct=12&view=city> (accessed: 15.08.2021).

Vishnevskii, E. (2002). Gorodok v luchakh zakata [The Town at Sunset]. In *Neizvestnaya Sibir'*. No. 14, pp. 28–30.

Vizit frantsuzov v Akademgorodok [A French Visit to Akademgorodok]. (2020). In *Novosibirskii gorodskoi fotozhurnal* [website]. URL: https://vk.com/video-10392020_171038433 (accessed: 15.08.2021).

Volodarskaya, E. A., Razina, T. V. (2017). Obraz zhenshchiny-uchenogo v izobrazitel'nom iskusstve SSSR kak otrazhenie gendernogo neravenstva v nauke [The Image of a Woman Scholar in the Fine Arts of the USSR as a Reflection of Gender Inequality in Science]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. Vol. 8. No. 1, pp. 125–127.

Vospominaniya Niny Malykh [Memoirs of Nina Malykh]. (2017). In *Proza.ru* [website]. March 3. URL: <https://proza.ru/2017/03/03/560> (accessed: 14.05.2021).

Vremya svobodomyслиya [The Time of Freethinking]. (2015). In *LiveJournal* [website]. June 17. URL: <https://orionplus.livejournal.com/31697.html> (accessed: 14.05.2021).

Zaporozhchenko, G. M., Shelegina, O. N. (2019). "Sibirskie akademiny": zhenshchiny-uchenyne, voshedshie v istoriyu SO RAN ["Siberian Academicians": Women Scientists Who Entered the History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. In *Istoricheskii kur'er*. No. 3 (5), pp. 237–250. DOI 10.31518/2618-9100-2019-3-19.

Zaslavskaya, T. I. (2007). *Izbrannye proizvedeniya v 3 t.* [Selected Works. 3 Vols.] Moscow, Ekonomika. Vol. 3. 756 p.

Zaslavskaya, T. I. (2012). "Ya s detstva znala, chto samoe interesnoe i dostoinoe zanyatie – eto nauka" ["I Knew from Childhood That the Most Interesting and Worthy Occupation is Science"]. In Doktorov, B. *Sovremennaya rossiiskaya sotsiologiya v 9 t.* Moscow, TsSPiM. Vol. 2, pp. 16–49.

Zharkova, N. (2008). Shumy rodnogo gorodka [Hometown Noises]. In *Akademgorodok-info* [website]. Sept. 13. URL: https://filosofiya/berdyayev/berdyayev_novoe_rel_sozn/02/ (accessed: 15.08.2021).

Zvereva, R. P. (2003). S pamyat'yu ot raskalennoi planety [With a Memory from a Hot Planet]. In *Otkrytyi arkhiv SO RAN* [website]. Fond ustnoi istorii i vospominanii. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu_kray_63499380250708007_8_6482&eid=Oh_0001_0314 (accessed: 15.08.2021).

The article was submitted on 09.01.2021

Гибель группы Дятлова в литературной мифологии и искусстве: от героизации – к профанации трагедии*

Ольга Турышева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Demise of the Dyatlov Group in Literary Mythology and Art: From Heroisation to Profanation of the Tragedy

Olga Turysheva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article reviews the artistic adaptation of the tragedy which took place in the North Ural Mountains in 1959 involving the demise of Igor Dyatlov's group of hikers. The author refers to eight works of art, including novels, stories, TV shows, and films, released between 1966 and 2020. This study is relevant as it reflects the need to analyse the reaction of art to a landmark event. No earlier attempts to analyse the works of art in question have been made. The author argues that Dyatlov's Pass is acquiring the status of a myth in artistic culture. The analysis is conducted chronologically in accordance with the release of the works of art. Without exception and for every text, the author analyses the content of the version of the tragedy and the peculiarity of its representation to reveal the work's aspiration to credibility and the message that seeks to create a perceptual response from the audience. The author reveals genre, content, and perception tendencies in the adaptation of the Ural myth. The way in which a work of art represents the event depends on the needs of the audience at a particular time in history. The author maintains that all the adaptations are meant for a mass audience. She also reconstructs the history of the function of the Dyatlov myth in popular literature over half a century. It is concluded that the artistic versions of the Dyatlov plot replace each other in accordance with a certain logic. Thus,

---

* *Citation:* Turysheva, O. (2022). The Demise of the Dyatlov Group in Literary Mythology and Art: From Heroisation to Profanation of the Tragedy. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 612–628. DOI 10.15826/qr.2022.2.691.

Цитирование: Turysheva O. The Demise of the Dyatlov Group in Literary Mythology and Art: From Heroisation to Profanation of the Tragedy // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 612–628. DOI 10.15826/qr.2022.2.691 / Турышева О. Гибель группы Дятлова в литературной мифологии и искусстве: от героизации – к профанации трагедии // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 612–628. DOI 10.15826/qr.2022.2.691.

the interpretation that is tragic and heroising and claims to be authentic is replaced by its opposite, i. e., one that is de-heroising. This in turn is replaced by the tragic concept of the doom of the human being in the face of irresistible forces, both natural and man-made: such is followed by ironic meta-reflection and commercial trash that turns tragedy into farce. At the current moment, the artistic development of this plot has a tragic heroic interpretation. It is proved that the logic of the changing trends of processing of the Ural myth is determined by the needs of a particular moment. In the 1960s, mass culture was driven by the goal of neutralising social tension in the face of the inexplicable. In the early 2000s, this culture was driven by expressing a fear of military and technological disasters and the strange manifestations of traumatised psyches. In the 2010s, the main factors behind mass culture were distrust in governments and intelligence agencies, as well as fear of the inexplicable mysteries of the universe: this has become, among other things, the basis of outright commercial speculation. The beginning of the new decade is once again marked by an attempt to calm public consciousness by means of a natural version that moves away from the conspiracy and man-made versions.

Keywords: Soviet myth, literary myth, mass culture, Dyatlov group

Художественное освоение трагедии, связанной с гибелью группы Игоря Дятлова в горах Северного Урала в 1959 г., описывается на основе восьми произведений: это романы, повести, кино- и телефильмы, вышедшие в свет с 1966 по 2020 г. Дятловский поход в художественной культуре обретает мифологический статус. Анализ художественных версий о гибели дятловцев предпринимается в соответствии с хронологией их создания. Рассматриваются содержание версии, субъектная специфика ее представления в тексте (для выявления степени претензии версии на достоверность и вектора работы с мифом), а также пафос, который формирует соответствующий рецептивный отклик. В ходе анализа были выявлены жанровые, содержательные и связанные с характером воздействия на читателя тенденции в обработке уральского мифа. Все существующие обработки сюжета принадлежат к продукции, ориентированной на массового реципиента, характер презентации события объясняется потребностями аудитории в рамках конкретного исторического момента. Реконструируются история и логика функционирования дятловского мифа в массовой литературе на протяжении полувека. Трагико-героизирующая и претендующая на достоверность трактовка сменяется противоположной – сказочно-дегероизирующей. На смену ей приходит трагическая концепция об обреченности человека перед лицом непреодолимых сил – как природных, так и техногенных; следом – ироническая метарефлексия и коммерческий трэш, превращающий трагедию в фарс; на данный момент наблюдается возобновление трагико-героизирующей тональности. В 1960-е гг. масскультом движет цель нейтрализации общественного напряжения перед лицом необъяснимого, в начале 2000-х – выражения страха перед военно-техническими катастрофами и странными проявлениями травмированной психики, в 10-е гг. XXI в. – недоверия к правительствам и спец-

службам и, с другой стороны, тревога перед необъяснимыми тайнами мироздания, ставшими в том числе основой откровенных коммерческих спекуляций. Начало нового десятилетия отмечено попыткой успокоить общественное сознание «природной» версией – при отмене других версий.

Ключевые слова: советский миф, литературный миф, поход группы Дятлова, маскультура

Гибель группы Игоря Дятлова в горах Северного Урала (1959) породила не только огромное количество документальных версий, призванных установить подлинные причины трагедии в опоре на факты, но и массив художественных гипотез произошедшего. Интенсивность образного осмысления трагического события объясняется обретением им мифологического статуса: литература и кинематограф постоянно к нему возвращаются, формируя версии в соответствии с запросом современной массовой аудитории. Одни из них предлагают имитацию аналитического расследования причин, другие исходят из потребности отдать дань памяти молодым людям, погибшим чудовищной смертью. Но есть такие версии, которые представляют собой откровенную спекуляцию на теме, развлекая аудиторию страшной сказкой, сотканной из актуальных фобий своего времени.

Семиотика дятловского мифа уже была предметом научного интереса, но в качестве мифотворческого материала исследовалась не художественная, а научно-популярная и публицистическая литература, а также деятельность сообщества, сложившегося вокруг загадки дятловского похода [Лебедев, Прилуцкий]. Авторы данной работы описывают дятловский миф в качестве феномена гражданской религии, семантическим ядром которой являются героизация участников похода и идеализация советского времени. Обращение к художественному дискурсу о событиях 1959 г. выявляет не только конструирование ностальгического мифа, но и его намеренное разрушение, а также его коммерческую деформацию.

Первая литературная презентация мифа о дятловском походе принадлежит перу уральского журналиста, писателя и краеведа *Юрия Курочкина* (1913–1994) в повести *Легенда о Золотой Бабе* (1963) [Курочкин]. Конкретные детали похода в повести трудноразличимы, что, видимо, связано с первоначальной засекреченностью дела о гибели группы Дятлова. Созданию мифа служит безусловная героизация участников похода. Дятловцы (в повести – лебедевцы, руководитель похода носит имя Тимофей Лебедев) погибают в результате резкого похолодания, покидая охотничью избушку каждый ради спасения другого. Сначала уходит Лебедев, узнав, что на поиски мансийского идола Золотой Бабы в одиночку отправился одержимый славой Ярослав Мальцев, не знающий об охране мансийцами священного места. Лебедев надеется предотвратить восхождение Ярослава на опасную гору. За Лебедевым, узнав о приближении ледяного бурана,

отправляются его товарищи. Последней избушку покидает возлюбленная Лебедева Фая, обнаружив, что ее друзья взяли неисправный компас. Погибают все, кроме вино-вника трагедии.

Ю. Курочкин, героизируя дятловцев, противопоставляет их самоотверженность и дружбу «первооткрывателю-одиночке», которым движет высокомерное тщеславие. Если Ярослав Мальцев «охотится за славой» и стремится произвести впечатление на других, то Лебедев отправляется в предгорье Шаманихи в надежде найти шурф горного хрусталя, необходимого в радиотехническом производстве.

Устремления Лебедева противостоят целям мошенника и преступника Натана Лабковского: тот отправляется на Северный Урал в надежде найти капище, в котором за несколько веков поклонения идолу якобы скопились невиданные богатства. Его история заканчивается жалким фиаско: за преступления, совершенные в погоне за золотом, он расплачивается потерей рассудка.

Помимо притчевой логики, бинарности в системе персонажей, героизации гибели героев, повесть Курочкина отличает отказ от какой-либо таинственности в изображении события. При том, что гибель дятловцев лишена загадочности и в подробностях объяснена, нарративный рисунок повести достаточно сложен. Повествование носит нелинейный характер, читателю предлагается самостоятельно восстановить последовательность событий и связать единой логикой разрозненные факты. Через использование сложного герменевтического кода и переакцентировку внимания реципиента со смысла тайны гибели туристов на разгадку сложного хитросплетения сюжетных линий Курочкину удается нейтрализовать обрушившееся на общество переживание ужаса, боли и необъяснимости того, что произошло с дятловцами в действительности. Субъектная организация повести нацелена на создание эффекта достоверности: она состоит из нескольких глав, каждая из которых представляет собой дневник одного из героев истории.

Автор следующей литературной версии – уральский журналист, писатель и участник поисковой операции 1959 г. Юрий Яровой (1932–1980) – поддерживает мифологический вектор в осмыслении события. В его повести *Высшей категории сложности* (1966) изменены

Игорь Дятлов в походе на Приполярный Урал (январь 1958 г.). Фото из материалов дела группы Дятлова, размещенное на сайте *Dyatlov Pass*

Igor Dyatlov on a hike to the Subpolar Urals (January 1958). Photograph from the materials of the case of the Dyatlov group on the *Dyatlov Pass* website

имена туристов, их число, место и время трагедии (в названии горы Рауп воспроизводится позывной поисковой группы, время события перенесено на 1962 г.), однако множество самых разных деталей свидетельствуют о том, что речь идет о походе Дятлова [Яровой].

Повесть Яровой имела ту же цель, что и повесть Курочкина, – понизить общественную тревогу, возникшую на почве необъяснимости обстоятельств гибели студентов УПИ. Журналист так же, как и его предшественник, предлагает сугубо материалистическую версию события: одна из девушек (Неля Васенина, прототипом которой является Зина Колмогорова) в странном нервическом порыве вышла из палатки, была сбита с ног ураганом, закричала, ей на помощь выскочили ее товарищи, которые тут же были разбросаны шквалом по каменистому склону и не смогли вернуться из-за травм и встречного ледяного ветра. В результате руководитель похода, носящий в повести имя Глеб Сосновский, приказал группе двигаться в сторону охотничьего зимовья, а сам предпринял попытку достать из палатки аптечку, чтобы потом нагнать товарищей на лыжах, но замерз под порывами ветра.

Достоверность выдвинутой версии поддерживается субъектной организацией повести, выстроенной от имени журналиста, участвующего в поисковой операции. В описание трудностей расследования рассказчик вставляет разговоры с прокурором, как бы протоколируя совместный поиск объясняющей версии. Повествование о расследовании чередуется с выдержками из дневников сосновцев и протоколов допроса выживших. Таким образом, самим участникам похода в повести предоставлена возможность рассказать о произошедшем. Яровой моделирует еще один документ – письмо Нели прокурору г. Кожары (имеется в виду г. Ивдель), в котором она кается в своей невольной вине. Кажется, что автор использовал все возможные приемы, поддерживающие убедительность его художественной версии, нацеленной на ослабление эмоционального напряжения от неизвестности обстоятельств гибели группы.

Эта «манипуляция» находит в повести нравственную компенсацию в героизации образа Сосновского, но, в отличие от безусловного героизирующего пафоса Курочкина, идеализация руководителя похода здесь становится предметом моральной рефлексии. На протяжении всего повествования журналист-рассказчик спорит с прокурором о вине Сосновского. Он также опровергает прокурорскую версию о ссоре, произошедшей в палатке, компрометирующую дятловцев, и настаивает, что Сосновский погиб героической смертью, самоотверженно спасая своих товарищей. В ответ на обвинительный приговор, посмертно вынесенный Сосновскому (не обеспечил дисциплину, оставил группу, обманув ее о своих намерениях, допустил неоправданный риск), рассказчик сравнивает Сосновского с Данко, предоставляя читателю право окончательного решения о степени ответственности руководителя. Отдав дань памяти дятловцам, Яровой все-таки преодолевает однозначную их героизацию. Христоподобие дятловцев, которое у Курочкина было

неопровержимой данностью, у Ярового превращается в предмет размышления об оправданности жертвы. Дидактическая задача такой рефлексии сообщается читателю в финале повести: предупредить возможную неосмотрительность последующих туристов, предостеречь их от необдуманных поступков.

Первая художественная интерпретация драматического сюжета гибели усилиями этих литераторов обретает мифологический статус: преследуя объяснительную цель, она предлагает героизирующую концепцию поведения советского человека в тяжелейших обстоятельствах. Вероятнее всего, своей терапевтической цели в отношении современников трагедии этот миф достиг: предложенная модель оказалась вполне удовлетворяющей тому, чтобы позволить литературе не обращаться к «дятловскому» сюжету на протяжении последующих 35 лет – до начала нового века.

Следующая версия принадлежит перу екатеринбургской писательницы *Анны Матвеевой* (род. 1972), автору романа *Перевал Дятлова* [Матвеева]. А. Матвеева подчиняет повествование поиску причин произошедшего, преодолевая и героизирующий пафос советского мифа о дятловцах, и его прагматику, которая связана с нейтрализацией тревоги у современников трагедии. Ее роман, наоборот, содержит интенцию обострения у читателя ужаса и боли. В разработке дятловского сюжета Матвеева предлагает совершенно новый мотив – мотив ответственности автора перед лицом той трагедии, которую он выбирает для художественного осмысления. В жанровом плане «Перевал Дятлова» – метароман, в нем от первого лица рассказывается о работе писательницы над его созданием. Причем замысел художественного расследования гибели туристов, как он описывается в романе, возникает на почве мистической апелляции самих дятловцев к автору: они приходят к дверям квартиры писательницы, как бы утверждая свое право на требование расследования. Компьютер героини самостоятельно начинает это расследование: без ее участия и к ее большому удивлению, он сам создает начало романа и его финал, корректируя выработанную ей версию до максимально достоверной. Автор, таким образом, оказывается избранником самих дятловцев, и следует признать в этом художественном приеме А. Матвеевой ее согласие на ответственный поиск причин произошедшего. Кроме дятловцев, автор оказывается избранником и тех, кто ведет расследование их гибели. Это студентка исторического факультета Света, обладательница важных документов, которая ищет писателя, способного создать достоверное повествование и встреча автора с которой была мистически запрограммирована судьбой. Также к расследованию изображенную писательницу призывает ее сосед, однокурсник Дятлова, завещавший ей все собранные в течение жизни документы, имеющие отношение к трагедии.

Мистическая составляющая сопровождает только выбор «нужного» автора и его призывание к работе над дятловским сюжетом. Сама деятельность писателя описана как расследование причин трагедии

в строгой опоре на документы (смоделированные автором и копии из архивного дела Дятлова, которые публикуются в романе). А. Матвеева выделяет подлинные документальные свидетельства графически, что позволяет читателю, заинтересованному только в фактической стороне дела, игнорировать художественный дискурс. В предисловии к роману ему предлагается выбрать свой способ рецепции: читать роман в полной версии, в которой история авторского расследования приправлена мистическим и любовным элементами, или сосредоточиться только на изучении документов. Таким образом, роман Анны Матвеевой демонстрирует уважение не только к жертвам трагедии, но и к читателю, адресату романа.

В отношении выдвигаемой версии гибели группы Анна Матвеева строго следует научно-документальной стратегии. Совместными усилиями герои приходят к концепции техногенной катастрофы во время военных испытаний. В разработку мифа Матвеева вводит намерение подчинить вымысел поиску подлинных причин трагедии. Предшествующая художественная героизация образа дятловцев здесь уступает место интенции объективного расследования.

Однако новая разработка дятловского сюжета привела к отмене ответственного расследования и презумпции сострадания жертвам трагедии. В романе екатеринбургской писательницы и психолога *Анны Кирьяновой* (род. 1969) *Охота Сорни-най* (2005) предпринимается радикальное переосмысление дятловского мифа, который впервые получает мистическое измерение и странную девальвирующую тональность [Кирьянова].

Сложно объяснить предпринятое Кирьяновой этическое обесценивание образов дятловцев, однако сама разрушающая миф тенденция в их изображении не вызывает сомнения. В системе персонажей нет ни одного героя, выведенного с симпатией, сочувствие вызывает только один персонаж – молодой врач Женя Меерсон, самоотверженный и преданный своему делу и друзьям, но лишенный здравого и спокойного взгляда на вещи в силу посттравматического синдрома (в детстве был узником нацистского концлагеря). Все остальные участники похода изображены в почти уничижительной, если не сказать оскорбительной тональности. Дятлов (фамилия руководителя похода оставлена, изменено только его имя) в изображении Кирьяновой патологически тщеславен: в обмен на обещанную должность заместителя декана он становится осведомителем КГБ. Другие участники похода – вор-клептоман, ждущий удобного момента обчистить рюкзаки своих товарищей и мечтающий расстрелять их, чтобы удовлетворить свою потребность во власти; убийца ненавистных соседей, причастных к разрушению его семьи; палач на службе КГБ, внедренный в группу ради исследования огненных шаров, в которых правительство подозревает результат американских военных испытаний; фарцовщик, надеющийся жениться на сокурснице ради прописки в квартире ее родителей; трус, разыгравший болезнь и отсидевшийся

в избушке одинокой манси. Из двух девушек одна – глупая и бесхарактерная красавица, другая – патологически завистливая дурнушка, втайне желающая подруге всяческого зла.

Складывается представление, что Кирьянова моделирует образы героев, преследуя цель этически оправдать их гибель. Причем образы дятловцев у Кирьяновой рифмуются с образом всей страны, для чего писательница подробно восстанавливает характеры и истории всех, кого туристы встречают в походе. Это спившийся манси, отвратительная продавщица в магазине Ивделя, торгующая водкой в обмен на шкуры соболей, замученная жизнью проводница в поезде и другие. Кирьянова таким образом рисует образ страны – нищей, злой, неразумной, страшной в своей злобе и неустроенности, то есть, по ее мысли, как представляется, достойной уничтожения со стороны оскорбленной природы. По версии Кирьяновой, дятловцев убивает богиня манси Сорни-най: она наказывает их за вторжение на свою территорию, бомбардируя огненными шарами.

Писательница колеблется в определении жанра своего романа, называя его то «романом о психологии», то мистическим романом [Тайны «Перевала Дятлова»]. Оба определения мало соответствуют жанровой специфике произведения: характеры одномерны, стереотипны и даже гротескны, мистическая составляющая, присутствующая в нарративе, необходимого для триллера рецептивного эффекта не вызывает. В жанровом плане роман Кирьяновой ближе всего к сказочному повествованию о нарушении запрета и наказании нарушителей. Мотив мести богини является универсальным в современной этнографической прозе о вогульских верованиях, связанной с судьбой «малых» народов [Мароши; Куликова].

Таким образом, Кирьянова ломает контуры мифа, изначально складывающегося вокруг дятловской истории, лишая его героического, трагического, сочувственного и материалистического измерения. Столь радикальная ломка мифа в романе А. Кирьяновой не в последнюю очередь поспособствовала тому, что во втором десятилетии XXI в. маскульт разразился целым фейерверком новых и самых разных версий. Начнем их обзор с книги тюменского писателя *Олега Архипова* (род. 1972) *Смерть под грифом секретно* (2012) [Архипов].

О. Архипов возвращает писательскую стратегию А. Матвеевой – стратегию поиска причин трагедии в опоре на документы и факты. Авторская номинация жанра – документальное исследование, «бесстрастное и непредвзятое... изучение мельчайших подробностей... трагедии» [Архипов, с. 7]. При этом исследование «честного литератора», как называет себя автор, сочетает в себе размышления над документами и версиями с художественным моделированием событий. Со всей очевидностью эта стратегия обнажает себя в главе, где О. Архипов предлагает описание событий роковой ночи, выполненное в глубоко сострадательной тональности. В соответствии с фантастической версией Ю. Архипова, туристов убила некая паранормальная

необъяснимая сила – светящийся шар, преследовавший дятловцев и наносивший по ним лучевые удары. Архипов не связывает эту силу с инопланетной агрессией, трактуя ее как неизвестное природное явление, между тем обладающее разумом, так как она «действовала сознательно и целенаправленно», ориентируясь в выборе поражающей цели на человеческий взгляд. «Жуткое психофизическое воздействие» и «энергетическая волна Объекта» и стали причинами гибели дятловцев.

В том же 2012 г. выходит другая научно-фантастическая версия – роман британского писателя Алана Бейкера (род. 1964) *Перевал Дятлова* [Бейкер]. Нарратив романа целиком сосредоточен на расследовании трагедии 1959 г. Это первый текст, в котором образы дятловцев и описание их похода отсутствуют. Действие разворачивается в начале XXI в. Роман написан от первого лица: субъектом повествования является психиатр первоуральской больницы, который получает задание от следственных органов дать психиатрическое заключение о состоянии журналиста Виктора Стругацкого, подозреваемого в убийстве своих товарищей, вместе с которыми он отправился в поход по следам дятловской группы. Записки психиатра чередуются с рассказами Виктора, которые передаются в романе от третьего лица, в нарратив включены допросы Виктора следователем Комаром. Единственное реальное лицо, выведенное в романе, – Юрий Юдин: Бейкер моделирует беседу с ним Виктора накануне собственного похода. Все остальные герои, которым приписана причастность к расследованию дела, вымышлены, также выдуманы найденные на месте гибели артефакты и изображения на фотографиях, якобы сделанных дятловцами.

Версия гибели дятловцев излагается Виктором опосредованно – через описание того, что произошло с его собственной группой в аномальной зоне в районе горы Холатчахль. А произошла встреча с порталами, которые созданы инопланетным разумом. Порталы (в романе – «инсталляции») путешествуют по вселенным и периодически посещают Землю. Эффектами, связанными с работой этих порталов, А. Бейкер объясняет все известные необъяснимые явления, среди которых такие аномалии, как Бермудский треугольник, Тунгусский метеорит, таосский гул и др. Однако непосредственной причиной гибели как группы Дятлова, так и группы В. Стругацкого стали действия секретных служб. Созданный ими проект «Сварог» не только охраняет от общественности тайну внеземного присутствия в горах Северного Урала, но и занимается строительством гигантского убежища в горе Ямантау, которое смогло бы обеспечить российскому правительству и его приближенным спасение в случае внеземного вторжения. Так научно-фантастическая версия сочетается в английском романе с конспирологической версией, впервые связавшей трагедию с деятельностью российских спецслужб.

В следующем произведении, разрабатывающем конспирологическую гипотезу, гибель дятловцев объясняется деятельностью амери-

канских спецслужб. Это версия *Бориса Акунина*, созданная им совместно с подписчиками его блога и впоследствии воплощенная в книге *Самая таинственная тайна* (глава «По следам группы Дятлова», 2013) [Акунин]. Согласно этой версии, американский суперагент, заброшенный на перевал для взятия проб воздуха и призванный доказать, что Советский Союз ведет подземные испытания ядерного оружия, обнаружил туристов и спровоцировал лавину, чтобы ликвидировать свидетелей. Акунинская версия заканчивается описанием моральных терзаний спецагента, кающегося в вине за гибель молодых ребят.

Новой является не только выдвинутая художественная версия, но и стратегия ее создания. В 2012 г. Акунин предложил читателям своего блога «интеллектуальный фитнес»: выбрать «самую таинственную загадку XX века» и поучаствовать в ее разгадке на поле художественного вымысла. Почти 50 % акунинской аудитории выбрали тайну гибели группы Дятлова. Подразумевая девять версий, Акунин провоцирует аудиторию на отсев восьми. А оставшуюся – «консенсусную» – оформляет в нарратив. Объясняя «механику выбора сюжетной линии коллективного повествования», Акунин пишет, что коллегиально выработанная шпионская версия, изложенная выше, не была для него притягательна. Поэтому он «пробовал манипулировать голосованием», чтобы склонить аудиторию к версии с инопланетным вторжением, однако подписчики акунинского блога остались непоколебимы. По сути, Акунин предпринял мониторинг массовых предпочтений в разработке дятловского сюжета, доказав склонность массового читателя к конспирологической разгадке (в его опросе участвовало порядка 5 тыс. чел.). Завершая проект, Акунин излагает собственную версию, которая интересна ему как писателю. В соответствии с ней лавину, нанесшую травмы дятловцам, спровоцировал инопланетный корабль, который приземлился на склон горы Холатчахль. Однако вземные существа проявили удивительную ответственность и предложили туристам переместиться на их планету для регенерации их поврежденных тел. Так как для осуществления регенерации им необходимы образцы человеческих тканей, Люда Дубинина с веселым удовольствием жертвует инопланетянам свой язык.

Акунин начинал свой проект с замечания о том, что прикосновение к истории дятловцев требует от автора особых нравственных обязательств. Однако кажется, что игровые возможности сюжета начинают конфликтовать с обозначенной моральной позицией, вызвав его ироническое завершение. Ирония, скорее всего, имеет своим предметом саму вземную версию, неоднократно выдвигавшуюся поисковиками, хотя и конспирологическая версия в исполнении Акунина тоже иронична. Представляется, что Акунин предлагает ироническую мета-рефлексию – рефлексию над рефлексией о гибели дятловцев.

Американский ответ на акунинскую конспирологию последовал мгновенно, но скорее всего он не был непосредственной реакцией на проект Акунина. Хотя совсем исключать такую зависимость нель-

зя, так как голливудский кинофильм *Тайна перевала Дятлова* (2013) является совместным российско-американским проектом, инициатором которого стали продюсеры Александр Роднянский и Сергей Мелькумов [Тайна перевала Дятлова]. Поставил фильм финский режиссер Рени Харлин – создатель многочисленных хорроров (самый известный – одна из серий «Кошмара на улице вязов» 1990 г.) и неоднократный победитель американской премии «Золотая малина» в номинации «Худший режиссер».

Киноповествование, как и в британском романе А. Бейкера, целиком сосредоточено на описании расследования дела Дятлова. Инициатор расследования – американская студентка, которая пишет курсовую работу о тайне гибели дятловцев и с благословения своего научного руководителя отправляется в поход на Северный Урал, собрав команду из пяти человек. Поход представлен как развлекательное мероприятие. На перевале Дятлова американские студенты обнаруживают бункер, но путешествие по нему предпринимают только двое: остальные оказываются или убиты его охранниками, в которых с очевидностью подразумеваются представители российских спецслужб, или растерзаны чудовищными мутантами, населяющими бункер. Мутанты – продукт военных опытов по телепортации людей. В них же и превращаются американские студенты, предприняв попытку войти в телепортационный туннель. Их обезображенные тела перемещаются в 1959 г. (очевидно, год начала советских экспериментов по телепортации), где занимают свое место среди других монстров радиоактивного подземелья. Хотя о гибели дятловцев не говорится ни слова, ее причину зрителю восстановить несложно: в концепции фильма они стали жертвами советских военных, так как слишком близко подошли к засекреченному бункеру.

Американский фильм не вызвал интереса у российской публики. Кинокритики справедливо причислили его к трэш-арту, обвинив его создателей в безответственности, вульгарности, заштампованности и неуважении к трагедии [Гагарина]. Впрочем, замыслом Рени Харлина очевидно руководила не интенция художественного освоения трагического сюжета, а реализация его мощного коммерческого потенциала.

В следующем 2014 г. к «монстрогенной» разработке дятловского мифа подключился *Discovery Channel*, выпустив сюжет *Русский йети: убийца жив* [Перевал Дятлова: гипотеза о йети]. Фильм выдержан в псевдодокументальном жанре: демонстрация документов из дела Дятлова и интервью с реальными криптозоологами сочетаются в фильме с их крайне тенденциозной подачей в угоду изначально выбранной версии о снежном человеке. Так, фотография с Тибо-Бриньолем, сделанная предположительно Зиной Колмогоровой, выдается за фотографию йети, преследовавшего туристов. Следствие на глазах зрителя ведут американский путешественник Майк Либецки и его русская переводчица Мария Кленокова, которые не только опрашивают свидетелей, но и рассказывают о собственной встрече

с йети (и не где-нибудь, а на перевале Дятлова), тем не менее, не сумев запечатлеть эту встречу на камеру.

Подтасовка фактов, нелепые заверения в «стопроцентной доказательности» фальшивых свидетельств, напыщенная серьезность, с которой выстраивается повествование о поисках, – отличительные черты жанра мокьюментари, к которому следует отнести фильм *Русский йети* – в силу того, что в нем издевательски разыгрывается документализм в очевидно коммерческих целях. Подобное откровенно коммерческое использование дятловского сюжета находим в романе современной рижской писательницы *Инны Балтийской* «Призрак с горы мертвецов» (2016) [Балтийская]. В этом романе трагедия, произошедшая с группой Дятлова, подвергается коммерческой «реанимации» с помощью одного из самых популярных ходов детективной литературы – расследования дела о серийном маньяке, убивающем женщин на протяжении десятилетий. Действие перенесено в 1987 г., имена героев изменены.

Главным виновником гибели «щегловцев», как дятловцы именуются в романе, является один из них – Эдуард, вор и мошенник, который отправляется в поход, чтобы встретиться на перевале с охранниками горных приисков и выкупить у них ворованные изумруды. Но так как щегловцы стали нечаянными свидетелями сделки, бандиты их убивают – в соответствии с чудовищным планом, тут же придуманным Эдуардом.

Благодаря новым документам, сфальсифицированным для него бандитами, Эдуард в другом городе получает юридическое образование и через много лет в звании капитана возвращается на родину, будучи назначенным следователем по делу о серийном удушении женщин. Однако он тут же использует почерк маньяка, задушив выжившую участницу похода, узнавшую его и через много лет. Имитируя следствие, Эдуард начинает встречаться с Ларисой Михеевой, сестрой своей бывшей возлюбленной, погубленной им в походе. В финале Лариса понимает, что Эдуард – убийца (и в том числе ее сестры), но симпатию к нему она преодолеть не может, разочарованно отказываясь и от союза с ним, и от разоблачения его преступлений.

Таким образом, И. Балтийская, возложив вину за гибель дятловцев на одного из них, позволяет тому избежать всякого наказания и предоставляет ему право на дальнейшую благополучную жизнь. Прощаясь с Ларисой, он обещает организовать тайную встречу, намекая на предложение, от которого та не сможет отказаться. И Лариса, от имени которой излагались события в части повествования, посвященной расследованию убийств женщин, в финале торжественно клянется своей погубленной Эдуардом сестре прожить за нее счастливую жизнь – с ее убийцей (!!).

Такой финал вызывает этическое недоразумение. Впрочем, и щегловцы изображены без какого-либо сочувствия и уважения (повествование о дятловцах выстроено от лица всезнающего автора):

из девушек одна красива и глупа, другая некрасива и завистлива. Щеглов мечтает о карьерном росте и материальном благополучии. Сам поход был предпринят им с целью прославиться, засветиться в газетах и так быть замеченным первой красавицей курса и руководством института. Ради этой цели Щеглов решил найти на горе Мертвецов йети. Поиск и пленение снежного человека – вот тайная цель похода, который он возглавил.

Концепция романа представляется крайне сомнительной и с этической, и с нарративной точек зрения: добавив сюжет о душители женщин, И. Балтийская, кажется, позаимствовала все другие мотивы из предыдущих версий дятловского сюжета, причем, как представляется, ориентируясь на самые низкие его образцы (отсутствие должной нравственной установки – у А. Кирьяновой, мотив йети – из фильма *Discovery Channel*).

История освоения дятловского сюжета в массовом искусстве заканчивается на данный момент российским телесериалом *Мертвая гора. Инцидент на перевале Дятлова* (в прокате – «Перевал Дятлова», 2020) [Мертвая гора]. Фильм вышел на экраны сразу после того, как генпрокуратура объявила о раскрытии тайны гибели группы Дятлова, связав ее с последствиями схода лавины. О завершении расследования генпрокуратуры на пресс-конференции 11 июля 2020 г. объявил юрист прокуратуры Свердловской области Андрей Курьяков, который в сентябре 2018 г. инициировал проверку материалов следствия по делу о гибели группы. Как выяснилось позже, заявление о том, что версия с лавиной нашла свое полное подтверждение, Курьяков делал без согласования с Генпрокуратурой, за что сначала был привлечен к дисциплинарной ответственности, а в ноябре 2020 г. уволен из ведомства. И именно в ноябре 2020 г. на телеэкран ГНТ вышел фильм «Перевал Дятлова», сценарий к которому написал Илья Куликов. Приступая к съемкам сериала в 2018 г. (как раз тогда, когда Курьяков инициировал новую проверку материалов следствия 1959 г.), его создатели объявили, что экранизируют официальную версию – ту самую, которая к моменту выхода фильма была дискредитирована действиями Курьякова и подвергнута жесткой критике со стороны общественности. В фильме излагается именно эта – еще до выхода фильма скомпрометированная – с сошедшим на палатку снежным пластом.

Реакция на фильм была ожидаемо негативной [Гусельников]. Создателей «Перевала Дятлова» обвинили в отступлении от достоверности, множественных ошибках в изображении похода, быта и мифологии хантов (которые в реальности никогда не жили в окрестностях горы Холатчачль и не поклонялись Сорни-най), а также в осквернении памяти дятловцев. Но еще большее возмущение вызвала разрабатываемая в фильме версия гибели группы – в первую очередь потому, что она была представлена как окончательная и неопровержимая. Фильм и начинается с претензии на документальную достоверность – майор КГБ Олег Костин, засекреченный руководитель

следствия, произносит фразу: «Никто не знает правду, кроме меня». Костин – вымышленная фигура, как и его помощница судмедэксперт Шуманова, которую сценарист вводит в фильм вместо реального патологоанатома Возрожденного – для возможности развернуть любовный сюжет. Заканчивается фильм так же – удовлетворенным сообщением Костина о том, что он уверен в версии с лавиной. На глазах зрителя Костин разоблачает все другие основные версии как несостоятельные (техногенная авария, инопланетное вторжение, убийство туристов хантами, браконьерами, карательным отрядом на службе Ивдельлага и т. д.). Он же называет дятловцев героями, имея в виду их самоотверженность в смертельной ситуации. Эта характеристика становится своего рода эпиграфом к заключительной серии фильма, в которой борьба дятловцев за жизнь изображается в глубоко трагической и остро сочувственной тональности.

Претензия на документальную реконструкцию событий ночи с 1 на 2 февраля 1959 г. сочетается в фильме с мистической составляющей, которая сопутствует всем хронологическим пластам повествования: линии расследования, линии изображения похода, линии изображения событий падения Берлина в апреле-мае 1945 г., в которые включены два героя – майор Костин и Семен Золотарев, в будущем сотрудник КГБ, приставленный к группе туристов «для контроля». Каждый хронологический пласт содержит мистический элемент: манси и ханты предупреждают туристов об опасности похода на Холатчахль; Юдину сняты страшные пророческие сны; Костин оказывается свидетелем экспериментов «Аненербе» над людьми, которые, видимо, преследуют цель создания живых мертвецов; Золотарев получает от члена «Аненербе» волшебный перстень, благодаря которому проходит всю войну без ранений, но становится уязвим и погибает, когда дарит свой перстень беглому заключенному; старый хант через общение с духами узнает военную биографию Костина и обнаруживает преследующего его духа войны Хонт-Турума, которому Костин не всегда способен противостоять. Освобождение Костина от духа-преследователя позволяет ему раскрыть тайну гибели дятловцев и разрешить внутренний конфликт, препятствовавший осуществлению его любовной истории. Здесь разворачивается классическая сюжетная схема испытания – инициации – индивидуации: ужасы войны превратили Костина в зомби, живого мертвеца, который часто действует под влиянием гнева и злобы, а старый хант возвращает его к себе самому.

Сам финал фильма позволяет, помимо версии с лавиной, выбрать и мистическую трактовку гибели группы: маленький сын хантов предупреждает Люду Дубинину об опасности похода на Холатчахль, ссылаясь на неотвратимость мести Сорни-най, после чего тяжело заболевает, понимая, что его болезнь – это божественное наказание. Фильм заканчивается его выздоровлением наутро 2 февраля, что вполне можно прочесть как освобождение от наказания со стороны богини, удовлетворившей жажду мести. Однако, казалось бы предо-

ставленное зрителю право трактовки трагедии оказывается подавлено уверенностью героя-рассказчика в лавинной версии. Мистическая линия выполняет манипулятивную функцию – удержать внимание зрителя, как будто бы не способного внимать трагическому повествованию, не облегченному увлекательным элементом.

Установка на героизацию и документальную достоверность в сериале явно вступает в конфликт с этической неаккуратностью, нарративной непоследовательностью, мистической неоправданностью, фактографическими ошибками и наконец недостаточным уважением к зрителю, которого автор фильма на фоне изображенной трагедии стремится развлечь всеми способами (посредством любовной драмы, военной и этнографической мистики, хитросплетениями сюжета), видимо, не доверяя его этическому чувству.

На данный момент сериалом «Перевал Дятлова» история художественного освоения дятловского сюжета заканчивается, очевидно демонстрируя свою цикличность: искусство начинало разработку дятловского мифа в 60-е гг. XX в. с интенции утешения встревоженного общества и в 20-е гг. XXI в. к ней и вернулось, настаивая на «самой удобной» (Ю. Архипов) версии гибели дятловцев.

Героизирующий советского человека миф, созданный в литературе 1960-х гг., в искусстве XXI в. переживает свое явное расслоение, поддерживая самые разные трактовки события: документально-трагическую, сказочно-дегероизирующую, мистическую, фантастическую, иронически-метарефлективную, наконец, спекулятивно-коммерческую, выдержанную в тональности трэш-фарса. Большинство версий представляют собой реконструкцию контекста советской культуры, за исключением тех, которые отказываются от изображения самого похода, сосредоточивая внимание исключительно на ходе расследования трагедии. В реконструирующих версиях образ времени события представлен неоднородно: дятловцы изображены либо как жертвы эпохи милитаристской гонки, либо как носители воспитанного эпохой сознания. В последнем случае это либо сознание, исповедующее идеалы дружбы и благородства, требующие жертвенной гибели, либо сознание травмированное, неудовлетворенное, исполненное властных и тщеславных претензий.

Разработка дятловского мифа позволяет искусству смоделировать разные грани психологии советского человека. Да и само обращение искусства к дятловскому сюжету представляется способом рефлексии о советской эпохе как времени, вместившем в себя характерные страхи – перед необъяснимыми проявлениями человеческой природы, военно-техническими катастрофами, внешним врагом, внутренними спецслужбами и государством, необъяснимыми тайнами мироздания, непреодолимыми силами природы. Предпринятый очерк позволяет сделать некоторые обобщения относительно функционирования мифа, созданного в советской литературе, и на этой основе – относительно характера восприятия самой советской эпохи в искусстве XXI в.

Список литературы

- Акунин Б. Самая таинственная тайна и другие сюжеты. М. : АСТ, 2014. 288 с.
- Архипов О. Смерть под грифом секретно. Тюмень : Истина, 2012. 288 с.
- Балтийская И. Призрак с горы Мертвецов // ЛитРес : б-ка электрон. и аудиокниг : [сайт]. 2016. 190 с. URL: <https://www.litres.ru/inna-baltiyskaya/prizrak-s-gory-mertvecov/> (дата обращения: 02.03.2022).
- Бейкер А. Перевал Дятлова. Екатеринбург : Гонзо, 2012. 352 с.
- Гагарина Е. Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет : рец. на фильм «Тайна перевала Дятлова» // Контрабанда : электрон. журн. : [сайт]. 2013. 16 мая. URL: <https://web.archive.org/web/20130513152803/http://kbanda.ru/index.php/kino-i-teatr/258-kino-global/kino-rec/3397-zastav-duraka-bogu-molitsya-on-i-lob-rasshibjot-retsenziya-na-film-tajna-perevala-dyatlova> (дата обращения: 21.02.2022).
- Гусельников А. Почему свердловчане смеются над сериалом «Перевал Дятлова» // Ura.ru : информ. аг-во : [сайт]. 2020. 26 нояб. URL: <https://ura.news/articles/1036281512> (дата обращения: 02.03.2022).
- Кирьянова А. Охота Сорни-Най : роман // Урал : лит.-худож. журн. : [сайт]. 2005. № 6, 7, 8. URL: <http://uraljournal.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).
- Куликова И. М. Сюжетообразующие функции мифологемы Золотой Богини в прозе рубежа XX–XXI вв. // Инновационная наука. 2006. № 5. С. 90–94.
- Курочкин Ю. Легенда о золотой Бабе. Пермь : Перм. книж. изд-во, 1963. 160 с.
- Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М. «Перевал Дятлова»: структура, динамика и семиотика мифосферы // Вестн. слав. культур. 2021. Т. 60. С. 97–113. DOI 10.37816/2073-9567-2021-60-97-113.
- Мароши В. В. Использование мифопоэтического ресурса в современной региональной прозе: охота за Сорни-Най // Литература Урала: история и современность : сб. ст. : в 2 т. Вып. 3. Екатеринбург : Союз писателей, 2007. Т. 2. С. 266–278.
- Матвеева А. Перевал Дятлова, или Тайна девяти : повесть // Урал : лит.-худож. журн. : [сайт]. 2000. № 12. 2001. № 1. URL: <http://uraljournal.ru/> (дата обращения: 03.03.2022).
- Мертвая гора. Инцидент на перевале Дятлова (Перевал Дятлова) : [телесериал] / реж. И. Куликов, сценарий И. Куликова, В. Внукова и др. // 1-2-3 production : [сайт]. 2020. URL: <https://1-2-3production.com/project/dead-mountain> (дата обращения: 02.03.2022).
- Перевал Дятлова: гипотеза о йети = Russian Yeti: The Killer Lives : [телефильм] / dir. L. Rawlski // IMDb : [website]. 2014. URL: <https://www.imdb.com/title/tt3781666/> (accessed: 01.03.2022).
- Тайна перевала Дятлова = The Dyatlov Pass Incident : [кинофильм] / реж. Р. Харлин ; сценарий В. Вит // IMDb : [website]. 2013. URL: <https://www.imdb.com/title/tt1905040/> (дата обращения: 04.03.2022).
- Тайны «Перевала Дятлова» : интервью с Анной Кирьяновой и Анатолием Гушиным // ИТАР-ТАСС Урал : [сайт]. 2004. 22 нояб. URL: <https://web.archive.org/web/20130924064124/http://www.tass-ural.ru/presscentre/74690.html> (дата обращения: 20.01.2015).
- Яровой Ю. Высшей категории сложности. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1966. 157 с.

References

- Akunin, B. (2014). *Samaya tainstvennaya tajna i drugie syuzhety* [The Most Mysterious Secret and Other Plots]. Moscow, AST. 288 p.
- Arkhypov, O. (2012). *Smert' pod grifom sekretno* [Classified Death]. Tyumen', Istina. 288 p.
- Baltiyskaya, I. (2016). Prizrak s gory Mertvetsov [Ghost from the Mountain of the Dead]. In *LitRes. Biblioteka elektronnykh i audioknig* [website]. 190 p. URL: <https://www.litres.ru/inna-baltiyskaya/prizrak-s-gory-mertvecov/> (accessed: 02.03.2022).

- Beiker, A. (2012). *Pereval Dyatlova* [Dyatlov Pass]. Yekaterinburg, Gonzo. 352 p.
- Gagarina, E. (2013). Zastav' duraka Bogu molit'sya, on i lob rasshibet. Retsenziya na fil'm "Taina perevala Dyatlova" [Make a Fool Pray to God, and He Will Hurt His Forehead. Rev. of *The Mystery of the Dyatlov Pass* Film]. In *Kontrabanda. Elektronnyi zhurnal* [website]. 16 May. URL: <https://web.archive.org/web/20130513152803/http://kbanda.ru/index.php/kino-i-teatr/258-kino-global/kino-rec/3397-zastav-duraka-bogu-molitsya-on-i-lob-rasshibjet-retsenziya-na-film-tajna-perevala-dyatlova> (accessed: 21.02.2022).
- Gusel'nikov, A. (2020). Pochemu sverdlovchane smeyutsya nad serialom "Pereval Dyatlova" [Why Sverdlovsk Residents Laugh at the *Dyatlov Pass* TV Series]. In *Ura.ru. Informatsionnoe agentstvo* [website]. 26 November. URL: <https://ura.news/articles/1036281512> (accessed: 02.03.2022).
- Harlin, R., Vit, V. (2013). Taina perevala Dyatlova [The Dyatlov Pass Incident]. In *IMDb* [website]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt1905040/> (accessed: 04.03.2022).
- Kir'yanova, A. (2005). Okhota Sorni-Nai. Roman [The Golden Hag's Hunt. A Novel]. In *Ural*. No. 6, 7, 8. URL: <http://uraljournal.ru/> (accessed: 01.03.2022).
- Kulikov, I., Vnukov, V. et al. (2020). Mertvaya gora. Intsident na perevale Dyatlova (Pereval Dyatlova). Teleserial [The Dead Mountain. Incident at the Dyatlov Pass (Dyatlov Pass). TV Series]. In *1-2-3 Production* [website]. URL: <https://1-2-3production.com/project/dead-mountain> (accessed: 02.03.2022).
- Kulikova, I. M. (2006). Syuzhetoobrazuyushchie funktsii mifologemiy Zolotoi Bogini v proze rubezha XX–XXI vv. [Plot-Forming Functions of the Golden Goddess Mythologeme in Prose at the Turn of the 21st Century]. In *Innovatsionnaya nauka*. No. 5, pp. 90–94.
- Kurochkin, Yu. (1963). *Legenda o zolotoi Babe* [The Legend of the Golden Hag]. Perm', Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. 160 p.
- Lebedev, V. Yu., Prilutskii, A. M. (2021). "Pereval Dyatlova": struktura, dinamika, i semiotika mifosfery [The "Dyatlov Pass": The Structure, Dynamics, and Semiotics of Mythosphere]. In *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. Vol. 60, pp. 97–113. DOI 10.37816/2073-9567-2021-60-97-113.
- Maroshi, V. V. (2007). Ispol'zovanie mifopoeticheskogo resursa v sovremennoi regional'noi proze: okhota za Sorni-Nai [The Use of the Mythopoetic Resource in Modern Regional Prose: The Hunt for Sorni-Nai]. In *Literatura Urala: istoriya i sovremennost' v 2 t. Sbornik statei. Vyp. 3*. Yekaterinburg, Soyuz pisatelei. Vol. 2, pp. 266–278.
- Matveeva, A. (2000). Pereval Dyatlova, ili Taina devyati. Povest' [Dyatlov Pass, or the Secret of the Nine. A Story]. In *Ural*. No. 12. (2001). No. 1. URL: <http://uraljournal.ru/> (accessed: 03.03.2022).
- Rawlski, L. (Dir.). (2014). Pereval Dyatlova: gipoteza o ieti [Russian Yeti: The Killer Lives]. In *IMDb* [website]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt3781666/> (accessed: 01.03.2022).
- Tainy "Perevala Dyatlova". Interv'yu s Annoi Kir'yanovoi i Anatoliiem Gushchinym [Secrets of the Dyatlov Pass. Interview with Anna Kiryanova and Anatoly Gushchin]. (2004). In *ITAR-TASS Ural* [website]. November 22. URL: <https://web.archive.org/web/20130924064124/http://www.tass-ural.ru/presscentre/74690.html> (accessed: 20.01.2015).
- Yarovoi, Yu. (1966). *Vysshhei kategorii slozhnosti* [The Highest Category of Complexity]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 157 p.

The article was submitted on 12.01.2022

**Советская сельская медицина довоенного периода
в оценках отечественных и иностранных очевидцев***

Дмитрий Христенко

Ярославский государственный медицинский университет,
Ярославль, Россия

**Pre-War Soviet Rural Medicine as Assessed by National
and Non-National Observers**

Dmitrii Khristenko

Yaroslavl State Medical University,
Yaroslavl, Russia

This study analyses the full-scale transformation of rural health care in the USSR in the late 1920s and the second half of the 1930s. The work is relevant because it fills serious gaps in our understanding of both the development of the national health care system and the realities of the Stalin era, thereby acting as an interdisciplinary social history. This work rejects the inherent bias of numerous studies when the task of exposing the Stalinist regime dictates the logic of analysis of social life, including the health care system, and determines the conclusions prematurely. This work is based on the principle of objectivity and rare sources little-known in Russia. They consist of personal observations of foreign eyewitnesses, both journalists and professional doctors, who visited the Soviet Union in the late 1920s and the second half of the 1930s. The study of these documents makes it possible to scrutinize the key moments of social modernisation processes in the Soviet countryside and feel the acute need for the reforms. Without any censorship restrictions in the analysis of the events taking place before their eyes, on the one hand, and any bias towards the Soviet social system, on the other, foreign eyewitnesses could impartially describe the sweeping transformation of the rural health care system in the USSR. The value of foreign observations is also enhanced by numerous comparisons of Soviet

---

* *Citation:* Khristenko, D. (2022). Pre-War Soviet Rural Medicine as Assessed by National and Non-National Observers. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 629–645. DOI 10.15826/qr.2022.2.692.

Цитирование: Khristenko D. Pre-War Soviet Rural Medicine as Assessed by National and Non-National Observers // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 629–645. DOI 10.15826/qr.2022.2.692 / Христенко Д. Советская сельская медицина довоенного периода в оценке отечественных и иностранных очевидцев // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 629–645. DOI 10.15826/qr.2022.2.692.

medicine with the medical system of their own states. It is established that foreign eyewitnesses agreed on the success of the Soviet government's policy in rural health care, considering it a real social revolution in medical care for Soviet peasants. To prove the objectivity of the foreign nationals' judgments, the author uses cross-references from domestic documents from the 1920s–1930s, which confirm the statements of foreign authors. As a result, this work concludes that until the beginning of the period of massive collectivisation in the USSR, foreign eyewitnesses unanimously characterised the medical care available to the peasant population as limited and insufficient. They described the general sanitary and hygienic situation in the village as outrageously deteriorated. At the same time, foreign observers are characterised by equally consolidated evidence of the rapid development and quick progress of rural health care after the establishment of the collective farm system, the first time in the country's history when medical care became an integral part of everyday peasant life.

Keywords: history of medicine, rural health care, village, foreign observers, USSR

Представлен анализ полномасштабной трансформации сельского здравоохранения в СССР в конце 1920-х – второй половине 1930-х гг. Актуальность работы связана с заполнением одной из серьезных лакун в изучении развития системы отечественного здравоохранения и реалий сталинской эпохи. Автор отказывается от присущей для ряда отечественных исследований ангажированности, когда задача обличения сталинского режима диктует логику анализа повседневности, включая систему здравоохранения, и заранее определяет полученные выводы. Во главу угла ставится принцип объективности, используются редкие малоизвестные специалистам источники. Основу исследования составляют личные наблюдения иностранных очевидцев – как журналистов, так и профессиональных врачей, посещавших Советский Союз в конце 1920-х – второй половине 1930-х гг. Изучение документов позволяет подробно рассмотреть ключевые моменты процесса социальной модернизации советской деревни и дает возможность ощутить необходимость проводившихся преобразований. Автор полагает, что при отсутствии цензурных ограничений в описании происходивших на их глазах изменений и предвзятости по отношению к советскому строю иностранцы имели возможность беспристрастно описывать кардинальную трансформацию системы сельского здравоохранения. Ценность их наблюдений усиливалась сравнениями советской медицины с системой медицинского обеспечения, которое существовало за рубежом. Иностранные очевидцы сходились во мнении об успешности политики советской власти в сфере сельского здравоохранения, рассматривая ее как настоящую социальную революцию в медицинском обслуживании крестьян. Объективность суждений иностранных очевидцев подтверждается, по его мнению, свидетельствами из отечественных документов 1920–1930-х гг. Сделан вывод о том, что иностранцы вплоть до начала периода сплошной коллективизации в СССР единодушно характеризовали медицинскую помощь, доступную для крестьянского населения,

как ограниченную и недостаточную, а общую санитарно-гигиеническую обстановку в деревне описывали как вопиюще удручающую. При этом для зарубежных наблюдателей характерны столь же консолидированные свидетельства быстрого развития и прогресса сельского здравоохранения после становления колхозной системы, когда медицинское обслуживание впервые в истории нашей страны стало неотъемлемой частью повседневного крестьянского быта.

Ключевые слова: история медицины, сельское здравоохранение, деревня, иностранные очевидцы, СССР

В 1922 г. английский политик Ч. Бэкстон, член Лейбористской партии, по итогам своей длительной поездки по южным регионам послереволюционной России выпустил небольшую книгу с говорящим названием «В русской деревне». Данное произведение, по словам самого автора, представляло собой отчет для английского читателя о положении русского крестьянства на основе непосредственных наблюдений. Примечательно, что, подробно описывая на примере самарской деревни Озеро перераспределение помещичьей земли после революции, аграрное перенаселение, образование, торговлю, политические и религиозные убеждения крестьян, Ч. Бэкстон практически не затрагивает вопрос о состоянии такого важнейшего социального института, как здравоохранение, которому отведено всего несколько строк. Английский политик только указывает, что крестьяне часто жаловались ему на «отсутствие лекарств» и на то, что у врача в деревне не было ничего, «кроме термометра» [Buxton, p. 49]. Похожая ситуация наблюдается и при чтении фундаментальной работы Я. Яковлева, в дальнейшем первого наркома земледелия СССР, под названием «Деревня как она есть: очерки Никольской волости», изданной в 1924 г. [Яковлев]. Детально рассматривая все стороны крестьянской жизни, включая даже проблемы самогоноварения и религиозного сектанства, автор не посвятил ни одной строчки вопросам медицинского обслуживания деревенских жителей.

Это достаточно типичная картина для исследовательских работ о жизни советских крестьян в 1920-е и 1930-е гг. Подробно описывая экономические и политические изменения в деревне, ученые зачастую игнорируют социальную сторону жизни [Нефедов; Виола], и даже там, где повседневность находится в центре повествования, вопросы здравоохранения обходятся стороной [Данилов; Фицпатрик]. В редких работах можно встретить отрывочные сведения, но и они отличаются фрагментарностью [Вылцан].

Медицинское обслуживание, между тем, составляет важнейшую часть понятия «качество жизни», и его динамика определяет уровень развития человеческого потенциала общества. Только в последние годы стали появляться работы, посвященные изменениям в системе здравоохранения в конце 1920-х – 1930-е гг. [Гадицкая, Самсоненко; Гончар,

Ратманов; Христенко, Красовская; Затравкин, Вишленкова, Шерстнева]. К сожалению, некоторые из них несут оттенок политической ангажированности, и их авторы стремятся, по всей видимости, руководствуясь общей задачей обличения сталинского «тоталитарного» режима, подвергнуть сомнению реальные достижения в сфере здравоохранения. Так, из работы С. Н. Затравкина, Е. А. Вишленковой, Е. В. Шерстневой явно следует, что данные исследователи не вполне осознают социальные условия жизни на селе в тот период времени, уровень представлений массы крестьян о гигиене и санитарной культуре, реальное состояние медицинской сети в предшествующий период. В результате возникают совершенно искаженное представление о реалиях ушедшей эпохи и достаточно абсурдные заявления о том, что «ясли внесли свою лепту в более высокий уровень детской смертности в СССР в сравнении с США» [Затравкин, Вишленкова, Шерстнева, с. 663].

В настоящей статье вопросы оценки сельского здравоохранения освещаются на основе личных впечатлений иностранцев, которые в конце 1920-х и на протяжении 1930-х гг. посещали СССР и искренне, по нашему наблюдению, стремились отразить реальное положение дел с медицинским обслуживанием в крестьянской среде.

Одним из немногих зарубежных авторов, который уделил значительное внимание состоянию сельской медицины в СССР, был американский писатель Альберт Рис Вильямс. В работе «Русская земля», вышедшей в 1927 г., он описал свою поездку в северные деревни России вблизи города Пинега Архангельской губернии. Первое же село Почезерье, в которое он приехал, поразило его эпидемией бушевавшей черной оспы, от которой умерло уже 15 человек. Американский журналист с ужасом вспоминал, что крестьяне положили его спать в избу, не предупредив, что на предоставленной ему кровати прежде спала заболевшая дочь хозяина дома, находившаяся в самой опасной заразной стадии. При этом возмущение А. Р. Вильямса было буквально направлено в пустоту.

Мои объяснения относительно бактерий казались крестьянам отвлеченными и невероятными. Значительно понятней была их собственная теория: у каждого человека своя судьба, и от нее не убежишь; судьба все определяет – хорошее и плохое, жизнь, смерть и черную оспу [Williams, p. 9]¹.

Ситуация усугублялась тем, что врача не было ни в этой деревне, ни в соседней. В итоге ему удалось получить обнадеживающую информацию о том, что в селе Перемены в 30 верстах по реке находится медпункт, куда уже завезли вакцину и где под руководством фельдшера Попова развернулась борьба с эпидемией.

После спешного прибытия в Перемень А. Р. Вильямсу была сделана прививка, но, когда иностранный писатель засыпал фельдшера

---

¹ Здесь и далее перевод иностранных источников мой. – Д. Х.

вопросами об инкубационном периоде и симптомах лихорадки, тот ничего не смог ответить. Вместо ответа Попов извлек циркуляр, который поступил из Наркомата здравоохранения. Он зачитал его вслух, но и в нем ничего не было сказано об интересующих американца вопросах. Книг по оспе у фельдшера не было вообще никаких. Вильямс задается вопросом:

Да ведь даже имея подобные книги, где бы он нашел время, чтобы их прочесть? Ведь на нем лежит все: растяжения, переломы, раковые заболевания, психические расстройства, воспаления легких, роды и смерти в округе, который по своим размерам сравним с иными королевствами [Williams, p. 16].

Ситуация усугублялась общим невежеством крестьян, которое, как отметил А. Р. Вильямс, не ограничивалось только оспой, но характеризовало их общее представление о причинах и методах борьбы с болезнями. Так, например, традиционное средство против малярии в деревне – это вовсе не лекарства. «Вместо того, чтобы давать больному хинин, страдающего окропляют болотной водой и с помощью заклинания стараются выгнать из него злого духа, который, по их мнению, вызывает у него озноб и заставляет трести зубами» [Ibid., p. 13].

Мрачная удручающая картина состояния сельского здравоохранения в 1927 г., накануне всеобщей коллективизации, которая вырисовывается из работы американского писателя, ни в коем случае не может быть воспринята как преувеличение. Это лишь яркое свидетельство застарелой проблемы, вызванной тем, что в дореволюционной России квалифицированное медицинское обслуживание в деревне существовало лишь номинально. Типичным примером может служить положение в центральных губерниях страны. Например, в 1865 г. одна больница приходилась на 143 тыс. крестьян в Ярославском уезде и на 161 тыс. в Ростовском уезде [Волкова, с. 39]. Даже к началу XX в. значительного улучшения ситуации со здравоохранением на селе не произошло. Из классических произведений русской литературы хорошо известно о тяжелой службе в конце XIX – начале XX в. земских врачей, вынужденных в одиночку обслуживать десятки крестьянских деревень, имея крайне скудный запас медикаментов [см., например: Чехов; Булгаков].

Краткое, но красноречивое свидетельство о примитивном состоянии дореволюционной сельской медицины приводится в воспоминаниях американского рабочего Дж. Скотта. С началом индустриализации он по идейным соображениям приехал в СССР и трудился на Магнитогорском металлургическом комбинате, где женился на русской девушке. Рассказывая о своем визите к родителям супруги в Тверскую губернию, он, описывая мать жены, отмечает, что за свою жизнь шестидесятилетняя женщина родила девять детей, ни разу не прибегнув к помощи доктора или акушерки [Scott, p. 125]. Ситуация, удиви-

тельная для американского рабочего, в то же время являлась совершенно типичной для дореволюционной русской деревни, где вместо врача роды, по свидетельству очевидцев, повсеместно принимали безграмотные бабки [Шингарев, с. 141].

Последовавшие вскоре Первая мировая война, революция, Гражданская война и голод, охватившие период с 1914 по 1922 г., также не способствовали улучшению ситуации с медицинским обслуживанием крестьянской деревни. В результате к 1927 г. на селе один врач приходился на 35 тыс. чел., а передовые методы диагностики, например, такие, как применение рентгена, были попросту недоступны [Большаков, с. 290–291].

В документах того времени зафиксирована катастрофическая ситуация с лечением болезней, особенно венерических. Согласно данным доктора Гамбурга, при анкетировании саратовских крестьян в 1929 г. ими к анкетам был сделан целый ряд приписок, «являющихся поистине воплями наболевшей души». «Почему, – спрашивает один, – в городах так много врачей, а в деревне народ пропадает от бабок и знахарей». «Вы сказали, – обращается другой, – тов. д-р, на лекции, что надо лечиться только у врача, а где нам его взять, когда у нас, кроме знахарей, никого нет, и лекарств подходящих тоже нет» и т. д. [Гамбург, с. 37].

Перелом наступил только с началом коллективизации. Специальное совещание Наркомздрава, состоявшееся в конце 1929 г., приняло решение о целесообразности прямого участия создававшихся колхозов и совхозов в расходах по развитию сети медицинских учреждений [Мирский, с. 392]. Эти указания были достаточно быстро воплощены в жизнь. В инструкциях по проведению сплошной коллективизации в 1930 г. строго фиксировалось, что «колхозы принимают долевое участие в содержании и строительстве социально-культурных учреждений», среди которых отмечались детские сады, фельдшерские пункты, пункты первой помощи, дома матери и младенца, родовспомогательные пункты [Богданов, с. 47–48].

Становление системы детского здравоохранения в деревне, нашедшее свое выражение, в частности, в массовой организации детских яслей, является неоспоримым достижением колхозного строительства. О том, насколько большое значение придавалось этому факту в глазах проводников коллективизации, свидетельствует плакат Госмедиздата 1930 г. под названием «Тракторы и ясли – двигатели новой деревни».

На государственном уровне проводилась большая работа по профилактике детской смертности и пропаганде квалифицированной медицинской заботы о детях. В сборнике статей «За здоровый культурный быт», вышедшем в 1931 г. и подготовленном группой врачей, отмечалось, что до революции Россия имела самую высокую детскую смертность в Европе, когда погибало 27 % детей, в то же время в Швейцарии и Англии детская смертность равнялась 8 %, а в Швеции и Норвегии 6,5–6,3 %. Авторы сборника выделяли целую группу

причин, включая общую неграмотность населения, сезонные факторы и условия труда крестьян. Но особую опасность представляли жаркие летние месяцы, когда женщины были активно заняты на полевых работах. Авторы описывали:

Мать, уходя на полевые работы на целый день, принуждена оставлять своего ребенка на попечении невежественных бабок или маленьких детей. Чем только ни накормят такие няни своих питомцев. Тут и знаменитая жевка, тут и баранки, ягоды. В результате – страшные летние детские поносы, которые уносят немало детских жизней.

Далее предлагались конкретные меры:

Надо неуклонно стремиться к тому, чтобы привить деревне здравые понятия о кормлении детей и уходе за ними, нужно создать как можно больше яслей... Правда, большинство колхозов организует ясли и детплощадки пока только на время летних работ, но с течением времени каждый колхоз должен стремиться к организации постоянных детских учреждений [За здоровый культурный быт, с. 72].

Внедрение яслей в быт деревни настолько контрастировало со всем прежним образом жизни крестьян, что оказалось запечатлено в работах многих иностранных журналистов, посещавших СССР в 1930-е гг. Показательно свидетельство американского корреспондента Луиса Фишера:

Я посетил ясли в колхозе. Тот простой факт, что в отсталой украинской деревне был организован детский сад, сам по себе был инновацией. Какой русский не может рассказать истории о дореволюционных днях, когда у детей, оставленных одних дома, пока их матери работали в полях, свиньи отгрызали руки? Кто не знает, что игровой площадкой для крестьянского ребенка обычно служила куча навоза? Теперь о них заботятся в специальном учреждении [Fischer, p. 173–174].

«Тракторы и ясли – двигатели новой деревни». Советский плакат. 1930

“Tractors and a nursery are the engines of the new village”. Soviet poster

Далее Л. Фишер отмечает, что помещение полно мух, которые прилипают к рукам и лицам детей, поскольку в комнатах нет сеток или ширм от насекомых. Некоторые из детей выглядят бледными, у многих малышей, рожденных в последние два года (после голода 1932–1933 гг.), наблюдаются признаки рахита. Он продолжает:

Но, тем не менее, ясли получают лучшее, что им может дать деревня. Каждый ребенок спит в своей отдельной кроватке. Это на глазах вызывает настоящую революцию в домашней жизни советских крестьян. Никаких больше семейных кроватей. Когда дети подрастают, они отказываются спать с папой и мамой и остальными членами семьи. У каждого ребенка есть свое собственное полотенце. Доктор осматривает их регулярно. Основа здорового будущего таким образом уже заложена, хотя требуется еще много работы [Ibid.].

Ценное свидетельство приводит и американский журналист Морис Хиндус, описавший свое посещение белорусской деревни Большое Быково в 1930 г., на следующий год после образования колхоза:

Я вошел внутрь. Хотя было время каникул и школа была распущена на лето, две комнаты не были пустыми. Их превратили в ясли. Детский сад в отдаленной, покрытой грязью деревне! Тридцать маленьких деревянных кроватей с белыми простынями и белыми подушками, подобных которым крестьяне никогда не видели, стояли в ряды, и маленькие мальчики и девочки где по одному, где вчетвером ползали или бегали по комнате, играя. Там же находились три нянечки из ближайшего города [Hindus, p. 13].

М. Хиндус передает свой разговор с воспитательницами, которые откровенно рассказывали обо всех трудностях. Ясли существовали только один год, и им пришлось столкнуться с массовым скепсисом и недоверием населения. Крестьяне, как зажиточные, так и бедняки, были настроены очень подозрительно. Они полагали, что все это лишь новый способ для того, чтобы обложить их дополнительными податями, хотя власть и уверяла, что забота о детях не будет стоить и копейки [Ibid., p. 13]. И действительно, как свидетельствует М. Хиндус, финансирование яслей обеспечивалось за счет 5 % отчислений из общеколхозных средств, которые оставались после уплаты всех налогов [Ibid., p. 216].

Не менее кардинальные изменения были необходимы и в области гигиены. Ярким отображением санитарных условий может служить посещение американским писателем и журналистом Негли Фарсоном деревни рыбаков, расположенной на берегу озера Неро возле города Ростова Великого зимой 1930 г. Он не жалеет резких выражений, особенно его возмущает полное отсутствие гигиены в повседневном быту деревенских жителей. Описывая посещение крестьянской избы,

он с негодованием отмечает, что «за всю свою жизнь» не видел столько тараканов, вшей и клопов, сколько здесь. Его поразило и поведение пожилой крестьянки, которая, предложив ему выпить чаю, прежде аккуратно протерла чашки своим собственным платьем.

Фарсон передает свое затруднение, возникшее, когда один из русских крестьян задал ему вопрос о том, когда начнется война. «Какая война?» – непонимающе переспросил Фарсон. Крестьянин посмотрел на него хитро, «как если бы я, – говорит американский журналист, – хотел бы обмануть его!» [Farson, p. 129]:

«Все в порядке, – кивнул крестьянин, – ты очень хорошо знаешь, о какой войне я говорю. Мне просто хочется узнать, когда она начнется?» Я посмотрел на повсюду ползающих клопов, вшей и тараканов. Я бы мог предложить ему начать войну с ними прямо сейчас [Ibid.].

Наблюдения Фарсона о катастрофической ситуации с гигиеной в крестьянском быту ни в коем случае нельзя считать преувеличением. Похожую ситуацию фиксирует и немецкий писатель Людвиг Ренн, описывая посещение колхоза «Красный октябрь» в Рязанской области в конце 1929 г. Он подчеркивает грязь, нищету и неустроенность русской деревни, условия, которые объективно определяли поведение крестьян начиная с самого детства:

Неподалеку отсюда несколько ребятшек бегают босыми в жиже из грязи. Корки грязи заеклись на их ногах. Совершенно очевидно, что они не мылись несколько последних дней. Без сомнения, они такими ложатся и в постели. В постели? Постелей в нашем понимании у них, пожалуй, и нет [Renn, S. 19].

Разница в представлениях о гигиене стала сюжетным мотивом в знаменитой повести Н. Смирнова о Джеке Восьмеркине (1930). Главный герой, вернувшийся из Америки, одним из первых дел занялся гигиеной крестьянского дома своей матери и сестры, полностью очистив избу от тараканов и клопов, что вызвало сильное удивление в волжской деревне [Смирнов, с. 123].

Последовательные усилия врачей и государства на базе созданной в начале 1930-х гг. колхозной системы по изменению повседневного поведения крестьян и внедрению в их быт элементарных начал гигиены принесли результат. Прежние обычаи и привычки стали постепенно уходить в прошлое.

Как описывал в сентябре 1935 г. писатель Ф. Gladkov, в его родной деревне Чернавка Куйбышевской области «былое равнодушие к улице, к избе, к грязи сменилось заботой и любовью к красоте жилья и села». На смену темным душным крестьянских избам, покрытым страшной грязью, где зимой вместе с людьми ютился домашний скот, пришли чистые хорошо убранные комнаты. В них «много зелени –

филодендроны, фикусы, горшки и ящички с цветами. На стенах – революционные картины, портреты вождей, фотографии. Стол покрыт чистой скатертью. На полке – пачки книг». [Гладков]. В изображении Ф. Гладкова появляется благостный образ нового крестьянского дома.

Но во многих регионах страны ситуация долгое время оставалась очень сложной. Наглядным примером может служить конкурс на чистую культурную избу, проводившийся в колхозах Калязинского района. Цель мероприятия состояла в объяснении крестьянам простого факта:

... Чистое благоустроенное жилище колхозника имеет большое значение в сбережении его здоровья и повышении производительности труда. Та изба, где господствует грязь, неопрятность, не может обеспечить колхозника необходимым покоем для восстановления сил. Когда ночью кусают клопы, блохи и вши, если человек не может спокойно заснуть, то это сильно подрывает его силы, следовательно, понижает производительность его труда [Открытое письмо, с. 2–3].

Тот факт, что крестьянам приходилось давать элементарные рекомендации по поддержанию минимальной гигиены, ясно показывает крайне низкий уровень общей санитарной культуры деревенского населения. Справедливости ради необходимо отметить, что в России существовали и старообрядческие села с ярко выраженным культом чистоты, но общей картины это не меняло.

Ситуация усугублялась нехваткой врачей на селе. Советским государством были предприняты значительные усилия по ликвидации дефицита медицинского персонала. В 1930 г. все выпускники медицинских факультетов в количестве 2562 чел. вне зависимости от их желания были направлены на работу в село, из них 2027 врачей – на «пустующие» участки, остальные – непосредственно в колхозы и совхозы [Горфин, с. 101]. Активное привлечение врачей и медицинского персонала в деревню по направлениям продолжилось и в последующие годы. В 1938 г. Наркомат здравоохранения направил в деревню 5627 врачей; более 2 тыс. медицинских работников были вызваны на курсы усовершенствования, на сельские врачебные участки было направлено 850 клинико-диагностических лабораторий и 100 медицинских библиотек, на все участки были направлены справочники и руководства. В итоге общая численность сельских фельдшерско-акушерских пунктов к 1940 г. выросла по сравнению с дореволюционным 1913 г. практически в десять раз, с 4518 до 40137 [Сорок лет советского здравоохранения, с. 201–202].

В результате ситуацию удалось переломить. Наглядным свидетельством может служить социологическое описание украинского села Староселье, сделанное американским журналистом Верном Смитом и названное им «В колхозной деревне» (1936). В разделе, посвященном медицине, Смит отмечает, что демографическая ситуация в сельском поселении является положительной. За первые четыре месяца умерли

15 чел., в то время как на свет появились 36 детей. Эпидемии побеждены, и за последние пять лет в селе с населением в 5 тыс. чел. было «всего два случая тифа, древнего бича русских и украинских деревень. В течение пяти лет также не было ни одного случая оспы, хотя в царской России каждый год фиксировалось более 100 тысяч случаев заражений оспой» [Smith, p. 117]. Иностраный наблюдатель указывает, что, несмотря на отсутствие серьезных заболеваний, ежедневно около 30–40 чел. посещают медицинский пункт для обследования. Половина из них – женщины со своими малышами, которых обучают правильной заботе о детях. Заведует амбулаторией студент-медик по фамилии Подишевский, который принимает крестьян шесть дней в неделю и ежедневно выделяет один час для посещения пациентов на дому. Помимо этого, он читает жителям деревни публичные лекции по гигиене и профилактической медицине. В. Смит отмечает, что у сельского врача есть операционный стол, обезболивающие препараты и необходимые инструменты. Но доктор в Староселье проводит только самые простые операции и в случае тяжелых случаев посылает пациентов в хорошо оснащенную больницу в Петровское, а оттуда при необходимости больного могут направить в большой госпиталь в городе [Ibid., p. 118].

Крестьянам стало доступно санаторное лечение. Типичным примером, говорит американский наблюдатель, может служить случай Ивана Раковита, члена колхоза «Буденный», расположенного вблизи города Березовка под Одессой. У этого колхозника было несколько детей и жена, которая имела проблемы со здоровьем. Однажды он на шесть месяцев оказался прикован к кровати из-за паралича. Благодаря фонду взаимопомощи колхоз взял на себя заботу о его семье и послал его во Всеукраинский санаторий для крестьян. Когда В. Смит встретил этого колхозника, он уже вернулся домой. Иван мог нормально ходить и был в состоянии выполнять работу, которую ему дали в кооперативном магазине [Ibid., p. 121].

Подобные случаи заботы колхоза о своих членах приводятся и в сочинениях других иностранных авторов. Венгерский писатель Дюла Ийеш, передавая свои впечатления от поездки в Россию в 1934 г., вспоминает разговор с председателем одного из колхозов возле Хортицы близ Днепрогэса. На вопрос о том, как поступают с нетрудоспособными и пожилыми, председатель заявил, что в колхозе существует специальный фонд для содержания инвалидов и стариков, на попечении которого они состоят. В качестве примера глава колхоза рассказал о типичном несчастном случае: «Весной одному из членов коммуны машиной оторвало руку. Его отправили в больницу; как выйдет после поправки, будет получать столько же, сколько прежде» [Ийеш, с. 179]. Примечательно, что этот разговор, по свидетельству Д. Ийеша, происходил на фоне двух нищенок из города, проходивших через село в поисках подаяния, одна из которых была слепой. Напрашивается очевидный вывод о том, что с созданием колхоза крестьяне себя от подобной участи застраховали. Помимо заботы о нетрудоспо-

собных и увечных, в колхозе, как замечает венгерский писатель, был организован фонд детского воспитания, в который выделялись значительные средства. Они пошли на обустройство детского сада для 54 детей, созданного в здании бывшего помещичьего дома. Из немногословного описания видно, что замечаний по условиям содержания детей у него нет:

Облачась в белые халаты, мы обошли спальни, столовую, умывальную комнату; на низких вешалках аккуратно развешаны полотенца, над каждым изображен незамысловатый рисунок – груша, нож, вилка, собака, чтобы дети, еще не умеющие читать, могли найти свою вещь [Ийеш, с. 181].

Показательным примером может служить и прогресс в развитии здравоохранения в других регионах СССР. Так, до Октябрьской революции на всей территории, занятой немецкими колонистами в волжских губерниях, почти не было врачей и совсем не было больничного обслуживания рожавших крестьянок. По статистическим данным, насчитывалось всего «десять родильных коек, но ни одна крестьянка ими не воспользовалась». Но уже к началу 1930-х гг. ситуация в Республике немцев Поволжья кардинально изменилась, и только «в 1932 г. через 234 родильных койки прошло свыше двух тысяч женщин» [Наш ответ, с. 29].

В дальнейшем темпы расширения сети медицинских учреждений в стране только увеличивались. Например, в 1935 г. в Азово-Черноморском крае функционировало 12 акушерских пунктов и 75 родильных домов, а всего через два года – уже 207 акушерских пунктов и 275 роддомов [Гадицкая, Самсоненко, с. 194]. Огромный прогресс был достигнут в сфере профилактической медицины. В одном только 1937 г. «сельскому населению было сделано 25 502 тыс. прививок против оспы, 4 769 тыс. – против брюшного тифа, 5 266 тыс. – против дизентерии, 3 271 тыс. – против дифтерии, 1 534 тыс. – против скарлатины и 48 тыс. прививок против кори» [Вылцан, с. 183].

О стремительном развитии здравоохранения свидетельствовали и иностранные врачи, которые не только описывали свои личные наблюдения за жизнью какой-либо конкретной деревни или села, но и в целом формулировали свои мнения о советской системе здравоохранения в 1930-е гг. В этом ряду нужно выделить совместную работу английского врача Артура Ньюшолма и американского доктора Джона Кингсберри под названием «Красная медицина». Она основывалась как на личных впечатлениях от полугодовой поездки по территории СССР в 1933 г., так и на результатах встреч с официальными представителями советского здравоохранения и тщательном изучении статистических данных. Иностранные медики констатировали, что «советская система здравоохранения более всеохватывающая и инклюзивная, чем в любой другой стране мира», и подчеркивали, что «рабочие и крестьяне в деревнях получают гораздо лучшую

медицинскую помощь», чем это было перед революцией 1917 г. [Newsholme, Kingsbury, p. 293–294].

Восторженное описание советской системы здравоохранения оставил знаменитый американский социолог медицины Г. Сиджерист. На протяжении нескольких лет он изучал русский язык и социально-политическое устройство СССР, а затем в 1935 и 1936 гг. дважды посещал СССР. Он задавался вопросом, почему в Америке и на Западе в целом считается самой собой разумеющейся всеобщая и обязательная грамотность, но в то же время отрицается необходимость всеобщего и всем доступного здравоохранения. По наблюдениям ученого, советскому здравоохранению удалось достичь больших успехов, в частности, расширить доступность врачебной помощи для самой большой социальной группы в СССР – крестьян, медицинское обеспечение которых в 1930-е гг. значительно улучшилось. Он отмечал обязательные добровольные фонды, которые создавались на базе колхозов и в которых аккумулировались денежные средства, идущие на строительство яслей, поликлиник и больниц. По данным Сиджериста, в 1935 г. насчитывалось 48 тыс. добровольных фондов медицинской помощи, членами которых были 14 млн крестьян. Но учитывая, что колхозам не хватило бы только своих ресурсов, государство также активно финансировало здравоохранение в сельской местности из бюджетных средств [Sigerist, p. 93].

Но еще больше Сиджериста восхищал принцип советской медицины, смысл которого состоял в том, чтобы обеспечить непрерывное медицинское наблюдение за человеком с момента его рождения до смерти. Врачебные кадры и учреждения медицины, по его наблюдению, были организованы так, чтобы защитить человека в каждый момент его жизни от тех опасностей и болезней, которые ему грозят:

Медицинское наблюдение начинается с момента беременности женщины и родов, продолжается в младенческом, дошкольном и школьном возрасте, затем осуществляется в подростковый период и наконец в период зрелости на рабочем месте. Это совершенно новый медицинский подход. Это результат нового социального порядка и лежащей в его основе философии [Ibid., p. 96–97].

Подводя итоги, можно констатировать, что описания иностранцев единодушно свидетельствуют о бедственном положении с медицинским обслуживанием в деревне перед началом коллективизации и о быстром развитии сельского здравоохранения после становления колхозной системы. Свидетельства зарубежных очевидцев, по нашему мнению, являются абсолютно объективным описанием реальной ситуации, поскольку подтверждаются отечественными документами того времени. Иностранцев наблюдателей вряд ли можно обвинить в стремлении очернить или приукрасить российскую действительность, и они помогают понять необходимость преобразований, про-

водившихся советской властью на рубеже 1920–1930-х гг., хотя и весьма жесткими методами принудительной работы «по направлению». Стремительное развитие сельского здравоохранения, как и улучшение других сторон социальной жизни советских людей в 1930-е гг. (образование, наука, культура, спорт), которые наблюдали иностранные очевидцы, позволяет лучше понять тот восторг, который испытывали отдельные западные интеллектуалы перед Сталиным и СССР.

В этой связи никак нельзя согласиться с выводами статьи С. Н. Затравкина, Е. А. Вишленковой, Е. В. Шерстневой о том, что довоенная реформа советского здравоохранения «оказалась провальной». Исследователи рисуют картину исключительно черными красками, говорят о том, что реформа «не изменила санитарное состояние страны. Оставаясь тяжелым, оно обеспечивало рост заболеваемости и смертности от инфекций, болезней органов пищеварения и дыхания», и даже утверждают, что реформы в здравоохранении СССР в 1930-х гг. имели «негативные следствия для экономики страны» [Затравкин, Вишленкова, Шерстнева, с. 662–663]. Наоборот, приведенные в статье единодушные свидетельства как отечественных, так и иностранных современников говорят о настоящей социальной революции в медицинском обслуживании деревни, которая произошла на рубеже 1920-х и 1930-х гг. Организация колхозов дала возможность сконцентрировать финансовые ресурсы для развития сельского здравоохранения, под влиянием санитарно-гигиенического просвещения со стороны медицинских работников происходило изменение быта крестьян, активно развивалась сеть врачебных учреждений. К концу 1930-х гг. медицинское обслуживание, включая акушерство и гигиену, впервые в истории нашей страны стало неотъемлемой частью повседневного быта советских крестьян, наглядно демонстрируя выдающийся прогресс отечественного здравоохранения.

Список литературы

- Богданов Н.* Советы в районах сплошной коллективизации. Саратов : Гос. изд-во, 1930. 64 с.
- Большаков А. М.* Деревня 1917–1927. М. : Работник просвещения, 1927. 471 с.
- Булгаков М. А.* Записки юного врача // Булгаков М. А. Собр. соч. : в 5 т. М. : Худ. лит., 1989. Т. 1. С. 71–146.
- Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М. : РОССПЭН, 2010. 366 с.
- Волкова Т. И.* Становление и развитие земского здравоохранения в Ярославской губернии (1865–1917 гг.). Ярославль : ООО «Лия», 2001. 128 с.
- Вылцан М. А.* Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. (1938–1941 гг.). М. : Политиздат, 1970. 200 с.
- Гадицкая М. А., Самсоненко Т. А.* Медицинское обслуживание в повседневности колхозной деревни 1930-х гг. (на материалах Юга России) // Власть. 2017. № 5. С. 192–197.
- Гамбург М. И.* Половая жизнь крестьянской молодежи. Саратов : [Б. и.], 1929. 42 с.
- Гладков Ф.* Колхозник и культура // Правда. 1935. 16 сент. № 256. С. 3.

Гончар В. В., Ратманов П. Э. Модернизация зубоврачебной помощи населению Дальневосточного края в годы первой советской пятилетки (1928–1933 гг.) // Дальневосточный медицинский журнал. 2015. № 1. С. 73–77.

Горфин Д. В. Очерки истории сельского здравоохранения СССР (1917–1959 гг.). М. : Медгиз, 1961. 236 с.

Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М. : Наука, 1979. 357 с.

За здоровый культурный быт : сб. ст. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1931. 176 с.

Затравкин С., Вишленкова Е., Шерстнева Е. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 2. С. 652–666. DOI 10.15826/qr.2020.2.486.

Ийеш Д. Россия. 1934. М. : Хроникер, 2005. 239 с.

Мирский М. Б. Медицина России X–XX веков. М. : РОССПЭН, 2005. 631 с.

Наш ответ. Сталинград : Партиздат, 1933. 55 с.

Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. 238 с.

Открытое письмо общественным санитарным инспекторам Московской области по санкультработе в колхозах в связи с проводимым конкурсом на чистую культурную избу. М. : Тип. МОИКа, 1934. 7 с.

Смирнов Н. Г. Джек Восьмеркин Американец : повесть : в 3 ч. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1930. 286 с.

Сорок лет советского здравоохранения. М. : Гос. изд-во мед. лит., 1957. 662 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М. : РОССПЭН, 2008. 421 с.

Христенко Д. Н., Красовская Ю. В. Коллективизация и становление системы здравоохранения на селе // Самарский научный вестник. 2019. № 4. С. 200–205. DOI 10.24411/2309-4370-2019-14215.

Чехов А. П. Горе // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1984. Т. 4. С. 230–234.

Шингарев А. И. Вымирающая деревня : Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб. : Обществ. польза, 1907. 223 с.

Яковлев Я. А. Деревня как она есть. М. : Красная новь, 1924. 152 с.

Buxton Ch. R. In a Russian Village. L. : The Labour Publ., 1922. 96 p.

Farson N. Seeing Red: Today in Russia. L. : Eyre : Spottiswoode Publ., 1930. 275 p.

Fischer L. Soviet Journey. N. Y. : Harrison Smith and Robert Haas, 1935. 309 p.

Hindus M. Red Bread. N. Y. : Jonathan Cape & Harrison Smith, 1931. 372 p.

Newsholme A., Kingsbury J. Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia. N. Y. : Doubleday, Doran & Co., 1933. 324 p.

Renn L. Russlandfahrten. Berlin : Lasso-Verlag, 1932. 190 S.

Scott J. Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel. Massachusetts : The Riverside Press, 1942. 279 p.

Sigerist H. Socialized Medicine in the Soviet Union. N. Y. : W. W. Norton & Co., 1937. 378 p.

Smith V. In a Collective Farm Village. Moscow : Cooperative Publ. Society of Foreign Workers, 1936. 229 p.

Williams A. R. The Russian Land. N. Y. : N. Republic, 1928. 294 p.

References

Bogdanov, N. (1930). *Sovety v raionakh sploshnoi kolektivizatsii* [The Soviets in Areas of Mass Collectivisation]. Saratov, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 64 p.

Bol'shakov, A. (1927). *Derevnya 1917–1927* [The Countryside in 1917–1927]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya. 471 p.

Bulgakov, M. A. (1989). *Zapiski yunogo vracha* [A Young Doctor's Notebook]. In Bulgakov, M. A. *Sobranie sochinenii v 5 t.* Moscow, Khudozhestvennaya literatura. Vol. 1, pp. 71–146.

- Buxton, Ch. R. (1922). *In a Russian Village*. L., The Labour Publ. 96 p.
- Chekhov, A. P. (1984). Gore [Sorrow]. In Chekhov, A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 30 t.* Moscow, Nauka. Vol. 4, pp. 230–234.
- Danilov, V. P. (1979). *Sovetskaya dokolkhoznyaya derevnya: sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya* [The Soviet Pre-Kolkhoz Village: Social Structure, Social Relations]. Moscow, Nauka. 357 p.
- Farson, N. (1930). *Seeing Red: Today in Russia*. L., Eyre & Spottiswoode Publ. 275 p.
- Fischer, L. (1935). *Soviet Journey*. N. Y., Harrison Smith and Robert Haas. 309 p.
- Fitzpatrick, Sh. (2008). *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivisation]. Moscow, ROSSPEN. 421 p.
- Gaditskaya, M. A., Samsonenko, T. A. (2017). Meditsinskoe obsluzhivanie v povsednevnosti kolkhoznoi derevni 1930-kh gg. (na materialakh Yuga Rossii) [Medical Service in the Everyday Life of a Collective Farm Village in the 1930s (with Reference to South Russia)]. In *Vlast'*. No. 5, pp. 192–197.
- Gamburg, M. (1929). *Polovaya zhizn' krest'yanskoj molodezhi* [The Sexual Life of the Peasant Youth]. Saratov, S. n. 42 p.
- Gladkov, F. (1935). Kolkhoznik i kul'tura [The Collective Farmer and Culture]. In *Pravda*. September 16. No. 256, p. 3.
- Gonchar, V. V., Ratmanov, P. E. (2015). Modernizatsiya zubovrachebnoi pomoshchi naseleniyu Dal'nevostochnogo kraja v gody pervoi sovetskoi pyatiletki (1928–1933 gg.) [The Modernisation of Dental Care for the Population of the Far Eastern Region during the First Soviet Five-Year Plan Period (1928–1933)]. In *Dal'nevostochnyi meditsinskii zhurnal*. No. 1, pp. 73–77.
- Gorfin, D. V. (1961). *Ocherki istorii sel'skogo zdravookhraneniya SSSR (1917–1959 gg.)* [Essays on the History of Rural Healthcare in the USSR (1917–1959)]. Moscow, Medgiz. 236 p.
- Hindus, M. (1931). *Red Bread*. N. Y., Jonathan Cape & Harrison Smith. 372 p.
- Iiesh, D. (2005). *Rossiya. 1934* [Russia. 1934]. Moscow, Khroniker. 239 p.
- Khristenko, D. N., Krasovskaya, Yu. V (2019). Kollektivizatsiya i stanovlenie sistemy zdravookhraneniya na sele [Collectivisation and the Formation of the Public Health System in Rural Russia]. In *Samarskii nauchnyi vestnik*. No. 4, pp. 200–205. DOI 10.24411/2309-4370-2019-14215.
- Mirskii M. (2005). *Meditsina Rossii X–XX vekov* [Medicine of Russia of the 10th–20th Centuries]. Moscow, ROSSPEN. 631 p.
- Nash otvet* [Nash Otvet]. (1933). Stalingrad, Partizdat. 55 p.
- Nefedov, S. A. (2013). *Agrarnye i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizatsii* [Agrarian and Demographic Results of Stalin's Collectivisation]. Tambov, Izdatel'skii dom Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni G. R. Derzhavina. 238 p.
- Newsholme, A., Kingsbury, J. (1933). *Red Medicine: Socialized Health in Soviet Russia*. N. Y., Doubleday, Doran & Co. 324 p.
- Otkrytoe pis'mo obshchestvennym sanitarnym inspektoram Moskovskoi oblasti po sankul'trabote v kolkhozakh v svyazi s provodimym konkursom na chistuyu kul'turnuyu izbu* [An Open Letter to the Public Sanitary Inspectors of the Moscow Region on Sanitary and Cultural Work in Collective Farms in Connection with the Ongoing Competition for a Clean Cultural Rural House]. (1934). Moscow, Tipografiya MOIKa. 7 p.
- Renn, L. (1932). *Russlandfahrten*. Berlin, Lasso-Verlag. 190 S.
- Scott, J. (1942). *Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel*. Massachusetts, The Riverside Press. 279 p.
- Shingarev, A. I. (1907). *Vymirayushchaya derevnya. Opyt sanitarno-ekonomicheskogo issledovaniya dvukh selenii Voronezhskogo uezda* [A Dying Village: The Experience of Sanitary and Economic Study of Two Villages in Voronezh Uyezd]. St Petersburg, Obshchestvennaya pol'za. 223 p.
- Sigerist, H. (1937). *Socialized Medicine in the Soviet Union*. N. Y., W.W. Norton & Co. 378 p.

Smirnov, N. G. (1930). *Dzhek Vos 'merkin Amerikanets. Povest' v 3 ch.* [Jack Vosmerkin the American. A Story. 3 Parts]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 286 p.

Smith, V. (1936). *In a Collective Farm Village.* Moscow, Cooperative Publ. Society of Foreign Workers. 229 p.

Sorok let sovetskogo zdravookhraneniya [Forty Years of Soviet Healthcare]. (1957). Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoj literatury. 662 p.

Viola, L. (2010). *Krest'yanskii bunt v epokhu Stalina: kollektivizatsiya i kul'tura krest'yanskogo soprotivleniya* [Peasant Rebels under Stalin: Collectivisation and the Culture of Peasant Resistance]. Moscow, ROSSPEN. 366 p.

Volkova, T. (2001). *Stanovlenie i razvitie zemskogo zdravookhraneniya v Yaroslavskoi gubernii (1865–1917 gg.)* [The Formation and Development of Zemstvo Healthcare in Yaroslavl Province (1865–1917)]. Yaroslavl, OOO “Liya”. 128 p.

Vyltsan, M. A. (1970). *Sovetskaya derevnya nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny. (1938–1941 gg.)* [The Soviet Village on the Eve of the Great Patriotic War. (1938–1941)]. Moscow, Politizdat. 200 p.

Williams, A. R. (1928). *The Russian Land.* N. Y., N. Republic. 294 p.

Yakovlev, Ya. A. (1924). *Derevnya kak ona est'* [The Village As It Is]. Moscow, Krasnaya nov'. 152 p.

Za zdorovyi kul'turnyi byt. Sbornik statei [For a Healthy Cultural Life. A Collection of Articles]. (1931). Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo. 176 p.

Zatravkin, S., Vishlenkova, E., Sherstneva, E. (2020). “Korennoi perelom”: dovoennaya reforma sovetskogo zdravookhraneniya [“A Radical Turn”: The Reform of the Soviet System of Public Healthcare]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 2, pp. 652–666.

The article was submitted on 17.05.2021

О сельском здравоохранении в СССР, или О качестве истории медицины*

Сергей Затравкин

¹Национальный НИИ общественного здоровья;

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Елена Вишленкова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

On Rural Health in the USSR, Or On the Quality of Medical History

Sergei Zatravkin

¹N. A. Semashko National Research Institute of Public Health;

²HSE University,
Moscow, Russia

Elena Vishlenkova

HSE University,
Moscow, Russia

In this text, the authors debate the research carried out by D. Khristenko on early Soviet rural healthcare, questioning the trustworthiness of the sources, their interpretation, and the historical and biographical context of the narrative. The authors provide statistics that recorded a reduction in the Soviet healthcare system's ability to treat the population. They analyse the reports of people's commissars and heads of regional health departments, who opened the party's eyes to the acute shortage of personnel, the critical condition of hospitals, and the low level of qualifications possessed by Soviet medical graduates. Referring to these testimonies and data, the researchers demonstrate that the Soviet healthcare of the 1920s–1930s was a problematic and acutely undersupplied area of public life. This was especially noticeable in rural Russia, which suffered significant

---

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Благодарим редакцию журнала *QR* и лично Д. Христенко за готовность организовать на страницах издания оперативную дискуссию на столь важную тему.

** Citation: Zatravkin, S., Vishlenkova, E. (2022). On Rural Health in the USSR, Or On the Quality of Medical History. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 646–656. DOI 10.15826/qr.2022.2.693.

Цитирование: Zatravkin S., Vishlenkova E. On Rural Health in the USSR, Or On the Quality of Medical History // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 646–656. DOI 10.15826/qr.2022.2.693 / Затравкин С., Вишленкова Е. О сельском здравоохранении в СССР, или О качестве истории медицины // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 646–656. DOI 10.15826/qr.2022.2.693.

human losses. This is probably a rare case in Russian history when the analysis of officials who headed the healthcare system turned out to be more critical than the accounts of occasional foreigners about their trips to the exotic country of the Soviets. This requires a special approach to the evaluation of the trustworthiness of such opinions and the extent of awareness of the problem.

Keywords: history of Stalinism, history of medicine, Soviet public health

Авторы статьи включаются в дискуссию с исследованием Д. Христенко о раннесоветском сельском здравоохранении, делая акцент на степени достоверности источников, об их профессиональной трактовке, историческом и биографическом контексте создания нарративов. Приводятся данные статистики, зафиксировавшие сокращение возможностей советского здравоохранения лечить население. Анализируются доклады наркомов и руководителей областных отделов здравоохранения, открывавших партии глаза на острый дефицит кадров, критическое состояние больниц и низкий уровень квалификации выпускников советских медицинских институтов, что противоречит победным реляциям прессы и высказываниям иностранцев, использованным в статье уважаемого историка медицины. На основе этих свидетельств и данных показано, что советское здравоохранение 1920–1930-х гг. было проблемной и остродефицитной областью государственной жизни. Особенно сильно это проявилось в сельской России, понесшей значительные человеческие жертвы. Вероятно, это тот редкий случай в российской истории, когда анализ чиновников, стоявших во главе здравоохранения, оказывался более критичным, чем рассказы о путешествии в экзотическую Страну Советов редких иностранцев, что требует особого подхода в оценке достоверности и проверке мнений на их объективность и степень проникновения в суть явления.

Ключевые слова: история сталинизма, история медицины, советское здравоохранение

Здоровье крестьян в советской историографии

Полемикой с нами Дмитрий Христенко активизировал обсуждение проблемы отбора свидетельств для обрисовки фактологической стороны процесса и их интерпретации [Христенко]. Разделим непроверяемые и общепринятые положения в истории медицины и спорные, требующие дополнительных комментариев проблемы. Важный факт, с которым согласны все историки медицины: в раннесоветское время фиксируются чудовищные потери населения, особенно среди крестьян [Демографическая модернизация]. Массовая смертность, признанная на сегодняшний день избыточной, происходила, заметим, в мирное время от голода и болезней [Затравкин, Вишленкова, Шерстнева]. И мы согласны с утверждением Д. Христенко, что решающую роль в этом сыграли неустроенность условий жизни и низкая санитарная культура людей. Однако и чрезвычайную слабость системы здравоохранения (в особенности сельского) ни в коем случае нельзя списывать со счетов.

Эту зависимость легко продемонстрировать на более позднем периоде 1950-х гг. В еще не восстановленной после войны стране санитарные условия жизни были тоже сложными, и заболеваемость была высокой. Но благодаря успешной реформе здравоохранения коэффициент общей смертности снизился с 18,3 на 1 тыс. населения в 1940 г. до 9,6 в 1950 г., а затем и до 8,2 в 1955 г. Младенческая смертность к 1958 г. снизилась и вовсе в 5,6 раза [Затравкин, Вишленкова, 2020].

Обращаясь к спорным моментам, зафиксировав, что нарративы советских историков о сельском здравоохранении 1920–1930-х гг. базируются в основном на трех видах источников – распорядительных документах и цифровых отчетах нарком- и облздравов, резолюциях врачебных съездов. Эта подборка позволяла чиновникам и пропагандистам обосновывать успех большевистской политики населения, подчеркивать заслуги советской власти в обеспечении медицинской помощи крестьянам, последовательное развитие здравоохранения. Хвалебные свидетельства иностранцев (совсем не случайно оказавшихся в СССР) приводились в качестве иллюстрации и для усиления эффекта («даже идейные враги были вынуждены признать»). Советская история медицины – это внушительный объем текстов с идентичными выводами. Чтобы понять, как удавалось добиться такого единодушия и единения разных исследователей в разных городах страны, стоило обратиться к изучению формирования советского научного канона и механизмов интерпретации в истории советской медицины [Zatravkin, Vishlenkova]. Мы убедились в том, что это была тщательно продуманная «фабрика», где существовали «головное производство» априорных выводов и многочисленные филиалы для переподтверждения установок локальными сюжетами и именами. Все они многократно повторяли одну и ту же хвалебную историю прошлого. В ходе формирования этого «производства» его создатели проанализировали огромный объем сохранившихся источников о советском здравоохранении, выбирая из всей массы те, что позволяли обосновать определенную версию истории победившего социализма и отбросить негативные свидетельства. Ими оказались распоряжения партии и правительства, показатели советской статистики и резолюции (а не материалы) съездов медиков, где негативные моменты нивелировались до отдельных легкопреодолимых недостатков.

В постсоветские времена неоднократно велись дебаты об информационной ценности и достоверности данной подборки свидетельств. Многие исследователи вообще отказывали этим текстам в праве на свидетельство, считали их фальсификациями. Однако исследовательский опыт убеждает, что коллективные создатели этих документов не ставили перед собой осознанной задачи обманывать. Другое дело, что их тексты содержат так много купюр и зон умолчания, что почти не «цепляют» историческую реальность, предпочитая создавать иллюзорное жизненное пространство, подчиненное идеологии.

Как только стало возможным выйти из «фабричного» производства исторических нарративов, появились исследования сельского здравоохранения

ранения, основанные на других источниках. Цитаты и численные данные в статьях, например, А. М. Сточика поражают размахом трагедии даже сегодня, хотя он писал на основе всем доступных опубликованных текстов – статей в «Бюллетене Наркомздрава». Историк показал глубину разрушений в сельском здравоохранении, порожденных Первой мировой войной, революцией и Гражданской войной [Сточик]. Даже к 1927 г. показатели его состояния не были сопоставимы с довоенными цифрами.

Публикации официального органа большевиков свидетельствовали о том, что открытые ими врачебные участки и больницы, уплотненные больничные палаты не покрывали чудовищного дефицита врачебной помощи. По свидетельству первого наркома здравоохранения Н. А. Семашко, в 1926 г. 21,3 % волостей не имели никаких врачебных пунктов, а на 42,3 % сельских территорий не было больниц. Оснащение созданных лечебных учреждений и качество оказывавшейся в них медицинской помощи, как признавались большевистские лидеры здравоохранения, были чрезвычайно низкими. Больницы размещались в не приспособленных для этого помещениях, где отсутствовало самое элементарное медицинское оборудование, питание больных было скудным, не было медикаментов, лекарственный голод был глубоким и затяжным [Затравкин, Вишленкова, 2022]. На созданных директивными распоряжениями медицинских участках в реальности некому было работать: шел массовый отток сельских врачей в города по объективным причинам различного уровня жизни специалистов. По данным Наркомздрава за 1917–1922 гг., обеспеченность сельского населения врачами по сравнению с дореволюционным периодом снизилась: если в 1911 г. на одного врача приходилось 22,9 тыс. сельских жителей, то в 1920 г. – 26,9 тыс. [Сточик, № 8].

А. М. Сточик уверял, что причина тому – тяжелые условия работы сельских врачей: чрезмерная нагрузка (до 200 пациентов в день), необходимость ездить на большие расстояния при отсутствии транспорта¹, низкая оплата труда, отсутствие условий проживания и часто негативное отношение к ним крестьян. Если в 1925 г. 15 % действующих врачебных участков не были укомплектованы медиками, то в 1928 г. их стало уже 20 %. Если в 1913 г. в деревне работали примерно 30 % российских врачей, то в 1920 г. – лишь 22 %, а в 1926 г. – 13,2 %. К 1940 г. их доля сократилась до 12 %.

Главной причиной случившегося Сточик считал так называемый «городской уклон» раннесоветского здравоохранения. В связи с признанием ведущей роли городского пролетариата в революционной борьбе более 70 % скромных финансовых ресурсов, выделенных на здравоохранение, были направлены в города, а остававшиеся крохи были разделены для организации медицинской помощи более

---

¹ В начале 1927 года лишь 26 % врачебных участков были обеспечены транспортом. Врачи могли выезжать в отдаленные деревни только при подаче лошадей самими пациентами.

80 % населения страны – крестьянам. Следует отметить, что большевики искали способы выровнять эту асимметрию. В 1921 г. они ввели обязательное денежное и натуральное обложение крестьян через комитеты крестьянской взаимопомощи (вариант платной медицинской помощи), а в 1923–1927 г. г. проводилось целевое финансирование сельского здравоохранения через субвенционные фонды². В малоэффективности этих мер сотрудников Наркомздрава убеждали растущая смертность сельских тружеников и увеличивающаяся доля нетрудоспособных в рабочем возрасте. Особенно опасным был рост детской смертности от инфекций [Сточик, № 8].

После публикаций Сточика сельским здравоохранением занялись региональные исследователи, проверявшие его сенсационные наблюдения документами местных архивов. Конфликтов мнений в этом исследовательском пространстве у постсоветских историков не возникло. Все они соглашались, что дела с сельским здравоохранением в ранне-советское время обстояли либо плохо, либо очень плохо. Удивительно было лишь то, как при таком состоянии здравоохранения советские крестьяне выжили в голоде и эпидемиях 1920–1930-х гг. [Самсоненко].

Методологические заметки о поиске достоверности

Исследовательская позиция нашей группы состоит в привлечении самых разнообразных источников, касающихся истории советского здравоохранения, с одной стороны, и проверке их свидетельств не только на противоречивость, но и с учетом намерений, обстоятельств и последствий произведенных высказываний, с другой. Выводы и наблюдения А. М. Сточика, сделанные им на основе публикаций в периодической печати, были проверены другими текстами (некоторые – с грифами «Секретно» и «Для служебного пользования» – стали доступны только после распада СССР). Среди них доклады отдела сельской сети Народного комиссариата здравоохранения, материалы (а не только резолюции) съездов врачей и сделанные на основе обследований и обращений врачей отчеты наркомов и руководителей областных органов управления здравоохранением.

Судя по этим аналитическим текстам, сотрудники Наркомздрава понимали, что в ходе индустриализации и коллективизации здравоохранение было поставлено на край катастрофы. Критичным его состояние было даже в столичных городах. Зримый пример: в феврале 1936 г. заведующий Ленгорздравотделом Д. Г. Боген направил письмо секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКПб А. А. Жданову, в котором возмущался решением бюджетной комиссии Ленсовета сократить контрольные цифры расходов на здравоохранение на 5 млн руб. [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1654. Л. 59 об.].

---

² Особые целевые фонды долевого участия государства в финансировании социально-культурных мероприятий на местах.

С оборудования больниц приходится снимать 112 руб. с койки. Это в условиях, когда бельевая ткань после отмены твердых цен вздорожала почти вдвое, и когда в больницах, яслях, амбулаториях имеется острый недостаток в самом элементарном оборудовании, в больницах и родильных домах не хватает подкладных простыней, детских пеленок, в амбулаториях – халатов для врачей, предметов ухода и др. Снизить норму НКЗ расходов на медикаменты с 1 руб. на койку в день до 70 коп. в условиях, когда не хватает 596,6 тыс. руб. на переливание крови, 300 т. р. на приобретение противокоревой сыворотки, рентгеновских пленок и др. [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1654. Л. 59 об.].

Глава ленинградского здравоохранения уверял, что крыши и дома местных больниц давно уже не ремонтировались и пришли в ветхое состояние, не хватает средств на отопление, нет денег на содержание молочных кухонь, оплату молочных пайков и содержание базы грудного молока. Отсюда выросшая детская смертность, по которой в мире оценивалось состояние системы здравоохранения. Д. Г. Боген убеждал партийцев, что сокращение средств на здравоохранение недопустимо, и предлагал экономить не на детях, их матерях и бедных работниках, а на партийной элите и передовиках производства, которые поправляют здоровье в санаториях и домах отдыха.

В сельской местности все было еще хуже. Либо врачей там не было совсем, либо крестьян лечили плохо обученные выпускники советских медицинских институтов. «В 1930 г. в деревне работало 8280 врачей, а в 1933 г. – 6180», – сообщил в 1935 г. нарком здравоохранения Г. Н. Каминский участникам XVI Всероссийского съезда Советов [XVI Всероссийский съезд, с. 25]. Он уверял:

Мы имеем позорные цифры в деревне, 64 % участковых амбулаторий совершенно не имеют врачей. Из 3716 участков 2412 – без врачей. Особенно тяжелое положение в Дагестане, где не имеют ни одного врача 87 % участков; в ДВК – 82 %, в Ивановской области – 86 %, в Свердловской – 91 %, в Башкирии – 82 %, в Восточной Сибири – 80 %. Четвертая часть сельских больниц не имеет ни одного врача. По Московской области 35 % сельских больниц совершенно без врачей, в Ивановской области – 36,7 %, в Свердловской – 33 %. Я не говорю о Якутии, где 70 % больниц не имеют ни одного врача. Примерно такое же положение в Бурят-Монголии и ряде других областей... Мы обслуживаем сейчас только 20 % рожениц. 80 % наших колхозниц еще вынуждены пользоваться помощью бабок и повитух или обходиться вообще без всякой родильной помощи [Каминский, 1934, с. 14].

В конце 1935 г. служащие Наркомздрава, проверявшие Саратовский край и Воронежскую область, информировали, что лечение в местных совхозах осуществляется ротными фельдшерами «без всякого врачебного надзора». Причем многие из этих фельдшеров

до устройства на работу не практиковали по десять лет. В совхозе «Ударник» в отсутствие фельдшера делала перевязки и выдавала лекарства уборщица [Официальный сборник НКЗ, 1935, с. 39–40].

В 1934 г. Наркомздрав стал распределять новых выпускников медицинских институтов по запросам местных властей прежде всего в сельскую местность, о чем упоминается как о государственной заботе в статье Д. Христенко. Уточняем: из 400 направленных на село врачей большинство не доехали до мест назначения [XVI Всероссийский съезд, с. 25]. В 1936 г. к распределению подошли уже с угрозами уголовных репрессий [Официальный сборник НКЗ, 1936, с. 11–18]. Это помогло, но в небольшой степени: из 4,5 тыс. выпускников, направленных в деревни, на места службы прибыли только 800 [Трагедия советской деревни, с. 528–534]. По состоянию на 1 января 1937 г. 4 548 амбулаторий не имели врачей. Хуже всего дела обстояли в Азербайджанской (71 % пустующих амбулаторий), Узбекской (64,7 %), Белорусской (60 %) и Казахской (46 %) ССР. В целом неукомплектованность врачебными кадрами на 1 января 1937 г. выражалась в следующих цифрах: из 24 827 штатных должностей на селе было занято 16 330 (65,8 %), на которых работали только 11 672 врача [Там же].

Довоенные руководители здравоохранения имели выучку в императорских университетах и страдали от бессилия – невозможности спасти людей, от очевидного падения профессионализма подчиненных им «красных врачей». Уровень их знаний, по словам наркома Г. Н. Каминского, доходил до позорного [Каминский, 1934, с. 19]. Ему сообщали о явлениях «хирургического хулиганства» неграмотных врачей, в результате которого гибли пациенты [Третий пленум, с. 73–74]. Типичный случай стал основой для приказа по Народному комиссариату здравоохранения РСФСР № 726 от 9 августа 1935 г. по Северокавказскому краю:

Установлены факты, когда врачи без хирургической подготовки и теоретических знаний проводили сложные хирургические операции, повлекшие за собой тяжелые последствия... Врач Гончаренко, заведующий Эльбурганской больницей, окончивший мединститут в 1934 г., проводит серьезные хирургические операции, выявляя при этом полную хирургическую неграмотность, о чем свидетельствуют его же записи в операционном журнале, как-то... диагноз «холецистит» при явлениях сильной желтухи; врач делает операцию, удаляет пузырь и перевязывает желчный проток. Через 2 дня наступает смерть больного. Из разговоров с врачом выяснилось, что он совершенно не знает топографических особенностей операционного поля и не представляет себе, зачем он перевязал желчный проток, и какие возможные последствия от этого... Врач Ляпин, заведующий абортарием РОКК в г. Сулимове, не понимает основных правил антисептики и при проведении операций пользуется фактически нестерильным материалом [Там же].

Отдельно отметим, что врач Гончаренко не был отдан под суд, а тем же самым приказом отправлен на пятый курс медицинского института «для доучивания».

И это положение в целом не менялось вплоть до конца 1940-х гг. По свидетельству наркома здравоохранения Е. И. Смирнова, количество ошибочных диагнозов, поставленных врачами в сельских амбулаториях в 1946–1947 гг. (например, в Сталинградской области), доходило до 60 % [Смирнов, с. 9]. При этом новоявленные врачи вели себя высокомерно по отношению к пациентам-крестьянам, чем возмущался Каминский [Каминский, 1934, с. 18]. В брошюре «Задачи советского здравоохранения» он приводил такой пример. Старый кадровый рабочий свиновхоза повез свою 12-летнюю дочь в Ингашскую районную больницу (Восточная Сибирь) с диагнозом «воспаление легких». Он приехал в больницу, когда рабочий день там закончился. На этом основании дежурный врач отказался осматривать больную, и в больницу ее не приняли. В ту же ночь девочка умерла [Там же, с. 17].

Из-за хронического недофинансирования состояние многих сельских стационаров было удручающим. На съездах врачей бесстрашные делегаты говорили о наболевшем – о разрушенных больничных строениях, о затертом и рваном постельном белье, о скудном питании для пациентов [Третий пленум, с. 21], об отсутствии воды, электричества, дров и медикаментов, о наличии клопов, блох, крыс [Там же, с. 20]. Большевистские выдвиженцы заботились не о качестве лечебных учреждений, а о своей партийной карьере. Об этом свидетельствуют материалы различных проверок и обращения главных врачей, поступавшие в республиканские и союзный наркомздравы. Руководитель одной из больниц Волков писал в Наркомздрав:

Отношение местной власти и общественных организаций к работе лечебницы можно охарактеризовать одним словом: равнодушие... За 17 лет работы ни один председатель уездного исполкома, ни один секретарь райкома... не зашел в лечебницу [цит. по: Каминский, 1935, с. 36].

Многочисленные негативные казусы и жалобы аккумулировались в доклады наркоматов здравоохранения. В 1920-е и до середины 1930-х гг. еще можно было писать и говорить о недостатках советского управления и организации здравоохранения. И это говорит в пользу демократичности той политической системы, еще не ставшей авторитарной, а также о сохранившемся профессиональном достоинстве врачебной элиты представителей того поколения. Многие из них заплатили за свое достоинство и критику жизнью. И это было не по неведению, степень грозящей им опасности они осознавали. Решившись на выступление на съезде, Каминский и его жена (практикующий врач) определили малолетнего сына в детский приют. После выступления нарком и его соратники были арестованы и вскоре расстреляны. Администрация Ленздравотдела тоже «очи-

стилась» от критически мыслящих и болеющих за пациентов сотрудников. В 1937 г. Д. Г. Боген был исключен из партии и расстрелян.

Оппоненты обвиняли критиков советского здравоохранения в очернительстве, уверяли, что на самом деле все прекрасно. В огромной стране всегда можно было найти оазисы благополучия: существовали отдельные колхозы и даже районы, где председатели строили больницы, старались обеспечить их медикаментами, оборудованием, бельем и питанием, создавали условия для работы врачей. Они не определяли общее состояние, но служили витриной для показа. Вероятно, именно их демонстрировали приехавшим в Советский Союз иностранцам, о которых пишет в своей статье Д. Христенко. А в случае с Г. Сигеристом даже не требовалось иллюзий. П. Э. Ратманов собрал и обобщил достаточно свидетельств, убедительно показавших трансформацию ученого в ангажированного публициста [Ратманов; Hutchinsohn].

Мы согласны с тем, что тезис о росте детской смертности при ясельном воспитании в тот период требует уточнения. В определенных условиях при недостатке правил дезинфекции общественных мест пребывания людей и личной гигиены организованное детское учреждение (будь то ясли, детские сады, школы, кружки, секции и проч.) является источником распространения инфекций и, как следствие, способствует росту заболеваемости. В 1930-е гг. в советские ясли принимали в том числе заведомо больных детей, а инфекционных боксов, особенно на селе, еще не существовало. В условиях практически разрушенной системы здравоохранения и отсутствия у медицины эффективных средств лечения инфекционных заболеваний рост детской заболеваемости автоматически приводил к росту смертности от этих заболеваний. Мы далеки от мысли, что именно ясли явились основной причиной чрезвычайно высокой младенческой смертности в СССР, но они служили дополнительным фактором ухудшения ситуации.

* * *

Обращение к риторическим «украшательствам», фразам типа «наступило время», «пришел капитализм», «все жили хорошо или плохо», «сыграло большую роль» и «имело высокое значение» создает иллюзию доверия к высказыванию, но при дальнейшем анализе приводимых фактов показывает их недостаточно критическое использование. В современных условиях хочется принимать аргументацию не обвинительного, а доказательного характера с такими свидетельствами очевидцев, которые направлены не на реабилитацию режима и процесса провалившейся античеловеческой коллективизации, а на реальное состояние дел и результаты в их гуманистическом аспекте. В остальном привлечение новых источников и внимание к истории медицины можно только приветствовать.

Список литературы

Демографическая модернизация России: 1900–2000 / под ред. А. В. Вишневого. М. : Новое изд-во, 2006. 608 с.

Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А. Восстановление или создание? Послевоенная реформа советского здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. № 5. С. 1011–1016. DOI 10.32687/0869-866X-2020-28-5-1011-1016.

Затравкин С. Н., Вишленкова Е. А. Медикаменты и революция: лекарственное обеспечение советских людей в 1920-е годы // Российская история. 2022. № 2. С. 156–165.

Затравкин С., Вишленкова Е., Шерстнева Е. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 2. С. 652–666. DOI 10.15826/qr.2020.2.486.

Каминский Г. Н. Задачи советского здравоохранения. М. : Биомедгиз, 1934. 164 с.

Каминский Г. Н. Охрана здоровья в Советском Союзе. М. : Биомедгиз, 1935. 118 с.

Официальный сборник НКЗ РСФСР. 1935. № 23–24. С. 39–40. 1936. № 2. С. 11–18.

Ратманов П. Э. Советское здравоохранение на международной арене в 1920–1940-х гг.: между «мягкой силой» и пропагандой (Западная Европа и США). Хабаровск : Изд-во ДВГМУ, 2021. 388 с.

Самсоненко Т. А. Становление и развитие сельской системы здравоохранения в СССР в 1930-х гг. // *Власть*. 2015. № 5. С. 146–151.

Смирнов Е. И. Очередные задачи Министерства здравоохранения СССР : доклад на собрании работников здравоохранения. Москва. 21 мая 1947 г. [Для служебного пользования]. М. : Медгиз, 1947. 56 с.

Сточик А. М. Сельское здравоохранение в первой половине 20-х гг. // Советское здравоохранение. 1988. № 8. С. 60–64. № 9. С. 65–71.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : Документы и материалы : в 5 т. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. 648 с.

Третий пленум Центральной сельской комиссии Наркомздрава. Воронеж : Воронеж. обл. книгоизд-во, 1935. 86 с.

Христенко Д. Советская сельская медицина довоенного периода в оценке отечественных и иностранных очевидцев // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 629–645. DOI 10.15826/qr.2022.2.692.

ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1654.

Hutchinson J. F. Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine // *Making Medical History: The Life and Times of Henry E. Sigerist* / ed. by E. Fee, T. M. Brown. Baltimore : Johns Hopkins Univ. Press, 1997. P. 229–258.

XVI Всероссийский съезд Советов: 15–23 января 1935 г., [Москва] : стеногр. отчет : бюллетени. № 1–17. Постановления. М. : ВЦИК, 1935. 708 с.

Zatravkin S. N., Vishlenkova E. A. A Ghost Textbook on the History of Medicine: A Case Study of the Legacy of a Stalinist Scholarly Canon // *Europ. Education*. 2020. Vol. 52, № 3. P. 257–270. DOI 10.1080/10564934.2020.1769483.

References

Hutchinson, J. F. (1997). Dances with Commissars: Sigerist and Soviet Medicine. In Fee, E., Brown, T. M. (Eds.). *Making Medical History: The Life and Times of Henry E. Sigerist*. Baltimore, Johns Hopkins Univ. Press, pp. 229–258.

Kaminskii, G. N. (1934). *Zadachi sovetskogo zdravookhraneniya* [The Aims of the Soviet Health Sector]. Moscow, Biomedgiz. 164 p.

Kaminskii, G. N. (1935). *Okhrana zdorov'ya v Sovetskom Soyuze* [Health Care in the USSR]. Moscow, Biomedgiz. 118 p.

Khristenko, D. (2022) Sovetskaya sel'skaya meditsina dovoennogo perioda v otsenke otechestvennykh i inostrannykh ochevidtsev [Pre-War Soviet Rural Medicine as Assessed by National and Non-National Observers]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 2, pp. 629–645. DOI 10.15826/qr.2022.2.692.

Oftisial'nyi sbornik NKZ RSFSR [Official Collection of the NKZ of the RSFSR]. (1935). No. 23–24, pp. 39–40; (1936). No. 2, pp. 11–18.

Ratmanov, P. E. (2021). *Sovetskoe zdravookhranenie na mezhdunarodnoi arene v 1920–1940-kh gg.: mezhdru "myagkoi siloi" i propagandoi (Zapadnaya Evropa i SShA)* [Soviet Public Health in the International Arena in the 1920s–1940s: Between “Soft Power” and Propaganda (Western Europe and the USA)]. Khabarovsk, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. 388 p.

Samsonenko, T. A. (2015). Stanovlenie i razvitie sel'skoi sistemy zdravookhraniya v SSSR v 1930-kh gg. [The Formation and Development of the Rural Health System in the USSR in the 1930s]. In *Vlast'*. No. 5, pp. 146–151.

Smirnov, E. I. (1947). *Ocherednye zadachi Ministerstva zdravookhraniya SSSR. Doklad na sobranii rabotnikov zdravookhraniya. Moskva. 21 maya 1947 g. Dlya sluzhebnoho pol'zovaniya* [Current Tasks of the Ministry of Health of the USSR. Report at the Meeting of Healthcare Workers. Moscow. 21 May 1947. For Official Use]. Moscow, Medgiz. 56 p.

Stochik, A. M. (1988). Sel'skoe zdravookhranenie v pervoi polovine 20-kh gg. [Rural Health Care in the First Half of the 1920s]. In *Sovetskoe zdravookhranenie*. No. 8, pp. 60–64. No. 9, pp. 65–71.

Tragediya sovetsoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy v 5 t. [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization. Documents and Materials. 5 Vols.]. (2004). Moscow, ROSSPEN. Vol. 5. 1937–1939. Book 1. 1937. 648 p.

Tretii plenum Tsentral'noi sel'skoi komissii Narkomzdrava [The Third Plenum of the Central Rural Commission of the People's Commissariat for Health]. (1935). Voronezh, Voronezhskoe oblastnoe knigoizdatel'stvo. 86 p.

TSGAIPD SPb [Central State Archive of Historical and Political Documents of St Petersburg]. Stock 24. List 2v. Dos. 1654.

Vishnevsky, A. V. (Ed.). (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 1900–2000* [The Demographic Modernisation of Russia. 1900–2000]. Moscow, Novoe izdatel'stvo. 608 p.

XVI Vserossiiskii s'ezd Sovetov. 15–23 yanvarya 1935 g., Moskva. Stenograficheskii otchet. Byulleteni No. 1–17. Postanovleniya [XVI All-Russian Congress of the Soviets. 15–23 January 1935, Moscow. Verbatim Transcripts. Bulletins No. 1–17. Decrees]. Moscow, Vserossiiskii tsentral'nyi ispolnitel'nyi komitet. 708 p.

Zatravkin, S. N., Vishlenkova, E. A. (2020). A Ghost Textbook on the History of Medicine: A Case Study of the Legacy of a Stalinist Scholarly Canon. In *Europ. Education*. Vol. 52. No. 3, pp. 257–270. DOI 10.1080/10564934.2020.1769483.

Zatravkin, S. N., Vishlenkova, E. A. (2020). Vosstanovlenie ili sozdanie? Poslevoennaya reforma sovetsoi zdravookhraniya [Restoration or Creation? The Postwar Reform of Soviet Healthcare]. In *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraniya i istorii meditsiny*. No. 5, pp. 1011–1016. DOI 10.32687/0869-866X-2020-28-5-1011-1016.

Zatravkin, S. N., Vishlenkova, E. A. (2022). Medikamenty i revolyutsiya: lekarstvennoe obespechenie sovetsoikh lyudei v 1920-e gody [Medicaments and Revolution: Medical Supply of the Soviet People in the 1920s]. In *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 156–165

Zatravkin, S., Vishlenkova, E., Sherstneva, E. (2020). “Korennoi perelom”: dovoennaya reforma sovetsoi zdravookhraniya [“A Radical Turn”: The Reform of the Soviet System of Public Healthcare]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 2, pp. 652–666. DOI 10.15826/qr.2020.2.486.

The article was submitted on 14.04.2022

Трансформация семейных связей под влиянием вспомогательных репродуктивных технологий*

Эльвира Сыманюк

Ирина Полякова

Андрей Меньшиков

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Transformation of Family Ties as a Result of Assisted Reproductive Technologies

Elvira Symaniuk

Irina Polyakova

Andrey Menshikov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

Third-party involvement in parenting projects alters our perception of kin and family ties. Assisted reproductive technologies (ART) cause a fragmentation of parenthood: parental contributions are differentiated into technical operations, while some of these operations are delegated to third parties during conception, gestation, birth, and upbringing. In this article, the authors focus on the discussion of reproductive legislation and demonstrate how ART are medicalised with a view to ensuring an imitation of genetic kinship in the interests of infertile couples. In the second part, the authors analyse recent scholarship in psychology on the social, psychological, and ethical challenges that families encounter because genetic and social parenthood become separated by ART. The re-assembling of family bonds involves linguistic, conceptual, and relationship levels. The authors highlight the trend towards the deanonymisation of reproductive donations and the inclusion of donors into parental projects. In the third part, the article focuses

---

* *Citation:* Symaniuk, E., Polyakova, I., Menshikov, A. (2022). The Transformation of Family Ties as a Result of Assisted Reproductive Technologies. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 657–676. DOI 10.15826/qr.2022.2.694.

Цитирование: Symaniuk E., Polyakova I., Menshikov A. The Transformation of Family Ties as a Result of Assisted Reproductive Technologies // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 657–676. DOI 10.15826/qr.2022.2.694 / Сыманюк Э., Полякова И., Меньшиков А. Трансформация семейных связей под влиянием вспомогательных репродуктивных технологий // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 657–676. DOI 10.15826/qr.2022.2.694.

on the practices of informal sperm donation and the formation of new family and kin bonds that are based on genetic kinship and in various combinations may include donors and/or children conceived by one donor and their social parents. The article refers to interviews with sperm donors who offer their services through special online platforms. These men invest in effective donation but are not interested in sexual or marital relations with the recipient women. However, they agree to commit to supporting the recipients and parenting their offspring. As a result, co-parenting transcends traditional family ties by reconfiguring genetic and social parenthood. The authors conclude that in the modern world, family bonds are undergoing a major reconceptualisation due to the development of ART.

Keywords: reproductive donation, assisted reproductive technology, family bonds, genetic parenthood, social parenthood, reproductive rights

Вовлечение благодаря вспомогательным репродуктивным технологиям в родительский проект третьих лиц создает новое восприятие родственных и семейных связей. Эти технологии становятся причиной фрагментации родительства – разделения родительского вклада и делегирования некоторых функций третьим лицам в процессе зачатия, вынашивания, рождения и воспитания потомства. В статье дается анализ правового регулирования применения ВРТ и показывается, как происходит медиализация их роли, благодаря чему может поддерживаться имитация генетического родительства у бесплодных пар. Анализируются актуальные исследования о социальных, психологических и этических проблемах, возникающих у пользователей ВРТ, для которых родительство генетическое и родительство социальное оказались разделены и должны быть «пересобраны» как в языковой терминологии, так и в отношениях внутри семей и с их окружением. Рассматривается тенденция к деанонимизации донорства и к включению доноров в родительский проект. Завершает статью анализ практики неформального донорства спермы, которая задает новые формы семейных связей, базирующиеся на генетическом родстве и включающие в себя доноров и (или) детей, рожденных от одного донора и их социальных родителей. Материалом для кейса послужил ряд глубинных интервью с мужчинами – донорами спермы, которые предлагают свои услуги через специализированные сайты. Мужчины готовы нести существенные расходы, сопряженные с практикой эффективного донорства, но не заинтересованы в сексуальных или брачных отношениях с женщинами-реципиентами. Возникают разные формы сородительства – совместного воспитания ребенка женщиной (парой) и донором поверх рамок традиционной семьи. Делается вывод о том, что в современном мире происходит реконцептуализация семейных и родственных связей, возникающих благодаря использованию технологий ВРТ.

Ключевые слова: репродуктивное донорство, вспомогательные репродуктивные технологии, семейные связи, генетическое родительство, социальное родительство, репродуктивные права

В современном мире демографическая ситуация меняется существенным образом. Помимо завершенного демографического перехода, нарастающего тренда отложенного родительства или намеренной бездетности, бесплодие в разных его формах – от невозможности зачать до проблемного зачатия (*impaired fecundity*) – затрагивает, по данным ВОЗ, 15 % пар репродуктивного возраста [*Infertility*], а бесплодие уже диагностировано у 186 млн чел. [*Inhorn, Patrizio*]. Развитие вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) позволяет решить проблему бесплодия медицинскими средствами.

Вспомогательная (или искусственная) репродукция (*assisted reproduction*) объединяет «методы, направленные на достижение беременности, отличные от полового акта (коитуса)» [*Storrow, p. 597*]. В Российской Федерации ВРТ определяются как методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне организма, в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства [Клинические рекомендации]. Применение ВРТ является не только дорогим, трудоемким, эмоционально напряженным процессом для всех вовлеченных в него сторон, оно часто вызывает биоэтическую панику, связанную с изменением содержания и форм родительства. Использование ВРТ неизбежно заставляет пересматривать традиционное понимание родства, этические представления о семье и правовые формы регулирования семейных отношений.

В среднем у ребенка, родившегося в результате применения ВРТ, может быть, помимо самой родительской пары, до трех дополнительных родителей (донор яйцеклетки, донор спермы и суррогатная мать). Число людей, вносящих «родительский вклад» в рождение и воспитание ребенка, может увеличиться до восьми, если включить социальных родителей и партнеров доноров и суррогатной матери. Таким образом, разделение процессов зачатия, вынашивания, рождения и воспитания на технологические операции, часть из которых делегируется, создает «фрагментированное родительство» [*Исупова, 2014*] или «дисперсное родство» [*Strathern*]. В современном мире возникают разные стратегии «примирения» устоявшихся представлений о естественном родстве и новых технологий воспроизводства человека. Среди таких стратегий в России одной из самых распространенных со стороны самих родителей оказывается замалчивание использования ВРТ и роли доноров или суррогатных матерей в рождении ребенка с целью имитации естественного родства [Ткач]. Также наблюдается преуменьшение субъектности (от них лишь требуется «биоматериал») и роли («оказание услуг») доноров или суррогатных матерей со стороны органов государственного регулирования, заинтересованного прежде всего в медицинской помощи бесплодным парам [*Исупова, 2014*]. Ряд исследователей отмечают, что в доминирующем дискурсе на постсоветском пространстве (Россия и Белоруссия) вопросы репродукции связаны с риторикой о важности

сохранения «традиционной семьи», а ВРТ предстают как инструменты поддержания этой модели [Ткач; Щурко].

В существующих исследованиях наметился определенный гендерный переко́с, поскольку в основном акцент делается на материнство и на мотивацию женщин, участвующих в ВРТ-программах, и в меньшей степени – на отцовство и мотивацию партнеров таких женщин. Это обусловлено тем, что решения об обращении к ВРТ чаще принимают женщины. В некоторых случаях донация и последующее вынашивание ребенка рассматриваются именно как «женское дело», а мужчина держится в стороне, особенно при донации ооцитов и суррогатном материнстве [Facchin et al.; Исупова, 2011; Berend].

ВРТ и репродуктивные права

В рамках правового поля обеспечение возможности применения ВРТ связано с категориями репродуктивного здоровья и репродуктивных прав, восходящих к ряду международных и российских документов. Начало формированию самого понятия репродуктивных прав как неотъемлемого элемента прав человека положили международные конвенции и резолюции. Среди значимых документов в этой области можно назвать материалы международной конференции по правам человека [Воззвание Тегеранской конференции], материалы трех международных конференций по народонаселению и развитию [Документы Организации Объединенных Наций], четвертой Всемирной конференции по положению женщин [Четвертая Всемирная конференция по положению женщин]. Эти документы указывают на необходимость обеспечения репродуктивного здоровья и защиты репродуктивных прав, особое внимание уделяя защите прав женщин. Однако анализ научных исследований юридических нормативов в области ВРТ в разных странах [Wade; Wilson] указывает на то, что правовые рамки и юридическая практика в области регулирования применения ВРТ далеки от унификации.

В России для более четкого формулирования понятия репродуктивных прав могут быть использованы положения Конституции, определяющие право на жизнь (ст. 20), право на охрану здоровья (ст. 41), государственную защиту материнства, детства, семьи (ст. 7 и 38) [Конституция Российской Федерации]; положения ст. 55 федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (№ 323-ФЗ), регулирующие право на применение ВРТ [Об основах охраны здоровья граждан]; положения Семейного кодекса Российской Федерации (№ 223-ФЗ), регулирующие семейные права и обязанности, включая права и обязанности родителей и детей, нормы по усыновлению и опеке [Семейный кодекс]. Кроме того, существует множество правовых актов и федеральных программ, направленных на поддержку женщин, семей и детей.

Укреплению репродуктивного здоровья населения посвящена Концепция демографической политики Российской Федерации на пе-

риод до 2025 года [Об утверждении Концепции демографической политики]. Хотя во многих документах подчеркиваются сложившиеся отрицательные демографические тенденции и ухудшение репродуктивного здоровья населения, репродуктивные права и обеспечение их защиты остаются без специальной законодательной базы¹.

Как показывает в своем анализе Г. Б. Романовский, если из самого понятия репродуктивного здоровья можно вывести целый ряд конкретных прав, среди которых выделяются право на получение информации о методах планирования и регулирования деторождения, право на получение доступа к использованию этих методов, а, соответственно, к медицинским услугам, которые эти методы обеспечивают [Романовский, с. 33–34], то понятие репродуктивных прав раскрывается в ряде таких прав, как право самостоятельно принимать решения о зачатии детей, об их количестве, об интервале их появления, о применении вспомогательных репродуктивных технологий. Этот набор прав предполагает, что понятие репродуктивных прав охватывает не только применение ВРТ, но и оспариваемые права – на аборт, контрацепцию, добровольную стерилизацию, сексуальное образование и др. В результате происходит политизация дискуссии о репродуктивных правах, в которой сторонники либерализации сексуальной и репродуктивной сфер указывают на мировую «тенденцию к закреплению репродуктивных прав в качестве основных прав и свобод, защищаемых конституцией» [Плотникова, с. 31], и на «оставание» России в признании этих прав, а противники выделения репродуктивных прав подчеркивают: «ни в одном из принятых нормативных актов нет выделения особой категории репродуктивных прав, нет ссылок на выполнение государством международных обязательств по их закреплению. Есть определенные технологии, затрагивающие основные права человека. Это обуславливает требование об урегулировании ВРТ таким образом, чтобы основные права человека были защищены от возможных злоупотреблений... В связи с этим принятие какого-то специального закона о репродуктивных правах представляется преждевременным» [Романовский, с. 45].

В сегодняшней России репродуктивные процессы регулируются главным образом «отраслевыми законами». Бесплодие считается медицинской проблемой, и репродуктивные права рассматриваются как «правомочия на получение специальной медицинской помощи» [Плотникова, с. 32]. Такая медиализация репродукции человека свидетельствует о конфликте между натуралистическими и конструктивистскими представлениями о сексуальности, репродукции, родителстве и родстве, в результате которого законодатель предпочитает

---

¹ Требуются специальные пояснения Верховного суда по многим вопросам. См. ст. 30–32 о разрешении споров, возникших в связи с применением ВРТ, постановления пленума Верховного суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».

избегать решения проблем, возникающих вследствие развития трансформирующих семейные отношения технологий.

ВРТ и репродуктивная психология

Привычные формы дискурсивного сокрытия искусственного зачатия («медицинская процедура» или «медицинская услуга») или «маскировки» (по модели «усыновления») ведут не только к невозможности урегулировать правовые конфликты там, где они неизбежно возникают², но и к стигматизации искусственно зачатых детей и семей, использующих ВРТ³. Хотя в большинстве современных обществ мы привыкли разделять биологических родителей, передающих гены, и социальных родителей, дарующих заботу и любовь [Cutas, Chan], в том числе в разных формах усыновления или опеки, даже среди тех, кто позитивно относится к применению ВРТ, можно наблюдать противоречие: «с одной стороны, мы утверждаем, что генетическая связь не настолько важна для родительства, ведь основа настоящего родительства – это любовь. С другой стороны, кажется, что для нас именно генетическое родительство и является высшей целью существующих и развиваемых технологий, которые стремятся максимально близко имитировать его» [Indekeu, Hens, p. 19]⁴.

Выбор программ ВРТ в противоположность альтернативам (например, усыновлению) во многом обусловлен желанием создания родственных связей с будущим ребенком в соответствии с традиционными представлениями о родительстве [Ткач]. Средствами для обеспечения так понимаемой родственной связи⁵ становятся под-

---

² Известен целый ряд сложных ситуаций, связанных с определением родительских прав на ребенка, рожденного с помощью ВРТ, и даже с определением его гражданства. Бурную дискуссию вызвал случай в Таиланде, когда родители-австралийцы пытались принудить суррогатную маму к аборту и впоследствии отказались забирать одного из двух рожденных малышей, поскольку у ребенка был диагностирован синдром Дауна [Henaar]. В России известны скандальные случаи, когда суррогатные матери вынашивали детей для филиппинских и китайских родителей, что вылилось в «суррогатное дело», в результате которого под следствием оказались известные российские эмбриолог, репродуктолог и акушер-гинеколог [Чернова; В Москве за торговлю детьми задержан китаец].

³ О давлении со стороны общества, общественных предрассудках и стигматизации участников программ ВРТ и «детей из пробирки» см.: [Соболевская]. О. Г. Исупова также подчеркивает, что «репродуктивные желания бесплодных людей формируются, кристаллизуются и формулируются в весьма враждебном окружении», что зачастую вынуждает пациентов ВРТ занимать оборонительную позицию и защищать свои намерения от критики и осуждения [Исупова, 2011].

⁴ Здесь и далее перевод научной информации авторов статьи.

⁵ Произошедший в одном из перинатальных центров Челябинска случай с подменой эмбрионов иллюстрирует значимость генетического материнства для пользователей ВРТ. Супружеская пара обнаружила, что ребенок, рожденный после процедуры ЭКО с использованием генетического материала родителей, не связан с ними генетическим родством. В результате, несмотря на критику сторонников гестационного материнства, женщина приняла решение искать другую пациентку клиники, которой, вероятно, по ошибке был передан ее биоматериал [В перинатальном центре перепутали эмбрионы].

бор донора по принципу схожести с пациентом (имитация генетического родства), обеспечение парциального родства (использование генетического материала одного из супругов), вынашивание и роды женщиной-реципиентом ооцитов, а также политика обособления доноров гамет от потенциальных родителей и детей – анонимность доноров [Ларкина]. Здесь же можно упомянуть и ограничения на применение ВРТ для одиноких женщин или нетрадиционных семейных пар, которые постепенно снимаются.

Практическая потребность в психологическом консультировании пользователей ВРТ вызвала всплеск исследований о психологических проблемах, возникающих в ситуациях их применения. Это привело некоторых российских ученых к выводу о необходимости объединения ряда направлений психологии, представители которых занимались разными этапами и аспектами реализации репродуктивной функции⁶ [Филиппова], в самостоятельную область репродуктивной психологии в соответствии с тем, как произошло объединение разных направлений медицины, занимающихся репродуктивным здоровьем, в интегрированную репродуктивную медицину. Однако разнообразие проблем, проистекающих из применения ВРТ, не так легко поддается академическому «дисциплинированию». Следует подчеркнуть, что наличие необходимости консультирования пользователей ВРТ вовсе не обеспечивает качества или эффективности такого консультирования, поскольку сами психологи сталкиваются с рядом проблем, решения которых они не знают. Более того, необходимо учитывать, что в обновление концептуализации семейной и родительской связи вносят вклад не только психологи, но и сами пользователи ВРТ – как родители, так и дети, зачатые искусственно.

Существенную роль, как отмечает Г. Г. Филиппова, играет непонимание того, какие качества донора наследуются, а какие являются продуктом воспитания, порожденное недостаточной информированностью населения [Филиппова].

«Пересборка» родства: генетическое и социальное родительство

Предоставление надежной информации о процедуре, значимых факторах и возможных дилеммах, которые предстоит решать потенциальным родителям, находится в компетенции психологов или консультантов репродуктивных центров. Специалистам приходится

---

⁶ Это онтогенез репродуктивной сферы (как подготовка к реализации полового и родительского поведения для осуществления репродуктивной функции); выбор партнера и половое поведение, необходимое для зачатия; беременность и роды; выращивание и воспитание ребенка (материнство и отцовство); развитие ребенка как будущих женщины и мужчины, матери и отца (онтогенез репродуктивной сферы), а также разные «психологические аспекты реализации репродуктивной функции: психофизиологические, ценностно-смысловые, гендерные, поведенческие, психосоматические и т. п.» [Филиппова, с. 2].

обсуждать ситуации «хрупкого», или «рискованного» родительства с пользователями ВРТ, для которых сочетание генетической и социальной связи оказывается расторгнутым. Различение генетического, или биологического родительства и социального родительства, накладываясь на устойчивую оппозицию «природа – культура», «генетика – воспитание» (*nature – nurture*), часто ведет к противопоставлению этих форм родительства и родства. Но ведь независимо от наличия генетической связи, естественной или искусственной, любым семьям необходимо искать свои в той или иной мере осознанные стратегии создания социальной (семейной) связи – *bonding* [Thorn] – или выстраивания семейных отношений – *family building* [Indekeu, Lampic].

Важными факторами процесса «пересборки» родственных связей в семьях, обратившихся к ВРТ, являются национальная культура и правовая система. Если в Швеции уже в 1985 г. был введен запрет на анонимность донорства, которая предположительно нарушала права человека на информацию о собственном происхождении (*right to access ancestry*), то в Бельгии на первый план выдвинуты права родителей (*parental authority*) и права доноров (*donor privacy*), которые требуют сохранения анонимности [Indekeu, Lampic].

Постепенно развивается тенденция к деанонимизации донорства [Janssens, Nap, Bancsi], поскольку ребенок имеет право знать о своем происхождении, в том числе о своих генетических родителях. Уже в начале 2000-х гг. комитет по этике Американской ассоциации репродуктивной медицины рекомендовал родителям рассказывать детям правду об их зачатии. Обнаруживается, что гетеросексуальные пары менее склонны информировать своих детей об особенностях их рождения [Readings et al.], чем одинокие матери или пары нетрадиционной ориентации [Beeson et al.]. Именно дети, зачатые от донорского материала, выступают против анонимности доноров гораздо больше, чем реципиенты или сами доноры [Nelson, Hertz, Kramer]. Анонимность донорства гамет ставится под запрет даже в ущерб интересам некоторых доноров, которые стремятся избежать конфликта или непонимания в собственной семье [Mohr]. В то же время несколько увеличивается число доноров, которые хотели бы иметь информацию о детях, зачатых от их биологического материала [Graham, Mohr, Bourne]. Поскольку интересы разных стейкхолдеров в применении ВРТ имеют разный вес в глазах законодателя и общества, важно отметить, что границы частного и публичного, а также соотношение права знать (*right to know*) и необходимости знать (*need to know*) зависят от конкретных контекстов.

Информация о генетическом родстве может быть необходимой в медицинских случаях (генетические болезни, переливание крови или пересадка органов и др.) или играть важную роль в образовательном контексте (консультирование и поддержка психологически уязвимых детей в школе и др.), однако ее раскрытие профессионалам – медикам или воспитателям – защищено требованием конфи-

денциальности. Близкие родственники и друзья имеют больше шансов догадаться или знать об отсутствии генетической связи, хотя и не быть напрямую информированными семьей, и даже проговориться, нарушив семейную тайну. Таким образом, генетическое родство может быть в разной степени актуальным для разных кругов.

Раскрытие информации о генетическом родстве будет обладать наибольшей актуальностью для искусственно зачатых детей и для самих доноров (отношения между родителями и детьми), а также для братьев и сестер (отношения между единокровными/единоутробными родственниками), рожденных от одного донора (в качестве донора или в качестве отца) [Indekeu, Bolt, Maas]. В нашей современной «генно-ориентированной» культуре, где каждый может заказать анализ своего генома, знание о своей генетической связи представляется людям чрезвычайно значимым, поскольку «на индивидуальном уровне гены воспринимаются как 1) биологическая базовая настройка (biological starting package), 2) собственная уникальная комбинация и 3) как потенциал. На уровне социальных отношений гены видятся как 1) конституирующие личность⁷, 2) связывающие индивидов друг с другом и 3) локализирующие⁸ индивидов в их непосредственном круге общения» [Indekeu, Hens, p. 1].

Исследование мотивов, по которым искусственно зачатые дети стремятся найти своих генетических родителей, показывает, что преимущественно их интересуют контроль над медицинскими рисками и близкородственными связями, знание о самих себе и своей настоящей идентичности, знание о личности донора, его мотивах и судьбе, возможность создания отношений с донором и (или) его семьей, знание о своих предках и своей генеалогии [Ravelingien, Provoost, Pennings, 2016; Van den Akker et al.; Scheib, Ruby, Benward].

Нарративы, метафоры, категории

Помимо фрагментации родительства вследствие использования ВРТ, которая нарушает традиционную тождественность генетической и социальной семейной связи, сам факт искусственного зачатия может представляться проблемой, поскольку для рожденных благодаря использованию ВРТ людей быть результатом некоего технологи-

⁷ «Гены не существуют сами по себе, они завернуты в человеческую оболочку. Иметь генетическую связь с кем-то (независимо от того, какая ценность придает этой связи любой из сторон), кто не является членом вашей семьи, кто никогда не принимал участия в вашем воспитании, создает дополнительные сложности. Как можно осмыслить эту связь, остается совершенно неизвестным (a great unknown)» [Indekeu, Hens, p. 11].

⁸ «Напротив, участники часто говорили об опыте непохожести, о своем отличии по характеру или физическому облику от членов своей семьи. Ощущаемые ими отличия пробуждали в них чувство неприкаянности (“not fitting in”), отчужденности (“being an outsider”) и утраты дома (“not feeling at home”). Поэтому гены связывались с местом, с принадлежностью – благодаря схожести – с некоей сетью (или вне ее)» [Indekeu, Hens, p.13–14].

ческого процесса, то есть «быть продуктом оказалось очень болезненным и дегуманизирующим опытом» [Indekeu, Hens, p. 12]. В каких-то случаях, например, при донации эмбрионов, когда донорская семья и семья реципиентов видят этот процесс скорее как усыновление [Davis, Kim et al.], и для родителей, и для детей раскрытие информации может быть менее травмирующим. В большинстве же случаев, даже при официальной политике открытости сведений об искусственном зачатии и донорах, люди испытывают затруднения в описании, эмоциональном отношении, этической оценке и представлении в общении с другими своего опыта семейной или родственной связи, которая была создана благодаря технологиям искусственного оплодотворения. В результате особую роль играют те нарративы и те модели или метафоры, которые используются как психологами, так и самими пользователями ВРТ в изложении своего опыта. Однако, помимо «предложения нарративов» (“suggesting narratives to tell”) психологами-консультантами [Thorn], сами категории описания родственной связи, семейных ролей и отношений, используемые как в семьях – пользователях ВРТ, так и применительно к ним, не приобрели какой-либо устойчивой формы.

В поиске соответствующей терминологии семьи, где дети рождены благодаря донорству спермы, пытаются найти адекватные формулировки для того, чтобы «1) позиционировать донора по отношению к нуклеарной семье; 2) обезопасить роль социального родителя; 3) прояснить структуру семьи; 4) представить позитивный образ донора» [Provoost, Bernaerdt et al., p. 14]. Родители как гетеросексуальных, так и однополых семей использовали по меньшей мере 33 термина, а потенциальные родители – 20 терминов для указания на донора (от «отец» и «папа» до «сперма» или «семя»). Это разнообразие было вызвано контекстом употребления (юридическим, медицинским, приватно-семейным и т. п.), а также тем, кому адресовано сообщение («чужакам», близким друзьям или родственникам, своему партнеру, детям). Очень часто отмечают оговорки – именование донора сначала одним образом, а затем быстрое исправление на другую формулировку «отец, вернее донор» [Provoost, Bernaerdt et al.], что свидетельствует о неуверенности респондентов и о неопределенности роли, приписываемой донору. Даже именование «донор» может оспариваться, поскольку таковым может считаться лишь тот, кто сдавал сперму из альтруистических соображений (донор-даритель), коммерчески же ориентированный донор является лишь «поставщиком гамет». Мужчины чаще всего воспринимают доноров спермы в качестве конкурентов и стремятся «отцепить» генетические связи от родительства/отцовства [Thorn]. Таким образом, в зависимости от того, заинтересованы ли семьи в том, чтобы воспринимать донора как личность или лишь как «биологический материал», подбираются соответствующие термины для обозначения связи донора с семьей.

Неформальное донорство и трансформация родственных связей

В России, кроме официального донорства через медицинские учреждения, широкое распространение получило неформальное донорство спермы, информация о котором распространяется через Интернет⁹.

Обратимся к анализу сформировавшихся в России практик неформального донорства спермы, основываясь на высказываниях мужчин, которые предлагают свои услуги через специализированные сайты. Часть из них подходит к делу серьезно и вкладывает в эту деятельность большое количество времени и ресурсов: они изучают медицинские и юридические аспекты ВРТ, регулярно обновляют необходимые анализы, выезжают для встреч с женщинами в другие города, ведут сайты, тематические группы в социальных сетях, в которых не только рекламируют свои услуги, но и публикуют научно-популярные материалы о вспомогательных репродуктивных технологиях.

В ходе проведения количественных исследований по вопросам мотивации донорства спермы (октябрь 2019) выяснилось, что среди респондентов существует группа мужчин, выделяющихся следующими характеристиками: охотно вступают в переписку, подробно отвечают на все вопросы; владеют информацией об особенностях ЭКО, имеют результаты необходимых медицинских анализов либо готовы их обновить по первому требованию; зарегистрированы под несколькими «никами» либо ведут собственные сайты (страницы) в социальных сетях, посвященные репродукции; выкладывают в открытый доступ фотографии своих детей, родителей, других родственников; предпочитают естественному процессу зачатия искусственную инсеминацию либо ЭКО; готовы для процесса зачатия выехать в другой регион и оплатить все расходы; готовы оплатить женщине ЭКО и в дальнейшем поддерживать материально ее и ребенка¹⁰.

На вопрос, почему доноры обратились к сети Интернет, наиболее частыми ответами были следующие: «просто, быстро, дешево, удобно», или, как заметил один из респондентов: «Ну не в газету же объявления давать» (донор Д.). В качестве важной респондентами признается возможность посмотреть на мать будущего ребенка: «Я хочу знать, в каких условиях будет жить мой ребенок, на кого он будет похож, во что он будет одет – все это сразу видно по женщине» (донор З.). В то же время большинство доноров отмечают, что они

⁹ См., например, сайты «Донор спермы», «Суррогатное материнство», «Вседоноры.ру», «Ребенку быть!».

¹⁰ Возраст опрошенных – от 28 до 53 лет (средний возраст 35,67), из 11 чел. у одного респондента среднее специальное образование, у остальных высшее, еще двое имеют ученую степень. Места проживания: Москва, Уфа, Нижний Новгород, Краснодар, Екатеринбург и Челябинск. Профессиональная занятость: электрик, два человека из научной сферы, и два – из сферы IT, юрист, медицинский работник, и трое имеют свой бизнес. Ориентация традиционная, четверо состоят в официальном браке, у семерых есть дети, зачатые в обычных отношениях. Достаток по оценке респондентов средний, у троих – высокий.

в любой момент могут прекратить онлайн-общение и выйти из ситуации. Необходимо отметить, что четверо из опрошенных ведут свои сайты либо специальные группы в сети Интернет. Самым показательным является пример донора А., на сайте которого, кроме его собственных фотографий и подробного описания процесса взаимодействия, размещены фотографии его родителей и более 20 его детей, рожденных в результате донорства. Имеется раздел о донорстве эмбрионов, оставшихся после успешного ЭКО от разных женщин, с приложением фотографий этих женщин. Представлены полтора десятка отзывов от женщин, получивших его услуги, и статьи, как правильно выбрать донора спермы, об особенностях ЭКО, о влиянии генетики на потомство и т. д.

Только двое из доноров готовы рассмотреть зачатие путем полового акта: «Натуральный способ зачатия возможен только при взаимной симпатии и полном прохождении медицинского обследования вдвоем и в медицинском центре, которому я доверяю. Для меня искусственная инсеминация проще» (донор З.). Респонденты подчеркивают, что секс как таковой не является для них целью: «Ищу не интима на стороне – с этим проблем нет» (донор Е.), «Использую бесконтактный метод – искусственную инсеминацию либо ЭКО... У меня нет цели удовлетворить свои сексуальные потребности» (донор Б.). Остальные отдадут предпочтение искусственной инсеминации в домашних условиях либо ЭКО в клинике.

На вопрос о том, готовы ли они заключить брак с матерью будущего ребенка, все опрошенные ответили «нет», и многие предпочитают иметь дело с полными семьями. Однако на вопрос о том, как у них складывались отношения с супругом (мужчиной-партнером) реципиента, практически все затруднились ответить. Партнер присутствует на стадии принятия решения, одобряет / не одобряет кандидатуру донора, принимает участие в обсуждении условий и технических деталей, в некоторых случаях обеспечивает гарантию безопасности женщины при очных переговорах, но никакого неформального общения с мужчинами не происходит, что можно считать закономерным, поскольку наличие гетеросексуального партнера у женщины, по опыту всех опрошенных, исключает дальнейшее общение донора с матерью и ребенком. В то же время партнерша в лесбийской паре воспринимается так же, как женщина-реципиент. Оба донора общаются как с детьми, так и с матерями и отмечают, что лесбийские пары идут на контакт «проще и легче, может быть, потому, что женщин двое – не так страшно» (донор Б.).

Четверо мужчин считают контакт с будущим ребенком крайне желательным или обязательным. Несмотря на то, что двое из них находятся в официальном браке и имеют своих детей, эти же четверо готовы юридически признать либо уже признали отцовство и считают ребенка своим наследником во всех смыслах этого слова. Трое не готовы общаться с ребенком ни в каком случае, остальные придерживаются принципа «как решит женщина».

Только четверо доноров осуществляют свою деятельность публично, все они ведут специальные сайты либо группы в социальных сетях с актуальной реальной информацией о себе. Один из них женат, и его супруга одобряет его занятие, поскольку он использует только «бесконтактный метод зачатия»: «Я сказал ей, что мой интерес в том, чтобы оставить большое потомство, распространить свои гены, она понимает, что это не измена» (донор Б.). Еще трое также состоят в официальном браке, один готов поставить супругу в известность о рождении ребенка в случае общения с ним, двое других хотели бы, чтобы «жена никогда об этом не узнала». Из четырех оставшихся респондентов на вопрос, рассказали ли они близким о своем решении стать донором, трое ответили «нет и не расскажу», один будет действовать «по обстоятельствам». На вопрос, почему они скрывают эту часть своей жизни, большинство из тех, кто хотели бы анонимности, отвечают, что близкие «их не поймут» либо они «не знают, с кем могут об этом поговорить». Ни один мужчина ни разу не подписал никакого контракта с реципиентами, за исключением документов, регламентирующих процедуру ЭКО в клинике.

Таким образом, мужчины, которые предлагают себя в качестве доноров спермы, готовы не только вкладывать личные ресурсы в создание своего имиджа на специализированных сайтах и в социальных сетях, но и нести существенные расходы, сопряженные с практикой эффективного донорства. При этом они делают это на альтруистической основе, не заинтересованы в сексуальных или брачных отношениях с женщинами-реципиентами, предпочитают сохранять свободу выбора и форм взаимодействия с ними, но открыты разным форматам продолжения связи со своим потомством, в том числе включающим собственных партнеров/супругов. Если ВРТ фрагментирует родительство и фактически разделяет генетические и социальные семейные связи даже тогда, когда пытается имитировать их, то в современной практике донорства генетические и социальные семейные связи «пересобираются» благодаря приобщению доноров – генетических родителей к семьям социальных родителей. В результате возникают формы сородительства, которые включают в себя как генетических, так и социальных родителей. Сородительство, иными словами, поддерживает различие генетического и социального родительства, возникающее вследствие применения ВРТ, но примиряет и объединяет их в общем родительском проекте, конструируя новые формы семейных и родственных связей.

* * *

Важной тенденцией, неразрывно связанной с развитием ВРТ, является не только отделение генетического родительства от социального, а родительства как такового – от репродукции, но и диверсификация внутри негенетического родительства, выражающаяся в отделении

друг от друга разнообразных его форм: прокреативного – предполагающего так или иначе создание новой жизни, появление нового человека, и присваивающего – через усыновление уже существующих детей [Исупова, 2011]. Такое размывание традиционного понимания родительства создает сложные ситуации, связанные с определением родительских прав и обязанностей по отношению к ребенку, рожденному с помощью ВРТ, и даже с определением его гражданства.

Участие в репродукции третьих лиц ведет к трансформации понимания родительских и родственных связей, к преобразованию формы семьи и появлению новых форм семейных связей. Благодаря технологиям ВРТ, а также медиатизации современных коммуникаций стало возможным появление «расширенных» родительских проектов: во-первых, когда донор вступает в какие-то отношения с семьей реципиентов, или даже семья донора – с семьей реципиентов; во-вторых, когда между собой общаются несколько семей реципиентов, имеющих детей от одного донора. Эти формы основаны на превращении технологически возникшей генетической связи в социальные – семейные и родительские – отношения.

С развитием сети Интернет специальные сайты позволяют реципиентам открыто заявить о своих предпочтениях и выбирать доноров по своему вкусу и по обоюдному согласию относительно роли доноров в дальнейшем родительстве. Можно выделить три группы предпочтений: те, кто хотят иметь ребенка без дальнейшего участия донора, те, кому важно иметь подробную информацию о личности донора, и те, кто намерены воспитывать ребенка вместе с донором – генетическим отцом ребенка на определенных условиях [Ravelingien, Provoost, Pennings, 2015]. Как следствие, возникает «сородительство» – совместное воспитание ребенка женщиной (парой женщина – женщина) и донором спермы / отцом вне рамок традиционной семьи.

Существует необходимость в реконцептуализации и юридическом определении родительской связи и семейных отношений, возникающих благодаря технологиям ВРТ. Реалии вспомогательной репродукции и появляющиеся на их почве конфликты требуют правового регулирования, которое позволит определить юридически как уже имеющиеся (мать, отец, родитель), так и новые категории родительства с целью защиты прав детей, родителей и всех участников процедур ВРТ (доноров, реципиентов, суррогатных матерей, медиков и др.).

Список информантов

Имя	Возраст	Страна	Город	Семейное положение	Образование
А	33	Россия	Москва	Нет	Высшее
Б	44	Россия	Уфа	В браке	Два высших
В	34	Россия	Екатеринбург	Нет	Высшее
Г	28	Россия	Москва	Нет	Среднее специальное
Д	34	Россия	Москва	В браке	Ученая степень
Е	30	Россия	Екатеринбург	Нет	Высшее
Ж	33	Россия	Нижний Новгород	Нет	Высшее

Имя	Возраст	Страна	Город	Семейное положение	Образование
З	53	Россия	Москва	Нет	Высшее
И	41	Россия	Москва	Нет	Высшее
К	37	Россия	Челябинск	В браке	Ученая степень
Л	37	Россия	Краснодар	В браке	Два высших

Список литературы

- В Москве за торговлю детьми задержан китаец // Коммерсант : [сайт]. 2021. 26 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877467> (дата обращения: 08.02.2022)
- В перинатальном центре перепутали эмбрионы при ЭКО // Е1 : [сайт]. 2021. 24 июля. URL: <https://www.e1.ru/text/health/2021/07/24/70041671/> (дата обращения: 08.02.2022).
- Воззвание Тегеранской конференции : принято 13 мая 1968 г. Международной конференцией по правам человека в Тегеране // Организация Объединенных Наций : [сайт]. 1994. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml (дата обращения: 08.02.2022).
- Документы Организации Объединенных Наций: резолюции Генеральной ассамблеи ООН // Организация Объединенных Наций : [сайт]. 1994. URL: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml> (дата обращения: 08.02.2022).
- Исупова О. Г. Право хотеть слишком сильно: биотехнологии и репродуктивные желания // Демоскоп Weekly : [сайт]. 2011. № 453–454. 7–20 февр. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php> (дата обращения: 08.02.2022).
- Исупова О. Г. Роды как ценность в интернет-дискурсе субфертильных женщин о донорстве яйцеклеток и суррогатном материнстве // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 381–396.
- Клинические рекомендации : Женское бесплодие. 2021-2022-2023 (24.06.2021) : утверждены Минздравом РФ // Московский областной научно-исследовательский институт акушерства и гинекологии : [сайт]. URL: <https://moniiag.ru/wp-content/uploads/2019/07/Klinicheskie-rekomendatsii.-ZHenskoe-besplodie.pdf> (дата обращения: 08.02.2022).
- Ларкина Т. Ю. Чей это ребенок? Проблема конструирования и деконструирования родственных уз на рынке донорских гамет // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12, № 4. С. 73–92. DOI 10.19181/inter.2020.12.4.6.
- Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 26.03.2022). Ст. 55. Применение вспомогательных репродуктивных технологий // Консультант Плюс : информ.-прав. система : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 08.02.2022).
- Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : (в редакции указа Президента Российской Федерации от 01.07.2014 г. № 483) // Президент России : [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299/page/1> (дата обращения: 08.02.2022).
- Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Консультант Плюс : информ.-прав. система : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 08.02.2022).
- Соболевская О. В. Дети из пробирки: тираж ограничен // IQ : [науч.-образоват. портал]. 2017. URL: <https://iq.hse.ru/news/207439973.html> (дата обращения: 08.02.2022).
- Ткач О. А. Наполовину родные? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 1. С. 49–68.
- Филиппова Г. Г. Репродуктивная психология: психологическая помощь бесплодным парам при использовании вспомогательных репродуктивных технологий // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика : [электрон. науч. журн.]. 2014. № 3 (5). URL: http://medpsy.ru/climp/2014_3_5/article04.php (дата обращения: 08.02.2022).

Чернова Н. Суррогатное следствие // Новая газета : [сайт]. 2021. 5 июня. URL: <https://nova.yagazeta.ru/articles/2021/06/05/surrogatnoe-sledstvie> (дата обращения: 08.02.2022).

Четвертая Всемирная конференция по положению женщин: Пекин, 4–15 сентября 1995 г. (извлечения) // Организация Объединенных Наций : [официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 08.02.2022).

Щурко Т. (Био)политические игры: вспомогательные репродуктивные технологии в Беларуси // *Торос* : [сайт]. 2015. № 2–3. С. 108–126.

Beeson D. R., Jennings P. K., Kramer W. Offspring Searching for Their Sperm Donors: How Family Type Shapes the Process // *Human Reproduction*. 2011. Vol. 26, № 9. P. 2415–2424. DOI 10.1093/humrep/der202.

Berend Z. The Social Context for Surrogates' Motivations and Satisfaction // *Reproductive BioMedicine Online*. 2014. Vol. 29, № 4. P. 399–401. DOI 10.1016/j.rbmo.2014.07.001.

Cutas D., Chan S. Introduction. Perspectives on Private and Family Life // *Families Beyond the Nuclear Ideal* / ed. by D. Cutas, S. Chan. L. : Bloomsbury, 2012. P. 1–12.

Davis J., Kim C. L., Anderson T. L., Finger R. Embryo Recipients' Considerations of Connections with Donors // *Adoption Quarterly*. 2020. Vol. 23, № 4. P. 243–265. DOI 10.1080/10926755.2020.1833390.

Facchin F., Leone D. et al. Working with Infertile Couples Seeking Assisted Reproduction: An Interpretative Phenomenological Study with Infertility Care Providers // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. 586873. DOI 10.3389/fpsyg.2020.586873.

Graham S., Mohr S., Bourne K. Regulating the 'Good' Donor: The Expectations and Experiences of Sperm Donors in Denmark and Victoria, Australia // *Regulating Reproductive Donation* / ed. by S. Golombok, R. Scott, J. B. Appleby, M. Richards, S. Wilkinson. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2016. P. 207–231.

Indekeu A., Bolt S. H., Maas A. J. B. M. Meeting Multiple Same-Donor Offspring: Psychosocial Challenges // *Human Fertility*. 2021. Vol. 12. P. 1–16. DOI 10.1080/14647273.2021.1872804.

Indekeu A., Hens K. Part of My Story. The Meaning and Experiences of Genes and Genetics for Sperm Donor-Conceived Offspring // *New Genetics and Society*. 2018. Vol. 38, № 1. P. 18–37. DOI 10.1080/14636778.2018.1549476.

Indekeu A., Lampic C. The Interaction between Donor-Conceived Families and Their Environment: Parents' Perceptions of Societal Understanding and Attitudes Regarding Their Family-Building // *Human Fertility*. 2021. Vol. 24, № 21. P. 14–23. DOI 10.1080/14647273.2018.1533256.

Infertility // World Health Organization : [website]. URL: https://www.who.int/health-topics/infertility#tab=tab_1 (accessed: 08.02.2022).

Inhorn M. C., Patrizio P. Infertility around the Globe: New Thinking on Gender, Reproductive Technologies and Global Movements in the 21st Century // *Human Reproduction Update*. 2015. Vol. 21, № 4. P. 411–426. DOI 10.1093/humupd/dmv016.

Janssens P. M., Nap A. W., Bancsi L. F. Reconsidering the Number of Offspring per Gamete Donor in the Dutch Open-Identity System // *Human Fertility*. 2011. Vol. 14, № 2. P. 106–114. DOI 10.3109/14647273.2011.577886.

Mohr S. Beyond Motivation: On What It Means to Be a Sperm Donor in Denmark // *Anthropology & Medicine*. 2014. Vol. 21, № 2. P. 162–173. DOI 10.1080/13648470.2014.914806.

Nelson M. K., Hertz R., Kramer W. Gamete Donor Anonymity and Limits on Numbers of Offspring: The Views of Three Stakeholders // *J. of Law and the Biosciences*. 2016. Vol. 3, № 1. P. 39–67. DOI 10.1093/jlb/lsv045.

Provoost V., Bernaerdt J. et al. "No daddy", "A kind of daddy": Words Used by Donor Conceived Children and (Aspiring) Parents to Refer to the Sperm Donor // *Culture, Health & Sexuality*. 2017. Vol. 20, № 4. P. 381–396. DOI 10.1080/13691058.2017.1349180.

Ravelingien A., Provoost V., Pennings G. Open-Identity Sperm Donation: How Does Offering Donor-Identifying Information Relate to Donor-Conceived Offspring's Wishes

and Needs? // *J. of Bioethical Inquiry*. 2015. Vol. 12, № 3. P. 503–509. DOI 10.1007/s11673-014-9550-3.

Ravelingien A., Provoost V., Pennings G. Creating a Family Through Connection Websites and Events: Ethical and Social Issues // *Reproductive Biomedicine Online*. 2016. Vol. 33, No. 4. P. 522–528. DOI 10.1016/j.rbmo.2016.07.004.

Readings J., Blake L. et al. Secrecy, Disclosure and Everything in-between: Decisions of Parents of Children Conceived by Donor Insemination, Egg Donation and Surrogacy // *Reproductive Biomedicine Online*. 2011. Vol. 22, № 5. P. 485–495. DOI 10.1016/j.rbmo.2011.01.014.

Scheib J., Ruby A., Benward J. Who Requests Their Sperm Donor's Identity? The First Years of Information Releases to Adults with Open-Identity Donors // *Fertility and Sterility*. 2017. Vol. 107, № 2. P. 483–493. DOI 10.1016/j.fertnstert.2016.10.023.

Storrow R. Parenthood by Pure Intention: Assisted Reproduction and the Functional Approach to Parentage // *Hastings Law J.* 2002. Vol. 53, № 3. P. 597–679. DOI 10.2139/ssrn.310162.

Strathern M. Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship // *Conceiving the New World Order* / ed. by F. Ginsburg, R. Rapp. Berkeley : Univ. of California Press, 1995. P. 346–363.

Thorn P. The Shift from Biological to Social Fatherhood – Counselling Men and Their Partners Considering Donor Insemination // *Human Fertility*. 2013. Vol. 16, № 1. P. 40–43. DOI 10.3109/14647273.2013.777476.

Van den Akker O. B. A. et al. Expectations and Experiences of Gamete Donors and Donor-Conceived Adults Searching for Genetic Relatives Using DNA Linking Through a Voluntary Register // *Human Reproduction*. 2015. Vol. 30, № 1. P. 111–121. DOI 10.1093/humrep/deu289.

Wade K. The Regulation of Surrogacy : A Children's Rights Perspective // *Child and Family Law Quarterly*. 2017. Vol. 29, № 2. P. 113–131.

Wilson T. L. Unravelling Orders in a Borderless Europe? Cross-Border Reproductive Care and the Paradoxes of Assisted Reproductive Technology Policy in Germany and Poland // *Reproductive Biomedicine & Society Online*. 2016. № 3. P. 48–59. DOI 10.1016/j.rbms.2017.02.002.

References

Beeson, D. R., Jennings, P. K., Kramer, W. (2011). Offspring Searching for Their Sperm Donors: How Family Type Shapes the Process. In *Human Reproduction*. Vol. 26. No. 9, pp. 2415–2424. DOI 10.1093/humrep/der202.

Berend, Z. (2014). The Social Context for Surrogates' Motivations and Satisfaction. In *Reproductive BioMedicine Online*. Vol. 29. No. 4, pp. 399–401. DOI 10.1016/j.rbmo.2014.07.001.

Chernova, N. (2021). Surrogatnoe sledstvie [Surrogate Inquest]. In *Novaya gazeta* [website]. 5 June. URL: <https://novyagazeta.ru/articles/2021/06/05/surrogatnoe-sledstvie> (accessed: 08.02.2022)

Chetvertaya Vsemirnaya konferentsiya po polozheniyu zhenshchin. Pekin 4–15 sentyabrya 1995 g. (izvlecheniya) [Fourth World Conference on the Position of Women: Beijing, 4–15 September 1995 (excerpts)]. (1995). In *Organizatsiya Ob'edinennykh Natsii* [website]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (accessed: 08.02.2022).

Cutas, D., Chan, S. (2012). Introduction. Perspectives on Private and Family Life. In Cutas, D., Chan, S. (Eds.). *Families Beyond the Nuclear Ideal*. L., Bloomsbury, pp. 1–12.

Davis, J., Kim, C. L., Anderson, T. L., Finger, R. (2020). Embryo Recipients' Considerations of Connections with Donors. In *Adoption Quarterly*. Vol. 23. No. 4, pp. 243–265. DOI 10.1080/10926755.2020.1833390.

Dokumenty Organizatsii Ob'edinennykh Natsii: rezolyutsii General'noi assamblei OON [Documents of the United Nations: Resolutions of the UN General Assembly].

(1994). In *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii* [website]. URL: <https://www.un.org/ru/ga/documents/gares.shtml> (accessed: 08.02.2022).

Facchin, F., Leone, D. et al. (2020). Working with Infertile Couples Seeking Assisted Reproduction: An Interpretative Phenomenological Study with Infertility Care Providers. In *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Art. 586873. DOI 10.3389/fpsyg.2020.586873.

Filippova, G. G. (2014). Reproduktivnaya psikhologiya: psikhologicheskaya pomoshch' besplodnym param pri ispol'zovanii vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii [Reproductive Psychology: Psychological Assistance to Infertile Couples Using Assisted Reproductive Technologies]. In *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. No. 3 (5) [website]. URL: http://medpsy.ru/climp/2014_3_5/article04.php (accessed: 08.02.2022).

Graham, S., Mohr, S., Bourne, K. (2016). Regulating the 'Good' Donor: The Expectations and Experiences of Sperm Donors in Denmark and Victoria, Australia. In Golombok, S., Scott, R., Appleby, J. B., Richards, M., Wilkinson, S. (Eds.). *Regulating Reproductive Donation*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 207–231.

Indekeu, A., Bolt, S. H., Maas, A. J. B. M. (2021). Meeting Multiple Same-Donor Offspring: Psychosocial Challenges. In *Human Fertility*. Vol. 12, pp. 1–16. DOI 10.1080/14647273.2021.1872804.

Indekeu, A., Hens, K. (2018). Part of My Story. The Meaning and Experiences of Genes and Genetics for Sperm Donor-Conceived Offspring. In *New Genetics and Society*. Vol. 38. No. 1, pp. 18–37. DOI 10.1080/14636778.2018.1549476.

Indekeu, A., Lampic, C. (2021). The Interaction between Donor-Conceived Families and Their Environment: Parents' Perceptions of Societal Understanding and Attitudes Regarding Their Family-Building. In *Human Fertility*. Vol. 24. No. 21, pp. 14–23. DOI 10.1080/14647273.2018.1533256.

Infertility. (N. d.). In *World Health Organization* [website]. URL: https://www.who.int/health-topics/infertility#tab=tab_1 (accessed: 08.02.2022).

Inhorn, M. C., Patrizio, P. (2015). Infertility around the Globe: New Thinking on Gender, Reproductive Technologies and Global Movements in the 21st Century. In *Human Reproduction Update*. Vol. 21. No. 4, pp. 411–426. DOI 10.1093/humupd/dmv016.

Ispova, O.G. (2011). Pravo khotet' slishkom sil'no: biotekhnologii i reproduktivnye zhelaniya [The Right to Want Too Much: Biotechnology and Reproductive Desires]. In *Demoskop Weekly* [website]. No. 453–454. February 7–20. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0453/analit02.php> (accessed: 08.02.2022).

Ispova, O.G. (2014). Rody kak tsennost' v internet-diskurse subfertil'nykh zhenshchin o donorstve yaitsektok i surrogatnom materinstve [Childbirth as a Value in the Online Discourse of Subfertile Women about Egg Donation and Surrogacy]. In *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. Vol. 12. No. 3, pp. 381–396.

Janssens, P. M., Nap, A. W., Bancsi, L. F. (2011). Reconsidering the Number of Offspring per Gamete Donor in the Dutch Open-Identity System. In *Human Fertility*. Vol. 14. No. 2, pp. 106–114. DOI 10.3109/14647273.2011.577886.

Klinicheskie rekomendatsii. Zhenskoe besplodie. 2021–2022–2023 (24.06.2021). Utverzhdeny Minzdravom RF [Clinical Recommendations. Female Infertility. 2021–2022–2023 (24.06.2021). Approved by the Ministry of Health of the Russian Federation]. (2021). In *Moskovskii oblastnoi nauchno-issledovatel'skii institut akusherstva i ginekologii* [website]. URL: <https://moniiag.ru/wp-content/uploads/2019/07/Klinicheskie-rekomendatsii.-ZHenskoe-besplodie.pdf> (accessed: 08.02.2022).

Larkina, T. Yu. (2020). Chei eto rebenok? Problema konstruirovaniya i dekonstruirovaniya rodstvennykh uz na rynke donorskikh gamet [Whose Child is This? The Problem of the Construction and Deconstruction of Related Bonds in the Market of Donor Gametes]. In *Interaktsiya. Interv'y u. Interpretatsiya*. Vol. 12. No. 4, pp. 73–92. DOI 10.19181/inter.2020.12.4.6.

Mohr, S. (2014). Beyond Motivation: On What It Means to Be a Sperm Donor in Denmark. In *Anthropology & Medicine*. Vol. 21. No. 2, pp. 162–173. DOI 10.1080/13648470.2014.914806.

Nelson, M. K., Hertz, R., Kramer, W. (2016). Gamete Donor Anonymity and Limits on Numbers of Offspring: The Views of Three Stakeholders. In *J. of Law and the Biosciences*. Vol. 3. No. 1, pp. 39–67. DOI 10.1093/jlb/lsv045.

Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiiskoi Federatsii. Federal'nyi zakon ot 21.11.2011 No. 323-FZ (red. ot 26.03.2022). Stat'ya 55. Primenenie vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologii [On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation. Federal Law No. 323-FZ of 21 November 2011 (as Amended on 26 March 2022). Article 55. Use of Assisted Reproductive Technologies]. (2022). In *Konsultant Plyus. Informatsionno-pravovaya sistema* [website]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (accessed: 08.02.2022).

Ob utverzhdenii Kontseptsii demograficheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. (V redaktsii Ukaza Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 01.07.2014 g. No. 483) [On Approval of the Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025 (as Amended by Decree of the President of the Russian Federation of 01.07.2014 No. 483)]. In *Prezident Rossii* [website]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299/page/1> (accessed: 08.02.2022).

Provoost, V., Bernaerd, J. et al. (2017). “No daddy”, “A kind of daddy”: Words Used by Donor Conceived Children and (Aspiring) Parents to Refer to the Sperm Donor. In *Culture, Health & Sexuality*. Vol. 20. No. 4, pp. 381–396. DOI 10.1080/13691058.2017.1349180.

Ravelingien, A., Provoost, V., Pennings, G. (2015). Open-Identity Sperm Donation: How Does Offering Donor-Identifying Information Relate to Donor-Conceived Offspring's Wishes and Needs? In *J. of Bioethical Inquiry*. Vol. 12. No. 3, pp. 503–509. DOI 10.1007/s11673-014-9550-3.

Ravelingien, A., Provoost, V., Pennings, G. (2016). Creating a Family Through Connection Websites and Events: Ethical and Social Issues. In *Reproductive Biomedicine Online*. Vol. 33. No. 4, pp. 522–528. DOI 10.1016/j.rbmo.2016.07.004.

Readings, J., Blake, L. et al. (2011). Secrecy, Disclosure and Everything in-between: Decisions of Parents of Children Conceived by Donor Insemination, Egg Donation and Surrogacy. In *Reproductive Biomedicine Online*. Vol. 22. No. 5, pp. 485–495. DOI 10.1016/j.rbmo.2011.01.014.

Scheib, J., Ruby, A., Benward, J. (2017). Who Requests Their Sperm Donor's Identity? The First Years of Information Releases to Adults with Open-Identity Donors. In *Fertility and Sterility*. Vol. 107. No. 2, pp. 483–493. DOI 10.1016/j.fertnstert.2016.10.023.

Semeinyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.1995 No. 223-FZ [The Family Code of the Russian Federation of 29 December 1995, No. 223-FZ]. (1995). In *Konsultant Plyus. Informatsionno-pravovaya sistema* [website]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (accessed: 08.02.2022).

Shchurko, T. (2015). (Bio)politicheskie igry: vspomogatel'nye reproduktivnye tekhnologii v Belarusi [(Bio)political Games: Assisted Reproductive Technologies in Belarus]. In *Topos*. No. 2–3, pp. 108–126.

Sobolevskaya, O. V. (2017). Deti iz probirki: tirazh ogranichen [Test Tube Babies: Limited Edition]. In *IQ* [website]. URL: <https://iq.hse.ru/news/207439973.html> (accessed: 08.02.2022).

Storrow, R. (2002). Parenthood by Pure Intention: Assisted Reproduction and the Functional Approach to Parentage. In *Hastings Law J.* Vol. 53. No. 3, pp. 597–679. DOI 10.2139/ssrn.310162.

Strathern, M. (1995) Displacing Knowledge: Technology and the Consequences for Kinship // In Ginsburg, F., Rapp, R. (Eds.). *Conceiving the New World Order*. Berkeley, Univ. of California Press, pp. 346–363.

Thorn, P. (2013). The Shift from Biological to Social Fatherhood – Counselling Men and Their Partners Considering Donor Insemination. In *Human Fertility*. Vol. 16. No. 1, pp. 40–43. DOI 10.3109/14647273.2013.777476.

Tkach, O. A. (2013). Napolovinu rodnye? Problematizatsiya rodstva i sem'i v gazetnykh publikatsiyakh o vspomogatel'nykh reproduktivnykh tekhnologiyakh [Half Family? The Problematisation of Kinship and Family in Newspaper Publications on

Assisted Reproductive Technologies]. In *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*. Vol. 11. No. 1, pp. 49–68.

V Moskve za trgovlyu det'mi zaderzhan kitaets [Chinese Man Arrested for Child Trafficking in Moscow]. (2021). In *Kommersant* [website]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877467> (accessed: 08.02.2022).

V perinatal'nom tsentre pereputali embriony pri EKO [Embryos Mixed up during IVF in a Perinatal Centre]. (2021). In *E1* [website]. URL: <https://www.e1.ru/text/health/2021/07/24/70041671/> (accessed: 08.02.2022).

Van den Akker, O. B. A. et al. (2015). Expectations and Experiences of Gamete Donors and Donor-Conceived Adults Searching for Genetic Relatives Using DNA Linking Through a Voluntary Register. In *Human Reproduction*. Vol. 30. No. 1, pp. 111–121. DOI 10.1093/humrep/deu289.

Vozzvanie Tegeranskoi konferentsii. Prinyato 13 maya 1968 g. Mezhdunarodnoi konferentsiei po pravam cheloveka v Tegerane [Proclamation of the Tehran Conference: Adopted on 13 May 1968 by the International Conference on Human Rights in Tehran]. (1994). In *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii* [website]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_57.shtml (accessed: 08.02.2022).

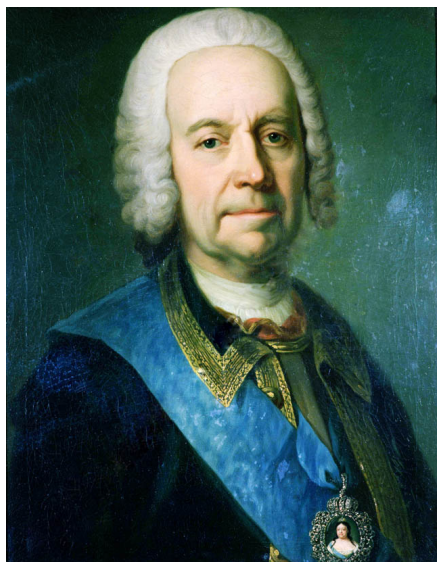
Wade, K. (2017). The Regulation of Surrogacy: A Children's Rights Perspective. In *Child and Family Law Quarterly*. Vol. 29. No. 2, pp. 113–131.

Wilson, T. L. (2016). Unravelling Orders in a Borderless Europe? Cross-Border Reproductive Care and the Paradoxes of Assisted Reproductive Technology Policy in Germany and Poland. In *Reproductive Biomedicine & Society Online*. No. 3, pp. 48–59. DOI 10.1016/j.rbms.2017.02.002.

The article was submitted on 31.01.2022

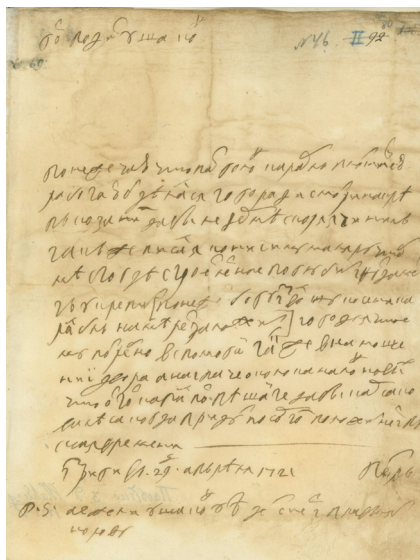

Origines

Неизвестный художник. Портрет
А. И. Ушакова. XVIII в.

Unknown artist. Portrait
of A. I. Ushakov. 18th century

Указ Петра I из Риги А. И. Ушакову
наблюдать за постройкой кораблей.
29 апреля 1721 г. [Архив СПбИИ РАН.
Колл. 277. Оп. 2. Д. 1/46. Л. 80]

Decree of Peter I from Riga to A.I. Ushakov
to supervise the construction of ships.
29 April, 1721

Origines

Указы Петра Первого гвардии майору Андрею Ивановичу Ушакову: новые архивные данные*

Евгений Анисимов

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики» (Санкт-Петербургский филиал);

²Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Татьяна Базарова

Мария Проскурякова

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Decrees of Peter the Great to Guards Major Andrei Ivanovich Ushakov: New Archival Data**

Evgenii Anisimov

¹HSE University (St Petersburg);

²St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

Tatiana Bazarova

Maria Proskuryakova

St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St Petersburg, Russia

This paper publishes nine documents devoted to the service of Andrei Ivanovich Ushakov (1672–1725), major of the Preobrazhensky Life-Guards Regiment between 1714 and 1721. The Novgorod nobleman started his career as a soldier in the Preobrazhensky Regiment. In 1706, Ushakov already had the rank of

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в форме субсидии на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития – проект № 13.1902.21.0034; электронный бюджет № 075–15–2020–786 «История письма европейской цивилизации».

** *Citation*: Anisimov, E., Bazarova, T., Proskuryakova, M. (2022). Decrees of Peter the Great to Guards Major Andrei Ivanovich Ushakov: New Archival Data. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 679–694. DOI 10.15826/qr.2022.2.695.

Цитирование: Anisimov E., Bazarova T., Proskuryakova M. Decrees of Peter the Great to Guards Major Andrei Ivanovich Ushakov: New Archival Data // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 679–694. DOI 10.15826/qr.2022.2.695 / Анисимов Е., Базарова Т., Проскурякова М. Указы Петра Первого гвардии майору Андрею Ивановичу Ушакову: новые архивные данные // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 679–694. DOI 10.15826/qr.2022.2.695.

a lieutenant and was an adjutant of the tsar. Between the 1700s and early 1710s, Ushakov fulfilled diverse orders of Peter the Great: he delivered weapons, horses, gunpowder, provisions to the army, conducted reconnaissance missions, and reported on the location and movements of the Swedish army. In December 1708, Ushakov was involved in the work of an investigator for the first time. In the early 1710s, orders to control and investigate became Ushakov's principal among various assignments. At the decision of the tsar, Ushakov became deputy of Pyotr Tolstoy, who was head of the Secret Chancellery established in February 1718 specifically to investigate Tsarevich Alexei's escape. For his participation in the investigation, Ushakov was properly rewarded by Peter, who granted him the rank of a brigadier and lands confiscated from convicts. Ushakov maintained regular correspondence with the tsar: however, there is no unified collection of documents from Ushakov's personal archive. For this publication, the authors chose decrees (written both in the sovereign's own hand and in a clerk's hand), letters by Tsarevna Ekaterina Alekseevna, and extracts from Senate books reflecting the participation of Ushakov in various events and investigations in the first quarter of the eighteenth century from the corpus of documents kept in the Archive of the St Petersburg Institute of History of the RAS.

Keywords: Peter the Great, A. I. Ushakov, Secret Chancellery, decrees, letters, tsarevna Ekaterina Alekseevna

Публикуются девять документов из собрания Архива СПбИИ РАН, связанных со службой майора лейб-гвардии Преображенского полка Андрея Ивановича Ушакова (1672–1725) с 1714 по 1721 г. Свою карьеру новгородский дворянин начал солдатом Преображенского полка, в 1700-е – начале 1710-х гг. он исполнял самые разнообразные поручения Петра I: доставлял в армию вооружение, лошадей, порох, провиант, выполнял разведывательные задания. В 1706 г. А. И. Ушаков уже был поручиком и адъютантом царя. Впервые к делам по сыску А. И. Ушакова привлекли в декабре 1708 г. К началу 1710-х гг. контрольно-розыскная деятельность стала для него основной среди различных поручений царя. Петр I назначил гвардии майора заместителем П. А. Толстого – главы Тайной канцелярии, созданной в феврале 1718 г. для расследования дела царевича Алексея Петровича. Служба гвардейца была по достоинству оценена Петром, наградившим его за участие в следствии по делу царевича чином бригадира и конфискованными у осужденных землями. А. И. Ушаков поддерживал регулярную переписку с царем, однако его личный архив как единый комплекс документов не сохранился. Для настоящей публикации из материалов Архива СПбИИ РАН отобраны указы Петра I (написаны собственноручно государем или писарским почерком), письма царевны Екатерины Алексеевны и выписки из сенатских книг, отражающие различные ипостаси деятельности гвардии майора А. И. Ушакова в первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: Петр Великий, А. И. Ушаков, Тайная канцелярия, указы, письма, царевна Екатерина Алексеевна

Андрей Иванович Ушаков (1672–1747) – колоритная фигура петровского царствования, хотя при Петре он оказывался в тени таких ярких сподвижников царя, какими были А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, Г. И. Головкин. Да и в послепетровскую эпоху с воцарением императрицы Анны Иоанновны в 1730 г., когда А. И. Ушаков выдвинулся в число первейших вельмож империи, он – с 1731 г. начальник страшной для всех Тайной канцелярии – старался держаться в тени. Несмотря на бурные политические коллизии, он сумел не просто удержаться у власти при шести правивших монархах (!), но и стать для властителей России незаменимым человеком. Устойчивость карьеры А. И. Ушакова (граф, кавалер ордена Святого Андрея Первозванного, генерал-аншеф, сенатор) определялась как чертами его характера, так и особенностями поведения. Будучи четверть века начальником Тайной канцелярии – органа, заостренного на расследовании политических преступлений, – пытая и мучая людей, он, тем не менее, не пострадал сам ни разу при смене власти. Дело в том, что Ушаков не был кровавым палачом, изувером, получавшим, вроде Ф. Ю. Ромодановского – начальника Преображенского приказа, удовольствие от своей страшной работы в застенках. Он был лишь чиновником, послушным исполнителем верховной воли, политический розыск был его казенной работой, службой, привычной рабочей повседневностью. В письме П. А. Толстому 1721 года Ушаков утверждал: «в Канцелярии здесь вновь важных дел нет, а имеются посредственные, по которым також, яко и прежде, я доносил, что кнутом плутов посекаем да на волю выпускаем» [Веретенников, с. 124].

Первое достоверное сообщение об Ушакове относится к 1704 г. В документах Посольского приказа сохранились сведения, что у дома в Москве, в котором поместили турецкого посла Мустафу-агу, был выставлен караул под командой сержанта А. И. Ушакова [Устрялов, т. 4, с. 327]. В конце 1706 г. Петр I из Петербурга двинулся в Нарву с намерением идти затем в Москву. Подготовкой поездки (сбором подвод под царский поезд, обеспечением безопасности в пути) занимался А. И. Ушаков, уже к тому времени поручик и адъютант царя. Однако 15 декабря 1706 г. Петр I получил ошеломительное известие о заключении Альтранштадтского мира между Августом II и Карлом XII. Царь меняет планы и вместо Москвы решается ехать в Литву. Он отдает Ушакову приказ распустить подводчиков и самому немедленно отправиться в Москву, чтобы собрать там всех гвардейских и иных полков офицеров (находившихся в отпусках) и с ними ехать, «не мешкав нимало, в Польшу» [ПиБ, т. 4, с. 480]. С тех пор поручик (а не позднее 1711 г. капитан-поручик) А. И. Ушаков выполняет самые разнообразные поручения царя [Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. I/2, I/8, I/9, I/10; ПиБ, т. 5, с. 196; Материалы для истории русского флота, ч. 3, с. 142].

В самый ответственный период Северной войны (1707–1709) А. И. Ушаков сообщал Петру I о расположении и передвижениях

шведской армии как до Полтавы, так и позже, когда царь послал его с группой войск на помощь королю Августу II [ПиБ, т. 8, вып. 1, с. 343, 350, т. 9, вып. 1, с. 22, 399, т. 11, вып. 2, с. 80; Полтавская битва, с. 258].

К делам по сыску Ушакова привлекли в декабре 1708 г., когда солдаты и офицеры дивизии Л. Н. Алларта подвергли город Ромны и окрестности подлинному разгрому. Царь был вне себя от гнева – положение русского владычества на Украине было неустойчивым, прошло всего два месяца, как сбежал к шведам гетман И. С. Мазепа. По воле государя Ушаков провел расследование, итогом стал указ Петра о казни виновных в мародерстве и насилии [Артамонов, с. 414, 462]. Постепенно среди различных поручений Ушакова (наборы рекрутов и матросов, организация переписи однодворцев и учета служилых, сопровождение пленных шведов [ПиБ, т. 9, вып. 1, с. 495]) контрольно-розыскные задания становятся главными.

Основной корпус сохранившихся до наших дней материалов, связанных с государственной, военной и административной деятельностью А. И. Ушакова в Петровскую эпоху, хранится в РГАДА. Там же в фонде 9 (Кабинет Петра Великого и его продолжение) находятся отпуски указов государя и подлинники ответных писем А. И. Ушакова. Часть их переписки за 1706–1713 гг. увидела свет на страницах издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» [см.: ПиБ, т. 6–13].

Исследователь и публикатор эпистолярного наследия Петра I Е. П. Подъяпольская отмечала, что архивы современников первого российского императора сохранились в плачевном, разрозненном состоянии [Подъяпольская, с. 59]. С XVIII в. автографы Петра Великого и его современников привлекали внимание российских и зарубежных коллекционеров и антикваров. Многие хранившиеся в частных коллекциях подлинники петровских указов безвозвратно утрачены и известны исследователям лишь по копиям. Автографы Петра I можно обнаружить в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, а также в европейских собраниях.

В 1940-х гг. в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ныне – Научно-исторический архив СПбИИ РАН) начала формироваться коллекция 277 (Коллекция документов Петра I). В нее вошли автографы первого российского императора, ранее находившиеся в других фондах и коллекциях. В ряде случаев карандашные и чернильные пометы на обложках дел позволяют установить происхождение документа. Однако чаще всего информация о поступлении материала отсутствует. Одно из 49 дел коллекции 277 содержит письма и указы Петра I, а также царевны Екатерины Алексеевны и Екатерины I, полученные А. И. Ушаковым в 1706–1726 гг. [Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. 1]. По мнению Е. П. Подъяпольской, ранее материалы находились в собрании дочери А. И. Ушакова Екатерины Андреевны Чернышевой, а в конце XIX в. были переданы Комиссии по изданию писем и бумаг Петра Великого [Подъяпольская, с. 61]¹. Однако на сделанных членами комиссии

копиях писем царя А. И. Ушакову отмечено: «хранится у Мятлева» [см., например: Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 76. Л. 248]. По-видимому, речь идет о отставном ротмистре Петре Ивановиче Мятлеве (1830–1888). По свидетельству современников, в библиотеке П. И. Мятлева были письма Петра I, а также А. Д. Меншикова, А. И. Ушакова и других видных деятелей XVIII в. Эти материалы владелец намеревался опубликовать [Зайцев, с. 342–343].

Письма переложены листами желтоватой бумаги или подклеены к ним левым полем. Они находятся в картонной папке, крышки которой обтянуты черным коленкором; корешок и уголки выполнены из кожи черного цвета. На корешке имеется надпись золотым тиснением: «Рескрипты императора Петра I. К графу Ушакову. 1716–26». На вложенных в папку листах (вероятно, от старых бумажных обложек) есть записи: синим карандашом «*Régistre des volumes I et II. Table des matieres de la part A*»^{II} и простым карандашом «61 письмо». На верхнем поле другого нумерованного листа почерком конца XIX – начала XX в. уточнено: «61-го письма нет, находится, вероятно, у брата Мятлева».

Помимо самих писем, в папке хранятся три описи писем. Первая выполнена черными чернилами почерком первой половины XVIII в. и имеет заголовок «Реэстр указом за подписанием собственныя его императорского величества власныя высокия руки и ея императорского величества, писанныя в разных годех к господину генерал-маэору и ковалеру Ушакову, обретающимся в сей книге». В реестр включено 77 писем на 115 листах. Письма (очевидно, в XVIII в. они хранились переплетенными в книгу) расположены по хронологии – с 1711 по 1724 г.; в конце добавлены три письма царевны Екатерины Алексеевны 1717 г.

Два других списка (на русском и французском языке), очевидно, выполнены в конце XIX в. В описи на французском языке («*Table des matieres des volumes I et II*»^{III}. А») учтено 61 письмо за 1706–1724 гг. Они распределены по пяти тематическим рубрикам: «I. Affaires militaires», «II. Affaires du marines», «III. Affaires du justice», «IV. Affaires de finances et d'economice», «V. Pièces diverses»^{IV}. Указы в списке на русском языке распределены по хронологии. Одни порядковые номера обведены синим карандашом и зачеркнуты, другие зачеркнуты простым карандашом; рядом поставлены номера в соответствии с архивной описью. Судя по датам и местам отправления писем, большая часть документов, указанных в реестре XVIII в., также вошла и в другие два списка.

На письмах в правом углу листа, помимо карандашных архивных фолиаций, сохранились две выполненные чернилами нумерации листов, соответствующие описям конца XIX в. В левом верхнем углу части документов (начиная с л. 11) черными чернилами указаны номера из реестра XVIII в. (№ 2–77, с лакунами). Большинство адресованных А. И. Ушакову писем выполнены на сложенных пополам листах (а потом, судя по сохранившимся на бумаге сгибам, конвертом) четким писарским почерком и только подписаны государем «Петр» или «Piter» (некоторые также содержат приписки или резолюции).

Девять писем Петр I написал собственноручно. М. М. Богословский отмечал сжатость, точность и силу выражения петровского эпистолярия: «Подобно тому, как, попадая к кому-либо на обед, Петр занимал первое попавшееся место, он, когда пишет, берет для выражения мысли первое попадающее ему слово, одинаково русское или иностранное; всякое слово для него пригодно... Тою же неразборчивостью отличается его орфография, орфография чисто слуховая. Петр пишет по слуху, употребляет первую попавшуюся букву для того звука, который ему хочется изобразить. Все буквы для него одинаково пригодны» [Богословский, с. 526]. Особенностью автографов Петра I является малая вариативность написания: как правило, буква имеет одну, реже две формы. В то же время начертание ряда выносных знаков близко друг к другу, а порой даже идентично (например, схожим надстрочным знаком передаются буквы «н», «с», «т»). Для собственноручных писем государя также характерны отсутствие пробелов между словами и использование сокращений.

Для настоящей публикации отобрано девять документов 1714–1721 гг. (как написанных собственноручно государем, так и писарским почерком), отражающих различные ипостаси деятельности гвардии майора А. И. Ушакова в петровское царствование.

В 1714 г. А. И. Ушаков прибыл с ревизией в армию. Генерал А. И. Репнин и генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев получили указ царя исполнять все предписания А. И. Ушакова. Однако накануне приезда ревизора Б. П. Шереметев покинул войско. Государь в резкой форме потребовал от полководца: «тотчас поворотись к армии... И, приехав к армии, немедленно дай рапорт о тех делах, о чем вам Ушаков будет предлагать» [Голиков, т. 6, с. 318]. Один из указов об особых полномочиях А. И. Ушакова получил московский губернатор А. П. Салтыков после того, как сгорел Пушечный двор и в Москву для выяснения обстоятельств пожара срочно направили А. И. Ушакова (прил. 1). Такие чрезвычайные поездки в старую столицу с 1714 г. стали систематическими. К этому времени общее напряжение на фронте спало и Петр, начавший уделять внимание управлению, столкнулся с грандиозных масштабов коррупцией и воровством на разных уровнях власти. В мае 1714 г. царь приказал А. И. Ушакову организовать Розыскную канцелярию в Москве для расследования злоупотреблений при сборе рекрутов и по другим делам [Голиков, т. 5, с. 228]. А. И. Ушакову следовало заняться и подрядными делами, ибо «невозможно стать, чтоб без великой кражи государственной казны было» [Там же, с. 236]. И вообще ему надлежало «зело тайно проведать... о денгах, которыя по зарукавьям текут» [Серов, Федоров, с. 23].

Были начаты два громких расследования: дело комиссара П. И. Власова, который в компании с дьяком П. К. Скурихиным украл огромную сумму в 140 тыс. руб. [Серов, 2011, с. 23], и еще более грандиозное – об афере с подрядами, в которой была замешена фактически вся петровская верхушка во главе с А. Д. Меншиковым. Через подставных лиц преступники брали подряды по поставке провианта, покупали муку

дешево, а казне продавали в четыре раза дороже. С арестов и высылки А. И. Ушаковым в Петербург всех причастных к этим преступлениям и начинается расследование, поставившее на грань катастрофы карьеру первейших сановников России (прил. 2). И. И. Голиков сообщал, что Петр I послал А. И. Ушакову в Москву восемь писем, в которых предписывалось арестовать и доставить в Петербург комиссаров и секретарей Артиллерийского приказа, таможенных и ратушных бурмистров, всех подьячих, ведавших приходом-расходом в таможене и ратуше, и других подозреваемых. А. И. Ушакову также вменялось в обязанность прислать в столицу таможенные и кабацкие приходо-расходные книги, счетные выписки и табели всех городов, а также книги Московской таможни [Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. I/15]^v. Преступников по рекрутским делам следовало держать скованными под караулом [Голиков, т. 5, с. 278]. Столкнувшись с таким масштабным воровством, Петр I не решился идти до конца и ограничился штрафами. Только у сенаторов Г. И. Волконского и В. А. Апухтина публично каленым железом «за лживую их присягу обожжены у них языки». Тогда же пороли кнутом Я. Н. Римского-Корсакова [Серов, 2005].

Один из публикуемых документов показывает, как вознаграждения за труды следователей удовлетворялись за счет отписанных в казну имений преступников (прил. 3). Обычно через приказных из Поместного приказа (позже Юстиц-коллегии) награждаемые разузнавали о состоянии конфискованных поместий (число дворов, наличие земель) и спешили подать государю челобитную с просьбой о награде за службу. Как правило, подобные челобитные исполнены уничижительных слезных жалоб на свою «крайнюю скудость». Этого клише совершенно лишена челобитная А. И. Ушакова – он, зная, как высоко ценит его Петр I, не вставал в привычную для челобитчика позу унижения и был уверен, что волшебное царское слово «отдать» он получит непременно.

Свидетельством печальной истории пленных Северной войны, как русских, так и шведов, оказался вопрос о картеле – обмене пленными. Стороны вели себя одинаково непримиримо. Не удалось даже провести операцию по обмену посольствами, застрявшими во вражеской стране на 20 лет. Русские и шведы одинаково жестоко содержали пленных, опасаясь побегов и заговоров, всячески притесняя их, порой месяцами подвергая режиму «крепкого ареста». Это сказывалось на здоровье узников, на что и обратил внимание царя Ушаков (прил. 4).

Особое доверие Петра I к гвардии майору добавляло тому веса в высших кругах и даже в царской семье. Три письма старшей сестры Петра царевны Екатерины Алексеевны о каких-то малопонятных, но явно скандалиозных проблемах, ее беспокоивших, – свидетельство влияния А. И. Ушакова (прил. 5, 6). Примечательно обращение царевны к А. И. Ушакову с упоминанием его жены Елены Леонтьевны и дочери Екатерины, что говорит о ее личном знакомстве с семьей А. И. Ушакова, который благодаря удачному браку на вдове родственника влиятельнейших сановников Федора и Петра Матвеевичей Апрак-

синих оказался в кругу избранных. Письма Екатерины показывают известный и на другом материале механизм получения благоприятной резолюции у порой непредсказуемого царя [Павленко, с. 248–256]. Для этого надо было дружить с всесильным кабинет-секретарем А. В. Макаровым, с которым Екатерина и просит А. И. Ушакова посоветоваться и, выбрав «свободный час» (когда государь в «добром ндраве»), подать ее челобитную и так получить благоприятную резолюцию.

В 1718 г. по воле царя гвардии майор стал заместителем П. А. Толстого – главы Тайной канцелярии, созданной специально для расследования дела о побеге царевича Алексея. Публикуемый указ свидетельствует, что А. И. Ушакова сразу же подключили к расследованию (прил. 7). Материалы Тайной канцелярии позволяют утверждать, что основная тяжесть следствия лежала исключительно на его плечах. И это по достоинству оценил Петр I, что нашло отражение в щедрости обычно прижимистого царя (прил. 8).

В следующем документе (прил. 9) представлено задание царя А. И. Ушакову – наблюдение за работой Адмиралтейства. И хотя тот никогда не был связан с флотом и кораблестроением, для Петра были важны присущие Андрею Ивановичу качества – преданность, дисциплинированность, строгое и неумолимое следование букве данной ему инструкции. За все годы службы он не запятнал свою репутацию ничем криминальным. Ни разу государь не упрекал его (в отличие от множества других своих сподвижников) в неисполнительности, лени, халатности. А. И. Ушаков оставался всегда ревностным служакой, классическим исполнителем, всегда знавшим свое место.

***

Документы публикуются в соответствии с правилами издания источников XVIII в. Орфографические и стилистические особенности источников сохранены. Заменены вышедшие из употребления буквы алфавита (і на и, ѣ на е, ξ на кс, ω на о, ө на ф). Твердый знак («ер») в конце слов не воспроизводится. Мягкий знак («ерь») после выносных букв ставится по современным нам правилам, если его отсутствие изменяет семантику слова. В необходимых случаях «и» заменено на «й». Вместо квадратных скобок использованы круглые. Сделанные писцом пропуски букв и цифр (или сокращения) по возможности восстановлены по смыслу и заключены в угловые скобки; утраченные из-за повреждений листа части слов помещены в квадратные скобки. Разбивка текста на абзацы произведена по смыслу. Пунктуация по возможности соответствует современным нам правилам.

Приложение 1

1714 г., мая 9. — Указ Петра I из Петербурга московскому губернатору А. П. Салтыкову оказывать содействие гвардии майору А. И. Ушакову, посланному для следствия о пожаре на Пушечном дворе^{VI}.

Мы, Петр Первый, царь и самодержец Всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляем сим нашим указом господину губернатору Московскому^{VII} и прочим, кому о том ведати надлежит, понеже указали мы посланному от нас маеору от лейб-гвардии господину Ушакову, приехав к Москве, розыскать о двух делах. Первое о пожаре, от которого несмотрением Пушечной двор со многим числом артиллерии и амуниции згорел, второе по челобитной, которую подал нам артиллериской фургер Сергей Кузнецов на артиллерискова поручика Маркова и протчих, которые с ним, маеором, отсель посланы. А ежели еще в том деле явятца хто и других губерней, и тех брать и розыскивать, кто б онья ни были. И о том объявлять тех губерней камисаром^{VIII}, которые на Москве живут, чтоб они к губернатором своим писали и тех людей ставили.

Также ежели явятца какия и инья дела сим подобныя и будут доносители, против которых также [веле]но^a ему розыскивать, и в вышепомянутых розысках до кого дойдет дело, отсылать к нему, маеору, немедленно и во всем ему помогать. Буде же кто сему нашему указу учинитца преслушен, и тот яко преступник // (Л. 24 об.) жестоко будет наказан, чего для во свидетелство сей наш указ собственною нашею рукою подписали.

Петр.

В Санкт-Питербурхе, в 9 день маия 1714-го.

Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. I/14. Л. 24–24 об. Подлинник.

Подпись-автограф.

Приложение 2

1714 г., ноября 25. — Указ Петра I из Петербурга А. И. Ушакову выслать за караулом В. А. Опухтина, комиссара П. Власова, дьяка П. К. Скурихина, А. Соловьева и А. С. Сергеева^{IX}.

Господин маеор.

По получении сего указу Василья Опухтина, да камисара Петра Власова, и дьяка Петра Скурихина^X пришлите сюда за караулом с сим нашим посланным немедленно.

Петр.

Из Санкт-Питербурха, в 25 день ноября 1714-го.

P. S. Також Афонасья Соловьева и Александра Сергеева^{XI} пришлите сюда с сим же посланным за караулом.

На л. 30 об. адрес: Господину маеору от гвардии Ушакову.

На нижнем поле л. 30 об.: Получено 2-го декабря чрез прапорщика князя Петра Борятинского.

Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. I/17. Л. 29, 30 об. Подлинник.

Подпись-автограф.

^a Первые четыре буквы – под чернильным пятном.

Приложение 3

**1715 г., апреля. — Прошение А. И. Ушакова об отдаче
ему конфискованного имения бывшего петербургского
вице-губернатора Я. Н. Римского-Корсакова.**

Державнейший царь, государь милостивейший.

По имянному вашему царского величества указу велено у бывшего вице-губернатора Якова Никитина сына Корсакова поместные и вотчинные ево села и деревни отписать на ваше величества со всяким ево изживлением, что в тех селех, и в деревнях есть^{хп}. А ис тех ево отписных деревень в Новгородском уезде в Шелонской петине село Горки, да село Ретное, да усадища Боровня, да село Югостицы с принадлежащими к ним деревнями и пустоши никому указом вашего величества не отданы. А по переписным книгам в тех вышеписанных селех и деревнях крестьянских и бобыльских шестьдесят девять дворов.

Всемилоостивейший государь, прошу вашего величества, да повелите державство ваше, вышеписанные Яковлевы селы и деревни Карсакова со крестьяны, с пашни, и с леси, и с санными покосы, и с пустоши, и с угоды, и з деловыми, и з задворными людьми по писцовым^а, и по переписным книгам, и по всяким ево крепостям, и по дачем со всяким заводом и с хлебом, что в тех селех и деревнях, чего есть за службу мою отдать мне, нижеименованному рабу вашему.

Вашего величества нижайший раб лейб-гвардии Преображенского полку маэор Андрей Иванов сын Ушаков 1715 году апреля <...>^б дня.

^вК сему прошению маэор Ушаков руку приложил^в.

На нижнем поле л. 69 резолюция Петра I: Отдать.

На нижнем поле л. 69: ^гОтписание собственные его царского величества руки маяя дня 9, А° 1715^г.

Архив СПБНИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. I/39. Л. 69. Подлинник.

Приложение 4

**1717 г., сентября 29. — Указ Петра I из Риги А. И. Ушакову
в Москву облегчить участь пленных шведов в Казани,
Нижнем Новгороде и других городах.**

Господин маэор.

Письмо ваше до нас дошло, в котором пишешь, что арестанты швецкия в Казани, в Нижнем и в других городех от крепкого аресту (что их не выпускают из домов вон), многия заболели, и для того велите их ныне держать

^а В ркп описка: «писцовым».

^{б-б} Число не вписано.

^{в-в} Рукой А. И. Ушакова.

^{г-г} Другим почерком.

перед прежним за арестом, лехче толко, чтоб за ними накрепко смотрели, дабы они не ушли.

Петр.
а-Сентября в 29 день 1717, Рига^а.

На л. 62 об. адрес: ^аГосподину маеору от гвардии Ушакову в Москве^а.

На нижнем поле л. 61: Получен 12 дня октября 1717 году в Москве.

Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. 1/34. Л. 61, 62 об. Подлинник.
Подпись-автограф.

Приложение 5

**1717 г., ноября 3. — Письмо царевны Екатерины Алексеевны
из Москвы А. И. Ушакову по делу об указе вору Богданову
и прощении Ф. Волкова.**

Андрей Иванович, здравствуй на множество лет з женою и з дочкою.

Просим вас, дабы о пребывании здравия вашего уведомили нас чрез писание, чего мы слышати желаем.

Паки вас просим, дабы, посоветуя с секретарем Макаровым^{xiii}, и свободным часом государю братцу нашему доложили и постарались о учинении указу вору Богданову и о Федоре Волкове, которой обретается в канцелярии у вас, дабы конечное прощение получить. Пожалуй, сих двух дел не предай забвению и якобы о своих постарайся.

За сим в помощи Вышняго остаемся.

Ц<аревна> Екатерина.

Из Москвы 1717 году ноября 3 дня.

Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. 1/50. Л. 85. Подлинник.
Подпись-автограф.

Приложение 6

**1717 г., ноября 24. — Письмо царевны Екатерины Алексеевны
из Москвы А. И. Ушакову с просьбой доложить его величеству о делах.**

Господин маеор Андрей Иванович купно с сожителницею своею и з дочкою вашею, здравствуй на множество лет.

Просим вас постараться нам на ползу о делах, о которых вас в Москве просили, во благополучное время доложите его величеству государю, братцу нашему, дабы те^б дела по нашему прошению исполнились, за что вам должны благодарить.

И за сим остаемся.

Ц<аревна> Екатерина.

Из Москвы 1717-го ноября в 24 день.

Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. 1/51. Л. 86. Подлинник.
Подпись-автограф.

^{а-а} Другим почерком.

^б В ркп описка: «ты».

Приложение 7

**1718 г., февраля. — Указ Петра I взять под стражу протопопа
суздальского А. Пустынного.**

Протопоп суздальской Андрей Пустынный, что вчераь Щербатай сказывал, а Писарев^{xiv} ныне пишет, что он на Москве, также пишет, что один человек Аврама Лапухина причинен^{xv}, но не знаю хто, того для немедленно протопопа возми, а о человеке уведеам, чаю, завтра, когда оне будут.

Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. 1/36. Л. 65. Автограф. Без начала.
На нижнем поле листа помета скорописью XVIII в.: 1718 году.

Приложение 8

**1721 г., ноября 28. — Выписка из записной книги именных
указов Правительствующему Сенату 1719 г. о награждении
А. И. Ушакова чином бригадира и деревнями.**

В Сенате выписано.

В записной книге имянным царского величества указом прошлого 719 году написано.

Доношение высокоправительствующим господам Сенату.

Прошлого 718-го декабря в 9 день царское величество пожаловал за верные труды в бывшем тайном розыском деле меня, нижеименованнова, да гвардии маэоров Андрея Ушакова, Григорья Скорнякова-Писарева^{xvi} рангами и деревнями, а ково каким рангом, и тому при прилагаю собственные его величества руки копию. Также ково, и коликим числом, и чыми деревнями ево величество пожаловал, и с той росписи, которая за собственною ево величества рукою, прилагаю копию ж. А обе за рукою моею прошу, дабы ваша высокоправительствующее превозходителства деревни по росписи повелели справить, а о рангах наших были известны 14 генваря 1719-го году.

В копии с росписи, какова за собственною его величества рукою, между протчим написано.

Господин генерал-порутчик Бутурлин^{xvii}, и маэор Андрей Ушаков, и капитан-порутчик // (Л. 70 об.) Григорей Скорняков-Писарев просят, чтоб им отданы были нижеписанные деревни, а имянно.

Андрей Ушаков. Князь Василья Долгорукова^{xviii} в Нижегородском уезде половина села Новинок, в деревне Малой Березниках, Булгаково тож, з деревнями и с пустошми, 15. В Юрьевском уезде Полского село Каблуково с пустошми, 15. Канбара Акинфова^{xix} в Гороховском уезде селцо Богороцкое, 15. Сибирского <царе>вича^a Василья^{xx} на Резани село Дехтяное да пустошь, что была деревня Слободка, 93. Федора Дубровского^{xxi} в Дмитровском уезде в селе Овсяникове да в деревне Терехове, 31. Александра Лопухина^{xxii} в Орловском уезде село Николское да селцо Троицкое, 30. // (Л. 71) Да к тому селу пустые земли в Кромском да в Карачевском уездех. Итого 199 дворов.

^a В ркп начало слова пропущено.

У подлинной росписи приписано собственною его величества рукою тако: роздать по сему, кроме Масалских пустых, генваря в 11 день 1719-го году.

Генерал-поручик и лейб-гвардии Преображенского полку подполковник Бутурлин сию копию отдал, а подлинную за ево величества рукою у себя оставил.

В копии с собственные его царского величества руки между прочим написано: за верные труды в бывшем розыске господину маэору Ушакову 200 дворов да ранг бригадирской.

Генерал-поручик и лейб-гвардии Преображенского полку подполковник Бутурлин сию копию отдал, а подлинную письма его величества руки у себя оставил.

1719-го генваря в 14 день по вышеписанному царского величества имянному указу о справке // (Л. 71 об.) и об отказе за генералом-порутчиком и от гвардии подполковником Бутурлиным, и за бригадиром и от гвардии маэором Ушаковым, и за полковником и от гвардии капитаном-порутчиком Скорняковым-Писаревым вышеписанных вотчин послать указ в Юстиц-коллегию, а повышении их рангов для ведома в Военную коллегию.

Подлинной приговор за приписанием Правительствующих Сенат. По тому приговору указы посланы в Юстиц-каллегию генваря 14 дня, в Военную коллегию – апреля 8 дня.

⁶Сие выписано в Сенате 1721 году ноября в 28 день⁶.

Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. I/40. Л. 70–71 об. Подлинник.

Приложение 9

1721 г., апреля 29. — Указ Петра I из Риги А. И. Ушакову наблюдать за постройкой кораблей.

Господин Ушакоф.

Понеже чаю, что Панголоф карабль плотничьею работаю отделался, того ради смотри накрепко за ним, дабы Леферме скоряя чинил. Также писал я к Онисиму Маляру, чтоб место, где строен Лесное, поглубить и фундамент укрепить (понеже Богу извольшу к осени карабль намерен заложить), того для, что ему потребно, вспомогай. Также в намощении двора, а наипаче около каналоф новых, что оттоль капал, поспешайте, дабы Карсакова леса, когда придут, по сортом положить, не испуская времени.

Из Риги в 29 день апреля 1721.

Петр.

P. S. А ежели Ушакоф уедет, сие исправлять Норову.

На л. 80 об.: Получено 3 дня маия 1721 году.

Архив СПбИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. I/46. Л. 80–80 об. Автограф.

---

^{6–6} Другим почерком.

Примечания

^I Подготовленные комиссией к печати материалы хранятся в Архиве СПБИИ РАН (Ф. 270 «Комиссия по изданию писем и бумаг Петра Великого»).

^{II} «Реестр томов I и II. Оглавление части А» (пер. с фр.).

^{III} «Оглавление томов I и II» (пер. с фр.).

^{IV} «I. Военные дела», «II. Морские дела», «III. Судебные дела», «IV. Дела финансов и экономики», «V. Разные документы» (пер. с фр.).

^V Это подтверждается указом от 27 октября 1714 г. об отправке документов [Архив СПБИИ РАН. Колл. 277. Оп. 2. Д. I/15].

^{VI} Указ Петра I А. И. Ушакову от 2 мая 1714 г. произвести розыск после пожара на Пушечном дворе см.: ОР РГБ. Ф. 64. Карт. 82. Д. 8. Выполненная Комиссией по изданию писем и бумаг Петра Великого копия указа хранится в Архиве СПБИИ РАН (Ф. 270. Оп. 1. Д. 75. Л. 296).

^{VII} В 1713–1716 гг. московским губернатором был боярин Алексей Петрович Салтыков († 1724).

^{VIII} С 1708 г. от каждой губернии при армии находились комиссары, которые отвечали за поставки всего необходимого для полков, приписанных к губерниям.

^{IX} Не позже 27 ноября 1714 г. указом Петра I была создана Канцелярия розыскных дел кн. Василия Владимировича Долгорукого (Долгорукова) для расследования подрядного дела. В тот день на Конюшенном дворе в присутствии царя «подымали» (на дыбу) Г. И. Волконского и Я. Н. Римского-Корсакова.

^X Дьяк Петр Клементьевич Скурихин служил в Ингерманландской канцелярии косвенных сборов.

^{XI} Комиссар Ингерманландской канцелярии Александр Саввич (или Сергеевич) Сергеев также оказался причастен к должностным преступлениям.

^{XII} Яков Никитич Римский-Корсаков (1679–1734) — комендант Копорья (с 1704), ландрихтер (с 1707), вице-губернатор Санкт-Петербургской губернии (с 1711), после пытки был наказан и сослан (сентябрь 1715).

^{XIII} Алексей Васильевич Макаров (1674–1740) — подьячий Новгородского приказа (1695), Ижорской канцелярии (1703–1704), Походной канцелярии Петра (с 1704), его величества секретарь (1710), кабинет-секретарь (1711), тайный кабинет-секретарь (1722), генерал-майор (1725), тайный советник (1726), президент Мануфактур-коллегии (1727–1731); с 1731 г. и до самой смерти находился под следствием.

^{XIV} Г. Г. Скорняков-Писарев был послан в суздальский Покровский монастырь 9 февраля 1718 г. для ареста бывшей царицы Евдокии Федоровны (старицы Елены). Оттуда, проведя расследование, он писал Петру в Преображенское о необходимости ареста брата Евдокии А. Ф. Лопухина, С. И. Щербатова и суздальского протопопа Андрея Пустынного. Первые двое были арестованы и дали показания. Публикуемый указ касается третьего из списка. Уже 16 февраля 1718 г. протопопа допрашивали вместе со всеми причастными к Суздальскому делу, а через месяц приговорили к смерти (как и С. И. Щербатова), замененной им на сечение кнутом, урезание языка, вырывание ноздрей и ссылку в Пустозерск. А. Ф. Лопухина же увезли в Петербург и уже по делу о побеге царевича Алексея пытали, а затем казнили 8 декабря 1718 г. [Голиков, т. 7, с. 5; Устрялов, т. 6, с. 205–207, 219–222, 265–268, 617–618].

^{XV} То есть причастен к расследуемому делу.

^{XVI} Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев (1675 — после 1745) — преобращенский бомбардир (1696), учился в Италии и Пруссии (1697–1699), сержант гвардии (1699), капитан-поручик (1709), обер-прокурор Сената (1718), вел «Суздальское дело» (1718), преподаватель, ректор Морской академии (1719), с 1727 г. в опале, бит кнутом, сослан в Сибирь, начальник Охотского порта (1731), возвращен из ссылки (1741).

^{XVII} Иван Иванович (Младший) Бутурлин (1661–1738) — стольник (1682), премьер-майор Преображенского полка (1687), генерал-майор (1700), в плену (1700–1710), генерал-лейтенант (1713), участвовал в розыске по делу царевича Алексея, генерал-аншеф (1721), в опале и ссылке (с 1727).

^{xviii} Князь Василий Владимирович Долгоруков (1667–1746) — стольник (1685), сержант (1700), капитан (1706), подполковник Преображенского полка, его командир (1709), генерал-майор (1709), генерал-лейтенант (1711), расследовал «Провиантское дело» (с 1714), арестован по делу царевича Алексея, лишен чинов, владений и наград, сослан (1718); в 1724 г. помилован, пожалован в полковники, генерал-лейтенант (1725), генерал-аншеф (1726), генерал-фельдмаршал, член Верховного тайного совета (1728), сенатор (1730), в опале и тюрьме (1731–1741), возвращен из тюрьмы, снова генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии (1741).

^{xix} Канбар (Петр) Никитич Акинфов — стольник, ландрат Космодемьянска, проходил по делу царевича Алексея, бит кнутом и сослан (8 декабря 1718 г.).

^{xx} Василий Алексеевич (после 1647 — 1727) — Сибирский царевич из рода Кучума, привлечен по делу царевича Алексея, сослан в Архангельск (1718).

^{xxi} Федор [Петрович] Дубровский — стольник, проходил по делу царевича Алексея, казнен 8 декабря 1718 г.

^{xxii} Александр Петрович Лопухин — стольник царицы Евдокии Федоровны, драгун Тамбовского полка (1707), привлечен по делу царевича Алексея, пытан (1718).

Список литературы

Артамонов В. А. Полтавское сражение : К 300-летию Полтавской победы. М. : МПИА БИМПА, 2009. 686 с.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 75, 76; Колл. 277. Оп. 2. Д. 1.

Богословский М. М. Петр Великий по его письмам // Петр Великий: pro et contra. СПб. : РХГИ, 2003. С. 518–552.

Веретенников В. И. История Тайной канцелярии Петровского времени. Харьков : Тип. «Печатное дело», 1910. 306 с.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам : [в 15 т.]. 2-е изд. М. : Тип. Н. Степанова, 1837–1843. Т. 5. 602 с. Т. 6. 662 с. Т. 7. 538 с.

Зайцев А. Д. Архивный рудокоп : (Фонд Л. И. Бартенева) // Встречи с прошлым : сб. материалов Центр. гос. архива литературы и искусства СССР / ред. Н. Б. Волкова, И. Л. Андроников и др. Вып. 4. М. : Сов. Россия, 1982. С. 319–347.

Материалы для истории русского флота : [в 17 ч.]. СПб. : Тип. Мор. м-ва, 1865–1904. Ч. 3. 726 с.

ОР РГБ. Ф. 64. Карг. 82. Д. 8.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М. : Мысль, 1985. 332 с.

Письма и бумаги императора Петра Великого : [в 13 т.]. СПб. (Л.) ; М., 1887–2003. Т. 4. Вып. 1–2. 1259 с. Т. 5. 764 с. Т. 6. 634 с. Т. 7. Вып. 1–2. 933 с. Т. 8. Вып. 1–2. 1179 с. Т. 9. Вып. 1–2. 1620 с. Т. 10. 869 с. Т. 11. Вып. 1. 606 с. Т. 11. Вып. 2. 743 с. Т. 12. Вып. 1. 588 с. Вып. 2. 629 с. Т. 13. Вып. 1. 480 с. Т. 13. Вып. 2. 678 с. (ПИБ).

Подъяпольская Е. П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» // Археографический ежегодник за 1972 г. М. : Наука, 1974. С. 56–70.

Полтавская битва 27 июня 1709 года : Документы и материалы / отв. ред. Е. Е. Рычаловский. М. : РОССПЭН, 2011. 806 с.

Серов Д. О. Высшие администраторы под судом Петра I : Из истории уголовного юстиции России первой четверти XVIII в. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2005. Вып. 10. № 39. С. 47–63.

Серов Д. О. М. А. Косой – каменщик, еретик, обер-фискал // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. 2011. Т. 10. Вып. 10. С. 21–26.

Серов Д. О., Федоров А. В. Дела и судьбы следователей Петра I. М. : Юрист, 2016. 363 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого : [в 6 т.]. СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. К., 1858–1863. Т. 4. Ч. 1. 611 с. Т. 1. Ч. 2. 672 с. Т. 6. 628 с.

References

Arkhiv SPbII RAN [Archive of the St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences]. Stock 270. List 1. Dos. 75, 76; Coll. 277. List 2. Dos. I.

Artamonov, V. A. (2009). *Poltavskoe srazhenie. K 300-letiyu Poltavskoi pobedy* [The Battle of Poltava. For the 300th Anniversary of the Poltava Victory]. Moscow, MPPA BIMPA. 686 p.

Bogoslovskii, M. M. (2003). Petr Velikii po ego pis'mam [Peter the Great According to His Letters]. In *Petr Velikii: pro et contra*. St Petersburg, Russkii khristianskii gumanitarnyi institute, pp. 518–552.

Golikov, I. I. (1838). *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazitel'ya Rossii, sobrannyye iz dostovernykh istochnikov i raspolozhennyye po godam v 15 t.* [Acts of Peter the Great, the Wise Reformer of Russia, Collected from Reliable Sources and Arranged by Year. 15 Vols.]. 2nd Ed. Moscow, Tipografiya N. Stepanova. Vol. 5. 602 p. Vol. 6. 662 p. Vol. 7. 538 p.

Materialy dlya istorii russkogo flota v 17 ch. [Materials for the History of the Russian Fleet. 17 Parts]. (1865–1904). St Petersburg, Tipografiya Morskogo ministerstva. Part 3. 726 p.

OR RGB [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 64. Box 82. Dos. 8.

Pavlenko, N. I. (1985). *Ptentsy gnezda Petrova* [The Nestlings of Peter's Nest]. Moscow, Mysl'. 332 p.

Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo v 13 t. [The Letters and Papers of Emperor Peter the Great. 13 Vols.]. (1887–2003). St Petersburg (Leningrad), Moscow. Vol. 4. Iss. 1–2. 1259 p. Vol. 5. 764 p. Vol. 6. 634 p. Vol. 7. Iss. 1–2. 933 p. Vol. 8. Iss. 1–2. 1179 p. Vol. 9. Iss. 1–2. 1620 p. Vol. 10. 869 p. Vol. 11. Iss. 1. 606 p. Vol. 11. Iss. 2. 743 p. Vol. 12. Iss. 1. 588 p. Iss. 2. 629 p. Vol. 13. Iss. 1. 480 p. Vol. 13. Iss. 2. 678 p. (PiB)

Pod'yapol'skaya, E. P. (1974). Ob istorii i nauchnom znachenii izdaniya "Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo" [On the History and Scholarly Significance of the Letters and Papers of Emperor Peter the Great]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1972 g.* Moscow, Nauka, pp. 56–70.

Rychalovskii, E. E. (Ed.). (2011). *Poltavskaya bitva 27 iyunya 1709 goda. Dokumenty i materialy* [The Battle of Poltava, 27 June 1709. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN. 806 p.

Serov, D. O. (2005). Vysshie administratory pod sudom Petra I. Iz istorii ugolovnoi yustitsii Rossii pervoi chetverti XVIII veka [High Administrators in the Court of Peter the Great. From the History of Criminal Justice in Russia in the First Quarter of the 18th Century]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Iss. 10. No. 39, pp. 47–63.

Serov, D. O. (2011). M. A. Kosoi – kamenshchik, eretik, ober-fiskal [M. A. Kosoi – a Bricklayer, Heretic, and Chief Fiscal]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*. Vol. 10. No. 10, pp. 21–26.

Serov, D. O., Fedorov, A. V. (2016). *Dela i sud'by sledovatelei Petra I* [The Cases and Fate of the Investigators of Peter I]. Moscow, Yurist. 363 p.

Ustryalov, N. G. (1859–1863). *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo v 6 t.* [History of the Reign of Peter the Great. 6 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. Vol. 4. Part 1. 611 p. Part 2. 672 p. Vol. 6. 628 p.

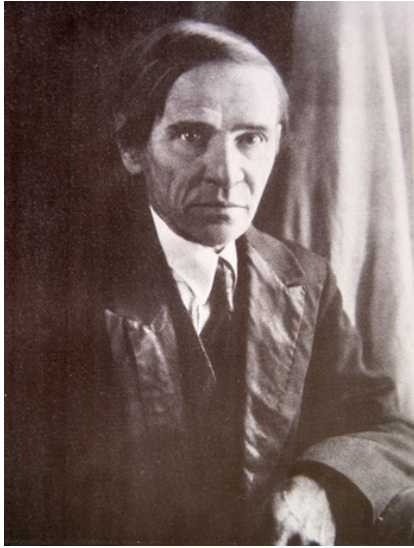
Veretennikov, V. I. (1910). *Istoriya Tainoi kantselyarii Petrovskogo vremeni* [History of the Secret Office of the Petrine Epoch]. Khar'kov, Tipografiya "Pechatnoe delo". 306 p.

Zaitsev, A. D. (1982). Arkhivnyi rudokop. (Fond L. I. Barteneva) [Archival Miner. (L. I. Bartenev Fund)]. In Volkova, N. B., Andronikov, I. L. et al. (Eds.). *Vstrechi s proshlym. Sbornik materialov Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva literatury i iskusstva SSSR*. Iss. 4. Moscow, Sovetskaya Rossiya, pp. 319–347.

The article was submitted on 26.01.2022

Hereditas:
nomina et
scholae

S. B. Veselovskiy. Photograph. 1920s

Hereditas: nomina et scholae

I Am Suffocating and Starving Without Interior Life:* Stepan Veselovskiy's Ethical Principles While in Inner Emigration

Temurmalik Kholmatov

HSE University,
Moscow, Russia

Drawing on ego-documents and scholarly works of the outstanding historian Stepan Borisovich Veselovskiy, this article analyzes the ethical principles he adhered to between the 1920s and 1950s, when he, though staying in the USSR, lived in inner emigration. Particular attention is paid to the concepts of “academic ethics” and “professional ethics”. The author studies both universal and specific value orientations of scholars within the framework of professional ethics. As applied to Veselovskiy’s scholarly work while in inner emigration, the relationship between professional ethics and the scholar’s epistemology is traced. Academic ethics is analyzed using Robert K. Merton’s theory of the ethos of science, which makes it possible to single out such imperatives as communism, disinterestedness, and organized skepticism in Veselovskiy’s scholarly work. In addition, the author considers the correlation between Veselovskiy’s ethical views as a person and as a scholar. The article concludes that it was the ethical principles Veselovskiy developed before the 1917 revolution that conditioned his choice of methods to study the past and his ways of constructing a scholarly text, and allowed him to become an inner emigrant in the face of rejection.

Keywords: S. B. Veselovskiy, academic ethics, professional ethics, ethos of science, inner emigration

На основе источников личного происхождения и научных трудов выдающегося историка С. Б. Веселовского (1876–1952) в статье проанализированы его этические принципы 1920–1950-х гг., когда он находился в СССР в условиях внутренней эмиграции. Отдельное внимание уделено анализу понятий «академическая этика» и «профессиональная этика». Охарактеризованы как универсальные, так и специфические ценностные ориентации ученых в рамках профессиональной этики. Применительно к научной деятельности Веселовского во внутренней эмиграции прослежена связь

---

* Funding: The study was funded by RFBR, project 20-39-90015 “The Intellectual Biography of S. B. Veselovskiy (1876–1952)”.

** Citation: Kholmatov, T. (2022). *I Am Suffocating and Starving Without Interior Life: Stepan Veselovskiy's Ethical Principles While in Inner Emigration*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 697–708. DOI 10.15826/qr.2022.2.696.

Цитирование: Kholmatov T. *I Am Suffocating and Starving Without Interior Life: Stepan Veselovskiy's Ethical Principles While in Inner Emigration* // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 697–708. DOI 10.15826/qr.2022.2.696.

профессиональной этики и эпистемологии ученого. Академическая этика проанализирована в рамках теории научного этоса Р. К. Мертона, что позволило выделить в научном творчестве Веселовского такие императивы, как коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм. Освещен вопрос о соотношении этических взглядов Веселовского как личности и ученого. Сделан вывод о том, что именно этические принципы, сформировавшиеся у Веселовского до революции, обусловили выбор определенных способов познания прошлого и принципов выстраивания научного текста, а также позволили ему стать внутренним эмигрантом в условиях неприятия.

Ключевые слова: С. Б. Веселовский, академическая этика, профессиональная этика, этос науки, внутренняя эмиграция

Under conditions of ideological control, the most educated and talented ones preferred to go, so to speak, into inner emigration. Such scholars' work was characterized by narrow specialization, concentrating on a single, if possibly very important, topic, engaging in source study, and doing empirical research on isolated subjects without any broad generalizations, because once you embark on generalizations, you enter the realm dominated by ideology.

Aaron Gurevich. The History of a Historian [Гуревич, 2012, с. 96]

The life and work of the historian Stepan Borisovich Veselovskiy have been attracting intense interest of researchers since the late Soviet time. To date, a wide range of sources including Veselovskiy's scholarly writing as well as ego-documents have been introduced into scholarly use, allowing, among other things, to study the principles he adhered to as a scholar, the circumstances of his work, including in the Soviet time when he led a sort of life that came to be called inner emigration.

Living in inner emigration from the 1920s till the beginning of the 1950s allowed Veselovskiy to complete several studies which later became classical. His inner emigration has already been analyzed, for example, in Liubov Sidorova's article on the intellectual world of 'old school' historians of the 1920s [Сидорова] and Aleksandr Dubrovskiy's book on historians of the 1930s [Дубровский, 2018а, с. 199–232]. The former covers biographies of both émigré historians and inner emigrants to present behavior patterns and characteristic traits of both groups together, while the latter describes Veselovskiy's life in inner emigration in the 1930s only. None of these two studies addresses questions such as how Veselovskiy adapted to Soviet life and Soviet scholarly environment, and what his social behavior strategy was. Veselovskiy's ethical principles as a scholar, the norms, and values which he

adhered to *sine ira et studio* have been studied only in a very general way. In order to address these questions concerning specifically Veselovskiy as an inner emigrant, a more detailed examination of his personal model of behavior is needed.

**Veselovskiy's inner emigration:
its main features and sources to study it**

What I mean by inner emigration is a kind of unarmed resistance on the part of an individual who rejects the ideology and/or the authority of the state they live in but does not challenge them overtly. For the most part, this sort of resistance is performed in everyday practices. Denying a political agreement with the ruling Bolshevik party and refusing to participate in governance or administration were inseparable parts of inner emigration as practiced in the Soviet Union until the end of Stalin's rule. Drawing on Sergey Melgunov's diaries, Liubov Sidorova has shown that this applies to historians, in particular [Сидорова, с. 168].

Ego-documents, especially diaries, are undoubtedly the key sources for studying inner emigration since they contain the author's reflections on their current state of mind and feelings, recording their public and personal life experience, including their own scholarly work. Analyzing such regular records makes it possible to trace the evolution of one's value vectors and self-reflection. Speaking of Veselovskiy's diaries, it is difficult to say how complete they are. The published version covers partially the Soviet time as well as the years preceding the 1917 revolution. Fragments of the diary published in 2000 and 2001 [Веселовский С. Б., 2000–2001] cover not only the early 1920s, but also the year of 1944, while the publication edited by Dubrovskiy includes several entries from the time between the 1920s and 1950s [С. Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках]. These published fragments suggest that Veselovskiy may have kept a diary on a regular basis.

Despite his aversion to the way the Soviets were transforming Russia, Veselovskiy gradually incorporated into Soviet scholarly and educational institutions. However, he seems to have regarded working for them merely as a way of adapting to new life and work conditions, which was necessary for him to be able to do his own research work. For it was research activity that was the highest value for Veselovskiy, as noted in his diary entries in the early 1940s, when eyesight issues forced him to suspend his work with historical sources: "I am suffocating and starving without interior life as I used to feed myself, constantly taking in and digesting sources and new facts for scholarly work. For me it has been a refuge from the emptiness and vileness of the modern life surrounding me, and a source of nourishment for interior creative work" [С. Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках, с. 235]. Furthermore, in his inner emigration, research work was not only a goal but also a way of life for him.

From the 1920s onward, Veselovskiy's communication with his colleagues gradually declined, as can be seen from his correspondence

and other sources reflecting his informal contacts with other historians¹. In 1940, he wrote in his diary: “Many people who were dear and close to me have died or taken exit, some of them too early. Remembering them, I feel grateful to destiny that they were there, that I met such people during my life’s journey and enjoyed their sympathy and friendship. Which cannot be said of those who are still alive. With very rare exceptions, they have long since abandoned all scholarly work. Some have been crushed by dire straits, forced inactivity, or disasters such as exile; others had always been like the Moon that shines with the reflected light of others. Now they have nothing more to reflect, they have faded and become perhaps the most insignificant of all the insignificant children of this world” [Там же, с. 235]. Veselovskiy’s negative attitude toward his fellow historians was caused by a difference in ethical norms and values. Theirs had been distorted in the post-revolutionary period, as the scholar noted in the same entry: “Bitter experience shows – but doesn’t seem to teach anyone – that lying on Abraham’s bosom is not so difficult but living for however long a time on such terms is absolutely impossible. Such [people] don’t deserve being talked about much, even though during the [last] 20 years quite a few have retired from the scene who cannot but be recognized as real researchers, even if not of a very large caliber” [Там же, с. 236]. Thus, as his communication with colleagues decreased, the importance of scholarly work as a space where a sense of inner freedom could be maintained and ethical principles could be upheld, kept increasing.

Veselovskiy’s turning into an inner emigrant was caused by his ethical convictions which were opposite to the ideology that came to dominate Russia. In other words, as long as there was opposition between him and the state, Veselovskiy sought to maintain a sense of inner freedom. As can be seen from his diaries, this tension lasted from the 1920s till the end of his life. Some of his diary entries from the time between the late 1910s and the early 1920s show his aversion to the transformation of the country and society he was witnessing: “Still, I continue [to insist] on my definition which I put forward more than two years ago: not only Bolshevism and the Bolshevik regime but the whole of the revolution is a most profound moral decay process” [Веселовский С. Б., 2000, № 9, с. 115].

In his inner emigration, the resistance practiced daily rested on the sphere in which he was active as a personality. My hypothesis, therefore, is that if we draw not only on Veselovskiy’s ego-documents, but also on his scholarly writings, we will be able to study specific acts of resistance/dissent through his epistemology and his way of constructing scholarly texts.

In opting for a particular way of learning about the past, a researcher places himself before an ethical choice. Epistemology means not only research principles and ideals, but also the researcher’s social responsibility.

---

¹ Thus, the late 1920s saw the termination of a circle of Moscow university professors that included, apart from Veselovskiy himself, Yuriy Gauthier, Matvey Liubavskiy, Mikhail Bogoiavlenskii, among others. For details, see: [Дубровский, 2018b].

For historians, this responsibility may be even greater than for others. Due to the special nature of the historian's trade, Aaron Gurevich pointed out, it is difficult for a historian to separate the responsibility he bears «to the society he belongs to from his responsibility to *the people of the past, whose history he studies* (hereinafter italics supplied. – Т. Кх.)» [Гуревич, 2007, с. 83].

Ethics, professional and academic

There are two main approaches to the study of ethics as a set of values and normative foundations adopted by scholarly communities. The first one is about analyzing the explicit and codified ethical requirements that exist in academia. This approach allows us to analyze the *causes* and *mechanisms* of ethical regulation, but it overlooks the *practices* of living up to ethical principles. Like in society in general, there are norms and values in academia that are not formally codified. This poses a problem for the study of ethics. One solution seems to be studying them via analysis of sources that are directly related to the work of academics, i.e. *scholarly texts* as products of intellectual activity.

In my opinion, it is a peculiarity of academics' professional ethics that it encompasses both *universal* and *specific* value orientations. The universal ones include basic norms and values that are shared by members of the scholarly community regardless of their disciplinary and institutional affiliation. A classic example of this is the ethos of science as described by the sociologist Robert K. Merton [Merton, p. 267–278] which involves *communism*, *universalism*, *disinterestedness*, and *organized skepticism*, or the ethical model built upon it by Bernard Barber [Barber, p. 126–129], which adds *rationalism* and *emotional neutrality* to the above principles.

Depending on the disciplinary affiliation, specific value orientations exist. For historians, for example, they concern the relationship with what is regarded as a primary source. A historian who studies past social reality has an *ethical responsibility* to the author of the source if the latter is manmade.

The study of academic ethics provides an opportunity to understand its role in the inner emigration of scholars and to raise new questions about the ways in which scholars whose academic career had begun before the 1917 revolution incorporated into the Soviet science and education system. Furthermore, studying their professional ethics will make it possible to identify the principles of research construction in the Soviet historiographic setting.

Professional ethics and epistemology

One of the key conditions for Veselovskiy to remain in inner emigration was the choice not only of research topics, but also of research tools. On the one hand, these tools had to fit within the scope of the acceptable in Soviet historiography; on the other hand, they had to be in keeping with his own professional ethical principles, given his desire to obtain reliable knowledge of past social reality.

In terms of epistemology, Soviet historiography – at least between the 1920s and 1950s – generally gravitated toward presentism because history,

which was based on the Marxist paradigm, came to be seen as one of the means of influencing the consciousness of the masses. Furthermore, Soviet historiography of that time was characterized by historicism. As a methodological principle of Marxist historiography, historicism meant analyzing any phenomenon, both past and present, “first, in its emergence, development and change; second, in its relationship with other phenomena and conditions of its time; third, in connection with the specific historical experience which allows to establish immediate and remote consequences of the event or process under study” [Савельева, Полетаев, с. 625].

In Veselovskiy's work, positivism and historicism are prominent. Positivism was characteristic of Veselovskiy throughout his scholarly career. Both before and after the 1917 revolution, he kept striving to draw on as many reliable sources as possible, to support his every claim by references, and to build up a rigorous, factual study. That explains his predilection for archaeography (speaking of his work prior to 1917, the publication of documents can be seen as an appendix to a two-volume study of the cadastral description of land holdings in rural and urban areas of the Russian state). These features were characteristic of Soviet Marxist historiography in general, especially during the Stalin era, although positivism acquired new features within this scholarly tradition as it overcame the bans on philosophizing, politicization, and rejection of macro-theorizing [Там же]. By contrast, in Veselovskiy's Soviet-time works these taboos were preserved. Before as well as after 1917, he showed a tendency to explore the heuristic potential of the primary sources he studied (this was manifested in his resorting to auxiliary sciences of history, especially genealogy and onomastics, for research tools). According to Veselovskiy, historical research should proceed from the primary source and begin with developing research tools for working with it, thanks to which it is possible to verify the empirical data obtained.

Historicism was most clearly manifested in Veselovskiy's studies about the evolution of servant landowners as a class that played a decisive role in the formation of the state of Muscovy. He sought to take into account the peculiarities of the epoch he was studying and to avoid one-sidedness: “Due to our proneness to see everything through rose-colored glasses and focus on people's good qualities and deeds or, on the contrary, to look at things pessimistically, we can easily lose the right criterion in assessing historical personalities unless we take into account the environment in which they lived and acted” [Веселовский С. Б., 1969, с. 96].

Sticking to the principles of historicism also manifested itself in Veselovskiy's use of terms borrowed from the source texts. This peculiarity of his writing style was noted by the editors of his *Studies on the History of the Servant Landowner Class*: “For example, the author writes ‘synclite ranks’ instead of ‘duma ranks,’ ‘stratelates’ instead of ‘the military,’ ‘shakiness’ instead of ‘hesitation,’ ‘departed’ instead of ‘quitted his service,’ etc.” [Там же, с. 5].

Veselovskiy's diary, too, shows that his ethics and his epistemology were geared to each other. In a 1928 entry, he describes the consequences of a

logically flawed approach to research: “The propensity to judge actions by their consequences, which is characteristic of people in general and historians [in particular], has found vivid expression and articulation in the Roman saying ‘Woe to the vanquished’ and in the wicked proverb ‘The victors are never judged.’ Not only can it lead the historian to false explanations of things, but it also makes him lose the ability to establish the very *facts of the past*” [С. Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках, с. 227]. Veselovskiy adhered to the principle according to which one should address, first and foremost, causes rather than consequences. This manifested itself in his genealogical studies, which he engaged in since the late 1920s, even though genealogy came to be regarded by the Soviet scholarly establishment as a discipline not recommended for researchers to work in. The fragment quoted above demonstrates Veselovskiy's value orientations as a scholar: in his hierarchy, the facts ranked higher than the narrative. He seems to have placed historical primary sources on the top of his epistemological hierarchy, which is evident in his pre-revolutionary works, above all his archaeographic studies. He valued a diligently performed publication of sources much higher than a study written on their basis, for the latter could become obsolete [Акты писцового дела, с. VI]. This suggests that for Veselovskiy as a scholar, there were no ultimate truths in science, including history. On the contrary, he believed that new sources would surface over time which, when compared with the already known ones, might shed a new light on our previous ideas about the people of the past and their deeds. He maintained the same views throughout his inner emigration time as he continued his efforts to explore the heuristic potential of sources, as manifested, for example, in his studies in auxiliary sciences of history such as genealogy, onomastics, and historical geography, in which he often drew on the same sources.

Veselovskiy's views on history as a science were different from those of Soviet presentist historiography. Whereas from the perspective of Soviet presentism history was to serve the present and future political and ideological needs of the country, Veselovskiy believed that history as a science was valuable in that it allowed to find ways for historians to approach the true knowledge of the past.

Scholarly ethos

When it comes to academic ethics, the imperatives proposed by Robert K. Merton [Merton, p. 267–278] for the ethos of science cannot be ignored. These imperatives, which were listed above, were upheld by many of Veselovskiy's contemporaries, but for the present study it is necessary to understand in what forms they manifested themselves.

Disinterestedness was typical of Veselovskiy. If one views the Stalin-time Soviet academia member's life as a struggle for symbolic capital (e. g. in the form of a cherished position, or authority, or salary, etc.), then Veselovskiy was a passive participant, if any. His main motive was the pursuit of truth not of benefits. This is testified to by his wife who wrote in her diary in 1943

that Veselovskiy was impelled to study Ivan the Terrible's time by reading the first part of Valentin Kostylev's novel about this tsar, which the editors of the *Literaturnaya gazeta* asked him to review: «At first St[epan] Bor[isovich] gave it the air, then he became so angry at the 'lies' in the novel and in the reviews that he began to write even more conscientiously than this novel deserved... St[epan] Bor[isovich] has been carried away by the subject. He is writing not so much about Kostylev's novel as about Ivan the Terrible himself» [С. Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках, с. 239].

Notes left by members of Stepan Veselovskiy's family are of value when it comes to the understanding of his daily scholarly work and the circumstances in which he worked. In the memoirs and diaries of his son Vsevolod², he is portrayed as a person for whom scholarly work represented a supreme value. What Vsevolod mentioned most often in entries devoted to his father's life in the Soviet time were the circumstances that hampered scholarly work. The second most often mentioned subject was the collection of books that his home library boasted, and again scholarly work, its course, and results [Веселовский В. С., с. 289, 310, 322–323, 394, 609–610]. Veselovskiy Jr. stressed that his father avoided teaching and sought to concentrate on research, at least in the 1920s and early 1930s: “My father filled most incredible positions working for the library of the Supreme National Economy Council, for the Currency Administration of the People's Commissariat of Finance, etc. He did not want to work at educational institutions, although many of his colleagues were well settled professors. Once, however, he yielded to the temptation and began to lecture at the Communist University of the Workers of the East (KUTV)... He complained that he was unable to engage in research. The Academy of Sciences leads a miserable existence and is eyed askance by the authorities. Science in general is not in favor” [Там же, с. 323].

The question of why a scholar engages in research should also be categorized as ethical. Many of the works Veselovskiy prepared for publication, mainly in the 1930s and 1940s, were never published during his lifetime. He hoped that his work would be recognized by the posterity, as he noted in his diary in 1940: “This urge to keep replenishing the stock of facts for the history of thought is largely to do with habit and inertia, and it is only occasionally that the thought flashes up and comes to my mind that my work might be useful to somebody someday: *future generations, future Russia*” [С. Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках, с. 235]. Despair over the delay of publication and, at the same time, hope that in the future his studies would find their readership lasted until the last years of the scholar's life. In a letter to Nikolay Ustyugov of October 9, 1950, Veselovskiy expressed his indignation about his article for the *Istoricheskie zapiski* being detained by the editor for about four years and concluded:

---

² The memoir volume includes diary entries and letters by Vsevolod Veselovskiy as well as other persons. For archaeological and source criticism, see issues with this publication: [Холматов, с. 294–295].

“All this is very sad. At that, I have written and prepared for publication another five or six similar articles on source criticism! It looks as though they might be printed after my death by friends and admirers of my talents” [Переписка С. Б. Веселовского, с. 488].

As the above excerpts show, the difficulties in publishing Veselovskiy experienced between the 1930s and 1950s, especially during the ideological campaigns of late Stalinism, did not overturn his adherence to *communism* as an imperative of the ethos of science. Veselovskiy did seek to share the results of his research, but this was hindered by delays in the publication and by some of his manuscripts being lost in editor's offices, probably for ideological reasons [С. Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках, с. 233–234; Переписка С. Б. Веселовского, с. 492–493].

Most pronounced among the imperatives of ethos in Veselovskiy's scholarly work was *organized skepticism*, which implied criticism as a *conditio sine qua non* for the development of scholarly knowledge. Veselovskiy maintained a critical attitude toward dogmatic Soviet methodology and strove to go beyond it, enriching science with new approaches and new views on established matters. In his book *Feudal Landownership in North-Eastern Rus'* [Веселовский С. Б., 1947], published at the height of the ideological campaigns of late Stalinism, Veselovskiy, drawing on Western historiography, highlighted the value of retrospective approaches to studying legal issues concerning landownership in North-Eastern Rus' between the fourteenth and the sixteenth centuries. He was inspired to turn to retrospective approaches by Frederic Arthur Seebohm's and Frederic William Maitland's works on the history of England. By analogy, Veselovskiy sought to use the English historians' retrospective approach to analyze source texts related to legal relations in North-Eastern Rus'. Furthermore, Veselovskiy emphasized the possibilities offered by the comparativist approach to the study of legal relations, pointing to its use in the works by the English historian and forefather of the sociology of law Sir Henry James Sumner Maine and the French historian Numa Denis Fustel de Coulanges [Там же, с. 9–13].

Organized skepticism can also be traced in Veselovskiy's use of genealogy, onomastics, and historical geography as research methods which he applied even though the development of auxiliary sciences of history was suspended in the USSR between the 1920s and the 1950s, apparently because of possible continuity with the legacy of pre-revolutionary historians. Taken together, all this suggests that for Veselovskiy, there were no limits to the choice of research objects or approaches, and the task of the researcher as he saw it was to develop the most effective way to study a particular aspect of past social reality.

The ethical principles of a scholar and those of a person

Veselovskiy's diaries provide an opportunity to access the ethical aspects of his personality as well. For example, the entry from March 28, 1918, contains an observation concerning the effects of World War I: “By now, my predictions have come more than true, but my opinion of the people

has not changed, that is, it has not become worse. The rabble remained the rabble. If not for the world war, the misunderstanding might hold on for another dozen or so years, but the ending could have been foreseen. The last branches of the Slavic race proved to be just as incapable of assimilating and further developing European culture and of building a stable state, as other branches that had fallen into slavery before” [Веселовский С. Б., 2000, № 6, с. 99]. Similar thoughts are to be found in the memoirs of his son, too [Веселовский В. С., с. 73].

The diaries also reflect contradictory views concerning the causes of the growing anti-Semitic sentiments in the early 1920s. In an entry from April 3, 1923, Veselovskiy Sr., on the one hand, views the surge of anti-Semitism in Russia as a pressing social issue. On the other hand, he partly explains this surge with certain “national traits” of the Jews themselves: “The surge of anti-Semitism is just striking. It is rising not only in the lower strata, with whom I have little and rarely come into contact, but also in the upper ones, which is much more significant. Everyone is talking about the Jews and their role in the revolution and recently in making use of its achievements, sometimes exaggerating, as usual, their malignancy. <...> The impudence and tactlessness of the Jews, two of their national traits, further the surge of anti-Semitism greatly” [Веселовский С. Б., 2001, № 2, с. 71].

The sources available to us do not make it possible to assess the stability of these thoughts (i. e. to regard them as a person’s deeply rooted convictions rather than an emotional response to certain current events), including during the period of inner emigration. They only allow us to raise new questions for the further study of Veselovskiy’s personality. In view of the research tasks set in this article, the question arises: to what extent were his personal ethical attitudes reflected in his scholarly writings? The excerpts from his diaries quoted above referred to events of Veselovskiy’s time and not to events of the past he studied. An assumption can be made that scholarly work that apparently was the cornerstone of Veselovskiy’s value system was also a basic element of his self-justification. This is especially evident in the memoirs of his son, who stressed that for his father, “the meaning of life lies in scholarly work alone” [Веселовский В. С., с. 322]. For Veselovskiy in his inner emigration, scholarly work was not only “the meaning of life”, but also a way of existence, an escape from reality.

* * *

In the community of historians, Stepan Veselovskiy is remembered as an outstanding scholar who in the Stalinist period remained faithful to the ideals of history as a science. He could, perhaps, be seen as an example for later generations of scholars to follow, especially when his scholarly legacy was published in the late Soviet time. If Veselovskiy became a classic of Soviet and post-Soviet historical scholarship, it was probably due not only to the impact of his works but also to his ethical principles as an academic person. This, however, is a question that deserves a separate study.

Список литературы

Акты писцового дела: материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве : в 2 т. / собр. и ред. С. Б. Веселовский. М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913–1917. Т. 1. Акты 1587–1627 гг. XIII, 666 с.

Веселовский В. С. Проблемы нашей жизни : Воспоминания : в 2 т. / публ. В. В. Веселовского ; коммент. и указ. имен В. А. Соломонова. М. : Новый хронограф, 2018. Т. 1. 1900–1945. 1008 с.

Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 496 с.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев / под ред. В. И. Шункова, С. М. Каштанова. М. : Наука, 1969. 582 с.

Веселовский С. Б. Дневники 1915–1923, 1944 // Вопр. истории. 2000. № 6. С. 93–111. № 9. С. 114–133. № 10. С. 113–140. № 11–12. С. 59–77. 2001. № 2. С. 69–83.

Гуревич А. Я. Двойкая ответственность историка // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 74–84.

Гуревич А. Я. История историка. М. ; СПб. ; Центр гуманитар. инициатив, 2012. 285 с.

Дубровский А. М. Историки в 1930-х гг. : Судьбы и восприятие жизни. М. : ЦИ-ОГНИС, 2018а. 280 с.

Дубровский А. М. Неформальные организации профессоров в 1917–1923 гг. // Вестн. Брянск. гос. ун-та. 2018b. № 4 (38). С. 21–28. DOI 10.22281/2413-9912-2018-02-04-21-28.

Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками / под ред. С. А. Левиной, Б. В. Левшина ; сост. Л. Г. Дубинская и А. М. Дубровский. М. : Древлехранилище, 2001. 528 с.

С. Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX вв. : сб. ст. и материалов. Вып. 3 / подг. А. М. Дубровский. Брянск : Изд-во Брянск. гос. ун-та, 2004. С. 215–241.

Савельева И. М., Полежаев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. СПб. : Наука, 2006. Т. 2. 751 с.

Сидорова Л. А. Духовный мир историков «старой школы»: эмиграция внешняя и внутренняя. 1920-е годы // История и историки : историограф. вестн. М. : Наука, 2003. С. 168–191.

Холматов Т. К. «Из этого можно сделать книгу...»: воспоминания В. С. Веселовского «Проблемы нашей жизни» // Новое прошлое. 2019. № 3. С. 292–298. DOI 10.23683/2500-3224-2019-3-292-298.

Barber B. *Science and the Social Order*. Glencoe : Free Press, 1952. 288 p.

Merton R. K. *The Sociology of Science*. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1973. 636 p.

References

Barber, B. (1952). *Science and the Social Order*. Glencoe, Free Press. 288 p.

Dubrovskiy, A. M. (2018a). *Istoriki v 1930-kh gg. Sud'by i vospriyatye zhizni* [Historians during the 1930s. The Fate and Perception of Life]. Moscow, TsIOGNIS. 280 p.

Dubrovskiy, A. M. (2018b). *Neformal'nye organizatsii professorov v 1917–1923 gg.* [Informal Organizations of Professors in 1917–1923]. In *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (38), pp. 21–28. DOI 10.22281/2413-9912-2018-02-04-21-28.

Gurevich, A. Y. (2007). *Dvoyakaya otvetstvennost' istorika* [The Dual Responsibility of a Historian]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3, pp. 74–84.

Gurevich, A. Y. (2012). *Istoriya istorika* [The History of the Historian]. Moscow, St Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 285 p.

Kholmatov, T. K. (2019). “*Iz etogo mozjno sdelat' knigu...*”: vospominaniya V. S. Veselovskogo “*Problemy nashei zhizni*” [“It could be a book”: *The Problems of Our Life*, Memoirs of V. S. Veselovskiy]. In *Novoe proshloe*. No. 3, pp. 292–298. DOI 10.23683/2500-3224-2019-3-292-298.

Levina, S. A., Levshin, B. V., Dubinskaya, L. G., Dubrovskiy, A. M. (Eds.). (2001). *Perepiska S. B. Veselovskogo s otechestvennymi istorikami* [Correspondence of S. B. Veselovskiy with Russian Historians]. Moscow, Drevlekhranilishche. 528 p.

Merton, R. K. (1973). *The Sociology of Science*. Chicago, Univ. of Chicago Press. 636 p.

S. B. Veselovskiy v pis'makh, memuarakh, dnevnikakh [S. B. Veselovskiy in Letters, Memoirs, Diaries]. (2004). In *Otechestvennaya kul'tura i istoricheskaya mysl' XVIII–XX vv. Sbornik statei i materialov*. Iss. 3. Bryansk, Izdatel'stvo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 215–241.

Savel'eva, I. M., Poletaev, A. V. (2006). *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya v 2 t.* [Knowledge of the Past: Theory and History. 2 Vols.]. St Petersburg, Nauka. Vol. 2. 751 p.

Sidorova, L. A. (2003). Dukhovnyi mir istorikov “staroi shkoly”: emigratsiya vneshnyaya i vnutrennyaya. 1920-e gody [The Inner World of “Old School” Historians: External and Internal Emigration. 1920s]. In *Istoriya i istoriki: istoriograficheskii vestnik*. Moscow, Nauka, pp. 168–191.

Veselovskiy, S. B. (2000–2001). Dnevniky 1915–1923, 1944 [Diaries 1915–1923, 1944]. In *Voprosy istorii*. (2000). No. 6, pp. 93–111. No. 9, pp. 114–133. No. 10, pp. 113–140. No. 11–12, pp. 59–77. (2001). No. 2, pp. 69–83.

Veselovskiy, S. B. (Ed.). (1913–1917). *Akty pistsovogo dela: materialy dlya istorii kadastra i pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve* [Acts of the Scribe's Activity: Materials for the History of Cadaster and Direct Taxation in the Moscow State]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. Vol. 1. Akty 1587–1627 gg. XIII, 666 p.

Veselovskiy, S. B. (1947). *Feodal'noe zemlevladienie v Severo-Vostochnoi Rusi* [Feudal Landownership in North-Eastern Rus']. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 496 p.

Veselovskiy, S. B. (1969). *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [Studies on the History of Landowning Servicemen] / ed. by V. I. Shunkov, S. M. Kashtanov. Moscow, Nauka. 582 p.

Veselovskiy, V. S. (2018). *Problemy nashei zhizni. Vospominaniya v 2 t.* [The Problems of Our Life. Memoirs. 2 Vols.] / ed. by V. V. Veselovskiy, V. A. Solomonov. Moscow, Novyi khronograf. Vol. 1. 1900–1945. 1008 p.

The article was submitted on 06.12.2020

Margarita N. Kozhina's Way in Language Studies*

Elena Bazhenova

Perm State University,
Perm, Russia

This article presents a scholarly biography of Margarita Kozhina (1925–2012), the founder of the well-known Perm School of Stylistics and professor at Perm State University. She developed the theory of functional stylistics, which revealed and described the regularities of stylistic differentiation in literary Russian. In the early 1960s, Kozhina was one of the first researchers in Russian linguistics to study issues of language functioning and form a new scholarly direction, namely speech studies. Based on an interdisciplinary approach, she defined the main categories of functional stylistics. The latter was regarded as the most important component of speech studies. Kozhina's papers organically entered the episteme of the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. They marked the turn of linguistics from the system-structural paradigm of studying language to the functional one. Kozhina developed the stylistic-statistical method of speech analysis. A statistical survey of the linguistic side of functional styles allowed her to make conclusions about the interaction of linguistic and extra-linguistic factors in speech. Kozhina authored more than 200 scholarly publications, including 8 monographs and the first Russian textbook on Russian-language stylistics. She was a member of the International Committee of Slavists and the editorial boards of several scholarly journals, including *Stylistyka* (Poland) and *Styl* (Serbia). The article describes Kozhina both as a prominent theorist and a remarkable organiser of scholarship. She initiated 20 collections of academic works on stylistics, some international conferences, a three-volume collective monograph on the history of Russian scholarly style from the eighteenth to the twentieth centuries, and the first *Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language* (a compendium of knowledge on functional stylistics). The author describes Margarita Kozhina as a talented researcher and an unusually strong personality, who managed, having overcome dramatic circumstances, to make an important contribution to European studies of language.

Keywords: scholarly biography, Margarita Kozhina, functional stylistics, speech studies, functional style of speech, Perm School of Stylistics

---

* *Citation:* Bazhenova, E. (2022). Margarita N. Kozhina's Way in Language Studies. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 709–720. DOI 10.15826/qr.2022.2.697.

Цитирование: Bazhenova E. Margarita N. Kozhina's Way in Language Studies // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 709–720. DOI 10.15826/qr.2022.2.697.

Представлена научная биография создателя Пермской стилистической школы, профессора Пермского государственного университета М. Н. Кожиной (1925–2012), разработавшей теорию функциональной стилистики, в рамках которой выявлены и описаны закономерности стилевой дифференциации литературного языка. В начале 60-х гг. XX в. М. Н. Кожина одной из первых в российском языкознании обратилась к изучению проблем функционирования языка и к формированию нового научного направления – речеведения. На базе междисциплинарного подхода она определила основные понятия и категории функциональной стилистики как важнейшей речеведческой науки. Труды М. Н. Кожиной органично вписались в эпистему второй половины XX – начала XXI в. и ознаменовали собой поворот лингвистики от системно-структурной парадигмы изучения языка к функциональной. Ею был разработан стилостатистический метод анализа речи. Статистическое обследование языковой стороны функциональных стилей привело к выводам о взаимодействии в речи лингвистических и экстралингвистических факторов. М. Н. Кожина – автор более 200 научных трудов, в том числе восьми монографий и первого в России учебника по стилистике русского языка. Профессор М. Н. Кожина входила в состав Международного комитета славистов и редколлегии ряда научных изданий, в том числе журналов *Stylistyka* (Польша) и *Стил* (Сербия). В предлагаемой статье М. Н. Кожина показана не только как крупный ученый-теоретик, но и как выдающийся организатор науки. По ее инициативе было подготовлено 20 сборников научных трудов по стилистике, проведено несколько масштабных конференций, опубликована трехтомная коллективная монография по истории русского научного стиля XVIII–XX вв., издан первый в России *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, ставший компендиумом знаний по функциональной стилистике. Маргарита Николаевна предстает талантливым исследователем и необыкновенно сильным человеком, которому удалось, преодолев драматические обстоятельства жизни, внести свой вклад в европейское языкознание.

Ключевые слова: научная биография, Маргарита Кожина, функциональная стилистика, речеведение, функциональный стиль речи, Пермская стилистическая школа

Margarita Nikolaiyevna Kozhina was born on 1 August 1925 in Kyshtym, a small town in Chelyabinsk region between the southern and central Urals. After graduating from the Moscow Forestry Academy, her father, Nikolai Ivanovich, brought his family (his wife and his two daughters, Margarita and Irina) to Perm. The choice of the young forestry specialist was determined by the fact that Perm region had always been famous for its woods.

The Kozhins were fond of music: in the evenings, the father often played the piano and the mother, who had a good voice, sang opera arias. The girls were taught music from an early age. First, their parents were their instructors, and then the girls attended a music school. During the Great Patriotic War, they were taught by the Leningrad organist Professor I. Braudo, evacuated to Perm.

Margarita saw her first opera performance (Tchaikovsky's *Eugene Onegin*) when she was three years old. She never forgot the evening. Later, the Kozhin sisters tried not to miss the concerts of famous pianists and violinists on tour in Perm: D. Oistrakh, E. Ghilels, and L. Oborin. In her youth, Beethoven, Mozart, and Bach were Margarita's idols. In her mature years, she would listen to Chopin's music endlessly.

"Music is my soul," she used to say, "without music, I could not live" [Наш юбилей, с. 18].¹ Attending European congresses of Slavists, she always tried to go to concerts of chamber music, preferring the rarely performed works of the seventeenth and eighteenth centuries.

During the Great Patriotic War, many famous writers, opera singers, ballet dancers, and actors were evacuated, together with their theatres, to Perm. Margarita took part in the drama studio directed by T. Orlova, an actress of the Leningrad Theatre of Young Spectators. In addition to drama, Margarita was interested in the history of architecture. Having left school, she decided to enter the Leningrad Architectural Institute. But the war made her dream impossible.

In the autumn of 1943, following Orlova's advice, Margarita entered the Faculty History and Philology at Perm State University (PSU). She graduated from PSU cum laude in 1948 [Кожина, б. г.].

Perm University (founded in 1916) became Kozhina's second home for almost 70 years. "I owe everything to the university," she once said. "Its special atmosphere, its teachers, students, and postgraduate students... The university is my whole life: joys and sorrows, and my first love. It was no accident that I always rejected very tempting invitations from other universities. I was invited to the Institute of the Russian Language in Moscow by the director himself, Prof. F. P. Filin. One of the universities promised to give me a million dollars to study the connection between psychology and speech, to identify patterns of reflection in the text of different types of thinking. It was such a tempting offer! Yet I stayed in Perm" [Наш юбилей, с. 18]. Being an honourable professor of Perm State University, Margarita Nikolaiyevna named her *alma mater* "a great blessing" for her.

Her student years fell during the hard war and post-war periods. People lived half-starving, the university lecture halls were not heated in winter, and students and lecturers had to keep their coats on. Under her mother's coat, Margarita wore a blouse "without a back", making it useless. Nevertheless, there were brilliant Moscow and Leningrad lecturers (professors evacuated to Perm). Their erudition and enthusiasm stimulated the students to spend hours in the library after classes. Working 15–16 hours a day became a norm for Margarita Nikolaiyevna for the rest of her life.

M. N. Kozhina.
Photograph. 1970s

¹ This article contains interviews with Kozhina published in the anniversary book of the Department of Russian Language and Stylistics at the PSU [Наш юбилей] and the essay *Overcoming* by a Perm journalist [Журавлев].

Margarita Nikolaiyevna owed her enthusiasm for linguistics to I. M. Zakharov (1885–1958), head of the chair of linguistics and the supervisor of her thesis (on the style of Sholokhov's *And Quiet Flows the Don*). Afterwards, Zakharov drew Kozhina's attention to a discussion in a linguistic journal, thus playing a decisive role in her academic biography.

Paying tribute to Zakharov and other mentors who shaped her personality as a scholar, Margarita still regarded her father as her main preceptor. Indeed, Nikolai Ivanovich was a multitalented person, an excellent mathematician and a researcher by nature. "For me, my father is not just a parent," she said, "he is also a friend, an associate, and a person who supported me in my scholarly activities and stimulated the results of these activities. Mentally, my father was a real analyst" [Наш юбиляр, с. 15]. She defined her analytical principles and carried out mathematical calculations in a creative union with her father. Margarita Nikolaiyevna dedicated her first textbook on stylistics to the memory of her beloved father, teacher, and friend.

During her postgraduate course at the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences (Leningrad branch), she was given a topic related to dialectology. Kozhina's scholarly adviser was N. P. Grinkova (a follower of Academician A. A. Shakhmatov), a founder of the Leningrad School of Russian dialectology. But then a dramatic event happened. During an expedition to the northern Kama region, Margarita had to pull a boat with students inside, standing waist-deep in cold water. Then she had to spend the whole night on the cold ground. "Since that time, I fell ill" [Наш юбиляр, с. 21]. Her legs began to fail her. The diagnosis was *myopathy* (a disease resulting in muscle atrophy). As a result, expeditions had to be abandoned. And without folk speech written down in the field, it was impossible to become a real researcher in dialectology.

Kozhina's scholarly theme changed, and a new tutor was appointed for her: Professor S. G. Barkhudarov, an authoritative researcher on old Russian. In 1953, Kozhina became a PhD (*kandidat nauk*, the first advanced degree in Russia). The subject of her research was *Verb Morphology in the Vedomosti Newspaper in the Time of Tsar Peter the Great*. Barkhudarov appreciated the intellectual independence and exceptional responsibility of his postgraduate student. He did not interfere in her research; he approved the entire dissertation after having received only a dissertation abstract.

Among those who left an imprint on Kozhina's views were such scholars as V. V. Vinogradov, B. A. Larin, and F. P. Filin. She also considered quite a number of Russian and East European linguists to be outstanding researchers. Professor A. N. Vasilyeva (Pushkin Institute of Russian Language) was the first who appreciated the power of Kozhina's law of speech systematicity. She verified the law by referring to artistic, scholarly, journalistic, and colloquial speech. Professor V. G. Kostomarov (the founder of the institute mentioned above) revealed the "fusion of expression and standard" as a specific feature of newspaper texts by relying on Kozhina's notion of stylistic features [Костомаров, с. 47]. The works of Professor A. A. Leontiev (Moscow State University)

helped establish the connection of psycholinguistics with stylistics. Professor O. B. Sirotinina (head of the Saratov School of Stylistics) supported Kozhina in her polemics with professors E. A. Zemskaya and O. A. Lapteva about the status of colloquial speech. V. V. Odintsov (senior researcher of the Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, the author of one of the first books on text stylistics in Russia) was named by Kozhina "a paragon of scholarly enthusiasm" [Наш юбиляр, с. 17]. Professor T. V. Matveeva (Ural University) made a great contribution to the development of Kozhina's idea of the categorical-textual method.

Kozhina had a good relationship with the leading representatives of the Prague School: professors B. Gavranek, K. Hausenblas, and I. Kraus. The ideas of the Czech linguists served as a stimulus for her to determine the style-forming extra-linguistic factors of functional styles.

Intensive scholarly contacts connected Kozhina and Professor Stanislaw Gajda (University of Opole, academician of the Polish Academy of Sciences). Their friendly correspondence lasted for over 30 years. Margarita Nikolaiyevna admired Gajda's unique ability to find productive directions in style and to brilliantly implement innovative scholarly projects, attracting like-minded persons from various European countries. Margarita Nikolaiyevna recognised the merits of other researchers. There was no room for envy or intrigue in her personal discourse. Working on the programme *Synthesis of Slavic Stylistics* proposed by Gajda, Margarita Nikolaiyevna once said: "He works so hard!.. I also admire his incredible kindness" [Наш юбиляр, с. 16]. These words were not only high praise for a Polish colleague, but also sincere gratitude. The point is that in the many hard years (the 1990s, the years of *perestroika*) when Russian scholars had to take up any work to feed their families, Gajda paid Margarita Nikolaiyevna (in hard currency) for her articles in the international journal *Stylistyka*, his creation.

It was Gajda who defined Kozhina's place in the world of linguistics by awarding her the title of an honorary professor at the University of Opole and issuing a special 800-page issue of *Stylistyka* entitled *Kozhina and Stylistics* (*Stylistyka*, XIV): "...Few scholars are so honoured to have a huge book named after them. And not as an epitaph, but in their lifetime" [Журавлев, с. 109]. At the inauguration ceremony of the honorary professor in May 2010, Gajda introduced Kozhina as *the first lady of Russian and world linguistics, a star of the first magnitude*.²

Her illness did not break her will, even though it subdued her "physical" life. From her postgraduate days onwards, Margarita Nikolaiyevna struggled against the illness. It became increasingly difficult for her to come to university, then to move even around her flat. Later, the illness confined her to her bed. If you had to express what fate had predestined for her in a word, it would be *overcoming*.

Despite the illness that disabled Margarita Nikolaiyevna for nearly 20 years, she managed to follow the thorny path of a pioneer researcher, to

---

² From the personal notes of the author of the article, who was present at that ceremony.

realise her life programme, and to enjoy the recognition of her scholarly ideas by the academic community. To better understand the contribution to linguistics of this unique scholar, let us go back to the middle of the twentieth century.

Professor V. A. Salimovsky (PSU, Kozhina's postgraduate student; he developed the functional-stylistic conception of scholarly speech genres) analysed his teacher's scholarly heritage and described the situation in Slavic stylistics before 1950s in detail: "the 1920s and 1930s were the period that started the formation of the basic provisions of the new direction of stylistic research. From the mid-twentieth century, the situation in functional stylistics began to be perceived as critical: the coherent theory of functional styles remained undeveloped, and the general picture of scholarly ideas seemed to be eclectic. The disputes on stylistic problems in Soviet and Czechoslovak linguistics intensified scholars' efforts to elaborate the functional-stylistic theory. However, it took a new generation of linguists two and a half decades to formulate the theory: A. N. Vasilyeva, B. N. Golovin, Kozhina, V. G. Kostomarov, O. B. Sirotinina, K. Gausenblas, A. Yedlichka, M. Yelinek, I. Kraus, J. Mistrick, etc." [Салимовский, с. 574].

Zakharov advised the novice lecturer Kozhina to get acquainted with the discussion on language and speech issues in the journal *Topics in the Study of Language* (1954–1955). Margarita Nikolaiyevna wrote: "At that time it was not possible for me to look through the scholarly literature closely. My academic workload was 800 hours, all lecture courses were new to me. I had to carry out five different courses simultaneously! I lived from lecture to lecture, it was very hard for me... But when I. M. Zakharov drew my attention to the discussion on linguistics, I found it so interesting! I. M. Zakharov pushed me towards the topic that I continued to research for the rest of my life" [Журавлев, с. 117–118].

The conferences at the M. Torez Moscow Institute of Foreign Languages in the late 1960s and early 1970s were a powerful stimulus to her scholarly research. They were organised by Professor G. V. Kolshansky, one of the leading specialists in Germanic and general linguistics. "Each conference was a great scholarly event," Margarita Nikolaiyevna said, "I remember the discussion about the correlation between language and speech. It was this conference that determined my interest in speech studies" [Наш юбиляр, с. 12].

The scale of Kozhina's intentions can be seen in the titles of her first monographs: *On the Peculiarities of Artistic and Scholarly Speech in the Aspect of Functional Stylistics* [Кожина, 1966], *On the Bases of Functional Stylistics* [Кожина, 1968], and *About Speech Systematicity of the Scholarly Style in Comparison with Some Other Styles* [Кожина, 1972]. Very soon specialists will call these fundamental works *Kozhina's trilogy* and *the primary source of stylistic science*, along with the textbook *The Stylistics of the Russian Language*, which was awarded a bronze medal at the All-Union Exhibition of Achievements of the Soviet Economy [Кожина, 1977a]. These books became compulsory for philology students from China to Western Europe.

The newness of Kozhina's theory relates to revealing the extra-linguistic bases of functional styles. Polemising with Ferdinand de Saussure and his followers (structuralism still dominated in linguistics in the 1960s–70s), Kozhina defended new ideas about the subject of linguistics. In her opinion, speech in its extra-linguistic conditionality had to become such a subject. Relying on the ideas of her predecessors (V. V. Vinogradov, L. P. Yakubinsky, G. O. Vinokur, R. A. Budagov, and the scholars of the Prague school), Kozhina defined a complex of style-forming extralinguistic factors: the forms of social awareness (science, art, law, politics, etc.) and corresponding types of activity; they in their turn determine the scope of communication, type of thinking, and type of content.

The formation of a conceptual system of speech study (functional style, extra-linguistic factors, speech systematicity, stylistic meaning, functional-stylistic colouring, style feature, style norm, etc.) ensured the explanatory power of this theory. Each of the concepts represented Kozhina's viewpoint on the problems under discussion in 1954–55.

The fiercest polemics arose around functional style as the key notion, which at that time was used, as a rule, with the proviso *so-called*. Prof. Y. S. Sorokin, for example, defined style as a manifestation of the speaker's individual properties. V. V. Vinogradov stressed the correlation between style and social practice. While generally agreeing with Vinogradov, Kozhina contested his interpretation of style as an aggregate of language usage techniques. She accentuated the speech nature of a style. This idea is reflected in the following definition: "We define the functional style of speech as a quality of historically developed and socially conscious speech variety; functional style is determined by one or another sphere of social activity and correlative form of social consciousness. It is coloured due to the peculiarities of language means functioning in this field of communication and the speech organisation used in the field. Speech organisation has its norms of selection and combination of language units (of all levels) according to the specific tasks of communication" [Кожина, 1970, с. 10].

Kozhina's speech systematicity concept essentially refuted arguments of Russian stylistics dating back to Mikhail Lomonosov. According to the established tradition, the linguistic aspect of style was associated with a set of stylistically coloured signs: i.e., metaphors – in artistic style, terms – in scholarly style, officialese – in official business style, etc. Kozhina wrote: "We argue that the style of speech is created... by means of a special *speech* system (different from *linguistic* system), a special *organisation* of speech, peculiar to each field of communication..." [Кожина, 1970, с. 5]. In my opinion, the idea of speech systematicity can be put on a par with the outstanding scholarly discoveries of twentieth-century humanities.

More than any other thing, Kozhina was a theorist: "I always believed that theory must come first. I am convinced first there has to be a hypothesis, and then it must be either confirmed by analysis of the material or not... Of course, an idea is born on the basis of preliminary observations, and it requires the analysis of a large volume of concrete facts" [Наш юбилей, с. 13].

Kozhina developed a special stylistical-statistical method to check her hypotheses. The method allowed her to confirm the validity of a theory. Working on the 1972 monograph, she carried out such an analysis on over two million (!) text fragments. Salimovsky writes, “the development of the stylistic concept of language use in real communication marked the exit of functional stylistics from its crisis and provided its subsequent intensive development on its own theoretical basis” [Салимовский, с. 576].

Kozhina’s monographs did not go unnoticed either in Russia or in Austria, Germany, China, the Netherlands, Poland, and Czechoslovakia. Kozhina’s works started to be actively quoted and translated into other languages. A direct path to international recognition was opened by the Slavic congresses in Prague (1968) and Warsaw (1973). At one of the congresses, she entered into a heated debate with a Bulgarian linguist on the subject of speech varieties of language. It became evident to all the people present that the Slavic languages had acquired a theorist of great magnitude. Margarita Nikolaiyevna always defended her scholarly ideas uncompromisingly. At the same time, she was always serious about the argumentative analysis of her scholarly works by researchers abroad. She sustained constant correspondence with many of them and considered the invitation to the International Committee of Slavists the highest estimation of her foreign colleagues. Thanks to international congresses of Slavists, Kozhina’s fame and prestige were growing. Scholars from different countries began to seek meetings with her and send her their publications. Some curious incidents resulted from these international contacts.

From the beginning of the Great Patriotic War until the 1990s, Perm was a city closed to foreigners, as many defence enterprises were evacuated there from German-occupied Soviet territories. Every permissible contact with foreigners became a newsworthy case. Paradoxically, the cutting edge of Eurasian linguistics in the 1970s and 1980s arose in Perm thanks to Kozhina’s works. Immersed in scholarly research, Margarita Nikolaiyevna was far from politics. In *Zvezda*, a Perm local newspaper, there appeared an article entitled *Florence Answers Perm*. It informed the readers that Kozhina (an assistant professor at Perm University at the time) had received a parcel from Italy with a review of her scholarly publications on stylistics and a book presented by a Florentine professor. So unusual was this in those years that a commotion arose at the Department of the Russian Language and Stylistics. And here is another international-level case: one of Kozhina’s books was translated in China at a time when relations between the USSR and China had deteriorated drastically. One day, a Soviet Foreign Ministry official delivered her the translated book. “You are contributing to the diminution of tension between our two countries,” said the official [Журавлев, с. 122].

Margarita Nikolaiyevna was always aware of her aim in scholarship and never simplified the tasks she had set for herself. This was confirmed by an instructive and rather unusual fact connected with her doctoral thesis. In 1966, after the publication of Kozhina’s first monograph, N. A. Meshchersky, a well-known Leningrad linguist, visited Perm University as a Ministry

of Education representative. Estimating the monograph to be a finished doctoral thesis, he offered Kozhina his help in organising the defence of her doctoral thesis. Margarita Nikolaiyevna's answer was categorical: "I do not need it. My plan is to write three books and only then to defend my doctoral thesis" [Журавлев, с. 123]. The plan was fulfilled in five years; in December 1970, she successfully defended her dissertation *Issues of Specificity and Systematicity of Functional Speech Styles* [Кожина, 1970] at Moscow State University (Faculty of Journalism). Professors O. S. Akhmanova, A. P. Evgeniyeva, and A. A. Leontiyev were her official opponents. After the defence, Kozhina's reputation in Slavic stylistics was definitively asserted.

In the years to follow, intensive work was carried out on a textbook on stylistics. The textbook went through three editions [Кожина, 1977a]. The fourth edition was co-authored with her postgraduate students L. R. Duskaieva (now of St Petersburg State University) and Salimovsky mentioned above [Кожина, Дускаева, Салимовский].

From the 1970s to the 1990s, Kozhina extended the main points of her theory to diachronic and synchronic comparative studies of functional styles [Кожина, 1977b]; the stylistics of text was elaborated as one of the main linguistic subjects [Кожина, 1980]. Kozhina paid special attention to the dialogical nature of a written scholarly text [Кожина, 1986]. Rejecting the notions existing at the time, that dialogue is just one stylistic device, in her 1986 monograph Margarita Nikolaiyevna developed the ideas of Mikhail Bakhtin about the dialogical nature of formally monological text in academic writing.

In 1971, Kozhina's postgraduate school was officially opened at PSU: thus, her scholarly school started to be created. From that time onwards, the scholarly style of speech in its evolution became the main subject of Perm researchers of style. They explored the regularities of using language units and the semantic structure of a text as a whole. The kind of science, the text genre, and the speech individuality of the text author, etc., were taken into consideration. The results of this research were published [Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.]. Professor K. E. Stein (Stavropol University) wrote, "this unique work was a true testimony to the significance of the Perm school of functional stylistics. Kozhina's programme was in itself an *extensive text* associated with the study of functional styles, and scholarly style in particular" [Штайн, с. 28, 31].

On Kozhina's initiative, 20 collections of papers on stylistics were published, and a few international conferences were held: 23 PhDs and 4 Drs. Hab. were trained. In 1999, Kozhina inspired her followers from some Russian universities to create an encyclopaedic stylistic dictionary of the Russian language, a kind of compendium on functional stylistics. In 2003, the dictionary was released [СЭС]. Reviews and feedback emphasised Kozhina's role in the realisation of this large-scale project: "The publication of the *Stylistic Dictionary* is an event not only in Russian stylistics... The paradigm of functional stylistics is the theoretical and methodological basis of the

dictionary. Starting in the 1960s, Kozhina made a huge contribution to the development of the paradigm” [Gajda, s. 397–398]. “Prof. Kozhina’s scholarly school is a unique phenomenon in Russian and even worldwide linguistics,” states a review by Professor L. A. Shkatova (Chelyabinsk State University).

Only an authoritative leader able to recruit pupils and like-minded people can create a genuine scholarly school. Margarita Nikolaiyevna’s leadership was determined by the power of her mind, multiplied by her strength of will, enthusiasm, efficiency, and purposefulness. Serving scholarship was Kozhina’s life mission. She can be called a model scholar.

In her last programmatic article *Stylistics is Alive* [Кожина, 2009], Kozhina firmly expressed her scholarly position and her ability to defend it, polemising with those who claimed that “in the 1990s, functional stylistics had actually ceased to exist” and “after more than thirty years of prosperity... gradually went off stage” [Долинин, с. 607, 619]. Margarita Nikolaiyevna showed the fallacy of the conclusion. Professor M. P. Kotyurova³ was perhaps the most precise in expressing the scale of Kozhina’s scholarly insight: “All my colleagues know Margarita Nikolaiyevna’s immensely broad thinking that let her foresee the horizons of the complex trend in scholarship – speech studies. And to prognosticate the emergence of scholarly directions within the framework of this cognitive field” [Котюрова, с. 508].

In the meantime, illness was ruining her muscles and joints. But the scholar’s mind kept its strength. Margarita Nikolaiyevna continued to work, maintaining the power of her intellect. Two days before her death, she predicted the date of her demise and wrote her last requests: to bury her next to her mother, put up a modest memorial using her own money, and publish a book of her papers which she had selected herself in Moscow. She also wanted Chopin’s *Funeral March* to be played at the civil memorial ceremony. All these requests were fulfilled.

Список литературы

Долинин К. А. Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкознания : сб. ст. / под ред. Л. А. Вербицкой. СПб. : Изд-во филол. ф-та СПбГУ, 2004. С. 607–620.

Журавлев С. Ф. Преодоление // От мира сего. Портреты ученых на фоне времени : сб. ст. / под ред. Л. П. Сидоровой. Пермь : [Б. и.], 2006. С. 102–125.

Кожина М. Н. Автобиография. [Б. м.] : [Б. г.] // Личный архив М. Н. Кожинной. Департамент русского языка и стилистики Пермского государственного университета.

Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь : Перм. ун-т, 1966. 213 с.

Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь : Перм. ун-т, 1968. 251 с.

Кожина М. Н. Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М. : [Б. и.], 1970. 46 с.

³ Maria P. Kotyurova (born 1939), doctor of philology, professor at the Department of Russian Language and Stylistics of Perm State University, and a well-known specialist in the stylistics of scholarly speech. She was the first postgraduate student and the first doctoral student of Kozhina. She succeeded Kozhina as head of the department; after the death of her teacher, she became leader of the Perm school of functional stylistics.

Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь : Перм. ун-т, 1972. 395 с.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М. : Просвещение, 1977а. 223 с.

Кожина М. Н. Сопоставительное изучение научного стиля и некоторые тенденции его развития в период научно-технической революции // Язык и стиль научной литературы : сб. ст. / под ред. М. Я. Цвиллинга. М. : Наука, 1977б. С. 3–25.

Кожина М. Н. Об отношении стилистики к лингвистике текста // Функциональный стиль научной прозы : сб. ст. М. : Наука, 1980. С. 3–17.

Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1986. 91 с.

Кожина М. Н. Стилистика жива (библиографические заметки) // Стереотипность и творчество в тексте : сб. ст. / под ред. М. П. Котюровой. Вып. 13. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2009. С. 308–321.

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М. : Флинта : Наука, 2008. 464 с.

Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М. : МГУ, 1971. 265 с.

Котюрова М. П. М. Н. Кожина : «Творческого спада не знала никогда» // Стиль. 2010. № 9. С. 505–509.

Наш юбиляр Маргарита Николаевна Кожина : (К 80-летию со дня рождения). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005. 43 с.

Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. : в 3 т. / под ред. М. Н. Кожинной. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1994–1998.

Салимовский В. А. Вклад Маргариты Николаевны Кожинной в развитие лингвистической стилистики и становление речеведения // Кожина М. Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики : избр. тр. / под ред. Г. Я. Солганика. М. : Флинта : Наука, 2014. С. 573–601.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука, 2003. 696 с.

Штайн К. Э. Культурное достояние России: Пермская научная школа функциональной стилистики // Стереотипность и творчество в тексте : сб. ст. / под ред. М. П. Котюровой. Вып. 7. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. С. 6–57.

Gajda St. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / ред. М. Н. Кожина : М. : Флинта : Наука, 2003. 686 с. : [Book Reviews] // *Stylistyka*. 2003. T. 12. S. 397–400.

References

Dolinin, K. A. (2004). Sotsialisticheskii realizm v lingvistike (k istorii funktsional'noi stilistiki v SSSR) [Socialist Realism in Linguistics (On the History of Functional Stylistics in the USSR)]. In Verbitskaya, L. A. (Ed.). *Teoreticheskie problemy yazykoznaniya. Sbornik statei*. St Petersburg, Izdatel'stvo filologicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 607–620.

Gajda, S. (2003). Retsenziya na knigu: Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' rusko-yazyka / red. M. N. Kozhina [Review of: Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language / ed. by M. N. Kozhina]. In *Stylistyka*. Vol. 12, pp. 397–400.

Kostomarov, V. G. (1971). *Russkii yazyk na gazetnoi polose* [The Russian Language on the Newspaper Page]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. 265 p. Kotyurova, M. P. (2010). Kozhina : “Tvorcheskogo spada ne znala nikogda” [M. N. Kozhina: “I Have Never Known a Creative Degression”]. In *Stil'*. No. 9, pp. 505–509.

Kozhina, M. N. (N. d.). Avtobiografiya [Autobiography]. S. l., S. n. In *Lichnyi arkhiv M. N. Kozhinoi. Departament russkogo yazyka i stilistiki Permskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Kozhina, M. N. (1966). *O spetsifike khudozhestvennoi i nauchnoi rechi v aspekte funktsional'noi stilistiki* [About the Specificity of Artistic and Scholarly Speech from the Aspect of Functional Stylistics]. Perm, Permskii universitet. 213 p.

Kozhina, M. N. (1968). *K osnovaniyam funktsional'noi stilistiki* [On the Bases of Functional Stylistics]. Perm, Permskii universitet. 251 p.

Kozhina, M. N. (1970). *Problemy spetsifiki i sistemnosti funktsional'nykh stilei rechi* [Issues of the Specificity and Systematicity of Functional Speech Styles]. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Moscow, S. n. 46 p.

Kozhina, M. N. (1972). *O rechevoi sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi* [On the Speech Systematicity of the Scholarly Style in Comparison with Some Other Styles]. Perm, Permskii universitet. 395 p.

Kozhina, M. N. (1977a). *Stilistika russkogo yazyka* [The Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie. 223 p.

Kozhina, M. N. (1977b). Sopostavitel'noe izuchenie nauchnogo stilya i nekotorye tendentsii ego razvitiya v period nauchno-tekhnicheskoi revolyutsii [A Comparative Study of the Scholarly Style and Some Trends of Its Development during the Scientific and Technological Revolution]. In Tsvilling, M. Ya. (Ed.). *Yazyk i stil' nauchnoi literatury. Sbornik statei*. Moscow, Nauka, pp. 3–25.

Kozhina, M. N. (1980). Ob otnoshenii stilistiki k lingvistike teksta [On the Relationship of Stylistics and Text Linguistics]. In *Funktsional'nyi stil' nauchnoi prozy. Sbornik statei*. Moscow, Nauka, pp. 3–17.

Kozhina, M. N. (1986). *O dialogichnosti pis'mennoi nauchnoi rechi* [On the Dialogue Nature of Academic Writing]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta. 91 p.

Kozhina, M. N. (2009). Stilistika zhiva (bibliograficheskie zametki) [Stylistics Is Alive (Bibliographical Notes)]. In Kotyurova, M. P. (Ed.). *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Sbornik statei*. Iss. 13. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta, pp. 308–321.

Kozhina, M. N. (Ed.). (1994–1998). *Ocherki istorii nauchnogo stilya russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XX vv. v 3 t.* [Essays on the History of the Scholarly Style of the Russian Literary Language in the 18th–20th Centuries. 3 Vols.]. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta.

Kozhina, M. N., Duskaeva, L. R., Salimovskii, V. A. (2008). *Stilistika russkogo yazyka* [The Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Flinta. 464 p.

Nash yubilyar Margarita Nikolaevna Kozhina. (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya) [Our Celebrated Margarita Nikolaevna Kozhina. (For Her 80th Birthday)]. (2005). Perm, Permskii universitet. 43 p.

Salimovskii, V. A. (2014). Vklad Margarity Nikolaevny Kozhinoi v razvitie lingvisticheskoi stilistiki i stanovlenie rechevedeniya [Margarita Nikolaevna Kozhina's Contribution to the Development of Stylistics and Speech Studies]. In Kozhina, M. N. *Rechevedenie. Teoriya funktsional'noi stilistiki. Izbrannye trudy* / ed. by G. Ya. Solganik. Moscow, Flinta, Nauka, pp. 573–601.

SES – Kozhina, M. N. (Ed.). (2003). *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta, Nauka. 696 p.

Shtain, K. E. (2004). Kul'turnoe dostoyanie Rossii: Permskaya nauchnaya shkola funktsional'noi stilistiki [The Cultural Heritage of Russia: the Perm Scholarly School of Functional Stylistics]. In Kotyurova, M. P. (Ed.). *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste. Sbornik statei*. Iss. 7. Perm, Izdatel'stvo Permskogo universiteta, pp. 6–57.

Zhuravlev, S. F. (2006). Preodolenie [Overcoming]. In Sidorova, L. P. (Ed.). *Ot mira sego. Portrety uchenykh na fone vremeni. Sbornik statei*. Perm, S. n., pp. 102–125.

Translation by Maria Fomenko

The article was submitted on 22.12.2021

Disputatio

Disputatio

«Русский вопрос» на конференции Антанты в Каннах*

Искандэр Магадеев

МГИМО-Университет,
Москва, Россия

The Russian Question at the Entente Conference in Cannes

Iskander Magadeev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russia

This article aims to explore the significance of the “Russian question” at the Entente conference in Cannes, putting it into the European political context of October 1921 – January 1922. The author pays special attention to the two important rounds of the international negotiations, i. e., to the Anglo-French discussions in London in December 1921 and to the meeting of the Entente Supreme Council in Cannes itself (6–13 January 1922). The “Russian question” was one of the three key topics of these conferences; however, to the other matters (German reparations and Anglo-French security pact), it is under-researched. Besides the published diplomatic documents, the author refers to new evidence drawn from the national archives of France, Great Britain, and Belgium. The article concludes that the negotiations in London and Cannes mirrored the “Russian question”, as it stood in European politics at the end of 1921 and the beginning of 1922. D. Lloyd George, UK prime minister and initiator of the Genoa conference, was eager to use the “Russian question” as a means to further British interests, transform the Soviet regime, and reconstruct and appease Europe. It involved reducing tensions as a result of a non-aggression pact that did not impose any obligations on the UK in Eastern Europe. From the trade and economic points of view, the emphasis was put on the international consortium aimed at consolidating Western business in Russia, giving German industry leadership in the field. Nevertheless, an important part of eventual German profits in Russia would go to France and the UK as reparations. The development of the Cannes conference, which resulted in the resignation of the French cabinet led by A. Briand, showed that the “Russian question” was not

---

* Citation: Magadeev, I. (2022). *The Russian Question* at the Entente Conference in Cannes. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 723–738. DOI 10.15826/qr.2022.2.698.

Цитирование: Magadeev I. *The Russian Question* at the Entente Conference in Cannes // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 723–738. DOI 10.15826/qr.2022.2.698 / Магадеев И. «Русский вопрос» на конференции Антанты в Каннах // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 723–738. DOI 10.15826/qr.2022.2.698.

only a topic of high politics, but also directly concerned the wider public and elites. Accelerating Briand's dismissal, Lloyd George found a more stubborn opponent in his successor, R. Poincaré. As the prologue to Genoa, the Cannes meeting outlined some of its future problems as well.

Keywords: "Russian question", international relations, international consortium, reparations, tsarist debts, Cannes Conference, Entente, Lloyd George, Aristide Briand

Цель статьи – выявить место и значение «русского вопроса» на Каннской конференции стран Антанты, поместив его в контекст европейской политики октября 1921 – января 1922 г. В центре внимания находятся два важных раунда международных переговоров – англо-французские дискуссии в Лондоне в декабре 1921 г. и собственно совещание Верховного совета Антанты в Каннах (6–13 января 1922 г.). «Русский вопрос» был одним из ключевых на указанных встречах, однако дискуссиям по нему исследователи уделяли меньше внимания, чем другим проблемам тогдашней европейской политики (германским репарациям и англо-французскому пакту). Помимо опубликованных дипломатических документов, привлечены материалы из архивов Франции, Великобритании и Бельгии. Сделан вывод о том, что переговоры в Лондоне и Каннах зафиксировали основные грани «русского вопроса» в той форме, в какой он стоял в европейской политике в конце 1921 – начале 1922 г. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, инициатор Генуэзской конференции, рассчитывал использовать «русский вопрос» в интересах Великобритании и содействовать трансформации советского режима в рамках проекта по реконструкции и «умиротворению» Европы. Речь шла о снижении напряженности за счет пакта о ненападении, не накладывавшего на Великобританию специальных обязательств на востоке Европы. В торгово-экономическом аспекте проект международного консорциума должен был консолидировать западный бизнес в деле использования России при негласном немецком лидерстве на этом направлении. Вместе с тем весомая доля плодов германской активности перетекала бы во Францию и Великобританию в виде репараций. Ход Каннской конференции, приведший к отставке председателя Совета министров Франции А. Бриана, продемонстрировал, что «русский вопрос» не только был предметом дипломатии, но и затрагивал материальные интересы широких слоев населения и элит. Поспособствовав падению кабинета Бриана, Ллойд Джордж натолкнулся в лице его преемника Р. Пуанкаре на более жесткого партнера. Став прологом Генуи, Каннская конференция наметила ряд будущих проблем.

Ключевые слова: международные отношения, международный консорциум, репарации, Каннская конференция, Антанта, Ллойд Джордж, Аристид Бриан

В отличие от Генуэзской конференции 1922 г., англо-французские переговоры в Лондоне в декабре 1921 г., а также совещание Верховного совета Антанты (ВСА) в Каннах, состоявшееся в январе 1922 г. и предварявшее Геную, удостоились меньшего внимания в историографии. Это объяснимо тем, что историческое значение указанных встреч разнилось: переговоры в Лондоне и совещание ВСА в Каннах, с точки зрения премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа, инициатора Генуэзской конференции, должны были подготовить последнюю. Именно Генуе Ллойд Джордж отводил ключевую роль в стабилизации торгово-экономической ситуации и снижении военно-политической напряженности в Европе [Хормач; White]. Вместе с тем британский политик понимал, что без Канн не может быть Генуи. Он характеризовал каннскую встречу как «наиболее значительную из серии конференций, которые состоялись после заключения [Компъенского] перемирия» [DBFP, vol. 19, p. 19].

Выявление значения «русского вопроса» на Каннской конференции стран Антанты в контексте европейской политики (октябрь 1921 – январь 1922 г.) ставит в центр внимания два важных раунда международных переговоров – англо-французские дискуссии в Лондоне в декабре 1921 г. и собственно совещание ВСА в Каннах (6–13 января 1922 г.).

«Русский вопрос» был одним из ключевых на указанных встречах, однако дискуссиям по нему исследователи уделяли меньше внимания, чем обсуждению германских репараций [Аршинцева; Fink, p. 36–43] и англо-французского пакта. Под последним подразумевалось прежде всего предоставление Великобританией гарантий безопасности Франции на случай неспровоцированной агрессии Германии. Дискуссии по пакту проходили преимущественно в двустороннем формате, между Ллойд Джорджем и А. Брианом, председателем Совета министров и министром иностранных дел Франции [Магадеев, с. 259–276]. Даже исследователи, которые рассматривали место «русского вопроса» в 1921–1922 г., как правило, были сосредоточены на отдельных его аспектах – роли Советской России в экономической реконструкции Европы [Hogenhuis-Seliverstoff], месте Страны Советов в европейском балансе сил и двустороннем взаимодействии с ведущими западными державами [Сергеев; Враг, противник, союзник?]. Совокупное изучение различных аспектов «русского вопроса» позволяет продемонстрировать взаимосвязь экономических и военно-политических факторов в развитии международных отношений в Старом Свете в начале 1920-х гг., а также способствует выявлению сложностей при одобрении политических решений, согласованных дипломатами, внутри стран-участниц, демонстрируя взаимосвязь между отношениями западных стран с большевиками и общими вопросами реконструкции Европы.

Источниковую базу исследования составили как известные документы [ДВП СССР, т. 4, 5; DBFP, vol. 15, 19; DDF, 2005a; DDF, 2005b; DDF, 2007; FRUS], так и новые архивные материалы. Среди послед-

них – документы личного фонда президента А. Мильберана из Национального архива Франции [AN. Sous-série 470. AP. Vol. 81], документы из фонда Кабинета министров Национального архива Великобритании [TNA. Cab. 23/27, 24/131. 24/132, 31/11], стенограммы заседаний Совета министров Бельгии [Conseil des ministres, 28 décembre 1921; Conseil des ministres, 16 janvier 1922].

Указанные источники дают достаточно полную картину дискуссий по «русскому вопросу» в Лондоне и Каннах. Преимущественное внимание, уделяемое британским и французским документам, корреспондирует с внешнеполитическим весом держав Антанты. Как не раз подчеркивал Ллойд Джордж, ключевым он считал достижение договоренности именно между Лондоном и Парижем, к которой следовало привлечь Германию, а при возможности – США [DBFP, vol. 15, p. 773, 781].

На пути в Канны: дискуссии по «русскому вопросу»

«Русский вопрос» в европейской политике конца 1921 – начала 1922 г. включал в себя три взаимосвязанных компонента: выстраивание западными государствами политического взаимодействия с советским правительством при отсутствии официальных отношений с Москвой; снижение военной напряженности на западных границах Страны Советов; проект международного консорциума (также фигурировал как синдикат или корпорация) для выстраивания торгово-экономических отношений с советской Россией.

Линии водораздела, обозначенные Первой мировой войной, были видны и три года спустя. Для ряда военных и политических деятелей Германии советская Россия выступала точкой опоры в Европе. Развивая прошлые концепции, начальник войскового управления рейхсвера генерал Х. фон Сект в речи от 11 сентября 1922 г. подчеркивал: «Связь Германии с Россией является первым и до сих пор едва ли не единственным источником силы, полученным нами со времен заключения мира» [История Германии, с. 348].

Напротив, с точки зрения французских политиков и военных, советско-германское взаимодействие было крайне негативным фактором европейской политики. Бриан в записке от 12 июля 1921 г., адресованной своему доверенному лицу бизнесмену и политику Л. Лушэру, подчеркнул силу германского присутствия в Стране Советов. Это обстоятельство требовало от Франции «как никогда ранее следить за тем, чтобы Германия выполняла обязательства по репарациям и не могла выйти из-под нашего влияния, бросившись в сторону России, учитывая, что этот шаг может одобрить Англия»¹ [DDE, 2005a, p. 40–41]. Русский и германский «вопросы» были связаны самым тесным образом не только во французских оценках, но и в практике тогдашних международных отношений.

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

В отличие от Бриана, Ллойд Джордж, пусть поддерживаемый не всеми в британском руководстве, рассчитывал использовать немецкую активность в советской России для развития торговых отношений между западом и востоком Европы. Этот процесс должен был поспособствовать росту внешнеторгового оборота Британии, а также облегчить бремя безработицы в стране. К тому же Ллойд Джордж надеялся, что поддержание контактов с большевиками поспособствует «нормализации» и трансформации советского режима в сторону умеренности (это был один из резонов заключения советско-британского торгового соглашения от 16 марта 1921 г.) [Сергеев, с. 322–325; Магадеев, с. 765].

К осени 1921 г. на фоне относительного снижения военно-политической напряженности стали разрабатываться новые планы по активизации торгово-экономических обменов в Европе. Проблема катастрофического голода в советской России служила дополнительным фактором для подобных дискуссий.

Международная конференция членов Верховного экономического совета Антанты в Брюсселе (6–8 октября 1921 г.), обсуждавшая вопрос о голоде, выдвинула условия для предоставления кредитов Москве. Речь шла о признании «царских долгов» и обеспечении гарантий для финансово-экономической деятельности в Стране Советов [Orde, p. 162–163]. «Русский вопрос» являлся в этом смысле важным компонентом более общей проблемы: на каких основаниях будет осуществлена послевоенная реконструкция?

Реагируя на условия, выдвинутые Брюссельской конференцией, нарком по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерин в ноте от 28 октября предложил «скорейший созыв международной конференции» для рассмотрения взаимных финансовых претензий и заключения «окончательного мирного договора» [ДВП СССР, т. 4, с. 447]. Эта нота рассматривается в качестве «отправного пункта для будущей Генуэзской конференции» [Шишкин, с. 294]. Однако, как свидетельствовала телеграмма Чичерина заместителю полпреда в Великобритании Я. А. Берзину от 4 сентября, идея о созыве международной конференции присутствовала в Москве раньше [Сергеев, с. 391–392].

Дискуссии по «русскому вопросу» были тесно связаны и с новым витком в обсуждении проблемы германских репараций. Осенью 1921 г. накапливались симптомы того, что в платежах намечался срыв. Курс немецкой марки стремительно падал, а правительство Веймарской Республики не собиралось проводить структурные реформы, требуемые Антантой. Визит в Берлин, осуществленный 9–19 ноября, произвел на членов репарационной комиссии негативное впечатление: было ясно, что приближавшиеся платежи будут сорваны [TNA. Cab. 24/131 (Note by Bradbury, 21 November 1921). F. 250–261].

Рецепты выхода из ситуации различались. Британские представители, как следовало из записки от 7 ноября за авторством Дж. Бредбери, члена репарационной комиссии от Соединенного Королевства, ратовали за предоставление германским властям «либерального морато-

рия» [TNA. Cab. 24/131. F. 223]. Французы считали подобный подход слишком мягким и требовали от Германии гарантий, которые подтвердили бы серьезность намерений Берлина возобновить платежи [TNA. Cab. 31/11 (Memo by Loucheur, 20 December 1921). F. 12].

Немецкая сторона была в курсе англо-французских разногласий и рассчитывала использовать их, разыграв, среди прочего, советскую «карту». 19–24 ноября Лондон посетил металлургический и каменно-угольный магнат Г. Стиннес; вслед за ним в британскую столицу отправился В. Ратенау, вскоре занявший пост министра иностранных дел. По результатам визита (28 ноября – 9 декабря) Ратенау пришел к выводу, что Ллойд Джордж нацелен на ликвидацию «всех международных долгов и репараций» (за исключением некоторых платежей в пользу Франции и Великобритании) [Orde, p. 173]. Очевидно, что подобный настрой британского премьер-министра не стимулировал Берлин спешить с выплатами по репарациям. Во время встречи, состоявшейся 28 ноября, Ллойд Джордж и Ратенау сошлись на том, что Германия «спасла Запад от большевизма», что демонстрировало благожелательный настрой британского премьер-министра в отношении Берлина [Volkov, p. 196].

20 декабря Ратенау, вновь находившийся в британской столице, убеждал министра финансов Великобритании Р. Хорна и Лушэра в необходимости вступить в официальные отношения с советской властью. Последняя являлась, согласно германскому политику, единственной преградой на пути хаоса в России и эволюционировала в сторону умеренности [DBFP, vol. 15, p. 776–777]. Лушёр отметил, что Франция «не желает коллапса Германии», однако британский кабинет министров не исключал того, что власти Третьей Республики могут в случае дефолта Веймарской Республики оккупировать Рур, что плохо коррелировало со словами французского бизнесмена [TNA. Cab. 23/27 (Cabinet Conclusions, 16 December 1921). F. 272].

Предложенный Ратенау и Стиннесом в Лондоне проект международного консорциума для реконструкции России должен был увязать в единое целое выплату германских репараций, активизацию торговли в Восточной Европе и сближение с британским и французским бизнесом. Сама идея консорциума появилась еще летом 1921 г. в кругах германской электроэнергетической компании АЕГ (Ратенау был сыном ее основателя, а его конфидент Ф. Дойч занимал пост председателя совета директоров) [Orde, p. 177]. Как суммирует американский историк Р. Химмер, «согласно этой схеме, Германия займется восстановлением всей российской железнодорожной сети при финансовой поддержке со стороны Британии, Франции и, возможно, Соединенных Штатов, а также при условии введения моратория на репарационные платежи. Работы начнутся в прибрежных районах, постепенно продвигаясь вглубь российской территории, к источникам сырья, добыча которого обеспечит финансы для дальнейшего строительства железных дорог. По мере развития комму-

никаций и разработки месторождений будут восстановлены и промышленные предприятия» [Himmer, p. 157].

Таким образом, к ноябрю 1921 г. между британской и немецкой точками зрения по проблемам европейской реконструкции и «русскому вопросу» наблюдалась близость. Лондон и Берлин исходили из моратория на выплату германских репараций, а также надеялись активизировать торговлю в Европе, одним из «моторов» которой стало бы германское «проникновение» в советскую Россию.

Визит в Лондон, предпринятый Лушёром (8–10 декабря), а затем поездка Бриана (19–21 декабря) продемонстрировали, что французская сторона согласна отнюдь не со всеми аспектами «великого замысла» Ллойд Джорджа. Во время встречи с Лушёром 8 декабря, когда Ллойд Джордж поставил вопрос о том, готова ли Франция признать советскую Россию в скором времени, его собеседник не дал прямого ответа [Loucheur, p. 186].

Обсуждая «русский вопрос» с Брианом в Лондоне, британский премьер-министр сосредоточился на проекте консорциума. Собеседники стремились избежать каких-либо утечек в прессу относительно этого проекта, а также закамуфлировать его заточенность на России, предпочитая обтекаемо говорить о «реконструкции Европы» [DBFP, vol. 15, p. 777; DDF, 2005b, p. 957]. Однако в сердцевине идеи консорциума лежал именно определенный вариант решения русского и отчасти германского «вопросов».

Ллойд Джордж убеждал Бриана в том, что без активизации германского экспорта в страны Центральной и Восточной Европы, в том числе в советскую Россию, державам Антанты не получить репараций [DBFP, vol. 15, p. 765; DDF, 2005b, p. 951]. Развивая идеи, высказанные Стиннесом и Ратенау, Хорн, однако, внес важное изменение, с которым Ратенау не был первоначально согласен. 50 % германской доли в консорциуме должно было принадлежать правительству Веймарской Республики; доходы с этого пакета акций пошли бы на выплату репараций [DBFP, vol. 15, p. 777, 782; DDF, 2005b, p. 957, 960].

На позицию, занятую Брианом во время переговоров в Лондоне, а затем в Каннах по «русскому вопросу», серьезное влияние оказывал проект англо-французского пакта. Его основой должна была стать британская гарантия безопасности Франции на случай неспровоцированной агрессии Германии. Проект пакта обсуждался с 5 декабря 1921 г. – беседы посла Франции в Великобритании Ш. де Сент-Олера с британским министром иностранных дел Дж. Кёрзоном [Магадеев, с. 263–264]. Для Бриана пакт был целью, ради достижения которой он был готов идти на уступки Ллойд Джорджу, в том числе по «русскому вопросу».

Несмотря на примирительный настрой председателя Совета министров Франции, переговоры в Лондоне выявили англо-французские разногласия. Французский политик выражал сомнение в том, что торговля с советской Россией, учитывая социально-экономическое состояние последней, может принести прибыль [DBFP, vol. 15, p. 765;

DDF, 2005b, p. 951]. Бриан намекал на слабость контроля большевиков над российской провинцией, не исключал крестьянских восстаний в РСФСР и призывал относиться к советской власти как к чему-то временному [DBFP, vol. 15, p. 779; DDF, 2005b, p. 957]. Вместе с тем председатель Совета министров Франции, мастер политического лавирования, не исключал и другого сценария – признания лидерами умеренного крыла большевиков (к ним он относил В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого) частной собственности и «царских долгов». Это изменило бы отношение к большевикам со стороны французских держателей ценных бумаг. Как только последние «поймут, что могут ожидать получить свои деньги из рук революционеров, они сами станут сторонниками революции», – заверял Бриан [DBFP, vol. 15, p. 784; DDF, 2005b, p. 960].

Все же французский политик призывал действовать осторожно, намекая на то, что курс на нормализацию отношений с большевиками может вызвать негативную реакцию среди французских вкладчиков. Ллойд Джордж не ставил вопроса об официальном признании большевиков, однако подчеркнул, что даже один из преемников Бриана, стоявший правее, нынешний президент Третьей Республики Мильеран, в июне 1920 г. выражал готовность торговать с большевиками при отсутствии официальных отношений с ними. Премьер-министр Великобритании не преминул провести неприятную для Бриана параллель между большевиками и кемалистами: если Париж готов взаимодействовать с Анкарой (в октябре 1921 г. французами был подписан договор о прекращении боевых действий с кемалистами), то почему же не сделать то же самое и в случае Москвы? [DBFP, vol. 15, p. 779].

Ллойд Джордж был доволен итогами переговоров, считая, что сторонам удалось перейти через «препятствия, казавшиеся непреодолимыми», и договориться о созыве ВСА в Каннах [DBFP, vol. 15, p. 776, 789, 793]. 22 декабря был подготовлен ряд программных документов о способах экономического восстановления Европы, в которых получили отражение прежде всего британские концепции. «Возможно, в документе сделан слишком большой акцент на роли России в экономической жизни Европы», – комментировал их Ж. Сейду, глава Департамента торговых отношений МИД Франции [AN. Sous-série 470. (Note de Seydoux, s. d.). AP. Vol. 81].

Несмотря на подобные оценки, встреча британских и французских экспертов в Париже (30–31 декабря) подтвердила готовность французской дипломатии идти вслед за Ллойд Джорджем. Согласованные тогда материалы должны были подготовить решения Каннской конференции. Ряд британских идей о международном консорциуме (его централизованная структура, расположение штаб-квартиры в Лондоне и номинирование капитала в фунтах стерлингов) вызвал у Сейду возражения. Однако итоговый вывод дипломата был позитивным. С его точки зрения, проект обеспечит «сотрудничество союзников в деле реорганизации России и позволит нейтрализовать план Стиннеса. <...> Мы также сможем нейтрализовать колоссальную угро-

зу, о которой не раз упоминал г-н Ллойд Джордж, – союз Германии и России, который не будет находиться под контролем цивилизованных наций Европы и будет направлен против них». Сейду ратовал за создание в рамках консорциума узкого франко-британского комитета, который выполнял бы руководящие функции [AN. Sous-série 470 (Note de Seydoux, s. d.). AP. Vol. 81]. В целом проект консорциума отводил России явно подчиненную роль в процессе европейской реконструкции. Он был призван сделать из России объект, а не субъект европейской политики, пространство для приложения иностранных капиталов и звено в системе получения германских репараций.

Каннская резолюция и контекст ее принятия

Совещание ВСА в Каннах собрало, как и предыдущие встречи подобного формата, представителей Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Японии. Представитель США присутствовал в качестве наблюдателя и не принимал активного участия в дискуссиях [FRUS, p. 384]. 12 января на заседании конференции выступили также делегаты от Германии.

Тренд на привилегированный диалог Великобритании и Франции был закреплен уже в тайминге проведения Каннской конференции. Ллойд Джордж и Бриан встретились в Каннах 4 января, за два дня до официального начала конференции, и обсудили прежде всего вопрос об англо-французском пакте [DBFP, vol. 19, p. 1–7; DDF, 2007, p. 26–32]. Однако в тот же день Ллойд Джордж побеседовал со своим итальянским визави И. Бономи и больше говорил о «русском вопросе», зная о готовности Рима пойти на нормализацию отношений с большевиками. Ллойд Джордж не исключал того, что в обмен на реализацию международного консорциума Москва потребует установления дипломатических отношений. Он перечислил хорошо известные условия для такого шага: это признание «царских долгов»; возмещение ущерба, нанесенного иностранцам; независимая судебная система как гарантия защиты для иностранных инвестиций. В ответ Бономи не только подчеркнул, что Великобритания и Италия «разделяют общие идеи в отношении Германии и России», но и отметил, что Рим находится на пути «официального признания России» [DBFP, vol. 19, p. 9].

Негласная англо-французская борьба за союзников в лице Бельгии и Италии, заметная еще во время лондонских переговоров Бриана и Ллойда Джорджа [DBFP, vol. 15, p. 781], продолжилась в Каннах. В ходе конференции, когда речь шла об обсуждении «русского вопроса», итальянская дипломатия, как правило, склонялась в пользу британской позиции. Бельгийские же представители (премьер-министр Ж. Тёнис и министр иностранных дел А. Жаспар) своей главной целью считали отстаивание так называемого бельгийского приоритета (получение Бельгией эквивалента 2,5 млрд золотых франков из первых репарационных платежей Германии) [Conseil des ministres, 28 décembre 1921, f. 410]. Французская дипломатия надеялась перетянуть бельгийцев,

имевших серьезные капиталы и собственность в дореволюционной России (общим объемом около 3,5 млрд золотых франков), на свою сторону [Conseil des ministres, 16 janvier 1922, f. 14]. Японские делегаты в Каннах – посол в Великобритании Гонсукэ Хаяси и посол во Франции Кикудзиро Исии – не принимали активного участия в обсуждении «русского вопроса», однако стремились не допустить того, чтобы решения по нему нанесли ущерб интересам Японии на Дальнем Востоке.

Каннская резолюция – ключевое решение конференции по «русскому вопросу» и важная веха в его обсуждении после 1917 г. – отражала преимущественно британскую точку зрения. Проект резолюции, предложенный Ллойд Джорджем [TNA. Cab. 31/11. F. 72], был обсужден 6 января на пленарном заседании конференции. К основной части проекта, содержащей условия для созыва международной экономической конференции (по настоянию Бриана она стала называться «экономической и финансовой конференцией»), был предложен ряд поправок [DBFP, vol. 19, p. 30–35].

Пункт 1 о невмешательстве во внутреннюю экономическую и политическую жизнь, ранее изложенный в более развернутой форме, с указанием тех сфер (собственность на землю, шахты, железнодорожный транспорт и др.), в которых каждое государство самостоятельно определяло порядки, приобрел по предложению Жаспара обтекаемую форму. Напротив, содержание пункта 3а по настоянию того же бельгийского делегата было уточнено. Теперь речь шла о признании «всех публичных долгов и обязательств», заключенных или гарантированных не только государством, но также «муниципалитетами или другими общественными учреждениями». Французская сторона предложила поправку к пункту 5. В нем речь шла об отказе «от всякой пропаганды, направленной на ниспровержение порядка и политической системы». Бриан опасался использования его большевиками для противодействия любой французской пропаганде, однако его предложения по модификации данной формулировки были отклонены. Аналогичная судьба постигла поправку Исии к пункту 6 (обязательство воздерживаться «от каких бы то ни было враждебных действий против своих соседей»). Японский делегат опасался, что советское правительство воспользуется этим пунктом, «дабы опротестовать присутствие японских солдат в Сибири».

На заседании 6 января было определено место созыва конференции – Генуя. Этот город Бономи предложил на встрече с Ллойд Джорджем 5 января [DBFP, vol. 19, p. 16], хотя советская сторона согласилась на него не сразу, предпочитая Лондон [Сергеев, с. 396]. Была намечена и дата открытия конференции – 1 марта, хотя в последующем сроки проведения встречи были изменены. Чичерин оперативно отреагировал на приглашение поучаствовать в запланированной конференции, отправленное МИД Италии 7 января. Нарком подчеркнул, что правительство РСФСР «с удовлетворением принимает» его [ДВП СССР, т. 5, с. 47].

Согласно британской исследовательнице З. Стейнер, каннская резолюция «была сознательно наполнена амбивалентностями и противоречиями, поскольку премьер-министр [Великобритании] стремился одновременно защитить капиталистические державы и иностранных инвесторов от методов, применявшихся большевиками, и подтвердить право Советов на свою систему собственности, организации экономики и правительства» [Steiner, p. 209]. За этими амбивалентностями скрывались и англо-французские противоречия. Желая смягчить общий посыл резолюции, «подразумевавший эвентуальное признание Советов», Бриан добился в последнем параграфе замены изначальной формулировки («Если российское правительство... потребует полного признания...») на чуть менее сильную (теперь речь шла об «официальном признании») [DBFP, vol. 19, p. 34]. Однако подобная правка не отменяла сути. Бриан, уступая Ллойд Джорджу, пошел на явное смягчение прошлой французской позиции.

Доминирование британской точки зрения было зафиксировано также в резолюциях конференции по проекту международного консорциума, непосредственно связанного с «русским вопросом» [TNA. Cab. 24/132. F. 271]. Предполагалось, что штаб-квартира консорциума будет находиться в Лондоне и действовать на основе британского права. Вместо руководящего франко-британского комитета, против которого выступили другие члены ВСА, был сформирован комитет из представителей пяти стран. Вместе с тем французам удалось добиться отказа от номинирования капитала исключительно в фунтах, а также от схемы централизованной компании. Наряду с советом головной корпорации в Лондоне предполагалось создание национальных компаний, хотя решения совета были обязательны для последних [DBFP, vol. 19, p. 66–69, 82].

Ключевым фактором уступок со стороны Бриана был активно обсуждавшийся в ходе Каннской конференции англо-французский пакт. Ранее исследователи не обращали внимания на то, что приведенный выше пункт 6 Каннской резолюции (обязательства о ненападении) был опосредованно связан с дискуссиями по пакту. 4 января после беседы двух премьер-министров французам была передана британская памятная записка, пояснявшая условия пакта. Предполагалось, что договор о взаимных гарантиях между Великобританией и Францией будет включен в более широкую систему европейской безопасности, важным элементом которой станет общеевропейский договор о ненападении. Британская дипломатия подавала этот договор как способ предотвратить разделение Европы на два лагеря: «Крайне важно не допустить того, чтобы конфликт между враждебными социально-экономическими системами, который так обострила Русская революция, усугубил взаимные опасения государств и привел к новой войне» [TNA. Cab. 24/132. F. 113–114]. Сама идея сочетания англо-французского пакта и более широкого соглашения (в виде консультативного пакта по модели Договора четырех, заклю-

ченного по итогам Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.) была предложена Брианом во время переговоров в Лондоне 21 декабря [DBFP, vol. 15, p. 786].

5 января, во время встречи с Ллойд Джорджем, Бриан развил идеи британского проекта и вернулся к своим более ранним тезисам. Важным элементом общеевропейского соглашения, с его точки зрения, должно было стать «обязательство со стороны России не нападать на Польшу, на страны Балтии, Финляндию и Чехословакию, а также аналогичное обязательство со стороны Германии» (Румыния не была упомянута, вероятно, из-за невнимательности) [DBFP, vol. 19, p. 13]. В телеграмме от 8 января, отправленной в Париж, Бриан писал о том, что пункт 6 Каннской резолюции был инициирован именно им, а не Ллойд Джорджем [AN. Sous-série 470. AP Vol. 81]. Это утверждение представляется не совсем точным, но французский след действительно присутствовал, хотя современники и исследователи редко отмечали это обстоятельство. В марте 1922 г. Ллойд Джордж, рассматривавший многосторонний пакт о ненападении как свое детище, видел в его заключении главную цель Генуэзской конференции [Сергеев, с. 402].

«Русский вопрос» и отставка Бриана

Уступки, на которые шел Бриан в Каннах, не остались незамеченными в Париже. Принятие Каннской резолюции вызвало резко негативную реакцию Мильерана, о чем свидетельствовала его телеграмма Бриану от 7 января. Основное недовольство вызвали два обстоятельства: во-первых, возможность для большевиков участвовать в экономической конференции без эксплицитного согласия с условиями Каннской резолюции (согласие требовалось лишь для официального признания РСФСР); во-вторых, опасение, что проект многостороннего пакта о ненападении ограничит возможности Франции использовать «принудительные меры» в отношении Германии [AN. Sous-série 470. AP. Vol. 81]. По мере развития конференции еще большее неприятие Мильерана и председателя комиссии Сената по иностранным делам Р. Пуанкаре вызывала готовность Бриана пойти на мораторий по репарациям, не потребовав от Германии дополнительных гарантий и «залогов» [DDF, 2007, p. 10, 51–52, 56, 69–70].

На пленарном заседании конференции 10 января Бриан попытался учесть критику Мильерана и поставил вопрос о том, чтобы согласие с Каннской резолюцией стало условием для приглашения большевиков в Геную. Натолкнувшись на негативный ответ Ллойд Джорджа, поддержанного Жаспаром, Бриан достаточно легко сдался, отметив лишь необходимость четко зафиксировать его позицию в протоколе (вероятно, это был способ обелить себя перед Мильераном) [DBFP, vol. 19, p. 92]. Ллойд Джордж, приманивая французского визави перспективой англо-французского пакта, стремился получить от него максимум уступок, несильно беспокоясь о судьбе правительства Бриана. Британский кабинет министров, как следовало из стенограммы от 16 де-

кабря 1921 г., исходил из странной логики. Прогнозируя скорую смену правительства во Франции, неназванный член кабинета считал тогда, что с вероятным сменщиком Бриана (Пуанкаре) договориться будет легче [TNA. Cab. 23/27. F. 273]. Неудачи Франции на проходившей параллельно Вашингтонской конференции также не способствовали укреплению позиций Бриана в глазах британских политиков.

Новый тур телеграфной переписки, состоявшийся 10 января, продемонстрировал серьезное напряжение между Мильераном и Брианом. Президент фактически обвинил адресата в невыполнении согласованных ранее инструкций, а последний потребовал созыва Совета министров для того, чтобы расставить точки над *i* [AN. Sous-série 470. AP. Vol. 81]. 12 января Бриан был в Париже. Окончательный расклад сил в правительстве и Палате депутатов оставался неясен, однако Бриан решил подать в отставку, не вынося вопрос на голосование в парламенте [DDF, 2007, p. 85]. Не исключено, что, помимо отступничества близких к нему деятелей (прежде всего военного министра Л. Барту), свою роль сыграло то, что Бриан оценил доминировавшие в Париже настроения и счел более выгодным для себя уйти со сцены, сохранив шансы вернуться позже.

«Русский вопрос» сыграл свою роль в перипетиях французской политической жизни. Речь шла не только о противоречиях по нему между жестко настроенным Мильераном и более уступчивым Брианом, но и о том, что данный вопрос затрагивал широкие слои французского населения. Общее число французских граждан, владевших российскими ценными бумагами и акциями российских компаний, достигало, согласно правительственному опросу, проведенному в 1919 г., около 1,6 млн чел. [Враг, противник, союзник?, с. 465]. Об их обеспокоенности накануне Каннской конференции говорило письмо, отправленное Бриану 2 января 1922 г. Ж. Нулансом, бывшим французским послом в России и председателем основной организации французских вкладчиков («Генеральной комиссии по защите французских интересов в России»). Нуланс напомнил о масштабе французских средств, вложенных в дореволюционную Россию (около 25 млрд франков), намекая на необходимость потребовать компенсаций от большевиков [DDF, 2007, p. 7–10]. 4 января Нуланс известил Мильерана о своем письме, адресованном Бриану [AN. Sous-série 470. AP. Vol. 81].

В давлении президента Франции на Бриана, среди прочего, можно увидеть отголоски позиции французских вкладчиков, которую озвучил Нуланс. В частном письме от 19 января российский эмигрант и бывший посол во Франции В. А. Маклаков так суммировал ситуацию: «Когда общественное мнение увидало, что в 24 часа от абсолютного отрицания Ленина доходят до его полного признания, что Ленин может сидеть на конференции рядом с французскими министрами и вместе с ними рассуждать о восстановлении всей Европы, в том числе и Германии, это переполнило чашу. На этом Бриан и пал...» [«Совершенно лично и доверительно!», с. 163].

Таким образом, ход и результаты англо-французских переговоров в Лондоне, а также итоги Каннской конференции зафиксировали различные грани «русского вопроса» в той форме, в какой он стоял в европейской политике в конце 1921 – начале 1922 г. Конференция в Каннах, ставшая прологом Генуи, продемонстрировала напористость Ллойд Джорджа в отстаивании замысла по экономической реконструкции и политическому «умиротворению» Европы. Одним из ключевых элементов этого замысла было урегулирование «русского вопроса».

Ллойд Джорджа, готового идти дальше, чем французские политики, в деле нормализации контактов с большевиками, сложно было заподозрить в просоветском уклоне. Скорее речь шла, как рассчитывал британский премьер-министр, об изолированной попытке использовать «русский вопрос» в интересах Великобритании и поспособствовать внутренней трансформации советского режима, а также заработать внутривнутриполитические очки в случае успеха Генуэзской конференции. В политическом отношении Ллойд Джордж рассчитывал снизить напряженность в Старом Свете за счет пакта о ненападении, не накладывавшего на Великобританию никаких специальных обязательств на востоке Европы. В торгово-экономическом отношении проект международного консорциума должен был консолидировать западный бизнес в деле эксплуатации России при негласном немецком лидерстве на этом направлении. Вместе с тем весомая доля плодов германской активности перетекала бы во Францию и Великобританию в виде платежей по репарациям. Однако, как продемонстрировал Рапалльский договор, возможности Ллойд Джорджа по управлению германскими действиями были не такими внушительными, как иногда казалось в Лондоне.

Дискуссии в Каннах выявили и «второе дно». «Русский вопрос» не только был предметом дипломатии, но и затрагивал материальные интересы широких слоев населения и элит (особенно во Франции). Согласование международных компромиссов и внутривнутриполитических настроений оставалось непростой задачей. Де-факто поспособствовав падению кабинета Бриана, Ллойд Джордж натолкнулся в лице Пуанкаре на более жесткого партнера. Каннская конференция продемонстрировала, что предложенный Лондоном вариант решения «русского вопроса» не пользуется всеобщим одобрением даже среди стран Антанты. В этом смысле встреча в Каннах стала не только прологом Генуи в хронологическом отношении, но и определенным предзнаменованием тех сложностей, с которыми столкнулась международная экономическая и финансовая конференция в дальнейшем.

Список литературы

Аришнцеева О. А. Европейская политика Англии и Генуэзская конференция 1922 г. // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2004. № 4 (34). С. 22–26.

Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг. : в 2 т. / отв. ред. А. Ю. Павлов. СПб. : РХГА, 2021. Т. 2. 892 с.

Документы внешней политики СССР : в 24 т. М. : Политиздат, 1957–2000. Т. 4. 836 с. Т. 5. 807 с. (ДВП СССР).

История Германии : в 3 т. / под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. М. : КДУ, 2008. Т. 3. 592 с.

Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М. : Аспект Пресс, 2021. 864 с.

Сергеев Е. Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения, 1918–1924 гг.: от интервенции к признанию. СПб. : Наука, 2019. 831 с.

«Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков : переписка : в 3 т. / под ред. О. В. Будницкого. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 2. 672 с.

Хормач И. А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 года // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 80–106. DOI 10.31857/S013038640009146-8.

Шишкин В. А. Советское государство и страны Запада в 1917–1923 гг. Л. : Наука, 1969. 440 с.

AN. Sous-série 470. Archives privées (AP). Vol. 81.

Conseil des ministres, 28 décembre 1921 // Les archives de l'État en Belgique : [website]. URL: http://extranet.arch.be/510_1527_000_B/510_1527_000_04611_000/510_1527_000_04611_000_00_0120.pdf (accessed: 13.02.2022).

Conseil des ministres, 16 janvier 1922 // Les archives de l'État en Belgique : [website]. URL: http://extranet.arch.be/510_1527_000_B/510_1527_000_04611_000/510_1527_000_04611_000_00_0159.pdf (accessed: 13.02.2022).

Documents diplomatiques français. 1920–1932 / sous la dir. de Ch. Baechler. Bruxelles : P. I. E. Lang, 2005a. T. 2. 847 p. (DDF).

Documents diplomatiques français. 1921. Annexes. Bruxelles : P. I. E. Lang, 2005b. 963 p. (DDF).

Documents diplomatiques français. 1922. Bruxelles : P. I. E. Lang, 2007. T. 1. 837 p. (DDF).

Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 1 / ed. by W. Medlicott et al. L. : HMSO, 1919–1974. Vol. 15. 835 p. Vol. 19. 1138 p. (DBFP).

Fink C. The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921–1922. Syracuse : Syracuse Univ. Press, 1993. 365 p.

Foreign Relations of the United States : in 375 Vols. Washington : GPO, 1938. Vol. 1. 1075 p. (FRUS).

Himmer R. Rathenau, Russia, and Rapallo // Central Europ. History. 1976. Vol. 9, № 2. P. 146–183.

Hogenhuis-Seliverstov A. French Plans for the Reconstruction of Russia: A History and Evaluation // Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922 / ed. by C. Fink, A. Frohn, J. Heideking. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1991. P. 131–148.

Loucheur L. Carnets secrets. Bruxelles : Brepols, 1962. 189 p.

Orde A. British Policy and European Reconstruction after the First World War. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. 357 p.

Steiner Z. The Lights that Failed: European International History 1919–1933. Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. 956 p.

TNA. Cabinet Office 23/27, 24/131, 24/132, 31/11.

Volkov S. Walther Rathenau: Weimar's Fallen Statesman. N. Haven : Yale Univ. Press, 2012. 256 p.

White S. The Origins of Détente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921–1922. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1985. 255 p.

References

AN. Sous-série 470. Archives privées (AP). Vol. 81.

Arshintseva, O. A. (2004). Evropeiskaya politika Anglii i Genuevskaya konferentsiya 1922 g. [The European Policy of England and the Genoa Conference in 1922]. In *Investiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4 (34), pp. 22–26.

Baechler, Ch. (Ed.). (2005a). *Documents diplomatiques français. 1920–1932*. Bruxelles, P. I. E. Lang. Vol. 2. 847 p. (DDF).

Baechler, Ch. (Ed.). (2005b). *Documents diplomatiques français. 1921. Annexes*. Bruxelles, P. I. E. Lang. 963 p. (DDF).

Baechler, Ch. (Ed.). (2005b). *Documents diplomatiques français. 1922*. Bruxelles, P. I. E. Lang. Vol. 1. 837 p. (DDF).

Bonvech, B., Galaktionov, Yu. V. (Eds.). (2008). *Istoriya Germanii v 3 t.* [History of Germany. 3 Vols.]. Moscow, KDU. Vol. 3. 592 p.

Budnitskii, O. V. (Ed.). (2001). “*Sovershenno lichno i doveritel’no!*”: B. A. Bakhmetev – V. A. Maklakov. *Perepiska v 3 t.* [“Strictly Personal and Confidential!”: B. A. Bakhmetev – V. A. Maklakov. Correspondence. 3 Vols.]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 2. 672 p.

Conseil des ministres, 16 janvier 1922. In *Les archives de l’État en Belgique* [website]. URL: http://extranet.arch.be/510_1527_000_B/510_1527_000_04611_000/510_1527_000_04611_000_00_0159.pdf (accessed: 13.02.2022).

Conseil des ministres, 28 décembre 1921. In *Les archives de l’État en Belgique* [website]. URL: http://extranet.arch.be/510_1527_000_B/510_1527_000_04611_000/510_1527_000_04611_000_00_0120.pdf (accessed: 13.02.2022).

Dokumenty vneshnei politiki SSSR v 24 t. [Documents on Soviet Foreign Policy. 24 Vols.]. (1957–2000). Moscow, Politizdat. Vol. 4. 836 p. Vol. 5. 807 p. (DVP SSSR).

Fink, C. (1993). *The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921–1922*. Syracuse, Syracuse Univ. Press. 365 p.

Foreign Relations of the United States. 375 Vols. Washington, GPO, 1938. Vol. 1. 1075 p. (FRUS).

Himmer, R. (1976). Rathenau, Russia, and Rapallo. In *Central Europ. History*. Vol. 9. No. 2, pp. 146–183.

Hogenhuis-Seliverstoff, A. (1991). French Plans for the Reconstruction of Russia: A History and Evaluation. In Fink, C., Frohn, A., Heideking, J. (Eds.). *Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 131–148.

Hormach, I. (2020). Sovetskoe gosudarstvo na mezhdunarodnoi konferentsii v Genue po ekonomicheskim i finansovym voprosam. 10 aprelya – 19 maya 1922 goda [The Soviet State at the International Conference in Genoa on Economic and Financial Matters, 10 April – 19 May 1922]. In *Novaya i noveishaia istoriia*. No. 3, pp. 80–106. DOI 10.31857/S013038640009146-8.

Loucheur, L. (1962). *Carnets secrets*. Bruxelles, Brepols. 189 p.

Magadeev, I. E. (2021). *V teni Pervoi mirovoi voiny: dilemmy evropeiskoi bezopasnosti v 1920-e gody* [In the Shadow of the First World War: Dilemmas of European Security in the 1920s.]. Moscow, Aspekt Press Publ. 864 p.

Medlicott, W. et al. (Eds.). (1919–1974). *Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. I. L.*, HMSO. Vol. 15. 835 p. Vol. 19. 1138 p. (DBFP).

Orde, A. (2002). *British Policy and European Reconstruction after the First World War*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 357 p.

Pavlov, A. Yu. (Ed.). (2021). *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshnei politike Frantsii v 1917–1924 gg. v 2 t.* [Enemy, Rival, or Ally? Russia in French Foreign Policy, 1917–1924. 2 Vols.]. St Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya. Vol. 2. 892 p.

Sergeev, E. Yu. (2019). *Bol’sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskie otnosheniya, 1918–1924 gg.: ot interventsii k priznaniyu* [The Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations, 1918–1924: From Intervention to Recognition]. St Petersburg, Nauka. 831 p.

Shishkin, V. A. (1969). *Sovetskoe gosudarstvo i strany Zapada v 1917–1923 gg.* [The Soviet State and the Western Countries in 1917–1923]. Leningrad, Nauka. 440 p.

Steiner, Z. (2005). *The Lights That Failed: European International History 1919–1933*. Oxford, Oxford Univ. Press. 956 p.

TNA. Cabinet Office 23/27, 24/131, 24/132, 31/11.

Volkov, S. (2012). *Walther Rathenau: Weimar’s Fallen Statesman*. N. Haven, Yale Univ. Press. 256 p.

White, S. (1985). *The Origins of Détente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921–1922*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 255 p.

The article was submitted on 30.08.2021

**Несостоявшийся союз: провал переговоров
о советско-французской военной конвенции
против немецкого реваншизма***

Александр Вершинин

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

²Московский государственный университет,
Москва, Россия

**Failed Alliance: The Failure of Negotiations
on the Soviet-French Military Convention
against German Revanchism****

Aleksandr Vershinin

¹Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

²Moscow State University,
Moscow, Russia

This article considers the course and results of Soviet-French negotiations on the conclusion of a military convention in 1935–1937. The question of creating a full-fledged military alliance between the two countries arose immediately after they signed a mutual assistance pact in 1935, but initially neither side was fully prepared for this. The impetus for the intensification of negotiations was the events of March 1936 when the Soviet leadership, having failed to normalise its relations with Germany, became convinced of the weakness of the French position against the background of the events of the Rhine crisis. Military and diplomatic contacts began in June 1936 and became especially intense in autumn when L. Blum's cabinet initiated negotiations between the General Staffs of the two countries. However, at the beginning of 1937, it became clear

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–78–10014 «От согласия к пакту: франко-русские / франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

** *Citation:* Vershinin, A. (2022). Failed Alliance: The Failure of Negotiations on the Soviet-French Military Convention against German Revanchism. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 739–754. DOI 10.15826/qr.2022.2.699.

Цитирование: Vershinin A. Failed Alliance: The Failure of Negotiations on the Soviet-French Military Convention against German Revanchism // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 739–754. DOI 10.15826/qr.2022.2.699 / Вершинин А. Несостоявшийся союз: провал переговоров о советско-французской военной конвенции против немецкого реваншизма // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 739–754. DOI 10.15826/qr.2022.2.699.

that for their successful outcome, it was necessary to overcome the resistance of influential military-political circles, which the French government turned out to be incapable of doing. The Soviet side insisted on a transition to direct mutually binding negotiations, but in the summer of 1937, after the resignation of the Blum government, contacts on this issue eroded.

Keywords: World War II, Red Army, Soviet-French mutual assistance pact of 1935, military convention

Статья посвящена изучению хода и итогов советско-французских переговоров о заключении военной конвенции в 1935–1937 гг. Вопрос о создании полноценного военного союза между двумя странами встал сразу после подписания ими пакта о взаимопомощи в 1935 г., однако первоначально ни она из сторон не была полностью готова к этому. Толчком к активизации переговоров стали события марта 1936 г., когда советское руководство, не сумев нормализовать отношения с Германией, убедилось в слабости французской позиции на фоне событий Рейнского кризиса. Контакты по военной и дипломатической линии начались в июне 1936 г. и стали особенно интенсивными осенью, когда кабинет Л. Блюма инициировал переговоры между генеральными штабами двух стран. Однако в начале 1937 г. стало понятно, что для успешного их исхода необходимо преодолевать сопротивление влиятельных военно-политических кругов, на что французское правительство оказалось не способно. Советская сторона настаивала на переходе к непосредственным взаимообязывающим переговорам, однако летом 1937 г. после отставки правительства Блюма контакты по этому вопросу сошли на нет.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Красная армия, советско-французский пакт о взаимопомощи 1935 г., военная конвенция

Вопрос о том, мог ли потенциальный союз западных демократий и СССР во второй половине 1930-х гг. остановить германский реваншизм в Европе, продолжает звучать актуально как в научной, так и в общественной дискуссии, однако однозначного ответа на него нет. Внимание, как правило, привлекают события последних предвоенных месяцев, в частности трехсторонние англо-франко-советские переговоры в Москве в августе 1939 г., провал которых подвел черту под попытками Лондона и Парижа договориться с Москвой. Но чтобы понять те мотивы, которыми руководствовался Советский Союз весной-летом 1939 г., необходим более глубокий экскурс в историю его отношений с будущими союзниками по антигитлеровской коалиции. Переговоры о подписании военной конвенции с Францией еще в середине десятилетия выявили и поставили на повестку дня те конфликтные вопросы, которые в 1939 г. не позволили создать единый фронт великих держав перед лицом гитлеровской агрессии в Европе.

В историографии советско-французским военным переговорам 1935–1937 гг. уделено незначительное внимание [Дюллен; Орлов; Сиполс; Alexander; Dessberg; Vaïsse]. Важным исключением является статья М. Дж. Карлея [Карлей], но в целом проблема остается в тени схваток, сопровождавших подписание пакта о взаимопомощи между СССР и Францией в мае 1935 г. Политическое соглашение рассматривалось советским руководством лишь в качестве первого шага к эффективному сотрудничеству с целью сохранения мира в Европе, которое в середине 1930-х гг. было немыслимо без военной составляющей. Архивные источники позволяют реконструировать ход контактов между военными, дипломатами и политиками по вопросу заключения советско-французской военной конвенции. В фокусе статьи находятся эволюция советской позиции и причины провала попытки создания советско-французского союза. Верхней хронологической рамкой служит 1935 г., совпадающий с первыми обсуждениями военной конвенции. Нижняя хронологическая рамка – лето 1937 г., ознаменовавшее фактическое сворачивание военных переговоров.

2 мая 1935 г. в Париже советский полпред В. П. Потемкин и глава МИД Франции П. Лаваль подписали двусторонний пакт о взаимопомощи. Таким образом, завершились трудные переговоры, длившиеся с конца 1933 г. Советский Союз и Франция стали формальными союзниками. Однако заключенный договор в полной мере не устраивал ни одну из сторон. Лавалю указывали на то, что чрезмерное сближение с Москвой влияет на перспективы франко-германской нормализации и в целом подрывает основы французской системы коллективной безопасности, которая с середины 1920-х гг. основывалась на принципе многосторонности и арбитражном механизме Лиги Наций. Советский наркомат по иностранным делам (НКВД), а также политическое руководство страны в лице И. В. Сталина остались недовольны теми ограничениями, которые по настоянию французской стороны были внесены в договор, в частности его привязкой к Рейнскому гарантийному пакту 1925 г., резко снижавшей эффективность взаимопомощи и, по выражению Ж.-Б. Дюрозеля, превращавшей всю договоренность в «шедевр галиматьи» [Duroselle, p. 142].

В Кремле рассчитывали на продолжение переговоров. В ходе визита Лаваль в Москву в мае 1935 г. советский лидер говорил французскому гостю о своих ожиданиях:

Господин Сталин заявил, что полностью согласен с той пацифистской трактовкой франко-советского пакта, о которой я сказал. В то же время он уточнил, что в том случае, если мир не удастся сохранить, пакт может рассматриваться в качестве альянса; следовательно, чтобы обеспечить его миротворческую составляющую, стоит предвидеть худшее и уже сейчас предусмотреть технические возможности для его эффективного применения [Rapport, p. 142–143].

Речь, очевидно, шла о военной конвенции, которая бы превратила рыхлый пакт о взаимопомощи в полноценный военно-политический союз. Лаваль воспринял эту инициативу положительно и предложил в скором времени начать консультации между генеральными штабами двух стран.

Старт переговорам о заключении военной конвенции к пакту о взаимопомощи был дан на высшем уровне. Однако согласие Лавалья со сталинским предложением не стоило переоценивать. В ходе визита в Москву он решал важную внутривнутриполитическую задачу. Публичная демонстрация взаимопонимания с советским руководством должна была укрепить позиции правоцентристских сил, которые представлял сам глава МИД, в конкуренции с поддержанной коммунистами коалицией Народного фронта, набиравшей популярность накануне парламентских выборов 1936 г. [Белоусова, с. 208]. В этом контексте согласие на начало военных переговоров выглядело лишь как разменная карта.

Французская дипломатия 1920–1930-х гг. в принципе уходила от практики строительства военно-политических альянсов. Французские элиты усвоили идею того, что скатывание страны в Первую мировую войну стало следствием тех чрезмерных обязательств, которые она взяла на себя в рамках русско-французского союза [Soutou, p. 61–62]. Воспроизведение подобных дипломатических конструкций с встроенным механизмом автоматического действия не только казалось потенциально опасным, но и противоречило тем пацифистским настроениям, которые определяли облик французской политики. По замечанию С. Дюллен, на Кэ д'Орсэ само понятие «военный союз» «являлось табу под влиянием “травмы”, вызванной Первой мировой войной» [Дюллен, с. 102].

В Москве были в курсе этих ограничений, но считали, что речь идет о простом лавировании. Лавалью не доверяли и, ставя в диалоге с ним прямые вопросы, пытались определить его истинные намерения. Зондаж, таким образом, являлся важной задачей, но советское руководство имело и глубокие стратегические расчеты. Как показывают документы НКВД, с января 1935 г. в неофициальных беседах с французскими политиками советские дипломаты все чаще обсуждали возможность создания полноценного военного союза [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 95. Л. 9–20, 70–85]. Советское руководство утрачивало последние надежды на то, что германский экспансионизм удастся удержать в неких рамках.

В документах штаба РККА начала 1935 г. Германия впервые фигурировала как потенциальный противник на Западе [Кен, с. 377–387]. Очевидная трудность военной координации с Францией заключалась в том, что СССР не имел общей границы с рейхом, будучи отделен от него территорией Польши. Однако советское руководство рассматривало Варшаву в качестве потенциального военного союзника Берлина. На завершающем этапе политических переговоров советские дипломаты не скрывали от французов намерения обратиться планиру-

емый пакт в инструмент сдерживания как Германии, так и Польши [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 111. Д. 97. Л. 12].

Две задачи – зондировать цели Парижа, определяя, насколько серьезно французы относятся к двустороннему сотрудничеству и не готовы ли секретную сделку с немцами, и выстраивать каркас военного союза – переплетались, поочередно выходя на первый план. Стратегия их достижения испытала на себе воздействие особого переговорного стиля советской стороны. Представители СССР избегали ситуации, при которой могло сложиться впечатление, что они больше, чем французы, заинтересованы в их успешном результате. Советская позиция излагалась лишь в самых общих чертах, после чего вся инициатива отдавалась в руки партнеров, которым предоставлялась возможность доказать серьезность намерений путем четкого формулирования собственных обязательств. Ш. Фицпатрик усматривает здесь особый сталинский подход к принятию решений: «О важнейших изменениях в политике чаще всего “сигнализовали”, а не сообщали в форме четкой и подробной директивы» [Фицпатрик, с. 36].

Сталинское заявление о готовности заключить с Францией военный союз было во многом именно такой попыткой перевести мяч на сторону поля партнера. Подписание договора не означало его ввода в действие: соглашение предстояло ратифицировать. Москва не хотела делать это первой и ждала соответствующих шагов от Парижа. Однако Лаваль медлил. Потемкин так объяснял его мотивы в письме Литвинову:

Лаваль не хочет ни броскировать немцев немедленной ратификацией пакта, ни демонстрировать им свое предпочтение франко-советского сотрудничества по сближению Франции с Германией... Боевое возбуждение Лавалья, направленное против усиливающегося левого течения во внутренней жизни Франции, заметно отражается и на внешней его политике [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 95. Л. 173, 174–175].

Обмен сигналами по вопросу возможной военной конвенции советская сторона воспринимала, уточняя степень готовности Лавалья закончить дело, начатое подписанием пакта о взаимопомощи.

Уже в конце мая военный атташе СССР С. И. Венцов сообщил командованию французской армии о готовности советской стороны начать военные переговоры [Сиполс, с. 80], однако начальник Генерального штаба генерал М. Гамелен не имел никакой информации о московских договоренностях [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 95. Л. 170]. Через несколько дней тему военного соглашения в разговоре с Потемкиным поднял военный министр Ж. Фабри. «Мы отвечаем на эту инициативу, стараясь не проявлять слишком большой заинтересованности, которая могла бы быть истолкована не в нашу пользу», – писал в Москву Потемкин [Документы внешней политики СССР, т. 18, с. 420]. По мнению дипломата, французский Генштаб был

«заинтересован в установлении делового сотрудничества с нашим». Того же мнения придерживался Венцов. В мае по пути из Москвы в Париж он разговаривал с журналистом А. Жеро (Пертинаксом), который был вхож в высшие военно-политические круги Франции. «Пертинакс, – отмечал в донесении Венцов, – откровенно подчеркивал, что решающее значение в будущем сотрудничестве он придает взаимодействию двух генеральных штабов» [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 760. Л. 122].

Зондаж продолжился в сентябре в ходе визита во Францию военной делегации РККА во главе с А. И. Седякиным. По словам секретаря полпредства СССР во Франции Е. В. Гиршфельда, весь «прием миссии проходил, если можно так выразиться, в “аполитичных тонах”»: «вопросы осуществления сотрудничества армий двух стран, связанных пактом о взаимопомощи, совершенно не затрагивались». Гамелен «уклонился от обсуждения темы о дальнейшем сотрудничестве, намекнув на то, что имеются обстоятельства внутривосточного характера и что вообще эту проблему должны разрешать не военные, а политические руководители». Генерал стремился оставаться «в пределах “генеральной линии” Лавалья» [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 95. Л. 186–187].

На фоне задержки с ратификацией у советского руководства складывалось мнение о том, что главными препятствиями к вводу соглашения в действие с его последующим дополнением военной конвенцией являются лично Лаваль и проводимая им политика, которую к концу 1935 г. отягощали новые попытки договориться с Германией и двусмысленная позиция, занятая Францией в ходе Абиссинского кризиса. В письме Потемкину от 19 декабря Литвинов заявил: «В лице Лавалья мы имеем последовательного настойчивого врага коллективной системы безопасности» [Там же. Д. 94. Л. 37]. Это видение, однако, являлось упрощенным.

Лаваль оказался под двойным давлением внешне- и внутривосточных обстоятельств. Он не оставлял попыток реанимировать систему коллективной безопасности с участием Германии. В ситуации очевидного роста германского реваншизма эта задача превращалась в труднорешаемое уравнение, однако французская дипломатия не видела альтернатив: создание механизма силового сдерживания Рейха на основе военных союзов воспроизводило ситуацию начала XX в., которая рассматривалась как крайне опасный прецедент. В то же время рост социально-политической поляризации во Франции на фоне перспективы победы Народного фронта на выборах 1936 г. делал проблему советско-французского пакта фактором внутривосточной жизни страны. Широкие круги общественности, поддерживавшей правые партии, воспринимали сближение с СССР как шаг на пути к революции и мировой войне, в которой французы воевали бы за чужие интересы [Crémieux-Brilhac, p. 99–102].

Поле для маневра ограничивалось и позицией военных. Вопреки сообщениям советских представителей во Франции, в Генштабе до-

минировало течение, выступавшее против стратегического взаимодействия с СССР. Гамелен и его ближайшие сотрудники отмечали, что СССР не имел общей границы с Германией, а следовательно, не мог прийти Франции на помощь [Vaïsse, p. 694–695]. Боевые качества РККА также вызывали у них определенный скепсис. «Красная армия, – говорилось в материале Генштаба, – способна только на напряжение в течение 2–3 месяцев против второклассного противника» [РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 740. Л. 116]. Противоположное мнение высказывал лишь заместитель Гамелена генерал Л. Луазо, который, посетив в сентябре 1935 г. маневры РККА в районе Киева и оставшись под впечатлением от увиденного, заявил, что «военное соглашение с Россией не только необходимо, но и легко достижимо» [Loizeau, p. 276]. Однако подобные взгляды не пользовались поддержкой.

В Москве этой информацией в полном объеме не располагали, считая, что Лаваль петляет, ищет политической выгоды лично для себя и подготавливает большое соглашение с Германией. Его уход в отставку в конце января 1936 г. был воспринят с облегчением. Глава МИД П.-Э. Фланден сообщил Литвинову, что «новое правительство полно решимости осуществлять “национальную” политику Франции, связанную с ее друзьями в Европе», и ратифицирует советско-французский пакт [Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 59], что и было сделано 27 февраля. Однако, добившись этого результата, советская сторона фактически прервала консультации о возможности заключения военной конвенции.

В интервью американскому журналисту Р. Говарду 1 марта Сталин лишь упомянул о ратификации советско-французского пакта как о «новейшем успехе дела друзей мира», уйдя от обсуждения его стратегического значения [Там же. С. 107]. На ремилитаризацию Рейнской области Германией, поводом для которой стала ратификация пакта, якобы нарушавшего Локарнские соглашения, в Москве отреагировали осторожно. Беседуя с журналистом французской газеты «Тан» 19 марта, В. М. Молотов заявил, что при всей скандальности действий Гитлера они несут с собой риски прежде всего для Франции. СССР же не исключал для себя возможности нормализации отношений с Германией [Там же, с. 166–172].

Получив наконец рабочее соглашение с Парижем, Москва колебалась по поводу того, в каком направлении его следует развивать. Императив купирования военной угрозы на западном направлении, обозначившийся весной 1935 г., стал еще более очевидным. К началу 1936 г. Советский Союз фактически вошел в период непосредственной подготовки к войне, что отразилось в скачкообразном росте численности действующей армии и развертывании военной экономики [Кен, с. 377–387]. В январе заместитель наркома обороны М. Н. Тухачевский заявил о росте угрозы войны на западе, предвидя возможное выступление Германии и Польши против СССР. Эта гипотеза была отработана в рамках большой командно-штабной игры, показавшей, что шансы

Красной армии победить в столкновении с коалицией пограничных стран, поддержанных Германией, далеко не безусловны [Иссерсон]. Логика коалиционного строительства говорила о необходимости активизации сотрудничества с Францией, но все предыдущие мытарства пакта о взаимопомощи не способствовали росту доверия к французам.

В этой ситуации Москва, не предпринимая резких шагов, решила прозондировать позицию Германии. Очередной тур переговоров между торгпредом СССР Д. В. Канделаки и германскими официальными лицами в конце 1935 – начале 1936 г. завершился без существенного политического результата [Безыменский, с. 98–103]. На европейском направлении советской внешней политики складывалась ситуация опасного вакуума, усиливавшая общую неопределенность, что создавало предпосылки для ужесточения курса Москвы. В конце марта Париж пошел на уступки Берлину по всем основным вопросам, возникшим в ходе Рейнского кризиса: признавался германский контроль над бывшей демилитаризованной зоной, проблема восточноевропейской безопасности обходилась молчанием. Но для Кремля не менее важным было другое обстоятельство: чтобы снять возражения Гитлера против советско-французского пакта, французы согласились передать его на рассмотрение Международного суда в Гааге.

Столь очевидное пренебрежение двусторонними договоренностями отбросило отношения между Москвой и Парижем во времена наиболее острых столкновений с Лавалем. Соответствующим образом изменилась и советская риторика. Политбюро инструктировало Литвинова:

Ежели теперь же не будет вырешен вопрос о Восточной Европе, то... СССР придется стать на путь дальнейшего увеличения своей армии и авиации, ибо СССР будет считать, что он предоставлен самому себе [Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 181].

Такая постановка вопроса говорила о серьезном сдвиге не только позиции Кремля, но и общего представления о реальном потенциале системы коллективной безопасности. Переориентация советско-французского пакта в сторону военного союза виделась единственной альтернативой окончательному отказу от попыток обеспечить безопасность границ СССР путем активной дипломатии.

В начале лета тема военной конвенции возвращалась на первый план советско-французских переговоров, которые после мая вело новое правительство Народного фронта во главе с Л. Блюмом. В нем состояли политики, лояльно относившиеся к СССР, чем решила воспользоваться Москва. С инициативой выступил Венцов, как правило, выполнявший прямые поручения наркома обороны К. Е. Ворошилова. 12 июня он встретился с начальником кабинета министра авиации П. Кота и в разговоре с ним сразу взял жесткий тон. В ответ на предложение своего французского визави начать «подготовительную работу, которая могла бы облегчить в последующем быстрые переговоры», советский военный атташе заявил:

Время потеряно только благодаря французам. Постоянные колебания привели к тому, что прошло больше года после подписания пакта и ничего не изменилось в отношении подготовки к его выполнению [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 116].

Общие слова о возможности установления контактов между штабами ВВС двух стран он сразу предложил перевести в практическую плоскость. В том же ключе прошли его консультации с руководителем кабинета генерала Гамелена. Ответом на прямые советские предложения везде было вежливое молчание.

Кабинет Блюма попал в ту же ловушку, из которой в 1935 г. не смог выбраться Лаваль. Французский политик А. де Монзи отмечал:

Выборы 1936 г. скорее отдалили нас от СССР, чем сблизили с ним. Страхи, внушаемые деяниями коммунистов внутри нашей страны, заставили действовать осторожнее тех патриотов, которые до сих пор больше внимания уделяли общности интересов [двух стран], чем цивилизационным различиям [Crémieux-Brilhac, p. 103].

На фоне резкого обострения внутренних социально-политических противоречий летом 1936 г. правительство Народного фронта было вынуждено отказаться от активной внешней политики. Блюм, подержанный военным министром Э. Даладье, занял позицию невмешательства в испанскую гражданскую войну и провел новый тур переговоров с Берлином [Berstein, p. 511–512].

В своем донесении от 15 июля Венцов скептически оценивал перспективы развития диалога с французами:

Общая обстановка во Франции стала... еще более напряженной... И Блюм, и в особенности Даладье по разным мотивам ищут сближения с немцами... Советская кампания сейчас достигла своего апогея... В министерствах национальной обороны... царит настроение не иметь неприятностей и как-либо отвязаться от нас. <...> Совершенно очевидно, что и наша позиция совсем не может заключаться в том, чтобы навязывать им свою дружбу. Мы слишком выросли и слишком ценим свое достоинство, чтобы позволить этой св... вновь начинать влияние и заигрывание на все четыре стороны. Практически я ощущаю откат по всем решительно линиям [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 125].

Одновременно шел зондаж и по дипломатическим каналам. 11 мая в беседе с Литвиновым бывший министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур говорил о желательности заключения военной конвенции. Нарком в ответ заметил, что «пакт... дает больше выгод Франции, чем нам» [Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 259], очевидно, отдавая инициативу французской стороне. Из всех министров ка-

бинета Блюма интерес к развитию военных отношений с СССР проявил лишь Кот, давний сторонник советско-французского сближения. 15 июня в ходе встречи с Гиршфельдом он говорил о «необходимости не только чисто военного взаимодействия, но и определенной согласованности действий в области промышленной подготовки» [Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 305]. Эти слова, впрочем, мало что значили в практическом плане. В правительстве позиция Кота не находила поддержки.

К началу осени заметного продвижения в обсуждении перспектив военной конвенции не произошло, и советская сторона форсировала ход переговоров. В конце августа – начале сентября во Франции находилась миссия наркомата обороны во главе с И. Э. Якиром, который на официальном приеме заявил:

При нынешнем положении дел в Европе сотрудничество наших двух армий, не имеющих агрессивных намерений против кого бы то ни было, может стать крайне важным фактором безопасности и мира [Le Temps, 1936, 21 août].

7 сентября в письме Сталину Литвинов предложил «наполнить конкретным содержанием» соглашение 1935 г., подписав конвенцию о военном сотрудничестве и указывая в том числе на позицию Чехословакии, имевшей пакты о взаимопомощи с СССР и Францией и желавшей развития сотрудничества в практической плоскости [Дюллен, с. 119]. Политбюро одобрило эту инициативу. Разрастание гражданской войны в Испании убеждало Кремль в приближении европейской войны. Вопрос французского союза становился для Москвы первоочередным.

В это время Блюм начинал осторожно разворачивать французскую политику, начав с запуска в сентябре грандиозной программы перевооружения армии. В Париже понимали, что коллективная безопасность, не подкрепленная силовым инструментарием, не оставляет шансов сдержать германский реваншизм. На этом фоне запуск военных консультаций с СССР выглядел логичным шагом. 8 октября Кот «от имени своего правительства» предложил Гиршфельду «официально приступить к конкретным переговорам воздушных штабов». 19 октября советское правительство ответило на это предложение согласием [Документы внешней политики СССР, т. 19, с. 465, 766]. По мнению Потемкина, это был первый ощутимый результат переговоров на фоне имевшего место ранее «расплывчатого и ни к чему не обязывающего зондажа общего характера» [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 148].

Одновременно Венцов посетил французский Генштаб, где поднял ключевую для взаимодействия двух армий проблему позиции Польши. Вопросы, которые он ставил, позволяли достаточно точно реконструировать точку зрения Москвы:

Может ли [Франция] быть уверена в том, что усилия, предпринимаемые в настоящее время Польшей в военной области, направлены исключительно против Германии? <...> Не стоит ли также воспользоваться случаем, чтобы добиться от Польши права свободного прохода через Восточную Галицию для советских войск?

Венцов допускал возможность оказания Советским Союзом Польше помощи военными поставками и уточнял, готова ли Франция надавить на поляков, чтобы склонить их к соглашению с Москвой [Дюллен, с. 120]. Польский вопрос предлагалось решить в принципе: в случае согласия Варшавы принять означенные условия рассматривать ее территорию как предполье для развертывания Красной армии, в случае отказа – исходить из перспективы противостояния германо-польской коалиции.

Подобная стратегия исходила из презумпции неизбежности войны и предполагала военное планирование против конкретных потенциальных противников. Однако французы к столь резкому повороту всей своей предыдущей политики оказались не готовы. В начале ноября правительство Блюма предметно обсуждало советские инициативы. Вернувшийся с маневров РККА в Белоруссии заместитель Гамелена В.-А. Швейсгут сообщил о сделанном ему с Тухачевским предложении открыть переговоры между двумя генштабами, однако советовал его отклонить, считая, что боеспособность Красной армии невелика, а соглашение с ней приведет к обострению отношений с Польшей [Documents diplomatiques français, p. 510–514]. Гамелен также полагал, что польский альянс с военной точки зрения имеет преимущество перед той помощью, которую Франции мог бы оказать СССР. Даладье разделял это мнение и опасался, что оформление советско-французского военного союза даст предлог Гитлеру активизировать свою агрессивную политику.

Потемкин получил информацию об этих консультациях от самого Блюма, который склонялся к договоренности с Москвой, о чем тут же сообщил в Москву. Дополнительные сведения предоставил Кот. Полпред сообщал:

Даладье и Гамлэн пытались сперва «забыть» о решении установить технический контакт между французской и советской военной авиацией. Когда Кот об этом напомнил, Даладье и Гамлэн подвергли открытому сомнению эффективность той военной помощи, которую СССР может оказать Франции, подвергшейся нападению. Кот, Блюм... энергично настаивали на необходимости скорейшего выяснения этого вопроса путем технических переговоров между генштабами обоих заинтересованных стран... В конце концов Блюму и Коту удалось добиться принятия сощещанием их предложения [РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1027. Л. 148].

Французы подтвердили свое намерение направить в Москву миссию для ведения военных переговоров. Венцов в случае своего привлечения к ним предлагал «держаться крайне сдержанной позиции»:

Я заявлю им, что хотел бы знать для передачи своему командованию, с какими полномочиями они собираются послать свою комиссию. С другой стороны, нам интересно было бы для подготовки к этим переговорам знать, в пределах каких вопросов предполагается вести беседы в Москве [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 146].

Потемкин подчеркивал, что в складывающихся обстоятельствах «менее всего желательно выказывать... особую заинтересованность» в достижении договоренности по военному сотрудничеству. В этом полпреда поддерживал НКВД. «Вам надо будет соответственно сманеврировать исходя из того, что мы отнюдь не стремимся ускорить переговоры, не желая в то же время навлекать подозрения, будто мы сами уклоняемся от них», – инструктировал его Литвинов [Дюллен, с. 121].

Большое значение для дальнейшего хода событий имела встреча 22 декабря Венцова, заканчивавшего свою работу на посту военного атташе, с Гамеленом. В ходе обычного протокольного обмена любезностями генерал «хотя и отметил необходимость более тесного сотрудничества обеих армий, однако он не поднял ни одним словом конкретного вопроса о переговорах штабов». Эту тему, ключевую для всей конструкции отношений между Москвой и Парижем, на выходе из кабинета генерала в беседе с Венцовым затронул начальник секретариата Гамелена. Майор Ж. Птибон «заявил, что, по его представлению, центральная опасность в Европе сейчас заключается в возможности внезапного нападения немцев против Чехословакии», заверял Венцова в готовности Франции помочь Праге, спрашивал, какое содействие ей мог бы оказать СССР и намекнул, что в том случае, если Польша окажется в германском лагере, Париж и Москва получат «смежную границу против враждебной нам коалиции». Венцова прежде всего интересовало, является ли это предложение официальным, однако его визави «уклонился от прямого ответа» [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 18–19].

Переговоры продолжились 6 января 1937 г. при участии преемника Венцова Н. А. Семенова. Разговор с ним генерал Швейцгута начал с замечания о том, что пакт о взаимопомощи может перерасти в военный союз, а может остаться на бумаге, и повторил соображения, уже высказанные Птибоном. Вывод Семенова звучал скептически:

Неоднократные ссылки генерала Швейцгута на то, что мы не имеем общей границы с Германией, по-моему, показывают, что в окружении генерала Гамлена особого перелома в этом вопросе нет. Сама постановка вопроса нам, чем мы можем им помочь, не указывая конкретно их наметки, где и в каком размере они делали бы получить эту помощь, по-моему, доказывает, что Гамлен пошел на этот разговор через генерала Швейцгута только под нажимом в правительстве Кота [Там же. Л. 25–29].

О ходе обсуждений Ворошилов доложил Сталину, отметив, что французы ведут их «в такой форме, которая похожа на желание получить расплывчатый и ничего не значащий ответ, который позволил бы Гамелену доказывать в правительстве бесполезность и невыгоду дру-

жественных отношений с Советским Союзом». Семенову предлагалось инициировать консультации «выделенных представителей обеих генеральных штабов», которые «будут обсуждать формы взаимопомощи обеих стран в различных вариантах» [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 74–75]. Однако французы ждали ответа по существу, и 2 февраля Семенова снова вызвали в Генштаб. Одновременно генеральный секретарь МИД А. Леже говорил о том же с Потемкиным. Полпред указывал на то, что «вопросы, поставленные ген[ералом] Швейсгутом, сформулированы были в слишком общей, недостаточно конкретной редакции. При этом они носили односторонний характер» [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 77]. Генштаб РККА сформулировал свой ответ лишь 17 февраля. В случае агрессии Германии Москва выражала готовность задействовать сухопутные силы РККА через территорию Польши и Румынии либо отправить их морем, а также использовать авиацию [Документы внешней политики СССР, т. 20, с. 703]. Вопрос о том, каким образом будет обеспечен проход советских войск, не разъяснялся, что вызвало вопросы со стороны Блюма. Однако советская сторона не давала ответа.

Ситуация застыла в мертвой точке. В Москве считали, что французские просьбы уточнить модальность оказания помощи имеют своей целью «добиться от нас самих признаний, что наша военная помощь Франции, в особенности при отсутствии у нас общих границ с Германией, не может быть достаточно эффективной» [Там же], и настаивали на проведении прямых консультаций между генштабами, которые было бы невозможно дезавуировать задним числом. Однако французы на фоне обозначившихся разногласий в правительстве, возражений военных и нарастающего кризиса коалиции Народного фронта не были готовы идти настолько далеко.

11 марта Потемкин писал Литвинову:

Контакт наших генштабов, по-видимому, осуществится не так скоро. На прошлой неделе я видел Даладьё, который с таинственным видом мне сообщил, что продвигает это дело, но действует с особой осторожностью, чтобы не поднять нежелательного переполоха [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 140].

В конце марта в СССР прибыла миссия французских ВВС. В беседе с ее руководителем Ворошилов заметил, что «Генштаб РККА до сих пор не поставлен в известность» о намерениях французской стороны.

Есть пакт о взаимопомощи, имеется также представление о наших вооруженных силах, в частности воздушных, существует наконец ответ нашего Генштаба на зондаж французского Генштаба. Всего этого вполне достаточно, чтобы без особой «подготовки», с открытыми глазами принять правительственное решение о ведении военных переговоров и рассматривать весь вопрос в целом, совокупно, в отношении всех видов вооруженных сил, что нашим Генштабом признается единственно правильным [РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 1027. Л. 291].

В начале апреля глава МИД И. Дельбос обещал Потемкину, что правительство вскоре обсудит вопрос военных переговоров, однако это намерение осталось нереализованным. В июне кабинет Блюма ушел в отставку. 12 августа новый полпред в Париже Я. З. Суриц сообщил в Москву: «Почти никто из моих официальных собеседников не говорил о необходимости расширить наши отношения, и тем менее – о военном сотрудничестве» [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 136. Д. 110. Л. 245].

Метания французов еще в конце 1936 г. сформировали в Кремле неблагоприятные ожидания. В ноябре в инструкции Потемкину Литвинов писал: «Некоторые авторитетные товарищи здесь предпочитают, чтобы [военные] переговоры были отложены, но лучше, чтобы инициативу здесь взяли на себя французы» [Carley, p. 323]. После переговоров Венцова с Птибоном в полпредство сообщили «о прохладном отношении руководящих товарищей к проблеме франко-советского военно-технического контакта» [Дюллен, с. 121]. В начале февраля Литвинов предупредил полпреда:

Считаю преждевременным Ваше заявление... о желательности непосредственных конкретных переговоров авторитетных представителей генеральных штабов. Мне, да и Вам неизвестно, чтобы стремление к таким переговорам существовало в Москве, а, наоборот, имею основания в этом даже сильно сомневаться [АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. П. 135. Д. 109. Л. 16].

О причинах этих сомнений советские дипломаты открыто говорили своим французским визави:

Наше неудовольствие вызывалось... недопустимой возней политических группировок Франции вокруг франко-советского пакта, бесцеремонными дискуссиями печати и парламента о стабильности нашего режима, о состоянии наших вооруженных сил, шаткостью позиции Франции в отношении Германии, неправильной линией в испанском вопросе и т. д. [Там же. П. 136. Д. 110. Л. 75–76].

После войны Даладьё, которому приходилось объясняться за многие внешнеполитические ошибки 1930-х гг., говорил о том, что Москва фактически сама свернула обсуждение взаимодействия между генштабами, отозвав военного атташе и вскоре развернув масштабные репрессии в вооруженных силах [Alexander, p. 300]. Как показывает анализ документов, реальность была иной. Полпредство до лета 1937 г. сохраняло данную проблему в пространстве диалога с французами, а в Кремле так и не дождались политического решения французской стороны о начале военных переговоров.

Период с сентября 1936 по март 1937 г. был, вероятно, моментом наибольшего сближения позиций СССР и Франции по вопросу оформления военного союза. Для Москвы соображения дипломатического зондажа отошли на второй план по сравнению со стратегическими соображениями. В Париже правительство Народного фронта смогло

временно стабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию и начало готовиться к войне, перевооружая армию. Ноябрьская инициатива Блюма имела шансы на успех, но для ее реализации французскому руководству не хватило политической воли. Как предполагал генерал Швейсгут, советско-французский союз остался на бумаге. Доверие руководства СССР к Франции было серьезно подорвано накануне тех событий, от исхода которых зависела судьба Европы и всего мира.

Список литературы

- АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 110. Д. 94, 95, 97; Оп. 17. П. 135. Д. 109; П. 136. Д. 110.
Безыменский Л. А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М. : Вече, 2000. 504 с.
Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М. : Наука, 1976. 418 с.
 Документы внешней политики СССР : в 24 т. М. : Политиздат, 1957–2000. Т. 18. 786 с. Т. 19. 823 с. Т. 20. 788 с.
Дюллен С. Сталин и его дипломаты. Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 318 с.
Иссерсон Г. С. Судьба полководца // Дружба народов. 1988. № 5. С. 179–192.
Карлей М. Дж. «Комедия, обернутая иронией внутри трагедии»: франко-советские попытки консультаций между генштабами (1936–1937) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2021. № 1. С. 45–91. DOI 10.24412/2409-1413-2021-1-45-91.
Кен О. Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). М. : ОГИ, 2008. 510 с.
Орлов Б. М. В поисках союзников: командование Красной армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х годах // Вопр. истории. 1990. № 4. С. 40–53. РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 740, 760, 1027.
Сиполс В. Я. Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М. : Междунар. отношения, 1989. 360 с.
Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм : Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М. : РОССПЭН, 2008. 332 с.
Alexander M. S. The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933–1940. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1992. 573 p.
Berstein S. Léon Blum. Paris : Fayard, 2006. 835 p.
Carley M. J. A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft. 2006. Vol. 17. № 2. P. 295–346. DOI 10.1080/09592290600695292.
Crémieux-Brilhac J.-L. Les Français de l'an 40 : [2 vols.]. Paris : Gallimard, 1990. Vol. 1. La guerre, oui ou non? 647 p.
Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles : Peter Lang, 2009. 440 p.
 Documents diplomatiques français. 2e série 1936–1939 : 19 vols. Paris : Imprimerie nationale, 1966. Vol. 3. 844 p.
Duroselle J.-B. La Décadence 1932–1939. Paris : Imprimerie nationale, 1983. 568 p. Le Temps. 1936. 21 août.
Loizeau L. Une mission militaire en URSS // Rev. des deux mondes. 1955. № 8. P. 252–276.
 Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945 : 11 vols. Paris : Imprimerie de l'Assemblée Nationale, 1951–1952. Vol. 1. 286 p.
Soutou G.-H. La grande illusion. Quand la France perdait la paix, 1914–1920. Paris : Tallandier, 2015. 379 p.
Vaisse M. Les militaires français et l'alliance franco-soviétique au cours des années 1930 // Forces armées et systèmes d'alliance : Colloque international d'histoire militaire et d'études de défense nationale, Montpellier, 2–6 septembre 1981. Paris : Fondation pour les études de Défense nationale, 1983. P. 688–703.

References

- Alexander, M. S. (1992). *The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1933–1940*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 573 p.
- AVP RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Stock 05. List 15. File 110. Dos. 94, 95, 97; List 17. File 135. Dos. 109; File 136. Dos. 110.
- Belousova, Z. S. (1976). *Frantsiya i evropeiskaya bezopasnost', 1929–1939* [France and European Security]. Moscow, Nauka. 418 p.
- Berstein, S. (2006). *Léon Blum*. Paris, Fayard. 835 p.
- Bezymenskii, L. A. (2000). *Gitler i Stalin pered skhvatkoi* [Hitler and Stalin before the Fight]. Moscow, Veche. 504 p.
- Carley, M. J. (2006). A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940. In *Diplomacy & Statecraft*. Vol. 17. No. 2, pp. 295–346. DOI 10.1080/09592290600695292.
- Carley, M. J. (2021). “Komediya, obernutaya ironiyei vnutri tragedii”: franko-sovetskie popytki konsul'tatsii mezhdru genshtabami (1936–1937) [“A Comedy Wrapped in Irony inside a Tragedy”]: Franco-Soviet Attempts at Consultations between General Staffs (1936–1937)]. In *Zhurnal rossiiskikh i vostочноevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy*. No. 1, pp. 45–91.
- Crémieux-Brilhac, J.-L. (1990). *Les Français de l'an 40*. 2 vols. Paris, Gallimard. Vol. 1. La guerre, oui ou non? 647 p.
- Dessberg, F. (2009). *Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles, Peter Lang. 440 p.
- Documents diplomatiques français. 2e série 1936–1939*. (1966). 19 vols. Paris, Imprimerie nationale. Vol. 3. 844 p.
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR v 24 t.* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. 24 Vols.] (1957–2000). Moscow, Politizdat. Vol. 18. 786 p. Vol. 19. 823 p. Vol. 20. 788 p.
- Dullin, S. (2009). *Stalin i ego diplomaty. Sovetskii Soyuz i Evropa, 1930–1939 gg.* [Stalin and His Diplomats: The Soviet Union and Europe, 1930–1939]. Moscow, ROSSPEN. 318 p.
- Duroselle, J.-B. (1983). *La Décadence 1932–1939*. Paris, Imprimerie nationale. 568 p.
- Fitzpatrick, Sh. (2008). *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social History of Soviet Russia in the 1930s: City.]. Moscow, ROSSPEN. 332 p.
- Isserson, G. S. (1988). Sud'ba polkovodtsa [The Fate of a Commander]. In *Druzhba narodov*. No. 5, pp. 179–192.
- Ken, O. N. (2008). *Mobilizatsionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konets 1920-kh – seredina 1930-kh gg.)* [Mobilisation Planning and Political Decisions (Late 1920s – Mid-1930s)]. Moscow, OGI. 510 p.
- Le Temps*. (1936). 21 août.
- Loizeau, L. (1955). Une mission militaire en URSS. In *Rev. des deux mondes*. No. 8, pp. 252–276.
- Orlov, B. M. (1990). V poiskakh soyuznikov: komandovanie Krasnoi Armii i problemy vneshnei politiki SSSR v 30-kh godakh [In Search of Allies: The Command of the Red Army and the Problems of Foreign Policy of the USSR in the 30s]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 40–53.
- Rapport fait au nom de la Commission chargée d'enquêter sur les événements survenus en France de 1933 à 1945*. (1951–1952). 11 vols. Paris, Imprimerie de l'Assemblée Nationale. Vol. 1. 286 p.
- RGVA [Russian State Military Archive]. Stock 33987. List 3a. Dos. 740, 760, 1027.
- Sipols, V. Ya. (1989). *Diplomaticheskaya bor'ba nakanune Vtoroi mirovoi voiny* [Diplomatic Struggle on the Eve of World War II]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 360 p.
- Soutou, G.-H. (2015). *La grande illusion. Quand la France perdait la paix, 1914–1920*. Paris, Tallandier. 379 p.
- Vaïsse, M. (1981). Les militaires français et l'alliance franco-soviétique au cours des années 1930. In *Forces armées et systèmes d'alliance. Colloque international d'histoire militaire et d'études de défense nationale, Montpellier, 2–6 septembre 1981*. Paris, Fondation pour les études de Défense nationale, pp. 688–703.

The article was submitted on 31.03.2021

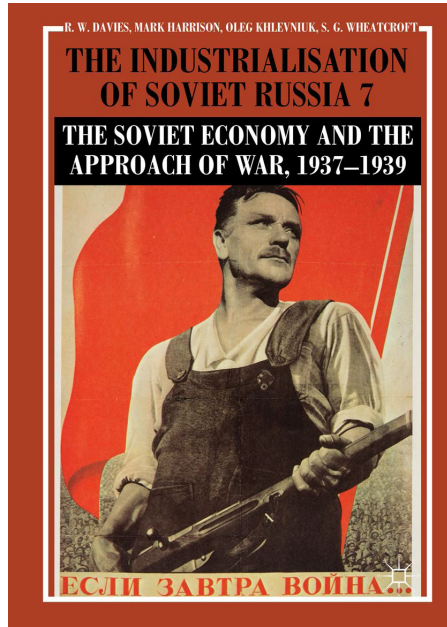
Controversiae
et recensiones

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
АННА КИРЗЮК

**ОПАСНЫЕ
СОВЕТСКИЕ ВЕЩИ**

ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И СТРАХИ В СССР

Controversiae
et recensiones

Обыденные страхи Страны Советов*

Рец. на: Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. – М. : Новое лит. обозрение, 2020. – 536 с.

Анна Меньщикова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

The Everyday Fears of the Country of the Soviets

Rev. of: Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2020). *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 536 p.

Anna Menshchikova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This review analyses *Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR*, a book by A. Arkhipova and A. Kirzyuk that was published by the Novoye Literaturnoye Obozrenie publishing house in 2020. The research studies Soviet urban legends from the point of view of their typologisation and the description of the nature of existence and interpretation of the plots presented. The sources of urban folklore are reports of the KGB from the Soviet republics, case investigations, letters from Soviet citizens, and information from the Propaganda Department of the Central Committee of the CPSU. These documents reflect those events that caused the most acute social reaction: this manifested itself in the emergence and spread of folklore plots that caused changes in everyday behaviour. The authors refer to the experience of Western anthropological research and conclude that it is advisable to use a set of scholarly approaches (interpretive, memetic, and operational) that offer their own tools for working with folklore texts: this determines the methodological novelty of the work. Focusing on the definition of the genre of the “urban legend”, Arkhipova and Kirzyuk divide the collected material not only according to wider plots, but also according to the type of actualisation (the authorities’ initiative or

---

* Citation: Menshchikova, A. (2022). The Everyday Fears of the Country of the Soviets. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 757–765. DOI 10.15826/qr.2022.2.700.

Цитирование: Menshchikova A. The Everyday Fears of the Country of the Soviets // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 757–765. DOI 10.15826/qr.2022.2.700 / Меньщикова А. Обыденные страхи Страны Советов // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 757–765. DOI 10.15826/qr.2022.2.700.

“horizontally” spread in society) and functions (prevention, protection, agitation, propaganda). According to the reviewer, the book offers unique folklore material and universal ways to interpret such material.

Keywords: culture of everyday life, urban legends, plots, fears, USSR, non-fiction

Представлен анализ книги А. Архиповой и А. Кирзюк «Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР», вышедшей в издательстве «Новое литературное обозрение» (2020). Исследование написано в традициях non-fiction и обращено к изучению советских городских легенд: типологизации, описанию характера бытования и интерпретации представленных сюжетов. Источниками городского фольклора стали сводки КГБ из советских республик, материалы следственных дел, письма советских граждан, информация Отдела пропаганды ЦК КПСС, в разные десятилетия отражавшие события советской действительности, вызывавшие наиболее острую социальную реакцию, проявлявшуюся в возникновении и распространении фольклорных сюжетов, становившихся причинами изменения бытового поведения. Авторы исследования, обращаясь к опыту западных антропологических исследований, приходят к выводу о целесообразности применения комплекса научных подходов – интерпретативного, меметического, операционального – каждый из которых предполагает собственный инструментарий для работы с фольклорными текстами, что определяет методологическую новизну работы. Остановившись на определении жанра «городской легенды» как самостоятельной единицы, А. Архипова и А. Кирзюк разделяют собранный материал не только по укрупненным сюжетам, но и по типу их актуализации (инициатива власти или распространение в обществе «по горизонтали») и функциям (предупреждение, защита, агитация, пропаганда). По мнению рецензента, книга предлагает уникальный фольклорный материал, а также универсальные вне-временные способы его интерпретации.

Ключевые слова: культура повседневности, городские легенды, сюжеты, страхи, СССР, non-fiction

Книга антропологов Александры Архиповой и Анны Кирзюк вышла в издательстве «Новое литературное обозрение» в 2020 г. и была удостоена V публицистической премии «Либмиссия» в номинации «Аналитика». Миссия премии – «качественное улучшение понимания людьми, читающими на русском языке, текущей общественной ситуации в России», а также ее цель – «отметить тех, кто способствует расчистке общественного сознания, разъяснению читателю, слушателю, зрителю, что же происходит в России и в мире» – соответствуют стилю изложения, характеру комментария и содержанию «Опасных советских вещей» в целом [Премия «Либмиссия»]. С одной стороны, книга стала результатом серьезных изысканий в области истории становления жанра легенды и антропологических исследований, преимущественно в Европе и США, и, как следствие, выработки и апро-

бирования научных подходов. С другой – форма изложения в формате литературы non-fiction, отсутствие строго выдержанного стиля академического исследования, а порой и кокетство с читателем выдают ориентацию на широкую аудиторию.

Ставшая попыткой представить и систематизировать обширный материал, объяснить природу городских легенд и их разновидностей, получивших распространение в советский период, книга была представлена читателям менее чем за полтора месяца до официального объявления ВОЗ начала пандемии COVID-19, за два года до начала специальной военной операции РФ на территории Украины – наиболее глобальных процессов, внесших серьезные коррективы в культуру повседневности россиян за последние два года¹. Имея в виду представленный опыт и методологию исследования, отдавая должное изяществу интерпретаций, можно с уверенностью говорить о том, что события последних лет могли бы составить второй том материалов о легендах и страхах, дополняя те события XXI в., о которых вопреки заявленным в названии хронологическим рамкам пишут авторы на пороге 2020 г., указывая тем самым на универсальность предлагаемого методологического инструментария и типологическую повторяемость сюжетов.

Обращения к 2000-м гг. (как и к столетиям, отдаленным от XX в.) при анализе материала советского периода неслучайны: книга действительно предлагает инструментарий для интерпретации городских легенд в ситуации определенных социальных и политических обстоятельств. Так, воспроизводимые с начала пандемии сюжеты (в соответствии с терминологией авторов книги – «городские легенды») о происхождении вируса, вреде вакцин и опасности QR-кодов могли бы пополнить материал и способы его интерпретации в главе «Чужак в советской стране» (в особенности разделы «Жуки и холера: техники скрытого заражения» и «Смерть вместо прививки: коварная услуга врачей-убийц»). Большинство выводов требуют лишь косметической корректировки с поправкой на сегодняшний социально-политический момент: выделяя по крайней мере три типа чужаков (в нисходящей градации по степени представляемой угрозы это иностранцы из капиталистических стран, внутренние враги, чужаки из стран «третьего мира»), авторы исследования пишут о наиболее опасном: «Типы внешней угрозы – инфекционный терроризм, заразное тело, опасная услуга и коварный дар – имеют отчетливое временное распределение. <...> Инфекционные террористы из послевоенных слухов пытались уничтожить нечто такое, от чего зависит физическое выживание и самой страны, и всех ее граждан (например, хороший урожай или наличие медикаментов)» [Архипова, Кирзюк, с. 373]².

---

¹ Например, презентация книги в Екатеринбурге прошла в Ельцин Центре 30 января 2020 г.

² Далее ссылки на рецензируемое издание будут даваться в круглых скобках с указанием страниц.

Нельзя не отметить и вневременную природу и актуальную практически для любого сообщества роль рассмотренных в книге легенд, заключающуюся в сохранении и воспроизведении по всем законам жанра, в закодированном виде, «достоверной информации», в отличие от данных, предоставляемых линией партии: «Информационное устройство советского общества, где существовали жесткая цензура и идеологический контроль, способствовало тому, что многие советские люди не доверяли советским средствам массовой информации... Такое недоверие приводило к тому, что неформальные интерпретации действительности, созданные слухами и легендами, воспринимались многими советскими людьми как более достоверные, чем те, которые предлагались официальными СМИ» (с. 64). Авторы книги приводят данные опросов, предпринимавших американскими советологами в аудитории советских эмигрантов: в качестве регулярного источника информации 50 % опрошенных назвали именно слухи (там же).

Структура книги включает предисловие (ответ на вопрос «О чем эта книга?» – «Мы будем говорить об опасности тех вещей и явлений, с которыми советский человек регулярно имел дело в своей повседневной жизни – будь то зажимы для пионерских галстуков или автоматы с газированной водой», с. 10), шесть глав, послесловие, краткий справочник сюжетов городских легенд с системой навигации по книге (шесть магистральных сюжетов, предполагающих варианты и уточнения, среди которых легенды о тайных знаках, оставленных врагами, легенды об иностранцах и иностранных вещах, легенды об опасных действиях со стороны представителей властей и спецслужб и др.), краткий указатель терминов (необходимая часть, в особенности потому, что термины, встречающиеся в книге, не ограничены полем фольклористики и антропологии, но относятся к тезаурусу психологов и психиатров, что указывает на междисциплинарный характер возможностей интерпретации, не ограниченной взглядом сугубо гуманитарной науки), примечания, сокращения, список иллюстраций, состоящий из десяти пунктов. Одни иллюстрации послужили материалом для разворачивания сюжета городской легенды (например, рисунки, подготовленные для обложек школьных тетрадей в 1937 г. – к столетию гибели А. С. Пушкина, впоследствии изъятые), другие явили собой визуализацию городской легенды (перечеркнутые фото арестованных партийных деятелей).

В *первой главе* «Что такое городская легенда и зачем ее изучать?» представлено теоретическое обоснование специфики жанра городской легенды, истории его становления, проаннотированы исследовательские стратегии, нацеленные на изучение городских легенд, включая интерпретативный, меметический и операционный подходы. Отдельного внимания требует подраздел, посвященный выборке труднодоступного / частично утраченного, учитывая его специфику, материала, взятого для изучения: «Никаких научных коллекций ни тогда (на протяжении всего советского периода. – А. М.), ни сейчас (до нашей книги)

сделано не было» (с. 63). Источниками городских легенд в книге стали преимущественно сводки КГБ из России, Латвии, Литвы, Украины, материалы следственных дел по статье «Антисоветская агитация и пропаганда», перечни вопросов граждан к лекторам Отдела пропаганды ЦК КПСС, дневники (материалы взяты на сайте проекта «Прожито»), а также письма советских граждан, попавших в поле зрения карательных и партийных органов (с. 65–66). Приведем лишь один из красноречивых фактов, предлагаемых авторами: «в январе 1953 года украинский КГБ рапортует, что за неделю, прошедшую после опубликования в газете “Правда” статьи о “врачах-вредителях”, сотрудники просмотрели более 100 тысяч (!!!) писем, 653 письма, по их мнению, содержали особо вредоносную информацию и слухи» (с. 66).

Выборка материала сближает представленное издание с другими, вышедшими после перестройки, в том числе с книгой о жертвах сталинских репрессий «37-й на Урале» (Средне-Уральское книжное издательство, 1990), в которой сохранены воспоминания и письма, документы об уголовных делах, и с книгой «Два взгляда из-за рубежа: переводы» (Политиздат, 1990), объединившей под одной обложкой запрещенные в советское время «Возвращение в СССР» А. Жида (1936) и «Москва 1937» Л. Фейхтвангера (1937) – «две точки зрения виднейших представителей прогрессивной западной интеллигенции на нашу страну, советское общество и советское руководство второй половины 30-х годов» [37-й на Урале, с. 3], а также со многими другими изданиями мемуаров и дневников знаменитостей и обычных граждан СССР³, материалы которых могут служить основой для изучения культуры повседневности в условиях тоталитарного режима.

В главах «Опасные знаки и советские вещи» и «Как легенда стала идеологическим оружием» на разнообразных примерах, включая иллюстрации происков «невидимого врага» на спичечном коробке (профиль Троцкого) и графическое изображение вождя (изображение свастики), описаны известные в психиатрии процессы («эпидемия гиперсемиотизации 1930-х»), показано, как легенда (слух) инициируется сверху по воле власти. В связи с этим особое внимание авторов отводится разновидности жанра агитлегенды, логика конструирования которого представлена на примере текстов об отравлении опасными угощениями, полученными от иностранцев (и спасении от гибели).

Примечателен комментарий исследователей, разворачивающийся через обращение к знаменитому закону конструирования волшебной сказки по В. Я. Проппу. Остановимся на данном фрагменте подробнее и приведем текст легенды полностью: «Одна девочка попросила (о, позор!) у иностранца жвачку и отравилась. Она лежит сейчас в больнице, ей уже семь литров крови поменяли, ничего не помогает. Другой девочке насильно подсунили конфету за то, что она показала, как пройти в Эрмитаж. А мама дома эту конфету откры-

³ См., например: [Чуковская; Луговская; Вербловская; Человек из оркестра] и мн. др.

ла, разломила, и там – толченное стекло» (с. 192). Прочитанная агитлегенда, распространявшаяся водителями, учителями, «женщинами в милицмейской форме», по сюжету относится к текстам о запрете на общение с иностранцами. Авторы книги соотносят рассказ о судьбе каждой из девочек с фрагментами волшебной сказки о запрете брать отравленное яблоко и последствиях нарушения запрета. Это дает логическое основание представить структуру агитлегенды как последовательность элементов от запрета на контакт с иностранцем до последствий действий врага, которые могут привести к гибели (с. 203). Предлагается следующая интерпретация сюжета: «Мотивировки нарушения демонстрируют два типа преступления советского человека при контакте с западным миром (стремление к его вещам и потеря бдительности)». Поскольку первое преступление гораздо тяжелее, то и последствия в виде переливания семи литров крови изображены как более фатальные, в отличие от простительной «потери бдительности» (с. 204).

Важно заметить, что привлечение для интерпретации концепции В. Проппа возможно, очевидно, только при изучении агитлегенды, в отличие от городских легенд иного типа, поскольку в данном случае речь идет о срежиссированном сюжете, развитие которого должно привести к нужному однозначному финалу. Именно разнородностью сюжетов и, главное, природы легенд, различающихся в том числе источниками появления (история, инициированная властями, или история, появившаяся и развившаяся в обществе), объясняется разница в подходе к интерпретациям, которые подчас вызывают вопросы в силу недостаточной обоснованности или потенциальной возможности существования иного пути интерпретации.

В главах «Свои чужие опасные вещи», «Чужак в советской стране», «Взрослые страхи и детские легенды» на материале историй, актуализирующих различные аксиологические коды (названия разделов: «Крыса в колбасе: как возникает культура недоверия», «Ужасное мыло: геноцид и военные страхи в одном куске», «Фольклор в ожидании катастрофы: страхи, слухи и песни о будущей войне», «О власти и смерти глазами детей» и др.), демонстрируются особенности историй, сюжет которых зарождался без участия власти и распространялся среди сограждан «по горизонтали».

В этом случае комментарий к предлагаемым для рассмотрения текстам дается принципиально иной. Внушительное число схожих сюжетов, связанных со страхом советского человека заразиться неизвестной (или, напротив, вполне известной) болезнью, например, сифилисом или лихорадкой, переносчиками которой были тропические насекомые, во время наплыва туристов на Олимпиаде-80 объясняется через логическую, но достаточно длинную цепочку факторов. Первым звеном интерпретации становится идея ксенофобии, которая трансформируется в легенды об инаковости «чужого», проявляющейся, например, в наличии анатомических странностей (дополнительного ряда

зубов, шестипалости и т. д.). Справедливо предлагая развернутый экскурс в мифологии различных этносов, возвращаясь к экономической ситуации в СССР, связанной с чрезмерной помощью развивающимся странам в ущерб собственному населению, авторы приходят к выводу, что реакция на гостей олимпиады, прибывших, например, из Африки, стала следствием всего комплекса сюжетов, уходящих корнями далеко в славянскую мифологию, а «негр», ранним утром умывающийся возле автомата с газировкой, непременно имел цель заразить советских граждан, которым не рекомендовалось пить газированную воду из автоматов. Вместе с тем в исследовании не оговариваются более приземленные причины отказа от напитка – вполне предсказуемые брезгливость и осторожность, что представляется вполне логичным. Таким образом, не отказывая авторам в глубине интерпретации, можно говорить о некоторой непроговоренности всех факторов, повлиявших на поведение советских граждан при контакте с иностранцами.

В центр понятийного поля исследования авторы помещают термин «городская легенда», обращаясь к его генезису, жанрово-стилевым особенностям и характерным признакам, отличающим его, с одной стороны, от слухов, с другой – от традиционных легенд: «Современная городская легенда описывает угрозы, исходящие от людей, и ее главными функциями становятся (возможно, наряду с развлекательной) информирование и предупреждение окружающих о возможных опасностях» (с. 20). Среди наиболее устойчивых признаков городской легенды выделяется установка на достоверность, отказ от обращения к сверхъестественной тематике, способность «реагировать на актуальные социальные проблемы и в некоторых случаях – вызывать их» (с. 23). Вместе с тем четко артикулированное отличие городской легенды от слуха («Слух – это утверждение, не имеющее развернутой повествовательной структуры. Городская легенда длиннее, имеет сюжет и четкую повествовательную структуру...», с. 22) и понимание различий с традиционной легендой (в которой, как правило, действуют иррациональные силы, а события происходят в далеком прошлом), обнаруживают лакуны в понятийном поле работы. Авторы исследования обходятся без обращения к понятиям «миф»/«мифологема» и «фейк», никак не определяя характер соотношения с ними городской легенды.

Безусловно, выводы, сделанные о закодированных в городских легендах страхах, желаниях и в целом о модели мира советского человека, критически не изменятся при включении в терминологическое поле исследования обозначенных понятий, однако в этом случае, по нашему мнению, разделение условной «реальной правды» и «вымысла» – двух полюсов, столь важных при рассмотрении легендированной реальности, оказалось бы более прозрачным. Подчас сами авторы в качестве примеров городских легенд (то есть не имевших, по их мнению, фактических подтверждений) приводят разнородные спорные непровергнутые или недоказанные в своей фейковой природе события. В этих случаях в одном ряду оказываются сюжеты

«потребительских легенд», например, истории об отравленной / непригодной для употребления еде на грани провокации – о крысиных хвостиках в карри и об «опасных и чудесных свойствах кока-колы», о ВИЧ-террористах и оставленных в общественных местах инфицированных иглоках, об историях, обращенных к терактам и катастрофам на рубеже XX–XXI столетий и сообществах в социальных сетях, подталкивающих пользователей к суициду. Некоторые из перечисленных тем в разное время вызвали серьезный резонанс в СМИ (что само по себе, безусловно, не исключает, а в некоторых случаях напрямую подтверждает статус городской легенды, в классификации авторов инициированных властью, о чем говорилось выше), поэтому в случае однозначно выносимого вердикта (свершившийся факт / легенда) комментарий авторов не стал бы излишним.

Не являясь изданием строго научным, книга «Опасные советские вещи» вызвала живой и преимущественно положительный отклик среди пользователей сайтов «Лабиринт» и «ЛитРес» – целевой аудитории (непрофессиональных читателей, скорее не относящихся к числу ученых-гуманитариев), если иметь в виду ее предисловие: «Мы старались писать книгу так, чтобы исследования антропологов и фольклористов были понятны всем, а не только узким специалистам» (с. 11). Показательно, что в некоторых отзывах встречаются реплики читателей, не согласных с включением в ряд легенд свершившихся «на самом деле» фактов, – ситуация, любопытная сама по себе: возможно, автор комментария оказывается внутри легенды, а следовательно, тот или иной описываемый сюжет в настоящее время остается активным, либо авторы слишком категорично отнесли те или иные реалии к легендам.

Сама специфика материала, порой не предполагающего необходимость или возможность установления свершившегося факта с исследовательской и методологической точек зрения, допускает использование понятия «миф», избавляющего и исследователей, и читателей от необходимости выбирать сторону свершившегося или не бывшего «на самом деле». Некоторая расплывчатость или полное отсутствие уточнений, связанных с понятийными границами, компенсированы материалом, который оказывается наибольшей и неоспоримой ценностью, умноженной на типологизацию и исследовательский комментарий. Представленный в книге подход предполагает продолжение осмысления современного материала, поскольку предлагает вневременной инструментарий. Появление тех или иных сюжетов, устанавливающих истинность/ложность источников информации, представлений о «своем» и «чужом» (критерии отбора и разделения изменчивы, но принципы осмысления в семиотическом поле городского фольклора, как правило, сохраняются), провозглашающих актуализацию прежних городских легенд, становится маркером принципиальных ценностных доминант, по которым представляется возможным делать выводы о страхах и «опасных» вещах современного нам общества.

Список литературы

37-й на Урале / ред.-сост. Л. Г. Адамова ; науч. ред. Н. Н. Попов. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1990. 320 с.

Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи : Городские легенды и страхи в СССР. М. : Новое лит. обозрение, 2020. 536 с.

Вербловская И. Мой прекрасный страшный век. СПб. : Журн. «Звезда», 2011. 374 с.

Луговская Н. Хочу жить! Дневник советской школьницы. М. : РИПОЛ классик, 2010. 400 с.

Премия «Либмиссия» : [сайт]. URL: www.premialibmissiya.ru (дата обращения: 23.03.2022).

Человек из оркестра : Блокадный дневник Льва Маргулиса. СПб. : Лениздат : Команда А, 2013. 320 с.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой : в 3 т. М. : Время, 2007.

References

Adamova, L. G., Popov, N. N. (Eds.). (1990). *37-i na Urale* [1937 in the Urals]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 320 p.

Arkhipova, A., Kirzyuk, A. (2020). *Opasnye sovetskie veshchi: Gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 536 p.

Chelovek iz orkestra. Blokadniy dnevnik L'va Morgulisa [A Man from the Orchestra. The Blockade Diary of Lev Margulis]. (2013). St Petersburg, Lenizdat, Komanda A. 320 p.

Chukovskaya, L. (2007). *Zapiski ob Anne Akhmatovoi v 3 t.* [Notes about Anna Akhmatova. 3 Vols.]. Moscow, Vremya.

Lugovskaya, N. (2010). *Khochu zhit'! Dnevnik sovetskoi shkol'nitsy* [I Want to Live! The Diary of a Soviet Schoolgirl]. Moscow, RIPOL klassik. 400 p.

Premiya "Libmissiya" [Libmission Award] [website]. URL: www.premialibmissiya.ru (accessed: 23.03.2022).

Verblovskaia, I. (2011). *Moi prekrasnyi strashnyi vek* [My Wonderful Scary Century]. St Petersburg, Zhurnal "Zvezda". 374 p.

The article was submitted on 24.03.2022

Советская экономика в период надвигавшейся войны и массового террора*

Рец. на: *Davies R. W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S. G. The Industrialization of Soviet Russia. – Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. – L. : Macmillan Press, 2018. – 439 p.*

Григорий Ханин

Сибирский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Новосибирск, Россия

The Soviet Economy at a Time of Impending War and Mass Terror

Rev. of: Davies, R. W., Harrison, M., Khlevniuk, O., Wheatcroft, S. G. (2018). The Industrialization of Soviet Russia. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939. L., Palgrave Macmillan. 439 p.

Grigory Khanin

Siberian Institute of Management
“Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration”,
Novosibirsk, Russia

This review analyses the seventh volume of Davies' book on the development of the Soviet economy in the 1930s, namely 1937–1939. The most important feature of the period was the militarisation of the Soviet economy. The share of military spending in gross domestic product grew significantly. The militarisation of the Soviet economy was explained by the real danger of a military clash with fascist Germany and Japan, whose extensive military expenditure was twice as high as the spending of the USSR. Another feature of this period was massive repression, which had important economic consequences. They are analysed from the point of view of the quality of management personnel and the GULAG economy's effectiveness. The book analyses the censuses of 1937 and 1939; close attention is paid to the influence of statistical falsifications on economic management.

---

* *Citation:* Khanin, G. (2022). The Soviet Economy at a Time of Impending War and Mass Terror. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 766–780. DOI 10.15826/qr.2022.2.701.

Цитирование: Khanin G. The Soviet Economy at a Time of Impending War and Mass Terror // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 766–780. DOI 10.15826/qr.2022.2.701 / Ханин Г. Советская экономика в период надвигавшейся войны и массового террора // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 766–780. DOI 10.15826/qr.2022.2.701.

The calculation of the volume of grain production, the dynamics of national income, and industrial production are classified as statistical falsification. According to the authors, it is a serious mistake to ignore falsifications in assessing the volume and dynamics of capital funds. Attention is drawn to the influence of statistical falsifications on errors in planning and managing the economy. When analysing the population's living standards, the authors emphasise the lack of an assessment of urban living conditions and public services provision. The lack of analysis of consumption unevenness in geographical and social terms is a mistake when assessing the consumption of goods and their shortage.

Keywords: USSR economy, militarisation of economy, mass repressions, statistics falsification, prewar period

Рассмотрен седьмой том книги Р. Дэвиса и соавторов о развитии советской экономики в 1930-е гг., посвященный 1937–1939 гг. Наиболее важной ее особенностью являлась милитаризация. Доля военных расходов в валовом внутреннем продукте значительно выросла. Милитаризация советской экономики объяснялась реальной опасностью военного столкновения с фашистской Германией и Японией и высокими военными расходами этих стран, вдвое превосходившими военные расходы СССР. Авторы указывают на массовые репрессии, имевшие важные экономические последствия, как на определяющую особенность этого периода. Анализируются качество руководящих кадров и эффективность гулаговской экономики, а также переписи населения 1937 и 1939 гг. Большое внимание в книге уделено анализу влияния статистических фальсификаций на управление экономикой. К ним отнесены исчисление объема производства зерна, динамики национального дохода и промышленной продукции. Большим упущением, по мнению авторов, стало игнорирование фальсификаций в оценке объема и динамики основных фондов. Обращается внимание на утверждение авторов о фальсификации статистики, на ошибки в планировании и управлении. При анализе уровня жизни населения отмечено отсутствие в нем оценки жилищных условий городского населения и обеспеченности его коммунальными услугами. Упущением в оценке потребления потребительских товаров и их дефицитности, по мнению рецензента, является отсутствие анализа неравномерности потребления в географическом и социальном разрезах.

Ключевые слова: экономика СССР, милитаризация экономики, массовые репрессии, фальсификация статистики, предвоенный период

Английский экономист Р. Дэвис (1925–2021) совершил научный подвиг. С середины 1960-х гг. он начал исследования по истории советской индустриализации с привлечением данных из архивных и опубликованных источников. Фактически речь шла об истории всей советской экономики периода индустриализации. При этом, учитывая первенствующую роль государства в экономическом развитии СССР, Р. Дэвис оправданно увязал развитие советской экономики с событиями в политической жизни СССР и в мире.

При подготовке исследований Р. Дэвис проделал колоссальную работу, изучив почти всю имеющуюся советскую и зарубежную литературу по теме, мемуарную литературу, советские статистические справочники, советские экономические журналы и газеты, зарубежные и российские архивы. Благодаря его исследованиям экономисты впервые получили объективную обоснованную картину экономического развития СССР в решающие для его истории 1930-е гг.

В центре рецензии – заключительный, седьмой том серии¹. Он написан в соавторстве с английским экономистом Марком Харрисоном, австралийским экономистом Стивеном Уиткрофтом и российским историком Олегом Хлевнюком. Он был опубликован в 2018 г. незадолго до смерти Р. Дэвиса в 2021 г. на 96-м году жизни.

Милитаризация советской экономики

Милитаризацию советской экономики как основную ее особенность в предвоенный период Дэвис отметил уже для времени начала 1930-х гг. [Davies, p. 310–312, 432–433]. Этот курс продолжался в период второй пятилетки [Davies, Khlevniuk, Wheatcroft, p. 76–77, 203–210, 326–330]. К концу второй пятилетки, по приводимым Дэвисом наиболее обоснованным оценкам Абрама Бергсона, доля военных расходов в СССР в валовом национальном продукте составила наиболее высокую в мире в то время величину в 8,8 % [Davies, Harrison, Khlevniuk, Wheatcroft, p. 402]². А в 1940 г. по тем же оценкам она выросла до огромной величины в 18,7 % (Ibid.). Она сравнима с долей военных расходов в последнем предвоенном году в Германии (23 %) и Японии (22 %), но далеко превосходила США (1 %) и была выше, чем в Великобритании (15 %) [The Economics of World War 2, p. 21].

Насколько была оправдана такая милитаризация экономики? Ответу на этот вопрос посвящен параграф «Продвижение германской и японской агрессии» (p. 23–31). В нем приводятся факты об агрессивной внешней политике Германии, Италии и Японии, известных своей идеологической и геополитической враждебностью в отношении СССР. Она проявлялась также в прямых или косвенных военных конфликтах в Испании, на озере Хасан и на Халхин-Голе. Отмечая попытки СССР по созданию антифашистской коалиции, авторы указывают, что они «подрывались собственными сталинскими репрессиями, которые распространились за пределами Советского Союза в Коминтерне и в сердце Испанской Республики» (p. 23). Можно добавить, что эти репрессии отталкивали как правящие круги Англии и Франции, так и значительную часть населения этих стран от союза с СССР.

Авторы с одобрением отмечают помощь Советского Союза республиканской Испании и Китаю, выразившуюся в поставках вооружения и отправке военных специалистов. Приводятся данные

¹ Оценку первых шести томов см.: [Ханин, 2015].

² Далее ссылки на рецензируемое издание будут даваться в круглых скобках с указанием страниц.

об объемах поставок отдельных видов вооружения в сравнении с аналогичными поставками франкистской Испании со стороны Италии и Германии (р. 28–29). По большинству видов вооружения они оказались намного больше, чем поставки СССР. По подавляющему большинству видов вооружения (кроме патронов) доля поставок в 1937–1938 гг. не превышала 10–15 %, не создавая угрозы обеспечению собственных вооруженных сил (р. 30).

При наличии очевидной военной угрозы со стороны Германии и Италии военные расходы СССР не кажутся чрезмерными. В 1939 г. доля военных расходов Германии и Японии была заметно выше (табл. 1). Ввиду отсутствия опубликованных данных о величине ВВП в СССР в 1939 г. в сопоставимых ценах и об их структуре был произведен упрощенный расход в текущих ценах для 1939 и 1940 гг. с целью определения разницы в этой доле, который был затем использован для выяснения доли военных расходов в СССР в 1939 г. (табл. 2). Оказалось, что военные расходы СССР в этом году были более чем в два раза меньше. Таким образом, для обеспечения безопасности СССР военные расходы были даже недостаточны.

Таблица 1

Расчет объема военных расходов СССР Германии Японии в 1939 г.

Показатели	Единица измерения	СССР	Германия	Япония	Германия + Япония
ВВП	Млрд долл.	359	351,4	169,4	–
Доля военных расходов в ВВП	%	15,3	23	22	–
Объем военных расходов (1 x 2)	Млрд долл.	54,8	80,8	37,3	118,3

Источники: доля военных расходов в СССР исчислена в табл. 2; ВВП принят на уровне 1938 г.; ВВП Германии и Японии [The World War 2, p. 3], ВВП СССР [Ibid., p. 3].

Таблица 2

Расчет доли военных расходов СССР в 1939 г.*

Показатели	Единица измерения	1939	1940	1940/1939
Капитальные вложения	Млрд руб.	35,9	38	–
Денежные расходы населения	Млрд руб.	203	229,8	–
Военные расходы по бюджету	Млрд руб.	39,2	50,8	–
ВВП (1 + 2 + 3)	Млрд руб.	272,9	323,8	–
Доля военных расходов в ВВП (3 : 4)	%	14,3	17,5	–
Отношение доли военных расходов в ВВП в 1940 г. к 1939 г.	–	–	–	17,5 : 14,3 = 1,22

* В расчет включены только известные автору элементы ВВП.

Источники: объем капитальных вложений в 1939 г. (р. 359), объем капитальных вложений в 1940 г. [Вознесенский, с. 414], денежные расходы населения (р. 390), военные расходы по бюджету (р. 390). Объем ВВП, доля военных расходов в ВВП, отношение доли военных расходов 1940 г. к 1939 г. – расчет мой.

Другой вопрос состоит во влиянии военных расходов на развитие экономики. В предвоенный период по душевому ВВП СССР отставал намного от Германии и Англии, не говоря уже о США. В 1938 г. душевой ВВП в сравнимых ценах 1990 г. в международных долларах составил в США 6 134, в Великобритании – 5 983, в Германии – 5 126, в СССР – 2 150 [The Economics of World War 2, p. 34]. Высокая доля военных расходов в Германии и Великобритании в этот период означала лишь небольшое сокращение уровня потребления, а в СССР делала нищими значительную часть населения. Низкий уровень капитальных вложений в производственную сферу в этот период сдерживал ее рост.

Массовый террор и его влияние на экономику

Большое внимание авторы уделяют массовым репрессиям 1937–1938 гг. и их влиянию на экономику. Особое внимание они уделили чистке номенклатуры, показав ее огромные масштабы (р. 3–19), глобальность которых зависела от статуса работников. Народные комиссары практически всех хозяйственных наркоматов были смещены и в подавляющем большинстве уничтожены (руководители большинства наркоматов – повторно, и некоторые даже в третий раз, р. 7–8). На втором уровне хозяйственной номенклатуры чистка также была огромной, хотя и меньшей, чем на первом. Было смещено более 40 % руководителей главков, 45,3 % директоров промышленных предприятий (р. 12).

Обсуждая мотивы чистки хозяйственной номенклатуры, авторы напрасно категорически отвергают их связь с экономическими трудностями (р. 2). Между тем, в предыдущем томе подробно анализировался кризис в угольной промышленности СССР в 1936 г. Когда авторы перешли к сравнению показателей дневной добычи угля, они обнаружили, что они в июне 1936 г. оказались почти на 15 % ниже уровня декабря 1935 г. Даже в декабре 1936 г. они были на 5 % ниже декабря 1935 г. Анализируя причины кризиса в угольной промышленности, авторы обнаружили вопиющие ошибки в руководстве отраслью (р. 324–326).

Почему в других отраслях положение должно было быть лучше? Угольная промышленность в то время играла ключевую роль в развитии советской экономики, и от ее уровня развития зависели такие важнейшие отрасли экономики, как электроэнергетика, железнодорожный транспорт, черная и цветная металлургия. Это предопределяло повышенное внимание к угольной промышленности. Не случайно, по сведениям авторов, произошел заметный спад в работе промышленности в четвертом квартале 1936 г., когда массовые репрессии еще не начинались [Ibid., p. 313].

Авторы признают, что «Сталин был, очевидно, убежден, что молодые, более решительные и образованные в советское время руководители смогут придать экономике новый импульс»³ (р. 3). Однако,

³ Здесь и далее перевод мой. – Г. Х.

чтобы убедиться в правильности вывода, требуется выйти за рамки рассмотренного авторами периода.

На примере ряда отраслей промышленности и крупных предприятий авторы отмечают негативное влияние массовых репрессий руководящих кадров и замены их менее опытными и квалифицированными (р. 20–21). В этом утверждении есть определенный просчет. Если сравнить уровень образования прежних наркомов хозяйственных отраслей с уровнем образования новых наркомов разных отраслей промышленности и сельского хозяйства, то можно убедиться в большей специальной подготовке новых кадров. Их предшественники, как правило, вообще не имели специального образования, отличались лишь большими организаторскими способностями и харизматичностью, умением ценить подчиненных профессионалов. Исключением были новые наркомы общэкономического профиля (главы центрального статистического управления (ЦУНХУ) и Госбанка). Уже тогда сложилось мнение, что такими ведомствами может руководить любой образованный человек. Преемники И. А. Краваля во главе ЦУНХУ И. Д. Веременичев и И. В. Саутин не имели экономического образования и ранее не имели отношения к статистической службе (р. 141, 143). Три председателя Госбанка СССР в 1938 г. (С. Л. Кругликов, А. П. Гричманов, Н. А. Булганин) также не имели специального банковского образования и опыта работы в банковской сфере [Кротов, с. 18]. До прихода к руководству Госпланом СССР Н. А. Вознесенский имел небольшой по продолжительности и незначительный по масштабу опыт работы в качестве главы плановой комиссии Ленгорисполкома.

Приобретая за два-три года опыт руководящей деятельности, новые более образованные и в силу молодости энергичные хозяйственные наркомы в первом полугодии 1941 г. обеспечили бурный рост всех отраслей советской экономики⁴.

В качестве мотивов массовых чисток авторы поддерживают мнение об их профилактическом характере на случай войны (р. 13–14). Выявленная структура занятости людей, подвергшихся репрессиям, показывает, что в январе-июне 1938 г. ею была задета более высокая доля служащих (14,1 %) и более низкая доля работников физического труда (12,5 %) (р. 17). При этом абсолютная численность занятых физическим трудом оказалась относительно небольшой – около 90 тыс. Гораздо большей дезорганизации подверглись сферы управления образования и науки.

Составной частью проблемы экономических последствий политических репрессий является хозяйственная деятельность ГУЛАГа.

---

⁴ По такому точному индикатору экономической активности – грузообороту железнодорожных перевозок – было обеспечено выполнение третьего пятилетнего плана на уровне 90 %, и уровень соответствующего периода 1940 г. был превышен на 10,8 % (вместо ежегодного роста примерно на 5 % в предыдущие три года). Небывальными темпами росло производство ключевых продуктов тяжелой промышленности [Ханин, 2008, с. 42].

Ее характеристика содержится в каждой главе, посвященной отдельному году.

Подробный анализ экономики ГУЛАГа позволил авторам сделать вывод о ее более низкой эффективности в сравнении с гражданской экономикой. В наиболее важной ее сфере – строительстве на один потраченный рубль объем строительства и ввод мощностей составлял лишь четверть от результатов Наркомата строительства СССР (р. 293). Столь же показательны результаты использования оборудования: треть – по строительным машинам, и половина – по грузовым автомобилям в сравнении с Наркоматом строительства СССР (р. 293–294). Авторы объясняют эту огромную разницу низкой квалификацией заключенных и административного персонала, тяжелейшими условиями быта, питания и плохим состоянием здоровья людей.

Приведенные данные о низкой эффективности труда заключенных обоснованно доказывают вывод авторов о том, что «сталинские репрессии преследовали политические цели. Их масштаб ни в каком смысле не был вызван требованиями НКВД о дополнительной рабочей силе» (р. 175). Вполне вероятно, что низкая эффективность принудительного труда наряду с нехваткой мест в тюрьмах и колониях обусловила огромное число смертных приговоров в 1937–1938 гг.

Живая статистика и ее влияние на экономическое развитие

Важное значение при анализе экономического развития СССР в этот период авторы придают проблеме достоверности советской статистики.

Ее рассмотрение они начинают с демографии. Основное внимание уделено анализу результатов переписей населения 1937, 1939 гг. и драматическим событиям, связанным с ними. Наиболее существенным является признание важности проведения обеих переписей: «Это было замечательным достижением» (р. 153). Закономерно, что правдивые результаты привели к ликвидации руководителей первой переписи и к поощрению за вторую (ее организатор В. Старовский был в 1940 г. назначен главой ЦУНХУ и возглавлял статистическую службу СССР до 1960 г.). В 1939 г., в отличие от 1937 г., советскому руководству пришлось примириться с результатами, отражавшими огромные демографические потери периода коллективизации.

Много хуже обстояло дело с другими областями статистики. В отличие от демографической статистики, допущенные ошибки не были исправлены по многим показателям вплоть до конца 1980-х гг. Наиболее известной из этих искажений являлась оценка урожая зерновых. С 1933 г. он измерялся по биологическому, а не по амбарному урожаю, что позволяло демонстрировать мнимые успехи сельского хозяйства. Как справедливо отмечают авторы, «в высокоцентрализованной закрытой политической системе у большинства профессиональных статистиков (как и у других экспертов) отсутствовала

независимость, позволяющая говорить правду» (р. 321). Измерение урожая зерновых на корню было прекращено только в 1953 г. Гораздо более разрушительными были последствия искажения макроэкономических показателей развития всей экономики и отдельных ее отраслей. Авторы анализируют искажения двух показателей: национального дохода и промышленной продукции (включая военную). Они проистекали из того же желания в пропагандистских целях преувеличить достижения СССР в сравнении с капиталистическими странами. Технически это обеспечивалось почти полным игнорированием происходившего в 1930-е гг. роста цен. Для иллюстрации искажений макроэкономической статистики в данный период исследователи сопоставляют данные ЦСУ и расчеты американских советологов по общепринятой в мире методологии измерений. Оказалось, что в неизменных ценах национальный доход СССР в 1940 г. по сравнению с 1937 г. вырос вместо 33 на 18–21 %, промышленное производство – вместо 45 на 19 %, военное производство – вместо 183 на 173–182 % (р. 323). Следовательно, ежегодно темпы роста по национальному доходу преувеличивались на 4–5 процентных пунктов, промышленного производства – на 7–8 процентных пунктов. И только по военной продукции искажений практически не было. Учитывая огромную роль военного производства в промышленной продукции, можно понять масштабы искажений по гражданской промышленной продукции. Недостоверные данные о динамике макроэкономических показателей имели негативные последствия для планирования и функционирования советской экономики.

Уточним это обстоятельство, недостаточно освещенное в работе. Советские плановики в своих макроэкономических расчетах опирались на официальные данные о развитии экономики в прошлом. И если в этих данных преувеличивалось реальное развитие, соответственно преувеличивались и плановые задания. А они, в свою очередь, толкали предприятия на завышение всеми возможными способами объемов и темпов роста, что не встречало противодействия как у главков и наркоматов, так и у статистических органов.

Сильно преувеличенные данные о динамике экономики во второй пятилетке обусловили нереальные задания третьего пятилетнего плана и годовых планов на 1937–1940 гг. по объему продукции. Но искажались не только данные о динамике производства, но и производные показатели, особенно по производительности труда, поскольку данные по численности занятых соответствовали действительности.

Во второй пятилетке производительность труда реально росла довольно быстро в связи с ростом квалификации работников, их опыта работы, фондовооруженностью и улучшением уровня жизни, низким исходным уровнем. В третьей пятилетке эти благоприятные условия отсутствовали. Между тем, в пятилетний план закладывался огромный рост производительности труда: при намечавшемся росте продукции промышленности на 92 % рост производительности

труда планировался на 65 %, или в размере 70 % от общего объема на огромную и небывалую в мировой практике величину в 13 % ежегодно [Директивы КПСС, с. 563, 569]. Этот рост не обеспечивался соответствующим ростом фондовооруженности. В связи с нереальным планом по повышению производительности труда не предусматривались меры по привлечению в необходимом объеме новой рабочей силы в промышленность. Но и намеченные задания не выполнялись. Уже в 1938 г. среднегодовая численность работающих в промышленности выросла округленно лишь на 2 % вместо 5 % по пятилетнему плану [Индустриализация СССР, с. 211].

В 1939 г. положение еще больше ухудшилось: численность рабочих и служащих в промышленности по сравнению с 1937 г. выросла лишь на 211,9 тыс. чел. [Там же, с. 248]. Следовательно, в 1939 г. она осталась практически неизменной. Еще хуже обстояло дело в строительстве, где численность занятых даже сократилось на 149,8 тыс. чел. Снизилась она и на транспорте и в сфере связи. В то же время она выросла в непроектируемых отраслях экономики: в торговле – на 322 тыс., в общественном питании – на 166 тыс., в системе просвещения – на 389 тыс., в здравоохранении – на 322 тыс., в государственных, общественных и кредитных учреждениях – на 336 тыс. [Там же]. Парадоксально, но накануне войны хуже всего обеспечивались рабочей силой отрасли, ковавшие оборону страны.

Еще большим пробелом является отсутствие анализа важнейшего фактора экономического развития – основных фондов (*fixed capital*). И здесь мы сталкиваемся с огромным искажением экономической информации. Оно обусловлено прежде всего отсутствием переоценки стоимости основных фондов по восстановительной стоимости. В условиях огромной инфляции 1930-х гг. различия между восстановительной и балансовой стоимостью должны были быть огромными. Но они возникли уже в середине 1920-х гг. в связи с ошибками в проведении переоценки основных фондов в 1925 г. и впоследствии только увеличивались [см. подробнее: Ханин, 1991, с. 92]. В 1938 г. в советской экономической литературе появились публикации экономистов с указанием на отдельных примерах на огромную недооценку основных фондов [Там же, с. 93–94]. Лишь в предыдущем томе авторы информировали о письме сотрудника ЦУНХУ Черкасского на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. Андреева 8 декабря 1938 г. с указанием об огромных ошибках в оценке основных фондов [Davies, Khlevniuk, Wheatcroft, p. 390].

Преуменьшение стоимости основных фондов приводило к сильнейшему преувеличению темпов их роста, так что складывалось ложное впечатление о благополучии в этой области. Истинное положение в сфере воспроизводства основных фондов можно было ориентировочно определить на основании отраслевых данных о выполнении планов по вводу в действие производственных мощностей и об их динамике.

В своих докладах правительству Госплан СССР информировал о крайне неудовлетворительном положении с выполнением третьего

пятилетнего плана по вводу производственных мощностей во всех отраслях промышленности. Приведу данные по ведущим отраслям промышленности, почерпнутые из доклада о выполнении плана капитального строительства от 4 октября 1940 г. Мощность электростанций за первые три года пятилетки выросла на 2,9 млн кВт при плане прироста за всю пятилетку на 9,2 млн кВт [Индустриализация СССР, с. 63]. По угольной промышленности план по закладке новых шахт был выполнен на 36 % [Там же, с. 70]. По вводу в действие мощностей по первичной переработке нефти план был выполнен на 13 %. Из намеченных к вводу в действие 20 доменных печей за два года и восемь месяцев было введено в действие пять. Из 13–15 заводов искусственного каучука строились (только строились) шесть [Там же, с. 71–73]. Аналогичные данные приводились по другим отраслям промышленности.

Пока не будет посчитан реальный рост основных фондов за первые годы третьей пятилетки, можно сделать только качественный вывод, что он был невелик. Следовательно, незначителен был и прирост фондовооруженности работающих и обусловленной ею производительности труда, что вместе с незначительным ростом занятых определило, наряду с другими неблагоприятными факторами, медленный рост выпуска продукции в 1937–1940 гг. Между тем, по официальным данным, наблюдался огромный рост фондовооруженности, что объясняло высокие задания по повышению производительности труда и ее мнимый значительный рост, допускавший медленный рост занятости.

В свою очередь, низкий объем ввода в действие производственных мощностей объяснялся стагнацией занятых в строительстве и производстве строительных материалов. Так, объемы производства пиломатериалов в 1940 г. остались на уровне 1937 г., объемы производства цемента снизились на 1 % [Там же, с. 137, 138]. Дезориентированное ложной макроэкономической информацией советское руководство с огромным опозданием отреагировало стагнацией фонда потребления, удлинением рабочего дня и укреплением дисциплины труда и управления.

Уровень жизни населения

Вопросу об уровне жизни населения уделено в книге небольшое место по сравнению с его значимостью для характеристики состояния экономики, скорее всего, ввиду очевидности ответа на этот вопрос. Каких изменений в этой сфере можно было ожидать при низких темпах экономического роста и милитаризации экономики? Проблема усложнялась тем, что достоверные данные западных экономистов рассчитывались не по годам, а для всего периода 1937–1940 гг. Исследователям удалось убедительно показать общую динамику личного потребления населения в целом и на душу населения. Отмечаются заметный рост личного потребления в 1937 г. и его стагнация в 1938–1939 гг. в связи с милитаризацией экономики и неблагоприятными урожаями 1938–1939 гг.

Особенно показательны расчеты энергетического потребления продовольствия на душу населения, проведенные С. Уиткрофтом и С. Нефедовым по крестьянским хозяйствам и хозяйствам рабочих (р. 295). Они показывают довольно заметный рост потребления по сельским хозяйствам и неизменный уровень по хозяйствам рабочих в сравнении с 1937 г. С учетом безусловного роста потребления продовольствия в 1937 г. эти данные говорят о некотором росте душевого потребления продовольствия за весь период и об изменении соотношения потребления между обеими группами в сравнении со средними за 1925/1926–1926/1927 гг. В первый период душевое энергетическое потребление одного рабочего намного превышало душевое потребление одного сельского жителя. Во втором периоде соотношение поменялось на противоположное, что объясняет отсутствие заметного притока работающих в города из сельской местности в 1937–1939 гг. и меры государства по сдерживанию доходов сельского населения в 1938–1939 гг. Возникает вопрос о соответствии роста потребления этих двух групп населения с общим производством продовольствия. Так, например, в этот период произошел значительный рост производства мяса с 797,3 тыс. т в 1937 г. до 1321,3 тыс. т в 1939 г. [Индустриализация СССР, с. 140]. Такой же вопрос возникает в отношении потребления непродовольственных товаров, которое по ряду позиций заметно выросло в душевом выражении [Там же, с. 139] при стабильности доли непродовольственных товаров в расходах сельского и городского населения. Авторы не дают объяснения этому феномену. Частичное объяснение дает Елена Осокина: в этот период значительно выросла доля вне рыночного потребления продовольственных и непродовольственных товаров [Осокина, с. 184–185].

При рассмотрении уровня жизни населения авторы немалое место отводят товарному дефициту. Это присущее командной экономике явление в указанный период получило особенно большие размеры по сравнению с 1937 г. Авторы объясняют его несбалансированностью товарной и денежной массы и негибкостью системы ценообразования в розничной торговле. Это справедливо, но далеко не полностью объясняет данное явление. Оно наряду с увеличением доли нерыночного потребления потребительских товаров объясняется особенностями распределения рыночных фондов. Из пропагандистских соображений, удобства правящей верхушки страны и в целях контроля за социальной ситуацией в самых крупных городах огромная часть рыночных фондов оставалась в Москве и Ленинграде. Осокина приводит поистине шокирующие данные: «В столице проживало немногим более 2 % населения, но в 1939–1940 гг. она получала около 40 % мяса и яиц, более четверти всех рыночных фондов жиров, сыра, шерстяных тканей, порядка 15 % сахара, рыбы, крупы, макарон, керосина, швейных изделий, шелковых тканей, резиновой обуви, трикотажа... Ленинград жил скромнее Москвы, но тоже занимал

особое место в ряду городов. В 1939–1940 гг. он получал пятую часть рыночных фондов мяса, жиров, яиц... Москва и Ленинград «съедали» более половины рыночного фонда, хотя в них жило лишь несколько процентов населения» [Там же, с. 192]. Если сюда добавить другие привилегированные территории (столицы союзных республик, города Донбасса и Кузбасса), то станет понятно отчаянное положение в снабжении потребительскими товарами остальных городов России и села в период кризисов. Но и в Москве и Ленинграде свирепствовали товарный дефицит и были огромные очереди, так как значительная часть товарных фондов в этих городах оседала у привилегированной части населения (номенклатурных работников, работников торговли и общественного питания).

Характеризуя уровень жизни населения, авторы обошли вниманием обеспеченность населения жильем, как и вопросы жилищного строительства. Это, кстати, касается и предыдущих томов. Нет нужды доказывать, что обеспеченность жильем и качество коммунальных услуг – важнейшие элементы уровня жизни, особенно с учетом миграции населения.

В пятилетних планах задания по жилищно-коммунальному хозяйству содержались, а вот в отчетах об их выполнении о них «забывали» сообщить. Не сообщал о них и Сталин в отчетных докладах съездам партии. Этому могла быть только одна причина – систематическое невыполнение этих планов в пользу возрастания планов по производственному и оборонному строительству. В результате обеспеченность городского населения жильем оставалась на крайне низком уровне: 7 м² общей жилой площади на душу городского населения (как в 1913 г.). С учетом огромной разницы в обеспеченности жильем номенклатуры и остального населения жилищная теснота основной части населения была чудовищной. Столь же крайне низкой оказалась обеспеченность городского населения коммунальными услугами. На 923 города в 1939 г. намечалось по плану второй пятилетки обеспечить водопроводом 440 (вместо 366 в 1932 г.), канализацией – 125 вместо 55 в 1932 г. [Директивы КПСС, с. 405]. Таким образом, даже по плану большинство городов оставались без водопровода и канализации. Еще более скромные задания по приросту намечались по плану третьей пятилетки: водопровод – в 50 городах, канализация в – 45 городах [Там же, с. 580].

Единственной сферой благосостояния населения, в которой до войны отмечалось улучшение, авторы считают здравоохранение. Благодаря широкому развитию этой сферы до войны удалось значительно снизить смертность населения (кроме голода в 1933 г. и репрессий 1937–1938 гг.) и увеличить ожидаемую продолжительность жизни. Смертность детей в возрасте до одного года сократилась на 1 тыс. родившихся с 208 в 1934 г. до 184 в 1937 г. и 168 в 1939 г., а ожидаемая продолжительность жизни – с 38,2 года в 1934 г. до 39,9 в 1937 г. и 43,6 года в 1939 г. (р. 400).

Реформирование советской экономики

Авторы справедливо отмечают выявившиеся уже в 1930-е гг. серьезные дефекты командной экономики: это оторванность покупателей от производителей, приводящая к пренебрежению нуждами потребителей, незаинтересованность в эффективном использовании производственного потенциала, слабая восприимчивость к инновациям (р. 357). Вследствие этих дефектов напрашивалось решение реформировать ее в направлении децентрализации и восприятия элементов рыночной экономики. Такая попытка в отношении снабжения оборудованием строек тяжелой промышленности в конце 1932 г. привела к полной дезорганизации обеспечения этими видами оборудования и их производства (р. 338). Эти и другие аналогичные попытки были отвергнуты, и авторы справедливо считают, что, исходя «из их целей, Сталин и Молотов сделали правильный выбор» (Ibid.). Далее они уточняют, о каких целях идет речь: «Когда вождям предлагался шанс сделки между уменьшением власти ради большей производительности или большей эффективности экономики, они выбирали власть» (р. 339). Здесь уместно добавить, что речь идет не только о личной власти, но и о руководстве партии и сохранении советской власти. Обращаю внимание, что это решение диктовалось не только политическими соображениями. Попытки децентрализации в сфере промышленности имели катастрофические экономические последствия.

Положительное влияние имели разукрупнение промышленных наркоматов и образование Наркомата строительства СССР, что позволило более квалифицированно руководить промышленностью и строительством. Важное значение для определения реальной себестоимости продукции в промышленности и повышения качества ремонта имело повышение в январе 1938 г. норм амортизационных отчислений [Директивы КПСС, с. 530–531]. Хотя официальной целью постановления объявлялось повышение качества ремонта, фактически оно частично учитывало разницу между восстановительной и балансовой стоимостью основных фондов. Положительное влияние на укрепление трудовой дисциплины имело введение в декабре 1938 г. трудовых книжек и проведение ряда других мероприятий по упорядочению трудовой дисциплины [Там же, с. 544–553]. Распространению передового опыта ведения сельского хозяйства способствовало решение об организации Всесоюзной сельскохозяйственной выставки [Там же, с. 554–557] и ее открытие в сентябре 1939 г. Первое мероприятие было жестким, но необходимым, второе важно было для передачи передового опыта. Хотя в нем был немалый элемент пропаганды.

* * *

Седьмой том исследования Р. Дэвиса и его коллег существенно обогащает знания исследователей и понимание ими важного периода предвоенной советской экономической истории, который, в отличие от периода первой и второй пятилеток, недостаточно анализировался

советскими и зарубежными экономистами. И хотя авторы приложили много усилий, чтобы этот анализ оказался убедительным, по сравнению с предыдущими шестью томами седьмой выглядит не столь фундированным. В нем не нашли отражения многие важные аспекты экономического развития. Помимо упомянутых выше, отмечу еще финансы, которые в предыдущих томах анализировались качественно. Отсутствует анализ процесса внедрения новой техники в гражданских отраслях экономики и качества продукции. Зарубежным, и особенно российским ученым предстоит продолжить и углубить этот анализ. В связи с неудачами постсоветского экономического развития растет внимание к советскому периоду, больше всего как раз к 1930-м гг., когда был совершен экономический рывок и ценой огромных экономических и человеческих жертв СССР из аграрной и слабой в военном отношении страны превратился в мощную промышленную и военную державу. Есть соблазн повторить этот опыт, и очень важно знать, какие проблемы встанут на этом пути.

Том завершается пронзительным по эмоциональности и искренности послесловием, подводящим итог 60-летней научной работы: «Советская экономика, которая возникла к 1940 г., фундаментально отличалась от новой цивилизации, которую я начал исследовать. Я продолжал придерживаться первоначальной позиции, когда писал о начале 1930-х гг. Но по мере того, как моя работа продвигалась и мои знания о конце 1930-х гг. становились более подробными и достоверными, стало ясно, что советская система, несмотря на то, что она сыграла большую роль в разгроме фашизма, ни в коем случае не является новой цивилизацией или социалистическим обществом, это репрессивный режим, в котором насилие и тирания играли основную роль. Моя ранняя концепция всего хода советской истории оказалась фундаментально ошибочной» (р. 346). Это могли бы сказать и многие другие западные гуманитарии, не замечавшие в 1930-е гг. в условиях глубокого экономического кризиса и роста опасности фашизма пороков советской модели.

Список литературы

- Вознесенский Н. А.* Избранные произведения. М. : Политиздат, 1979. 606 с.
- Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам : в 4 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 2. 888 с.
- Индустриализация СССР. 1938–1941 : Документы и материалы. М. : Наука, 1973. 423 с.
- Кротов Н.* Жизнь и удивительные приключения банкира Виктора Геращенко, рассказанные им самим. М. : АНО «Экон. летопись», 2010. 583 с.
- Осокина Е.* За фасадом «сталинского изобилия». М. : РОССПЭН, 1999. 268 с.
- Ханин Г. И.* Динамика экономического развития СССР. Новосибирск : Наука, 1991. 269 с.
- Ханин Г. И.* Экономическая история СССР в новейшее время : в 2 т. Новосибирск : Новосиб. технич. ун-т, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 1930-х годов – 1987 год. 516 с.
- Ханин Г. И.* Произведения Р. Дэвиса по истории советской экономики и общества // Клио. 2015. № 8 (104). С. 41–48.

Davies R. W. *The Industrialization of Soviet Russia* : [7 vols]. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. L. : Macmillan Press, 1996. 612 p.

Davies R. W., Khlevniuk O., Wheatcroft S. G. *The Industrialization of Soviet Russia* : [7 vols]. Vol. 6. The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936. L. : Macmillan Press, 2014. 496 p.

Davies R. W., Harrison M., Khlevniuk O., Wheatcroft S. G. *The Industrialization of Soviet Russia* : [7 vols]. Vol. 7. The Soviet Economy and the approach of War, 1937–1939. L. : Macmillan Press, 2018. 439 p.

The Economics of World War 2. Six Great Powers in International Comparison / ed. by M. Harrison. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. 307 p.

References

Davies, R. W. (1996). *The Industrialization of Soviet Russia. [7 vols]. Vol. 4. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933*. L., Macmillan Press. 612 p.

Davies, R. W., Harrison, M., Khlevniuk, O., Wheatcroft, S. G. (2018). *The Industrialization of Soviet Russia. [7 vols]. Vol. 7. The Soviet Economy and the Approach of War, 1937–1939*. L., Macmillan Press. 439 p.

Davies, R. W., Khlevniuk, O., Wheatcroft, S. G. (2014). *The Industrialization of Soviet Russia. [7 vols]. Vol. 6. The Years of Progress: The Soviet Economy, 1934–1936*. L., Macmillan Press. 496 p.

Direktivy KPSS i sovetskogo pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam v 4 t. [Directives of the CPSU and the Soviet Government on Economic Issues. 4 Vols.]. (1957). Moscow, Gospolitizdat. Vol. 2. 888 p.

Harrison, M. (Ed.). (1999). *The Economics of World War 2. Six Great Powers in International Comparison*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 307 p.

Industrializatsiya SSSR. 1938–1941. Dokumenty i materialy [Industrialization of the USSR. 1938–1941. Documents and Materials]. (1973). Moscow, Nauka. 423 p.

Khanin, G. I. (1991). *Dinamika ekonomicheskogo razvitiya SSSR* [Dynamics of the Economic Development of the USSR]. Novosibirsk, Nauka. 269 p.

Khanin, G. I. (2008). *Ekonomicheskaya istoriya SSSR v noveishee vremya v 2 t.* [Economic History of the USSR in Recent Times. 2 Vols.]. Novosibirsk, Novosibirskii tekhnicheskii universitet. Vol. 1. *Ekonomika SSSR v kontse 1930-kh godov – 1987 god*. 516 p.

Khanin, G. I. (2015). *Proizvedeniya R. Davisa po istorii sovetskoi ekonomiki i obshchestva* [R. Davies' Works on the History of the Soviet Economy and Society]. In *Klio*. No. 8 (104), pp. 41–48.

Krotov, N. (2010). *Zhizn' i udivitel'nye priklyucheniya bankira Viktora Gerashchenko, rasskazannye im samim* [The Life and Extraordinary Adventures of the Banker Victor Gerashchenko, Told by Himself]. Moscow, ANO "Ekonomicheskaya letopis". 583 p.

Osokina, E. (1999). *Za fasadom "stalinskogo izobilija"* [Behind the Façade of "Stalin's Abundance"]. Moscow, ROSSPEN. 268 p.

Voznesenskii, N. A. (1979). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Politizdat. 606 p.

The article was submitted on 11.11.2020

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Анисимов Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал); главный научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

190121, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.

197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7.

ORCID 0000-0001-9093-586X

vbrevis@yandex.ru

Антошин Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-6093-2219

alex_antoshin@mail.ru

Баженова Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.

ORCID 0000-0002-9899-8408

bazhenova_e2000@mail.ru

Базарова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, заведующий научно-историческим архивом, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7.

ORCID 0000-0001-9380-5921

tbazarova@yandex.ru

Бельская Евгения Вячеславовна, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ORCID 0000-0001-9659-1631

evgenia.belskaja@yandex.ru

Вершинин Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; старший преподаватель, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

ORCID 0000-0001-5206-8013

averchinine@gmail.com

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-9471-0091
evishlenkova@mail.ru

Вырупаева Анна Павловна, кандидат исторических наук, доцент, Международного института дизайна и сервиса. 454014, Россия, Челябинск, ул. Ворошилова, 12.
ORCID 0000-0002-9332-2206
annavyrupaeva@yandex.ru

Горак Артур, доктор исторических наук, доцент, Университет Марии Кюри-Склодовской. 20031, Польша, Люблин, ул. Марии Кюри-Склодовской, 5.
ORCID 0000-0002-1964-9008
artur.gorak@umcs.lublin.pl

Жидченко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН. 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.
ORCID 0000-0002-2948-4008
zhidchenko220689@yandex.ru

Запарий Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.
ORCID 0000-0002-1101-821X
zapary.iulia@urfu.ru

Затравкин Сергей Наркизович, доктор медицинских наук, профессор, Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья; главный научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 105064, Россия, Москва, ул. Воронцово поле, 12, стр. 1.
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-2930-1873
zatravkine@mail.ru

Латавец Кшиштоф, доктор исторических наук, профессор, Университет Марии Кюри-Склодовской. 20031, Польша, Люблин, ул. Марии Кюри-Склодовской, 5.
ORCID 0000-0003-2741-162X
krzysztof.latawiec@mail.umcs.pl

Лукашевич Славомир, доктор исторических наук, профессор, Католический университет Люблина имени Иоанна Павла II. 20-950, Польша, Люблин, Al. Raławickie, 14.
ORCID 0000-0002-2724-545X
lukaslaw@gmail.com

Магадеев Искандэр Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО Университет).

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

ORCID 0000-0002-6521-2202

iskander2017@yandex.ru

Меньшиков Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, заведующий лабораторией сравнительных исследований толерантности и признания, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0003-1070-2551

asmenshikov@urfu.ru

Меньщикова Анна Манасовна, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-2084-9912

menanman@inbox.ru

Мосейкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Российский университет дружбы народов.

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

ORCID 0000-0001-9279-4079

moseykina-mn@rudn.ru

Паниотова Таисия Сергеевна, доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет.

344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

ORCID 0000-0003-2529-9216

tspaniotova@mail.ru

Полякова Ирина Геннадьевна, научный сотрудник, Межрегиональный институт общественных наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-9619-2152

irinapolykova@yandex.ru

Проскурякова Мария Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН.

197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7.

ORCID 0000-0003-3000-999X

m-proskuryakova@mail.ru

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН.

119334, Россия, Москва, Ленинский пр., 32а.

ORCID 0000-0001-6295-3331

pushkarev@mail.ru

Романенко Максим Андреевич, ассистент, Южный федеральный университет.

344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

ORCID 0000-0001-6018-767X

maks291193@gmail.com

Садовский Якуб, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, директор Института восточнославянской филологии, Ягеллонский университет.

31-007, Польша, Краков, ул. Gołębia, 24.

ORCID 0000-0002-2109-4451

jakub.sadowski@uj.edu.pl

Смирнов Сергей Викторович, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0001-9283-8166

smirnov_sergei@mail.ru

Соболева Лариса Степановна, доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала *Quaestio Rossica*, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Сыманюк Эльвира Эвальдовна, доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-7591-7230

e.e.symaniuk@urfu.ru

Тромли Бенджамен Кимбро, PhD, профессор, Университет Пьюджет-Саунда.

98416, США, Такома, Вашингтон, N. Warner Str., 1500.

ORCID 0000-0001-5500-092X

btromly@pugetsound.edu

Турьшева Ольга Наумовна, доктор филологических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

ORCID 0000-0002-3014-6153

oltur3@yandex.ru

Ханин Григорий Исаакович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

630102, Россия, Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

khanin@yandex.ru

Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.
ORCID 0000-0001-8469-2590
m.khodyakov@spbu.ru

Холматов Темурмалик Комилджонович, аспирант, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20.
ORCID 0000-0002-2975-1647
timur.kholmatoff@yandex.ru

Христенко Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный медицинский университет.
150000, Россия, Ярославль, ул. Революционная, 5.
ORCID 0000-0002-6221-8991
khristenko1983@mail.ru

Anisimov Evgenii, Dr. Hab. (History), Professor, HSE University (St Petersburg Branch); Chief Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
16, Soyuza Pechatnikov Str., 190121, St Petersburg, Russia.
7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0001-9093-586X
vbrevis@yandex.ru

Antoshin Alexey, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
ORCID 0000-0002-6093-2219
alex_antoshin@mail.ru

Bazarova Tatiana, PhD (History), Chief of the Historical Archive, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.
ORCID 0000-0001-9380-5921
tbazarova@yandex.ru

Bazhenova Elena, Dr. Hab. (Philology), Professor, Perm State National Research University.
15, Bukirev Str., 614990, Perm, Russia.
ORCID 0000-0002-9899-8408
bazhenova_e2000@mail.ru

Belskaia Evgeniia, PhD Student, HSE University.
20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0001-9659-1631
evgenia.belskaja@yandex.ru

Górak Artur, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Maria Curie-Skłodowska University.

5, Plac Marie Curie-Skłodowskiej, 20031, Lublin, Poland.

ORCID 0000-0002-1964-9008

artur.gorak@umcs.lublin.pl

Khanin Grigory, Dr. Hab. (Economics), Leading Researcher, Siberian Institute of Management “The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”.

6, Nizhegorodskaya Str., 630102, Novosibirsk, Russia.

khanin@yandex.ru

Khodyakov Mikhail, Dr. Hab. (History), Professor, St Petersburg State University. 7/9, Universitetskaya Embankment, 199034, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0001-8469-2590

m.khodyakov@spbu.ru

Kholmatov Temurmalik, PhD Student, Research Assistant, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-2975-1647

timur.kholmatoff@yandex.ru

Khristenko Dmitrii, PhD (History), Associate Professor, Yaroslavl State Medical University.

5, Revolutsionnaya Str., 150000, Yaroslavl, Russia.

ORCID 0000-0002-6221-8991

khristenko1983@mail.ru

Latawiec Krzysztof, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Maria Curie-Skłodowska University.

5, Plac Marie Curie-Skłodowskiej, 20031, Lublin, Poland.

ORCID 0000-0003-2741-162X

krzysztof.latawiec@mail.umcs.pl

Łukasiewicz Sławomir, Dr. Hab. (History), Professor, John Paul II Catholic University of Lublin.

14, Al. Raławickie, 20-950, Lublin, Poland.

ORCID 0000-0002-2724-545X

lukaslaw@gmail.com

Magadeev Iskander, PhD (History), Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University).

76, Vernadsky Ave., 119454, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-6521-2202

iskander2017@yandex.ru

Menschikova Anna, PhD (Philology), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-2084-9912

menanman@inbox.ru

Menshikov Andrey, PhD (Philosophy), Head of the Research Center for Comparative Studies of Toleration and Recognition, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0003-1070-2551

asmenshikov@urfu.ru

Moseykina Marina, Dr. Hab. (History), Head of the Department of History of Russia, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

6, Miklukho-Maklay Str., 117198, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0001-9279-4079

moseykina-mn@rudn.ru

Paniotova Taisia, Dr. Hab. (Philosophy), Professor, Southern Federal University.

105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia.

ORCID 0000-0003-2529-9216

tspaniotova@mail.ru

Polyakova Irina, Research Fellow, Interregional Institute of Social Sciences, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-9619-2152

irinapolykova@yandex.ru

Proskuryakova Maria, PhD (History), Senior Researcher, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

7, Petrozavodskaya Str., 197110, St Petersburg, Russia.

ORCID 0000-0003-3000-999X

m-proskuryakova@mail.ru

Pushkareva Natalia, Dr. Hab. (History), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Ethnic and Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0001-6295-3331

pushkarev@mail.ru

Romanenko Maxim, Assistant, Southern Federal University.

105/42, Bolshaya Sadovaya Str., 344006, Rostov-on-Don, Russia.

ORCID 0000-0001-6018-767X

maks291193@gmail.com

Sadowski Jakub, Dr. Hab. (History), PhD (Philology), Director of the Institute of Eastern Slavonic Studies, Jagiellonian University.

24, Gołębia Str., 31-007, Kraków, Poland.

ORCID 0000-0002-2109-4451

jakub.sadowski@uj.edu.pl

Smirnov Sergey, Dr. Hab. (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0001-9283-8166

smirnov_sergei@mail.ru

Soboleva Larisa, Dr. Hab. (Philology), Professor, Editor-in-Chief of *Quaestio Rossica* Journal, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-0694-6687

l.s.soboleva@mail.ru

Symaniuk Elvira, Dr. Hab. (Psychology), Head of the Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-7591-7230

e.e.symaniuk@urfu.ru

Tromly Benjamin Kimbrough, PhD, Professor, University of Puget Sound.

1500, N. Warner Str., 98416, Tacoma, Washington, USA.

ORCID 0000-0001-5500-092X

btromly@pugetsound.edu

Turysheva Olga, Dr. Hab. (Philology), Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-3014-6153

oltur3@yandex.ru

Vershinin Aleksandr, PhD (History), Senior Researcher, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; Senior Lecturer, Moscow State University.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

1, Leninskie Gory, 119991, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0001-5206-8013

averchinine@gmail.com

Vishlenkova Elena, Dr. Hab. (History), Professor, HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-9471-0091

evishlenkova@mail.ru

Vyrupaeva Anna, PhD (History), Associate Professor, International Institute of Design and Service.

12, Voroshilov Str., 454014, Chelyabinsk, Russia.

ORCID 0000-0002-9332-2206

annavyrupaeva@yandex.ru

Zaparyi Julia, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

19, Mira Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.

ORCID 0000-0002-1101-821X

zapary.iulia@urfu.ru

Zatravkin Sergei, Dr. Hab. (Medicine), Professor, National Research Institute of Public Health, Chief Researcher, HSE University.

1 bldg., 12, Vorontsovo Pole Str., 105064, Moscow, Russia.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-2930-1873

zatravkine@mail.ru

Zhidchenko Alexander, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

32a, Leninsky Ave., 119334, Moscow, Russia.

ORCID 0000-0002-2948-4008

zhidchenko220689@yandex.ru

СОКРАЩЕНИЯ ABBREVIATIONS

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
AVP RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii

ГААОСО – Государственный архив административных органов
Свердловской области
GAAOSO – Gosudarstvennyi arkhiv administrativnykh organov Sverdlovskoi
oblasti

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii

ГАХК – Государственный архив Хабаровского края
GAKHK – Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia

ДАОО – Державний архів Одеської області
DAOO – Derzhavnii arkhiv Odes'koї oblasti

ДАХО – Державний архів Хмельницької області
DAKhO – Derzhavnii arkhiv Khmel'nits'koї oblasti

ДВП СССР – Документы внешней политики СССР
DVP SSSR – Dokumenty vneshnei politiki SSSR

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
OR RGB – Otdel rukopisei Rossiskoi gosudarstvennoi biblioteki

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
RGANI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической
истории
RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii

РГАЭ – Российский государственный архив экономики
RGAE – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki

РГВА – Российский государственный военный архив
RGVA – Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
TsGA SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-
политических документов Санкт-Петербурга
TsGAIPD SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskikh
dokumentov Sankt-Peterburga

Abbreviations

- AN – Archives Nationales de la France
- APL – Archiwum Państwowe w Lublinie
- BAR – Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture
- DBFP – Documents on British Foreign Policy
- DDF – Documents diplomatiques français
- FRUS – Foreign Relations of the United States
- HIA – Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace
- LVIA – Lietuvos valstybės istorijos archyvas
- LVVA – Latvijas valsts vēstures arhīvs
- MRC – Museum of Russian Culture
- TNA – The National Archives of Great Britain
- UNA – United Nations Archives and Records Management

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 10, 2022, № 2

Редакторы *Е. Березина*
А. Попович
Верстка *А. Матвеев*

Editors *Ekaterina Berezina*
Alexey Popovich
Imposition *Alexey Matveev*

Распространяется бесплатно

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1 федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013.
Учредитель – ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 01.07.2022. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 35,5. Усл. печ. л. 33,0.
Тираж 500 экз. Заказ № 129.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru